UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 01093447 9

LR.C
A8651n

Afanas'ev, Aleksandr Nikolaevich

А.Н. АѳАНАСЬЕВЪ

НАРОДНЫЯ РУССКІЯ СКАЗКИ И ЛЕГЕНДЫ

ТОМЪ II

MICROFILMED BY
UNIVERSITY OF TORONTO
LIBRARY
MASTER NEGATIVE NO.:
930121

465181
15.8.47

БЕРЛИНЪ 1922
Издательство И.П.Ладыжникова

A

PG
3115
A37
1922
t. 2

Типографія Шпамера въ Лейпцигѣ

СКАЗКИ

131
Гусли-самогуды

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ мужикъ, а у этого мужика былъ сынъ. Мужика звали Алексѣемъ, а сына Ванькою. Вотъ приходитъ лѣто, Алексѣй спахалъ землю и посѣялъ рѣпу. И такая-то хорошая уродилась рѣпа, да большая, да крупная, что и Господи! Радъ мужикъ, каждое утро ходитъ на́ поле, любуется рѣпкою да Бога благодаритъ. Одинъ разъ примѣтилъ онъ, что кто-то воруетъ у него рѣпу, и началъ караулить; караулилъ-караулилъ — нѣтъ никого! Посылаетъ онъ Ваньку: «Поди ты, присмотри за рѣпою». Приходитъ Ванька въ поле, смотритъ — а какой-то мальчикъ рѣпу роетъ, наклалъ два мѣшка, да такіе больші́е, что и ну! взвалилъ ихъ, сердешной, на́ спину, насилу тащитъ — ноги такъ и подгибаются, инда спина хруститъ! Вотъ мальчикъ тащилъ-тащилъ, невмоготу вишь́ стало, бросилъ мѣшки на́земь, глядь — а передъ нимъ стоитъ Ванька. «Сдѣлай милость, доброй человѣкъ! пособи мнѣ дотащить мѣшки до́ дому; дѣдушка подаритъ тебя, пожалуетъ». А Ванька какъ увидалъ мальчика, такъ и съ мѣста не тронется, вытаращилъ на него глаза да все и смотритъ, пристально смотритъ; послѣ очнулся и говоритъ ему: «Ништо, хорошо!» Взвалилъ Ванька на плеча два мѣшка съ рѣпою и пошёлъ за мальчикомъ, а мальчикъ

впереди бѣжитъ, припрыгиваетъ, и говоритъ: «Меня дѣдушка кажной день посылаетъ за рѣпою. Коли ты будешь носить ему, онъ дастъ тебѣ много серебра и золота; только ты не бери, а проси гусли-самогуды». Вотъ ладно, пришли они въ избу; въ углу сидитъ сѣдой старикъ съ рогами. Ванька поклонился. Старикъ даетъ ему комокъ золота за работу; у Ваньки глаза разгорѣлись, а мальчикъ шепчетъ: не бери! «Не надо, баетъ Ванька: дай мнѣ гусли-самогуды, и вся рѣпа твоя». Какъ сказалъ онъ про гусли-самогуды, у старика глаза на вершокъ выкатились, ротъ до ушей раскрылся, а рога такъ на лбу и запрядали. Ваньку страхъ взялъ; а мальчикъ и говоритъ: «Подари, дѣдушка!» — «Многаго хошь! ну, да такъ и быть: бери себѣ гусли, только отдай мнѣ то, что тебѣ дома всего дороже». Ванька думаетъ: домишка нашъ чуть въ землю не вросъ; чему тамъ быть дорогому! «Согласенъ!» говоритъ; взялъ гусли-самогуды и пошелъ домой. Приходитъ, а отецъ его мертвой на порогѣ сидитъ. Погоревалъ, поплакалъ, похоронилъ отца, и пошелъ искать счастья.

Добрался до одного большого города, гдѣ жилъ да былъ великой государь. Супротивъ дворца было поле, на томъ полѣ свиньи паслись. Ванька подошелъ къ пастуху, купилъ у него свиней и началъ пасти. Какъ только заиграетъ онъ въ гусли-самогуды, сейчасъ все стадо и запляшетъ! Вотъ однажды царя дома не случилося, царевна подсѣла къ окошечку, глядитъ — Ванька сидитъ на пенёчкѣ да играетъ въ гусли-самогуды, а передъ нимъ свиньи пляшутъ. Посылаетъ царевна свою дѣвушку, проситъ у пастуха продать ей хоть одну свинку. Ванька говоритъ: «Пусть сама прійдетъ!» Приходитъ царевна: «Пастухъ, пастухъ! продай мнѣ свинку». — «У меня свинки не продажныя, а завѣтныя». — «А какой завѣтъ?» — «Да коли угодно, царевна,

свинку получить, такъ покажи мнѣ свое бѣлое тѣло до колѣнъ». Царевна подумала-подумала, поглядѣла на всѣ на четыре стороны — никого нѣтъ; приподняла до колѣнъ платье, а у ней на правой ногѣ небольшое родимое пятнышко. Отдалъ пастухъ свинку, царевна велѣла привести ее во дворецъ, собрала музыкантовъ и заставила играть. Хочется посмотрѣть, какъ будетъ свинка выплясывать; а свинка только по угламъ прячется, визжитъ да хрюкаетъ . . .

Пріѣхалъ царь, и вздумалъ отдавать свою дочь замужъ. Созываетъ онъ всѣхъ бояръ и вельможъ, и купцовъ и крестьянъ; съѣзжаются къ нему изъ чужихъ земель короли и королевичи и всякіе люди. «Кто узнаетъ, говоритъ царь: на моей дочкѣ примѣты — за того и замужъ отдамъ». Никто не могъ разузнать; какъ ни старались, какъ ни добивались, ничего не провѣдали. Вотъ напослѣдяхъ вызвался Ванька: я де узнаю, и сказалъ, что у царевны на правой ногѣ есть небольшое родимое пятнышко. «Угадалъ!» говоритъ царь, взялъ повѣнчалъ его на своей дочери и задалъ пиръ на цѣлой міръ. Сдѣлался Ванька царскимъ зятемъ и зажилъ припѣваючи.

Записана въ Оренбургской губ.

132
Царевна, разрѣшающая загадки

Жилъ-былъ старикъ; у него было три сына, третей-етъ Иванъ-дуракъ. Какой-то былъ тогда царь — это давно ужъ было; у него была дочь. Она и говоритъ отцу: «Позволь мнѣ, батюшко, отгадывать загадки; если у ково отгадаю загадки, тому чтобы голову ссикли, а не отгадаю — за того пойду замужъ». Тотчасъ сдѣлали кличъ; многи являлись, всѣхъ казнили: царевна отга-

дывала загадки. Иванъ-дуракъ говоритъ отцу: «Благословляй, батюшко! я пойду къ царю загадывать загадки!» — «Куда ты, дуракъ! и лучше-то тебя, да казнятъ!» — «Благословишь — пойду, и не благословишь — пойду!» Отецъ благословилъ; Иванъ-дуракъ поѣхалъ, видитъ: по дорогѣ хлѣбъ, въ хлѣбѣ лошадь; онъ выгналъ ее кнутикомъ, чтобы не отаптывала, и говоритъ: «Вотъ загадка есть!» Ѣдетъ дальше, видитъ змѣю, взялъ ее, закололъ копьёмъ и думаетъ: «Вотъ другая загадка!»

Пріѣзжатъ къ царю; ево приняли и велятъ загадывать загадки. Онъ говоритъ: «Ѣхалъ я къ вамъ, вижу на дорогѣ добро, въ добрѣ-то добро-жо, я взялъ добро-то, да добромъ изъ добра и выгналъ; добро отъ добра и изъ добра убѣжало». Царевна хватила книжку, смотритъ: нѣту этой загадки; не знатъ разгадать и говоритъ отцу: «Батюшко! у меня севодни головушка болитъ, мысли помѣшались; я завтра разгадаю». Отложили до завтра. Ивану-дураку отвели комнату. Онъ вечеромъ сидитъ, покуриватъ трубочку; а царевна выбрала вѣрную горнишну, посылатъ ее къ Ивану-дураку: «Поди, говоритъ, спроси у нево, что это за загадка; сули ему злата и серебра, чево угодно». Горнишна приходитъ, стучится; Иванъ-дуракъ отпёръ двери, она вошла и спрашиватъ загадку, сулитъ горы золота и серебра. Иванъ-дуракъ и говоритъ: «На что мнѣ деньги! у меня своихъ много. Пусть царевна простоитъ всю ночь не спавши въ моей горницѣ, дакъ скажу загадку». Царевна услышала это, согласилась, стояла всю ночь — не спала. Иванъ-дуракъ утромъ сказалъ загадку, что выгналъ изъ хлѣба лошадь. И царевна разгадала. Иванъ-дуракъ сталъ другую загадывать: «Ѣхалъ я къ вамъ, на дорогѣ вижу зло, взялъ ево да зломъ и ударилъ: зло отъ зла и умерло». Царевна опять хватила книжку, не можетъ разгадать загадку, и отпроспилась до утра. Вечеромъ посылатъ

горницну узнать у Ивана-дурака загадку: «Сули, говоритъ, ему денегъ!» — «На что мнѣ деньги! у меня своихъ много, отвѣчаетъ Иванъ-дуракъ: пусть царевна простоитъ ночь не спавши, тогда скажу загадку». Царевна согласилась, не спала ночь и загадку разгадала.

Третью загадку Иванъ-дуракъ такъ не сталъ загадывать, а велѣлъ собрать всѣхъ сенаторовъ и загадалъ, какъ царевна не умѣла отгадывать тѣ загадки и посылала къ нему горницну подкупать на деньги. Царевна не могла догадаться и этой загадки; опять къ нему спрашивать — сулила серебра и золота, сколько угодно, и хотѣла отправить домой на прогонѣ. Не тутъ-то было! опять простояла ночь, не спавши; онъ какъ сказалъ ей, о чёмъ загадка — ей разгадывать-то нельзя: о ней, значитъ, узнаютъ, какъ и тѣ загадки она выпытывала у Ивана-дурака. И отвѣтила царевна: «не знаю». Вотъ веселымъ пиркомъ да и за свадебку: Иванъ-дуракъ женился на ней; стали жить да быть, и теперь живутъ.

Записана въ Пермской губ., Шадринскомъ округѣ, государственнымъ крестьяниномъ А. Зыряновымъ.

133
Вѣщій сонъ

Жилъ-былъ купецъ, у него было два сына: Дмитрій да Иванъ. Разъ, благословляя ихъ на ночь, сказалъ имъ отецъ: «Ну, дѣти! кому что во снѣ привидится — поутру мнѣ повѣдайте; а кто утаитъ свой сонъ, того казнить велю». Вотъ на утро приходитъ старшій сынъ и сказываетъ отцу: «Снилось мнѣ, батюшка, будто братъ Иванъ высоко леталъ по подпебесью на двѣнадцати орлахъ; да еще будто пропала у тебя любимая овца». — «А тебѣ, Ваня, что привидѣлось?» — «Не скажу!» отвѣчалъ Иванъ. Сколько отецъ ни принуждалъ его, онъ уперся и на всѣ увѣщанія одно твердилъ: «не скажу!» да «не

скажу!» Купецъ разсердился, позвалъ своихъ приказчиковъ и велѣлъ взять непослушнаго сына, раздѣть донага и привязать къ столбу на большой дорогѣ. Приказчики схватили Ивана и, какъ сказано, привязали его нагишомъ къ столбу крѣпко-накрѣпко. Плохо пришлось доброму молодцу: солнце печетъ его, комары кусаютъ, голодъ и жажда измучили. Случилось ѣхать по той дорогѣ молодому царевичу; увидалъ онъ купеческаго сына, сжалился и велѣлъ освободить его, нарядилъ въ свою одёжу, привезъ къ себѣ во дворецъ, и началъ разспрашивать: «Кто тебя къ столбу привязалъ?» — «Родной отецъ прогнѣвался». — «Чѣмъ же ты провинился?» — «Не хотѣлъ разсказать ему, что мнѣ во снѣ привидѣлось». — «Ахъ, какъ же глупъ твой отецъ! за такую бездѣлицу да такъ жестоко наказывать . . . А что тебѣ снилось?» — «Не скажу, царевичъ!» — «Какъ не скажешь? я тебя отъ смерти избавилъ, а ты мнѣ грубить хочешь? Говори сейчасъ, не то худо будетъ». — «Отцу не сказалъ, и тебѣ не скажу!» Царевичъ приказалъ посадить его въ темницу; тотчасъ прибѣжали солдаты и отвели его, раба Божьяго, въ каменной мѣшокъ.

Прошелъ годъ, вздумалъ царевичъ жениться, собрался и поѣхалъ въ чужедальнее государство свататься на Еленѣ Прекрасной. У того царевича была родная сестра, и вскорѣ послѣ его отъѣзда случилось ей гулять возлѣ самой темницы. Увидалъ ее въ окошечко Иванъ-купеческой сынъ и закричалъ громкимъ голосомъ: «Смилуйся, царевна! выпусти меня на волю; можетъ, и я пригожуся! Вѣдь я знаю, что царевичъ поѣхалъ на Еленѣ Прекрасной свататься; только безъ меня ему не жениться, а развѣ головой поплатиться. Чай, сама слышала, какая хитрая Елена Прекрасная и сколько жениховъ на тотъ свѣтъ спровадила». — «А ты берёшься помочь царевичу?» — «Помогъ бы, да крылья у сокола

связаны». Царевна тотчасъ же отдала приказъ выпустить его изъ темницы. Иванъ-купеческой сынъ набралъ себѣ товарищей, и было всѣхъ ихъ и съ Иваномъ двѣнадцать человѣкъ, а похожи другъ на дружку, словно братья родные — ростъ въ ростъ, голосъ въ голосъ, волосъ въ волосъ. Нарядились они въ одинаковые кафтаны, по одной мѣркѣ шитые, сѣли на добрыхъ коней и поѣхали въ путь-дорогу. Ѣхали день, и два, и три; на четвертый подъѣзжаютъ къ дремучему лѣсу, и послышался имъ страшной крикъ. «Стойте, братцы! говоритъ Иванъ: подождите немножко, я на тотъ шумъ пойду». Соскочилъ съ коня и побѣжалъ въ лѣсъ; смотритъ — на полянѣ три старика ругаются. «Здравствуйте, старые! изъ-за чего у васъ споръ?» — «Эхъ, младой юноша! получили мы отъ отца въ наслѣдство три диковинки: шапку-невидимку, коверъ-самолётъ и сапоги-скороходы; да вотъ уже семьдесятъ лѣтъ, какъ споримъ, а подѣлиться никакъ не можемъ». — «Хотите, я васъ раздѣлю?» — «Сдѣлай милость!» Иванъ-купеческой сынъ натянулъ свой тугой лукъ, наложилъ три стрѣлочки и пустилъ въ разныя стороны; одному старику велитъ направо бѣжать, другому — налѣво, а третьяго посылаетъ прямо: «Кто изъ васъ первой принесетъ стрѣлу, тому шапка-невидимка достанется; кто второй явится, тотъ коверъ-самолётъ получитъ; а послѣдній пусть возьметъ сапоги-скороходы». Старики побѣжали за стрѣлками; а Иванъ-купеческой сынъ забралъ всѣ диковинки и вернулся къ своимъ товарищамъ: «Братцы! говоритъ, пускайте своихъ добрыхъ коней на волю, да садитесь ко мнѣ на коверъ-самолётъ». Живо усѣлись всѣ на коверъ-самолётъ и полетѣли въ царство Елены Прекрасной; прилетѣли къ ея стольному городу, опустились у заставы, и пошли разыскивать царевича. Приходятъ на его дворъ.

«Что вамъ надобно?» спросилъ царевичъ. «Возьми насъ, добрыхъ молодцевъ, къ себѣ на службу; будемъ тебѣ радѣть и добра желать отъ чистаго сердца». Царевичъ принялъ ихъ на свою службу и распредѣлилъ — кого въ повара, кого въ конюхи, кого — куда. Въ тотъ же день нарядился царевичъ по праздничному и поѣхалъ представляться Еленѣ Прекрасной. Она его встрѣтила ласково, угостила всякими ѣствами и дорогими напитками, и потомъ стала спрашивать: «А скажи, царевичъ, по правдѣ, зачѣмъ къ намъ пожаловалъ?» — «Да хочу, Елена Прекрасная, за тебя посвататься; пойдешь ли за меня замужъ?» — «Пожалуй, я согласна; только выполни наперёдъ три задачи. Если выполнишь — буду твоя, а нѣтъ — готовь свою голову подъ острой топоръ». — «Задавай задачу». — «Будетъ у меня завтра, а что — не скажу; ухитрись-ка, царевичъ, да принеси къ моему незнаемому свое подъ пару». Воротился царевичъ на свою квартиру въ большой кручинѣ и печали. Спрашиваетъ его Иванъ-купеческой сынъ: «Что, царевичъ, не веселъ? али чѣмъ досадила Елена Прекрасная? Подѣлись своимъ горемъ со мною; тебѣ легче будетъ». — «Такъ и такъ, отвѣчаетъ царевичъ: задала мнѣ Елена Прекрасная такую задачу, что ни одинъ мудрецъ въ свѣтѣ не разгадаетъ». — «Ну, это еще небольшая бѣда! молись-ка Богу да ложись спать; утро вечера мудренѣе, завтра дѣло разсудимъ». Царевичъ легъ спать, а Иванъ-купеческой сынъ надѣлъ шапку-невидимку да сапоги скороходы и маршъ во дворецъ къ Еленѣ Прекрасной; вошелъ прямо въ почивальню и слушаетъ. Тѣмъ временемъ Елена Прекрасная отдавала такой приказъ своей любимой служанкѣ: «Возьми эту дорогую матерію и отнеси къ башмашнику; пусть сдѣлаетъ башмачокъ на мою ногу, да какъ можно скорѣе». Служанка побѣжала, куда приказано, а слѣ-

домъ за ней и Иванъ пошелъ. Мастеръ тотчасъ же за работу принялся, живо сдѣлалъ башмачокъ и поставилъ на окошко; Иванъ-купеческой сынъ взялъ тотъ башмачокъ и спряталъ потихоньку въ карманъ. Засуетился бѣдной башмашникъ — изъ-подъ носу пропала работа; ужъ онъ искалъ-искалъ, всѣ уголки обшарилъ — все понапрасну! «Вотъ чудо! думаетъ, никакъ нечистой со мной пошутилъ?» Нечего дѣлать, взялся опять за иглу, сработалъ другой башмачокъ и понёсъ къ Еленѣ Прекрасной. «Экой ты мѣшкотной! сказала Елена Прекрасная: сколько времени за однимъ башмакомъ провозился!» Сѣла она за рабочій столикъ, начала вышивать башмакъ золотомъ, крупнымъ жемчугомъ унизывать, самоцвѣтными камнями усаживать. А Иванъ тутъ же очутился, вынулъ свой башмачокъ, и самъ то же дѣлаетъ: какой она возьметъ камушекъ, такой и онъ выбираетъ; гдѣ она приткнетъ жемчужину, тамъ и онъ насаживаетъ. Кончила работу Елена Прекрасная, улыбнулась и говоритъ: «Съ чѣмъ-то царевичъ завтра покажется!» — «Подожди, думаетъ Иванъ: еще невѣдомо, кто кого перехитритъ!» Воротился домой и лёгъ спать; на зарѣ на утренней всталъ онъ, одѣлся, и пошелъ будить царевича, разбудилъ и даетъ ему башмачокъ: «Поѣзжай, говоритъ, къ Еленѣ Прекрасной и кажи башмачокъ — это ея первая задача!» Царевичъ умылся, принарядился, и поскакалъ къ невѣстѣ; а у ней гостей собрано полны комнаты — все бояре да вельможи, люди думные. Какъ пріѣхалъ царевичъ, тотчасъ заиграла музыка, гости съ мѣстъ повскакивали, солдаты на караулъ сдѣлали. Елена Прекрасная вынесла башмачокъ, крупнымъ жемчугомъ унизанной, самоцвѣтными камнями усаженной; а сама глядитъ на царевича, усмѣхается. Говоритъ ей царевичъ: «Хорошъ башмакъ, да безъ пары ни на что не пригоденъ! Видно, подарить

тебѣ другой такой же!» Съ этимъ словомъ вынулъ онъ изъ кармана другой башмачокъ и положилъ его на столъ. Тутъ всѣ гости въ ладоши захлопали, въ одинъ голосъ закричали: «Ай да царевичъ! достоинъ жениться на нашей государынѣ, на Еленѣ Прекрасной». — «А вотъ увидимъ! отвѣчала Елена Прекрасная: пусть исполнитъ другую задачу». Вечеромъ поздно воротился царевичъ домой еще пасмурнѣй прежняго. «Полно, царевичъ, печалиться! сказалъ ему Иванъ-купеческой сынъ: молись-ка Богу, да ложись спать; утро вечера мудренѣе». Уложилъ его въ постель, а самъ надѣлъ сапоги-скороходы да шапку-невидимку и побѣжалъ во дворецъ къ Еленѣ Прекрасной. Она въ то самое время отдавала приказъ своей любимой служанкѣ: «Сходи поскорѣй на птичій дворъ да принеси мнѣ уточку». Служанка побѣжала на птичій дворъ, и Иванъ за нею; служанка ухватила уточку, а Иванъ селезня, и тѣмъ же путемъ назадъ пришли. Елена Прекрасная сѣла за рабочій столикъ, взяла утку, убрала ей крылья лентами, хохолокъ брилліантами; Иванъ-купеческой сынъ смотритъ да то же творитъ надъ селезнемъ. На другой день у Елены Прекрасной опять гости, опять музыка; выпустила она свою уточку и спрашиваетъ царевича: «Угадалъ ли мою задачу?» — «Угадалъ, Елена Прекрасная! вотъ къ твоей уточкѣ пара», — и пускаетъ тотчасъ селезня . . . Тутъ всѣ бояре въ одинъ голосъ крикнули: «Ай да молодецъ царевичъ! достоинъ взять за себя Елену Прекрасную». — «Постойте; пусть исполнитъ наперёдъ третью задачу». Вечеромъ воротился царевичъ домой такой пасмурной, что и говорить не хочетъ. «Не тужи, царевичъ! ложись лучше спать; утро вечера мудренѣе», сказалъ Иванъ-купеческой сынъ; самъ поскорѣй надѣлъ шапку-невидимку да сапоги-скороходы и побѣжалъ къ Еленѣ Прекрасной. А

она собралась на синё море ѣхать; сѣла въ коляску и во всю прыть понеслася; только Иванъ-купеческой сынъ ни на шагъ не отстаетъ. Пріѣхала Елена Прекрасная къ морю и стала вызывать своего дѣдушку. Волны заколыхалися, и поднялся изъ воды старой дѣдъ — борода у него золотая, на головѣ волосы серебряные. Вышелъ онъ на̀ берегъ: «Здравствуй, внучка! давненько я съ тобою не видѣлся; поищи-ка у меня въ головушкѣ». Лёгъ къ ней на колѣни и задремалъ сладкимъ сномъ; Елена Прекрасная ищетъ у дѣда въ головѣ, а Иванъ-купеческой сынъ у ней за плечами стоитъ. Видитъ она, что старикъ заснулъ, и вырвала у него три серебряныхъ волоса; а Иванъ-купеческой сынъ не три волоса, цѣлой пучокъ выхватилъ. Дѣдъ проснулся и закричалъ: «Что ты съ ума сошла? вѣдь больно!» — «Прости, дѣдушка! давно тебя не чесала, всѣ волоса перепутались». Дѣдъ успокоился, и немного погодя опять захрапѣлъ. Елена Прекрасная вырвала у него три золотыхъ волоса; а Иванъ-купеческой сынъ схватилъ его за̀ бороду и чуть не всю оторвалъ. Страшно вскрикнулъ дѣдъ, вскочилъ на̀ ноги и бросился въ море. «Теперь царевичъ попался! думаетъ Елена Прекрасная: такихъ волосъ ему не добыть». На слѣдующій день собрались къ ней гости; пріѣхалъ и царевичъ. Елена Прекрасная показываетъ ему три волоса серебряные, да три золотые, и спрашиваетъ: «Видалъ ли ты эдакое диво?» — «Нашла чѣмъ хвастаться! хочешь я тебѣ цѣлой пучокъ подарю». Вынулъ и подалъ ей клокъ золотыхъ волосъ да клокъ серебряныхъ. Разсердилась Елена Прекрасная, побѣжала въ свою почивальню и стала смотрѣть въ волшебную книгу: самъ ли царевичъ угадываетъ, или кто ему помогаетъ? И видитъ по книгѣ, что не онъ хитёръ, а хитёръ его слуга — Иванъ-купеческой сынъ. Воротилась къ гостямъ, и пристала къ царевичу: «Пришли де

ко мнѣ своего любимаго слугу». — «У меня ихъ двѣнадцать». — «Пришли того, что̀ Иваномъ зовутъ». — «Да ихъ всѣхъ зовутъ Иванами». — «Хорошо, говоритъ, пусть всѣ пріѣдутъ!» а въ умѣ держитъ: «Я и безъ тебя найду виноватаго!» Отдалъ царевичъ приказаніе — и вскорѣ явились во дворецъ двѣнадцать добрыхъ мо̀лодцевъ, его вѣрныхъ слугъ; всѣ на одно лицо, ростъ въ ростъ, голосъ въ голосъ, волосъ въ волосъ. «Кто изъ васъ большой?» спросила Елена Прекрасная. Они разомъ всѣ закричали: «Я большой! я большой!» — «Ну, думаетъ она, тутъ спроста ничего не узнаешь!» и велѣла подать одиннадцать простыхъ чарокъ, а двѣнадцатую золотую, изъ которой завсегда сама пила; налила тѣ чарки дорогимъ виномъ и стала добрыхъ мо̀лодцевъ потчевать. Никто изъ нихъ не беретъ простой чарки; всѣ къ золотой потянулись, и давай ее вырывать другъ у друга; только шуму надѣлали да вино расплескали! Видитъ Елена Прекрасная, что штука ея не удалася; велѣла этихъ мо̀лодцевъ накормить-напоить и спать во дворцѣ положить. Вотъ ночью, какъ уснули всѣ крѣпкимъ сномъ, она пришла къ нимъ съ своею волшебною книгою, глянула въ ту книгу и тотчасъ узнала виновнаго; взяла ножницы и остригла у него високъ. «По этому знаку я его завтра узнаю и велю казнить». Поутру проснулся Иванъ-купеческой сынъ, взялся рукой за̀ голову — а високъ-то остриженъ; вскочилъ онъ съ постели и давай будить товарищей: «Полно спать, бѣда близко! Берите-ка ножницы, да стригите виски». Черезъ часъ времени позвала ихъ къ себѣ Елена Прекрасная, и стала отыскивать виноватаго; что за чудо? на кого ни взглянетъ — у всѣхъ виски острижены. Съ досады ухватила она свою волшебную книгу и забросила въ печь. Послѣ того нельзя было ей отговариваться, надо было выходить замужъ за царевича.

Свадьба была веселая; три дня народъ безъ просыпу пьянствовалъ, три дня кабаки и харчевни стояли отворены — кто хошь приходи, пей и ѣшь на казенной счетъ! Какъ покончились пиры, царевичъ собрался съ молодою женою ѣхать въ свое государство; а двѣнадцать добрыхъ мо̀лодцевъ вперёдъ отпустилъ. Вышли они за̀ городъ, разостлали коверъ-самолётъ, сѣли и поднялись выше облака ходячаго; летѣли-летѣли, и опустились какъ разъ у того дремучаго лѣса, гдѣ своихъ добрыхъ коней покинули. Только успѣли сойти съ ковра, глядь — бѣжитъ къ нему старикъ со стрѣлкою. Иванъ-купеческой сынъ отдалъ ему шапку-невидимку. Вслѣдъ затѣмъ прибѣжалъ другой старикъ и получилъ коверъ-самолётъ, а тамъ и третій — этому достались сапоги-скороходы. Говоритъ Иванъ своимъ товарищамъ: «Сѣдлайте, братцы, лошадей, пора въ путь отправляться». Они тотчасъ изловили лошадей, осѣдлали ихъ и поѣхали въ свое отечество. Пріѣхали и прямо къ царевнѣ явились; та имъ сильно обрадовалась, разспросила о своемъ родномъ братцѣ, какъ онъ женился и скоро ль домой будетъ? «Чѣмъ же васъ, спрашиваетъ, за такую службу наградить?» Отвѣчаетъ Иванъ-купеческой сынъ: «Посади меня въ темницу, на старое мѣсто». Какъ его царевна ни уговаривала, онъ-таки настоялъ на своемъ; взяли его солдаты и отвели въ темницу.

Черезъ мѣсяцъ пріѣхалъ царевичъ съ молодою супругою; встрѣча была торжественная: музыка играла, въ пушки палили, въ колокола звонили; народу собралось столько, что хоть по головамъ ступай! Пришли бояре и всякіе чины представляться царевичу; онъ осмотрѣлся кругомъ, и сталъ, спрашивать: «Гдѣ же Иванъ, мой вѣрный слуга?» — «Онъ, говорятъ, въ темницѣ сидитъ». — «Какъ въ темницѣ? кто смѣлъ посадить?» Докладуютъ ему царевна: «Ты же самъ, братецъ,

на него опалился и велѣлъ держать въ крѣпкомъ заточеніи. Помнишь, ты его про какой-то сонъ разспрашивалъ; а онъ сказать не хотѣлъ». — «Неужли жъ это онъ?» — «Онъ самой; я его на время къ тебѣ отпускала». Царевичъ приказалъ привести Ивана-купеческаго сына, бросился къ нему на шею, и просилъ не попомнить стараго зла. «А знаешь, царевичъ, говоритъ ему Иванъ: все, что̀ съ тобою случилося, мнѣ было напередъ вѣдомо; все это я во снѣ видѣлъ; отъ того тебѣ и про сонъ не сказывалъ». Царевичъ наградилъ его генеральскимъ чиномъ, надѣлилъ богатыми имѣньями и оставилъ во дворцѣ жить. Иванъ-купеческой сынъ выписалъ къ себѣ отца и старшаго брата, и стали они всѣ вмѣстѣ жить-поживать, добра наживать.

134
Вѣщій сонъ

Жили-были мужикъ да баба, и стало имъ по ночамъ чудиться, будто подъ печкою огонь горитъ и кто-то стонетъ: «Ой, душно! ой, душно!» Мужикъ разсказалъ про то сосѣдямъ, а сосѣди присовѣтовали ему сходить въ ближній городъ: «Тамъ де живетъ купецъ Асонъ, мастеръ разгадывать всякой сонъ». Вотъ мужикъ собрался и пошелъ въ городъ; шелъ-шелъ и остановился на дорогѣ переночевать у одной бѣдной вдовы. У вдовы былъ сынъ — мальчишка лѣтъ пяти; глянулъ тотъ мальчикъ на мужика и говоритъ: «Старичокъ! я знаю, куда ты идешь». — «А куда?» — «Къ богатому купцу Асону. Смотри же, станетъ онъ тебѣ сонъ разгадывать и попроситъ половину того, что̀ лежитъ подъ печкою; ты ему половины не давай, давай одну четверть. А коли спроситъ, кто тебя научилъ? про меня не сказывай». На другой день поутру всталъ мужикъ и отправился даль-

ше; приходитъ въ городъ, разыскалъ Асоновъ дворъ и явился къ хозяину. «Что тебѣ надобно?» — «Да вотъ, господинъ купецъ, чудится мнѣ по ночамъ: будто въ моей избушкѣ подъ печкою огонь горитъ и кто-то жалобно стонетъ: ой, душно! ой, душно! Нельзя ли разгадать мой сонъ?» — «Разгадать-то можно, только дашь ли мнѣ половину того, что у тебя подъ печкою?» — «Нѣтъ, половины не дамъ; будетъ съ тебя и четверти». Купецъ было заспорилъ, да видитъ, что мужикъ стоитъ на своемъ крѣпко, и согласился; призвалъ рабочихъ съ топорами, съ лопатами, и поѣхалъ вмѣстѣ съ ними къ старику въ домъ. Пріѣхалъ и велѣлъ ломать печь; какъ только печь была сломана, половицы подняты, сейчасъ и оказалась глубокая ямища — въ косую сажень будетъ, и вся то набита серебромъ да золотомъ. Старикъ обрадовался и принялся дѣлить этотъ кладъ на четыре части. А купецъ давай его выспрашивать: «Кто тебя научилъ, старичокъ, давать мнѣ четверть, а не давать половины?» — «Никто не училъ, самому въ голову пришло». — «Врешь! не съ твоимъ умомъ догадаться. Слушай: коли признаешься — кто тебя научилъ, такъ всѣ деньги твои будутъ; не возьму съ тебя и четвертой доли». Мужикъ подумалъ-подумалъ, почесалъ въ затылкѣ и сказалъ: «А вотъ какъ поѣдешь домой, увидишь на дорогѣ избушку; въ той избушкѣ живетъ бѣдная вдова, и есть у ней сынъ-малолѣтокъ — онъ самой и научилъ меня». Купецъ тотчасъ въ повозку и погналъ лошадей скорою рысью. Пріѣхалъ къ бѣдной вдовѣ: «Позволь, говоритъ, отдохнуть маленько да чайку испить». — «Милости просимъ!» Асонъ усѣлся на лавку, началъ чай распивать, а самъ все на мальчика поглядываетъ. На ту пору прибѣжалъ въ избу пѣтухъ, захлопалъ крыльями и закричалъ: кукуреку! «Экой голосистой какой! сказалъ купецъ: хотѣлъ бы я знать, про

что ты горланишь?» — «Пожалуй, я тебѣ скажу, промолвилъ мальчикъ: пѣтухъ вѣщуетъ, что придетъ время — будешь ты въ бѣдности, а я стану владѣть твоими богатствами». Напился купецъ чаю, сталъ собираться домой, и говоритъ вдовѣ: «Отдай мнѣ своего сынишку; будетъ онъ жить у меня на всемъ на готовомъ, въ довольствѣ, въ счастіи, и не узнаетъ, что такое бѣдность. Да и тебѣ лучше — лишняя обуза съ рукъ долой!» Мать подумала, что и въ самомъ дѣлѣ у купцовъ жизнь привольнѣе, благословила сына и отдала его Асону съ рукъ на̀ руки. Асонъ привезъ мальчика въ свой домъ и велѣлъ идти на кухню; потомъ позвалъ повара и отдалъ ему такой приказъ: «Зарѣжь ты мнѣ того мальчика, вынь изъ него печень да сердце и приготовь къ обѣду». Поваръ воротился на кухню, взялъ ножъ и принялся на брускѣ точить. Мальчикъ залился слезами и сталъ спрашивать: «Дядюшка! для чего ты ножъ точишь?» — «Хочу барашка колоть». — «Неправда твоя! ты хочешь меня рѣзать». У повара и ножъ изъ рукъ вывалился: жалко ему стало загубить душу человѣческую. «Радъ бы, говоритъ, отпустить тебя, да боюсь хозяина». — «Не бойся! поди-возьми у суки щенка, вынь изъ него печень да сердце, зажарь и подай своему хозяину». Поваръ такъ и сдѣлалъ, угостилъ Асона собачиной, а мальчика до поры до времени у себя спряталъ.

Мѣсяца черезъ два, черезъ три приснился тамошнему королю такой сонъ: будто есть у него во дворцѣ три золотыя блюда; прибѣжали псы и зачали изъ тѣхъ блюдъ локать. Задумался король, что бы такое тотъ сонъ значилъ? Кого ни спрашивалъ, никто ему не могъ разсудить. Вотъ вздумалъ онъ послать за Асономъ; разсказалъ ему свой сонъ и велѣлъ разгадывать, а сроку положилъ три дня: «Если въ тотъ срокъ не отгадаешь, то все твое имѣніе на себя возьму». Воротился Асонъ отъ

короля самъ не свой; ходитъ пасмурной да сердитой, кого ни встрѣтитъ — всякому затрещину дастъ; а пуще всѣхъ на повара напустился: «Зачѣмъ де мальчишку со свѣту сжилъ? онъ бы теперь пригодился мнѣ!» На тѣ рѣчи поваръ возьми да и признайся, что мальчикъто живёхонекъ. Асонъ тотчасъ потребовалъ его къ себѣ: «А ну, говоритъ, отгадай мой сонъ; снилось мнѣ нынѣшней ночью, будто есть у меня три золотыя блюда и будто изъ тѣхъ блюдъ золотыхъ псы локали». Отвѣчаетъ ему мальчикъ: «Это не тебѣ снилося, это снилося государю». — «Угадалъ, молодецъ! а что значитъ этотъ сонъ?» — «Знать-то я знаю, да тебѣ не скажу; вези меня къ королю, передъ нимъ ничего не скрою». Асонъ приказалъ заложить коляску, мальчика на запятки поставилъ, и поѣхалъ во дворецъ; подкатилъ къ высокому крыльцу, вошелъ въ бѣлокаменныя палаты и отдалъ королю поклонъ. «Здравствуй, Асонъ! отгадалъ ли мой сонъ?» спрашиваетъ король. «Эхъ, государь! твой сонъ небольно мудрёнъ; не то что я, его малой ребенокъ разсудить можетъ. Коли хочешь, позови моего мальчика; онъ тебѣ все какъ по писанному разскажетъ». Король приказалъ привести мальчика, и какъ только привели его во дворецъ, началъ про свой сонъ выспрашивать. Отвѣчалъ мальчикъ: «Пусть-ка напередъ Асонъ разсудитъ, а то, вишь, онъ какой! ничего не вѣдая, чужимъ разумомъ жить хочетъ». — «Ну, Асонъ, говори ты прежде». Асонъ упалъ на колѣни и признался, что не можетъ отгадать королевскаго сна. Тогда выступилъ мальчикъ и сказалъ королю: «Государь! сонъ твой правдивой: есть у тебя три дочери — три королевны прекрасныя; согрѣшили онѣ передъ Богомъ и передъ тобою и на-дняхъ родятъ тебѣ по внуку». Какъ сказалъ пятилѣтокъ, такъ и случилося; король отобралъ у Асона все его имѣніе и отдалъ тому мальчику.

135
Соль

Въ нѣкоемъ городѣ жилъ-былъ купецъ, у него было три сына: первой Ѳедоръ, другой Василій, а третій Иванъ-дуракъ. Жилъ тотъ купецъ богато, на своихъ корабляхъ ходилъ въ чужія земли и торговалъ всякими товарами. Въ одно время нагрузилъ онъ два корабля дорогими товарами и отправилъ ихъ за̀ море съ двумя старшими сыновьями. А меньшой сынъ Иванъ завсегда ходилъ по кабакамъ, по трактирамъ, и потому отецъ ничего не довѣрялъ ему по торговлѣ; вотъ какъ узналъ онъ, что его братья за̀ море посланы, тотчасъ явился къ отцу и сталъ у него проситься въ иныя земли себя показать, людей посмотрѣть, да своимъ умомъ барыши зашибить. Купецъ долго не соглашался: «Ты де все пропьешь, и головы домой не привезешь!» да видя неотступную его просьбу, далъ ему корабль съ самымъ дешевымъ грузомъ: съ бревнами, тёсомъ и досками. Собрался Иванъ въ путь-дорогу, отвалилъ отъ берега и скоро нагналъ своихъ братьевъ; плывутъ они вмѣстѣ по синему морю день, другой и третій, а на четвертой поднялись сильные вѣтры и забросили Ивановъ корабль въ дальнее мѣсто къ одному невѣдомому острову. «Ну, ребята! закричалъ Иванъ корабельнымъ работникамъ: приворачивайте къ берегу». Пристали къ берегу, онъ вылѣзъ на островъ, приказалъ себя дожидаться, а самъ пошелъ по тропинкѣ; шелъ-шелъ и добрался до превеликой горы, смотритъ — въ той горѣ ни песокъ, ни камень, а чистая русская соль. Вернулся назадъ къ берегу, приказалъ работникамъ всѣ бревна и доски въ воду покидать, а корабль нагрузить солью. Какъ скоро это сдѣлано было, отвалилъ Иванъ отъ острова и поплылъ дальше. Долго ли, коротко ли, близко ли,

далеко ли — приплылъ корабль къ большому богатому городу, остановился въ пристани и якорь бросилъ. Иванъ-купеческой сынъ сошелъ въ городъ и отправился къ тамошнему царю бить челомъ, чтобы позволилъ ему торговать по вольной цѣнѣ; а для показу понёсъ узелокъ своего товару — русской соли. Тотчасъ доложили про его приходъ государю; царь его позвалъ и спрашиваетъ: «Говори, въ чемъ дѣло — какая нужда?» — «Такъ и эдакъ, ваше величество! позволь мнѣ торговать въ твоемъ городѣ по вольной цѣнѣ». — «А какимъ товаромъ торги ведешь?» — «Русской солью, ваше величество!» А царь про соль и не слыхивалъ: во всемъ его царствѣ бе́зъ соли ѣли. Удивился онъ, что̀ такой за новой, небывалой товаръ? «А ну, говоритъ, покажь!» Иванъ-купеческой сынъ развернулъ платокъ; царь взглянулъ и подумалъ про себя: «Да это просто-на́просто бѣлой песокъ!» И говоритъ Ивану съ усмѣшкою: «Ну, братъ, этого добра у насъ и безъ денегъ даютъ!» Вышелъ Иванъ изъ царскихъ палатъ весьма печаленъ, и вздумалось ему: «Дай пойду въ царскую кухню да посмотрю, какъ тамъ повара кушанья готовятъ — какую они соль кладутъ?» Пришелъ въ кухню, попросился отдохнуть маленько, сѣлъ на стулъ и приглядывается. Повара то-и-дѣло взадъ-впередъ бѣгаютъ: кто варитъ, кто жаритъ, кто льетъ, а кто на чумичкѣ вшей бьетъ. Видитъ Иванъ-купеческой сынъ, что повара и не думаютъ солить кушанья; улучилъ минутку, какъ они всѣ изъ кухни повыбрались, взялъ да и всыпалъ соли, сколько надобно, во всѣ ѣствы и приправы. Наступило время обѣдъ подавать; принесли первое кушанье. Царь отвѣдалъ, и оно ему такъ вкусно показалося, какъ никогда прежде; подали другое кушанье — это еще больше понравилось. Призвалъ царь поваровъ, и говоритъ имъ: «Сколько лѣтъ я царствую, а никогда такъ вкусно

вы не готовили. Какъ вы это сдѣлали». Отвѣчаютъ повара: «Ваше величество! мы готовили по-старому, ничего новаго не прибавляли; а сидитъ на кухнѣ тотъ купецъ, что̀ приходилъ вольнаго торгу просить: ужъ не онъ ли подложилъ чего?» — «Позвать его сюда!» Привели Ивана-купеческаго сына къ царю на допросъ: онъ палъ на колѣни и сталъ просить прощенія: «Виноватъ, царь-государь! я русскою солью всѣ ѣствы и приправы сдобрилъ: такъ де въ нашей сторонѣ водится». — «А почемъ соль продаешь?» Иванъ смекнулъ, что дѣло на ладъ идетъ, и отвѣчалъ: «Да не очень дорого: за двѣ мѣры соли — мѣра серебра да мѣра золота». Царь согласился на эту цѣну и купилъ у него весь товаръ. Иванъ насыпалъ полонъ корабль серебромъ да золотомъ и сталъ дожидаться попутнаго вѣтра; а у того царя была дочь — прекрасная царевна, захотѣлось ей посмотрѣть на русской корабль, и просится она у своего родителя на корабельную пристань. Царь отпустилъ ее. Вотъ она взяла съ собой нянюшекъ, мамушекъ и красныхъ дѣвушекъ, и поѣхала русской корабль смотрѣть. Иванъ-купеческой сынъ сталъ ей показывать, какъ и что называется: гдѣ паруса, гдѣ снасти, гдѣ носъ, гдѣ корма, и завёлъ ее въ каюту; а работникамъ приказалъ — живо якоря отсѣчь, паруса поднять и въ море выходить. И какъ было имъ большое повѣтріе, то они скоро убѣжали отъ того города на далекое разстоянье. Царевна вышла на палубу, глянула — кругомъ море, и заплакала; Иванъ-купеческой сынъ началъ ее утѣшать, уговаривать, отъ слезъ останавливать, и какъ онъ собою красавецъ былъ, то царевна скоро улыбнулась и перестала печалиться.

Долго ли, коротко ли плылъ Иванъ съ царевною по̀ морю; нагоняютъ его старшіе братья, узнали про его удаль и счастье и крѣпко позавидовали; пришли къ

нему на корабль, схватили его за руки и бросили въ море; а послѣ кинули промежъ себя жребій и подѣлились такъ: большой братъ взялъ царевну, а средній — корабль съ серебромъ и золотомъ. И случись — на ту пору, какъ сбросили Ивана съ корабля, плавало вблизи одно изъ тѣхъ бревенъ, которыя онъ самъ же покидалъ въ море. Иванъ ухватился за то бревно и долго носился съ нимъ по морскимъ глубинамъ; наконецъ прибило его къ невѣдомому острову. Вышелъ онъ на землю и пошелъ по берегу; попадается ему навстрѣчу великанъ съ огромными усами, на усахъ вачеги[1] вписять — послѣ дождя сушить. «Что тебѣ здѣсь надобно?» спрашиваетъ великанъ. Иванъ разсказалъ ему все, что случилося. «Хочешь, я тебя домой отнесу; завтра твой старшій братъ на царевнѣ женится: садись-ка ко мнѣ на спину». Взялъ его, посадилъ на спину, и побѣжалъ черезъ море; тутъ у Ивана съ головы шапка упала. «Ахъ, говоритъ, вѣдь я шапку сронилъ!» — «Ну, братъ! далеко твоя шапка — вёрстъ съ пятьсотъ назади осталась», отвѣчалъ великанъ; принёсъ его на родину, спустилъ наземь, и говоритъ: «Смотри же, никому не хвались, что ты на мнѣ верхомъ ѣздилъ, а похвалишься — раздавлю тебя!» Иванъ-купеческой сынъ обѣщалъ не хвалиться, поблагодарилъ великана и пошелъ домой. Приходитъ, а ужъ тамъ всѣ за свадебнымъ столомъ сидятъ, собираются въ церковь ѣхать. Какъ увидала его прекрасная царевна, тотчасъ выскочила изъ-за стола, бросилась на шею: «Вотъ, говоритъ, мой женихъ, а не тотъ, что за столомъ сидитъ!» — «Что такое?» спрашиваетъ отецъ. Иванъ ему разсказалъ про все, какъ онъ солью торговалъ, какъ царевну увёзъ и какъ старшіе братья его въ море спихнули. Отецъ разсердился на большихъ сыновей, согналъ ихъ со двора долой, а Ивана обвѣнчалъ

[1]) Суконныя или шерстяныя рукавицы, обшитыя сверху кожей.

на царевнѣ. Начался у нихъ веселой пиръ; на пиру гости подпили и стали хвастаться: кто силою, кто богатствомъ, кто молодой женою. А Иванъ сидѣлъ-сидѣлъ да спьяна и самъ похвастался: «Это что за похвальбы! вотъ я такъ могу похвалиться: на великанѣ черезъ все море верхомъ проѣхалъ!» Только вымолвилъ — въ ту жъ минуту является у воротъ великанъ: «А, Иванъ-купеческой сынъ! я тебѣ приказывалъ не хвалиться мною, а ты что сдѣлалъ?» — «Прости меня! молитъ Иванъ-купеческой сынъ: то не я хвалился, то хмель хвалился». — «А ну, покажи: какой-такой хмель?» Иванъ приказалъ привезть сороковую бочку вина да сороковую бочку пива; великанъ выпилъ и вино, и пиво, опьянѣлъ и пошелъ все, что̀ ни попало по̀дъ руку, ломать и крушить; много добраго натворилъ; сады повалялъ, хоромы разметалъ! Послѣ и самъ свалился, и спалъ безъ просыпу трое сутокъ; а какъ пробудился, стали ему показывать, сколько онъ бѣдъ надѣлалъ; великанъ страхъ какъ удивился, и говоритъ: «Ну, Иванъ-купеческой сынъ! узналъ я, каковъ хмель; хвались же ты мною отнынѣ и до̀ вѣку».

Записана въ Архангельской губ.

136
Золотая гора

Промотался-прогулялся купеческой сынъ, до того пришло, что ѣсть нечего; взялъ онъ лопату, вышелъ на торговую площадь и сталъ поджидать — не найметъ ли кто въ работники. Вотъ ѣдетъ семисотной купецъ въ раззолочѐной каретѣ; увидали его поденщики и всѣ, сколько ни было, врозь разсыпались, по угламъ попрятались. Оставался на площади всего на̀ всего одинъ купеческой сынъ. «Хочешь работы, мо̀лодецъ? — най-

мись ко мнѣ», говоритъ семисотной купецъ. «Изволь; я за тѣмъ на площадь пришелъ». — «А что возьмешь?» — «Положи на день по сотнѣ рублёвъ — съ меня и будетъ!» — «Что такъ дорого?» — «А дорого, такъ подпищи дешеваго; вишь, сколько народу здѣсь было, а ты пріѣхалъ — всѣ разбѣжались». — «Ну, ладно! приходи завтра на пристань». На другой день поутру пришелъ купеческой сынъ на пристань; семисотной купецъ давно его дожидается. Сѣли они на корабль и поѣхали въ море. Ѣхали-ѣхали — посреди моря островъ виднѣется, на томъ островѣ стоятъ горы высокія, а у самаго берега что-то словно огнемъ горитъ. «Никакъ пожаръ виденъ!» говоритъ купеческой сынъ. «Нѣтъ, это мой золотой дворецъ». Привалили къ острову, вышли на берегъ; навстрѣчу семисотному купцу прибѣжала жена вмѣстѣ съ дочкою, и дочь — такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, ни въ сказкѣ сказать. Тотчасъ они поздоровались, пошли во дворецъ, и новаго работника съ собой взяли; сѣли за столъ, стали пить-ѣсть, веселиться. «Куда день ни шелъ! говоритъ хозяинъ: сегодня попируемъ, а завтра и за работу пріймемся». А купеческой сынъ былъ собою молодецъ. статной, рослой, кровь съ молокомъ; полюбился онъ красной дѣвицѣ. Вышла она въ другую комнату, вызвала его тайкомъ и дала ему кремень да кресало: «Возьми, будешь въ нуждѣ — пригодится!» На другой день семисотной купецъ отправился съ своимъ работникомъ къ высокой золотой горѣ: лѣзть на нее — не взлѣзть, ползти — не вползти! «Ну-ка! говоритъ, выпьемъ напередъ». И поднёсъ ему соннаго зелья. Работникъ выпилъ и заснулъ. Купецъ досталъ ножъ, убилъ ледащую клячу, выпотрошилъ, положилъ парня въ лошадиное брюхо, сунулъ туда лопату и зашилъ, а самъ въ кустахъ притаился. Вдругъ прилетаютъ во-

роны чёрные-носы желѣзные, ухватили падаль, унесли на гору, и ну клевать; съѣли лошадь и стали былò добираться до купеческаго сына. Тутъ онъ проснулся, отъ чёрныхъ вòроновъ отмахнулся, глянулъ туда-сюда, и спрашиваетъ: «Гдѣ я?» Отвѣчаетъ семисотной купецъ: «На золотой горѣ; бери-ка лопату, да копай золото». Вотъ онъ копалъ-копалъ, все на низъ бросалъ; а купецъ на возы складывалъ. Къ вечеру девять возовъ поспѣло. «Будетъ! говоритъ семисотной купецъ: спасибо за работу, прощай!» — «А я-то?» — «А ты какъ знаешь! васъ тамъ на горѣ девяносто девять сгинуло; съ тобой ровно сто будетъ!» Сказалъ купецъ и уѣхалъ. «Что тутъ дѣлать? думаетъ купеческой сынъ: сойти съ горы никакъ нельзя; приходится помереть голодною смертію!» Стоитъ на горѣ, а надъ нимъ такъ и вьются вороны чёрные-носы желѣзные; видно, добычу почуяли! Сталъ онъ припоминать, какъ все это сдѣлалось, и пришло ему на умъ, какъ вызывала его красная дѣвица, подавала кремень да кресало, а сама приговаривала: «Возьми, будешь въ нуждѣ — пригодится!» — «А вѣдь это она недаромъ сказала! дай попробую». Вынулъ купеческой сынъ кремень и кресало, ударилъ разъ — и тотчасъ выскочило два мòлодца: «Что угодно? чего надобно?» — «Снесите меня съ горы къ морскому берегу». Только успѣлъ вымолвить, они его подхватили и бережно съ горы снесли. Идетъ купеческой сынъ по берегу, глядь — мимо острова корабль плыветъ. «Эй, добрые люди корабельщики! возьмите меня съ собой». — «Нѣтъ, братъ! некогда останавливаться: мы за эту остановку сто вёрстъ сдѣлаемъ». Миновали корабельщики островъ — стали дуть имъ вѣтры встрѣчные, поднялась буря страшная. «Ахъ! видно, онъ не простой человѣкъ; лучше воротимся да возьмемъ его на корабль». Повернули къ острову, пристали къ берегу,

взяли купеческаго сына и отвезли его въ родной городъ. Много ли, мало ли прошло времени — взялъ купеческой сынъ лопату, вышелъ на торговую площадь и ждетъ наёмщика. Опять ѣдетъ въ раззолоченой каретѣ семисотной купецъ; увидали его поденщики, всѣ врозь разсыпались, по угламъ попрятались. Оставался одинъ купеческой сынъ. «Наймись ко мнѣ», говоритъ ему семисотной купецъ». — «Изволь! положи на день по двѣсти рублевъ, и давай работу». — «Экой дорогой!» — «А дорогой, такъ поди поймай дешеваго: вишь, сколько народу здѣсь было, а ты показался — сейчасъ разбѣжались». — «Ну ладно, приходи завтра на пристань». На утро сошлись они у пристани, сѣли на корабль и поѣхали къ острову. Тамъ одинъ день прогуляли, а другой насталъ — къ золотой горѣ отправились. Пріѣзжаютъ туда, семисотной купецъ подноситъ работнику чарку: «Ну-ка, вышей напередъ!» — «Постой, хозяинъ! ты всему голова, тебѣ первому и пить; дай я тебя своимъ поподчую». А ужъ купеческой сынъ загодя соннымъ зельемъ запасся; налилъ полной стаканъ, и подаетъ семисотному купцу. Тотъ выпилъ и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Купеческой сынъ зарѣзалъ самую дрянную клячу, выпотрошилъ, положилъ своего хозяина въ лошадиное брюхо, сунулъ лопату и зашилъ, а самъ въ кустахъ спрятался. Вдругъ прилетѣли вороны чёрные-носы желѣзные, подхватили падаль, унесли на гору и принялись клевать. Пробудился семисотной купецъ, глянулъ туда-сюда: «Гдѣ я?» спрашиваетъ. «На горѣ; бери-ка лопату да копай золото; коли много накопаешь, научу — какъ съ горы спуститься». Семисотной купецъ взялся за лопату, копалъ-копалъ, двѣнадцать возовъ накопалъ. «Ну, теперь довольно! говоритъ купеческой сынъ: спасибо за трудъ, прощай!» — «А я-то?» — «А ты какъ знаешь! васъ тамъ на горѣ девяносто девять еги-

нуло, съ тобой ровно сотня будетъ!» Забралъ купеческой сынъ всѣ двѣнадцать возовъ, пріѣхалъ въ золотой дворецъ, женился на красной дѣвицѣ, дочкѣ купца семисотнаго, овладѣлъ всѣмъ его богатствомъ, и со всей семьей переѣхалъ жить въ столицу. А семисотной купецъ такъ на горѣ и остался; заклевали его вороны чёрные-носы желѣзные.

137
Чудесная дудка

Жилъ-былъ попъ съ попадьею: у нихъ былъ сынъ Иванушка и была дочь Алёнушка. Разъ Алёнушка и просится: «Матушка, матушка! я пойду въ лѣсъ за ягодами, ужъ всѣ подружки пошли». — «Ступай, да возьми съ собой брата». — «Зачѣмъ! онъ такой лѣнивой, все равно ничего не соберетъ!» — «Ничего, возьми! а кто изъ васъ больше ягодъ соберетъ, тому подарю красные чоботы»[1]. Вотъ пошли братъ съ сестрой за ягодами; пришли въ лѣсъ. Иванушка все рветъ да рветъ, да въ кувшинчикъ кладетъ, а Алёнушка все ѣстъ да ѣстъ, все ѣстъ да ѣстъ; только двѣ ягодки и положила въ коробку. Глядитъ: у ней пусто, а Иванушка ужъ полный кувшинъ набралъ. Завистно стало Алёнушкѣ: «Давай, говоритъ, братецъ! я поищу у тебя въ головкѣ». Онъ лёгъ къ ней на колѣни и заснулъ. Алёнушка тотчасъ вынула острой ножъ и зарѣзала братца; выкопала яму и схоронила его, а кувшинъ съ ягодами себѣ взяла. Приходитъ домой и отдаетъ ягоды матери. «Гдѣ же твой братецъ Иванушка?» спрашиваетъ попадья. «Должно быть, въ лѣсу отсталъ да заблудился; я его звала-звала, искала-искала — нѣтъ нигдѣ!» Отецъ съ матерью долго-долго ждали Иванушку, такъ и не дождались. А на

[1]) Сапоги.

могилѣ Иванушки выросла большая да ровная-ровная тростинка. Шли мимо овчары со стадомъ, увидали и говорятъ: «Какая славная тростинка выросла!» Одинъ овчаръ срѣзалъ ее и сдѣлалъ себѣ жилейку[1]. «Дай-ка, говоритъ, попробую!» Поднёсъ къ губамъ, жилейка и заиграла:

По малу, малу, вивчарику, грай!
Не врази ты мого́ серденька вкрай!
Мини сестрица — зрадница[2]
За красны ягодки, за червонни чоботки!

«Ахъ, какая чудесная дудка! говоритъ овчаръ: какъ чисто выговариваетъ; ну, эта жилейка дорого стбитъ!» — «А дай-ка я попробую!» говоритъ другой; взялъ жилейку, приложилъ къ губамъ — и у него то же самое заиграла; попыталъ третій — и у третьяго то же! Пришли овчары въ деревню, остановились возлѣ поповой хаты: «Батюшка! пусти насъ переночевать». — «У меня тѣсно», отвѣчаетъ попъ. — «Пусти, мы тебѣ диковинку покажемъ». Попъ пустилъ ихъ и спрашиваетъ: «Не видали ль гдѣ мальчика, зовутъ Иванушкою? пошелъ за ягодами, да и слѣдъ пропалъ». — «Нѣтъ, не видали; а вотъ мы срѣзали по дорогѣ тростинку, и какая чудесная жилейка изъ нея вышла: сама играетъ!» Вынулъ овчаръ жилейку и заигралъ:

По малу, малу, вивчарику, грай!
Не врази ты мого́ серденька вкрай!
Мини сестрица — зрадница
За красны ягодки, за червонни чоботки!

«А ну-ка, дай я поиграю», говоритъ попъ; взялъ жилейку и заигралъ:

По малу, малу, батеньку, грай!
Не врази ты мого серденька вкрай!
Мини сестрица — зрадница
За красны ягодки, за червонни чоботки!

[1]) Дудку, свирѣль.
[2]) Зрада — измѣна.

«Ахъ, ужъ это не мой ли Иванушка срубленъ?» сказалъ попъ и позвалъ жену: «Ну-ка, пойграй ты». Попадья взяла жилейку и заиграла:

По малу, малу, матусенько, грай!
Не вразн ты мого́ серденька вкрай!
Мини сестрица — зрадница
За красны ягодки, за червонни чоботки!

«А гдѣ дочка?» спрашиваетъ попъ; а Алёнушка ужъ спряталась, въ темномъ углу притаплась. Нашли ее. «Ну-ка, заиграй!» говоритъ отецъ. — «Я не умѣю». — «Ничего, играй!» Она было отпѣкиваться, да отецъ пригрозилъ и заставилъ взять жилейку. Только что Алёнушка приложила ее къ губамъ, а жилейка сама выговариваетъ:

По малу, малу, сестрице, грай!
Не вразн ты мого́ серденька вкрай!
Ты жъ мини зра́дила
За красны ягодки, за червонни чоботки!

Тутъ Алёнушка во всемъ призналась; отецъ разгнѣвался и прогналъ ее изъ дому.

Записана въ Бобровскомъ у., Воронежской губ.

138
Птичій языкъ

Въ одномъ городѣ жилъ купецъ съ купчихою, и далъ имъ Господь сына, не по годамъ смышленаго, по имени Василія. Разъ какъ-то обѣдали они втроемъ; а надъ столомъ висѣлъ въ клѣткѣ соловей и такъ жалобно пѣлъ, что купецъ не вытерпѣлъ и проговорилъ: «Если бъ сыскался такой человѣкъ, которой отгадалъ бы мнѣ вправду, что соловей распѣваетъ и какую судьбу предвѣщаетъ, кажись — при жизни бы отдалъ ему половину имѣнія, да и по смерти отказалъ много добра». А мальчикъ — ему было лѣтъ шесть тогда — посмотрѣлъ

отцу съ матерью въ глаза озойливо[1] и сказалъ: «Я знаю, что соловей поётъ, да сказать боюсь». — «Говори безъ утайки!» пристали къ нему отецъ съ матерью, и Вася со слезами вымолвилъ: «Соловей предвѣщаетъ, что придетъ пора-время, будете вы мнѣ служить: отецъ станетъ воду подавать, а мать полотенце — лицо, руки утирать». Слова эти больно огорчили купца съ купчихою, и рѣшились они сбыть свое дѣтище; построили небольшую лодочку, въ темную ночь положили въ неё сонаго мальчика и пустили въ открытое море. На ту пору вылетѣлъ изъ клѣтки соловей-вѣщунъ, прилетѣлъ въ лодку и сѣлъ мальчику на плечо.

Вотъ плыветъ лодка по́ морю, а навстрѣчу ей корабль на всѣхъ парусахъ летитъ. Увидалъ корабельщикъ мальчика, жалко ему стало, взялъ его къ себѣ, разспросилъ про все и обѣщалъ держать и любить его какъ родного сына. На другой день говоритъ мальчикъ новому отцу: соловей де напѣваетъ, что подымется буря, поломаетъ мачты, прирветъ паруса; надо поворотить въ становище. Но корабельщикъ не послушался. И впрямь поднялась буря, поломала мачты, оборвала паруса. Дѣлать нечего, прошлаго не воротишь; поставили новыя мачты, поправили паруса, и поплыли дальше. А Вася опять говоритъ: «соловей де напѣваетъ, что навстрѣчу идутъ двѣнадцать кораблей, всѣ разбойничьихъ, во полонъ насъ возьмутъ!» На тотъ разъ корабельщикъ послушался, приворотилъ къ острову, и видѣлъ, какъ тѣ двѣнадцать кораблей, всѣ разбойничьихъ, пробѣжали мимо.

Выждалъ корабельщикъ сколько надобно, и поплылъ дальше. Ни мало, ни много прошло времени, присталъ корабль къ городу Хвалынску; а у здѣшняго короля уже сколько годовъ передъ дворцовыми окнами летаютъ

[1]) Пристально.

и крпчатъ воронъ съ воронихою и воронёнкомъ, ни днемъ ни ночью никому угомону не даютъ. Что ни дѣлали, никакими хитростями не могутъ ихъ отъ окошекъ отжить; даже дробь не беретъ! И приказано было отъ короля прибить на всѣхъ перекресткахъ и пристаняхъ такову грамоту: ежели кто сможетъ отжить отъ дворцовыхъ окошекъ ворона съ воронихою, тому король отдастъ въ награду полцарства своего и меньшую королевну въ жены; а кто возьмется за такое дѣло, а дѣла не сдѣлаетъ, тому отрублена будетъ голова. Много было охотниковъ породниться съ королемъ, да всѣ головы свои подъ топоръ положили. Узналъ про то Вася, сталъ проситься у корабельщика: «Позволь пойти къ королю — отогнать ворона съ воронихою». Сколько ни уговаривалъ его корабельщикъ, никакъ не могъ удержать: «Ну, ступай, говоритъ, да если что недоброе случится — на себя пеняй!» Пришелъ Вася во дворецъ, сказалъ королю, и велѣлъ открыть то самое окно, возлѣ котораго вороньё летало. Послушалъ птичьяго крику. и говоритъ королю: «Ваше величество сами видите, что летаютъ здѣсь трое: воронъ, жена его ворониха и сынъ ихъ воронёнокъ; воронъ съ воронихою спорятъ, кому принадлежитъ сынъ — отцу или матери, и просятъ разсудить ихъ. Ваше величество! скажите, кому принадлежитъ сынъ?» Король говоритъ: «Отцу». Только изрёкъ король это слово, воронъ съ воронёнкомъ полетѣли вправо, а ворониха — влѣво. Послѣ того король взялъ мальчика къ себѣ, и жилъ онъ при немъ въ большой милости и чести; выросъ и сталъ молодецъ молодцомъ, женился на королевнѣ и взялъ въ приданое полцарства. Вздумалось ему какъ-то поѣздить по разнымъ мѣстамъ, по чужимъ землямъ, людей посмотрѣть и себя показать; собрался и поѣхалъ странствовать. Въ одномъ городѣ остановился онъ ночевать; переночевалъ. всталъ по-

утру и велитъ, чтобъ подали ему умываться. Хозяинъ принесъ ему воду, а хозяйка подала полотенце; поразговорился съ ними королевичъ, и узналъ, что то были отецъ его и мать, заплакалъ отъ радости и упалъ къ ихъ ногамъ родительскимъ; а послѣ взялъ ихъ съ собою въ городъ Хвалынскъ, и стали они всѣ вмѣстѣ жить-поживать да добра наживать.

139

Охотникъ и его жена

Былъ-жилъ охотникъ, и было у него двѣ собаки. Разъ какъ-то бродилъ онъ съ ними по лугамъ, по лѣсамъ, разыскивалъ дичи; долго бродилъ — ничего не видалъ, а какъ стало дѣло къ вечеру, набрёлъ на такое диво: торитъ пень, а въ огнѣ змѣя сидитъ. И говоритъ ему змѣя: «Изыми, мужичокъ, меня изъ огня изъ полымя; я тебя счастливымъ сдѣлаю; будешь знать все, что на свѣтѣ есть, и какъ звѣрь говоритъ, и что птица поётъ!». — «Радъ тебѣ помочь, да какъ?» спрашиваетъ змѣю охотникъ. «Вложи только въ огонь конецъ палки, я по ней и вылѣзу». Охотникъ такъ и сдѣлалъ. Выползла змѣя: «Спасибо, мужичокъ! будешь разумѣть теперь, что всякая тварь говоритъ; только никому про то не сказывай, а если скажешь — смертью помрешь!»

Опять охотникъ пошёлъ искать дичи, ходилъ-ходилъ, и пристигла его ночь тёмная. «Домой далеко, подумалъ онъ: останусь-ка здѣсь ночевать». Развёлъ костёръ и улегся возлѣ, вмѣстѣ съ собаками, и слышитъ, что собаки завели промежъ себя разговоръ и называютъ другъ друга братомъ. «Ну, братъ! говоритъ одна: ночуй ты съ хозяиномъ, а я домой побѣгу, стану дворъ караулить. Не ровёнъ часъ: воры пожалуютъ!» — «Ступай, братъ, съ Богомъ!» отвѣчаетъ другая. Поутру рано вороти-

лась изъ дому собака и говоритъ той, что въ лѣсу ночевала: «Здравствуй, братъ!» — «Здорово!» — «Хорошо ли ночь у васъ прошла?» — «Ничего, слава Богу! а тебѣ, братъ, какъ до́ма — поспалось?» — «Охъ, плохо! Прибѣжалъ я домой; а хозяйка говоритъ: вотъ чортъ принёсъ безъ хозяина! и бросила мнѣ горѣлую корку хлѣба. Я понюхалъ-понюхалъ, а ѣсть не сталъ; тутъ она схватила кочергу и давай меня потчевать! всѣ рёбра пересчитала! А ночью, братъ, приходили на дворъ воры, хотѣли къ амбарамъ да клѣтямъ подобраться, такъ я такой лай поднялъ, такъ зло на нихъ накинулся, что куда ужъ было думать о чужомъ добрѣ, только бъ самимъ уйти по добру по здорову! Такъ всю ночь и провозился!» Слышитъ охотникъ, что собака собакѣ сказываетъ, и держитъ у себя на умѣ; погоди, жена! приду домой — ужъ я те́ задамъ жару!

Вотъ пришелъ въ избу: «Здорово, хозяйка!» — «Здорово, хозяинъ!» — «Приходила вчера домой собака?» «Приходила». — «Что жъ ты ее накормила?» — «Накормила, родимой! дала ей цѣлую крынку молока и хлѣба покрошила». — «Врешь, старая вѣдьма! ты дала ей горѣлую корку, да кочергой прибила». Жена повинилась, и пристала къ мужу: скажи, да и скажи, какъ ты про все узналъ. «Не могу, отвѣчаетъ мужъ, не велѣно сказывать». — «Скажи, миленькой!» — «Право слово, не могу!» — «Скажи, голубчикъ!» — «Если скажу, такъ смертью помру». — «Ничего, только скажи, дружокъ!» Что станешь съ бабой дѣлать? хоть умри, да признавайся! «Ну, давай бѣлую рубаху», говоритъ мужъ. Надѣлъ бѣлую рубаху, лёгъ въ переднемъ углу подъ образа, совсѣмъ умирать приготовился, и собирается разсказать хозяйкѣ всю правду истинную. На ту пору вбѣжали въ избу куры, а за ними пѣтухъ, и сталъ гвоздить то ту, то другую, а самъ приговариваетъ: «Вотъ я съ

вами раздѣлаюсь! вѣдь я не такой дуракъ, какъ нашъ хозяинъ, что съ одной женой не справится! У меня васъ тридцать и больше того, а захочу — до всѣхъ доберусь!» Какъ услыхалъ эти рѣчи охотникъ, не захотѣлъ быть въ дуракахъ, вскочилъ съ лавки, и давай учить жену плёткою. Присмирѣла она, полно приставать да спрашивать!

140
Хитрая наука

Жили себѣ дѣдъ да баба; былъ у нихъ сынъ. Старикъто былъ бѣдный; хотѣлось ему оддать сына въ науку, чтобъ смолоду былъ родителямъ своимъ на утѣху, подъ старость на перемѣну, а по смерти на поминъ души; да что станешь дѣлать, коли достатку нѣтъ! Водилъ онъ его, водилъ по городамъ — авось возьметъ кто въ ученье; нѣтъ, никто не взялся учить безъ денегъ. Воротился старикъ домой, поплакалъ-поплакалъ съ бабою, потужилъ-погоревалъ о своей бѣдности, и опять повелъ сына въ городъ. Только пришли они въ городъ, попадается имъ навстрѣчу человѣкъ, и спрашиваетъ дѣда: «Что, старичокъ, пригорюнился?» — «Какъ мнѣ не пригорюниться! сказалъ дѣдъ: вотъ водилъводилъ сына, никто не беретъ безъ денегъ въ науку, а денегъ нѣтути!» — «Ну, такъ отдай его мнѣ, говоритъ встрѣчной; я его въ три года выучу всѣмъ хитростямъ. А черезъ три года, въ этотъ самой день, въ этотъ самой часъ, приходи за сыномъ; да смотри: коли не просрочишь — придешь во-время да узпаешь своего сына — — возьмешь его назадъ; а коли нѣтъ, такъ оставаться ему у меня». Дѣдъ такъ обрадовался, и не спросилъ: кто такой встрѣчной, гдѣ живетъ и чему учить станетъ малаго? отдалъ ему сына и пошелъ домой. Пришелъ

домой въ радости, разсказалъ обо всемъ бабѣ; а встрѣчной-то былъ колдунъ.

Вотъ прошли три года, а старикъ совсѣмъ позабылъ, въ какой день отдалъ сына въ науку, и не знаетъ, какъ ему быть. А сынъ за̀ день до срока прилетѣлъ къ нему малою птичкою, хлопнулся о завалинку и вошелъ въ избу добрымъ мо́лодцемъ: поклонился отцу и говоритъ: завтра де сровняется какъ разъ три года, надо за нимъ приходить; и разсказалъ, куда за нимъ приходить и какъ его узнавать. «У хозяина моего не я одинъ въ наукѣ; есть, говоритъ, еще одиннадцать работниковъ, навсегда при немъ остались — оттого, что родители не смогли ихъ признать; и только ты меня не признаешь, такъ и я останусь при немъ двѣнадцатымъ. Завтра, какъ придёшь ты за мною, хозяинъ всѣхъ насъ двѣнадцать выпуститъ бѣлыми голубями — перо въ перо, хвостъ въ хвостъ и голова въ голову ровны. Вотъ ты и смотри: всѣ высоко станутъ летать, а я нѣтъ-нѣтъ, да возьму повыше всѣхъ. Хозяинъ спроситъ: узналъ ли своего сына? ты и покажь на того голубя, что повыше всѣхъ. Послѣ выведетъ онъ къ тебѣ двѣнадцать жеребцовъ — всѣ одной масти, гривы на одну сторону, собой ровны; какъ станешь проходить мимо тѣхъ жеребцовъ, хорошенько примѣчай: я нѣтъ-нѣтъ, да правой ногою и топну. Хозяинъ опять спроситъ: узналъ своего сына? ты смѣло показывай на меня. Послѣ того выведетъ къ тебѣ двѣнадцать добрыхъ мо́лодцевъ — ростъ въ ростъ, волосъ въ волосъ, голосъ въ голосъ, всѣ на одно лицо, и одёжей ровны. Какъ станешь проходить мимо тѣхъ мо́лодцевъ, примѣчай-ка: на правую щеку ко мнѣ нѣтъ-нѣтъ, да и сядетъ малая мушка. Хозяинъ опять-таки спроситъ: узналъ ли своего сына? ты и покажь на меня».

Разсказалъ все это, распростился съ отцомъ и пошелъ изъ дому, хлопнулся о завалинку, сдѣлался птичкою

и улетѣлъ къ хозяину. Поутру дѣдъ всталъ, собрался и пошелъ за сыномъ. Приходитъ къ колдуну. «Ну, старикъ! говоритъ колдунъ: выучилъ твоего сына всѣмъ хитростямъ. Только если не признаешь его, оставаться ему при мнѣ на вѣки вѣчные». Послѣ того выпустилъ онъ двѣнадцать бѣлыхъ голубей — перо въ перо, хвостъ въ хвостъ, голова въ голову ровны, и говоритъ: «Узнавай, старикъ, своего сына!» — «Какъ узнавать-то, ишь всѣ ровны!» Смотрѣлъ-смотрѣлъ, да какъ поднялся одинъ голубь повыше всѣхъ, указалъ на того голубя: «Кажись, это мой!» — «Узналъ, узналъ, дѣдушка!» сказываетъ колдунъ. Въ другой разъ выпустилъ онъ двѣнадцать жеребцовъ — всѣ какъ одинъ, и гривы на одну сторону. Сталъ дѣдъ ходить вокругъ жеребцовъ да приглядываться, а хозяинъ спрашиваетъ: «Ну что, дѣдушка! узналъ своего сына?» — «Нѣтъ еще, погоди маленько»; да какъ увидалъ, что одинъ жеребецъ топнулъ правою ногою, сейчасъ показалъ на него: «Кажись, это мой!» — «Узналъ, узналъ, дѣдушка!» Въ третій разъ вышли двѣнадцать добрыхъ мо́лодцевъ — ростъ въ ростъ, волосъ въ волосъ, голосъ въ голосъ, всѣ на одно лицо, словно одна мать родила. Дѣдъ разъ прошелъ мимо мо́лодцевъ — ничего не запримѣтилъ, въ другой прошелъ — тожъ ничего, а какъ проходилъ въ третій разъ — увидалъ у одного молодца на правой щекѣ муху, и говоритъ: «Кажись, это мой!» — «Узналъ, узналъ, дѣдушка!» Вотъ, дѣлать нечего, отдалъ колдунъ старику сына, и пошли они себѣ домой.

Шли-шли, и видятъ: ѣдетъ по дорогѣ какой-то баринъ. «Батюшка, говоритъ сынъ: я сейчасъ сдѣлаюсь собачкою; баринъ станетъ покупать меня, ты меня-то продай, а ошейника не продавай; не то я къ тебѣ назадъ не ворочусь!» Сказалъ такъ-то, да въ ту жъ минуту ударился о́земь и оборотился собачкою.

Баринъ увидалъ, что старикъ ведетъ собачку, зачалъ ее торговать: не такъ ему собачка показалася, какъ ошейникъ хорошъ. Баринъ даетъ за нее сто рублевъ, а дѣдъ проситъ триста; торговались-торговались, и купилъ баринъ собачку за двѣсти рублевъ. Только сталъ было дѣдъ снимать ошейникъ, куда! баринъ и слышать про то хочетъ, упирается. «Я ошейника не продавалъ, говоритъ дѣдъ: я продалъ одну совачку». А баринъ: «нѣтъ, врёшь! кто купилъ, собачку, тотъ купилъ и шейникъ». Дѣдъ подумалъ-подумалъ (вить и впрямь безъ ошейника нельзя купить собаку!) и отдалъ ее съ ошейникомъ. Баринъ взялъ и посадилъ собачку къ себѣ, а дѣдъ забралъ деньги и пошелъ домой.

Вотъ баринъ ѣдетъ себѣ да ѣдетъ, вдругъ — откуда ни возьмись — бѣжитъ навстрѣчу заяцъ. «Что, думаетъ баринъ: али выпустить собачку за зайцемъ, да посмотрѣть ея прыти?» Только выпустилъ, смотритъ: заяцъ бѣжитъ въ одну сторону, собака въ другую — и убѣжала въ лѣсъ. Ждалъ-ждалъ ее баринъ, не дождался и поѣхалъ не при чемъ. А собачка оборотилась добрымъ мо́лодцемъ. Дѣдъ идетъ дорогою, идетъ широкою, и думаетъ: какъ домой глаза-то показать, какъ старухѣ сказать, куда сына дѣвалъ? А сынъ ужъ нагналъ его: «Эхъ, батюшка! говоритъ, зачѣмъ съ ошейникомъ продавалъ? Ну, не повстрѣчай мы зайца, я бъ не воротился, такъ бы и пропалъ ни за што!»

Воротились они домой и живутъ себѣ помаленьку. Много ли, мало ли прошло времени, въ одно воскресенье говоритъ сынъ отцу: «Батюшка, я обернусь птичкою, понеси меня на базаръ и продай; только клѣтки не продавай, не то домой не ворочусь». Ударился о̀земь, сдѣлался птичкою; старикъ посадилъ ее въ

клѣтку и понёсъ продавать. Обступили старика люди, на перебой начали торговать птичку: такъ она всѣмъ показалася! Пришелъ и колдунъ, тотчасъ призналъ дѣда и догадался, что у него за птица въ клѣткѣ сидитъ. Тотъ даетъ дорого, другой даетъ дорого, а онъ дороже всѣхъ; продалъ ему старикъ птичку, а клѣтку не отдаетъ; колдунъ туда-сюда, бился съ нимъ бился, ничего не беретъ! Взялъ одну птичку, завернулъ въ платокъ и понёсъ домой. «Ну, дочка, говоритъ дома: я купилъ нашего шельмеца!» — «Гдѣ же онъ?» Колдунъ распахнулъ платокъ, а птички давно нѣтъ; улетѣла сердешная!

Насталъ опять воскресный день. Говоритъ сынъ отцу: «Батюшка! я обернусь нынче лошадью; смотри же, лошадь продавай, а уздечки не моги продавать; не то домой не ворочусь». Хлопнулся о сырую землю и сдѣлался лошадью: повелъ ее дѣдъ на базаръ продавать. Обступили старика торговые люди, все барышники: тотъ даетъ дорого, другой даетъ дорого, а колдунъ дороже всѣхъ. Дѣдъ продалъ ему сына, а уздечки не отдаетъ. «Да какъ же я поведу лошадь-то? спрашиваетъ колдунъ; дай хоть до двора довести, а тамъ, пожалуй, — бери свою узду: мнѣ она не въ корысть!» Тутъ всѣ барышники на дѣда накинулись: такъ де не водится! продалъ лошадь — продалъ и узду. Что съ ними подѣлаешь? отдалъ дѣдъ уздечку. Колдунъ привелъ коня на свой дворъ, поставилъ въ конюшню, накрѣпко привязалъ къ кольцу и высоко притянулъ ему голову: стоитъ конь на однихъ заднихъ ногахъ, переднія до земли не хватаютъ. «Ну, дочка, сказываетъ опять колдунъ: вотъ когда купилъ, такъ купилъ нашего шельмеца». — «Гдѣ же онъ?» — «На конюшнѣ стоитъ». Дочь побѣжала смотрѣть; жалко ей стало добра молодца, захотѣла подлиннѣй отпустить поводъ, стала рас-

путывать, да развязывать, а конь тѣмъ временемъ вырвался и пошелъ вёрсты отсчитывать. Бросилась дочь къ отцу: «Батюшка, говоритъ, прости! грѣхъ меня попуталъ, конь убѣжалъ!» Колдунъ хлопнулся о сырую землю, сдѣлался сѣрымъ волкомъ и пустился въ погоню: вотъ близко, вотъ нагонитъ! Конь прибѣжалъ къ рѣкѣ, ударился о́земь, оборотился ершомъ и бултыхъ въ воду, а волкъ за нимъ щукою. Ершъ бѣжалъ-бѣжалъ водою, добрался къ плотамъ, гдѣ красныя дѣ́вицы бѣлье моютъ, перекинулся золотымъ кольцомъ и подкатился купеческой дочери по́дъ ноги. Купеческая дочь подхватила колечко и спрятала. А колдунъ сдѣлался попрежнему человѣкомъ: «Отдай, пристаетъ къ ней, мое золотое колечко». — «Бери», говоритъ дѣвица, и бросила кольцо на́земь. Какъ ударилось оно, въ ту жъ минуту разсыпалось мелкими зернами. Колдунъ обернулся пѣтухомъ и бросился клевать; пока клевалъ — одно зерно обернулось ястребомъ, и плохо пришлось пѣтуху: задралъ его ястребъ! Тѣмъ сказкѣ конецъ, а мнѣ водочки корецъ.

Записана въ Бобровскомъ у., Воронежской губ.

141
Диво

Жилъ-былъ рыбакъ. Разъ поѣхалъ онъ на озеро, закинулъ сѣть и вытащилъ щуку; вылѣзъ на́ берегъ, развелъ огонёкъ и началъ эту щуку поджаривать: одинъ бокъ поджарилъ, поворотилъ на другой. Вотъ и совсѣмъ готово — только бы съѣсть, а щука какъ прыгнетъ съ огня да прямо въ озеро. «Вотъ диво, говоритъ рыбакъ: жареная рыба опять въ воду ушла . . .» — «Нѣтъ, мужичокъ! отзывается ему щука человѣчьимъ голосомъ; это что за диво! вотъ въ эдакой-то деревнѣ

живетъ охотникъ, такъ съ нимъ точно было диво: сходи къ нему, онъ самъ тебѣ скажетъ». Рыбакъ пошелъ въ деревню, розыскалъ охотника, поклонился ему: «Здравствуй, доброй человѣкъ!» — «Здравствуй, землякъ! зачѣмъ пришелъ?» — «Да вотъ такъ и эдакъ, разскажи: какое съ тобою диво было!» — «Слушай, землякъ! Было у меня три сына, и ходилъ я съ ними на охоту. Разъ мы цѣлой день охотились и убили три утки; ввечеру пришли въ лѣсъ. развели огонь, ощипали и стали варить ихъ къ ужину; сварили и усѣлись было за трапезу. Вдругъ старикъ идетъ: хлѣбъ-соль, мо́лодцы! — Милости просимъ, старичокъ! Старикъ подсѣлъ, всѣхъ утокъ съѣлъ, да на закуску старшаго сына моего проглотилъ. Остался я съ двумя сыновьями. На другой день встали мы поутру и пошли на охоту; цѣлой день исходили, трехъ утокъ убили, а ввечеру развели въ лѣсу огонёкъ и готовимъ ужинъ. Опять старикъ идетъ: хлѣбъ-соль, мо́лодцы! — Милости просимъ, старичокъ! Онъ сѣлъ, всѣхъ утокъ съѣлъ. да середнимъ сыномъ закусилъ. Остался я съ однимъ сыномъ; вернулись домой, переспали ночь, а утромъ опять на охоту. Убили мы трехъ утокъ, развели огонёкъ, живо сварили ихъ и только было ужинать собрались, какъ тотъ же самой старикъ идетъ: хлѣбъ-соль, мо́лодцы! — Милости просимъ, старичокъ! Онъ сѣлъ, всѣхъ утокъ съѣлъ, да меньшимъ сыномъ закусилъ. Остался я одинъ. какъ пёрстъ; переночевалъ ночь въ лѣсу, на другой день сталъ охотиться и столько настрѣлялъ птицы, что едва домой дотащилъ. Прихожу въ избу, а сыновья мои лежатъ на полатяхъ — всѣ трое живы и здоровы!» Рыбакъ выслушалъ и говоритъ: «Вотъ это диво, такъ диво!» — «Нѣтъ, землякъ! отвѣчаетъ охотникъ: это что за диво! вотъ въ такомъ-то селѣ у такого-то мужика такъ подлинно диво сотво-

рилося; пойди къ нему, самъ узнаешь». Рыбакъ пошелъ въ село, разыскалъ этого мужика, поклонился ему: «Здравствуй, дядинька!» — «Здравствуй, землякъ! зачѣмъ пришелъ?» — «Такъ и такъ, разскажи: какое съ тобой диво приключилося?»

— Слушай! говоритъ. Съ молодыхъ лѣтъ моихъ жилъ я съ женою, и что же? Завела она полюбовника. Мнѣ-то самому и невдомёкъ это, да люди сказали. Вотъ одинъ разъ собрался я въ лѣсъ за дровами, запрёгъ лошадь, выѣхалъ за околицу; постоялъ съ полчаса времени, вернулся потихоньку и спрятался на дворѣ. Какъ стемнѣло, слышу я, что моя хозяйка съ своимъ другомъ въ избѣ гуляетъ; побѣжалъ въ избу, и только было хотѣлъ проучить жену маленько, а она ухватила палку, ударила меня по спинѣ и сказала: «Досслева былъ ты мужикъ, а теперь стань чёрнымъ кобелемъ!» Въ ту жъ минуту обернулся я собакою; взяла она ухватъ и давай меня возить по бокамъ; била-била, и выгнала вонъ. Выбѣжалъ я на улицу, сѣлъ на завалинку и думаю: авось жена опомнится да сдѣлаетъ меня по-старому человѣкомъ. Куда тебѣ! сколько ни тёрся я около избы, не могъ дождаться отъ злой бабы милости. Бывало — откроетъ окно да горячимъ кипяткомъ такъ и обдастъ всего, да все норовитъ, какъ бы въ глаза попасть! а кормить совсѣмъ не кормитъ, хоть съ голову околѣвай! Нечего дѣлать, побѣжалъ я въ чистое поле; вижу — мужикъ стадо быковъ пасётъ. Присталъ я къ этому стаду, началъ за быками ходить: которой отъ стада отобьется — я сейчасъ пригоню; а волкамъ отъ меня просто житья не стало — ни одного не подпущу. Увидалъ мужикъ мое стараніе, началъ меня кормить и поить, и такъ онъ на меня положился, что не сталъ и за стадомъ ходить: заберется, бывало, въ деревню и гуляетъ себѣ сколько хочется. Говоритъ

ему какъ-то баринъ: «Послушай, пастухъ! ты все гуляешь, а скотъ одинъ въ полѣ ходитъ; эдакъ не годится! Пожалуй, воръ прійдетъ, быковъ уведетъ». — «Нѣтъ, баринъ! я на своего пса крѣпко надѣюсь; никого не подпуститъ». — «Разсказывай! хочешь, я сейчасъ любого быка уведу?» — «Нѣтъ, не уведешь!» Поспорили они, ударились объ закладъ о трехстахъ рубляхъ, и отдали деньги за руки. Баринъ пошелъ въ поле и только за быка — какъ я кинуся, всю одёжу на немъ въ клочки изорвалъ, такъ-таки и не подпустилъ его. Мой хозяинъ получилъ закладъ и съ той поры возлюбилъ меня цуще прежняго: иной разъ самъ не доѣстъ, а меня непремѣнно накормитъ. Прожилъ я у него цѣлое лѣто и захотѣлъ домой побывать: «Посмотрю, думаю себѣ: не смилуется ли жена, не сдѣлаетъ ли опять человѣкомъ?» Прибѣжалъ къ избѣ, началъ въ дверь царапаться; выходитъ жена съ палкою, ударила меня по спинѣ и говоритъ: «Ну, бѣгалъ ты чёрнымъ кобелемъ, а теперь полети дятломъ». Обернулся я дятломъ и полетѣлъ по лѣсамъ, по рощамъ. Пристигла холодная зима; ѣсть крѣпко хочется, а корму нѣтъ и достать негдѣ. Забрался я въ одинъ садъ, вижу — стоитъ на деревѣ птичья приманда[1]. «Дай полечу въ эту приманду; пусть меня ребятишки поймаютъ, авось кормить станутъ, да въ избѣ и теплѣй зимовать будетъ!» Вскочилъ въ западню, дверцы захлопнуло; взяли меня ребятишки, принесли къ отцу: «Посмотри, тятя, какого мы дятла поймали!» А ихній отецъ самъ былъ знахарь; тотчасъ узналъ, что я человѣкъ, не птица, вынулъ меня изъ клѣтки, посадилъ на ладонь, дунулъ на меня — и обернулся я попрежнему мужикомъ. Даетъ онъ мнѣ зеленой прутикъ и сказываетъ «Дождись, братъ, вечера и ступай домой, да какъ войдешь въ

[1]) Приманка для птицъ, западня.

избу — ударь свою жену этимъ прутикомъ и скажи: была ты, жена, бабою, а теперь будь козою!» Взялъ я зеленой прутикъ, прихожу домой вечеромъ, потихоньку подкрался къ своей хозяйкѣ, ударилъ ее прутикомъ и говорю: «Была ты, жена, бабою, а теперь будь козою!» Въ ту жъ минуту сдѣлалась онъ козою; скрутилъ я ее за рога веревкою, привязалъ въ сараѣ и сталъ кормить ржаною соломою. Такъ цѣлой годъ и держалъ ее на соломѣ; а потомъ пошелъ къ знахарю: «Научи, землякъ, какъ обернуть мою козу бабою». Онъ далъ мнѣ другой прутикъ: «На, братъ! ударь ее этимъ прутикомъ и скажи: была ты козою, а теперь стань бабою!» Я воротился домой, ударилъ мою козу прутикомъ: «Была ты, говорю, козою, а теперь стань бабою!» Обернулась коза бабою; тутъ хозяйка моя бросилась мнѣ въ ноги, стала плакать, просить прощенія, заклялась-забожилась жить со мною по-Божьему. Съ тѣхъ поръ живемъ мы съ нею благополучно въ любви и согласіи». «Спасибо, сказалъ рыбакъ, это подлинно диво-дивное!»

142

Диво-дивное, чудо-чудное

Жилъ-былъ богатой купецъ съ купчихою; торговалъ дорогими и знатными товарами и каждой годъ ѣздилъ съ ними по чужимъ государствамъ. Въ нѣкое время снарядилъ онъ корабль, сталъ собираться въ дорогу, и спрашиваетъ жену: «Скажи, радость моя, что тебѣ изъ иныхъ земель въ гостинецъ привезти?» Отвѣчаетъ купчиха: «Я у тебя всѣмъ довольна; всего у меня много! а коли угодить да потѣшить хочешь, купи мнѣ диво-дивное, чудо-чудное». — «Хорошо: коли найду — куплю». Поплылъ купецъ за тридевять земель

въ тридесятое царство, присталъ къ великому, богатому городу, распродалъ всѣ свои товары, а новые закупилъ, корабль нагрузилъ; идетъ по городу, и думаетъ: гдѣ бы мнѣ найти диво-дивное, чудо-чудное? Попался ему навстрѣчу незнакомой старичокъ, спрашиваетъ его: «Что такъ призадумался, раскручинился, доброй молодецъ?» — «Какъ мнѣ не кручиниться! отвѣчаетъ купецъ: ищу я купить своей женѣ диво-дивное, чудо-чудное, да не вѣдаю — гдѣ». — «Эхъ, ты давно бы мнѣ сказалъ! Пойдемъ со мной; у меня есть диво-дивное, чудо-чудное — такъ и быть, продамъ». Пошли вмѣстѣ: старичокъ привелъ купца въ свой домъ и говоритъ: «Видишь ли — вонъ на дворѣ у меня гусь ходитъ?» — «Вижу». — «Такъ смотри же, что съ нимъ будетъ . . . Эй, гусь, поди сюды!» Гусь пришелъ въ горницу. Старичокъ взялъ сковороду и опять приказываетъ: «Эй, гусь, ложись на сковороду!» Гусь лёгъ на сковороду; старичокъ поставилъ ее въ печь, изжарилъ гуся, вынулъ и поставилъ на столъ. «Ну, купецъ, доброй молодецъ! садись, закусимъ; только костей подъ столъ не кидай, всѣ въ одну кучку собирай». Вотъ они за столъ сѣли, да вдвоемъ цѣлаго гуся и съѣли. Старичокъ взялъ оглоданныя кости, завернулъ въ скатерть, бросилъ на̀ полъ и молвилъ: «Гусь! встань, встрепенись и поди на дворъ». Гусь всталъ, встрепенулся и пошелъ на дворъ, словно и въ печи не бывалъ! «Подлинно, хозяинъ, у тебя диво-дивное, чудо-чудное!» сказалъ купецъ, сталъ торговать у него гуся и сторговалъ за дорогія деньги. Взялъ съ собой гуся на корабль и поплылъ въ свою землю. Пріѣхалъ домой, поздоровался съ женой, отдаетъ ей гуся и сказываетъ, что съ той птицею хоть всякой день некупленое жаркое ѣшь! «Зажарь ее — она опять оживетъ!» На другой день купецъ пошелъ

въ лавки, а къ купчихѣ полюбовникъ прибѣжалъ. Такому гостю, другу сердечному, она куды какъ рада! Вздумала угостить его жаренымъ гусемъ, высунулась въ окно и закричала: «Гусь, подь сюды!» Гусь пришелъ въ горницу. «Гусь, ложись на сковороду!» Гусь не слушаетъ, не идетъ на сковороду; купчиха осердилась и ударила его сковородникомъ — и въ ту жъ минуту однимъ концомъ сковородникъ прильнулъ къ гусю, а другимъ къ купцовой женѣ, и такъ плотно прильнулъ, что никакъ оторваться нельзя! «Ахъ, миленькой дружокъ! закричала купчиха: оторви меня отъ сковородника; видно, этотъ проклятой гусь завороженъ!» Полюбовникъ обхватилъ купчиху обѣими руками, хотѣлъ было отъ сковородника оторвать, да и самъ прильнулъ . . . Гусь выбѣжалъ на дворъ, на улицу, и потащилъ ихъ къ лавкамъ. Увидали приказчики, бросились разнимать; только кто до нихъ ни дотронется — такъ и прилипнетъ! Сбѣжался народъ на то диво смотрѣть, вышелъ и купецъ изъ лавки, видитъ — дѣло-то не ладно: что за друзья у жены проявились? «Признавайся, говоритъ, во всемъ; не то на вѣкъ такъ, сольнувшись, останешься!» Нечего дѣлать, повинилась купчиха; купецъ взялъ тогда — рознялъ ихъ, полюбовнику шею накостылялъ, а жену домой отвелъ да изрядно поучилъ, приговаривая: «Вотъ тебѣ диво-дивное! вотъ тебѣ чудо-чудное!»

Записана въ Архангельской губ.

143
Счастливое дитя

Жилъ-былъ именитый купецъ съ купчихою — всякаго добра много, а дѣтей нѣту. Стали они Богу молиться, чтобы далъ имъ дѣтище — въ молодыхъ лѣтахъ на утѣху, въ старости на подмогу, а по смерти на поминъ

души; стали они нищую братію кормить, милостынѣй одѣлять; а сверхъ того надумались, на пользу всего люда православнаго, построить длинной мостъ черезъ топи-болота непроходимыя. Много купецъ казны издержалъ, а мостъ построилъ, и какъ работы окончились, посылаетъ онъ своего приказчика Ѳедора: «Поди-ка, сядь подъ мостъ, да послушай, что будутъ люди про меня сказывать: будутъ ли благословлять, или корить стапутъ?» Ѳедоръ пошелъ, сѣлъ подъ мостъ, и слушаетъ. Идутъ по мосту три святыхъ старца и говорятъ промежъ себя: «Чѣмъ наградить того, кто этотъ мостъ построилъ? Пусть у него народится счастливый сынъ: что ни скажетъ — то и сбудется, чего ни пожелаетъ — то и дастъ Господь!» Выслушалъ приказчикъ и вернулся домой. «Ну что, Ѳедоръ, не слыхалъ ли чего?» спрашиваетъ купецъ. «Нѣтъ, ничего не слыхалъ». Въ скоромъ времени отяжелѣла купчиха и родила мальчика; окрестили его и положили въ люльку. Приказчикъ позавидовалъ чужому счастью: въ глухую полночь, какъ всѣ въ домѣ крѣпко заснули, поймалъ голубя, зарѣзалъ его и замаралъ кровью постель, руки и уста родильницы; а ребенка укралъ и отдалъ на сторону выкормить. На утро хватились отецъ съ матерью, гдѣ ихъ ребенокъ? нѣтъ нигдѣ; а приказчикъ началъ доказывать: «Мать де сама его съѣла; вишь и руки и уста въ крови!» Купецъ взялъ свою жену и посадилъ въ темницу. Прошло нѣсколько лѣтъ, сынокъ ихъ подросъ, сталъ бѣгать и говорить. Ѳедоръ бросилъ купца, поселился на взморьи, и мальчика съ собой взялъ; что только ему на умъ взбредетъ, онъ приказываетъ этому мальчику: «Пожелай де то-то и то-то!» — и тотчасъ все готово. Говоритъ онъ однажды: «А ну, малой, проси у Бога, чтобъ здѣсь новое царство стало, чтобъ отъ самаго этого мѣста до дворца

государева хрустальной мостъ повисъ черезъ море, и чтобъ царевна за меня замужъ вышла». Мальчикъ попросилъ у Бога — и тотчасъ повисъ черезъ все море хрустальной мостъ, и явился богатой, знатной городъ съ бѣлокаменными палатами, церквами и царскими теремами. На другой день, проснувшись, смотритъ царь изъ окошечка, увидалъ хрустальной мостъ и спрашиваетъ: «Кто эдакое чудо построилъ?» Докладываютъ ему, что Ѳедоръ. «Коли онъ такъ хитёръ, сказалъ царь: то отдамъ за него свою царевну замужъ!» Скоро дѣло сладилось, обвѣнчали Ѳедора съ царевною, и сталъ онъ въ новомъ городѣ царствовать, да мальчикомъ помыкать; держитъ его у себя за работника, бьетъ и ругается всячески, иной разъ и куска хлѣба пожалѣетъ дать. Вотъ какъ-то лежитъ Ѳедоръ съ женой на постелѣ, да промежъ себя разговариваютъ; а мальчикъ въ тем ной уголъ забился и горько-горько плачетъ. Спрашиваетъ царевна своего мужа: «Скажи, пожалуйста, откуда у тебя это богатство взялося? вѣдь прежде ты былъ простымъ приказчикомъ». — «И богатство мое, и сила — все отъ этого мальчика, что̀ я у купца унёсъ». — «Какъ такъ?» — «Жилъ я у такого-то купца въ приказчикахъ, и было ему обѣщано, что народится у него сынъ, да не простой, а такой счастливой — что ни скажетъ, то и сбудется, чего ни пожелаетъ, то и дастъ Господь. Вотъ какъ ребенокъ народился, я его и скралъ; а чтобъ про то не провѣдали, наговорилъ на купчиху: будто сама свое дѣтище съѣла». Мальчикъ подслушалъ эти рѣчи, вышелъ изъ угла и сказалъ: «По моему прошенью, по Божьему изволенью будь ты, негодяй, собакою!» Въ ту жъ минуту Ѳедоръ обернулся собакою; мальчикъ надѣлъ ему на шею желѣзную цѣпь и повелъ къ своему отцу. Приходитъ и говоритъ ему: «Доброй человѣкъ! дай мнѣ горячихъ угольевъ». — «На что

тебѣ?» — «Да вотъ надо пса покормить». — «Что ты? Богъ съ тобой! отвѣчастъ купецъ: гдѣ это видано, чтобъ собаки горячимъ угольемъ питались?» — «А гдѣ видано, чтобъ мать могла съѣсть свое родное дѣтище? Узнавай, батюшка! я твой сынъ, а вотъ этотъ пёсъ — твой старый приказчикъ Ѳедоръ, что меня унёсъ да на мать наклепалъ». Купецъ разспросилъ про все подробно, освободилъ жену изъ темницы, и потомъ всѣ они вмѣстѣ переѣхали жить въ новое царство, которое еще прежде, по желанью купеческаго сына, явилось на взморьи; царевна къ своему отцу уѣхала, а Ѳедоръ до самой смерти такъ и остался поганымъ псомъ.

144
Кладъ

Въ нѣкоемъ царствѣ жилъ-былъ старикъ со старухою у великой бѣдности. Ни много, ни мало прошло времени — померла старуха. На дворѣ зима стояла лютая, морозная. Пошелъ старикъ по сусѣдямъ да по знакомымъ, проситъ, чтобъ пособили ему вырыть для старухи могилу; только и сусѣди, и знакомые, знаючи его великую бѣдность, всѣ начисто отказали. Пошелъ старикъ къ попу, а у нихъ на селѣ былъ попъ куды жадной, несовѣстливой! «Потрудись, говоритъ, батюшка! старуху похоронить». — «А есть ли у тебя деньги, чѣмъ за похороны заплатить? Давай, свѣтъ, впередъ!» — «Передъ тобой нечего грѣха таить: нѣтъ у меня въ домѣ ни единой копейки! Обожди маленько, заработаю — съ лихвой заплачу, право слово — заплачу!» Попъ не захотѣлъ и рѣчей стариковыхъ слушать: «Коли нѣтъ денегъ, не смѣй и ходить сюда!» — «Что дѣлать? думаетъ старикъ: пойду на кладбище, вырою коё-какъ могилу и похороню самъ старуху». Вотъ

онъ захватилъ топоръ да лопату и пошелъ на кладбище; пришелъ и зачалъ могилу готовить: срубилъ сверху мёрзлую землю топоромъ, а тамъ и за лопату взялся, копалъ-копалъ, и выкопалъ котелокъ, глянулъ — а онъ полнёхонько червонцами насыпанъ, какъ жаръ блестятъ! Крѣпко старикъ возрадовался: «Слава тебѣ, Господи! будетъ на что и похоронить и помянуть старуху». Не сталъ больше могилу рыть, взялъ котелокъ съ золотомъ и понёсъ домой. Ну, съ деньгами знамое дѣло — все пошло какъ по маслу! Тотчасъ нашлись добрые люди: и могилу вырыли, и гробъ смастерили; старикъ послалъ невѣстку купить вина и кушаньевъ и закусокъ разныхъ — всего, какъ должно быть на поминкахъ, а самъ взялъ червонецъ въ руку и потащился опять къ попу. Только въ двери, а попъ на него: «Сказано тебѣ толкомъ, старый хрѣнъ, чтобъ безъ денегъ не приходилъ, а ты опять лѣзешь!» — «Не серчай, батюшка! проситъ его старикъ: вотъ тебѣ золотой — похорони мою старуху, вѣкъ не забуду твоей милости!» Попъ взялъ деньги, и не знаетъ, какъ старика принять-то, гдѣ посадить, какими рѣчами умилить: «Ну, старичокъ! будь въ надёжѣ, все будетъ сдѣлано». Старикъ поклонился и пошелъ домой, а попъ съ попадьею сталъ про него разговаривать: «Вишь, старой чортъ! говорятъ: бѣденъ, бѣденъ! а онъ золотой отвалилъ. Много на своемъ вѣку схоронилъ я именитыхъ покойниковъ, а столько ни отъ кого не получалъ . . .» Собрался попъ со всѣмъ причетомъ, и похоронилъ старуху, какъ слѣдуетъ. Послѣ похоронъ проситъ его старикъ къ себѣ помянуть покойницу. Вотъ пришли въ избу, сѣли за столъ, и откуда что явилось — и вино-то, и кушанья, и закуски разныя, всего вдоволь! Гость сидитъ, за тронхъ обжирается, на чужое добро зазирается. Отобѣдали гости и стали

по своимъ домамъ расходиться; вотъ и попъ поднялся. Пошелъ старикъ его провожать, и только вышли на дворъ — попъ видитъ, что со стороны никого больше нѣту, и началъ старика допрашивать: «Послушай, свѣтъ! покайся мнѣ, не оставляй на душѣ ни единаго грѣха — все равно какъ передъ Богомъ, такъ и передо мною; отчего такъ скоро сумѣлъ ты поправиться? Былъ ты — мужикъ скудной, а теперь на̀ поди! откуда что̀ взялось! Покайся-ка, свѣтъ! чью загубилъ ты душу, кого обобралъ?» — «Что ты, батюшка! Истинною правдою признаюсь тебѣ: я не кралъ, не грабилъ, не убивалъ никого; кладъ самъ въ руки дался!» И разсказалъ, какъ все дѣло было. Какъ услышалъ эти рѣчи попъ, ажно затрёсся отъ жадности; воротился домой, ничего не дѣластъ — и день и ночь думаетъ: «Такой ледащій мужичишка и получилъ эдакую силу денегъ! какъ бы теперь ухитриться да отжилить у него котелокъ съ золотомъ?» Сказалъ про то попадьѣ; стали вдвоемъ совѣтъ держать, и присовѣтовали. «Слушай, матка! вѣдь у насъ козелъ есть?» — «Есть». — «Ну, ладно! дождемся ночи и обработаемъ дѣло какъ надо». Вечеромъ поздно притащилъ попъ въ избу козла, зарѣзалъ и содралъ съ него шкуру — совсѣмъ и съ рогами и съ бородой; тотчасъ натянулъ козлиную шкуру на себя, и говоритъ попадьѣ: «Бери, матка, иглу съ ниткою; закрѣпи кругомъ шкуру, чтобъ не свалилась». Попадья взяла толстую иглу да суровую нитку и обшила его козлиною шкурою. Вотъ въ самую глухую полночь пошелъ попъ прямо къ стариковой избѣ, подошелъ подъ окно, и ну стучать да царапаться. Старикъ услыхалъ шумъ, вскочилъ и спрашиваетъ: «Кто тамъ?» — «Чортъ! . . .» — «Наше мѣсто свято!» завопилъ мужикъ и началъ крестъ творить да молитвы читать. «Слушай, старикъ! говоритъ попъ: отъ меня,

хоть молись, хоть крестись, не избавишься; отдай-ка лучше мой котелокъ съ деньгами; не то я съ тобой раздѣлаюся! Ишь, я надъ твоимъ горемъ сжалился, кладъ тебѣ показалъ — думалъ: немного возьмешь на похороны, а ты все цѣликомъ и заграбилъ!» Глянулъ старикъ въ окно — торчатъ козлиные рога съ бородою: какъ есть нечистой! «Ну его совсѣмъ и съ деньгами-то! думаетъ старикъ: наперёдъ того безъ денегъ жилъ, и опосля безъ нихъ проживу!» Досталъ котелокъ съ золотомъ, вынесъ на улицу, бросилъ на̀земь, а самъ въ избу поскорѣе. Попъ подхватилъ котёлъ съ деньгами и припустилъ домой. Воротился: «Ну, говоритъ, деньги въ нашихъ рукахъ! На̀, матка, спрячь подальше, да бери острой ножъ, рѣжь нитки да снимай съ меня козлиную шкуру, пока никто не видалъ». Попадья взяла ножъ, стала было по шву нитки рѣзать — какъ польётся кровь, какъ заорётъ онъ: «Матка! больно, не рѣжь; матка! больно, не рѣжь». Начнетъ она пороть въ иномъ мѣстѣ — то же самое! кругомъ къ тѣлу приросла козлиная шкура. Ужъ чего они ни дѣлали, чего ни пробовали, и деньги старику назадъ отнесли — нѣтъ, ничего не помогло; такъ и осталась на попѣ козлиная шкура. Зна̀мо, Господь покаралъ за великую жадность!

145
Скорый гонецъ

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ были болота непроходимыя; кругомъ ихъ шла дорога окольная: скоро ѣхать тою дорогою — три года понадобится, а тихо ѣхать — и пяти мало! Возлѣ самой дороги жилъ убогой старикъ; у него было три сына: перваго звали Иванъ, второго — Василій, а третьяго — Семёнъ-малой юнышъ. Вздумалъ убогой расчистить

эти болота, проложить тутъ дорогу прямохожую-прямоѣзжую и намостить мосты калиновые, чтобы пѣшему можно было пройти въ три недѣли, а конному въ трое сутокъ проѣхать. Принялся за работу вмѣстѣ съ своими дѣтьми, и не по маломъ времени все было исправлено; намощены мосты калиновые, и расчищена дорога прямохожая-прямоѣзжая. Воротился убогой въ свою избушку и говоритъ старшему сыну Ивану: «Поди-ка ты, мой любезной сынъ, сядь подъ мостомъ и послушай: что̀ про насъ будутъ добрые люди говорить — добро или ˙худо?» По родительскому приказанію пошелъ Иванъ и сѣлъ въ скрытномъ мѣстѣ подъ мостомъ. Идутъ по тому мосту калиновому два старца и говорятъ промежъ себя: «Кто этотъ мостъ мостилъ да дорогу расчищалъ — чего бы онъ у Господа ни попросилъ, то бы ему Господь и даровалъ!» Иванъ какъ скоро услыхалъ эти слова, тотчасъ вышелъ изъ-подъ моста калиноваго: «Этотъ мостъ, говоритъ, мостилъ я съ отцомъ да съ братьями». — «Чего же ты проспишь у Господа?» спрашиваютъ старцы. «Вотъ кабы Господь далъ мнѣ денегъ навѣкъ!» — «Хорошо, ступай въ чистое поле: въ чистомъ полѣ есть сырой дубъ, подъ тѣмъ дубомъ глубокой погребъ, въ томъ погребѣ множество и злата и се́ребра, и каменья драгоцѣннаго. Возьми лопату и рой — дастъ тебѣ Господь денегъ на цѣлой вѣкъ!» Иванъ пошелъ въ чистое поле, вырылъ подъ дубомъ много и злата, и сѐребра, и каменья драгоцѣннаго, и понёсъ домой. «Ну, сынокъ! спрашиваетъ убогой: видѣлъ ли кого, что̀ бы шелъ али ѣхалъ по̀ мосту, и что про насъ люди говорятъ?» Иванъ разсказалъ отцу, что видѣлъ двухъ старцевъ и чѣмъ они его наградили на цѣлой вѣкъ.

На другой день посылаетъ убогой середняго сына Василія. Пошелъ Василій, сѣлъ подъ мостомъ ка-

линовымъ и слушаетъ. Идутъ по мосту два старца, поровнялись супротивъ того мѣста, гдѣ онъ спрятался, и говорятъ: «Кто этотъ мостъ мостилъ — чего бы у Господа ни попросилъ, то бы ему Господь и далъ!» Какъ скоро услыхалъ Василій эти слова, вышелъ къ старцамъ и сказалъ: «Этотъ мостъ мостилъ я съ батюшкой и съ братьями». — «Чего же ты у Бога просишь?» — «Вотъ кабы Господь далъ мнѣ хлѣба навѣкъ!» — «Хорошо, поди домой, выруби новину и посѣй: дастъ тебѣ Господь хлѣба на цѣлой вѣкъ!» Василій пришелъ домой, разсказалъ про все отцу, вырубилъ новину и засѣялъ хлѣбомъ.

На третій день посылаетъ убогой меньшого сына. Семенъ-малой юнышъ сѣлъ подъ мостомъ и слушаетъ. Идутъ по̀ мосту два старца; только поровнялись съ нимъ, и говорятъ: «Кто этотъ мостъ мостилъ — чего бы у Господа ни попросилъ, то бы ему Господь и далъ!» Семенъ-малой юнышъ услыхалъ эти слова, выступилъ къ старцамъ и сказалъ: «Этотъ мостъ мостилъ я съ батюшкой и съ братьями». — «Чего же ты у Бога просишь?» — «А прошу у Бога милости: послужить великому государю въ солдатахъ». — «Проси другого! солдатская служба тяжелая; пойдешь въ солдаты, къ Морскому Царю въ полонъ попадешь, и много будетъ твоихъ слёзъ пролито!» — «Эхъ, люди вы старые, сами вы вѣдаете: кто на семъ свѣтѣ не плачетъ, тотъ будетъ плакать въ будущемъ вѣкѣ». — «Ну, коли ужъ ты похотѣлъ идти въ царскую службу — мы тебя благословляемъ!» сказали старцы Семену, наложили на него свои руки и обратили въ оленя быстроногаго. Побѣжалъ олень къ своему дому; усмотрѣли его изъ окошечка отецъ и братья, выскочили изъ избушки и хотѣли поймать. Олень повернулъ, и назадъ; прибѣжалъ къ двумъ старцамъ, старцы обратили его въ

зайца. Заяцъ пустился къ своему дому; усмотрѣли его отецъ и братья, выскочили изъ избушки и хотѣли было изловить; да онъ назадъ повернулъ. Прибѣжалъ заяцъ къ двумъ старцамъ, старцы обратили его въ маленькую птичку-золотая головка. Птичка прилетѣла къ своему дому, сѣла у открытаго окошечка; усмотрѣли ее отецъ и братья, бросились ловить — птичка вспорхнула, и назадъ. Прилетѣла къ двумъ старцамъ, старцы сдѣлали ее попрежнему человѣкомъ, и говорятъ: «Теперь, Семенъ-малой юнышъ, иди на царскую службу. Если тебѣ понадобится сбѣгать куда наскоро, можешь ты обращаться оленемъ, зайцемъ и птичкою-золотая головка: мы тебя научили!» Семенъ-малой юнышъ пришелъ домой и сталъ у отца проситься на царскую службу. «Куда тебѣ идти? отвѣчалъ убогой: ты еще малъ и глупъ!» — «Нѣтъ, батюшка, отпусти; на то Божья воля есть». Убогой отпустилъ. Семенъ-малой юнышъ снарядился, съ отцомъ, съ братьями простился, и пошелъ въ дорогу.

Долго ли, коротко ли — пришелъ онъ на царской дворъ прямо къ царю, и сказалъ: «Ваше царское величество! не велите казнить, велите слово вымолвить». — «Говори, Семенъ-малой юнышъ!» — «Ваше величество! возьмите меня въ военную службу». — «Что ты! вѣдь ты малъ и глупъ; куда тебѣ идти въ службу?» — «Хоть я малъ и глупъ, а служить буду не хуже другихъ: въ томъ уповаю на Бога». Царь согласился, взялъ его въ солдаты и велѣлъ быть при своемъ лицѣ. Прошло нѣсколько времени, вдругъ объявилъ царю нѣкоторой король жестокую войну. Царь началъ въ походъ сряжаться; въ урочное время собралось все войско въ готовности. Семенъ-малой юнышъ сталъ на войну проситься; царь не могъ ему отказать, взялъ его съ собою и выступилъ въ походъ. Долго-долго

шелъ царь съ воинствомъ, много-много земель за собой оставилъ, вотъ ужъ и непріятель близко — дня черезъ три надо и бой зачинать. Втѣпоры хватился царь своей боевой палицы и своего меча остраго — нѣтъ ни той, ни другого! во дворцѣ позабылъ; нечѣмъ ему себѣ оборону дать, непріятельскія силы побивать. Сдѣлалъ онъ кличъ по всему войску: не возьмется ли кто сходить во дворецъ нàскоро да принести ему боевую палицу и острой мечъ; кто сослужитъ эту службу, за того обѣщалъ отдать въ супружество дочь свою Марью-царевну, въ приданое пожаловать половину царства, а по смерти своей оставить тому и все царство. Начали выскиваться охотники: кто говоритъ: я могу въ три года сходить, кто говоритъ: въ два года, а кто — въ одинъ годъ; а Семенъ-малой юнышъ доложилъ государю: «Я, ваше величество, могу сходить во дворецъ и принести боевую палицу и острой мечъ въ три дня». Царь обрадовался, взялъ его зà руку, поцѣловалъ въ уста, и тотчасъ же написалъ къ Марьѣ-царевнѣ грамотку, чтобъ она гонцу тому повѣрила и выдала ему мечъ и палицу. Семенъ-малой юнышъ принялъ отъ царя грамотку и пошелъ въ путь-дорогу.

Отойдя съ версту, обернулся онъ въ оленя быстроногаго и пустился, словно стрѣла, изъ лука пущенная; бѣжалъ-бѣжалъ, усталъ и обернулся изъ оленя въ зайца; припустилъ во всю заячью прыть, бѣжалъ-бѣжалъ, всѣ ноги прибилъ и обратился изъ зайца въ маленькую птичку-золотая головка; еще быстрѣй полетѣлъ, летѣлъ-летѣлъ, и въ полтора дня поспѣлъ въ то царство, гдѣ Марья-царевна находилась. Обернулся человѣкомъ, вошелъ во дворецъ и подалъ царевнѣ грамотку. Марья-царевна приняла ее, распечатала, прочитала, и говоритъ: «Какъ же это сумѣлъ ты столько земель и такъ скоро пробѣжать?» — «А вотъ какъ!» отвѣчалъ

гонецъ — обратился въ оленя быстроногаго, пробѣжалъ разъ-другой по царевниной палатѣ, подошелъ къ Марьѣ-царевнѣ и положилъ къ ней на колѣни свою голову; она взяла ножницы и вырѣзала у оленя съ головы клокъ шерсти. Олень обратился въ зайца, заяцъ попрыгалъ немного по комнатѣ и вскочилъ къ царевнѣ на колѣни; она вырѣзала у него клокъ шерсти. Заяцъ обратился въ маленькую птичку съ золотой головкою; птичка полетала немного по комнатѣ и сѣла къ царевнѣ на руку; Марья-царевна срѣзала у ней съ головы золотыхъ пёрушковъ, и все это — и оленью шерсть, и заячью шерсть, и золотыя пёрушки завязала въ платокъ и спрятала къ себѣ. Птичка-золотая головка обратилась въ гонца. Царевна накормила его, напоила, въ путь снарядила, отдала ему боевую палицу и острой мечъ; послѣ они простились, на прощаньи крѣпко поцѣловались, и пошелъ Семенъ-малой юнышъ обратно къ царю. Опять побѣжалъ онъ оленемъ быстроногимъ, поскакалъ косымъ зайцемъ, полетѣлъ маленькой птичкою, и къ концу третьяго дня усмотрѣлъ царской лагерь вблизи. Не доходя до войска шаговъ съ триста, лёгъ онъ на морскомъ берегу, подлѣ ракитова куста, отдохнуть съ дороги; палицу боевую и острой мечъ около себя положилъ. Отъ великой усталости онъ скоро и крѣпко уснулъ; въ это время случилось одному генералу проходить мимо ракитова куста; увидалъ онъ гонца, тотчасъ столкнулъ его въ море, взялъ боевую палицу и острой мечъ, принесъ къ государю и сказалъ: «Ваше величество! вотъ вамъ боевая палица и острой мечъ, я самъ за ними ходилъ; а тотъ пустохвалъ Семенъ-малой юнышъ вѣрно года три проходитъ!» Царь поблагодарилъ генерала, началъ воевать съ непріятелемъ и въ короткое время одержалъ надъ нимъ славную побѣду. А Семенъ-малой юнышъ, какъ сказано, упалъ

въ море. Въ ту жъ минуту подхватилъ его Морской Царь и унёсъ въ самую глубину. Жилъ онъ у того царя цѣлой годъ, стало ему скучно, запечалился онъ и горько заплакалъ. Пришелъ къ нему Морской Царь: «Что, Семенъ-малой юнышъ, скучно тебѣ здѣсь?» — «Скучно, ваше величество!» — «Хошь на русской свѣтъ?» — «Хочу, если ваша царская милость будетъ». Морской Царь вынесъ его въ самую полночь, оставилъ на берегу, а самъ ушелъ въ море. Семенъ-малой юнышъ началъ Богу молиться: «Дай, Господи, солнышка!» Передъ самымъ восходомъ краснаго солнца явился Морской Царь, ухватилъ его опять и унёсъ въ морскую глубину. Прожилъ тамъ Семенъ-малой юнышъ еще цѣлой годъ: сдѣлалось ему скучно, и онъ горько-горько заплакалъ. Спрашиваетъ Морской Царь: «Что, али тебѣ скучно?» — «Скучно!» молвилъ Семенъ-малой юнышъ. «Хошь на русской свѣтъ?» — «Хочу, ваше величество!» Морской Царь вынесъ его въ полночь на берегъ, самъ ушелъ въ море. Началъ Семенъ-малой юнышъ со слезами Богу молиться: «Дай, Господи, солнышка!» Только чуть-чуть разсвѣтать стало, пришелъ Морской Царь, ухватилъ его и унёсъ въ морскую глубину. Прожилъ Семенъ-малой юнышъ третій годъ въ морѣ, стало ему скучно — и онъ горько, неутѣшно заплакалъ. «Что, Семенъ, скучно тебѣ? спрашиваетъ Морской Царь: хошь на русской свѣтъ?» — «Хочу, ваше величество!» Морской Царь вынесъ его на берегъ, самъ ушелъ въ море. Семенъ-малой юнышъ началъ со слезами Богу молиться: «Дай, Господи, солнышка!» Вдругъ солнце осіяло своими лучами, и ужъ Морской Царь не смогъ больше взять его въ полонъ.

Семенъ-малой юнышъ отправился въ свое государство; оборотился сперва оленемъ, потомъ зайцемъ, а потомъ маленькой птичкой-золотая головка; въ короткое время

очутился у царскаго дворца. А покуда все это сдѣлалось, царь успѣлъ съ войны воротиться, и засваталъ свою дочь Марью-царевну за генерала-обманщика. Семенъ-малой юнышъ входитъ въ ту самую палату, гдѣ за столомъ сидѣли женихъ да невѣста. Увидала его Марья-царевна и говоритъ царю: «Государь-батюшка! не вели казнить, позволь рѣчь говорить». — «Говори, дочь моя милая! что тебѣ надобно?» — «Государь-батюшка! не тотъ мой женихъ, что̀ за столомъ сидитъ, а вотъ онъ — сейчасъ пришелъ! Покажи-ка, Семенъ-малой юнышъ, какъ втѣпоры ты на̀скоро сбѣгалъ за боевой палицей, за острымъ мечомъ». Семенъ-малой юнышъ оборотился въ оленя быстроногаго, пробѣжалъ разъ-другой по комнатѣ и остановился возлѣ царевны. Марья-царевна вынула изъ платочка срѣзанную оленью шерсть, показываетъ царю, въ коемъ мѣстѣ она ее срѣзала, и говоритъ: «Посмотри, батюшка! вотъ мои примѣточки». Олень обратился въ зайца; зайчикъ попрыгалъ-попрыгалъ по комнатѣ, и прискочилъ къ царевнѣ; Марья-царевна вынула изъ платочка заячью шерсть. Зайчикъ оборотился въ маленькую птичку съ золотой головкою; птичка полетала-полетала по комнатѣ и сѣла къ царевнѣ на колѣни; Марья-царевна развязала третій узелокъ въ платкѣ и показала золотыя пёрушки. Тутъ царь узналъ всю правду истинную, приказалъ генерала казнить, Марью-царевну выдалъ за Семена-малаго юныша, и сдѣлалъ его своимъ наслѣдникомъ.

Записана въ Архангельской губ.

146

Сестрица Аленушка, братецъ Иванушка

Жили-были себѣ царь и царица; у нихъ были сынъ и дочь; сына звали Иванушкой, а дочь Алёнушкой. Вотъ царь съ царицею померли; остались дѣти одни

и пошли странствовать по бѣлу свѣту. Шли-шли-шли . . идутъ и видятъ прудъ, а около пруда пасётся стадо коровъ. «Я хочу пить», говоритъ Иванушка. — «Не пей, братецъ! а то будешь телёночкомъ», говоритъ Алёнушка. Онъ послушался, и пошли они дальше; шли-шли, и видятъ рѣку, а около ходитъ табунъ лошадей. «Ахъ, сестрица! если бъ ты знала, какъ мнѣ пить хочется». — «Не пей, братецъ! а то сдѣлаешься жеребёночкомъ». Иванушка послушался, и пошли они дальше; шли-шли, и видятъ озеро, а около него гуляетъ стадо овецъ. «Ахъ, сестрица! мнѣ страшно пить хочется». — «Не пей, братецъ! а то будешь баранчикомъ». Иванушка послушался, и пошли они дальше; шли-шли, и видятъ ручей, а возлѣ стерегутъ свиней. «Ахъ, сестрица! я напьюся; мнѣ ужасно пить хочется». — «Не пей, братецъ! а то будешь поросёночкомъ». Иванушка опять послушался, и пошли они дальше; шли-шли, и видятъ: пасётся у воды стадо козъ. «Ахъ, сестрица! я напьюся». — «Не пей, братецъ! а то будешь козлёночкомъ». Онъ не вытерпѣлъ и не послушался сестры, напился и сталъ козлёночкомъ, прыгаетъ передъ Алёнушкой и кричитъ: мекеке! мекеке!

Алёнушка обвязала его шелковымъ поясомъ и повела съ собою, а сама-то плачетъ, горько плачетъ . . . Козлёночекъ бѣгалъ-бѣгалъ и забѣжалъ разъ въ садъ къ одному царю. Люди увидали и тотчасъ доказываютъ царю: «У насъ, ваше царское величество, въ саду козлёночекъ и держитъ его на поясѣ дѣвица, да такая изъ себя красавица». Царь приказалъ спросить, кто она такая. Вотъ люди и спрашиваютъ ее: откуда она и чьего роду-племени? «Такъ и такъ, говоритъ Алёнушка: былъ царь и царица, да померли; остались мы, дѣти: я, царевна, да вотъ братецъ мой, царевичъ; онъ не утерпѣлъ, напился водицы и сталъ козлёночкомъ».

Люди доложили все это царю. Царь позвалъ Алёнушку, разспросилъ обо всёмъ; она ему приглянулась, и царь захотѣлъ на ней жениться. Скоро сдѣлали свадьбу и стали жить себѣ, и козлёночекъ съ ними — гуляетъ себѣ по саду, а пьетъ и ѣстъ вмѣстѣ съ царемъ и съ царицею.

Вотъ поѣхалъ царь на охоту. Тѣмъ временемъ пришла колдунья и навела на царицу порчу: сдѣлалась Алёнушка больная, да такая худая да блѣдная. На царскомъ дворѣ все пріуныло; цвѣты въ саду стали вянуть, деревья сохнуть, трава блёкнуть. Царь воротился и спрашиваетъ царицу: «Али ты чѣмъ нездорова?» — «Да, хвораю», говоритъ царица. На другой день царь опять поѣхалъ на охоту. Алёнушка лежитъ больная; приходитъ къ ней колдунья и говоритъ: «Хочешь, я тебя вылѣчу? выходи къ такому-то морю столько-то зорь и пей тамъ воду». Царица послушалась и въ сумеркахъ пошла къ морю, а колдунья ужъ дожидается, схватила ее, навязала ей на шею камень и бросила въ море. Алёнушка пошла на дно; козлёночекъ прибѣжалъ и горько-горько заплакалъ. А колдунья оборотилась царицею и пошла во дворецъ. Царь пріѣхалъ и обрадовался, что царица опять стала здорова. Собрали на столъ и сѣли обѣдать. «А гдѣ же козлёночекъ?» спрашиваетъ царь. «Не надо его, говоритъ колдунья: я не велѣла пускать; отъ него такъ и несётъ козлятиной!» На другой день, только царь уѣхалъ на охоту, колдунья козлёночка била-била, колотила-колотила, и грозитъ ему: «Вотъ воротится царь, я попрошу тебя зарѣзать». Пріѣхалъ царь; колдунья такъ и пристаетъ къ нему: «Прикажи да прикажи зарѣзать козлёночка; онъ мнѣ надоѣлъ, опротивѣлъ совсѣмъ!» Царю жалко было козлёночка, да дѣлать нечего — она такъ пристаетъ, такъ упрашиваетъ, что царь наконецъ

согласился и позволилъ его зарѣзать. Видитъ козлёночекъ: ужъ начали точить на него ножи булатные, заплакалъ онъ, побѣжалъ къ царю и просптся: «Царь! пусти меня на̀ море сходить, водицы испить, кишёчки всполоскать». Царь пустилъ его. Вотъ козлёночекъ прибѣжалъ къ морю, сталъ на берегу и жалобно закричалъ:

Алёнушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бѐрежокъ.
Огни горятъ горючіе,
Котлы кипятъ кипучіе,
Ножи точатъ булатные,
Хотятъ меня зарѣзати!

Она ему отвѣчаетъ:

Иванушка-братецъ!
Тяжёлъ камень ко дну тянетъ,
Люта змѣя сердце высосала!

Козлёночекъ заплакалъ и воротился назадъ. Посерёдъ дня опять проспится онъ у царя: «Царь! пусти меня на̀ море сходить, водицы испить, кишёчки всполоскать». Царь пустилъ его. Вотъ козлёночекъ прибѣжалъ къ морю и жалобно закричалъ:

Алёнушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь, на бѐрежокъ.
Огни горятъ горючіе,
Котлы кипятъ кипучіе,
Ножи точатъ булатные,
Хотятъ меня зарѣзати!

Она ему отвѣчаетъ:

Иванушка-братецъ!
Тяжёлъ камень ко дну тянетъ,
Люта змѣя сердце высосала!

Козлёночекъ заплакалъ и воротился домой. Царь и думаетъ: что бы это значило, козлёночекъ все бѣгаетъ на̀ море? Вотъ попроспился козлёночекъ въ третій разъ: «Царь! пусти меня на̀ море сходить, водицы испить, кишёчки всполоскать». Царь отпустилъ его,

и самъ пошелъ за нимъ слѣдомъ; приходитъ къ морю и слышитъ — козлёночекъ вызываетъ сестрицу:

Алёнушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бѣрежокъ.
Огни горятъ горючіе,
Котлы кипятъ кипучіе,
Ножи точатъ булатные,
Хотятъ меня зарѣзати!

Она ему отвѣчаетъ:

Иванушка-братецъ!
Тяжёлъ камень ко дну тянетъ,
Люта змѣя сердце высосала!

Козлёночекъ опять началъ вызывать сестрицу. Алёнушка всплыла кверху и показалась надъ водой. Царь ухватилъ ее, сорвалъ съ шеи камень и вытащилъ Алёнушку на берегъ, да и спрашиваетъ: какъ это сталося? Она ему все разсказала. Царь обрадовался, козлёночекъ тоже — такъ и прыгаетъ, въ саду все зазеленѣло и зацвѣло. А колдунью приказалъ царь казнить: разложили на дворѣ костёръ дровъ и сожгли ее. Послѣ того царь съ царицей и съ козлёночкомъ стали жить да поживать, да добра наживать, и попрежнему вмѣстѣ и пили и ѣли.

Записана въ Бобровскомъ у., Воронежской губ.

147
Царевна-сѣра утица

Жилъ царь съ царицею, у нихъ были дѣти: сынъ да дочь; сына звали Димитрій-царевичъ, а дочь — Марья-царевна. Были приставлены къ царевнѣ и няньки и мамки, и ни одна не могла ее укачать-убаюкать. Только братъ и умѣлъ это сдѣлать; бывало пріѣдетъ къ ея кроваткѣ и начнетъ припѣвать: «Баю-баюшки, сестрица! баю-баюшки, родная! вырастешь большая, отдамъ тебя замужъ — за Ивана-царевича». Она закроетъ

глазки и заснетъ. Прошло нѣсколько лѣтъ: собрался Димитрій-царевичъ и поѣхалъ въ гости къ Ивану-царевичу; прогостилъ тамъ три мѣсяца — много играли, много гуляли; сталъ уѣзжать и зоветъ къ себѣ Ивана-царевича. «Хорошо, говоритъ, пріѣду!» Воротился домой, взялъ портретъ своей сестры и повѣсилъ надъ своею постелью, и такъ хороша была царевна, что все бы смотрѣлъ на ея портретъ: глазъ оторвать невозможно! Нежданно, негаданно пріѣзжаетъ Иванъ-царевичъ къ Дмитрію-царевичу, входитъ въ его комнату, а онъ спитъ себѣ крѣпкимъ сномъ. Увидалъ Иванъ-царевичъ портретъ Марьи-царевны — и въ ту жъ минуту влюбился въ нее, выхватилъ свой мечъ и занёсъ на ея брата. Богъ не попустилъ грѣха, словно что толкнуло Дмитрія-царевича — вмигъ проснулся и спрашиваетъ: «Что ты дѣлать хочешь?» — «Хочу тебя убить!» — «За что, Иванъ-царевичъ?» — «Вѣдь это портретъ твоей невѣсты?» — «Нѣтъ, моей сестры Марьи-царевны». — «Ахъ, что же ты мнѣ никогда объ ней не сказывалъ! я теперь жить безъ нея не могу!» — «Ну, что жъ! женись на сестрѣ, будемъ братьями». Иванъ-царевичъ бросился обнимать Дмитрія-царевича. Тутъ они и поладили, по рукамъ ударили. Иванъ-царевичъ домой уѣхалъ — къ свадьбѣ готовиться, а Дмитрій-царевичъ сталъ собираться съ своею сестрицею въ путь-дорогу, къ жениху въ гости. Снарядили два корабля: въ одномъ братъ плыветъ, въ другомъ сестра плыветъ, а при ней нянька съ дочкою. Вотъ какъ выѣхали корабли посерёдъ моря синяго, нянька и говоритъ Марьѣ-царевнѣ: «Скинь съ себя драгоцѣнное платье, да ложись на перину — тебѣ спокойнѣе будетъ!» Царевна скинула платье, и только легла на перину — нянька ударила ее слегка по бѣлому тѣлу, и сдѣлалась Марья-царевна сѣрой утицею, взвилась-полетѣла съ

корабля на синё море. А нянька нарядила свою дочь въ царевнино платье, сидятъ обѣ да величаются. Пріѣхали въ землю Ивана-царевича; онъ тотчасъ выбѣжалъ навстрѣчу и портретъ Марьи-царевны съ собой захватилъ; смотритъ, а невѣста далеко на тотъ портретъ не похожа! Разгнѣвался на Дмитрія-царевича, велѣлъ посадить его въ темницу, въ день давать ему по куску чёрствaго хлѣба да по стакану воды; кругомъ были часовые приставлены, и наказано имъ настрого никого не пускать къ заключенному. Приходитъ время къ полуночи, стала сѣра утица съ моря подыматься, полетѣла къ родимому братцу — все царство собой осіяла: крыльями машетъ, а съ нихъ словно жаръ сыпется! подлетѣла къ темницѣ да прямо въ окошечко, крылушки на гвоздикъ повѣсила, а сама къ брату пошла: «Родимой мой братецъ, Дмитрій-царевичъ! тебѣ тошно въ темницѣ сидѣть, по стакану воды пить, по куску хлѣба ѣсть; а мнѣ, братецъ, тошнѣе того по синю морю плавать! Сгубила насъ злая нянюшка, скинула съ меня драгоцѣнное платье — нарядила въ него свою дочку». Братецъ съ сестрицею поплакали, погоревали вмѣстѣ; раннимъ утромъ улетѣла сѣра утица на синё море. Докладываютъ Ивану-царевичу: «Такъ и такъ, прилетала къ заключенному сѣра утица — все царство собой осіяла!» Приказалъ онъ, чтобъ сейчасъ дали ему знать, какъ скоро та утица опять прилетитъ. Вотъ подходитъ время къ полуночи; вдругъ море заколыхалося, поднялась съ него сѣра утица, полетѣла — все царство собой освѣтила, крылушками машетъ, а съ нихъ словно жаръ сыпется. Прилетѣла къ темницѣ, крылушки свои на окнѣ оставила, а сама къ брату пошла. Тотчасъ же разбудили Ивана-царевича; онъ побѣжалъ къ темницѣ, смотритъ: на окнѣ лежатъ крылушки, взялъ и велѣлъ ихъ на огнѣ спалить; а самъ

приложилъ ухо да слушаетъ — про что говорятъ братецъ съ сестрицею. «Родимой мой братецъ! говоритъ Марья-царевна: тебѣ тошно въ темницѣ сидѣть, по стакану воды пить, по куску хлѣба ѣсть, а мнѣ тошнѣе того по синю морю плавать! Сгубила насъ злая нянюшка, скинула съ меня драгоцѣнное платье — нарядила въ него свою дочку . . . Ахъ, братецъ, что-то гарью пахнетъ!» — «Нѣтъ, сестрица! я ничего не слышу». Иванъ-царевичъ отворилъ темницу, входитъ туда — Марья-царевна въ ту жъ минуту бросилась къ окошечку, видитъ: крылушки ея до половины обожжёны; тутъ ухватилъ ее Иванъ-царевичъ за бѣлыя руки, а она стала оборачиваться разными гадами. Иванъ-царевичъ не пугается, изъ рукъ ее не пущаетъ . . . Вотъ наконецъ она веретеномъ обратилась; царевичъ переломилъ веретено надвое, одинъ конецъ бросилъ впередъ, а другой назадъ, и говоритъ: «Стань передо мной красна дѣвица, а за мной бѣлая береза!» Стала позади бѣлая береза, а передъ нимъ явилась Марья-царевна во всей своей красотѣ. Иванъ-царевичъ выпросилъ себѣ прощеніе у Дмитрія-царевича, и всѣ трое во дворецъ пошли; а на другой день была свадьба: Иванъ-царевичъ женился на Марьѣ-царевнѣ; гости долго пировали, веселились, прохлаждались. А няньку съ дочкою отослали въ такое мѣсто, чтобъ объ нихъ ни слуху ни духу не было!

148
Бѣлая уточка

Одинъ князь женился на прекрасной княжнѣ, и не успѣлъ еще на нее наглядѣться, не успѣлъ съ нею наговориться, не успѣлъ ее наслушаться, а ужъ надо было имъ разставаться, надо было ему ѣхать въ даль-

ній путь, покидать жену на чужихъ рукахъ. Что дѣлать! говорятъ, вѣкъ обнявшись не просидѣть. Много плакала княгиня, много князь ее уговаривалъ, заповѣдывалъ не покидать высока терема, не ходить на бесѣду, съ дурными людьми не ватажиться, худыхъ рѣчей не слушаться. Княгиня обѣщала все исполнить. Князь уѣхалъ; она заперлась въ своемъ покоѣ и не выходитъ. Долго ли, коротко ли, пришла къ ней женщинка, казалось — такая простая, сердечная! «Что, говоритъ, ты скучаешь? хоть бы на Божій свѣтъ поглядѣла, хоть бы по саду прошлась, тоску размыкала, голову простудила»[1]. Долго княгиня отговаривалась, не хотѣла, наконецъ подумала: по саду походить не бѣда, и пошла. Въ саду разливалась ключевая хрустальная вода. «Что, говоритъ женщинка: день такой жаркой, солнце палитъ, а водица студёная — такъ и плещетъ; не скупаться ли намъ здѣсь?» — «Нѣтъ, нѣтъ, не хочу!» — а тамъ подумала: вѣдь скупаться не бѣда! скинула сарафанчикъ и прыгнула въ воду. Только окунулась, женщинка ударила ее по спинѣ: «Плыви ты, говоритъ, бѣлою уточкой!» и поплыла княгиня бѣлою уточкой. Вѣдьма тотчасъ нарядилась въ ея платье, убралась, намалевалась и сѣла ожидать князя. Только щенокъ вякнулъ, колокольчикъ звякнулъ, она ужъ бѣжитъ навстрѣчу, бросилась къ князю, цѣлуетъ, милуетъ. Онъ обрадовался, самъ руки потянулъ и не распозналъ ея.

А бѣлая уточка нанесла яичекъ, вывела дѣточекъ, двухъ хорошихъ, а третьяго заморушка, и дѣточки ея вышли — ребяточки; она ихъ вырастила, стали они по рѣченькѣ ходить, злату рыбку ловить, лоскутики сбирать, кафтаники сшивать, да выскакивать на бережокъ, да поглядывать на лужокъ. «Охъ, не ходите

[1]) Освѣжила чистымъ воздухомъ.

туда, дѣти!» говорила мать. Дѣти не слушали; нынче поиграютъ на травкѣ, завтра побѣгаютъ по муравкѣ. дальше-дальше, и забрались на княжій дворъ. Вѣдьма чутьемъ ихъ узнала, зубами заскрипѣла; вотъ она позвала дѣточекъ. накормила, напоила и спать уложила. а тамъ велѣла разложить огня, навѣсить котлы, наточить ножи. Легли два братца и заснули, — а заморушка, чтобъ не застудить, приказала (имъ?) мать въ пазушкѣ носить — заморушекъ-то и не спитъ, все слышитъ, все видитъ. Ночью пришла вѣдьма подъ дверь и спрашиваетъ: «Спите вы, дѣтки, иль нѣтъ?» Заморушекъ отвѣчаетъ: «Мы спимъ не спимъ, думу думаемъ, что хотятъ насъ всѣхъ порѣзати; огни кладутъ калиновые, котлы высятъ кипучіе, ножи точатъ булатные!» — «Не спятъ!» Вѣдьма ушла, походила, походила, опять подъ дверь: «Спите, дѣтки, или нѣтъ?» Заморушекъ опять говоритъ то же: «Мы спимъ не спимъ, думу думаемъ, что хотятъ насъ всѣхъ порѣзати; огни кладутъ калиновые, котлы высятъ кипучіе, ножи точатъ булатные!» Что же это всё одинъ голосъ? подумала вѣдьма, отворила потихоньку дверь, видитъ: оба брата спятъ крѣпкимъ сномъ, тотчасъ обвела ихъ мертвой рукой[1] — и они померли.

Поутру бѣлая уточка зоветъ дѣтокъ; дѣтки нейдутъ. Зачуяло ея сердце, встрепенулась она и полетѣла на княжій дворъ. На княжьемъ дворѣ бѣлы какъ платочки, холодны какъ пласточки лежали братцы рядушкомъ. Кинулась она къ нимъ, бросилась, крылушки распустила, дѣточекъ обхватила и материнскимъ голосомъ завопила:

Кря, кря, мои дѣточки!
Кря, кря, голубяточки!

[1]) Есть повѣрье, что воры запасаются рукою мертвеца, и, приходя на промыселъ, обводятъ ею спящихъ хозяевъ, чтобы навести на нихъ непробудный сонъ.

Я нуждой васъ выхаживала,
Я слезой васъ вышаивала,
Темну ночь не досыпала,
Сладокъ кусъ не доѣдала!

«Жена, слышишь небывалое? утка приговариваетъ». — «Это тебѣ такъ чудится! велите утку со двора прогнать!» Её прогонятъ, она облетитъ да опять къ дѣткамъ:

Кря, кря, мои дѣточки!
Кря, кря, голубяточки!
Погубила васъ вѣдьма старая,
Вѣдьма старая, змѣя лютая,
Змѣя лютая, подколодная:
Отняла у васъ отца роднаго,
Отца роднаго — моего мужа,
Потопила насъ въ быстрой рѣченькѣ,
Обратила насъ въ бѣлыхъ уточекъ.
А сама живетъ — величается!

«Эге!» подумалъ князь, и закричалъ: «Поймайте мнѣ бѣлую уточку!» Бросились всѣ, а бѣлая уточка летаетъ и никому не дается; выбѣжалъ князь самъ, она къ нему на руки пала. Взялъ онъ ее за крылушко и говоритъ: «Стань бѣлая береза у меня назади, а красная дѣвица впереди!» Бѣлая береза вытянулась у него позади, а красная дѣвица стала впереди, и въ красной дѣвицѣ князь узналъ свою молодую княгиню. Тотчасъ поймали сороку, подвязали ей два пузырька, велѣли въ одинъ набрать воды живящей, въ другой говорящей. Сорока слетала, принесла воды. Сбрызнули дѣтокъ живящею водою — они встрепенулись, сбрызнули говорящею — они заговорили. И стала у князя цѣлая семья, и стали всѣ жить-поживать, добро наживать, худо забывать. А вѣдьму привязали къ лошадиному хвосту, размыкали по полю: гдѣ оторвалась нога — тамъ стала кочерга, гдѣ рука — тамъ грабли, гдѣ голова — тамъ кустъ да колода: налетѣли птицы — мясо поклевали, поднялися вѣтры — кости разметали, и не осталось отъ ней слѣда, ни памяти!

Записана въ Курской губ.

149
Арысь-поле

У старика была дочь-красавица; жилъ онъ съ нею тихо и мирно, пока не женился на другой бабѣ, а та баба была злая вѣдьма. Не возлюбила она падчерицу, пристала къ старику: «Прогони ее и́зъ дому, чтобъ я ее и въ глаза не видала». Старикъ взялъ да и выдалъ свою дочку замужъ за хорошаго человѣка; живетъ она съ мужемъ да радуется, и родила ему мальчика. А вѣдьма еще пуще злится, зависть ей покоя не даетъ; улучила она время, обратила свою падчерицу звѣремъ Арысь-поле и выгнала въ дремучій лѣсъ, а въ падчерицыно платье нарядила свою родную дочь и подставила ее вмѣсто настоящей жены. Такъ все хитро́ сдѣлала, что ни мужъ ни люди — никто обмана не видитъ. Только старая мамка одна и смекнула, а сказать боится. Съ того самаго дня, какъ только ребёнокъ проголодается, мамка понесетъ его къ лѣсу и сапоетъ:

Арысь-поле! дитя кричитъ,
Дитя кричитъ, пить-ѣсть хочетъ.

Арысь-поле прибѣжитъ, сбросить свою шкуру подъ колоду, возьметъ мальчика, накормитъ; послѣ надѣнетъ опять шкуру и уйдетъ въ лѣсъ. «Куда это мамка съ ребёнкомъ ходитъ?» думаетъ отецъ. Сталъ за нею присматривать; увидалъ, какъ Арысь-поле прибѣжала, сбросила съ себя шкурку и стала кормить малютку. Онъ подкрался изъ-за кустовъ, схватилъ шкурку и спалилъ ее. «Ахъ, что-то дымомъ пахнетъ; никакъ моя шкурка горитъ!» говоритъ Арысь-поле. «Нѣтъ, отвѣчаетъ мамка: это, вѣрно, дровосѣки лѣсъ подожгли». Шкурка сгорѣла, Арысь-поле приняла прежній видъ и разсказала все своему мужу. Тотчасъ собрались люди, схватили вѣдьму и сожгли ее вмѣстѣ съ ея дочерью.

150
Царевна-лягушка

Въ стары годы, въ старопрежны у одново царя было три сына — всѣ они на возрастѣ. Царь и говоритъ: «Дѣти! сдѣлайте себѣ по самострѣлу и стрѣляйте: кака женщина принесётъ стрѣлу, та и невѣста; ежели никто не принесётъ, тому значитъ не женится». Большой сынъ стрѣлилъ, принесла стрѣлу княжеска дочь; середней стрѣлилъ, стрѣлу принесла генеральска дочь; а малому Ивану-царевичу принесла стрѣлу изъ болота лягуша въ зубахъ. Тѣ братья были веселы и радостны, а Иванъ-царевичъ призадумался, заплакалъ: «Какъ я стану жить съ лягушой? вѣкъ жить — не рѣку перебрести или не полё перейти!» Поплакалъ, поплакалъ, да нечево дѣлать — взялъ въ жоны лягушу. Ихъ всѣхъ обвѣнчали по ихнему тамъ обряду; лягушу держали на блюдѣ.

Вотъ живутъ они. Царь захотѣлъ однажды посмотрѣть отъ невѣстокъ дары, котора изъ нихъ лучше мастерица? Отдалъ приказъ. Иванъ-царевичъ опять призадумался, плачетъ: «Чево у меня сдѣлатъ лягуша! всѣ станутъ смѣятся». Лягуша ползатъ по полу, только квакатъ. Какъ уснулъ Иванъ-царевичъ, она вышла на улицу, сбросила кожухъ, сдѣлалась красной дѣвицой и крикнула: «Няньки-маньки! сдѣлайте то-то!» Няньки-маньки тотчасъ принесли рубашку самой лучшой работы. Она взяла ее, свернула и положила возлѣ Ивана-царевича, а сама обвернулась опеть лягушой, будто ни въ чомъ не бывала! Иванъ-царевичъ проснулся, обрадовался, взялъ рубашку и понёсъ къ царю. Царь принялъ ее, посмотрѣлъ: «Ну, вотъ это рубашка — во Христовъ день надѣвать!» Середней братъ принёсъ рубашку; царь сказалъ: «Только въ баню въ ней ходить!» а у большова

брата взялъ рубашку и сказалъ: «Въ чорной избѣ ее носить!» Разошлись царски дѣти; двое-то и судятъ между собой: «Нѣтъ, видно мы напрасно смѣялись надъ женой Ивана-царевича, она не лягуша, а кака-нибудь хитра!»

Царь даётъ опять приказанье, чтобъ снохи состряпали хлѣбы и принесли ему на показъ, котора лучше стряпатъ? Тѣ невѣстки сперва смѣялись надъ лягушой; а теперь, какъ пришло время, они и послали горнишну подсматривать, какъ она станётъ стряпать Лягуша смекнула это, взяла-замѣсила квашню, скатала, печь сверху выдолбила, да прямо туда квашню и опрокинула. Горнишна увидѣла, побѣжала, сказала своимъ ба́ронямъ, царскимъ невѣсткамъ, и тѣ такъ жо сдѣлали. А лягуша хитрая только ихъ провела, тотчасъ тѣсто изъ печи выгребла, все очистила, замазала, будто ни въ чомъ не бывала, а сама вышла на крыльцо, вывернулась изъ кожуха и крикнула: «Няньки-маньки! состряпайте сейчасъ же мнѣ хлѣбовъ такихъ, каки мой батюшко по воскресеньямъ да по праздникамъ только ѣлъ». Няньки-маньки тотчасъ приташшили хлѣба. Она взяла ево, положила возлѣ Ивана-царевича, а сама сдѣлалась лягушой. Иванъ-царевичъ проснулся, взялъ хлѣбъ и понёсъ къ отцу. Отецъ въ то время принималъ хлѣбы отъ бо̀льшихъ бра̀товей; ихъ жоны какъ поспускали въ печь хлѣбы такъ жо, какъ лягуша, — у нихъ и вышло кули-мули. Царь наперво принялъ хлѣбъ отъ большова сына, посмотрѣлъ и отослалъ на кухню; отъ середнёва принялъ, туда же послалъ. Дошла очередь до Ивана-царевича; онъ подалъ свой хлѣбъ. Отецъ принялъ, посмотрѣлъ и говоритъ: «Вотъ это хлѣбъ — во Христовъ день ись! не такой, какъ у большихъ снохъ, съ закалой!»

Послѣ тово вздумалось царю сдѣлать балъ, посмотрѣть своихъ сношокъ, котора лучше пляшотъ?

Собрались всѣ гости и снохи, кромѣ Ивана-царевича; онъ задумался: куда я съ лягушой поѣду? и заплакалъ навзрыдъ нашъ Иванъ-царевичъ. Лягуша и говоритъ ему: «Не плачь, Иванъ-царевичъ! ступай на балъ. Я черезъ часъ буду». Иванъ-царевичъ немного обрадовался, какъ услыхалъ, что̀ лягуша баётъ; уѣхалъ, а лягуша пошла сбросила съ себя кожухъ, одѣлась чудо какъ! Пріѣзжаетъ на балъ; Иванъ-царевичъ обрадовался и всѣ руками схлопали: кака красавица! Начали закусывать; царевна огложотъ коску да и въ рукавъ, выпьётъ чево — остатки въ другой рукавъ. Тѣ снохи видятъ, чево она дѣлатъ, и онѣ тожо кости кладутъ къ себѣ въ рукава, пьютъ чево — остатки льютъ въ рукава. Дошла очередь танцовать; царь посылатъ большихъ снохъ, а онѣ ссылаются на лягушу. Та тотчасъ подхватила Ивана-царевича и пошла; ужъ она плясала-плясала, вертѣлась-вертѣлась — всѣмъ на диво! махнула правой рукой — стали лѣса и воды, махнула лѣвой — стали летать разны птицы. Всѣ изумились. Отплясала — ничево не стало. Други снохи пошли плясать, такъ жо хотѣли: котора правой рукой ни махнётъ, у тыё кости-та и полетятъ, да въ людей, изъ лѣвова рукава вода разбрыжжотъ тожо въ людей. Царю не понравилось, закричалъ: «будётъ, будётъ!» Снохи перестали. — Балъ былъ на отходѣ. Иванъ-царевичъ поѣхалъ наперёдъ, нашолъ тамъ гдѣ-то жонинъ кожухъ, взялъ ево да и сожокъ. Та пріѣзжатъ, хватилась кожуха: нѣтъ! сожжонъ. Легла спать съ Иваномъ-царевичомъ; передъ утромъ и говоритъ ему: «Ну, Иванъ-царевичъ! немного ты не потерпѣлъ; твоя бы я была, а теперь Богъ знатъ. Прощшай! ишши меня за тридевять земель въ тридесятомъ царствѣ». И не стало царевны.

Вотъ готъ прошолъ, Иванъ-царевичъ тоскуётъ о женѣ; на другой готъ собрался, выпросилъ у отца

у матери благословенье и пошолъ. Идётъ долго ужъ, вдрукъ попадатся ему избушка — къ лѣсу передомъ, къ нему задомъ. Онъ и говоритъ: «Избушка, избушка! стань по-старому, какъ мать поставила — къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ». Избушка перевернулась. Вошолъ въ избу; сидитъ старуха и говоритъ: «Фу, фу! русской коски слыхомъ было не слыхать, видомъ не видать, нынче русска коска сама на дворъ пришла! Куда ты, Иванъ-царевичъ, пошолъ?» — «Прежде, старуха, напой, накорми, потомъ вести разспроси». Старуха напоила, накормила и спать положила. Иванъ-царевичъ говоритъ ей: «Баушка! вотъ я пошолъ доставать Елену Прекрасну». — «Ой, дитятко, какъ ты долго! она съ первыхъ-то годовъ часто тебя поминала, а теперь ужъ не помнитъ, да и у меня давно не бывала. Ступай вперёдъ къ середней сестрѣ, та больше знатъ». — Иванъ-царевичъ поутру отправся, дошолъ до избушки и говоритъ: «Избушка, избушка! стань по-старому, какъ мать поставила — къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ». Избушка перевернулась. Онъ вошолъ въ неё, видитъ: сидитъ старуха и говоритъ: «Фу, фу! русской коски слыхомъ было не слыхать и видомъ не видать, а нынче русска коска сама на дворъ пришла! Куда, Иванъ-царевичъ, пошолъ?» — «Да вотъ, баушка, доступать Елену Прекрасну». — «Ой, Иванъ-царевичъ, сказала старуха: какъ ты долго! она ужъ стала забывать тебя, выходитъ въ замужъ за другова: скоро свадьба! Живётъ теперь у большой сестры, ступай туда, да смотри ты: какъ станёшь подходить — у неё узнаютъ, Елена обвернётся веретёшкомъ, а платьё на ней будетъ золотомъ. Моя сестра золото станётъ вить; какъ совьётъ веретёшко и положитъ въ ящикъ и ящикъ запрётъ, ты найди ключъ, отвори ящикъ, веретёшко переломи, кончикъ

брось назадъ, а корешокъ передъ себя: она и очудится передъ тобой». Пошолъ Иванъ-царевичъ, дошолъ до этой старухи, зашолъ въ избу; та вьётъ золото, свила ево, веретёшко и положила въ ящикъ, заперла и ключъ куда-то положила. Онъ взялъ ключъ, отворилъ ящикъ, вынялъ веретёшко и переломилъ по сказанному, какъ по писанному, кончикъ бросилъ за себя, а корешокъ передъ себя. Вдрукъ и очудилась Елена Прекрасна, начала здоровается: «Ой, да какъ ты долго, Иванъ-царевичъ? я чуть за другова не ушла». А тому жениху надо скоро быть; Елена Прекрасна взяла ковёръ-самолётъ у старухи, сѣли на нево и понеслись, какъ птица полетѣли. Женихъ-отъ за ними вдрукъ и пріѣхалъ, узналъ, что они уѣхали; былъ тожо хитрой! онъ ступай-ко за ними въ погоню, гналъ-гналъ, только сажонъ десять не догналъ: они на коврѣ влетѣли въ Русь, а ему нельзя какъ-то въ Русь-то, воротился; а тѣ прилетѣли домой, всѣ обрадовались, стали жить да быть, да животы наживать — на славу всѣмъ людямъ.

Записана въ Пермской губ. въ Шадринскомъ округѣ, государственнымъ крестьяниномъ Александромъ Зыряновымъ.

151
Царевна-змѣя

Ѣхалъ казакъ путемъ-дорогою, и заѣхалъ въ дремучій лѣсъ; въ томъ лѣсу на прогалинкѣ стоитъ стогъ сѣна. Остановился казакъ отдохнуть немножко, легъ около стога и закурилъ трубку; курилъ-курилъ, и не видалъ, какъ заронилъ искру въ сѣно. Послѣ отдыха сѣлъ на коня и тронулся въ путь; не успѣлъ и десяти шаговъ сдѣлать — какъ вспыхнуло пламя, и весь лѣсъ освѣтило. Казакъ оглянулся, смотритъ: стогъ сѣна горитъ, а въ огнѣ стоитъ красная дѣвица и говоритъ громкимъ голосомъ: «Казакъ, доброй человѣкъ!

избавь меня отъ смерти». — «Какъ же тебя избавить? кругомъ пламя, нѣтъ къ тебѣ подступу». — «Сунь въ огонь свою пику; я по ней выберусь». Казакъ сунулъ пику въ огонь, а самъ отъ великаго жару назадъ отвернулся. Тотчасъ красная дѣвица оборотилась змѣею, влѣзла на пику, скользнула казаку на шею, обвилась вокругъ шеи три раза и взяла свой хвостъ въ зубы. Казакъ испугался, не придумаетъ, что ему дѣлать и какъ ему быть. Провѣщала змѣя человѣческимъ голосомъ: «Не бойся, доброй мо̀лодецъ! Носи меня на шеѣ семь лѣтъ да разыскивай оловянное царство; а пріѣдешь въ то царство — останься и проживи тамъ еще семь лѣтъ безвыходно. Сослужишь эту службу, счастливъ будешь!» Поѣхалъ казакъ разыскивать оловянное царство; много ушло времени, много воды утекло, на исходѣ седьмого года добрался до крутой горы; на той горѣ стоитъ оловянной за̀мокъ, кругомъ за̀мка высо̀кая бѣлокаменная стѣна. Поскакалъ на̀ гору, передъ нимъ стѣна раздвинулась, и въѣхалъ онъ на широкой дворъ. Въ ту жъ минуту сорвалась съ его шеи змѣя, ударилась о сырую землю, обернулась душой-дѣвицей и съ глазъ пропала — словно ея не было. Казакъ поставилъ своего добраго коня на конюшню, вошелъ во дворецъ и сталъ осматривать комнаты Всюду зеркала, серебро да бархатъ, а нигдѣ не видать ни одной души человѣческой. «Эхъ, думаетъ казакъ: куда я заѣхалъ? кто меня кормить и поить будетъ? видно, пришлось помирать голодною смертію!» Только подумалъ, глядь — передъ нимъ столъ накрытъ, на столѣ и пить и ѣсть — всего вдоволь; онъ закусилъ и выпилъ, подкрѣпилъ свои силы и вздумалъ пойти на коня посмотрѣть. Приходитъ въ конюшню — конь стоитъ въ стойлѣ, да овесъ уплетаетъ. Ну, это дѣло хорошее; можно, значитъ, безъ нужды прожить. Долго-долго

оставался казакъ въ оловянномъ замкѣ, и взяла его скука смёртная: шутка ли — завсегда одинъ-одинёшенекъ! не съ кѣмъ и словечка перекинуть. Съ горя напился онъ пьянъ, и вздумалось ему ѣхать на вольной свѣтъ; только куда ни бросится — вездѣ стѣны высокія, нѣтъ ни входу, ни выходу. За досаду то ему показалося, схватилъ доброй молодецъ палку, вошелъ во дворецъ и давай зеркала и стекла бить, бархатъ рвать, стулья ломать, серебро швырять: «Авось де хозяинъ выйдетъ да на волю выпуститъ!» Нѣтъ, никто не является. Легъ казакъ спать; на другой день проснулся, погулялъ-походилъ и вздумалъ закусить; туда-сюда смотритъ — нѣтъ ему ничего! «Эхъ, думаетъ, сама себя раба бьетъ, коль нечисто жнетъ! Вотъ набѣдокурилъ вчера, а теперь голодай!» Только покаялся, какъ сейчасъ и ѣда, и питье — все готово! Прошло дня три; проснувшись поутру, смотритъ казакъ въ окно — у крыльца стоитъ его доброй конь осѣдланной. Что бы такое значило? Умылся, одѣлся, Богу помолился, взялъ свою длинную пику и вышелъ на широкой дворъ. Вдругъ откуда ни взялась — явилась красная дѣвица: «Здравствуй, доброй молодецъ! семь лѣтъ окончилось — избавилъ ты меня отъ конечной погибели. Знай же: я — королевская дочь; полюбилъ меня Кощей Безсмертной, унёсъ отъ отца отъ матери, хотѣлъ взять за себя замужъ, да я надъ нимъ насмѣялася; вотъ онъ озлобился и оборотилъ меня лютой змѣею. Спасибоу тебѣ за долгую службу! Теперь поѣдемъ къ моему отцу; станетъ онъ награждать тебя золотой казной и камнями самоцвѣтными, ты ничего не бери, а проси себѣ боченокъ, что въ подвалѣ стоитъ». — «А что за корысть въ немъ?» — «Покатишь боченокъ въ правую сторону — тотчасъ дворецъ явится, покатишь въ лѣвую — дворецъ пропадаетъ». — «Хорошо»,

сказалъ казакъ, сѣлъ на коня, посадилъ съ собой и прекрасную королевну; высокія стѣны сами передъ нимъ раздвинулись, и поѣхалъ онъ въ путь-дорогу. Долго ли, коротко ли — пріѣзжаетъ въ сказанное королевство. Король увидалъ свою дочь, возрадовался, началъ благодарствовать, и даетъ казаку полны мѣшки золота и жемчугу. Отвѣчаетъ доброй мо́лодецъ: «Не надо мнѣ ни злата, ни жемчугу; дай мнѣ на память тотъ боченочекъ, что въ подвалѣ стоитъ». — «Многаго хочешь, братъ! ну, да дѣлать нечего: дочь мнѣ всего дороже! за нее и боченка не жаль; бери съ Богомъ». Казакъ взялъ королевской подарокъ и отправился по бѣлу свѣту странствовать. Ѣхалъ-ѣхалъ, попадается ему навстрѣчу древній старичокъ. Проситъ старикъ: «Накорми меня, доброй мо́лодецъ!» Казакъ соскочилъ съ лошади, отвязалъ боченокъ, покатилъ его вправо — въ ту жъ минуту чудной дворецъ явился. Взошли они оба въ расписныя палаты и сѣли за накрытой столъ. «Эй, слуги мои вѣрные! закричалъ казакъ: накормите-напоите моего гостя». Не успѣлъ вымолвить — несутъ слуги цѣлаго быка и три котла пива. Началъ старикъ уписывать да похваливать; съѣлъ цѣлаго быка, выпилъ три котла пива, крякнулъ и говоритъ: «Маловато, да дѣлать нечего! Спасибо за хлѣбъ за соль». Вышли изъ дворца; казакъ покатилъ свой боченокъ въ лѣвую сторону — и дворца какъ не бывало! «Давай помѣняемся! говоритъ старикъ казаку: я тебѣ мечъ отдамъ, а ты мнѣ боченокъ». — «А что толку въ мечѣ!» — «Да вѣдь это мечъ-саморубъ; только сто́итъ махнуть — хоть какая будь сила несмѣтная, всю побьетъ! Вонъ видишь — лѣсъ растетъ; хочешь — пробу сдѣлаю?» Тутъ старикъ вынулъ свой мечъ, махнулъ имъ и говоритъ: «Ступай, мечъ-саморубъ! порубп дремучій лѣсъ». Мечъ полетѣлъ и ну деревья

рубить да въ сажени класть; порубилъ и назадъ, къ хозяину ворочился.. Казакъ не сталъ долго раздумывать, отдалъ старику боченокъ, а себѣ взялъ мечъ-саморубъ; махнулъ мечомъ и убилъ старика до смерти. Послѣ привязалъ боченокъ къ сѣдлу, сѣлъ на коня и вздумалъ къ королю вернуться. А подъ стольной городъ того короля подошелъ сильной непріятель: казакъ увидалъ рать-силу несмѣтную, махнулъ на нее мечомъ: «Мечъ-саморубъ! сослужи-ка службу, порубн войско вражее». Полетѣли головы, полилася кровь, и часу не прошло, какъ все поле трупами покрылося. Король выѣхалъ казаку навстрѣчу, обнялъ его, поцѣловалъ, и тутъ же рѣшилъ выдать за него замужъ прекрасную королевну. Свадьба была богатая; на той свадьбѣ и я былъ, медъ-вино пилъ, по усамъ текло, во рту не было.

152
Заколдованная королевна

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ именитой купецъ; у него былъ сынъ Иванъ. Нагрузилъ купецъ свои корабли, домъ и лавки приказалъ женѣ да сыну, и отправился въ дальній путь. Ѣдетъ онъ морями мѣсяцъ, и два, и три, пристаетъ въ земли чужестранныя, закупаетъ товары заморскіе, а свои по хорошей цѣнѣ продаетъ. Тѣмъ временемъ надъ Иваномъ-купеческимъ сыномъ стряслась бѣда немалая; озлобились на него всѣ купцы и мѣщане: «Зачѣмъ де онъ такой счастливой? весь торгъ у насъ отбилъ!» Собрались цѣлымъ обществомъ, написали челобитную, что такой-то купеческой сынъ — воръ и гуляка, недостоинъ быть въ нашемъ званіи, и присудили отдать его въ солдаты. Забрили ему сердешному лобъ и отправили въ полкъ. Служитъ Иванъ, горе

мыкаетъ — не одинъ годочекъ; десять лѣтъ прошло, и вздумалъ онъ побывать на родинѣ, записался въ отпускъ, взялъ билетъ на шесть мѣсяцевъ и пошелъ путемъ-дорогою. Отецъ и мать ему обрадовались; прожилъ онъ прогостилъ у нихъ сколько надобно, а тутъ время и назадъ отправляться. Взялъ его купецъ, повелъ въ подвалы глубокіе, златомъ-сѣребромъ насыпанные, и говоритъ: «Ну, любезной сынъ, бери себѣ денегъ, сколько душѣ хочется». Иванъ-купеческой сынъ наложилъ карманы, принялъ отъ отца отъ матери ихъ родительское навѣки нерушимое благословеніе, простился съ сродниками и поѣхалъ въ полкъ: отецъ-то ему важнаго коня купилъ! Съ той разлуки обуяла его добраго мо̀лодца грусть-тоска великая, видитъ онъ — на дорогѣ кабакъ стоитъ, заѣхалъ съ горя вина испить; выпилъ косушку — мало показалось, выпилъ другую — опьянѣлъ и повалился спать. Отколь ни взялися ошары[1] кабацкіе, вынули у него деньги — всѣ до единой копеечки. Иванъ-купеческой сынъ проснулся, хвать — нѣтъ ни копейки, потужилъ-потужилъ, и пустился дальше. Пристигала его темная ночь въ пустынныхъ мѣстахъ; ѣхалъ-ѣхалъ, трактиръ стоитъ, возлѣ трактира столбъ, на столбу написано: кто ночевать заѣдетъ, съ того — сто рублей. Что тутъ дѣлать? не съ голоду жъ помирать; стукнулъ въ ворота — выбѣгаетъ мальчикъ, ведетъ его въ горницу, а коня на конюшню. Что только душа проспитъ, всего подаютъ Ивану-купеческому сыну; наѣлся-напился онъ, сѣлъ и призадумался. «О чемъ, господинъ служивой, призадумался? спрашиваетъ хозяинъ: али расплатиться нечѣмъ?» — «Не то, хозяинъ! я у тебя сытъ, а мой вѣрной конь такъ стоитъ». — «Нѣтъ, служивой! хоть самъ посмотри, у него и сѣна и овса вдоволь».

[1]) Промотавшіеся, пропившіеся люди.

— «Да не въ томъ дѣло! наши лошади ужъ такъ привычны: коли я самъ буду возлѣ коня, такъ онъ станетъ ѣсть; а безъ меня и до корму не дотронется». Трактирщикъ побѣжалъ въ конюшню, заглянулъ — такъ и есть: конь стоитъ повѣся голову, на овесъ и не смотритъ. «Экая умная лошадь! знаетъ своего господина», подумалъ трактирщикъ, и велѣлъ для солдата изготовить постель въ конюшнѣ. Иванъ-купеческой сынъ залѣгъ тамъ спать, да ровно въ полночь, какъ всѣ въ домѣ заснули, всталъ, осѣдлалъ коня и ускакалъ со двора долой. На другой день къ вечеру заѣхалъ онъ въ трактиръ, гдѣ за одну ночь по двѣсти рублей брали; удалось ему и тутъ обмануть. На третій день попадается ему трактиръ лучше прежнихъ двухъ; на столбѣ написано: кто ночевать заѣдетъ, съ того — триста рублей. «Ну, думаетъ, была не была, попробую и здѣсь удали!» Заѣхалъ, важно наѣлся, напился, сѣлъ и призадумался. «О чемъ, служивой, призадумался? али расплатиться нечѣмъ?» спрашиваетъ хозяинъ. «Нѣтъ, не угадалъ! мнѣ вотъ что думается: самъ-то я сытъ, а мой вѣрной конь такъ стоитъ». — «Какъ можно! я ему и сѣна наклалъ, и овса насыпалъ — всего вдоволь». — «Да наши лошади ужъ такъ привычны: коли я самъ возлѣ коня буду, такъ онъ станетъ ѣсть; а безъ меня и до корму не дотронется». — «Ну, что жъ! ложись въ конюшнѣ». А у того трактирщика была жена-волшебница, кинулась она смотрѣть въ свои книги и тотчасъ узнала, что у солдата нѣтъ за душой ни копейки; поставила у воротъ работниковъ и строго, накрѣпко приказала смотрѣть, чтобы какъ-нибудь солдатъ со двора не улизнулъ. Въ самую полночь всталъ Иванъ-купеческой сынъ и собрался было тягу дать, смотритъ — работники на часахъ стоятъ; легъ и заснулъ: пробудился — ужъ зоря занимается, осѣдлалъ

скорѣй коня, сѣлъ и ѣдетъ со двора. «Стой! закричали сторожа: ты еще съ хозяиномъ не расплатился; подавайка деньги!» — «Какія деньги? убирайтесь къ чорту!» отвѣчалъ Иванъ и хотѣлъ было проскочить мимо; работники тотчасъ сгребли его и давай бить по загривку. Такой шумъ подняли, что весь домъ сбѣжался. «Бей его, ребята, до смерти!» — «Будетъ съ него! говоритъ хозяинъ: оставьте его живого, пущай у насъ три года проживетъ да триста рублей заработаетъ». Нечего дѣлать, остался Иванъ-купеческой сынъ жить въ трактирѣ; день живетъ, и два, и три живетъ. Говоритъ ему хозяинъ: «Что, господинъ служивой, чай умѣешь изъ ружья стрѣлять?» — «Для чево не умѣть? насъ тому въ полку учатъ». — «Ну, такъ ступай, настрѣляй дичи; въ нашихъ мѣстахъ и всякой звѣрь и всякая птица водится». Иванъ-купеческой сынъ взялъ ружье и пошелъ на охоту; долго бродилъ по лѣсу — ничего не попадается, уже къ самому вечеру увидалъ зайца на опушкѣ и только хотѣлъ прицѣлиться — заяцъ вскочилъ и давай Богъ ноги! Охотникъ за нимъ бросился, и выбѣжалъ на большой зеленой лугъ, на томъ лугу великолѣпной дворецъ стоитъ, изъ чистаго мрамора выстроенъ, золотой крышею покрытъ. Заяцъ на дворъ прыснулъ, и Иванъ туда жъ, смотритъ туда-сюда — нѣтъ зайца, его и слѣдъ простылъ! «Ну, хоть на дворецъ посмотрю!» Пошелъ онъ въ палаты; ходилъ-ходилъ — во всѣхъ покояхъ убранство такое знатное, что ни вздумать, ни взгадать, только въ сказкѣ сказать; а въ одномъ покоѣ столъ накрытъ, на столѣ разныя закуски и вина приготовлены, богатые приборы поставлены. Иванъ-купеческой сынъ взялъ — изо всякой бутылочки выпилъ по рюмочкѣ, со всякой тарелочки съѣлъ по кусочку, напился-наѣлся, сидитъ себѣ и въ усъ не дуетъ! Вдругъ подкатилась къ крыльцу коляска,

и пріѣхала королевна — сама вся черная, и люди черные, и кони воронье. Иванъ вспомнилъ военную выправку, вскочилъ и сталъ у дверей на вытяжку; входитъ королевна въ комнату — онъ тотчасъ ей на караулъ сдѣлалъ. «Здорово, служивой! привѣтила королевна: какъ сюда зашелъ — волею али неволею? отъ дѣла лытаешь али дѣла пытаешь? Садись-ка со мной рядомъ, потолкуемъ ладомъ». И проситъ его королевна: «Можешь ли сослужить мнѣ службу великую? сослужишь — счастливъ будешь! Говорятъ, русскіе солдаты ничего не страшатся; а у меня вотъ этимъ дворцомъ нечистые завладѣли . . .» — «Ваше высочество! радъ вамъ до послѣдней капли крови служить». — «Ну, такъ слушай: до двѣнадцати часовъ пей и гуляй, и какъ двѣнадцать пробьетъ — ложись на постель, что посреди большой палаты на ремняхъ виситъ, и что надъ тобой ни будетъ дѣлаться, что тебѣ ни представится — не робѣй, лежи себѣ молча». Сказала королевна, попрощалась и уѣхала; а Иванъ-купеческой сынъ началъ пить-гулять, веселиться, и только полночь ударило — лѣгъ на показанное мѣсто. Вдругъ зашумѣла буря, раздался трескъ и громъ, того и смотри всѣ стѣны попадаютъ, въ тартарары провалются; полны палаты чертей набѣжало, завопили-закричали, плясъ подняли; а какъ увидали гостя, стали напущать на него разныя страсти. Вотъ откуда ни возьмись — прибѣгаетъ фельдфебель. «Ахъ, Иванъ-купеческой сынъ! что ты задумалъ? вѣдь тебя въ бѣгахъ зачислили; ступай скорѣй, а то плохо будетъ». За фельдфебелемъ бѣжитъ ротной командиръ, за ротнымъ батальённой, за батальённымъ полковой: «Что ты, подлецъ, тутъ дѣлаешь? видно, сквозь строй захотѣлъ прогуляться! Эй! принести сюда свѣжихъ палокъ!» Принялись нечистые за работу и живо натаскали цѣлые вороха

палокъ; а Иванъ-купеческой сынъ ни гу-гу! лежитъ да отмалчивается. «Ахъ, мерзавецъ! говоритъ полковой командиръ: онъ палокъ-то совсѣмъ не боится; должно быть, за свою службу больше этого видалъ! Прислать ко мнѣ взводъ солдатъ съ заряженными ружьями, пусть его, негодяя, разстрѣляютъ!» Словно изъ земли выросъ — взводъ солдатъ появился; раздалась команда, солдаты прицѣлились . . . вотъ-вотъ выпалятъ! Вдругъ закричали пѣтухи — и все мигомъ исчезло: нѣтъ ни солдатъ, ни командировъ, ни палокъ. На другой день пріѣзжаетъ во дворецъ королевна — уже съ головы по грудь бѣлая стала и люди ея и лошади — тоже. «Спасибо, служивой! говоритъ королевна: видѣлъ ты страсть, а увидишь того больше. Смотри, не сробѣй, прослужи еще двѣ ночи; я тебя счастливымъ сдѣлаю». Стали они вмѣстѣ ѣсть-пить, веселиться; послѣ того королевна уѣхала, а Иванъ-купеческой сынъ лёгъ на свое мѣсто. Въ полночь зашумѣла буря, раздался громъ и трескъ — набѣжали нечистые, завопили, заплясали . . . «Ахъ, братцы! солдатъ-то опять здѣсь», закричалъ хромой, одноглазой чертёнокъ. «Вишь повадился! что ты, али хочешь у насъ палаты отбить? Сейчасъ пойду скажу дѣдушкѣ». А дѣдушка самъ озывается, приказываетъ чертямъ притащить кузницу да накалить желѣзные прутья: «Тѣми прутьями горячими проймите его до самыхъ костей, чтобы зналъ онъ да вѣдалъ, какъ въ чужія палаты ходить!» Не успѣли черти кузницу справить, какъ запѣли пѣтухи — и все мигомъ пропало. На третій день пріѣзжаетъ во дворецъ королевна, смотритъ Иванъ, дивуется: и сама королевна, и люди ея, и лошади — всѣ до колѣнъ стали бѣлые. «Спасибо, служивой! за вѣрную службу; какъ тебя Богъ милуетъ?» — «Пока живъ и здоровъ, ваше высочество!» — «Ну, постарайся послѣднюю ночь;

да вотъ на̀ тебѣ тулупъ, надѣнь на себя, а не то нечистые тебя когтями доймутъ . . . Теперь они страшно злы!» Сѣли они вмѣстѣ за столъ, ѣли-пили, веселились; послѣ королевна попрощалась и уѣхала, а Иванъ-купеческой сынъ натянулъ на себя тулупъ, оградился крестомъ и лёгъ на свое прежнее мѣсто. Ударило полночь — зашумѣла буря, отъ грома и треску весь дворецъ затрёсся; набѣжало чертей видимо-невидимо, и хромыхъ, и кривыхъ, и всякаго роду. Бросились къ Ивану-купеческому сыну: «Берите его, подлеца! хватайте, тащите!» — и давай когтями цапать: тотъ хватитъ, другой хватитъ, а когти все въ тулупѣ остаются. «Нѣтъ, братцы! видно его такъ не проймешь: возьмемте-ка родного его отца съ матерью, да станемъ съ нихъ съ живыхъ кожи драть!» Въ ту жъ минуту притащили точь-въ-точь Ивановыхъ родителей, и принялись ихъ когтями драть; они ревутъ: «Иванъ-голубчикъ, смилуйся, сойди съ своего мѣста; за тебя съ насъ съ живыхъ кожи дерутъ». Иванъ-купеческой сынъ лежитъ, не ворохнется, знай отмалчивается. Тутъ пѣтухи запѣли — и разомъ все сгинуло, словно ничего и не бывало. Утромъ пріѣзжаетъ королевна — лошади бѣлыя, люди — бѣлые, и сама вся чистая, да такая красавица, что и вообразить лучшей нельзя: видно, какъ изъ косточки въ косточку мозжечокъ переливается. «Видѣлъ страсть, говоритъ Ивану королевна: больше не будетъ! Спасибо тебѣ за службу; теперь пойдемъ поскорѣй отсюда». — «Нѣтъ, королевна! отвѣчаетъ Иванъ-купеческой сынъ: надо бы отдохнуть часокъ-другой». — «Что ты, станешь отдыхать — совсѣмъ пропадешь». Вышли они изъ дворца, и пустились въ путь-дорогу. Отойдя немного, говоритъ королевна: «Оглянись-ка, доброй молодецъ, что назади дѣлается!» Иванъ оглянулся — дворца и слѣдовъ не осталось.

сквозь землю провалился, а на томъ мѣстѣ пламя пышетъ. «Вотъ такъ бы и мы пропали, если бъ замѣшкались!» сказала королевна, и подаетъ ему кошелекъ: «Возьми, это кошелекъ не простой; если понадобятся деньги, только тряхни — и тотчасъ червонцы посыплются, сколько душѣ угодно. Теперь ступай, расплатись съ трактирщикомъ и приходи вотъ на такой-то островъ къ соборной церкви, я тебя ждать буду. Тамъ отстоимъ мы обѣдню и обвѣнчаемся: ты будешь мой мужъ, я твоя жена. Да смотри, не опоздай; если сегодня не успѣешь — завтра приходи, не прійдешь завтра — приходи на третій день; а упустишь три дня, вѣкъ меня не увидишь». Тутъ они распрощались; королевна пошла направо, Иванъ-купеческой сынъ — налѣво. Приходитъ онъ въ трактиръ, тряхнулъ передъ хозяиномъ своимъ кошелькомъ — золото такъ и посыпалось: «Что, братъ! ты думалъ: у солдата денегъ нѣтъ, такъ его на три года закабалить можно; анъ врёшь! отсчитывай, сколько надобно». Заплатилъ ему триста рублей, сѣлъ на коня и поѣхалъ — куда ему сказано. «Что за диво! откуда у него деньги взялись», думаетъ трактирщица, кинулась къ своимъ волшебнымъ книгамъ и увидѣла, что онъ избавилъ заклятую королевну и та подарила ему такой кошелекъ, что завсегда деньги будутъ. Сейчасъ позвала мальчика, послала его въ поле коровъ пасти и дала ему наговоренное яблоко: «Подойдетъ къ тебѣ солдатъ, попроситъ напиться; ты ему скажи: воды нѣту, а вотъ тебѣ яблочко наливное!» Мальчикъ погналъ коровъ въ поле; только успѣлъ пригнать, глядь — ѣдетъ Иванъ-купеческой сынъ. «Ахъ, братецъ! говоритъ: нѣтъ ли у тебя водицы напиться? страшно испить хочется!» — «Нѣтъ, служивой, вода далеко отсюда; а есть у меня яблочко наливное, коли хочешь — ску-

най, авось освѣжишься!» Иванъ-купеческой сынъ взялъ яблочко, скушалъ, и напалъ на него крѣпкой-крѣпкой сонъ; трое сутокъ безъ просыпу спалъ. Понапрасну ожидала королевна своего женишка три дня сряду: «Видно, не судьба моя быть за нимъ замужемъ!» Вздохнула, сѣла въ коляску и поѣхала; видитъ — мальчикъ коровъ пасетъ: «Пастушокъ, пастушокъ! не видалъ ли ты добраго мо́лодца, русскаго солдата?» — «Да вотъ онъ подъ дубомъ третьи сутки спитъ». Королевна глянула — онъ самой и есть! стала его толкать, будить; но сколько ни старалась — ничего не могла сдѣлать, чтобы онъ проснулся. Взяла она листокъ бумаги, достала карандашъ и написала такую записку: «Если ты не пойдешь на такой-то перевозъ, то не бывать тебѣ въ тридесятомъ государствѣ, не называться моимъ мужемъ!» Положила записку Ивану-купеческому сыну въ карманъ, поцѣловала его соннаго, заплакала горькими слезами, и уѣхала далеко-далеко: была, да и нѣтъ ее! Вечеромъ поздно проснулся Иванъ, и не знаетъ, что ему дѣлать? А мальчикъ сталъ ему разсказывать: «Пріѣзжала де сюда красная дѣвица, да такая нарядная! будила тебя, будила, да не добудилась, написала записку и положила въ твой карманъ; а сама сѣла въ коляску да и съ глазъ пропала». Иванъ-купеческой сынъ Богу помолился, на всѣ стороны поклонился, и поскакалъ на перевозъ. Долго ли, коротко ли, прискакалъ туда и кричитъ перевозчикамъ: «Эй, братцы! перевезите меня, какъ можно скорѣй, на другую сторону; вотъ вамъ и плата впередъ!» Вынулъ кошелекъ, началъ встряхивать и насыпалъ имъ золота полную лодку. Перевозчики ажно ахнули. «Да тебѣ куда, служивой?» — «Въ тридесятое государство». — «Ну, братъ, въ тридесятое государство кривой дорогой три года ѣхать, а прямой — три часа; только прямо-то

проѣзду нѣтъ!» — «Какъ же быть?» — «А мы тебѣ вотъ что скажемъ: прилетаетъ сюда Грибъ-птица[1] — собой словно гора великая, и хватаетъ здѣсь всякую падаль да на тотъ берегъ носитъ. Такъ ты разрѣжь у своей лошади брюхо, вычисти и вымой: мы тебя и зашьемъ въ серёдку. Грибъ-птица подхватитъ падаль, перенесетъ въ тридесятое государство и броситъ своимъ дѣтёнышамъ; тутъ ты поскорѣй вылѣзай изъ лошадинаго брюха и ступай — куда тебѣ надобно». Иванъ-купеческой сынъ отрубилъ коню голову, разрѣзалъ брюхо, вычистилъ, вымылъ и залѣзъ туда; перевозчики зашили лошадиное брюхо, а сами ушли-спрятались. Вдругъ Грибъ-птица летитъ, какъ гора валитъ, подхватила падаль, понесла въ тридесятое государство и бросила своимъ дѣтёнышамъ, а сама полетѣла опять за добычею. Иванъ распоролъ лошадиное брюхо, вылѣзъ и пошелъ прямо къ королю на службу проситься. А въ томъ тридесятомъ государствѣ Грибъ-птица много пакости дѣлала; каждой Божій день принуждены были выставлять ей по единому человѣку на съѣденіе, чтобъ только въ конецъ царства не запустошила. Вотъ король думалъ-думалъ, куда дѣть этого странника? и приказалъ выставить его злой птицѣ на съѣденіе. Взяли его королевскіе воины, привели въ садъ, поставили возлѣ яблони и говорятъ: «Карауль, чтобъ не пропало ни одно яблочко!» Стоитъ Иванъ-купеческой сынъ, карауритъ; вдругъ Грибъ-птица летитъ, какъ гора валитъ. «Здравствуй, доброй мо̀лодецъ! я не знала, что ты въ лошадиномъ брюхѣ былъ; а то бъ давно тебя съѣла». — «Богъ знаетъ, либо съѣла, либо нѣтъ!» Птица одну губу ведетъ по̀-земи, а другую крышей разставила, хочетъ съѣсть добраго мо̀лодца. Иванъ-купеческой сынъ махнулъ штыкомъ и приткнулъ ей нижнюю губу

[1]) Грибъ-птица вмѣсто Грифъ-птица.

плотно къ сырой землѣ, послѣ выхватилъ тесакъ и давай рубить Грибъ-птицу по чемъ попадя. «Ахъ, доброй молодецъ! сказала птица: не руби меня, я тебя богатыремъ сдѣлаю; возьми пузырёкъ изъ-подъ моего лѣваго крыла да выпей — самъ узнаешь!» Иванъ-купеческой сынъ взялъ пузырекъ, выпилъ, почуялъ въ себѣ великую силу и еще бойчѣй на нее напалъ: знай машетъ да рубитъ! «Ахъ, доброй молодецъ! не руби меня; я тебѣ и другой пузырёкъ отдамъ изъ-подъ праваго крыла». Иванъ-купеческой сынъ выпилъ и другой пузырёкъ, почуялъ еще большую силу, а рубить все не перестаетъ. «Ахъ, доброй молодецъ! не руби меня; я тебя на счастье наведу: есть тутъ зеленые луга, въ тѣхъ лугахъ растутъ три высокіе дуба, подъ тѣми дубами — чугунныя двери, за тѣми дверями — три богатырскіе коня; въ нѣкую пору они тебѣ пригодятся!» Иванъ-купеческой сынъ птицу слушать — слушаетъ, а рубить — все-таки рубитъ; изрубилъ ее на мелкія части и сложилъ въ большущую кучу. На утро король призываетъ къ себѣ дежурнаго генерала: «Поди, говоритъ, вели прибрать кости Ивана-купеческаго сына; хоть онъ изъ чужихъ земель, а все человѣчьимъ костямъ безъ погребенія непригоже валяться». Дежурной генералъ бросился въ садъ, смотритъ — Иванъ живъ, а Грибъ-птица на мелкія части изрублена; доложилъ про то королю. Король сильно обрадовался, похвалилъ Ивана и далъ ему своеручной открытой листъ: позволяется де ему по всему государству ходить, во всѣхъ кабакахъ и трактирахъ пить-ѣсть безденежно. Иванъ-купеческой сынъ, получа открытой листъ, пошелъ въ самой богатой трактиръ, хлопнулъ три ведра вина, три ковриги хлѣба да полбыка на закуску пошло, воротился на королевскую конюшню и лёгъ спать. Вотъ такъ-то жилъ онъ у ко-

роля на конюшнѣ круглыхъ три года; а послѣ того явилась королевна — она кривой дорóгой ѣхала. Отецъ радёхонекъ, сталъ разспрашивать: «Кто тебя, дочь любезная, отъ горькой доли спасъ?» — «Такой-то солдатъ изъ купеческихъ дѣтей». — «Да вѣдь онъ сюда пришелъ, и мнѣ большую радость сдѣлалъ — Грибъ-птицу изрубилъ!» Что долго думать-то? обвѣнчали Ивана-купеческаго сына на королевнѣ и сотворили пиръ на весь міръ, и я тамъ былъ, вино пилъ, по усамъ текло, во рту не было.

Въ скоромъ времени пишетъ къ королю трехглавой змѣй: отдай свою дочь, не то все королевство огнемъ сожгу, пепломъ развѣю!» Король запечалился, а Иванъ-купеческой сынъ хлопнулъ три ведра вина, три ковриги хлѣба да полбыка на закуску пошло, кинулся въ зеленые луга, поднялъ чугунную дверь, вывелъ богатырскаго коня. надѣлъ на себя мечъ-кладенецъ да боевую палицу, сѣлъ на коня и поскакалъ сражаться. «Эхъ, доброй мòлодецъ! говоритъ змѣй: что ты задумалъ . . . Я тебя на одну руку посажу, другой прихлопну — только мокренько будетъ!» — «Не хвались, прежде Богу помолись!» отвѣчалъ Иванъ, махнулъ мечомъ-кладенцомъ и сшибъ разомъ всѣ три головы. Послѣ побѣдилъ онъ шестиглаваго змѣя, а вслѣдъ за тѣмъ и двѣнадцатиглаваго, и прославился своей сплою и доблестью во всѣхъ земляхъ.

153
Окаменѣлое царство

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ солдатъ; служилъ онъ долго и безпорочно, царскую службу зналъ хорошо, на смотры, на ученья приходилъ чистъ и исправенъ. Сталъ послѣдній годъ дослуживать — какъ на бѣду не взлюбило его началь-

ство не только большое, да и малое: то-и-дѣло подъ палками отдувайся! Тяжело солдату, и задумалъ онъ бѣжать; ранецъ черезъ плечо, ружье на плечо, и началъ прощаться съ товарищами, а тѣ его спрашивать: «Куда идешь? аль батальённой требуетъ?» — «Не спрашивайте, братцы! подтяните-ка ранецъ покрѣпче, да лихомъ не поминайте!» И пошелъ онъ, доброй мо̀лодецъ, куда глаза глядятъ. Много ли, мало ли шелъ — пробрался въ иное государство, усмотрѣлъ часового и спрашиваетъ «Нельзя ли гдѣ отдыхъ взять?» Часовой сказалъ ефрейтору, ефрейторъ офицеру, офицеръ генералу, генералъ доложилъ про него самому королю. Король приказалъ позвать того служиваго передъ свои свѣтлыя очи. Вотъ явился солдатъ, какъ слѣдуетъ — при формѣ, сдѣлалъ ружьемъ на караулъ и сталъ какъ вкопаной. Говоритъ ему король: «Скажи мнѣ по совѣсти, откуда и куда идешь?» — «Ваше королевское величество! не велите казнить, велите слово вымолвить». Признался во всемъ королю по совѣсти и сталъ на службу проситься. «Хорошо, сказалъ король: наймись у меня садъ караулить; у меня теперь въ саду неблагополучно — кто-то ломаетъ мои любимыя деревья, такъ ты постарайся-сбереги его, а за трудъ дамъ тебѣ плату немалую». Солдатъ согласился, сталъ въ саду караулъ держать. Годъ и два служитъ — все у него исправно; вотъ и третій годъ на исходѣ, пошелъ однажды садъ оглядывать, и видитъ — половина что ни есть лучшихъ деревьевъ поломаны. «Боже мой! думаетъ самъ съ собою: вотъ какая бѣда приключилася! Какъ замѣтитъ это король, сейчасъ велитъ схватить меня и повѣсить». Взялъ ружье въ руки, прислонился къ дереву и крѣпко-крѣпко призадумался. Вдругъ послышался трескъ и шумъ, очнулся доброй мо̀лодецъ, глядь — прилетѣла въ садъ огром-

ная, страшная птица и ну валять деревья. Солдатъ выстрѣлилъ въ нее изъ ружья, убить не убилъ, а только ранилъ ее въ правое крыло; выпало изъ того крыла три пера, а сама птица на утёкъ пустилась. Солдатъ за нею; ноги у птицы быстрыя, скорёхонько добѣжала до провалища и скрылась изъ глазъ. Солдатъ не убоялся и вслѣдъ за нею кинулся въ то провалище; упалъ въ глубокую-глубокую пропасть, отшибъ себѣ всѣ печёнки и цѣлыя сутки лежалъ безъ памяти. Послѣ опомнился, всталъ, осмотрѣлся — что же? и подъ землей такой же свѣтъ. «Стало быть, думаетъ, и здѣсь есть люди!» Шелъ-шелъ, передъ нимъ большой городъ, у воротъ караульня, при ней часовой; сталъ его спрашивать — часовой молчитъ, не движется; взялъ его за руку — а онъ совсѣмъ каменной. Взошелъ солдатъ въ караульню — народу много, и стоятъ, и сидятъ, только всѣ окаменѣлые. пустился бродить по улицамъ — вездѣ то же самое: нѣтъ ни единой живой души человѣческой, все какъ есть камень! Вотъ и дворецъ расписной, вырѣзной, маршъ туда, смотритъ — комнаты богатыя, на столахъ закуски и напитки всякіе, а кругомъ тихо и пусто. Солдатъ закусилъ, выпилъ, сѣлъ было отдохнуть, и послышалось ему — словно кто къ крыльцу подъѣхалъ; онъ схватилъ ружье и сталъ у дверей. Входитъ въ палату прекрасная царевна съ мамками, съ няньками; солдатъ отдалъ ей честь, а она ему ласково поклонилась: «Здравствуй, служивой! разскажи, говоритъ, какими судьбами ты сюда попалъ?» Солдатъ началъ разсказывать: «Нанялся де я царской садъ караулить, и повадилась туда большая птица летать да деревья ломать; вотъ я подстерёгъ ее, выстрѣлилъ изъ ружья, и выбилъ у ней изъ крыла три пера; бросился за ней въ погоню и очутился здѣсь». — «Эта птица — мнѣ родная сестра; много она творитъ

всякаго зла, и на мое царство бѣду наслала — весь народъ мой окаменила. Слушай же: вотъ тебѣ книжка, становись вотъ тутъ и читай ее съ вечера до тѣхъ поръ, пока пѣтухи не запоютъ. Какія бы страсти тебѣ ни казались, ты знай свое — читай книжку да держи ее крѣпче, чтобъ не вырвали; не то живъ не будешь! Если простоишь три ночи, то выйду за тебя замужъ». — «Ладно!» отвѣчалъ солдатъ. Только стемнѣло, взялъ онъ книжку и началъ читать. Вдругъ застучало, загремѣло — явилось во дворецъ цѣлое войско, подступили къ солдату его прежніе начальники, и бранятъ его, и грозятъ за побѣгъ смертію; вотъ ужъ и ружья заряжаютъ, прицѣливаются . . . Но солдатъ на то не смотритъ, книгу изъ рукъ не выпускаетъ, знай себѣ читаетъ. Закричали пѣтухи — и все разомъ сгинуло! На другую ночь страшнѣй было, а на третью и того пуще: прибѣжали палачи съ пилами, топорами, мо́лотами, хотятъ ему кости дробить, жилы тянуть, на огнѣ его жечь, а сами только и думаютъ, какъ бы книгу изъ рукъ выхватить. Такія страсти были, что едва солдатъ выдержалъ. Запѣли пѣтухи — и демонское наважденье сгинуло! Въ тотъ самой часъ все царство ожило, по улицамъ и въ домахъ народъ засуетился, во дворецъ явилась царевна съ генералами, со свитою, и стали всѣ благодарствовать солдату и величать его своимъ государемъ. На другой день женился онъ на прекрасной царевнѣ и зажилъ съ нею въ любви и радости.

154
Береза и три сокола

Отслужилъ солдатъ свой законный срокъ, получилъ отставку и пошелъ на родину. Идетъ путемъ-дорогою, а навстрѣчу ему нечистой. «Стой, служивой! куда

идешь?» — «Домой иду». — «Что тебѣ дома! вѣдь у тебя ни рода, ни племени. Наймись лучше ко мнѣ въ работники; я тебѣ большое жалованье положу». — «А въ чемъ служба?» — «Служба самая легкая: мнѣ надобно ѣхать за синія моря къ дочери на свадьбу, а есть у меня три сокола; покарауль ихъ до моего пріѣзду». Солдатъ согласился: «Безъ денегъ, думаетъ, плохое житье; хоть у чорта, все что-нибудь да заработаю!» Нечистой привелъ его въ свои палаты, а самъ уѣхалъ за синія моря. Вотъ солдатъ ходилъ-ходилъ по разнымъ комнатамъ; сдѣлалось ему скучно, и вздумалъ онъ пойтить въ садъ; вышелъ, смотритъ — стоитъ береза. И говоритъ ему береза человѣческимъ голосомъ: «Служивой! сходи вотъ въ такую-то деревню, скажи тамошнему священнику, чтобы далъ тебѣ то самое, что ему нынче во снѣ привидѣлось». Солдатъ пошелъ, куда ему сказано; священникъ тотчасъ досталъ книгу: «Вотъ тебѣ — возьми!» Солдатъ взялъ; приходитъ назадъ. «Спасибо, доброй человѣкъ! говоритъ береза: теперь становись да читай». Началъ онъ читать эту книгу; одну ночь читалъ — вышла изъ березы красная дѣвица, красоты неописанной, по самыя груди; другую ночь читалъ — вышла по поясъ; третью ночь читалъ — совсѣмъ вышла. Поцѣловала его и говоритъ: «Я — царская дочь; похитилъ меня нечистой и сдѣлалъ березою. А три сокола — мои родные братья; хотѣли они меня выручить, да сами попались!» Только вымолвила царевна это слово, тотчасъ прилетѣли три сокола, ударились о сырую землю и обратились добрыми молодцами. Тутъ всѣ они собрались и поѣхали къ отцу къ матери, и солдата съ собой взяли. Царь и царица обрадовались, щедро наградили солдата, выдали за него замужъ царевну и оставили жить при себѣ.

Заклятой царевичъ

Жилъ-былъ купецъ, у него было три дочери. Пришлось ему ѣхать въ чужія земли за товарами, спрашиваетъ онъ у дочерей: «Что вамъ привезти изъ-за моря?» Старшая проситъ обновку, середняя — тожъ, а младшая взяла листъ бумаги, нарисовала цвѣтокъ: «Мнѣ, говоритъ, батюшка, привези вотъ эдакой цвѣтокъ». Долго разъѣзжалъ купецъ по разнымъ государствамъ, а такого цвѣтка нигдѣ не видалъ. Сталъ домой ворочаться и усмотрѣлъ на пути славной высокой дворецъ, съ теремами, башнями, съ садомъ. Зашелъ погулять въ саду: что тутъ всякихъ деревьевъ, что всякихъ цвѣтовъ! одинъ цвѣтокъ другого прекраснѣе! Смотритъ, а вотъ и точно такой растетъ, какой ему дочь нарисовала. «Дай, думаетъ, сорву да повезу любимой дочери; кажись, никого нѣтъ, никто не увидитъ!» Нагнулся и сорвалъ, и только сдѣлалъ это — какъ въ ту жъ минуту поднялся буйный вѣтеръ, загремѣлъ громъ, и явилось передъ нимъ страшное чудище — безобразной крылатой змѣй съ тремя головами. «Какъ ты смѣлъ въ моемъ саду хозяйничать? закричалъ змѣй на купца: зачѣмъ цвѣтокъ сорвалъ?» Купецъ испугался, палъ на колѣни и сталъ просить прощенія. «Хорошо, говоритъ змѣй: пожалуй, я тебя прощу, только съ тѣмъ условіемъ: кто тебя первой по пріѣздѣ домой встрѣтитъ, того мнѣ на весь вѣкъ отдай. А если обманешь, то не забудь, что отъ меня нигдѣ не спрячешься; вездѣ тебя найду!» Купецъ согласился; подъѣзжаетъ къ своему двору, а меньшая дочь усмотрѣла его въ окошечко и выбѣжала навстрѣчу. Купецъ и голову повѣсилъ: смотритъ на свою любимую дочь и горькими слезами плачетъ. «Что съ тобой? о чемъ

плачешь, батюшка?» Онъ отдалъ ей цвѣтокъ и разсказалъ, что съ нимъ случилося. «Не печалься, батюшка! говоритъ меньшая дочь: Богъ дастъ — мнѣ и тамъ хорошо будетъ! Вези меня къ змѣю». Отецъ отвезъ ее, оставилъ во дворцѣ, попрощался и уѣхалъ домой. Вотъ красная дѣвица, дочь купеческая, ходитъ по разнымъ комнатамъ — вездѣ золото да бархатъ, а никого не видать, ни единой души человѣческой! а время идетъ да идетъ; проголодалась красавица и думаетъ: «Ахъ, какъ бы я теперь покушала!» Не успѣла подумать, а ужъ передъ нею столъ стоитъ, а на столѣ и кушанья, и напитки, и сласти; развѣ только птичьяго молока нѣтъ! Сѣла она за столъ — напилась, наѣлась; встала — и все исчезло! Вотъ и смерклось; купеческая дочь вошла въ спальню, хочетъ спать ложиться. Вдругъ зашумѣлъ буйный вѣтеръ, и явился передъ нею трехглавой змѣй. «Здравствуй, красная дѣвица! постели-ка мнѣ постель возлѣ этой двери». Красная дѣвица постлала ему постель возлѣ двери; а сама легла на кроваткѣ. Проснулась поутру, опять во всемъ домѣ не видать ни души; одно хорошо; чего бы ни пожелала она — все тотчасъ и явится! Вечеромъ прилетаетъ змѣй и приказываетъ: «Теперь, красная дѣвица, постели мнѣ постель рядомъ съ твоею кроваткою». Она постлала ему рядомъ съ своею кроваткою. Ночь прошла, дѣвица проснулась — опять во дворцѣ ни души! Въ третій разъ прилетаетъ змѣй вечеромъ и говоритъ: «Ну, красная дѣвица, теперь я съ тобой на одной кровати лягу». Страшно было купеческой дочери спать на одной постели съ такимъ безобразнымъ чудищемъ, а дѣлать нечего — скрѣпила свое сердце, легла съ нимъ. На утро говоритъ ей змѣй: «Если скучно тебѣ, красна дѣвица, поѣзжай къ отцу, къ сестрамъ; побудь съ ними день, а къ вечеру назадъ пріѣзжай, да смотри — не опоздай;

если хоть минуту опоздаешь — я съ горя помру!» — «Нѣтъ, не опоздаю!» говоритъ купеческая дочь, вышла на крыльцо, а ужъ коляска давно готова; сѣла, и въ ту жъ минуту очутилась на батюшкиномъ дворѣ. Отецъ увидалъ, обнимаетъ, цѣлуетъ ее, разспрашиваетъ: «Какъ тебя Богъ милуетъ, дочка моя любимая? хорошо ли тебѣ?» — «Хорошо, батюшка!» Стала разсказывать, какое во дворцѣ богатство, какъ ее змѣй любитъ, какъ все, что только она задумаетъ, тотчасъ исполняется. Сестры слушаютъ и не знаютъ что дѣлать отъ зависти. День на исходѣ; красная дѣвица назадъ собирается, съ отцомъ, съ сестрами прощается: «Такъ и такъ, говоритъ, домой пора! велѣно къ сроку быть». Завистливыя сестры натерли себѣ глаза лукомъ и будто плачутъ: «Не уѣзжай, сестрица! останься до завтрева». Жалко ей стало сестеръ, осталась до другого дня. Поутру простилась со всѣми и уѣхала во дворецъ. Пріѣзжаетъ — во дворцѣ пусто попрежнему; пошла въ садъ, смотритъ, а змѣй мертвой въ прудѣ лежитъ: съ горя въ воду бросился. «Ахъ, Боже мой, что я сдѣлала!» вскрикнула красная дѣвица и залилась слезами, прибѣжала къ пруду, вытащила змѣя изъ воды, обняла одну голову и поцѣловала крѣпко-крѣпко, — змѣй встрепенулся и вмигъ обратился въ добраго мо́лодца. «Спасибо тебѣ, красная дѣвица! говоритъ ей мо́лодецъ: ты меня избавила отъ великаго несчастія; я не змѣй, а заклятой царевичъ!» Тотчасъ поѣхали они къ купцу, перевѣнчались, и стали жить-поживать да добра наживать.

156
Сопливый козелъ

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ купецъ, и было у него три дочери. Построилъ онъ себѣ новой домъ, и посылаетъ на новоселье

ночевать старшую дочь, чтобъ послѣ разсказала ему, что и какъ ей во снѣ привидится. И привидѣлось ей во снѣ, что она выйдетъ замужъ за купеческаго сына. На другой день посылаетъ купецъ на новоселье среднюю дочь, что сй привидится? И приснилось ей, что она выйдетъ замужъ за дворянина. На третью ночь дошла очередь до меньшой дочери, послалъ и ту; и приснилось ей, бѣдняжкѣ, что выйдетъ она замужъ за козла. Перепугался отецъ, не велѣлъ своей любимой дочери даже на крыльцо выходить. Такъ нѣтъ вотъ, не послушалась, вышла! А козелъ въ это время подхватилъ ее на высокіе рога и унёсъ за крутые берега. Принесъ къ себѣ и уложилъ на полати спать: сопли у него бѣгутъ, слюни текутъ, а бѣдняжка то-и-дѣло платочкомъ утираетъ, не брезгуетъ; понравилось это козлу, знай чешетъ свою бороду! Поутру встала наша красавица, глядь — анъ дворъ огороженъ частоколомъ, а на каждой тычинкѣ по дѣвичьей головкѣ; только одна тычинка простая стоитъ. Обрадовалась бѣдняжка, что смерти избѣжала. А слуги давно ее будятъ: «Не пора, сударыня, спать, пора вставать; въ горницахъ мести, соръ на улицу нести!» Выходитъ она на крылечко; летятъ гуси. «Ахъ вы, гуси мои сѣрые! не съ родной ли вы со сторонушки, не отъ родного ли батюшки несете мнѣ вѣсточку?» А гуси ей въ отвѣтъ: «Съ твоей-то мы со сторонушки, принесли-то мы тебѣ вѣсточку: у васъ дома сговоръ, старшую сестрицу твою замужъ выдаютъ за купеческаго сына». Козелъ съ полатей все слышитъ, и говоритъ слугамъ: «Эй вы, слуги мои вѣрные! несите платья самоцвѣтныя, закладывайте воронихъ коней, чтобъ три раза скакнули и были на мѣстѣ». Принарядилась бѣдняжка и поѣхала; кони мигомъ привезли ее къ отцу. На крыльцѣ встрѣчаютъ гости, въ домѣ пиръ горой! А козелъ въ то время

обернулся добрымъ мо̀лодцемъ и ходитъ по двору съ гуслями. Ну, какъ на пиръ гусляра не созвать? Онъ пришелъ въ хоромы и началъ выигрывать: «Козлова жена, соплякова жена! козлова жена, соплякова жена!» А бѣдняжка по одной щекѣ его хлопъ, по другой хлопъ, а сама на коней — и была такова!

Пріѣхала домой, а козелъ ужъ на полатяхъ лежитъ; сопли у него бѣгутъ, слюни текутъ; бѣдняжка то-пдѣло платочкомъ утираетъ, не брезгуетъ. Поутру будятъ ее слуги: «Не пора, сударыня, спать, пора вставать; въ горницахъ мести, соръ на улицу нести!» Встала она, прибрала все въ горницахъ и вышла на крылечко; летятъ гуси. «Ахъ вы, гуси мои сѣрые! не съ родной ли вы со сторонушки, не отъ родного ли батюшки несете мнѣ вѣсточку?» А гуси въ отвѣтъ: «Съ твоей-то мы со сторонушки, принесли-то мы тебѣ вѣсточку: у васъ дома сговоръ, среднюю сестрицу твою замужъ выдаютъ за дворянина богатаго». Опять поѣхала бѣдняжка къ отцу; на крыльцѣ ее гости встрѣчаютъ, въ домѣ пиръ горой! А козелъ обернулся добрымъ мо̀лодцемъ и ходитъ по̀ двору съ гуслями; позвали его, онъ и сталъ выигрывать: «Козлова жена, соплякова жена! козлова жена, соплякова жена!» Бѣдняжка по одной щекѣ его хлопъ, по другой хлопъ, а сама на коней — и была такова!

Воротилась домой; козелъ лежитъ на полатяхъ; сопли бѣгутъ, слюни текутъ. Прошла еще ночь; поутру встала бѣдняжка, вышла на крылечко; опять летятъ гуси. «Ахъ вы, гуси мои сѣрые! не съ родной ли вы со сторонушки, не отъ родного ли батюшки несете мнѣ вѣсточку?» А гуси въ отвѣтъ: «Съ твоей-то мы со сторонушки, принесли тебѣ вѣсточку: у отца твоего большой столъ». Поѣхала она къ отцу; гости на крыльцѣ встрѣчаютъ, въ домѣ пиръ горой! На дворѣ гусляръ

похаживаетъ, на гусляхъ выигрываетъ. Позвали его въ хоромы; гусляръ опять по-старому: «Козлова жена, соплякова жена! козлова жена, соплякова жена!» Бѣдняжка въ одну щеку его хлопъ, а сама мигомъ домой. Смотритъ на полати, а тамъ одна козлиная шкурка лежитъ; гусляръ не успѣлъ еще оборотиться въ козла. Полетѣла шкурка въ печь, и очутилась меньшая купеческая дочь замужемъ не за козломъ, а за добрымъ молодцомъ; стали они себѣ жить да поживать, да добра наживать.

Записана въ Нижегородской губ.

157

Неумойка

Отслужилъ солдатъ три войны, не выслужилъ и выѣденнаго яйца, и отпустили его въ чистую. Вотъ онъ вышелъ на дорогу, шелъ-шелъ, присталъ и сѣлъ у озера; сидитъ да думу думаетъ: «Куда теперь мнѣ дѣваться, чѣмъ прокормиться? . . . Къ чорту, что ли, въ работники наняться!» Только вымолвилъ эти рѣчи, а чертёнокъ тутъ какъ тутъ — стоитъ передъ нимъ, кланяется: «Здорово, служба!» — «Тебѣ что надо?» — «Да не самъ ли ты захотѣлъ къ намъ въ работники наняться? Что жъ, служивой, наймись! жалованье большое дадимъ». — «А какова работа?» — «Работа легкая: только пятнадцать лѣтъ не бриться, не стричься, соплей не сморкать, носъ не утирать и одёжи не перемѣнять». — «Ладно, говоритъ солдатъ: я возьмусь за эту работу, но съ тѣмъ уговоромъ, чтобы все мнѣ было готово, чего душа пожелаетъ!» — «Ужъ это какъ водится! будь спокоенъ, за нами помѣшки не будетъ». — «Ну, такъ по рукамъ! Сейчасъ же перенеси меня въ большой столичной городъ да кучу денегъ притащи;

ты вѣдь самъ знаешь, что этого добра у солдатъ безъ малаго ничего!» Чертёнокъ бросился въ озеро, притащилъ кучу денегъ и мигомъ перенёсъ солдата въ большой городъ; перенёсъ — и былъ таковъ! «Вотъ на дурака напалъ! говоритъ солдатъ: еще не служилъ, не работалъ, а деньги взялъ». Нанялъ себѣ квартиру, не стрижется, не бреется, носа не утираетъ, одёжи не перемѣняетъ, живетъ-богатѣетъ; до того разбогатѣлъ, что некуда стало денегъ дѣвать. Что дѣлать съ серебромъ да съ золотомъ? «Дай-ка, вздумалъ онъ: начну помогать бѣднымъ; пусть за мою душу молятся». Началъ солдатъ раздавать деньги бѣднымъ, и направо даетъ, и налѣво даетъ — а денегъ у него не только не убываетъ, а еще прибавляется. Пошла объ немъ слава по всему царству, по всѣмъ людямъ. Вотъ такъ-то жилъ солдатъ лѣтъ четырнадцать; на пятнадцатомъ году не хватило у царя казны; велѣлъ онъ позвать къ себѣ этого солдата. Приходитъ къ нему солдатъ небритой, немытой, нечесаной, сопли не вытерты, одёжа не перемѣнена. «Здравія желаю, ваше величество!» — «Послушай, служивой! ты, говорятъ, всѣмъ людямъ добро дѣлаешь; дай мнѣ хоть взаймы денегъ. У меня на жалованье войскамъ не хватаетъ. Если дашь, сейчасъ тебя генераломъ пожалую». — «Нѣтъ, ваше величество! я генераломъ быть не желаю; а коли хочешь жаловать, отдай за меня одну изъ своихъ дочерей, и бери тогда казны сколько надобно». Тутъ король призадумался: и дочерей жалко, и безъ денегъ обойтись нельзя. «Ну, говоритъ, хорошо; прикажи съ себя списать патретъ, я его дочерямъ покажу — которая за тебя пойдетъ?» Солдатъ повернулся, велѣлъ списать съ себя патретъ — точь-въ-точь, какъ онъ есть, и послалъ его къ царю. У того царя было три дочери: призвалъ ихъ отецъ, показываетъ солдатской патретъ

старшей: «Пойдешь ли за него замужъ? онъ меня изъ великой нужды выведетъ». Царевна видитъ, что нарисовано страшилище, волосы всклокочены, ногти не выстрижены, сопли не вытерты. «Не хочу! говоритъ: я лучше за чорта пойду!» А чортъ откуда взялся — стоитъ позади съ перомъ да съ бумагой; услыхалъ это и записалъ ея душу. Спрашиваетъ отецъ середнюю дочь: «Пойдешь за солдата замужъ?» — «Какъ же! я лучше въ дѣвкахъ проснжу, лучше съ чортомъ повяжуся, чѣмъ за него идти!» Чортъ записалъ и другую душу. Спрашиваетъ отецъ у меньшой дочери; она ему отвѣчаетъ: «Видно судьба моя такова! иду за него замужъ, а тамъ что Богъ дастъ!» Царь обрадовался. послалъ сказать солдату, чтобъ къ вѣнцу готовился, и отправилъ къ нему двѣнадцать подводъ за золотомъ. Солдатъ потребовалъ къ себѣ чертёнка: «Вотъ двѣнадцать подводъ — чтобы сейчасъ всѣ были золотомъ насыпаны!» Чертёнокъ побѣжалъ въ озеро, и пошла у нечистыхъ работа: кто мѣшокъ тащитъ, кто два; живой рукой насыпали возá и отправили къ царю во дворецъ. Царь поправился и началъ звать къ себѣ солдата почитай каждый день, сажалъ съ собою за единой столъ, вмѣстѣ съ нимъ и пилъ и ѣлъ. Вотъ пока они готовились къ свадьбѣ, прошло какъ разъ пятнадцать лѣтъ: кончился срокъ солдатской службы. Зоветъ онъ чертёнка и говоритъ: «Ну, служба моя покончилась; сдѣлай теперь меня молодцомъ». Чертёнокъ изрубилъ его на мелкія части, бросилъ въ котелъ, и давай варить; сварилъ, вынулъ и собралъ все воедино, какъ слѣдуетъ: косточка въ косточку, суставчикъ въ суставчикъ, жилка въ жилку; потомъ взбрызнулъ мертвой и живой водою — и солдатъ всталъ такимъ молодцомъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Обвѣнчался онъ съ младшею царевною, и стали

они жить-поживать, добра наживать; я на свадьбѣ былъ, медъ-пиво пилъ, было у нихъ вино — выпивалъ его по самое дно!

Прибѣжалъ чертёнокъ въ озеро; потребовалъ его дѣдушка къ отчету: «Что, какъ солдатъ?» — «Отслужилъ свой срокъ вѣрно и честно: ни разу не брился, не стригся, соплей не утиралъ, одёжи не перемѣнялъ». Разсердился на него дѣдушка: «Въ пятнадцать лѣтъ, говоритъ, не могъ соблазнить ты солдата! что даромъ денегъ потрачено! какой же ты чортъ послѣ этого!» и приказалъ бросить его въ смолу кипучую. «Постой, дѣдушка! отвѣчаетъ внучекъ: за солдатскую душу у меня двѣ записаны». — «Какъ такъ?» — «Да вотъ какъ: задумалъ солдатъ на царевнѣ жениться, такъ старшая да средняя сказали отцу, что лучше за чорта пойдутъ замужъ, чѣмъ за солдата! Стало быть онѣ — наши!» Дѣдушка оправилъ чертёнка и велѣлъ его отпустить: знаетъ де свое дѣло!

158
Косоручка

Въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, жилъ купецъ богатый; у него двое дѣтей, сынъ и дочь. И померли отецъ съ матерью. Братецъ и говоритъ сестрицѣ: «Пойдемъ, сестрица, съ эстого города вонъ; вотъ я займусь въ лавочкѣ — будемъ торговать, тебѣ найму фатерку[1] — будешь жить». Ну вотъ, они пошли въ другу губерню. Пришли въ другу губерню. Вотъ братъ опредѣлился, нанялъ лавочку съ краснымъ товаромъ. Вздумалось братцу жениться; вотъ онъ женился, взялъ таку себѣ жену — волшебницу. Собирается братъ въ лавочку торговать и приказываетъ

[1]) Квартиру.

сестрицѣ: «Смотри, сестрица, въ домѣ». Женѣ ненавистно стало, что онъ приказываетъ сестрѣ. Только она фтрафила, — какъ мужу возвратиться, взяла перебила всю небель[1], и ожидаетъ мужа. Она встрѣчаетъ его и говоритъ: «Вотъ какая у тебя сестра, перебила у насъ въ кладовой всю небель!» — «Что же, это наживное дѣло», отвѣчаетъ мужъ.

Вотъ на другой день отправляется въ лавку, прощается съ женою и сестрой, и приказываетъ сестрѣ: «Смотри, сестрица, пожаласта, въ домѣ какъ можно лучше». Вотъ жена это узнала время, въ какое быть мужу, входитъ въ конюшню и мужниному любимому коню голову снесла саблей. Стоитъ на крыльцѣ и ждетъ его. «Вотъ, говоритъ, какая сестра твоя! любимому коню твому, говоритъ, голову снесла!» — «Эхъ, собачье собакамъ ѣсть», отвѣчаетъ мужъ.

На третій день опять идетъ мужъ въ лавку, прощается и говоритъ сестрѣ: «Смотри, пожаласта, за хозяйкой, чтобъ она сама надъ собой что̀ не сдѣлала, али надъ младенцемъ, паче чаянія она родитъ». Она какъ родила младенца, взяла и голову срубила. Сидитъ и плачетъ надъ младенцемъ. Вотъ приходитъ это мужъ. «Вотъ кака твоя сестрица! не успѣла я родить младенца, она взяла и саблей ему голову снесла». Вотъ мужъ ничего не сказалъ, залился слезьми и пошёлъ отъ нихъ прочь.

Приходитъ ночь. Въ самую полночь онъ подымается и говоритъ: «Сестрица милая! собирайся, поѣдемъ мы съ тобой къ обѣдни». Она и говоритъ: «Братецъ родимой! нынче, кажется, праздника никакого нѣтъ». — «Нѣтъ, сестрица, есть праздникъ, поѣдемъ». — «Еще рано, говоритъ, намъ ѣхать, братецъ!» — «Нѣтъ ваше (дѣло) дѣвичье, скоро ли, говоритъ: вы уберетесь!»

[1]) Мебель.

Сестрица милая стала убираться: убирается не убирается она, руки у ней всё отваливаются. Подходить братецъ и говорить: «Ну, проворнѣй, сестрица, одѣвайся». — «Вотъ, говорить, еще рано, братецъ». — «Нѣтъ, сестрица, не рано — время». Собралась сестрица. Сѣли и поѣхали къ обѣднѣ. Ѣхали долго ли, не мало; подъѣзжаютъ къ лѣсу. Сестра говорить: «Что это за лѣсъ?» Онъ отвѣчаетъ: «Это ограда вокругъ церкви». Вотъ за кустикъ зацѣпились дрожечки. Братецъ говорить: «Встань, сестрица, отцѣпи дрожечки». — «Ахъ, братецъ мой милый, я не могу, я платье замараю». — «Я, сестрица, тебѣ новое платье куплю, лучше этого». Вотъ она встала съ дрожекъ, стала отцѣпливать, — братецъ ей по локоть ручки отрубилъ, самъ вдарилъ по лошади и уѣхалъ отъ неё. Осталась сестрица, залилась слезьми и пошла по лѣсу. Вотъ она сколько ни шла, долго ли, коротко ли ходила по лѣсу, вся ощипалась, а слѣду не найдёть, какъ выйти изъ лѣсу. Вотъ тропиночка вышла и вывели её изъ лѣсу уже чрезъ нѣсколько годовъ. Вышла она съ эстого лѣсу и приходить въ купеческій городъ, и подходить къ богатищему купцу подъ окна милостину просить. Въ-у этого купца сынъ былъ, единый какъ глазъ во лбу, и влюбился онъ въ нищенку. Говорить: «Папенька съ маменькой, жените мене». — «На кого же тебе женить?» — «На этой нищенкѣ». — «Ахъ, другъ мой, развѣ въ городѣ у купцовъ нѣтъ дочерей хорошихъ?» — «Да жените; ежели вы мене не жените, я что-нибудь, говорить, надъ собой сдѣлаю». Вотъ имъ это обидно, что одинъ сынъ, какъ глазъ во лбу; собрали всѣхъ купцовъ, все священство, и спрашиваютъ: что присудятъ, женить ли на нищенкѣ, или нѣтъ? Вотъ священники сказали: «Стало его судьба такая, что его Богъ благословляетъ на нищенкѣ жениться».

Вотъ онъ съ нею пожилъ годъ и другой, и отправляется въ другую губерню, гдѣ её братъ, значитъ, сидитъ въ лавочкѣ. Вотъ онъ прощается и прòситъ: «Папенька съ маменькой! не оставьте вы мою жену; не равнò она родитъ, вы пишите ко мнѣ тотъ разъ и тотъ часъ». Какъ уѣхалъ сынъ, такъ чрезъ два ли, чрезъ три ли мѣсяца жена его родила: по локтю въ золотѣ, по бокамъ часты звѣзды, во лбу свѣтёлъ мѣсяцъ, противъ сердца красно солнце. Какъ отецъ съ матерью обрадовались, такъ тотчасъ сыну своему любимому письмо стали писать. Посылаютъ старичка съ запиской съ эстою поскоряючи. А невѣстка ужъ, значитъ, узнала объ этомъ, зазываетъ старичка: «Поди, батюшка, сюда, отдохни». — «Нѣтъ, мнѣ некогда, на скорую руку посылаютъ». — «Да поди, батюшка, отдохни, пообѣдаешь». Вотъ посадила его обѣдать, а сумочку его унесла, вынула записочку, прочитала, изорвала её на мелкіе клочьи, и написала другую: что твоя, говоритъ, жена родила — половина собачьяго, половина вѣдмежачьяго; прижила въ лѣсу съ звѣрями. Приходитъ старичокъ къ купеческому сыну, подаетъ записку; онъ прочиталъ, да слезьми и залился. Написалъ письмо, что до мово пріѣзду не трогать; самъ пріѣду и узнаю, какой младенецъ народился. Вотъ, потомъ это волшебница опять зазываетъ старичка: «Поди посиди, отдохни», говоритъ. Вотъ онъ зашёлъ, она кой-какъ опять заговорила его, вытащила у него записку, прочитала, изорвала, и написала, что какъ записка на дворъ, такъ чтобъ ее долой со двора согнать. Принесъ старикъ эту записочку; прочитали и огорчились отецъ и мать: «Что жъ это, говорятъ, онъ насъ въ изъянъ ввелъ? женили мы его, стало ему жена ненадобна стала!» Жаль имъ не такъ жену, какъ жаль младенца. Взяли благословили ее и младенца, при-

вязали младенца къ её грудямъ, и отпустили со двора.

Вотъ она пошла, залилась горькими слезьми, шла долго ли, коротко ли, — всё чистое поле, нѣтъ ни лѣсу, ни деревни нигдѣ. Подходитъ она къ лощинѣ, и такъ ей напиться захотѣлось. Глянула въ правую сторону — стоитъ колодезь. Вотъ ей напиться-то хочется, а наклониться боится, чтобъ не уронить робенка. Вотъ поглазилось ей, что будто бы вода ближе стала. Она наклонилась, робенокъ и выпалъ, и упалъ въ колодезь. И ходитъ она вкругъ колодезя и плачетъ: какъ младенца достать изъ воды? Подходитъ старичокъ и говоритъ: «Что ты, раба, плачешь?» — «Какъ мнѣ не плакать! я наклонилась къ колодцу воды напиться, младенецъ мой упалъ въ воду». — «Поди нагнись, возьми его». — «Нѣтъ, батюшка, у меня рукъ нѣтъ — одни локоточки». — «Да поди нагнись, возьми робенка!» Вотъ она подошла къ колодезю, стала протягивать руки, ей Господь и пожаловалъ — очутились цѣлыя руки. Она нагнулась, достала робенка и стала Богу молиться на всѣ четыре стороны.

Помолилась Богу, пошла и пришла ко двору, гдѣ её братъ и мужъ, и просится ночевать. Вотъ мужъ говоритъ: «Братъ, пусти нищенку; нищенки умѣютъ и сказки, и приказки, и правды умѣютъ сказывать». Вотъ невѣстка говоритъ: «У насъ негдѣ ночевать, тѣсно!» — «Нѣтъ, братъ, пусти пожаласта; смерть люблю, какъ нищенки сказываютъ сказки и приказки!» Вотъ пустили ее. Она и сѣла на печку съ младенцемъ своимъ. Мужъ и говоритъ: «Ну, душенька, скажи-ка намъ сказочку . . . ну, хоть какую стбрыцу скажи». Она и говоритъ: «Сказки я не умѣю сказывать и приказки, а умѣю правду сказывать. Слушайте, говоритъ, господа! какъ я вамъ буду правду сказывать» — и на-

чала разсказывать: «Въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, жилъ купецъ богатый; у него двое дѣтей, сынъ и дочь. И померли отецъ съ матерью. Братецъ и говоритъ сестрицѣ: пойдемъ, сестрица, съ эстого города. И пришли они въ другу губерню. Братъ опредѣлился, нанялъ лавочку съ краснымъ товаромъ. Вотъ вздумалось ему жениться; онъ женился — взялъ себѣ жену волшебницу . . .» Тутъ невѣстка заворчала: «Вотъ пошла вякать[1], б . . . . этакая!» А мужъ говоритъ: «Сказывай, сказывай, матушка; смерть люблю такія сто́ріи!» — «Вотъ, говоритъ нищенка: собирается братъ въ лавочку торговать и приказываетъ сестрицѣ: «Смотри, сестрица, въ домѣ!» Жена обижается, что онъ всё сестрицѣ приказываетъ; вотъ она по злости всю небель переколотила...» И какъ она всё разсказала какъ онъ[2] её къ обѣдни повёзъ, ручки отрѣзалъ, какъ она родила, какъ невѣстка заману́ла[3] старичка, — невѣстка напзнова кричитъ: «Вотъ, начала чуху[4] городить!» Мужъ говоритъ: «Братъ, вели своей женѣ замолчать; вѣдь сто́рія-то славная!» Вотъ она досказала, какъ мужъ писалъ, чтобъ оставить робенка до пріѣзда; а невѣстка ворчитъ: «Вотъ чушь какую по́рить!» Вотъ она досказала, какъ она пришла къ дому этому; а невѣстка заворчала: «Вотъ, б . . . ., начала орать!» Мужъ говоритъ: «Братъ, вели ей замолчать; что она всё перебиваитъ?» Вотъ досказала, какъ её пустили въ избу и какъ начала она имъ правды сказывать . . . Тутъ она указываетъ на нихъ и говоритъ: «Вотъ мой мужъ, вотъ мой братъ, а эта моя невѣстка!» Тутъ мужъ вскочилъ къ ней на печку, и говоритъ: «Ну,

[1]) Надоѣдать разсказами, болтать пустяки.
[2]) Т.-е. братъ.
[3]) Заманила, зазвала.
[4]) Вздоръ, пустяки.

мой другъ, покажи же мнѣ младенца, правду ли писали отецъ и мать». Взяли робеночка, развили[1] — такъ всю комнату и освѣтило! «Вотъ правда-истина, что не сказки-то говорила: вотъ моя жена, вотъ мой сынъ — по локти въ золотѣ, по бокамъ часты звѣзды, во лбу свѣтёлъ мѣсяцъ, а противъ сердца красно солнце!»

Вотъ братъ взялъ изъ конюшни самую что ни лучшую кобылицу, привязалъ къ хвосту жену свою, и пустилъ её по чисту́ полю. Поте́ль[2] она её мыкала, покель принесла одну косу её, а самоё растрепала по полю. — Тогда запрягли тройку лошадей и поѣхали домой къ отцу, къ матери; стали жить да поживать, добра наживать; я тамъ была и мёдъ-вино пила, по усамъ текло и въ ротъ не попало.

Записана К. О. Александровымъ-Дольникомъ со словъ женщины Ливенскаго у., Орловской губ.

159

По колѣна ноги въ золотѣ, по локоть въ серебрѣ

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ царь; у него былъ сынъ Иванъ-царевичъ — и красивой, и умной, и славной; объ немъ пѣсни пѣли, объ немъ сказки сказывали; онъ краснымъ дѣвушкамъ во снѣ снился. Пришло ему желанье поглядѣть на бѣлъ свѣтъ; беретъ онъ у царя-отца благословенье и позволенье и ѣдетъ на всѣ на четыре стороны людей посмотрѣть, себя показать.

Долго ѣздилъ, много видѣлъ добра и худа и всякой всячины, наконецъ подъѣхалъ къ палатамъ высокимъ, хорошимъ, каменнымъ. Видитъ: на крылечкѣ сидятъ три сестрицы-красавицы и между собой разговариваютъ. Старшая говоритъ: «Если бъ на мнѣ женился

[1]) Т.-е. сняли свивальникъ и пеленки.
[2]) До тѣхъ поръ: покель — пока.

Иванъ-царевичъ, я бъ ему напряла рубашку тонкую, гладкую, какой во всемъ свѣтѣ не спрядутъ». Иванъ-царевичъ сталъ прислушиваться. «А если бъ меня взялъ, сказала средняя: я бъ выткала ему кафтанъ изъ серебра, изъ золота, и сіялъ бы онъ какъ Жаръ-птица». — «А я ни прясть, ни ткать не умѣю, говорила меньшая: а если бы онъ меня полюбилъ, я бы родила ему сыновъ, что ни ясныхъ соколовъ: во лбу солнце, а на затылкѣ мѣсяцъ, по бокамъ звѣзды». Иванъ-царевичъ все слышалъ, все запомнилъ и, возвратясь къ отцу, просилъ позволенья жениться. Отказа не было; онъ взялъ за себя меньшую сестру и сталъ съ нею жить-поживать душа въ душу; а старшія сестры стали сердиться да завидовать меньшой сестрѣ, начали ей зло мѣрить; подкупили нянюшекъ, мамушекъ, и когда у Ивана-царевича родился сынъ, когда онъ ждалъ, что ему поднесутъ дитя съ солнцемъ во лбу, съ мѣсяцемъ на затылкѣ, съ звѣздами по бокамъ, вмѣсто того подали ему просто-на́просто котёнка и завѣрили, что жена его обманула. Сильно онъ огорчился, долго сердился, наконецъ сталъ ожидать другого сына. Тѣ же нянюшки, тѣ же мамушки были съ царевной, опять украли ея настоящаго ребенка съ солнцемъ во лбу и подложили щенка. Иванъ-царевичъ заболѣлъ съ горя-печали; много онъ любилъ царевну, но еще больше хотѣлось ему поглядѣть на хорошее дѣтище. Началъ ожидать третьяго. Въ третій разъ ему показали простого ребенка безъ звѣздъ и мѣсяца. Иванъ-царевичъ не стерпѣлъ, отказался отъ жены, приказалъ ее судить.

Собрался, съѣхался люди старшіе — нѣтъ числа! сидятъ-рядятъ, придумываютъ-пригадываютъ, и придумали: царевнѣ отрубить голову. «Нѣтъ, сказалъ главной судья: слушайте меня или нѣтъ, а моя вотъ рѣчь: выколоть ей глаза, засмолить съ ребенкомъ въ

бочкѣ и пустить на море; виновата — потонетъ, права — выплыветъ». Рѣчь полюбилась; выкололи царевнѣ глаза, засмолили вмѣстѣ съ ребенкомъ въ бочку и бросили въ море. А Иванъ-царевичъ женился на ея старшей сестрѣ, на той самой, что дѣтей ея покрала да спрятала въ отцовскомъ саду въ зеленой бесѣдкѣ. Тамъ мальчики росли-подрастали, родимой матушки не видали, не знали; а она, горемычная, плавала по морю по окіяну съ подкидышкомъ, и росъ этотъ подкидышекъ не по днямъ, а по часамъ; скоро пришелъ въ смыслъ, сталъ разуменъ, и говоритъ: «Сударыня матушка! когда бъ, по моему прошенью, по щучью велѣнью, по Божью благословенью, мы пристали къ берегу!» Бочка остановилась. «Сударыня матушка! когда бъ, по моему прошенью, по щучью велѣнью, по Божью благословенью, наша бочка лопнула!» Только онъ молвилъ, бочка развалилась надвое; и онъ съ матерью вышли на берегъ. «Сударыня матушка! какое веселое, славное мѣсто; жаль, что ты не видишь ни солнца, ни неба, ни травки-муравки. По моему прошенью, по щучью велѣнью, по Божью благословенью, когда бъ здѣсь явилась банька!» Ту жъ минуту какъ изъ земли выросла баня: двери сами растворились, печи затопились, и вода закипѣла. Вошли, взялъ онъ вѣничекъ и сталъ теплою водою промывать больные глаза матери. «По моему прошенью, по щучью велѣнью, по Божью благословенью, когда бъ моя матушка проглянула». — «Сынокъ! я вижу, вижу, глаза открылись!» — «По моему прошенью, по щучью велѣнью, по Божью благословенью, когда бъ, сударыня матушка, твоего батюшки дворецъ да къ намъ перешелъ и съ садомъ и съ твоими дѣтками». Откуда ни взялся дворецъ, передъ дворцомъ раскинулся садъ, въ саду на вѣточкахъ птички поютъ, посреди бесѣдка стоитъ, въ бесѣдкѣ

три братца живутъ. Мальчикъ-подкидышекъ побѣжалъ къ нимъ. Вошелъ, видитъ — накрытъ столъ, на столѣ три прибора. Возвратился онъ поскорѣе домой и говоритъ: «Дорогая сударыня матушка! испеки ты мнѣ три лепёшечки на своемъ молокѣ». Мать послушала. Понёсъ онъ три лепёшечки, разложилъ на три тарелочки, а самъ спрятался въ уголокъ и ожидаетъ: кто прійдетъ? Вдругъ комната освѣтилась — вошли три брата съ солнцемъ, съ мѣсяцемъ, съ звѣздами; сѣли за столъ, отвѣдали лепёшекъ и узнали родимой матери молоко. «Кто намъ принёсъ эти лепёшечки? если бъ онъ показался и разсказалъ намъ объ нашей матушкѣ, мы бъ его зацѣловали, замиловали и въ братья къ себѣ приняли». Мальчикъ вышелъ и повелъ ихъ къ матери. Тутъ они обнимались, цѣловались и плакали. Хорошо имъ стало жить, было чѣмъ и добрыхъ людей угостить. Одинъ разъ шли мимо нищіе старцы; ихъ зазвали, накормили, напоили, и съ хлѣбомъ-солью отпустили. Случилось: тѣ же старцы проходили мимо дворца Ивана-царевича; онъ стоялъ на крыльцѣ и началъ ихъ спрашивать: «Нищіе старцы! гдѣ вы были-пробывали, что видѣли-повидали?» — «А мы тамъ были-пробывали, то видѣли-повидали: гдѣ прежде мохъ да болото, пень да колода, тамъ теперь дворецъ — ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать, тамъ садъ — во всемъ царствѣ не сыскать, тамъ люди — въ бѣломъ свѣтѣ не видать! Тамъ мы были-пробывали, три родныхъ братца насъ угощали: во лбу у нихъ солнце, на затылкѣ мѣсяцъ, по бокамъ часты звѣзды, и живетъ съ ними и любуется на нихъ мать-царевна прекрасная». Выслушалъ Иванъ-царевичъ и задумался . . . кольнуло его въ грудь, забилося сердце; снялъ онъ свой вѣрный мечъ, взялъ мѣткую стрѣлу, осѣдлалъ ретиваго коня, и не сказавъ женѣ: прощай! полетѣлъ во дворецъ — что ни въ сказкѣ

сказать, ни перомъ написать. Очутился тамъ, глянулъ на дѣтей, глянулъ на жену — узналъ и не вспомнился отъ радости, душа просвѣтлѣла!

Въ это время я тамъ была, медъ-вино пила, все видѣла, всѣмъ было очень весело, горько только одной старшей сестрѣ, которую такъ же засмолили въ бочку, такъ же бросили въ море, но не такъ ее Богъ хранилъ: она тутъ же канула на дно, и слѣдъ пропалъ!

Записана въ Курской губ.

160

Поющее дерево и птица-говорунья

Жилъ царь очень любопытенъ: все подъ окнами слушалъ; а было у купца три дочери, и говорятъ какъ-то эти дочери отцу; одна говоритъ: «Если бъ меня взялъ царской хлѣбодаръ!» а другая говоритъ: «Если бъ меня царской слуга взялъ за себя замужъ!» а третья говоритъ: «А я желала бы за самого царя выйти; я бы принесла ему два сына и одну дочку!» Царь весь этотъ разговоръ слышалъ. Спустя нѣсколько времени, царь сдѣлалъ точно такъ, какъ онѣ желали: старшая дочь вышла за хлѣбодара, средняя дочь вышла за слугу царскаго, а меньшая за самого царя. Царь хорошо жилъ со своею супругой, и стала она беременна; потомъ стала родить. Вотъ царь посылаетъ за городской бабкой; а сестры царской женѣ и говорятъ: «Для чего посылать? мы и сами можемъ быть у тебя бабками». Какъ родила царица сына, то эти бабки взяли да и сказали царю, что ваша супруга родила щенка; а младенца новорожденнаго положили въ коробочку и пустили въ царскомъ саду въ прудъ. Царь разгнѣвался на свою супругу, хотѣлъ было ее въ пушки разстрѣлять, да отговорили пріѣзжіе короли — на первой де разъ

надобно простить. Ну, царь и простилъ; до другого разу оставилъ. Черезъ годъ стала царица другимъ ребенкомъ беременна, и родила сына; сестры опять сказали царю, что ваша супруга родила котёнка. Царь еще больше того разсердился и хотѣлъ было свою супругу совсѣмъ казнить, да опять упросили-уговорили его. Онъ одумался и оставилъ ее до третьяго разу. А сестры и другого младенца положили въ коробочку и пустили въ прудъ. Вотъ еще царица стала беременна третьимъ и родила прекрасную дочь; сестры опять доложили царю, что ваша супруга родила невѣдомо что. Царь больше того разсердился, поставилъ висѣлицу и хотѣлъ было свою жену повѣсить, да пріѣзжіе изъ другихъ земель короли сказали ему: «Лучше возьми да поставь около церкви часовню и посади ее туда; кто будетъ идти къ обѣднѣ, всякой будетъ ей въ глаза плевать!» Царь такъ и сдѣлалъ; а ей не только что плевать въ глаза, всякой несетъ, кто калачей, кто пироговъ. А которыхъ царица родила дѣтей, а бабки въ прудъ попущали, царской садовникъ взялъ ихъ къ себѣ и сталъ воспитывать. Эти царскія дѣти росли не по годамъ, а по мѣсяцамъ, не по днямъ, а по часамъ; царевичи выросли такіе молодцы, что ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать; а царевна такая красавица — просто ужасть! И вошли они въ пору и стали просить садовника, чтобы позволилъ имъ поставить домъ за городомъ. Садовникъ позволилъ; они поставили большой отличной домъ, и начали хорошо жить. Братья любили ходить за зайцами; разъ они пошли на охоту, а сестра одна осталась дома. И приходитъ къ ней въ домъ старая старушка, и говоритъ этой дѣвушкѣ: «Хорошо у васъ въ домѣ и красиво; только нѣтъ у васъ трехъ вещей». Царевна спрашиваетъ у старушки: «Чего же нѣтъ у насъ?

кажется, у насъ все есть!» Старушка говоритъ: «Вотъ чего у васъ нѣтъ: птицы-говоруньи, дерева пѣвучаго и живой воды». Вотъ пріѣзжаютъ братья съ охоты, сестра ихъ встрѣчаетъ и говоритъ: «Братцы! все у насъ есть, только трехъ вещей нѣту!» Братья спрашиваютъ: «Чего же у насъ, сестрица, нѣту?» Она говоритъ: «Нѣту у насъ птицы-говоруньи, дерева пѣвучаго и живой воды». Старшій братъ и проситъ: «Сестрица! благослови меня, я пойду доставать эти диковины. А если я помру или меня убьютъ, такъ вы меня вотъ по чему узнавайте: поторкну я въ стѣну ножичекъ; если съ ножичка капнетъ кровь — это будетъ знакъ, что я померъ». Вотъ онъ и пошелъ; шелъ-шелъ и пришелъ въ лѣсъ. Сидитъ на деревѣ старой старичокъ; онъ его и спрашиваетъ: «Какъ бы мнѣ достать птицу-говорунью, дерево пѣвучее и живой воды!» Старикъ далъ ему каточекъ: «Куда этотъ каточекъ покатится, туда и ступай за нимъ». Каточекъ покатился, а царевичъ за нимъ; прикатился каточекъ къ высокой горѣ, и пропалъ; царевичъ пошелъ въ гору, дошелъ до половины горы, да вдругъ и пропалъ. Въ домѣ его тотчасъ же капнула съ ножичка кровь; сестра и говоритъ среднему брату, что померъ нашъ большой братъ; вотъ капнула съ его ножичка кровь! Отвѣчаетъ ей средній братъ: «Теперь я пойду, сестрица, доставать птицу-говорунью, дерево пѣвучее и живой воды». Она его благословила; онъ и пошелъ; шелъ-шелъ, много ли, мало ли вёрстъ, и пришелъ въ лѣсъ. Сидитъ на деревѣ старичокъ; царевичъ его и спрашиваетъ: «Что, дѣдушка, какъ бы мнѣ достать птицу-говорунью, дерево пѣвучее и живой воды?» Старичокъ говоритъ: «На вотъ тебѣ каточекъ — куда онъ покатится, туда и ступай». Старикъ бросилъ — каточекъ покатился, а царевичъ за нимъ пошелъ; прикатился каточекъ къ

крутой, высокой горѣ и скрылся; полѣзъ онъ въ гору, дошелъ до половины, да вдругъ и пропалъ. Вотъ сестра дожидалася его много-много годовъ, а его все нѣтъ! и говоритъ: «Должно быть, и другой мой братецъ померъ!» Пошла сама доставать птицу-говорунью, дерево пѣвучее и живой воды; шла она много ли, мало ли времени, и пришла въ лѣсъ. Сидитъ на деревѣ старой старичокъ; спрашиваетъ его: «Дѣдушка! какъ бы мнѣ достать птицу-говорунью, дерево пѣвучее и живой воды?» Отвѣчаетъ старичокъ: «Гдѣ тебѣ достать! здѣсь похитрѣе тебя ходили, да всѣ пропали». Дѣвушка проситъ: «Скажи, пожалуста!» И говоритъ ей старичокъ: «На вотъ тебѣ каточекъ, ступай за нимъ!» Каточекъ покатился, дѣвушка за нимъ пошла. Долго ли, коротко ли — прикатился этотъ каточекъ къ крутой высокой горѣ; дѣвушка полѣзла въ гору, и зачали на нее кричать: «Куда ты идешь? мы тебя убьемъ! мы тебя съѣдимъ!» Она знай себѣ идетъ да идетъ; взошла на гору, а тамъ сидитъ птица-говорунья. Дѣвушка взяла эту птицу и спрашиваетъ у ней: «Скажи мнѣ, гдѣ достать дерево пѣвучее и живой воды?» Птица говоритъ: «Вотъ туда ступай!» Пришла она къ пѣвучему дереву, на томъ деревѣ разныя птицы поютъ; отломила отъ него вѣтку, и пустилась дальше; пришла къ живой водѣ, почерпнула кувшинчикъ, и понесла домой. Стала подъ гору спускаться, взяла да прыснула живой водой; вдругъ вскочили ея братья и говорятъ: «Ахъ, сестрица, какъ мы долго спали!» — «Да, братцы, если бъ не я, вы бы вѣкъ здѣсь спали!» И говоритъ имъ сестра: «Вотъ, братцы, достала я птицу-говорунью, дерево пѣвучее и живой воды». Братья возрадовались. Пришли они домой и посадили пѣвучее дерево въ своемъ саду; оно во весь садъ распустилось, и поютъ на немъ птицы разными голосами. Разъ какъ-то по-

ѣхали братья на охоту, и попадается имъ навстрѣчу царь. Полюбились царю эти охотники; сталъ ихъ просить къ себѣ въ гости. Они и говорятъ: «Мы попросимъ у сестрицы позволенія; если она позволитъ, то непремѣнно будемъ!» Вотъ пріѣзжаютъ они съ охоты, сестра ихъ встрѣчаетъ, рада за ними ухаживать; говорятъ ей братья: «Позволь намъ, сестрица, къ царю въ гости сходить; онъ насъ честью просилъ». Царевна имъ позволила; они и поѣхали въ гости. Пріѣхали; царь ихъ отлично принялъ и на славу угостилъ; стали они царю докладывать и просить, чтобы и онъ навѣстилъ ихъ. Вотъ, спустя нѣкое время, пріѣзжаетъ къ нимъ царь; они его такъ же хорошо приняли-угостили и показали ему дерево нѣвучее и птицу-говорунью. Царь удивился и говоритъ: «Я царь, да у меня этого нѣтъ!» Тутъ сестра и братья говорятъ царю: «Мы де ваши дѣти!» Царь узналъ про все, обрадовался и остался у нихъ навсегда жить, и супругу свою изъ часовни взялъ; и жили они всѣ вмѣстѣ много лѣтъ во всякомъ счастіи.

Записана въ Зубцовскомъ у., Тверской губ.

161
Свиной чехолъ

(а) У великаго князя была жена-красавица, и любилъ онъ ее безъ памяти. Умерла княгиня, осталась у него единая дочь, какъ двѣ капли воды на мать похожа. Говоритъ великой князь: «Дочь моя милая! женюсь я на тебѣ». Она пошла на кладбище, на могилу матери, и стала умильно плакать. Мать и говоритъ ей: «Вели купить себѣ платье — чтобъ кругомъ были часты звѣзды». Отецъ купилъ ей эдакое платье и пуще прежняго въ нее влюбился. Пошла дочь въ другой разъ къ матери. Мать говоритъ: «Вели купить себѣ платье

— на спинѣ бы свѣтѣлъ мѣсяцъ былъ, на груди красно солнышко». Отецъ купилъ, и еще больше влюбился. Опять пошла дочь на кладбище и стала умильно плакать: «Матушка! отецъ еще пуще въ меня влюбился». — «Ну, дитятко! сказала мать: теперь вели себѣ сдѣлать свиной чехолъ». Отецъ и то приказалъ сдѣлать; какъ только приготовили свиной чехолъ, дочь и надѣла его на себя. Отецъ плюнулъ на нее и прогналъ изъ дому, нѣ далъ ей ни служанокъ, ни хлѣба на дорогу. Она перекрестила себѣ глаза и вышла за ворота. «Пойду, говоритъ, на Божью волю!» Идетъ день, идетъ другой, идетъ третій — и зашла въ чужую землю.

Вдругъ надвинулись тучи, началась гроза. Гдѣ отъ дождя укрыться! Увидала княжна огромный дубъ — влѣзла на него и сѣла въ густыхъ вѣтвяхъ. Тѣмъ временемъ ѣхалъ на охоту царевичъ; сталъ проѣзжать мимо этого дуба, собаки его бросились — такъ и рвутъ и лаютъ на дубъ. Любопытно стало царевичу, отчего такъ собаки на дубъ лаютъ? Послалъ своего слугу посмотрѣть; слуга возвратился и сказалъ: «Ахъ, ваше высочество! на дубу сидитъ звѣрь — не звѣрь, а чудо-чудное, диво-дивное!» Царевичъ подошелъ къ дубу и спросилъ: «Что ты за чудо? говоришь ты али нѣтъ?» Княжна отвѣчала: «Я Свиной Чехолъ!» Не поѣхалъ царевичъ на охоту, а посадилъ Свиной Чехолъ къ себѣ на повозку, и говоритъ: «Повезу-ка я къ отцу, къ матери чудо-чудное, диво-дивное!» Отецъ и мать подивовались и отправили ее въ особую комнату. Немного спустя, собрался у царя балъ; всѣ придворные пошли веселиться. Свиной Чехолъ и спрашиваетъ у царской прислуги: «Могу ли я у дверей постоять да на балъ посмотрѣть?» — «Куда тебѣ, Свиной Чехолъ!» Она вышла въ чистое поле, нарядилась въ блестящее платье — кругомъ частыя звѣзды! свистнула-гаркнула

— и подали ей карету; сѣла, поѣхала на балъ. Пріѣхала и пошла танцовать. Всѣ удивились: откуда взялась такая красавица? Потанцовала-потанцовала и скрылась; опять надѣла свиной чехолъ и прибѣжала въ свою комнату. Царевичъ пришелъ къ ней и спрашиваетъ: «Не ты ли, Свиной Чехолъ, тамъ была эдакой красавицей?» Она отвѣчаетъ: «Куды я гожусь съ своимъ чехломъ? я только у дверей постояла». Въ другой разъ собрались къ царю на балъ. Свиной Чехолъ проситъ позволенія прійти посмотрѣть. «Куда тебѣ!» Она вышла въ чистое поле, свистнула-гаркнула не соловейскимъ посвистомъ, а своимъ дѣвичьимъ голосомъ — явилась карета; скинула свой свиной чехолъ, надѣла платье: на спинѣ свѣтёлъ мѣсяцъ, на груди красно солнышко! Пріѣхала на балъ и пошла танцовать. Всѣ на нее прилежно глядятъ. Потанцовала и опять скрылась. «Что намъ дѣлать теперь! говоритъ царевичъ: какъ узнать, кто такова эта красавица?» Придумалъ: взялъ да и засмолилъ первую ступеньку смолою, чтобъ ея башмакъ пристадъ. На третій балъ княжна еще лучше показалась, да какъ стала выходить изъ дворца — башмачокъ ея и прилипъ къ смолѣ. Царевичъ взялъ этотъ башмачокъ и пошелъ искать по всему царству, кому башмачокъ впору? Всю свою землю изъѣздилъ — никому по ногѣ не приходится. Пріѣхалъ домой, пошелъ къ Свиному Чехлу и говоритъ: «Покажи свои ноги». Она показала; примѣрилъ — какъ разъ впору. Царевичъ разрѣзалъ свиной чехолъ и снялъ съ княжны; потомъ взялъ ея за бѣлую руку, повелъ къ отцу, къ матери, и проситъ позволенія жениться на ней. Царь съ царицею благословили. Вотъ и обвѣнчали ихъ; сталъ царевичъ у своей жены спрашивать: «Отчего на тебѣ былъ свиной чехолъ надѣтъ?» — «Оттого, говоритъ, что была я

похожа на покóйную мою мать, и отецъ хотѣлъ на мнѣ жениться».

(b) Якъ бувъ соби пипъ да попадя, та була въ ихъ одна дочкà. Якъ вмерла попадя, пипъ и каже дочци: «А ну, дочко! убирайся, пидемъ винчатьця». Дочка пишла на матырыну могилу, да-й плаче. Маты выходыть изъ могилы й пытае дочку: «Чого ты, доню, плачешь?» — «Якъ же мыни не плакать, колы батько хоче на мыни женитьця». — «Колы такъ, дочко, скажи жъ батькови: нехай винъ тоби справыть плаття таке, якъ мисяць и солнце, и весь прибиръ до плаття». Батько iй справывъ таке плаття, яке вона сказала, и весь приборъ, да-й каже дочци впьять: «Кажу тоби, дочко, убирайся винчатьця». Дочка впьять пишла до матыри на могилу плакать. «Чого ты впьять пришла плакать?» пытае маты. «Якъ же мыни не плакать, що плаття таке, якъ ты казала, справывъ батько, та-й клыче впьять винчатьця?» — «Такъ скажи жъ, дочко, батькови: нехай справыть тоби плаття таке, якъ зóри, и увесь прибиръ до плаття; та тогди, дочко, и повинчаешься зъ нымъ». Пипъ справывъ дочци все, якъ вона казала, та-й каже знову: «Убирайся, дочко, пидемъ винчатьця!» Дочка и въ третiй разъ пишла до матыри на могилу, а маты й пытае: «Чого ты, доню, впьять прiйшла до мене плакать?» — «Якъ же мыни не плакать, що батько справывъ все, що ты казала, и впьять-таки хоче зо мною винчатьця». — «Такъ скажи жъ батькови, каже маты: нехай винъ тоби справыть кожухъ свынячiй и до кожуха весь прибиръ, чоботы и платокъ». Батько опьять справывъ дочци и кожухъ, и усе, що вона хотила, да-й каже, якъ и попéреду: «Ну, дочко, убирайся, пидемъ винчатьця!» Отъ дочка батькови и говóрыть: «Потрывайте, тату, пiйду зàразъ

уберусь», да-й пійшла изъ кукламы убиратьця: сама убралась у свынячій кожухъ, а куколъ трехъ убрала у плаття, що їій батько посправлявъ; а убравшись прійшла на горо̀дъ та-й поставыла трехъ куколъ коло сéбе, а сама стала по серéдыни. Отъ одна кукла й гово̀рыть: «Роступысь, сыра земля, щобъ красна дывыця пишла у тéбе!» и другà те саме говòрить, и третя те саме. И пишли воны пидъ землю; идутъ-идутъ въ иньше царство, въ иньше государство, та-й увишлы у лисъ, а тамъ стоитъ хатка на курячій нижци. Воны думалы, думалы, що робыть, та взялы та пидъ хаткою й сплы; куклы собы сыдять, а попивна стала золотомъ вышывать. Колы їйде царенко и каже: «Здорова була! спдай на визъ зо мною». А вона каже: «Якъ же мыни можно зъ вамы сыдить, колы вы царенко, а я попивна и у свынячому кожухи». Дакъ винъ каже чоловикови: «Возьмы, посады їіп!» а той взявъ да-й посадывъ. Поїхалы воны и прійхалы до до̀му. Тутъ винъ ввивъ їін у хату до своеп матыри да-й каже: «Мамо! дозволте мыни на їій женытьця». А маты ёму на те: «Якъ же тоби, сыну, на їій женытьця, що ты царенко, а вона попивна у свынячому кожушку!» — «Дакъ проженемъ же їін, мамо, пидъ пичъ!» Тогди була суббота, а завтра недиля[1]: отъ винъ уставъ въ-ранци да-й каже чоловикови: «Давай лышень кухоль!»[2] А вона выскочила изъ-пидъ печи да-й подала ёму, по винъ тильки ударывъ їін кухлемъ, сказавши: «Пиды, геть пидъ пичъ, свыня!» Вона побигла да-й сыдыть собы, а винъ поїхавъ до церквы. Якъ тильки винъ поїхавъ, вона попросылась у царыци да прибравшись пидъ пичью и сама пишла до церквы; прійшла да-й стоитъ собы на правому крыласи. Царенко, побачивши

[1]) Воскресенье.
[2]) Кувшинъ, рукомойникъ.

jін, пидійшовъ да-й пытае: «Видкиля ты, голубко?» — «Я изъ-пидъ Кухлева», сказала попивна, и якъ тильки зазвонылы на «Достойно» — выйшла зъ церквы да-й побигла собп впьять пидъ пичъ, знову надивши свынячій кожушокъ. Прійхавъ царенко зъ церквы да-й каже матыри: «Яку я, мамо, гарну панночку бачывъ у церквы! и спытавъ jін: видкиль вона? а вона сказала: зъ-пидъ Кухлева». Сподобалась[1] царенкови панночка, пojихавъ неборакъ[2] шукать Кухлева; jиздывъ цилу недилю; вернувсь въ субботу да-й каже матыри: «Не найшовъ панночки». А попивна сыдыть усе пидъ пичью. Прійшла недиля, винъ вставъ въ-ранци да-й кличе чоловика: «Дай лышень, каже, мыни рушныкъ![3]» Попивна выбигла й подала ёму рушныкъ, но винъ ударивъ jін рушныкомъ и прогнавъ видъ себе. Опьять пojихавъ винъ до церквы. Вона выпросылась у царыци, надила плаття таке, якъ мисяць и солнце, пишла до церквы да-й стала на правомъ крыласи. Царенко опьять пидійшовъ до ен, пытае знову: видкиль вона? «Изъ-пидъ Рушныкивки», каже попивна. «Помиияемось, серце, кольцями!» — Не треба, у мене свопхъ багацько». Тильки зазвонылы на «Достойно», вона побигла до дому, роздяглась да-й сыдыть пидъ пичью. Прiйхавъ изъ церквы царенко да впьять и каже матыри: «Мамо, яку я гарну панночку бачивъ!» Пojихавъ царенко знову шукать Рушныкивку, довго jиздывъ, а не найшовъ ничого и вернувшись розсказавъ объ своjій недоли матыри; а попивна слухае пидъ пичью, да сміетця. Прійшла знову недиля, вставъ царенко въ-ранци да-й каже: «Ей, хлопче, подай гребенець!» Попивна выскочила изъ-пидъ печи и

[1]) Полюбилась, понравилась.
[2]) Бѣдняга.
[3]) Полотенце.

подала гребенець ёму; но винъ гребенцемъ тильки ударывъ jiи, и сказавши: «Пиды геть, свыня!» опьять прогнавъ пидъ пичку. Якъ тильки посли сёго царенко поjихавъ до церквы, вона опьять выпросилась у царыци, и надивши плаття таке, якъ зòри, пишла и собi до церквы и стала на правому крыласи. Царенько побачивъ jiи и опять спытавъ: видкиля вона? «Изъ-пидъ Гребенцевки», сказала попивна. «Поминяймось, серце, кольцями!» — «Поминяймось». И вопы поминялысь. Потимъ якъ зазвонылы на «Достойно», попивна зàразъ побигла до дòму: дывытця, и наймычки у царыци варепыки роблять; отъ вона и просить: «Дайте, каже, дивчата! и я злипплю варенычокъ». — «Добре, злипы, колы есть охота». Попивна варенык злипыла да и влипыла въ ёго те колцё, що выминяла у царенка. Вернувсь царенко зъ церквы, а попивна уже сыдыть пидъ пичью. «А, що, мамо, пора снидать, каже сынъ царыци: нехай лышень дивчата дадутъ чого поjисты: чи нема варенык ивъ, або що? Такъ за печенки й тягне!» Поставылы на стилъ макитру, и царенко тильки що взявъ на шпичку первый варенык — жирный да смачный, да положывъ ёго въ ротъ зъ голодухы, ажъ щось объ зубы забряжчало; дивытця, а то те колцё, що винъ отдавъ попивни. Якъ закрычытъ винъ на всю хату: «Кто, каже, липывъ вареныки? сейчасъ мыни сюды подавайте!» Наймычки перелякалысь[1]: «Мы, панычку, (кажуть) липылы, далеби, мы! тильки одынъ варенычокъ злипыла попивна, що сыдыть пидъ пичью». — «Кличте jiи сюда! побачымъ, може — вы брешете, вражи дочки!» Покликали попивну. Вона зперва надила найкраще свое плаття, и тоди вже й выйшла — такъ красавыця, що лучшой нема й на свити; выйшла да й цмокъ царицю въ ручку. Царенко зробывся самъ не свiй одъ

[1]) Перепугались.

радости; ставъ рядкомъ зъ попивною, узявъ jiи за билу рученьку да й каже: «Благословить насъ, мамо; нехай пипъ намъ руки звяже — намъ на счастя, вамъ на утиху!» Цариця благословыла дитокъ; воны перевинчалысь, да и жывуть собы, хлибъ жують, рѣшетомъ воду носять, а постоломъ[1] добро возять.

Записана въ Полтавской губ., въ Пирятинскомъ у.

162

Золотой башмачокъ

Жилъ-былъ старикъ со старухой. У старика, у старухи было двѣ дочери. Старикъ однажды поѣхалъ на посадъ[2], и купилъ тамъ одной сестрѣ рыбку, и другой тоже рыбку. Старшая скушала свою рыбку, а младшая пошла на колодецъ и говоритъ: «Матушка рыбка! скушать ли тебя или нѣтъ?» — «Не кушай меня, говоритъ рыбка: а пусти въ воду; я тебѣ пригожусь». Она спустила рыбку въ колодецъ и пошла домой. Старуха очень не любила своей младшей дочери. Она нарядила сестру ея въ самолучшее лопотьё[3] и пошла съ ней въ церковь къ обѣднѣ, и младшей оставила двѣ мѣры ржи и велѣла ей вышестать[4] до прихода изъ церкви. Дѣвушка пошла за водой, сидитъ у колодца и плачетъ; рыбка выплыла наверхъ и спрашиваетъ ее: «Объ чемъ ты, красная дѣвица, плачешь?» — «Какъ же не плакать мнѣ? отвѣчаетъ ей красная дѣвица: мати нарядила сестру мою въ самолучшее лопотьё, ушла съ ней къ обѣднѣ, а меня оставила дома и велѣла вычистить двѣ мѣры ржи до прихода своего изъ церкви!» Рыбка говоритъ: «Не плачь, ступай наряжайся да поѣзжай въ церковь: будетъ рожь вычищена!» Она

[1]) Лаптемъ. [2]) Въ городъ. [3]) Платье. [4]) Вычистить.

нарядилась, пріѣхала къ обѣднѣ. Мати не могла ее опознать. Обѣдня зачала отходить, дѣвушка уѣзжаетъ домой; мати тоже приходитъ домой и спрашиваетъ: «Что ты, дура, вычистила ли рожь?» — «Вычистила», отвѣчаетъ она. «Что у обѣдни была за красавица! говоритъ мати: попъ не поетъ, не читаетъ — все на ей глядитъ; а ты, дура, взгляни-ка на себя, въ чемъ въ экомъ ходишь!» — «Хоть не была, да знаю!» говоритъ дѣвица. — «Гдѣ тебѣ знать?» сказала ей мати.

На другой разъ мати нарядила старшую дочь свою въ самолучшее лопотьё, пошла съ ей къ обѣднѣ, а младшей оставила три мѣры жита и говоритъ: «Покамѣстъ я молюсь Богу, ты вышестай жито». Вотъ она и пошла къ обѣднѣ, а дочь пошла по̀ воду на колодецъ; сидитъ у колодца и плачетъ. Рыбка выплыла наверхъ и спрашиваетъ: «О чемъ, красна дѣвица, плачешь?» — «Какъ же не плакать? отвѣчаетъ ей красна дѣвица: мати нарядила сестру мою въ самолучшее лопотьё, пошла съ ей къ обѣднѣ, а меня оставила дома и велѣла вычистить три мѣры жита до прихода своего изъ церкви». Рыбка говоритъ: «Не плачь, ступай наряжайся да поѣжай за ей въ церковь; жито вычистится!» Она нарядилась, пріѣхала въ церковь, стала Богу молиться. Попъ не поетъ, не читаетъ — все на ей глядитъ! Обѣдня зачала отходить. Былъ въ то время у обѣдни той стороны царевичъ; красна дѣвица наша больно ему поглянулась; онъ захотѣлъ узнать: чья этакая? взялъ да и бросилъ ей подъ башмакъ смолы. Башмакъ остался, а она уѣхала домой. «Чей башмакъ, говоритъ царевичъ: ту замужъ возьму!» Башмакъ-отъ былъ весь вышитъ золотомъ. Вотъ и старуха пришла домой. «Что тамъ была за красавица! говоритъ она: попъ не поетъ, не читаетъ, все на ей смотритъ; а ты, дура, посмотри-ка на себя, что эка за оборванка!»

А вта̀поры царевичъ по всѣмъ волостямъ искалъ дѣвицы, что̀ потеряла башмакъ; никакъ онъ не могъ найти, чтобъ башмачокъ былъ впору. Онъ пришелъ къ старухѣ и говоритъ: «Покажи-ка ты свою дѣвку, ла̀денъ ли будетъ башмакъ ей?» — «Дочь моя замараетъ башмакъ», отвѣчаетъ старуха. Пришла красна дѣвица; царевичъ примѣрилъ ей башмакъ — башмакъ ей ла̀денъ. Онъ взялъ ее замужъ; стали они жить да поживать, да добра наживать. Я тамъ былъ, пиво пилъ, по губамъ текло, въ ротъ не попало. Дали мнѣ синь кафтанъ, ворона летитъ да кричитъ: синь кафтанъ! синь кафтанъ! Я думаю: скинь кафтанъ! взялъ да и скинулъ. Дали мнѣ колпакъ, стали въ шею толкать. Дали мнѣ красные башмачки, ворона летитъ да кричитъ: красные башмачки! красные башмачки! Я думаю: укралъ башмачки! взялъ да и бросилъ.

Записана въ Архангельской губ., Шенкурскомъ у., г. Борисовымъ.

163
Чернушка

Жилъ-былъ баринъ; у него была жена добрая, а дочь красавица — звали ее Машею. Только жена-то померла, а онъ на другой женился — на вдовѣ; у той своихъ было двѣ дочери, да такія злыя, недобрыя! Всячески онѣ угнетали бѣдную Машу, заставляли ее на себя работать, а когда работы не было — заставляли ее сидѣть у печки да выгребать золу; отъ того Маша всегда и грязна, и черна, и прозвали онѣ ее дѣвкой-Чернушкой. Вотъ какъ-то заговорили люди, что ихній князь жениться хочетъ, что будетъ у него большой праздникъ и что на томъ праздникѣ выберетъ онъ себѣ невѣсту. Такъ и было. Созвалъ князь всѣхъ въ гости; стала собираться и мачеха съ дочерьми, а

Машу не хочеть брать: сколько та ни просилась — нѣтъ да нѣтъ! Вотъ уѣхала мачеха съ дочерьми на княжій праздникъ, а падчерицѣ оставила цѣлую мѣру ячменя, мукй и сажи: все вмѣстѣ перемѣшано, и приказала до ея пріѣзда разобрать все по зернушку, по крупинкѣ. Маша вышла на крыльцо и горько заплакала; прилетѣли два голубка, разобрали ей ячмень и муку и сажу, потомъ сѣли ей на плеча — и вдругъ очутилось на дѣвушкѣ прекрасное новое платье. «Ступай, говорятъ голубки: на праздникъ, только не оставайся тамъ долѣе полу́ночи». Только взошла Маша во дворецъ, такъ всѣ на нее и заглядѣлись; самому князю она больше всѣхъ понравилась, а мачеха и сестры ее совсѣмъ не узнали. Погуляла, повеселилась съ другими дѣвушками; видитъ, что скоро и полночь; вспомнила, что̀ ей голубки наказывали, и убѣжала поскорѣй домой. Князь за нею; хотѣлъ было допытаться, кто она такова, а ея и слѣдъ простылъ! На другой день опять у князя праздникъ. Мачехины дочери о нарядахъ хлопочутъ, да на Машу то-и-дѣло кричатъ да руаются: «Эй, дѣвка-Чернушка! переодѣнь насъ, платье вычисти, обѣдъ приготовь!» Маша все сдѣлала, вечеромъ повеселилась на праздникѣ и ушла домой до полуночи; князь за нею — нѣтъ, не догналъ. На третій день у него опять пиръ горою; вечеромъ голубки обули, одѣли Машу лучше прежняго. Пошла она во дворецъ, загулялась, завеселилась и забыла про время — вдругъ ударила полночь; Маша бросилась скорѣй домой бѣжать, а князь загодя приказалъ всю лѣстницу улить смолою и дёгтемъ. Одинъ башмачокъ ея прилипъ къ смолѣ и остался на лѣстницѣ; князь взялъ его и на другой же день велѣлъ разыскать, кому башмачокъ впору. Весь городъ обошли — никому башмачокъ по ногѣ не приходится; наконецъ пришли къ мачехѣ.

Взяла она башмачокъ и стала примѣрять старшей дочери — нѣтъ, не лѣзетъ, велика нога! «Отрѣжь большой палецъ! говоритъ мать дочери: какъ будешь княгинею — не надо и пѣшкомъ ходить!» Дочь отрѣзала палецъ и надѣла башмачокъ; княжіе посланные хотятъ во дворецъ ее везти, а голубки прилетѣли и стали ворковать: «Кровь на ногѣ! кровь на ногѣ!» Посланные глянули — у дѣвицы изъ башмачка кровь течетъ: «нѣтъ, говорятъ, не годится!» Мачеха пошла примѣривать башмачокъ середней дочери, и съ этой то же самое было. Посланные увидали Машу, приказали ей примѣрить; она надѣла башмачокъ — и въ ту жъ минуту очутилось на ней прекрасное блестящее платье. Мачехины дочери только ахнули! Вотъ привезли Машу въ княжіе терема, и на другой день была свадьба. Когда пошла она съ княземъ къ вѣнцу, то прилетѣли два голубка и сѣли къ ней одинъ на одно плечо, другой на другое; а какъ воротилась изъ церкви, голубки вспорхнули, кинулись на мачехиныхъ дочерей и выклевали у нихъ по глазу. Свадьба была веселая, и я тамъ былъ, медъ-пиво пилъ, по усамъ текло, въ ротъ не попало.

164

Царевна въ подземномъ царствѣ

Живъ сабѣ царь да царица, у ихъ бывъ сынъ и дачка. Яны приказали сыну, штобъ jонъ, якъ яны умруть, жанився на сястрѣ. Ти багата, ти мала паживши, во упасля таго, якъ приказали сыну свайму жаницца на сястрѣ, царь и царица памерли. Во братъ и кажа сястрѣ, штобъ гатавалась къ вянцу, а самъ пашовъ да папа прасить, штобъ ихъ павянчавъ. Сястра зачала адѣвацца къ вянцу и зрабила три куклы, паставила

ихъ на вòкнахъ, стала насерёдъ хаты да кàжа: «Кукалки, куку!» Первая кàжа: «Чаго?» Другая кàжа: «Братъ сястру бярè». Третья гавòря: «Земля раступися, сястра правалися!» и въ другій и въ третій разъ такъ жа. Приходя братъ и спрàшивая у сястры: «Чи савсѣмъ адѣлась?» Сястра кàжа: «Ни, не совсѣмъ». Іонъ и пашòвъ у сваи палаты дажидацца, пакуля сястра адѣнецца. Сястра знòвъ кàжа: «Кукалки, куку!» Первая кàжа: «Чаго?» Другая гавòря: «Братъ сястру бярè!» Третья кàжа: «Земля раступися, сястра правалися!» Яна правалилась и пашла на тей свѣтъ. Братъ, пришовши, не нашòвъ сястры и застався такъ.

Правалившись на тей свѣтъ, царевна идé да идé — ажъ стаитъ дубъ. Янà пришла къ таму дубу, раздѣлась. Дубъ раступився; янà палажила у дупло сваю адежу, и зрабившись старухаю, пашла. Идé да идé — ажъ стаять палаты царскія; янà, пришòвши туда, начала прасицца, штобъ яè наняли. Вò яè и наняли печи тапить. У таго царя, у якòго у палатахъ служила царевна, былъ сынъ халастый. Пришла нядѣля. Царскій сынъ собирався да церкви и вялѣвъ царевнѣ-старухѣ падàть гребенецъ[1]. Янà нескоро падалà: іонъ разсярдився и ударивъ яè па щацѣ[2]. Вò упасля таго убрàвся и паѣхавъ да церкви. Царевна-старуха пашла къ дубу, гдѣ захавàла адежу; дубъ раступився. Янà адѣлась, зрабилась царевнаю-красавицаю и пашла въ церкавь. Царевичъ, увидавши яè въ церкви, спрасивъ у лакея: аткудава янà? А лакей знавъ яè, што èта — тая старуха, якàя у ихъ у палатахъ печи тòпя, и што царевичъ ударивъ яè гребенцомъ; вò лакей и кàжа: «Яна изъ горада Бита-гребешкова». Царевичъ пріѣхавъ дамòвъ, шукàвъ-шукàвъ таго горада въ

[1]) Гребешокъ.
[2]) По щекъ.

сваёмъ царствѣ и не найшовъ. Случилося якся, што царевичъ разсярдився и ударивъ царевну-старуху сапагомъ, и вò упасля таго паѣхавъ у церкавь. Тàматка была и янà, перядѣвшись у платье, што палажила у дубъ. Вò царевичъ, павидàвши знòва незнакомаю красавицу, спрашивая у лакея: аткудава янà? Лакей кàжа: «Изъ Бита-сапагова». Царевичъ шукàвъ-шукàвъ таго горада въ сваёмъ царствѣ и не найшовъ. Вò начавъ думать да гадать, якъ бы сюю незнакомаю красавицу спазнать; бо палюбивъ яѐ и хатѣвъ на ей жаницца. А далѣ выдумавъ и приказавъ на тòя мѣста, гдѣ янà станавицця у церкви, налить смалы, такъ штобъ ей было не въ дамётъ. Въ пядѣлю царевна пришла у церкавь, перядѣвшись, и стала на сваёмъ мѣстѣ. Кончилась служба, и якъ толька янà саступила зъ мѣста, штобъ идти дамòвъ, бушмàкъ улишъ у смалу и застався на мѣстѣ. Янà и пашла дамòвъ у адномъ бушмаку. Царевичъ вялѣвъ узять тей бушмакъ, привёзъ дамòвъ, ставъ примѣрять всѣмъ дѣвушкамъ, якія были у его царствѣ. Никому не пришовся тей бушмакъ по нагѣ, акромя старухи, што тапила печи. Вò царевичъ ставъ яѐ допрàшувать; янà призналась: хто янà и аткуда. Іонъ и ажанився на ей. Я на свадьбѣ бывъ, медъ-вино пивъ, въ ротѣ не былò, па барадѣ патякло.

Записана въ гор. Погарѣ, Черниговской губ., г. Матросовымъ.

165
Незнайко

Начинается сказка отъ сивки, отъ бурки, отъ вѣщей каурки. На морѣ на окіанѣ, на островѣ на Буянѣ стоитъ быкъ печеный, въ заду чеснокъ толченый; съ одного боку-то рѣжь, а съ другого макай да ѣшь. Жилъ-былъ купецъ, у него былъ сынъ; вотъ какъ началъ сынъ

подрастать да въ лавкахъ торговать — у того купца померла первая жена, и женился онъ на другой. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, сталъ купецъ собираться въ чужія земли ѣхать, нагрузилъ корабли товарами, и приказываетъ сыну хорошенько смотрѣть за домомъ и торговлю вести какъ слѣдуетъ. Проситъ купеческой сынъ: «Батюшка! пока не уѣхалъ, поищи мое счастье». — «Сынъ мой любезной! отвѣчаетъ старикъ: гдѣ же я его найду?» — «Мое счастье недолго искать! какъ встанешь завтра поутру, выдь за ворота и первую встрѣчу, какая тебѣ попадется, купи и отдай мнѣ». — «Хорошо, сынокъ!» На другой день всталъ отецъ ранёшенько, вышелъ за ворота, и попалась ему первая встрѣча — тащитъ мужикъ паршиваго, лядащаго жеребенка собакамъ на съѣденіе. Купецъ ну его торговать и сторговалъ за рубль серебромъ, привелъ жеребенка на дворъ и поставилъ въ конюшню. Спрашиваетъ купеческой сынъ: «Что, батюшка, нашелъ мое счастье?» — «Найти-то нашелъ, да ужъ больно плохое!» — «Стало быть, такъ надо! какимъ счастьемъ Господь надѣлилъ, тѣмъ и владать буду». Отецъ отправился съ товарами въ иныя земли, а сынъ сталъ въ лавкѣ сидѣть да торгомъ заниматься, и была у него такая привычка: идетъ ли въ лавку, домой ли ворочается — завсегда напередъ зайдетъ къ своему жеребенку. Вотъ не взлюбила мачеха своего пасынка, припялась искать ворожей, какъ бы его извести; нашла старую вѣдьму, которая дала ей зелья, и наказала положить подъ порогъ въ то самое время, какъ пасынку надо будетъ домой придти. Ворочаясь изъ лавки, купеческой сынъ зашелъ въ конюшню и видитъ — его жеребенокъ стоитъ во слезахъ по щиколки; ударилъ онъ его по бедру и спрашиваетъ: «Что, мой доброй конь, плачешь, а мнѣ ничего не скажешь?» Отвѣчаетъ жеребенокъ: «Ахъ, Иванъ-купеческой сынъ,

мой любезной хозяинъ! какъ мнѣ не плакать? мачеха хочетъ извести тебя. Есть у тебя собака; какъ подойдешь къ дому, пусти ее напередъ себя — увидишь, что будетъ!» Купеческой сынъ послушался; только собака черезъ порогъ переступила, тутъ ее разорвало на мелкія части. Иванъ-купеческой сынъ и виду не подалъ мачехѣ, что вѣдаетъ ея злобу; на другой день отправляется онъ въ лавку, а мачеха къ ворожеѣ. Старуха приготовила ей другого зелья и велѣла положить въ пойло. Вечеромъ, идучи домой, зашелъ купеческой сынъ въ конюшню — опять жеребенокъ стоитъ по щиколки въ слезахъ; ударилъ его по бедру и спрашиваетъ: «Что, мой доброй конь, плачешь, а мнѣ ничего не скажешь?» — «Какъ мнѣ не плакать, какъ не тужить? Слышу я великую невзгоду, хочетъ мачеха тебя совсѣмъ извести. Смотри, какъ придешь въ горницу да сядешь за столъ, мачеха поднесетъ тебѣ пойло въ стаканѣ — ты его не пей, а за окно вылей; самъ тогда увидишь, что за окномъ подѣлается». Иванъ-купеческой сынъ то и сдѣлалъ: только вылилъ за окно пойло, какъ начало землю рвать! Онъ и тутъ не сказалъ мачехѣ ни слова. На третій день отправляется онъ въ лавку, а мачеха опять къ ворожеѣ; старуха дала ей волшебную рубашку. Вечеромъ, идучи изъ лавки, заходитъ купеческой сынъ къ жеребенку, и видитъ — стоитъ его доброй конь по щиколки во слезахъ; ударилъ его по бедру и сказалъ: «Что ты, доброй конь, плачешь, а мнѣ ничего не скажешь?» — «Какъ мнѣ не плакать? хочетъ тебя мачеха совсѣмъ извести. Слушай же, что я скажу: какъ придешь домой, пошлетъ тебя мачеха въ баню и рубашку пришлетъ тебѣ съ мальчикомъ; ты рубашки на себя не надѣвай, а надѣнь на мальчика: что тогда будетъ — самъ увидишь!» Вотъ приходитъ купеческой сынъ въ горницу, вышла мачеха и говоритъ ему: «Не хочешь ли попариться? у

насъ баня готова». — «Хорошо», говоритъ Иванъ — и пошелъ въ баню; немного погодя приноситъ мальчикъ рубашку. Какъ скоро купеческой сынъ надѣлъ ее на мальчика, тотъ въ ту же минуту закрылъ глаза и палъ на помостъ совсѣмъ мертвой; а какъ снялъ съ него эту рубашку да кинулъ въ печь — мальчикъ ожилъ, а печь на мелкія части распалась. Видитъ мачеха — ничто не беретъ, бросилась опять къ старой ворожеѣ, проситъ и молитъ ее, какъ бы извести пасынка. Отвѣчаетъ старуха: «Пока конь его живъ будетъ, ничего нельзя сдѣлать! А ты притворись больной, да какъ пріѣдетъ твой мужъ, скажи ему: видѣла де я во снѣ, что надо зарѣзать нашего жеребенка, достать изъ него желчь и тою желчью вымазаться — тогда и хворь пройдетъ!» Пришло время купцу возвращаться, сынъ собрался и пошелъ навстрѣчу. «Здравствуй, сынокъ! говоритъ отецъ: все ли у насъ дома здорово?» — «Все благополучно, только матушка больна». Выгрузилъ купецъ товары, приходитъ домой — жена лежитъ на постели, охаетъ: «Тогда, говоритъ, поправлюся, когда мой сонъ исполнишь». Купецъ тотчасъ согласился, призываетъ своего сына: «Ну, сынокъ, я хочу зарѣзать твоего коня; мать больна, надо ее вылѣчить». Иванъ-купеческой сынъ горько заплакалъ: «Ахъ, батюшка! ты хочешь отнять у меня послѣднее счастье». Сказалъ и пошелъ въ конюшню. Жеребенокъ увидалъ его и сталъ говорить: «Любезной мой хозяинъ! я тебя отводилъ отъ трехъ смертей; избавь ты меня хоть отъ единыя, попроси у своего отца — въ послѣдній разъ на мнѣ проѣхаться, погулять въ чистомъ полѣ съ добрыми товарищами». Просится сынъ у отца погулять въ послѣдній разъ на своемъ конѣ; отецъ позволилъ. Иванъ-купеческой сынъ сѣлъ на коня, поскакалъ въ чистое поле, позабавился съ своими друзьями-товарищами, а послѣ написалъ къ отцу такую за-

писку: «Лѣчи де мачеху нагайкою о двѣнадцати хвостахъ; кромѣ этого снадобья ничѣмъ ее не вылѣчишь!» Послалъ эту записку съ однимъ изъ добрыхъ товарищей, а самъ поѣхалъ въ чужедальнія стороны. Купецъ прочиталъ письмецо и принялся лѣчить свою жену нагайкою о двѣнадцати хвостахъ: скоро баба выздоровѣла!

Ѣдетъ купеческой сынъ по полю чистому, раздолью широкому, видитъ — гуляетъ рогатой скотъ. Говоритъ ему доброй конь: «Иванъ-купеческой сынъ! пусти меня погулять на волѣ; выдерни изъ моего хвоста три волоска; когда я тебѣ понадоблюсь — только зажги одинъ волосокъ, я тотчасъ явлюсь передъ тобой, какъ листъ передъ травой! А ты, доброй мо̀лодецъ, ступай къ пастухамъ, купи одного быка, и зарѣжь его; нарядись въ бычью шкуру, на голову пузырь надѣнь, и гдѣ ни будешь, о чемъ бы тебя ни спрашивали — на все одинъ отвѣтъ держи: не знаю!» Иванъ-купеческой сынъ отпустилъ коня на волю, нарядился въ бычью шкуру, на голову пузырь надѣлъ, и пошелъ на взморье. По синю морю корабль бѣжитъ; увидали корабельщики эдакое чудище — звѣрь не звѣрь, человѣкъ не человѣкъ, на головѣ пузырь, кругомъ шерстью обросло, подплывали къ берегу на легкой лодочкѣ, стали его выспрашивать, изъ ума вывѣдывать. Иванъ-купеческой сынъ одинъ отвѣтъ ладитъ: «Не знаю!» — «Коли такъ, будь же ты Незнайкою!» Взяли его корабельщики, привезли съ собой на корабль и поплыли въ свое королевство. Долго ли, коротко ли — приплыли они къ стольному городу, пошли къ королю съ подарками и объявили ему про Незнайку. Король повелѣлъ поставить то чудище предъ свои очи свѣтлыя. Привезли Незнайку во дворецъ, сбѣжалось народу видимо-невидимо на него глазѣть. Сталъ король его выспрашивать: «Что ты за человѣкъ?»

— «Не знаю». — «Изъ какихъ земель?» — «Не знаю». — «Чьего роду-племени?» — «Не знаю». Король плюнулъ и отправилъ Незнайку въ садъ: пусть де намѣсто чучела птицъ съ яблонь пугаетъ! — а кормить его наказалъ съ своей королевской кухни.

У того короля было три дочери: старшія хороши, меньшая еще лучше! Въ скоромъ времени сталъ за меньшую королевну арапской королевичъ свататься, пишетъ къ королю съ такими угрозами: «Если не отдашь ея изъ доброй воли, то силой возьму». Королю это не по нраву пришло, отвѣчаетъ арапскому королевичу: «Начинай де войну; что̀ велятъ судьбы Божіи!» Собралъ королевичъ силу несмѣтную и обложилъ все его государство. Незнаюшка сбросилъ съ себя шкуру, снялъ пузырь, вышелъ на чистое поле, припалилъ волосокъ и крикнулъ громкимъ голосомъ, богатырскимъ посвистомъ. Откуда ни взялся его чудной конь — конь бѣжитъ, земля дрожитъ: «Гой еси, доброй мо̀лодецъ! что такъ скоро меня требуешь?» — «На войну пора!» Сѣлъ Незнаюшка на своего коня добраго, а конь его спрашиваетъ: «Какъ тебя высоко нести — въ полдерева или поверхъ лѣса стоячаго?» — «Неси поверхъ лѣса стоячаго!» Конь поднялся отъ земли и полетѣлъ на вражье воинство. Наскакалъ Незнайко на непріятелей, у одного мечъ боевой выхватилъ, у другого шишакъ золотой сдернулъ да на себя надѣлъ, закрылся наличникомъ, и сталъ побивать силу арапскую: куда ни повернетъ, такъ и летятъ головы — словно сѣно коситъ! Король и королевны съ городовой стѣны смотрятъ да дивуются: «Что за витязь такой! отколь взялся? ужъ не Егорій ли Храброй намъ помогаетъ?» а того и на мысляхъ нѣтъ, что это тотъ самой Незнайко, что воронъ въ саду пугаетъ. Много войскъ побилъ Незнаюшка, да не столько побилъ, сколько конемъ потоптalъ; оставилъ въ жи-

выхъ только самого арапскаго королевича да человѣкъ десять для свиты — на обратной путь. Послѣ того побоища великаго, подъѣхалъ онъ къ городовой стѣнѣ и говорилъ: «Ваше королевское величество! угодна ли вамъ моя послуга?» Король его благодарилъ, къ себѣ въ гости звалъ; да Незнайко не послушался: ускакалъ въ чистое поле, отпустилъ своего добраго коня, вернулся домой, надѣлъ пузырь да шкуру и началъ попрежнему по̀ саду ходить, воро̀нъ пугать.

Прошло ни много, ни мало времени, опять пишетъ къ королю арапской королевичъ: «Коли не отдашь за меня меньшую дочь, то я все государство выжгу, а ее въ полонъ возьму». Королю это не показалося; написалъ въ отвѣтъ, что ждетъ его съ войскомъ. Арапской королевичъ собралъ силу больше прежняго, обложилъ государство со всѣхъ сторонъ. трехъ могучихъ богатырей впередъ выставилъ. Узналъ про то Незнаюшка, сбросилъ съ себя шкуру, снялъ пузырь, вызвалъ своего добраго коня и поскакалъ на побоище. Выѣхалъ супротивъ него одинъ богатырь; съѣхались они, поздоровались, копьями ударились. Богатырь ударилъ Незнайку такъ сильно, что онъ едва-едва въ одномъ стремѣ удержался; да пото̀мъ оправился. налетѣлъ молодцомъ, снесъ съ богатыря голову, ухватилъ ее за волосы и подбросилъ вверхъ: «Вотъ такъ-то всѣмъ головамъ летать!» Выѣхалъ другой богатырь, и съ нимъ то же сталося. Выѣхалъ третій; бился съ нимъ Незнаюшка цѣлой часъ: богатырь разсѣкъ ему руку до̀ крови, а Незнайко снялъ съ него голову и подбросилъ вверхъ; тутъ все войско арапское дрогнуло и побѣжало врозь. Втѣпоры король съ королевнами на городовой стѣнѣ стоялъ; увидала меньшая королевна, что у храбраго витязя кровь изъ руки струится, снимала съ своей шеи платочекъ и сама ему рану завязывала; а король звалъ его въ

гости. «Буду, отвѣчалъ Незнайко: только не теперь». Ускакалъ въ чистое поле, отпустилъ коня, нарядился въ шкуру, на голову пузырь надѣлъ и сталъ по̀ саду ходить, воронъ пугать.

Ни много, ни мало прошло времени — просваталъ король двухъ старшихъ дочерей за славныхъ царевичей и затѣялъ большое веселье. Пошли гости въ садъ погулять, увидали Незнайку и спрашиваютъ: «Это что за чудище?» Отвѣчаетъ король: «Это Незнайко, живетъ у меня вмѣсто пугала — отъ яблонь птицъ отгоняетъ». А меньшая королевна глянула Незнайкѣ на̀ руку, запримѣтила свой платочекъ, покраснѣла и слова не молвила. Съ той поры, съ того времени начала она въ садъ почасту ходить, на Незнайку засматриваться, про пиры, про веселье и думать забыла. «Гдѣ ты, дочка, все ходишь?» спрашиваетъ ее отецъ. «Ахъ, батюшка! сколько лѣтъ я у васъ жила, сколько разъ по̀ саду гуляла, а никогда не видала такой умильной пташки, какую теперь видѣла!» Потомъ стала она отца просить, чтобъ благословилъ ее за Незнайку замужъ идти; сколько отецъ ее ни отговаривалъ, она все свое: «Если, говоритъ, за него не выдашь — такъ вѣкъ въ дѣвкахъ останусь, ни за кого не пойду!» Отецъ согласился и обвѣнчалъ ихъ. Послѣ того пишетъ къ нему арапской королевичъ въ третій разъ, проситъ выдать за него меньшую дочь, «а коли не такъ — все государство огнемъ сожгу, а ее силой возьму». Отвѣчаетъ король: «Моя дочь ужъ обвѣнчана; если хочешь, пріѣзжай — самъ увидишь». Арапской королевичъ пріѣхалъ; видя, что такое чудище да на такой прекрасной королевнѣ обвѣнчано, задумалъ Незнайку убить и вызвалъ его на смертной бой. Незнайко сбросилъ съ себя шкуру, снялъ съ головы пузырь, вызвалъ своего добраго коня и выѣхалъ такимъ молодцомъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ

написать. Съѣхались они въ чистомъ полѣ, широкомъ раздольѣ; бой недолго длился: Иванъ-купеческой сынъ убилъ арапскаго королевича. Тутъ только король узналъ, что Незнайко — не чудище, а сильномогучій и прекрасной богатырь, и сдѣлалъ его своимъ наслѣдникомъ. Сталъ Иванъ-купеческой сынъ съ своей королевною жить-поживать да добра наживать, и родного отца къ себѣ взялъ; а мачеху казни предали.

166
Несмѣяна-царевна

Какъ подумаешь, куда великъ Божій свѣтъ! живутъ въ немъ люди богатые и бѣдные, и всѣмъ имъ просторно, и всѣхъ ихъ призираетъ и разсужаетъ Господь. Живутъ роскошные — и празднуютъ; живутъ горемычные — и трудятся; каждому своя доля!

Въ царскихъ палатахъ, въ княжьихъ чертогахъ, въ высокомъ терему красовалась Несмѣяна-царевна. Какое ей было житье, какое приволье, какое роскошье! всего много, все есть, чего душа хочетъ; а никогда она не улыбалась, никогда не смѣялась, словно сердце ея ничему не радовалось.

Горько было царю-отцу глядѣть на печальную дочь. Открываетъ онъ свои царскія палаты для всѣхъ, кто пожелаетъ быть его гостемъ. «Пускай, говоритъ, пытаются развеселить Несмѣяну-царевну; кому удастся, тому она будетъ женою». Только это вымолвилъ, какъ закишѣлъ народъ у княжьихъ воротъ! со всѣхъ сторонъ ѣдутъ, идутъ — и царевичи и княжевичи, и бояре и дворяне, полковые и простые; начались пиры, полились меды — царевна все не смѣется! На другомъ концѣ, въ своемъ уголкѣ жилъ честной работишкъ; по утрамъ

онъ дворъ убиралъ, вечерами скотъ пасалъ, въ безпрестанныхъ былъ трудахъ. Хозяинъ его — человѣкъ богатой, правдивой, платою не обижалъ. Только покончился годъ, онъ ему мѣшокъ денегъ на столъ: «Бери, говоритъ, сколько хочешь!» а самъ въ двери и вышелъ вонъ. Работникъ подошелъ къ столу, и думаетъ: какъ бы передъ Богомъ не согрѣшить, за труды лишняго не положить? Выбралъ одну только денежку, зажалъ ее въ горсть, да вздумалъ водицы напиться, нагнулся въ колодезь — денежка у него выкатилась и потонула на дно. Остался бѣднякъ не при чемъ. Другой бы на его мѣстѣ заплакалъ, затужилъ и съ досады бъ руки сложилъ, а онъ нѣтъ: «Все, говоритъ, Богъ посылаетъ; Господь знаетъ кому что давать, кого деньгами надѣляетъ, у кого послѣднія отнимаетъ. Видно, я худо рачилъ, мало трудился, теперь стану усерднѣй!» И снова за работу — каждое дѣло въ его рукахъ огнемъ горитъ! Кончился срокъ, минулъ еще годъ, хозяинъ ему мѣшокъ денегъ на столъ: «Бери, говоритъ, сколько душа хочетъ!» а самъ въ двери и вышелъ вонъ. Работникъ опять думаетъ, чтобъ Бога не прогнѣвить, за трудъ лишняго не положить; взялъ денежку, пошелъ напиться и выпустилъ невзначай изъ рукъ — денежка въ колодезь и потонула. Еще усерднѣе принялся онъ за работу: ночь не досыпаетъ, день не доѣдаетъ. Поглядишь: у кого хлѣбъ сохнетъ, желтѣетъ, а въ его хозяина все бутѣетъ; чья скотина ноги завиваетъ, а его по улицѣ брыкаетъ; чьихъ коней подъ гору тащатъ, а его и въ поводу не сдержать. Хозяинъ разумѣлъ, кого благодарить, кому спасибо говорить. Кончился срокъ, миновалъ третій годъ, опъ кучу денегъ на столъ: «Бери, работничекъ, сколько душа хочетъ; твой трудъ, твоя и деньга!» а самъ вышелъ вонъ. Беретъ работникъ опять одну денежку, идетъ къ колодезю воды испить — глядь: послѣдняя

деньга цѣла и прежнія двѣ наверхъ выплыли. Подобралъ онъ ихъ, догадался, что Богъ его за труды наградилъ; обрадовался и думаетъ: «Пора мнѣ бѣлъ свѣтъ поглядѣть, людей распознать!» Подумалъ и пошелъ, куда глаза глядятъ. Идетъ онъ полемъ, бѣжитъ мышь: «Коваленкъ, дорогой куманёкъ! дай денежку; я тебѣ сама пригожусь!» Далъ ей денежку. Идетъ лѣсомъ, ползетъ жукъ: «Коваленкъ, дорогой куманёкъ! дай денежку; я тебѣ самъ пригожусь!» Далъ и ему денежку. Поплылъ рѣкой, встрѣлся сомъ: «Коваленкъ, дорогой куманёкъ! дай денежку, я тебѣ самъ пригожусь!» Онъ и ему не отказалъ, послѣднюю отдалъ. Самъ пришелъ въ городъ; тамъ людей, тамъ дверей! заглядѣлся, завертѣлся работникъ на всѣ стороны, куда идти не знаетъ. А передъ нимъ стоятъ царскія палаты, серебромъ-золотомъ убраты, у окна Несмѣяна-царевна сидитъ и прямо на него глядитъ. Куда дѣваться? затуманилось у него въ глазахъ, нашелъ на него сонъ, и упалъ онъ прямо въ грязь. Откуда ни взялся сомъ съ большимъ усомъ, за нимъ жучокъ-старичокъ, мышка-стрижка; всѣ прибѣжали. Ухаживаютъ, ублаживаютъ: мышка платьице снимаетъ, жукъ сапожки очищаетъ, сомъ мухъ отгоняетъ. Глядѣла-глядѣла на ихъ услуги Несмѣяна-царевна, и засмѣялась. «Кто, кто развеселилъ мою дочь?» спрашиваетъ царь. Тотъ говоритъ: я; другой: я. «Нѣтъ! сказала Несмѣяна-царевна: вотъ этотъ человѣкъ!» и указала на работника. Тотчасъ его во дворецъ, и сталъ работникъ передъ царскимъ лицомъ молодецъ-молодцомъ! Царь свое царское слово сдержалъ: что обѣщалъ, то и даровалъ. Я говорю: не во снѣ ли это работнику снилось? Завѣряютъ, что нѣтъ, истинная правда была — такъ надо вѣрить.

Записана въ Курской губ.

167
Ночныя пляски

Былъ-жилъ король вдовой: у него было двѣнадцать дочерей, одна другой лучше. Кажную ночь уходили эти царевны, а куда? — невѣдомо; только что ни сутки — изнашивали по новой парѣ башмаковъ. Не наготовится король на нихъ обуви, и захотѣлось ему узнать, куда это онѣ по ночамъ уходятъ и что дѣлаютъ? Вотъ онъ сдѣлалъ пиръ, созвалъ со всѣхъ земель королей и королевичей, дворянъ и купцовъ и простыхъ людей, и спрашиваетъ: «Не сумѣетъ ли кто разгадать ему эту загадку? Кто разгадаетъ — за того отдастъ любимую дочь замужъ, да полцарства въ приданое». Никто не берется узнать, гдѣ бываютъ по ночамъ королевны, вызвался одинъ бѣдной дворянинъ: «Ваше королевское величество! я узнаю». — «Ладно, узнай!» Послѣ бѣдной дворянинъ одумался и говоритъ самъ себѣ: «Что я надѣлалъ? взялся узнать, а самъ ничего не вѣдаю! Если теперь не узнаю, вѣдь король меня подъ караулъ отдастъ». Вышелъ изъ дворца за̀ городъ, идетъ — раскручинился-пригорюнился; попадается ему навстрѣчу старушка и спрашиваетъ: «О чемъ, доброй мо̀лодецъ, призадумался?» Онъ въ отвѣтъ: «Какъ мнѣ, бабушка, не призадуматься? взялся я у короля провѣдать, куда его дочери по ночамъ уходятъ . . .» — «Да, это дѣло трудное! только узнать можно. Вотъ тебѣ шапка-невидимка, съ нею чего не высмотришь! Да помни: какъ будешь спать ложиться, королевны подадутъ тебѣ сонныхъ капель испить; а ты повернись къ стѣнѣ и вылей въ постель, а пить не моги!» Бѣдной дворянинъ поблагодарилъ старуху и воротился во дворецъ. Время къ ночи подходитъ; отвели ему комнату рядомъ съ тою, въ которой королевны почивали. Прилёгъ онъ на постель, а самъ

сторожить собирается. Тутъ приноситъ одна королевна сонныхъ капель въ винѣ и проситъ выпить за ея здоровье. Не могъ отказаться, взялъ чарку, оборотился къ стѣнѣ и вылилъ въ постель. Въ самую полночь пришли королевны посмотрѣть: спитъ ли онъ? Бѣдной дворянинъ притворился, будто крѣпко, безпробудно спитъ, а самъ за всякимъ шорохомъ слѣдитъ. «Ну, сестрицы! наша стража заснула; пора намъ на гульбище идти». — «Пора! пора!» Вотъ нарядились въ лучшіе свои наряды; старшая сестра подошла къ своей кровати, отодвинула ее — и вдругъ открылся ходъ въ подземное царство къ заклятому царю. Стали онѣ спускаться по лѣстницѣ; бѣдной дворянинъ всталъ потихоньку съ кровати, надѣлъ на себя шапку-невидимку и пошелъ за ними. Наступилъ нечаянно младшей королевнѣ на платье; она испугалась, сказала сестрамъ: «Ахъ, сестрицы! будто кто на мое платье наступилъ; эта примѣта бѣду намъ пророчитъ». — «И, полно! ничего не будетъ». Спустились съ лѣстницы въ рощу, въ той рощѣ золотые цвѣты растутъ. Бѣдной дворянинъ взялъ-сломилъ одну вѣточку — вся роща зашумѣла. «Ахъ, сестрицы, говоритъ младшая королевна: что-то недоброе намъ сулитъ! слышите, какъ роща шумитъ?» — «Не бойся; это у заклятого царя музыка гремитъ!» Приходятъ онѣ во дворецъ, встрѣчаетъ ихъ царь съ придворными; заиграла музыка, и начали танцовать; до тѣхъ поръ танцовали, пока башмаки изорвали. Велѣлъ царь вино наливать да гостямъ разносить. Бѣдной дворянинъ взялъ съ подноса одинъ бокалъ, вино вылилъ, а бокалъ въ карманъ сунулъ. Кончилось гулянье; королевны распростились съ кавалерами, обѣщались и на другую ночь прійти; воротились домой, раздѣлись и легли спать. Поутру призываетъ король бѣднаго дворянина: «Что — укараулилъ ты моихъ дочерей?» — «Укараулилъ, ваше

величество!» — «Куда жъ онѣ ходятъ?» — «Въ подземное царство къ заклятóму царю; тамъ всю ночь танцуютъ». Король позвалъ дочерей, началъ ихъ допрашивать: «Гдѣ вы ночью были?» Королевны запираются: «Нигдѣ не были!» — «А у заклятóго царя не были? вотъ бѣдной дворянинъ на васъ показываетъ, уличить васъ хочетъ». — «Гдѣ жъ ему, батюшка, уличить насъ, когда онъ всю ночь мертвымъ сномъ проспалъ?» Бѣдной дворянинъ вынулъ изъ кармана золотой цвѣтокъ и бокалъ: «Вотъ, говоритъ, и улика налицо!» Что тутъ дѣлать? сознались королевны отцу; король велѣлъ засыпать ходъ въ подземное царство, а бѣднаго дворянина женилъ на младшей дочери, и стали всѣ они счастливо жить да быть.

Записана въ Оренбургской губ.

168

Мальчикъ-съ-пальчикъ

Жилъ себѣ старикъ со старухою. Разъ старуха рубила капусту на пироги, задѣла нечаянно по рукѣ и отрубила мизинный палецъ; отрубила и бросила за печку. Вдругъ послышалось старухѣ — кто-то говоритъ за печкой человѣческимъ голосомъ: «Матушка! сними меня отсюда». Изумилась она, сотворила честнóй крестъ, и спрашиваетъ: «Ты кто таковъ?» — «Я — твой сынокъ, народился изъ твоего мизинчика». Сняла его старуха, смотритъ — мальчикъ крохотной-крохотной, еле отъ земли видно! и назвала его Мальчикъ-съ-пальчикъ. «А гдѣ мой батюшка?» спрашиваетъ Мальчикъ-съ-пальчикъ. «Поѣхалъ на пашню». — «Я къ нему пойду, помогать стану». — «Ступай, дитятко!»

Пришелъ онъ на пашню: «Богъ въ помочь, батюшка!» Осмотрѣлся старикъ кругомъ; «что за чудо! говоритъ: гласъ человѣческой слышу, а никого не вижу. Кто та-

ковъ говоритъ со мною?» — «Я — твой сынокъ». — «Да у меня и дѣтей сроду не бывало!» — «Я только-что народился на бѣлый свѣтъ: рубила матушка капусту на пироги, отрубила себѣ мизинный палецъ съ руки, бросила за печку — вотъ я и сталъ Мальчикъ-съ-пальчикъ! Пришелъ тебѣ помогать — землю пахать. Садись, батюшка, закуси чѣмъ Богъ послалъ, да отдохни маленько». Обрадовался старикъ, сѣлъ обѣдать; а Мальчикъ-съ-пальчикъ залѣзъ лошади въ ухо и сталъ пахать землю; а напередъ отцу наказалъ: «Коли кто будетъ торговать меня, продавай смѣло; небось — не пропаду, назадъ домой прійду». Вотъ ѣдетъ мимо баринъ, смотритъ и дивуется, конь идетъ, соха орётъ, а человѣка нѣтъ! «Этого, говоритъ: еще видомъ не видано, слыхомъ не слыхано, чтобы лошадь сама собой пахала!» — «Что ты, развѣ ослѣпъ! отозвался ему старикъ: то у меня сынъ пашетъ». — «Продай его мнѣ!» — «Нѣтъ, не продамъ; намъ только и радости со старухой, только и утѣхи, что онъ!» — «Продай, дѣдушка!» пристаетъ баринъ. «Ну, давай тысячу рублевъ — твой будетъ!» — «Что такъ дорого?» — «Самъ видишь: мальчикъ малъ да удалъ, на ногу скоръ, на посылки лёгокъ!» Баринъ заплатилъ тысячу, взялъ мальчика, посадилъ въ карманъ и поѣхалъ домой. А Мальчикъ-съ-пальчикъ напаскудилъ ему въ карманъ, прогрызъ дыру и ушелъ.

Шелъ-шелъ, и пристигла его темная ночь; спрятался онъ подъ былинку, подлѣ самой дороги, лежитъ себѣ, спать собирается. Идутъ мимо три вора. «Здравствуйте, добрые молодцы!» говоритъ Мальчикъ-съ-пальчикъ. «Здорово!» — «Куда идете?» — «Къ попу». — «Зачѣмъ?» — «Быковъ воровать», — «Возьмите и меня съ собой!» — «Куда ты годишься? намъ надо такого молодца, чтобъ разъ далъ — и духъ вонъ!» — «Пригожусь и я: въ подворотню пролѣзу да вамъ ворота отопру». — «И то дѣло!

пойдемъ съ нами». Вотъ пришли вчетверомъ къ богатому попу. Мальчикъ-съ-пальчикъ пролѣзъ въ подворотню, отворилъ ворота, и говоритъ: «Вы, братцы, здѣсь на дворѣ постойте, а я заберусь въ сарай, да выберу быка получше и выведу къ вамъ». — «Ладно!» Забрался онъ въ сарай, и кричитъ оттуда во всю глотку: «Какого быка тащить — бураго али чернаго?» — «Не шуми, говорятъ ему воры: тащи, какой подъ руку попадется. Мальчикъ-съ-пальчикъ вывелъ имъ быка что ни есть самаго лучшаго; воры пригнали быка въ лѣсъ, зарѣзали, сняли шкуру, и стали дѣлить мясо: «Ну, братцы! говоритъ Мальчикъ-съ-пальчикъ: я возьму себѣ требуху; съ меня и того будетъ». Взялъ требуху и тутъ же залѣзъ въ нее спать—ночь коротать; а воры подѣлили мясо и пошли по домамъ.

Набѣжалъ голодной волкъ и проглотилъ требуху вмѣстѣ съ мальчикомъ; сидитъ онъ въ волчьемъ брюхѣ живой, и горя ему мало! Плохо пришлось сѣрому! Увидитъ онъ стадо, овцы пасутся, пастухъ спитъ, и только-что подкрадется овцу унести — какъ Мальчикъ-съ-пальчикъ и закричитъ во все горло: «Пастухъ, пастухъ, овечій духъ! ты спишь, а волкъ овцу тащитъ!» Пастухъ проснется, бросится на волка съ дубиною да притравитъ его собаками, а собаки ну его рвать — только клочья летятъ! еле-еле уйдетъ сердешной! Совсѣмъ отощалъ волкъ, пришлось пропадать съ голоду. «Вылѣзи!» проситъ волкъ. «Довези меня домой къ отцу, къ матери, такъ вылѣзу», говоритъ Мальчикъ-съ-пальчикъ. Побѣжалъ волкъ въ деревню, вскочилъ прямо къ старику въ избу; Мальчикъ-съ-пальчикъ тотчасъ вылѣзъ изъ волчьяго брюха задомъ, схватилъ волка за хвостъ и кричитъ: «Бейте волка, бейте сѣраго!» Старикъ схватилъ дубинку, старуха другую, и давай бить волка; тутъ его и порѣшили, сняли кожу да сыику тулупъ сдѣлали. И стали они жить-поживать, вѣкъ доживать.

169
Верліока

Жили-были дѣдъ да баба, а у нихъ были двѣ внучки-сиротки — такія хорошенькія да смирныя, что дѣдъ съ бабушкой не могли ими нарадоваться. Вотъ разъ дѣдъ вздумалъ посѣять горохъ; посѣялъ — выросъ горохъ, зацвѣлъ. Дѣдъ глядитъ на него, да и думаетъ: «Теперь буду цѣлую зиму ѣсть пироги съ горохомъ». Какъ на зло дѣду воробьи и напали на горохъ. Дѣдъ видитъ, что худо, и послалъ младшую внучку прогонять воробьевъ. Внучка сѣла возлѣ гороха, машетъ хворостиной да приговариваетъ: «Кишь-кишь, воробьи! не ѣшьте дѣдова гороху!» Только слышитъ: въ лѣсу шумитъ, трещитъ — идетъ Верліока, ростомъ высокой, объ одномъ глазѣ, носъ крючкомъ, борода клочкомъ, усы въ полъаршина, на головѣ щетина, на одной ногѣ — въ деревянномъ сапогѣ, костылемъ подпирается, самъ страшно ухмыляется. У Верліоки была уже такая натура: завидитъ человѣка, да еще смирнаго, не утерпитъ, чтобы дружбу не показать, бока не поломать; не было спуску отъ него ни старому, ни малому, ни тихому, ни удалому. Увидѣлъ Верліока дѣдову внучку — такая хорошенькая, ну какъ не затрогать ее? Да той, видно, не понравились его игрушки; можетъ быть, и обругала его — не знаю; только Верліока сразу убилъ ее костылемъ.

Дѣдъ ждалъ-ждалъ — нѣтъ внучки, послалъ за нею старшую. Верліока и ту прибралъ. Дѣдъ ждетъ-пождетъ — и той нѣтъ! и говоритъ женѣ: «Да что онѣ тамъ опоздались? Пожалуй съ парубками развозились, какъ трещотки трещатъ, а воробьи горохъ лущатъ. Идико ты, старуха, да скорѣй тащи ихъ за ухо». Старуха съ печки сползла, въ углу палочку взяла, за порогъ перевалилась, да и домой не воротилась. Вѣстимо, какъ

увидѣла внучекъ да потомъ Верліоку, догадалась, что это его работа; съ жалости такъ и вцѣпилась ему въ волосы. А нашему забіякѣ то и нàруку . . . Дѣдъ ждетъ внучекъ да старуху — не дождется: нѣтъ какъ нѣтъ! дѣдъ и говоритъ самъ себѣ: «Да что за лукавой! не приглянулся ли и женѣ парень чернявой? Сказано: отъ нашего ребра не ждать намъ добра; а баба все баба, хоть и стара!» Вотъ такъ мудро размысливши, всталъ онъ изъ-за стола, надѣлъ шубку, закурилъ трубку, помолился Богу, да и поплёлся въ дорогу. Приходитъ къ гороху, глядитъ: лежатъ его ненаглядныя внучки — точно спятъ; только у одной кровь, какъ та алая лента, полосой на лбу видна, а у другой на бѣлой шейкѣ пять синихъ пальцевъ такъ и оттиснулись. А старуха такъ изувѣчена, что и узнать нельзя. Дѣдъ зарыдалъ не на шутку: цѣловалъ ихъ, миловалъ, да слезно приговарпвалъ. И долго бы проплакалъ, да слышитъ: въ лѣсу шумитъ, трещитъ — идетъ Верліока, ростомъ высокой, объ одномъ глазѣ, носъ крючкомъ, борода клочкомъ, усы въ полъаршина, на головѣ щетина, на одной ногѣ — въ деревянномъ сапогѣ, костылемъ подпирается, самъ страшно ухмыляется. Схватилъ дѣда и давай бить; насилу бѣдной вырвался да убѣжалъ домой. Прибѣжалъ, сѣлъ на лавку, отдохнулъ, и говоритъ: «Эге, надъ нами строить штуки! постой, братъ, у самихъ есть руки . . . Языкомъ хоть что разсуждай, а рукамъ воли не давай. Мы и сами съ усами! Задѣлъ рукой, поплатишься головой. Видно тебя, Верліока, не учили сызмала пословицѣ: Дѣлай добро — не кайся, а дѣлай зло — сподѣвайся![1] Взялъ лычко, отдай ремешокъ!» Долго разсуждалъ дѣдъ самъ съ собою, а наконецъ, наговорившись дòсыта, взялъ желѣзной костыль и отправился бить Верліоку.

[1]) Ожидай отплаты.

Идетъ, идетъ, и видитъ ставокъ[1], а на ставкѣ сидитъ куцой селезень. Увидалъ дѣда селезень и кричитъ: «Такъ, такъ, такъ! Вѣдь я угадалъ, что тебя сюда поджидалъ. Здоровъ, дѣдъ, на сто лѣтъ!» — «Здорово, селезень! отчего же ты меня поджидалъ?» — «Да зналъ, что ты за старуху да за внучекъ пойдешь къ Верліокѣ на расправу». — «А тебѣ кто сказалъ?» — «Кума сказала». — «А кума почёмъ знаетъ?» — «Кума все знаетъ, что на свѣтѣ дѣлается; да другой разъ еще дѣло и не сдѣлалось, а кума кумѣ ужъ о томъ на ухо шепчетъ, а нашепчутся двѣ кумы — весь міръ узнаетъ». — «Смотри, какое диво!» говоритъ дѣдъ. «Не диво, а правда! да такая правда, что бываетъ не только съ нашимъ братомъ, а водится и промежъ старшими». — «Вотъ что!» молвилъ дѣдъ и ротъ разинулъ; а потомъ, опомнившись, снялъ шапку, поклонился куцому селезню и говоритъ: «А вы, добродѣю, знаете Верліоку?» — «Какъ, какъ, какъ не знать! знаю я его, кривого». Селезень поворотилъ голову на сторону (съ боку они лучше видятъ), прищурилъ глазъ, поглядѣлъ на дѣда, да и говоритъ: «Эге! съ кѣмъ не случается бѣда? вѣкъ живи, вѣкъ учись, а все дурнемъ умрешь. Такъ, такъ, такъ!» Поправилъ крылья, повертѣлъ задомъ, и сталъ учить дѣда: «Слушай, дѣдушка, да учись, какъ на свѣтѣ жить! Разъ какъ-то вотъ тутъ на берегу началъ Верліока бить какого-то горемыку. А втѣпоры была у меня за каждымъ словомъ поговорка: ахъ, ахъ, ахъ! Верліока потѣшается, а я сижу въ водѣ, да такъ себѣ и кричу: ахъ, ахъ, ахъ! . . . Вотъ онъ, управившись по-своему съ горемыкою, подбѣжалъ ко мнѣ, да не говоря худого слова, хвать меня за хвостъ! да не на таковскаго напалъ, только хвостъ у него въ рукахъ остался. Оно хоть хвостъ и не великъ, а все-таки жаль его . . . Кому свое

[1]) Прудъ.

добро не дорого? Говорятъ же: всякой птицѣ свой хвостъ ближе къ тѣлу. Верліока пошелъ домой, да и говоритъ дорогою: постой же! научу я тебя, какъ за другихъ заступаться. Вотъ я и взялся за умъ, и съ той поры — кто бы что ни дѣлалъ, не кричу: ахъ, ахъ, ахъ! а все придакиваю: такъ, такъ, такъ! Что же? и житье стало лучше, и почёту отъ людей больше. Всѣ говорятъ: вотъ селезень — хоть куцой, да умной!» — «Такъ не можешь ли ты, добродѣю, показать мнѣ, гдѣ живетъ Верліока?» — «Такъ, такъ, такъ!» Селезень вылѣзъ изъ воды, и, переваливаясь съ боку на бокъ, словно купчиха, пошелъ по берегу, а дѣдъ за нимъ.

Идутъ-идутъ, а на дорогѣ лежитъ бечёвочка, и говоритъ: «Здравствуй, дѣдушка, умная головушка!» — «Здравствуй, бечёвочка!» — «Какъ живешь? куда идешь?» — «Живу и такъ и сякъ; а иду къ Верліокѣ на расправу: старуху задушилъ, двухъ внучекъ убилъ, а внучки были такія хорошія — на славу!» — «Я твоихъ внучекъ знала, старуху поважала; возьми и меня на подмогу!» Дѣдъ подумалъ: «Можетъ, пригодится связать Верліоку!» и отвѣчалъ: «Полѣзай, когда знаешь дорогу». Верёвочка и поползла за ними, словно змѣя.

Идутъ-идутъ, на дорогѣ лежитъ колотушка, да и говоритъ: «Здравствуй, дѣдушка, умная головушка!» — «Здравствуй, колотушка!» — «Какъ живешь? куда идешь?» — «Живу и такъ и сякъ; а иду къ Верліокѣ на расправу. Подумай: старуху задушилъ, двухъ внучекъ убилъ, а внучки были на славу!» — «Возьми меня на подмогу!» — «Ступай, когда знаешь дорогу». А самъ думаетъ: «Колотушка и впрямь поможетъ». Колотушка поднялась, уперлась ручкой о землю, и прыгнула.

Пошли опять. Идутъ-идутъ, а на дорогѣ лежитъ жолудь, и пищитъ: «Здравствуй, дѣдъ долгоногой!» —

«Здравствуй, жолудь дубовой!» — «Куда это такъ шагаешь?» — «Иду Верліоку бить, когда его знаешь?» — «Какъ не знать! пора ужъ съ нимъ расплатиться; возьми и меня на подмогу». — «Да чѣмъ ты поможешь!» — «Не плюй, дѣдъ, въ колодезь — достанется водицы напиться; синица не велика птица, да все поле спалила. А еще говорятъ: малъ золотникъ, да дорогъ; велика Ѳедора, да дура!» Дѣдъ подумалъ: «А пускай его! чѣмъ больше народу, тѣмъ лучше», и говоритъ: «Плетись позади!» Какое — плетись! жолудь такъ и скачетъ впереди всѣхъ.

Вотъ и пришли они въ густой, дремучій лѣсъ, а въ томъ лѣсу стоитъ избушка. Глядятъ — въ избушкѣ никого нѣтъ. Огонь давно погасъ, а на шесткѣ стоитъ кулишъ. Жолудь не промахъ — вскочилъ въ кулишъ, верёвочка растянулась на порогѣ, колотушку положилъ дѣдъ на полку, селезня посадилъ на печку, а самъ сталъ за дверью. Пришелъ Верліока, кинулъ дрова на землю, и сталъ поправлять въ печкѣ. Жолудь, сидя въ кулишѣ, затянулъ пѣсню: «Пи . . . пи . . . пи! пришли Верліоку бить». — «Цыцъ, кулишъ! въ ведро вылью!» крикнулъ Верліока. А жолудь не слушаетъ его, знай свое пищитъ. Верліока разсердился, схватилъ горшокъ, да бухъ кулишъ въ ведро. Жолудь какъ выскочитъ изъ ведра, щолкъ Верліоку прямо въ глазъ, выбилъ и послѣдній. Верліока кинулся было на утёкъ, да не тутъ-то было — верёвочка перецѣпила его, и Верліока упалъ. Колотушка съ полки, а дѣдъ изъ-за дверей, и давай его подчивать; а селезень за печкой сидитъ да приговариваетъ: «Такъ, такъ, такъ!» Не помогли Верліокѣ ни его сила, ни его отвага. Вотъ вамъ сказка, а мнѣ бубликовъ вязка.

Записана Н. Тихорскимъ въ Южной Россіи.

170
Лихо одноглазое

Жилъ одинъ кузнецъ. «Что, говоритъ, я горя никакого не видалъ. Говорятъ: лихо на свѣтѣ есть; пойду, поищу себѣ лихо». Взялъ и пошелъ, выпилъ хорошенько и пошелъ искать лихо. Навстрѣчу ему портной. «Здравствуй!» — «Здравствуй». — «Куда идешь?» — «Что, братъ, всѣ говорятъ: лихо на свѣтѣ есть; я никакого лиха не видалъ, иду искать». — «Пойдемъ вмѣстѣ. И я хорошо живу и не видалъ лиха; пойдемъ, поищемъ». Вотъ они шли, шли; зашли въ лѣсъ, въ густый, темный, нашли маленьку дорожку, пошли по ней — по узенькой дорожкѣ. Шли, шли по этой дорожкѣ, видятъ: изба стоитъ большая. Ночь; некуда идти. «Сѣмъ, говорятъ, зайдемъ въ эту избу». Вошли; никого тамъ нѣту, пусто, нехорошо. Сѣли себѣ и сидятъ. Вотъ и идетъ высокая женщина, худощавая, кривая, одноокая. «А! говоритъ: у меня гости. Здравствуйте». — «Здравствуй, бабушка! мы пришли ночевать къ тебѣ». — «Ну, хорошо; будетъ что поужинать мнѣ!» Они перепугались. Вотъ она пошла, беремя дровъ большое принесла; принесла беремя дровъ, поклала въ печку, затопила. Подошла къ нимъ, взяла одного, портного, и зарѣзала, посадила въ печку и убрала. Кузнецъ сидитъ и думаетъ: что дѣлать, какъ быть? Она взяла-поужинала. Кузнецъ смотритъ въ печку и говоритъ: «Бабушка, я кузнецъ». — «Что умѣешь дѣлать-ковать?» — «Да я все умѣю». — «Скуй мнѣ глазъ». — «Хорошо, говоритъ: да есть ли у тебя веревка? Надо тебя связать, а то ты не дашься; я бы тебѣ вковалъ глазъ». Она пошла, принесла двѣ веревки, одну потоньше, а другую толще. Вотъ онъ связалъ ее одною, которая была потоньше. «Ну-ка, бабушка, повернися!» Она повернулась и разорвала ве-

ревку. «Ну, говоритъ: нѣтъ, бабушка! эта не годится». Взялъ онъ толстую веревку да этою веревкою скрутилъ ее хорошенько: «Повернись-ка, бабушка!» Вотъ она повернулась — не порвала. Вотъ онъ взялъ шило, разжёгъ его, наставилъ на глазъ-то ей, на здоровый, взялъ топоръ да обухомъ какъ вдаритъ по шилу. Она какъ повернется и разорвала веревку, да и сѣла на порогѣ. «А, злодѣй, теперича не уйдешь отъ меня!» Онъ видитъ, что опять лихо ему; сидитъ, думаетъ: что дѣлать? Потомъ пришли съ поля овцы; она загнала овецъ въ свою избу ночевать. Вотъ кузнецъ ночевалъ ночь. Поутру стала она овецъ выпускать. Онъ взялъ шубу да вывернулъ шерстью вверхъ, да въ рукава-то надѣлъ и подползъ къ ней какъ овечка. Она все по одной выпускала; какъ хватитъ за спинку, такъ и выкинетъ ее. И онъ подползъ; она и его хватила за спинку и выкинула. Выкинула его, онъ всталъ и говоритъ: «Прощай, Лихо! натерпѣлся я отъ тебя лиха; теперь ничего не сдѣлаешь». Она говоритъ: «Постой, еще натерпишься, ты не ушелъ!»

И пошелъ кузнецъ опять въ лѣсъ по узенькой тропинкѣ. Смотритъ: въ деревѣ топорикъ съ золотой ручкой; захотѣлъ себѣ взять. Вотъ онъ взялся за этотъ топорикъ, рука и пристала къ нему. Что дѣлать? никакъ не оторвешь. Оглянулся назадъ: идетъ къ нему Лихо и кричитъ: «Вотъ ты, злодѣй, и не ушелъ!» Кузнецъ вынулъ ножичекъ, въ карманѣ у него былъ, и давай эту руку пилить; отрѣзалъ ее и ушелъ. Пришелъ въ свою деревню и началъ показывать руку, что теперь видѣлъ Лихо. «Вотъ, говоритъ, посмотрите — каково оно: я, говоритъ, безъ руки, а товарища моего совсѣмъ съѣла». Тутъ и сказкѣ конецъ.

Записана въ Воронежской губ., въ Нижнедѣвицкомъ у., Н. И. Второвымъ.

171
Горе

Въ одной деревушкѣ жили два мужика, два родные брата: одинъ былъ бѣдной, другой богатой. Богачъ переѣхалъ на житье въ городъ, выстроилъ себѣ большой домъ и записался въ купцы; а у бѣднаго иной разъ нѣтъ ни куска хлѣба, а ребятишки — малъ-мала меньше — плачутъ да ѣсть просятъ. Съ утра до вечера бьется мужикъ, какъ рыба объ ледъ, а все ничего нѣтъ. Говоритъ онъ однова своей женѣ: «Дай-ка пойду въ городъ попрошу у брата: не поможетъ ли чѣмъ?» Пришелъ къ богатому: «Ахъ, братецъ родимой! помоги сколько-нибудь моему горю; жена и дѣти безъ хлѣба сидятъ, по цѣлымъ днямъ голодаютъ». — «Проработай у меня эту недѣлю, тогда и помогу!» Что дѣлать? принялся бѣдной за работу: и дворъ чиститъ, и лошадей холитъ, и воду возитъ, и дрова рубитъ. Черезъ недѣлю даетъ ему богатой одну ковригу хлѣба: «Вотъ тебѣ за труды!» — «И за то спасибо!» сказалъ бѣдной, поклонился и хотѣлъ было домой идти. «Постой! приходи-ка завтра ко мнѣ въ гости, жену приводи: вѣдь завтра— мои именины». — «Эхъ, братецъ! куда мнѣ? самъ знаешь: къ тебѣ прійдутъ купцы въ сапогахъ да въ шубахъ, а я въ лаптяхъ хожу да въ худенькомъ сѣромъ кафтанишкѣ». — «Ничего, приходи! и тебѣ будетъ мѣсто». — «Хорошо, братецъ! прійду». Воротился бѣдной домой, отдалъ женѣ ковригу, и говоритъ: «Слушай, жена! назавтрее насъ съ тобой въ гости звали». — «Какъ въ гости? кто звалъ?» — «Братъ; онъ завтра именинникъ». — «Ну, что жъ! пойдемъ». На утро встали и пошли въ городъ, пришли къ богатому, поздравили его и усѣлись на лавку. За столомъ ужъ много именитыхъ гостей сидѣло; всѣхъ ихъ угощаетъ хозяинъ на славу, а про бѣднаго

брата и его жену и думать забылъ — ничего имъ не даетъ; они сидятъ да только посматриваютъ, какъ другіе пьютъ да ѣдятъ. Кончился обѣдъ; стали гости изъ-за стола вылазить да хозяина съ хозяюшкой благодарить, и бѣдной тожъ — поднялся съ лавки и кланяется брату въ поясъ. Гости поѣхали домой пьяные, веселые; шумятъ, пѣсни поютъ. А бѣдной идетъ назадъ съ пустымъ брюхомъ. «Давай-ка, говоритъ женѣ: и мы запоемъ пѣсню!» — «Эхъ, ты дуракъ, люди поютъ отъ того, что сладко поѣли да много выпили; а ты съ чего пѣть вздумалъ?» — «Ну, все-таки у брата на именинахъ былъ; безъ пѣсенъ мнѣ стыдно идти. Какъ я запою, такъ всякой подумаетъ, что и меня угостили . . .» — «Ну, пой, коли хочешь, а я не стану!» Мужикъ запѣлъ пѣсню, и послышалось ему два голоса; онъ пересталъ и спрашиваетъ жену: «Это ты мнѣ подсобляла пѣть тоненькимъ голоскомъ?» — «Что съ тобой? я вовсе и не думала». — «Такъ кто же?» — «Не знаю! сказала баба: а ну, запой, я послушаю». Онъ опять запѣлъ; поетъ-то одинъ, а слышно два голоса; остановился и спрашиваетъ: «Это ты, Горе, мнѣ пѣть пособляешь?» Горе отозвалось: «Да, хозяинъ! это я пособляю». — «Ну, Горе, пойдемъ съ нами вмѣстѣ». — «Пойдемъ, хозяинъ, я теперь отъ тебя не отстану». Пришелъ-мужикъ домой, а Горе зоветъ его въ кабакъ. Тотъ говоритъ: «У меня денегъ нѣтъ!» — «Охъ, ты, мужичокъ! да на что тебѣ деньги? вишь, на тебѣ полушубокъ надѣтъ, а на что онъ? скоро лѣто будетъ, все равно носить не станешь! пойдемъ въ кабакъ, да полушубокъ по боку . . .» Мужикъ и Горе пошли въ кабакъ и пропили полушубокъ. На другой день Горе заохало, съ похмелья голова болитъ, и опять зоветъ хозяина винца испить. «Денегъ нѣтъ!» говоритъ мужикъ. «Да на что намъ деньги? Возьми сани да телѣгу — съ насъ и довольно!» Нечего дѣлать, не от-

биться мужику отъ Горя; взялъ онъ сани и телѣгу, потащилъ въ кабакъ и пропилъ вмѣстѣ съ Горемъ. На утро Горе еще больше заохало, зоветъ хозяина опохмелиться; мужикъ пропилъ и борону и соху. Мѣсяца не прошло, какъ онъ все спустилъ; даже избу свою сосѣду заложилъ, а деньги въ кабакъ снёсъ. Горе опять пристаетъ къ нему: «Пойдемъ да пойдемъ въ кабакъ!» — «Нѣтъ, Горе! воля твоя, а больше тащить нечего». — «Какъ нечего? у твоей жены два сарафана: одинъ оставь, а другой пропить надобно». Мужикъ взялъ сарафанъ, пропилъ и думаетъ: «Вотъ когда чистъ! ни кола, ни двора, ни на себѣ, ни на женѣ!»

Поутру проснулось Горе, видитъ, что у мужика нечего больше взять, и говоритъ: «Хозяинъ!» — «Что, Горе?» — «А вотъ что: ступай къ сосѣду, попроси у него пару воловъ съ телѣгою». Пошелъ мужикъ къ сосѣду: «Дай, проситъ, на времячко пару воловъ съ телѣгою; я на тебя хоть недѣлю за то проработаю». — «На что тебѣ?» — «Въ лѣсъ за дровами съѣздить». — «Ну, возьми, только невеликъ возъ накладывай». — «И, что ты, кормилецъ!» Привелъ пару воловъ, сѣлъ вмѣстѣ съ Горемъ на телѣгу и поѣхалъ въ чистое поле. «Хозяинъ! спрашиваетъ Горе: знаешь ли ты на этомъ полѣ большой камень?» — «Какъ не знать!» — «А когда знаешь, поѣзжай прямо къ нему». Пріѣхали они на то мѣсто, остановились и вылѣзли изъ телѣги. Горе велитъ мужику поднимать камень; мужикъ поднимаетъ, Горе пособляетъ; вотъ подняли, а подъ камнемъ яма — полна золотомъ насыпана. «Ну, что глядишь? сказываетъ Горе мужику: таскай скорѣй въ телѣгу». Мужикъ принялся за работу и насыпалъ телѣгу золотомъ, все изъ ямы повыбралъ до послѣдняго червонца; видитъ, что ужъ больше ничего не осталось, и говоритъ: «Посмотри-ко, Горе, никакъ тамъ еще деньги остались?» Горе накло-

нилось: «Гдѣ? я что-то не вижу!» — «Да вонъ въ углу свѣтятся!» — «Нѣтъ, не вижу». — «Полѣзай въ яму, такъ и увидишь». Горе полѣзло въ яму; только что опустилось туда, а мужикъ и накрылъ его камнемъ. «Вотъ эдакъ-то лучше будетъ! сказалъ мужикъ: не то коли взять тебя съ собою, такъ ты, Горе горемычное, хоть нескоро, а все же пропьешь и эти деньги!» Пріѣхалъ мужикъ домой, свалилъ деньги въ подвалъ, воловъ отвелъ къ сосѣду, и сталъ думать, какъ бы себя устроить; купилъ лѣсу, выстроилъ большія хоромы и зажилъ вдвое богаче своего брата. Долго ли, коротко ли — поѣхалъ онъ въ городъ просить своего брата съ женой къ себѣ на именины. «Вотъ что выдумалъ! сказалъ ему богатой братъ: у самого ѣсть нечего, а ты еще именины справляешь!» — «Ну, когда-то было нечего ѣсть, а теперь, слава Богу! имѣю не меньше твоего; пріѣзжай — увидишь». — «Ладно, пріѣду!» На другой день богатой братъ собрался съ женою, и поѣхали на именины; смотрятъ, а у бѣднаго-то голыша хоромы новыя, высокія: не у всякаго купца такія есть! Мужикъ угостилъ ихъ, употчивалъ всякими наѣдками, напоилъ всякими медами и винами. Спрашиваетъ богатой у брата: «Скажи, пожалуй, какими судьбами разбогатѣлъ ты?» Мужикъ разсказалъ ему по чистой совѣсти, какъ привязалось къ нему Горе горемычное, какъ пропилъ онъ съ Горемъ въ кабакѣ все свое добро до послѣдней нитки: только и осталась, что душа въ тѣлѣ; какъ Горе указало ему кладъ въ чистомъ полѣ, какъ онъ забралъ этотъ кладъ, да отъ Горя избавился. Завистно стало богатому; дай, думаетъ, поѣду въ чистое поле, подниму камень да выпущу Горе — пусть оно до тла разоритъ брата, чтобъ не смѣлъ передо мной своимъ богатствомъ чваниться! Отпустилъ свою жену домой, а самъ въ поле погналъ; подъѣхалъ къ большому камню, своротилъ его

въ сторону и наклоняется посмотрѣть, что тамъ подъ камнемъ? Не успѣлъ порядкомъ головы нагнуть — а ужъ Горе выскочило и усѣлось ему на шею: «А! кричитъ, ты хотѣлъ меня здѣсь уморить! Нѣтъ, теперь я отъ тебя ни за что не отстану». — «Послушай, Горе! сказалъ купецъ: вовсе не я засадилъ тебя подъ камень . . .» — «А кто же, какъ не ты?» — «Это мой братъ тебя засадилъ, а я нарочно пришелъ, чтобъ тебя выпустить». — «Нѣтъ, врешь! одинъ разъ обманулъ, въ другой не обманешь!» Крѣпко насѣло Горе богатому купцу на шею; привезъ онъ его домой, и пошло у него все хозяйство вкривь да вкось. Горе ужъ съ утра за свое принимается, кажной день зоветъ купца опохмелиться; много добра въ кабакъ ушло! «Этакъ несходно жить! думаетъ про себя купецъ: кажись, довольно потѣшилъ я Горе; пора бъ и разстаться съ нимъ, да какъ?» Думалъ-думалъ, и выдумалъ: пошелъ на широкой дворъ, обтесалъ два дубовыхъ клина, взялъ новое колесо и накрѣпко вбилъ клинъ съ одного конца въ тулку. Приходитъ къ Горю: «Что ты, Горе, все на боку лежишь?» — «А что жъ мнѣ больше дѣлать?» — «Что дѣлать! пойдемъ на дворъ въ гулючки играть». А Горе и радо; вышли на дворъ. Сперва купецъ спрятался — Горе сейчасъ его нашло, послѣ того черёдъ Горю прятаться: «Ну, говоритъ, меня нескоро найдешь! я хоть въ какую щель забьюсь!» — «Куда тебѣ! отвѣчаетъ купецъ: ты въ это колесо не влѣзешь, а то — въ щель!» — «Въ колесо не влѣзу? смотри-ка, еще какъ спрячусь!» Влѣзло Горе въ колесо; купецъ взялъ да и съ другого конца забилъ въ тулку дубовой клинъ, поднялъ колесо и забросилъ его вмѣстѣ съ Горемъ въ рѣку. Горе потонуло, а купецъ сталъ жить по-старому, попрежнему.

Записана въ Новгородской губ.

172
Двѣ доли

Жилъ да былъ мужикъ, прижилъ двухъ сыновей и померъ. Задумали братья жениться: старшій взялъ бѣдную, младшій — богатую; а живутъ вмѣстѣ, не дѣлятся. Вотъ начали жены ихъ межъ собой ссориться да вздорить, одна говоритъ: «Я за старшимъ братомъ замужемъ; мой верхъ должонъ быть!» А другая: «Нѣтъ, мой верхъ! я богаче тебя!» Братья смотрѣли-смотрѣли, видятъ, что жены не ладятъ, раздѣлили отцовское добро поровну и разошлись. У старшаго брата что ни годъ, то дѣти рождаются, а хозяйство все плоше да хуже идетъ; до того дошло, что совсѣмъ разорился. Пока хлѣбъ да деньги были — на дѣтей глядя радовался, а какъ обѣднялъ — и дѣтямъ не радъ! Пошелъ къ меньшому брату: «Помоги де въ бѣдности!» Тотъ наотрѣзъ отказалъ: «Живи, какъ самъ знаешь! у меня свои дѣти подрастаютъ». Вотъ немного погодя опять пришелъ бѣдной къ богатому: «Одолжи, проситъ, хоть на одинъ день лошади; пахать не на чемъ!» — «Сходи на поле и возьми на одинъ день; да смотри — не замучь!» Бѣдной пришелъ на поле и видитъ, что какіе-то люди на братниныхъ лошадяхъ землю пашутъ. «Стой! закричалъ: сказывайте, что вы за люди!» — «А ты что за спросъ?» — «Да то, что это лошади моего брата!» — «А развѣ не видишь ты, отозвался одинъ изъ пахарей: что я — Счастье твоего брата; онъ пьетъ, гуляетъ, ничего не знаетъ, а мы на него работаемъ». — «Куда же мое Счастье дѣвалось?» — «А твое Счастье вонъ тамъ-то подъ кустомъ, въ красной рубашкѣ, лежитъ, ни днемъ ни ночью ничего не дѣлаетъ, только спитъ!» — «Ладно! думаетъ мужикъ: доберусь я до тебя». Пошелъ, вырѣзалъ толстую палку, подкрался къ своему Счастью и вытянулъ его по боку

изо всей силы. Счастье проснулось и спрашиваетъ: «Что ты дерешься?» — «Еще не такъ прибью! Люди добрые землю пашутъ, а ты безъ просыпу спишь!» — «А ты, небось, хочешь, чтобъ я на тебя пахалъ? И не думай!» — «Что жъ? все будешь подъ кустомъ лежать? Вѣдь эдакъ мнѣ умирать съ голоду прійдется!» — «Ну, коли хочешь, чтобъ я тебѣ помочь дѣлалъ, такъ ты брось крестьянское дѣло, да займись торговлею. Я къ вашей работѣ совсѣмъ непривыченъ, а купеческія дѣла всякія знаю». — «Займись торговлею! . . . да было бы на что! Мнѣ ѣсть нечего, а не то, что въ торгъ пускаться». — «Ну, хоть сними съ своей бабы старой сарафанъ да продай; на тѣ деньги купи новой — и тотъ продай! А ужъ я стану тебѣ помогать; ни на шагъ прочь не отойду!» — «Хорошо!»

Поутру говоритъ бѣднякъ своей женѣ: «Ну, жена! собирайся, пойдемъ въ городъ». — «Зачѣмъ?» — «Хочу въ мѣщане приписаться, торговать зачну». — «Съ ума, что ли, спятилъ? дѣтей кормить нечѣмъ, а онъ въ городъ норовитъ!» — «Не твое дѣло! укладывай все имѣніе, забирай дѣтишекъ и пойдемъ». Вотъ и собрались. Помолились Богу, стали наглухо запирать свою избушку, и послышали, что кто-то горько плачетъ въ избѣ. Хозяинъ спрашиваетъ: «Кто тамъ плачетъ?» — «Это я — Горе!» — «О чемъ же ты плачешь?» — «Да какъ же мнѣ не плакать? самъ ты уѣзжаешь, а меня здѣсь покидаешь». — «Нѣтъ, милое! я тебя съ собой возьму, а здѣсь не покину. Эй, жена! говоритъ, выкидывай изъ сундука свою поклажу». Жена опорожнила сундукъ. «Ну-ка, Горе, полѣзай въ сундукъ!» Горе влѣзло; онъ его заперъ тремя замками; зарылъ сундукъ въ землю и говоритъ: «Пропадай ты, проклятое! чтобъ вѣкъ съ тобой не знаться!» Приходитъ бѣдной съ женой и съ дѣтьми въ городъ, нанялъ себѣ квартиру, и началъ тор-

говать; взялъ старой женинъ сарафанъ, понесъ на базаръ и продалъ за рубль; на тѣ деньги купилъ новой сарафанъ и продалъ его за два рубля. И вотъ такимъ-то счастливымъ торгомъ, что за всякую вещь двойную цѣну получалъ, разбогатѣлъ онъ въ самое короткое время и записался въ купцы. Услыхалъ про то младшій братъ, пріѣзжаетъ къ нему въ гости и спрашиваетъ: «Скажи, пожалуй, какъ это ты ухитрился — изъ нищаго богачомъ сталъ?» — «Да просто, отвѣчалъ купецъ: я свое Горе въ сундукъ заперъ да въ землю зарылъ». — «Въ какомъ мѣстѣ?» — «Въ деревнѣ, на старомъ дворѣ!» Младшій братъ чуть не плачетъ отъ зависти; поѣхалъ сейчасъ на деревню, вырылъ сундукъ и выпустилъ оттуда Горе: «Ступай, говоритъ, къ моему брату, разори его до послѣдней нитки!» — «Нѣтъ! отвѣчаетъ Горе: я лучше къ тебѣ пристану, а къ нему не пойду: ты — доброй человѣкъ, ты меня на свѣтъ выпустилъ! а тотъ лиходѣй — въ землю упряталъ!» Немного прошло времени — разорился завистливой братъ, и изъ богатаго мужика сдѣлался голымъ бѣднякомъ.

173
Марко Богатый и Василій Безсчастный

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ богатѣйшій купецъ; у него была одна дочь Анастасія Прекрасная, и было ей всего лѣтъ пять отроду. Купца звали Марко, по прозванію Богатой. Марко терпѣть не могъ нищихъ: только подойдутъ къ окошку, сейчасъ велитъ слугамъ своимъ гнать ихъ и травить собаками.

Въ одно время подходятъ къ окошку два сѣденькихъ старичка. Марко увидалъ и велѣлъ ихъ травить собаками. Услыхала то Анастасія Прекрасная и стала про-

сить: «Родимой мой батюшка! хоть для меня пусти ихъ въ скотную избу». Отецъ согласился, и велѣлъ пустить нищихъ въ скотную избу. Вотъ какъ всѣ въ домѣ заснули, Анастасія встала и пошла въ скотную, залѣзла на полати и глядитъ на нищихъ. Пришло время быть заутрени, у иконъ сама свѣча затеплилась; старички встали, вынули изъ мѣшечковъ ризы, надѣли и стали служить заутреню. Прилетаетъ ангелъ Божій: «Господи! въ такомъ-то селѣ у такого-то крестьянина родился сынъ; какъ ему велишь нарещи имя и какимъ надѣлить его счастіемъ?» Одинъ старичокъ сказалъ: «Имя нарицаю ему — Василій, прозваніе — Безсчасной, а награждаю его богатствомъ Марка Богатаго, у котораго мы почуемъ». Анастасія все это слышала. Разсвѣло. Старички снарядились въ дорогу и вышли изъ избы. Анастасія пришла къ отцу и сказываетъ ему все, что въ скотной видѣла и слышала.

Отецъ усомнился, какъ бы не сбылось сказанное, и захотѣлъ испытать: точно ли родился на селѣ младенецъ, велѣлъ запречь карету и поѣхалъ туда; пріѣхалъ прямо къ священнику и спросилъ: «Родился ли у васъ такого-то дня младенецъ?» — «Родился, сказалъ священникъ: у самаго бѣднаго крестьянина; я ему нарекъ имя Василій и прозвалъ Безсчастнымъ, да еще не крестилъ, потому что къ бѣдняку никто въ кумовья не пойдетъ». Марко вызвался быть крёснымъ, попадью попросилъ быть кумою, и велѣлъ изготовить богатой столъ; принесли младенца, окрестили и пировали, какъ имъ было угодно. На другой день Марко Богатой призвалъ къ себѣ бѣдняка-крестьянина, обласкалъ его, и сталъ ему говорить: «Куманёкъ! ты человѣкъ бѣдной, воспитать сына не сможешь; отдай-ка мнѣ его, я его выведу въ люди, а тебѣ на прожитіе дамъ тысячу рублей». Старикъ подумалъ-подумалъ и согласился. Марко награ-

дилъ кума, взялъ ребенка, окуталъ его въ лисьи шубы, положилъ въ карету и поѣхалъ. Дѣло было зимою. Проѣхавъ нѣсколько верстъ, Марко Богатой велѣлъ остановиться, отдалъ крестника своему приказчику и приказалъ: «Возьми его за̀ ноги и выбрось въ оврагъ!» Приказчикъ взялъ и бросилъ его въ крутой оврагъ. А Марко сказалъ: «Вотъ тамъ и владѣй моимъ имѣніемъ!»

На третій день по той же дорогѣ, гдѣ проѣхалъ Марко, случилось ѣхать купцамъ: везли они Марку Богатому двѣнадцать тысячъ рублей долгу; поровнялись купцы противъ оврага, и послышался имъ дѣтской плачъ. Остановились, стали вслушиваться, и послали приказчика узнать, что тамъ такое? Приказчикъ сошелъ въ оврагъ, видитъ тамъ зеленой лугъ, а на томъ лугу сидитъ ребенокъ и играетъ цвѣтами. Приказчикъ разсказалъ про все хозяину; хозяинъ вышелъ самъ, взялъ ребенка, завернулъ въ шубу, сѣлъ на повозку, и поѣхали. Пріѣзжаютъ къ Марку Богатому. Вотъ Марко ихъ и спрашиваетъ, гдѣ они взяли этого ребенка? Купцы разсказали, и онъ тотчасъ догадался, что это Василій Безсчасной, его крестникъ; взялъ его на̀ руки, подержалъ и отдалъ дочери: «Вотъ тебѣ, дочка, няньчай!» — а самъ сталъ угощать купцовъ разными напитками, и проситъ, чтобъ они отдали ему мальчика. Купцы было не соглашались; да какъ Марко сказалъ: «Я васъ прощаю всѣмъ долгомъ!» — то отдали ему ребенка и уѣхали. Анастасія такъ была этому рада, что сейчасъ нашла люльку, повѣсила занавѣсы и стала ухаживать за мальчикомъ, и не разставалась съ нимъ ни день ни ночь. Прошелъ день, и другой; на третій Марко воротился домой попозже, когда Анастасія спала, взялъ младенца, посадилъ его въ боченокъ, засмолилъ и бросилъ съ пристани въ воду.

Боченокъ плылъ да плылъ, и приплылъ къ монастырю. На ту пору вышелъ монахъ за водою. Послышался ему дѣтской крикъ; осмотрѣлся онъ и увидалъ боченокъ; тотчасъ сѣлъ въ лодку, поймалъ боченокъ, разбилъ его, а въ боченкѣ — дитя, взялъ его и принесъ въ монастырь къ игумну. Игуменъ назвалъ ребенка Васильемъ и прозвалъ Безсчастнымъ; съ тѣхъ поръ Василій Безсчастной жилъ въ монастырѣ шестнадцать лѣтъ, и выучился грамотѣ — читать и писать. Игуменъ его полюбилъ и сдѣлалъ ключаремъ.

Марку Богатому случилось ѣхать въ иное государство за полученіемъ долговъ — на годичное время, и заѣхалъ онъ по пути въ монастырь. Здѣсь его встрѣтили, какъ человѣка богатаго. Игуменъ велѣлъ ключарю идти въ церковь: ключарь идетъ, зажигаетъ свѣчи, поетъ и читаетъ. Марко Богатой спрашиваетъ игумна: «Давно ли онъ поступилъ къ вамъ въ монастырь?» Игуменъ разсказалъ все, какъ вынули его изъ боченка, и сколько тому лѣтъ назадъ. Марко расчелъ и узналъ, что это его крестникъ. Вотъ онъ и говоритъ игумну: «Какъ бы у меня былъ такой расторопной человѣкъ, какъ вашъ ключарь, я бы сдѣлалъ его главнымъ приказчикомъ, и всю казну поручилъ бы ему подъ смотрѣнье; нельзя ли вамъ отдать его мнѣ?» Игуменъ долго отговаривался. Марко посулилъ за него монастырю двадцать пять тысячъ рублей. Игуменъ посовѣтовался съ братіей; удумали и согласились отпустить Василья Безсчаснаго.

Марко послалъ Василія домой и написалъ съ нимъ къ женѣ такое письмо: «Жена! какъ получишь мое письмо, сейчасъ же отправься съ этимъ посланнымъ на мыльной заводъ, и какъ пойдешь возлѣ большого кипучаго котла, толкни его туда; да непремѣнно исполни! а не исполнишь, я на тебѣ взыщу строго: этотъ малой — мнѣ злодѣй!» Василій получилъ письмо и пошелъ путемъ-доро-

гою; попадается ему навстрѣчу старичокъ, и сказалъ: «Куда ты, Василій Безсчасной, идешь?» Василій сказалъ: «Въ домъ Марка Богатаго къ женѣ съ письмомъ». — «Покажи письмо». Василій вынулъ письмо и далъ старичку; старичокъ сломилъ печать, далъ Василью прочитать; Василій прочиталъ и прослезился: «Что я этому человѣку сдѣлалъ, что послалъ меня на погубленіе!» Старичокъ ему сказалъ: «Не печалься, Богъ тебя не оставитъ!» — дунулъ на письмо, печать и письмо сдѣлались такія жъ, какъ и были. «Ступай теперь и отдай письмо женѣ Марка Богатаго».

Василій пришелъ въ домъ Марка Богатаго, отдалъ письмо его женѣ. Жена прочитала, задумалась, позвала свою дочь Анастасію и прочитала ей отцово письмо, а въ письмѣ написано: «Жена! какъ получишь мое письмо, на другой же день обвѣнчай Анастасію съ этимъ посланнымъ; да непремѣнно исполни! а не исполнишь, будешь мнѣ отвѣчать». У богатыхъ людей не пиво варить, не вино курить — все готово, веселымъ пиркомъ да и за свадебку. Василья нарядили въ хорошее платье, показали Анастасіи, и Василій ей полюбился. Вотъ и обвѣнчали ихъ.

Въ одинъ день женѣ Марка Богатаго повѣстили, что прибылъ къ пристани ея мужъ, и она съ зятемъ и дочерью отправились встрѣчать его. Марко увидѣлъ зятя, разсердился и говоритъ своей женѣ: «Какъ ты осмѣлилась обвѣнчать съ нимъ дочь нашу?» — «По твоему приказанію», отвѣчала жена. Марко спросилъ свое письмо, прочиталъ и увѣрился, что точно онъ самъ то написалъ.

Пожилъ Марко съ зятемъ мѣсяцъ, другой и третій; въ одинъ день позвалъ онъ зятя къ себѣ, и говоритъ ему: «Вотъ тебѣ письмо, иди съ нимъ за тридевять земель, въ тридесятое государство, къ другу моему царю-Змію, получи отъ него дань за двѣнадцать лѣтъ за то, что по-

строилъ онъ дворецъ на моей землѣ, и узнай тамъ о двѣнадцати моихъ корабляхъ, что пропадаютъ цѣлые три года. Завтра же поутру отправляйся!» Василій взялъ письмо, пошелъ къ женѣ своей и разсказалъ все, что ему Марко приказывалъ. Анастасія горько заплакала, а упрашивать отца не посмѣла.

Василій поутру рано, помолясь Богу, взялъ съ собою въ котомочку сухариковъ и пошелъ. Шелъ онъ путемъ-дорогою, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, только слышитъ въ сторонѣ голосъ: «Василій Безсчасной, куда ты идешь?» Онъ оглядывается на всѣ стороны и говоритъ: «Кто меня кличетъ?» — «Я — дубъ, тебя спрашиваю, куда ты идешь?» — «Я иду къ царю-Змію за двѣнадцать лѣтъ взять съ него дань». Дубъ сказалъ: «Какъ будешь во времени — обо мнѣ вспомяни: что стоитъ дубъ, триста лѣтъ, долго ли еще ему стоять?» Василій выслушалъ и отправился въ путь-дорогу. Пришелъ Василій къ рѣкѣ, на которой перевозитъ перевозчикъ. Василій сѣлъ на поромъ. Перевозчикъ его спрашиваетъ: «Куда ты, мой другъ, идешь?» Василій ему отвѣчалъ то же, что и дубу. И перевозчикъ проситъ его напомянуть царю, что «перевозитъ онъ тридцать лѣтъ; долго ли еще ему перевозить?» — «Хорошо, сказалъ Василій: скажу!» — и пошелъ. Приходитъ къ морю, черезъ море лежитъ китъ-рыба, по ней идутъ и ѣдутъ. Какъ пошелъ по ней Василій, китъ-рыба заговорила: «Василій Безсчасной, куда ты идешь?» Василій сказалъ ей то же, что и перевозчику, и китъ его проситъ: «Когда будешь во времени, обо мнѣ вспомяни: что лежитъ китъ-рыба черезъ море, конные и пѣшіе пробили у нея тѣло до рёберъ: долго ли ей еще лежать?»

Василій обѣщался, и пошелъ. Приходитъ онъ на зеленой лугъ; на лугу стоитъ большой дворецъ. Василій

взошелъ во дворецъ, ходитъ по комнатамъ; комната комнаты лучше убрана. Приходитъ онъ въ послѣднюю и видитъ: на постели сидитъ дѣвица-красавица и горько плачетъ. Какъ увидала Василья, встала она, подошла къ нему и спрашиваетъ: «Что ты за человѣкъ и какъ зашелъ въ эдакое проклятое мѣсто?» Василій показалъ ей письмо, и сказалъ, что Марко Богатой велѣлъ взять съ царя-Змія дань за двѣнадцать лѣтъ. Дѣвица бросила письмо въ печь, а Василью сказала: «Ты не за данью сюда присланъ, а Змію на съѣденіе. Да какими путями ты шелъ? не случилось ли тебѣ дорогою что видѣть и слышать?» Василій разсказалъ ей про дубъ, перевозчика и китъ-рыбу. Только успѣли они переговорить, тряслась земля и дворецъ; дѣвица тотчасъ заперла Василія въ сундукъ подъ кроватью и сказала ему: «Слушай же, что̀ мы съ Зміемъ будемъ говорить».

А сама стала встрѣчать Змія. Какъ взошелъ онъ въ комнату, сказалъ: «Что здѣсь русскимъ духомъ пахнетъ?» Дѣвица отвѣчала: «Какъ сюда можетъ зайти русской духъ? ты по Руси леталъ, русскаго духу наймался!» Змій сказалъ: «Я сильно усталъ, попщи-ка у меня въ головѣ!» и легъ на постелю. Дѣвица сказала ему: «Царь, какой я безъ тебя сонъ видѣла! будто я иду по дорогѣ, крпчитъ мнѣ дубъ: скажи царю-та, долго ли мнѣ еще стоять?» — «Ему стоять до тѣхъ поръ, сказалъ царь: какъ подойдетъ къ нему кто да толкнетъ его ногою, тогда онъ выворотится съ корнемъ и упадетъ, а подъ нимъ злата и серебра многое множество — столько нѣтъ у Марка Богатаго!» — «А еще пришла я къ рѣкѣ, на которой перевозитъ перевозчикъ; онъ спрашивалъ, долго ли ему перевозить?» — «Пусть онъ перваго, кто прійдетъ къ нему, посадитъ на поромъ и толкнетъ поромъ отъ берегу — тотъ и будетъ вѣчно перевозить, а онъ пойдетъ домой». — «Еще будто я шла по̀ морю черезъ китъ-рыбу, и она

мнѣ говорила, долго ли ей лежать?» — «Ей лежать до тѣхъ поръ, покуда вырыгнетъ двѣнадцать кораблей Марка Богатаго: тогда пойдетъ въ воду и тѣло ея нарастетъ». Сказалъ царь-Змій и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Дѣвица выпустила изъ сундука Василія Безсчаснаго и дала ему наставленіе: «По эту сторону китъ-рыбѣ не сказывай, чтобы она вырыгнула двѣнадцать кораблей Марка Богатаго, а перейди на ту сторону и скажи. Равно придешь къ перевозчику, на этой сторонѣ не говори ему того, что̀ слышалъ; а къ дубу придешь — толкни его ногою на восходъ, и тутъ увидишь несчетное богатство». Василій Безсчасной поблагодарилъ дѣвицу и пошелъ.

Приходитъ къ киту-рыбѣ; она его спрашиваетъ: «Говорилъ ли обо мнѣ?» — «Говорилъ; вотъ перейду и скажу». Какъ перешелъ и сказалъ: «Вырыгни двѣнадцать кораблей Марка Богатаго». Китъ-рыба рыгнула, и корабли пошли на парусахъ ни въ чемъ не вредимы; а Василій Безсчасной очутился оттого въ водѣ по колѣна. Пришелъ Василій къ перевозчику. Перевозчикъ спрашиваетъ: «Говорилъ ли царю-Змію обо мнѣ?» — «Говорилъ, сказалъ ему Василій: напередъ перевези меня». Какъ переѣхалъ на другой берегъ, и сказалъ перевозчику: «Кто къ тебѣ придетъ первой, посади его на поромъ и толкни поромъ отъ берегу; тотъ вѣчно и будетъ перевозить, а ты отправляйся въ свой домъ». Пришелъ Василій Безсчасной къ дубу, толкнулъ его ногою, дубъ свалился; подъ нимъ злата и серебра и каменья драгоцѣннаго что ни есть числа! Оглянулся Василій назадъ, видитъ — плывутъ прямо къ берегу двѣнадцать кораблей, что вырыгнула китъ-рыба. Кораблями управляетъ тотъ самой старичокъ, что̀ попался Василію навстрѣчу, когда онъ шелъ къ женѣ Марка Богатаго съ письмомъ. Старичокъ сказалъ Василью: «Вотъ, Ва-

силій, чѣмъ тебя Господь благословилъ!» — а самъ сошелъ съ корабля и пошелъ своей дорогою.

Матросы переносили злато и серебро на корабли, и какъ совсѣмъ исправились — пустились въ путь, а съ ними и Василій Безсчасной. Дали знать Марку Богатому, что плыветъ его зять съ двѣнадцатью кораблями и что наградилъ его царь-Змій несчетнымъ богатствомъ.

Марко разсердился, что не сбылось по его желанію, велѣлъ запречь повозку, и поѣхалъ самъ къ царю-Змію попенять ему. Пріѣхалъ къ перевозчику, сѣлъ на паромъ; перевозчикъ отпихнулъ паромъ — и Марко остался вѣчно перевозить. А Василій Безсчасной прибылъ къ женѣ и тещѣ, сталъ жить да поживать, да добра наживать, бѣднымъ помогать, нищихъ награждать, поить и кормить. — и завладѣлъ всѣмъ имѣніемъ Марка Богатаго.

Записана въ Лукояновскомъ у., Нижегородской губ., въ селѣ Гавриловѣ, Никольское тожъ, В. Яшеровымъ.

174

Исторія о славномъ и храбромъ богатырѣ Ильѣ-Муромцѣ и о Соловьѣ-разбойникѣ

Въ славномъ было городѣ Муромѣ, въ селѣ Карачаровѣ — жилъ крестьянинъ Иванъ Тимоѳеевичъ. У него было любимое дѣтище Илья-Муромецъ; сидѣлъ онъ сиднемъ тридцать лѣтъ, и какъ минуло тридцать лѣтъ, то сталъ онъ ходить на ногахъ крѣпко и ощутилъ въ себѣ силу великую, и сдѣлалъ себѣ сбрую ратную и копье булатное, и осѣдлалъ коня добраго, богатырскаго. Приходитъ къ отцу и матери и сталъ у нихъ просить благословенія: «Государи мои, батюшка и матушка! отпустите меня въ славной городъ Кіевъ Богу помолиться, а князю кіевскому поклониться». Отецъ и мать его

дают ему благословеніе, кладутъ на него заклятіе великое и говорятъ такія рѣчи: «Поѣзжай ты прямо на Кіевъ-градъ, прямо на Черниговъ-градъ, и на пути своемъ не дѣлай никакой обиды, не проливай напрасно крови христіанской». Илья-Муромецъ принялъ у отца матери благословеніе, Богу молится, съ отцомъ и съ матерью прощается, и поѣхалъ въ путь свой.

И такъ далеко заѣхалъ въ темны лѣса, что наѣхалъ на таборы разбойничьи; и тѣ разбойники увидѣли Илью-Муромца, и разгорѣлись у нихъ сердца разбойническія на коня богатырскаго, и стали между себя разговаривать, чтобы лошадь отнять, что такой лошади ни въ которыхъ мѣстахъ не видывали, а нынѣ ѣдетъ на такомъ добромъ конѣ незнамо-какой человѣкъ. И стали на Илью-Муромца напущать человѣкъ по десяти и по двадцати; и сталъ Илья-Муромецъ остановлять коня своего богатырскаго, и вынимаетъ изъ колчана калену стрѣлу и накладываетъ на тугой лукъ. Пустилъ онъ калену стрѣлу по-надъ землею, калена стрѣла стала рвать на косую сажéнь. И видя то, разбойники испужались и собирались во единъ кругъ, пали на колѣни и стали говорить: «Государь ты нашъ батюшка, удалъ доброй мóлодецъ! виноваты мы передъ тобою, и за такую вину нашу бери казны, сколько надобно, и платья цвѣтного, и табуны лошадей, сколько угодно». Илья, усмѣхнувшись, сказалъ: «Некуды мнѣ дѣвать! . . . а если хотите живы быть, такъ впередъ не отважьтесь!» и поѣхалъ въ путь свой къ славному граду Кіеву.

Подъѣзжаетъ онъ ко граду Чернигову, и подъ тѣмъ градомъ Черниговомъ стоятъ войска басурманскія, что и смѣты нѣтъ, и Черниговъ-градъ осадили, и хотятъ его вырубить и Божіи церкви на дымъ пустить, самого князя и воеводу черниговскаго живыхъ въ полонъ взять. И той великой силѣ Илья-Муромецъ ужаснулся; однако

положился на волю Создателя своего Господа Бога и вздумалъ положить главу свою за вѣру христіанскую. И сталъ Илья-Муромецъ побивать силу басурманскую копіемъ булатнымъ, и всю силу поганую побилъ, и царевича басурманскаго въ полонъ взялъ, и ведетъ во градъ Черниговъ. Встрѣчаютъ его изъ града Чернигова граждане съ честію, идетъ самъ князь и воевода черниговской, принимаютъ добраго молодца съ честію, благодареніе Господу Богу возсылаютъ, что Господь прислалъ нечаянно граду очищеніе и не далъ всѣмъ напрасно погибнути отъ такой силы басурманскія; взяли его въ палаты свои и сотвориша великій пиръ, и отпустиша его въ путь.

Илья-Муромецъ поѣхалъ ко граду Кіеву прямою дорогою отъ Чернигова, которую заложилъ Соловей-разбойникъ ровно тридцать лѣтъ, не пропущалъ ни конаго, ни пѣшаго, а убивалъ не ружьемъ, но своимъ свистомъ разбойничьимъ. Выѣхалъ Илья-Муромецъ въ чисто поле и увидѣлъ поприски богатырскіе и по нихъ поѣхалъ, и пріѣхалъ на тѣ лѣса Брянскіе, на тѣ грязи топучія, на тѣ мосты калиновы и къ той рѣкѣ Смородинкѣ. Соловей-разбойникъ послышалъ себѣ кончину и безсчастіе великое, и не допуская Илью-Муромца за двадцать верстъ, засвисталъ своимъ свистомъ разбойническимъ крѣпко; но богатырское сердце не устрашилось. И не допуская еще за десять верстъ, засвисталъ онъ громче того, и съ того свисту подъ Ильею-Муромцемъ конь спотыкнулся. Пріѣхалъ Илья-Муромецъ подъ самое гнѣздо, которое свито на двѣнадцати дубахъ; и Соловей-разбойникъ, на гнѣздѣ сидя, увидѣлъ свѣторусскаго богатыря и засвисталъ во весь свистъ, и хотѣлъ Илью-Муромца убить до смерти.

Илья-Муромецъ снимаетъ съ себя тугой лукъ, накладываетъ калену стрѣлу и пускаетъ на то гнѣздо Со-

ловьиное, и попалъ ему въ правой глазъ и вышибъ вонъ; Соловей-разбойникъ свалился съ гнѣзда, что овсяной снопъ. Илья-Муромецъ беретъ Соловья-разбойника; привязалъ его крѣпко къ стремени булатному и поѣхалъ къ славному граду Кіеву. На пути стоятъ палаты Соловья-разбойника, и какъ поровнялся Илья-Муромецъ противъ палатъ разбойническихъ, у которыхъ окны были растворены, и въ тѣ окны смотрѣли разбойничьи три дочери, — увидѣла его меньшая дочь и закричала своимъ сестрамъ: «Вонъ нашъ батюшка ѣдетъ съ добычею и везетъ къ намъ мужика, привязаннаго у стремени булатнаго». А большая дочь посмотрѣла и горько заплакала: «Это не батюшка нашъ ѣдетъ; это ѣдетъ незнаю какой человѣкъ и везетъ нашего батюшку». И закричали онѣ мужьямъ своимъ: «Мужья наши милые! поѣзжайте къ мужику навстрѣчу и отбейте у него нашего батюшку, не кладите нашъ родъ въ такомъ позорѣ». Мужья ихъ, сильные богатыри, поѣхали противъ свѣторусскаго богатыря; кони у нихъ добрые, копья острыя, и хотятъ они Илью на копьяхъ поднять. И увидѣлъ Соловей-разбойникъ, и сталъ говорить: «Зятья мои милые! не позорьтесь вы и не дразните такого сильнаго богатыря, чтобы всѣмъ вамъ не принять отъ него смерти; лучше съ покорностію попросите его въ домъ мой выпить чару зелена вина». По просьбѣ зятей поворотилъ Илья въ домъ, не вѣдая ихъ злобы. Большая дочь подняла желѣзную на цѣпяхъ подворотню, чтобъ пришибить. Но Илья усмотрѣлъ ее на воротахъ, ударилъ копіемъ и ушибъ до смерти.

И какъ пріѣхалъ Илья-Муромецъ въ Кіевъ градъ, въѣзжаетъ прямо на княженецкой дворъ и входитъ въ палаты бѣлокаменныя, Богу молится и князю кланяется. Князь кіевской спрашиваетъ: «Скажи, доброй мо́лодецъ, какъ тебя зовутъ и изъ котораго города ты

уроженецъ?» Отвѣтъ держитъ Илья-Муромецъ: «Меня, государь, зовутъ Илюшкою, а по отечеству Ивановъ, уроженецъ города Мурома, села Карачарова». Князь спрашиваетъ: «Которою дорóгою ѣхалъ ты изъ Мурома?» — «На Черниговъ-градъ, и подъ Черниговомъ побилъ войска басурманскія, что и смѣты нѣтъ, и очистилъ Черниговъ градъ; и оттуда поѣхалъ прямою дорóгою, и взялъ сильнаго богатыря Соловья-разбойника и привелъ его съ собою у стремени булатнаго». Князь, осердясь, сказалъ: «Что ты обманываешь!» Какъ услышали это богатыри Алеша Поповичъ и Добрыня Никитичъ, они бросились смотрѣть и, увидѣвъ, князя увѣрили, что справедливо такъ. И приказалъ князь поднести чару зелена вина доброму мóлодцу. Захотѣлось князю разбойническаго свисту послушать. Илья князя со княгинею обернулъ въ шубу соболью и, поставя ихъ подъ мышки, призвалъ Соловья и приказалъ въ полсвиста засвистать соловьемъ. А Соловей-разбойникъ засвисталъ во весь разбойнической свистъ и оглушилъ богатырей такъ, что они упали на полъ; и за то убилъ его Илья-Муромецъ.

Илья-Муромецъ назвался съ Добрынею Никитичемъ братьями. И осѣдлали они своихъ добрыхъ коней и поѣхали въ чистыя поля гулять, и ѣздили ровно три мѣсяца, не нашли себѣ супротивника. Только наѣхали въ чистомъ полѣ: идетъ калѣчище[1] прохожій; гуня[2] на немъ въ пятьдесятъ пудъ, шляпа въ девять пудъ, костыль въ десять сажонъ. Илья-Муромецъ сталъ на него коня напущать, и хочетъ отвѣдать съ нимъ своей силы богатырскія. И увѣдалъ калѣчище прохожій Илью-Муромца и говоритъ: «Ой ты еси, Илья-Муромецъ! по-

[1]) Калика — нищій, просящій милостыню пѣніемъ псалмовъ и духовныхъ пѣсней.

[2]) Гуня — худая одежда, рубище; поддёвка, иногда рубашка.

мнишь ли, мы съ тобою въ одной школѣ грамотѣ учились, а нынѣ ты на меня, такова калику, напускаешь коня, какъ на нѣкоего непріятеля; а того ты не вѣдаешь, что во славномъ городѣ Кіевѣ великая невзгодушка учинилась: пріѣхалъ невѣрной сильной богатырь Идолища нечестивой, голова у него съ пивной котелъ, а въ плечахъ сажень, промежъ бровьми пядь, промежъ ушей калена стрѣла, а ѣстъ онъ по быку, а пьетъ онъ по котлу; и князь кіевской вельми о тебѣ соболѣзнуетъ, что ты его въ эдакой печали оставилъ. Нарядясь въ калѣчищино платье, ѣдетъ Илья-Муромецъ прямо на княженецкой дворъ, и закричалъ богатырскимъ голосомъ: «Ой еси ты, князь кіевской! сошли мнѣ, калѣчищу прохожему, милостыню». И увидѣлъ его князь и говоритъ такову рѣчь: «Поди ко мнѣ въ палаты, калѣчища! я тебя накормлю-напою и золотой казны на дорогу дамъ». И вошелъ калѣчище въ палаты и сталъ у печи — поглядываетъ. Идолища проситъ ѣсть. Принесли ему быка цѣлаго жаренаго, а онъ его и съ костьми съѣлъ. Идолища проситъ пить. Принесли котёлъ пива, а несли двадцать человѣкъ; и онъ взялъ его за уши и выпилъ весь. Илья-Муромецъ говоритъ: «Была у моего батюшки кобыла обжорлива, обожралась и издохла!» Идолища не утерпѣлъ и говоритъ: «Ой еси ты, калѣчища прохожій! что ты меня замаешь[1]? Мнѣ тебя нечего и въ руки взять! Ни то, что ты, — каковъ былъ у васъ Илья-Муромецъ, я бы и съ тѣмъ стычку далъ». — «Да вотъ каковъ онъ!» сказалъ Илья-Муромецъ, и схватилъ съ себя шляпу и ударилъ его въ голову тихонько — только прошибъ стѣну палатъ, и взялъ туловище (Идолищино) — туда къ выкинулъ. И за то князь Илью-Муромца почтилъ великими похвалами и причёлъ въ сильные могучіе богатыри

Напечатана съ лубочнаго изданія.

[1]) Замать — трогать.

Илья-Муромецъ и змѣй

Не въ которомъ царствѣ, не въ которомъ государствѣ жилъ-былъ мужичокъ и съ хозяюшкою. Живётъ онъ богатой рукой, всего у него довольно, капиталъ хорошій имѣетъ. И говорятъ они промежъ собой, сидя съ хозяйкою: «Вотъ, хозяйка! довольно всего у насъ, только у насъ дѣтей нѣту; станемъ просить Бога, авось Господи намъ создастъ дѣтище хотя бы напослѣдяхъ, при старости». Стали просить Бога, и забрюхатѣла она, и время пришло — родила дѣтище. Прошёлъ годъ, и два, и три года прошли, ноги у него не ходятъ, а должно бъ ему ходить; восемнадцать годовъ прошло — всё безъ ногъ сидитъ. Вотъ пошёлъ отецъ съ матерью на покосъ убирать сѣно, и остался сынъ одинъ. Приходитъ къ нему нищенской братія и проситъ у него милостыньку: «Хозяинушка! сотвори старичку Господню милостыньку Христа ради!» Вотъ онъ ему и говоритъ: «Старичокъ Господень, не могу я тебѣ подать милостыньку, я безъ ногъ». Вошёлъ старичокъ въ избу: «Нутка, говоритъ, встань-ка съ постели, дай мнѣ ковшичекъ». Вотъ, взявши, далъ ему ковшичекъ. «Поди, говоритъ, принеси мнѣ водицы». Принёсъ ему воды и подаётъ въ ручки: «Извольте, старичокъ Господень!» Вотъ онъ ему назатъ и отдаётъ: «Выпей, говоритъ, въ ковшѣ всеё воду». Опять посылаетъ онъ его за водою: «Опять сходи, принеси другой ковшикъ воды». Шедши онъ за водою, за которое дерево ни ухватится — изъ корню выдернетъ. Старичокъ Господень и спрашиваетъ у него: «Слышишь ли теперь въ себѣ силу?» — «Слышу, старичокъ Господень! Сила теперь во мнѣ есть большая: кабы утвердить въ подвселенну такое кольцо, я бы смогъ поворотить подвселенную». Какъ принёсъ онъ другой ков-

шикъ, старичокъ Господень выпилъ полковша, а другую половину далъ ему выпить: силы у него и поубавилось: «Будетъ, говоритъ онъ: съ тебя и этой силы!» Помолился старичокъ Господень Богу и пошёлъ домой: «Оставайся, говоритъ, съ Богомъ!»

Скучно ему лежать, и пошёлъ онъ копать въ лѣсъ, свою силу пробовать. И ужехнулся народъ, что онъ сдѣлалъ, сколько лѣсу накопалъ! Вотъ идетъ и отецъ съ матерью съ покосу. Что это такое? лѣсъ весь вырытъ; кто такой вырылъ? Подходятъ ближе. Жена и говоритъ своему мужу: «Хозяинъ, вѣдь это нашъ Илюшенька роетъ!» — «Дура, говоритъ онъ: не можетъ нашъ Илюшенька это сдѣлать; пустяки, что это нашъ Илюшенька!» И подошли къ нему: «Ахъ, батюшка ты нашъ, какъ тебѣ Господь создалъ это!» Вотъ и говоритъ Илья: «Пришёлъ ко мнѣ старичокъ Господень, милостыньку просить сталъ: я ему и отвѣчаю: старичокъ Господень, не могу я тебѣ милостыньку подать: я безъ ногъ. Вотъ онъ ко мнѣ и пришёлъ къ избу; путка, говоритъ, встань-ка съ постели, дай мнѣ ковшичекъ. Всталъ я и далъ ему ковшичекъ. Поди, говоритъ, принеси мнѣ водицы. Принёсъ ему воды и подалъ въ ручки. Выпей, говоритъ старичокъ: въ ковшѣ всеё воду. Выпилъ — и стала во мнѣ сила великая!»

Вотъ сходятся мужики на улицу, говорятъ промежъ собою: «Вона какой онъ сталъ сильный, могучій богатырь (называютъ эдакъ мужики Илью)! вишь онъ надѣлалъ каку ко́пать! надобно, говорятъ, въ городѣ объявить про него». Вотъ узналъ объ немъ и государь, что есть такой сильный, могучій богатырь; призвалъ его къ себѣ, и показался[1] онъ государю, и нарядилъ его государь въ платье, како слѣдуетъ. И показался онъ всѣмъ, и служить сталъ хорошо. Вотъ и говоритъ государь:

[1]) Понравился, полюбился.

«Сильный, могучій ты богатырь! подымешь ли мой дворецъ подъ уголъ?» — «Извольте, ваше царское величество! хошь на бокъ, какъ угодно подыму его». Вотъ у царя дочь прекрасная, красавица такая, что не можно вздумать, ни взгадать, ни въ бумагѣ перомъ написать. И показалась она ему оченно, и хочетъ съ ней обвѣнчаться.

Вотъ какъ-то государь и поѣхалъ въ друго царство къ королю къ другому. Пріѣзжаетъ къ другому королю, а у другого короля тоже весьма хороша дочь, и повадился къ ней змѣй летать объ двѣнадцати головъ, всеё её изсушилъ: совсѣмъ извелась! Вотъ государь и говоритъ этому королю: «У меня есть такой сильный, могучій богатырь, онъ убьётъ змѣя объ двѣнадцати головъ». Король и проситъ: «Пожалуйте — ко мнѣ его пришлите». Вотъ какъ пріѣхалъ онъ въ свое государство, и разговариваетъ съ своей государыней: «У эдакого-то короля повадился змѣй объ двѣнадцати главъ летать къ дочери, всеё её извелъ, изсосалъ». И говоритъ: «Илья Ивановичъ! не можешь ли ты послужить, его убить?» — «Извольте, ваше царское величество, могу; я его убью». Вотъ государь и говоритъ: «На почтѣ поѣдешь и трактами пойдёшь, такъ и такъ-то возьмешь». — «Я верхомъ одинъ поѣду, пожалуйте мнѣ жеребца». — «Войди въ конюшню, говоритъ ему государь: выбирай любого». А дочь проситъ его въ другой комнатѣ: «Не ѣздите, Илья Ивановичъ; васъ убьетъ змѣй объ двѣнадцати головахъ, не сможете съ нимъ сладить». Онъ и говоритъ: «Извольте оставаться и ничего не думать; я пріѣду въ сохранности и въ добромъ здоровьѣ». Пошёлъ въ конюшню жеребца себѣ выбирать; пришёлъ къ жеребцу къ первому, наложилъ на жеребца руку, тотъ спотыкнулся; перепробовалъ всѣхъ жеребцовъ въ конюшнѣ: на котораго ни наложитъ руку — всякой спотыкается, ни

одинъ не удержитъ. Пришёлъ къ самому послѣднему жеребцу — такъ, въ забросѣ стоялъ — ударилъ его по спинѣ рукой; онъ только заржалъ. И говоритъ Илья: «Вотъ мой вѣрный слуга, не спотыкнулся!» Приходитъ къ государю: «Выбралъ, ваше царское величество, себѣ жеребца, слугу вѣрнаго». Отпущаютъ его съ молебномъ, со добрыми порядками.

Сѣлъ на добраго коня, ѣхалъ долго ли, мало ли, подъѣзжаетъ къ горѣ: прекрутая, большая гора, и на ней все песокъ; насилу въѣхалъ. На горѣ стоитъ столбъ, на столбѣ подписано три дороги: по одной ѣхать — самъ сытъ будешь, конь голоденъ; по другой дорогѣ ѣхать — конь сытъ, самъ голоденъ; по третьей дорогѣ ѣхать — самого убьютъ. Вотъ онъ взялъ да и поѣхалъ по этой дорогѣ, по которой самого убьютъ; а онъ на себя надѣялся. Долго ли, мало ли ѣхалъ лѣсами дремучими: не можно взглянуть — такой лѣсъ! а тутъ сдѣлалась въ лѣсу елàнь[1] такая широкая, а на ней стоитъ избушка. Подъѣзжаетъ онъ къ избушкѣ и говоритъ: «Избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ». Избушка поворотилася, стала къ лѣсу задомъ, къ нему передомъ. Слѣзаетъ онъ съ добраго коня и привязываетъ его къ столбу. И услышала это баба-ега, и говоритъ: «Кто такой невѣжа пріѣхалъ? Русскаго духу и дѣтъ мой и прадѣтъ не слыхали, а теперьча и сама русской духъ хочу очьми видѣть». Вотъ взявши ударила она жезломъ по двери, и дверь отворилась. А у ней въ рукахъ коса кривая, и хочетъ она ею взять богатыря за шею и срѣзать ему голову. «Постой, баба-ега! говоритъ онъ: я съ тобой поправлюсь». Взялъ у ней выдернулъ косу эту изъ рукъ, схватилъ её за волосы, ударилъ её, и говоритъ: «Ты бы прежде спросила, какой я фамиліи, какого роду и какого поведенія, и куда ѣду». Вотъ она и

[1]) Поляна въ лѣсу.

спрашиваетъ: «Какой вы фамиліи, какого роду и куда ѣдете?» — «Меня зовутъ Илья Ивановичъ, а ѣду туда-то». — «Пожалуйте, говоритъ, Илья Ивановичъ, ко мнѣ въ горницу». Вотъ онъ и пошёлъ къ ней въ горницу; она сажаетъ его за столъ, ставитъ на столъ кушанья и напитки всякіе и потчиваетъ, а дѣвушку послала баньку топить для него. Вотъ покушалъ онъ и выпарился, перестоялъ у неё сутки, и собирается опять въ путь-дорогу, куда надлежитъ. «Извольте, говоритъ баба-ега: я напишу письмо къ сестрицѣ, чтобы она васъ не тронула, а приняла бы съ честью съ хорошею . . . А то она васъ убьетъ, какъ завидитъ!» Отдаётъ ему письмо и провожаетъ его съ честью доброю, хорошею. Вотъ садится богатырь на добраго коня, и поѣхалъ лѣсами дремучими; ѣхалъ много ли, мало ли: не можно взглянуть — такой лѣсъ! и пріѣзжаетъ на елань — такая широкая слàнь, а на ней стоитъ избушка наслана. Подъѣзжаетъ онъ къ избушкѣ и слѣзаетъ съ добрá коня, и привязываетъ своего добра коня къ столбу: Услышала это баба-ега, что онъ привязываетъ къ столбу коня, и закричала: «Что такое? Русскаго духу и дѣтъ мой, и прадѣтъ не слыхали, а таперьча и сама русской духъ очьми хочу видѣть». Вотъ она ударила жезломъ по двери; дверь отворилася. И хватаетъ она его саблею по шеи; онъ и говоритъ: «Ты не моги со мною барахтаться! вотъ тебѣ письмо сестрица прислала». Она прочитала и принимаетъ его честью къ себѣ въ домъ: «Пожалуйте ко мнѣ въ гости!» Идетъ Илья Ивановичъ. Она сажаетъ его за столъ, и становитъ на столъ кушанья всякія, напитки и наѣдки[1], потчиваетъ, а сама послала дѣвушку топить для него баньку. Покушавши, пошёлъ, выпарился въ банѣ. Двое сутокъ онъ у ней перестоялъ, самъ отдохнулъ, и добрый конь его отдохнулъ. Сталъ на добра

[1]) Сласти.

коня садиться, и провожаетъ она его съ честью: «Ну, Илья Иванычъ, говоритъ, теперича тебѣ не проѣхать; тутъ Соловей-разбойникъ ждётъ, на семи дубахъ у него гнѣздо свито, онъ не допуститъ на тридесять верстъ — свистомъ оглушитъ!»

Вотъ онъ ѣхалъ долго ли, мало ли, подъѣзжаетъ къ тому мѣсту, что послышалъ свистъ отъ Соловья-разбойника, и какъ до половины дороги доѣхалъ, конь его споткнулся. Вотъ онъ и говоритъ: «Не спотыкайся, добрый конь! ужъ послужи мнѣ». Подъѣзжаетъ къ Соловью-разбойнику, онъ всё свищетъ. Подъѣхавши къ гнѣзду, взялъ стрѣлу, натянулъ и пустилъ въ него — и упалъ Соловей съ гнѣзда. Вотъ онъ его на землѣ и ударилъ однова[1], чтобы не до смерти убить, и посадилъ къ себѣ въ корока[2] на сѣдло, и ѣдетъ къ дворцу. Видятъ его изъ дворца и говорятъ: «Соловей-разбойникъ везётъ кого-то въ корокахъ!» Подъѣзжаетъ богатырь ко дворцу и подаетъ бумагу. Подали королю отъ него бумагу; тотъ прочиталъ и приказалъ его впустить. Вотъ и говоритъ король Ильѣ Иванычу: «Велите Соловью-разбойнику засвистать». А Соловей-разбойникъ говоритъ: «Вы бы накормили и напоили Соловья-разбойничка: у меня уста запеклися». Вотъ и принесли ему вина, а онъ и говоритъ: «Что мнѣ штофикъ! вы бы бочёночекъ принесли мнѣ порядочный». Принесли ему бочёнокъ вина, вылили въ ведро. Онъ выпилъ заразъ и говоритъ: «Еще бы Соловью-разбойничку двѣ ведёрочки, такъ выпилъ бы!» — да ужъ не дали ему. И проситъ король: «Ну, прикажи, говоритъ, ему засвистать», а короля и всю его фамилію поставилъ къ себѣ подъ руки, подъ мышки: «А то (говоритъ) онъ оглушитъ васъ!» Какъ засвисталъ Соловей-разбойникъ, насилу остановилъ его Илья Ива-

[1]) Одинъ разъ.
[2]) Торока — мѣшокъ, сума за сѣдломъ.

нычъ, ударилъ его жезломъ — онъ и пересталъ свистать, а то было попадали всѣ!

Вотъ и говоритъ король Ильѣ Иванычу: «Послужишь ты мнѣ вотъ эдакую службу, какъ я стану тебя просить? къ моей дочери вотъ литаетъ змѣй о двѣнадцати головъ; какъ бы его убить?» — «Извольте, ваше королевское величество! что для васъ угодно — всё сдѣлаю». — «Пожалуйста, Илья Ивановичъ; вотъ въ такомъ-то часу прилититъ змѣй къ моей дочери, такъ постарайся!» — «Извольте, ваше королевское величество! . . .» Лежитъ королевна въ своей комнатѣ; въ двѣнадцать часовъ и летитъ къ ней змѣй. Вотъ и стали они драться: какъ ни ударитъ Илья, такъ съ змѣя голова долой; какъ ни ударитъ, голова долой! Дрались много ли, мало ли время, осталась одна голова; и послѣднюю голову съ него сшибъ: ударилъ жезломъ и расшибъ её всю. Радёхонька же королевна встала, пришла къ нему и его благодарила; доложила отцу съ матерью, что убитъ змѣй: всѣ де головы посбивалъ! Король и говоритъ: «Благодарю тебя; изволь послужить сколько-нибудь у меня». — «Нѣтъ, говоритъ, я поѣду въ свое государство». Отпустилъ его королъ отъ себя съ честью хорошею. Вотъ онъ и поѣхалъ опять тою же дорогою. Какъ пріѣхалъ къ первой бабѣ-егѣ ночевать, приняла она его съ честію; и къ другой пріѣхалъ, и та приняла его съ честью со всякою. Пріѣхалъ въ свое государство, и подалъ государю отъ того короля бумагу. И государь принялъ его съ честію, а дочь государева насилу дождалася: «Ну, тятинька, извольте, я за него замужъ пойду». Отецъ съ ней воли не снялъ: «Ну, коли угодно, такъ поди!» Обвѣнчалися и теперича живутъ.

Сообщена П. В. Кирѣевскимъ.

Василій Буславичъ

Жилъ-былъ Буславъ девяносто годовъ, живучи Буславъ переставился[1]. Остается его любима молода жена Ванильфа Тимоѳеевна, остается у нёё младъ сынъ Василій Буславичъ. И сталъ этотъ сынъ Василій Буславичъ съ малыми ребятками поигрывати: у кого руку о́торветъ, у кого голову ро̀сколетъ. Отдала Ванильфа Тимоѳеевна своего сына любимаго старику Угрумищу учить — во ли́сты писать; а выучился Василій Буславичъ не во ли́сты писать, а выучился соколомъ летать. Вотъ однажды у старика Угрумища сдѣлались пиръ и бесѣда; онъ не позвалъ на него своего любимца Василья Буславича. Пришелъ самъ Василій Буславичъ на пиръ на бесѣду, изъ передняго угла гостей повыхваталъ, со скамеечки повыдергалъ. проводилъ на новы сѣни чернымъ вязомъ. Старша̀ Угрумища осерчалъ на него, на своего любимца, и сказалъ ему: «Ты не сѣкчи́, молодой сѣктунъ! тебѣ не выпить изъ Оби воды, не выбить изъ граду людей; выпьешь изъ Оби воду, выбьешь изъ граду людей — вотъ тебѣ пятьсотъ рублей!» Пришелъ нашъ Василій Буславичъ домой къ своей матери и говоритъ: «Ахъ, матушка родимая! я въ молодыхъ лѣтахъ расхвастался, съ старшо́мъ Угрумищей разссорился». Мать взяла его пьянаго напоила и въ тёмную тёмницу заложила. Вотъ народъ собрался съ нимъ воевать, а́ онъ въ тёмницѣ спитъ да спитъ, ничего не знатъ. Женщина по́ воду ходила, и ему въ окошко закричала: «Что, говоритъ, Василій Буславичъ! спишь, ничего не знашь; я, говоритъ, по́ воду ходила, сколько людей коромысломъ прибила!» Василій Буславичъ, услыхавъ эти слова, вышибъ каменную стѣну у тём-

[1]) Т.-е. преставился, умеръ.

ницы и пошелъ народъ-силу бить. Старша Угрумища и возмо́лился ему: «Гой ли ты, Василій Буславичъ! уходи, говоритъ, свое сердце ретивое, утоли плеча богатырскія: я тебѣ пятьсотъ сулилъ, а теперь отдамъ всю тысячу!» Вотъ Василій Буславичъ смиловался, и пошелъ къ своей матери: «Ахъ, говоритъ, матушка родимая! я сегодня много крови пролилъ, много народу побилъ!» Вотъ мать на него осерчала, сдѣлала ему корабь, набрала людей, и отправила по́ морю; сказала ему, чтобъ ѣхалъ онъ, куда хочетъ, и рукой вслѣдъ махнула. Василій Буславичъ приплылъ на зеленые луга. Тутъ лежитъ морская пучина — вокругъмъ глаза. Онъ вокругъ неё похаживаетъ, сапожкомъ се попинываетъ; а она ему и говоритъ: «Василій Буславичъ! не пинай меня, и самъ тутъ будешь». Вотъ послѣ этого рабочіе его расшутились межъ собой и стали скакать черезъ морскую пучину. Всѣ перескочили, а онъ скокнулъ напослѣдкѣ и задѣлъ ее только пальцемъ правой ноги, да тутъ и померъ.

Напечатано по списку изъ Пермской губ.

177

Алеша-Поповичъ

На небесахъ зародился младъ-свѣтѣлъ мѣсяцъ, на землѣ-то у стараго соборнаго у Леонтья-попа зародился сынъ — могучій богатырь; а имя нарекли ему младъ Алёша-Поповичъ — имячко хорошенькое. Стали Алёшу кормить-поить; у кого недѣльной, онъ денной такой; у новы́хъ[1] годовой, Алёша недѣльной такой. Сталъ Алёша по улочкѣ похаживати, сталъ съ малыми ребятками поигрывати: кого возьметъ за ручку — ручка прочь, кого за

[1]) Т.-е. иныхъ.

ножку — ножка прочь: игра-то у него некорыстно пошла! кого за серёдку возьметъ — живота лишитъ. И сталъ Алёша на возрастѣ; учалъ у отца-матери просить благословеньица: ѣхать-гулять во чисто́ поле. Отецъ говоритъ: «Алёша-Поповичъ! поѣзжаешь ты во чисто́ поле; есть у насъ и посильнѣй тебя; ты возьми себѣ въ слу́ги вѣрные Мары́шка Паранова сына». И садились добры молодцы на добрыхъ коней; какъ поѣхали они во чисто́ поле — пыль столбомъ закурилася: только добрыхъ мо́лодцевъ и видѣли!

Пріѣзжали добры мо́лодцы ко князю ко Владиміру; тутъ Алёша-Поповичъ прямью́ идетъ въ бѣлокаменны палаты ко князю ко Владиміру, крестъ кладетъ по-писанному, поклапяется по-ученому на всѣ на четыре стороны, а князю Владиміру на особицу. И встрѣчаетъ добрыхъ мо́лодцевъ Владиміръ-князь, и сажаетъ ихъ за дубовый столъ: хорошо добрыхъ мо́лодцевъ попоить-покормить и вта̀поръ вѣстей поспросить; учали добры мо̀лодцы ѣсть пряники печатные, запивать винами крѣпкими. Тутъ спросилъ добрыхъ мо́лодцевъ Владиміръ-князь: «Кто вы, добры мо́лодцы? сильные ли богатыри удалые, или путники перехожіе-сумки перемётныя? Не знаю я вамъ ни имени ни отчины». Отвѣтъ держитъ Алёша-Поповичъ: «Я сынъ стараго соборнаго Леонтья-попа Алёша-Поповичъ младъ, а въ товарищахъ слуга Марышко Парановъ сынъ». Какъ поѣлъ да попилъ Алёша-Поповичъ, учалъ пра̀виться на кирпичну печь, лёгъ полудновать, а Марышко за столомъ сидитъ. Въ тѣ поры да въ то времячко паѣзжалъ Змѣевичъ-богатырь и облатынилъ все царство князя Владиміра. Идетъ Тугаринъ-Змѣевичъ въ палаты бѣлокаменны ко князю Владиміру; онъ лѣвой ногой на порогъ ступилъ, а правой ногой за дубовый столъ; онъ пьетъ и ѣстъ и съ княгиней обнимается, а надъ княземъ

Владиміромъ играется и ругается; онъ кладетъ ковригу за щеку, а другую за другую кладетъ; на языкъ кладетъ цѣлаго лебедя, пирогомъ попихнулъ — все вдругъ проглотнулъ. Лежитъ Алёша-Поповичъ на кирпичной печи́ и говоритъ такія рѣчи Тугарину-Змѣевичу: «Было у нашего батюшки у стараго у Леонтья-попа — было коровищё, было обжорищё, ходило по пивоварнямъ и съѣдало цѣлыя кадцы пивоварныя съ гущею; дошло коровищё, дошло обжорищё до озера, всю воду изъ озера выпило — взяло его тутъ и рòзорвало; а и тебя бы Тугарина такъ за столомъ-то всего прѝрвало!» Разсердился Тугаринъ на Алёшу-Поповича, бросилъ въ его булатнымъ ножомъ; Алёша-Поповичъ увертливъ былъ, увернулся отъ его за дубовый столбъ. Говоритъ Алёша таково слово: «Спасибо тебѣ, Змѣевичъ-Тугаринъ-богатырь; подалъ ты мнѣ булатный ножъ; распорю я тебѣ груди бѣлыя, застелю я тебѣ очи ясныя, засмотрю я твоего ретивà сердца». Въ тѣ поры выскакалъ Марышко Парановъ сынъ изъ-за стола изъ-за дубоваго на рѣзвы ноги и хватилъ Тугарина за нàворотъ, выхватилъ изъ-за стóлья и бросилъ о палату бѣлокаменну — и посыпались оконницы стекольчатыя. Какъ возгòворитъ Алёша-Поповичъ съ кирпичной печи: «Ой ты, Марышко, Марышко, Парановъ сынъ, ты вѣрная слуга непзмѣнная!» Отвѣчаетъ Марышко Парановъ сынъ: «Подай-ка ты мнѣ, Алёша-Поповичъ, булатный ножъ; распорю я Тугарину-Змѣевичу груди бѣлыя, застелю я ему очи ясныя, засмотрю его ретива сердца». Отвѣтъ держитъ Алёша съ кирпичной печи: «Охъ ты, Марышко Парановъ сынъ! не ру́ди[1] ты палатъ-то бѣлокаменныхъ, отпусти его во чистò поле; некудà онъ тамъ дѣвается; съѣдемся съ нимъ зàутро во чистомъ полѣ».

[1]) Не кровавь.

Поутру ранымъ-ранёшенько подымался вмѣстяхъ съ солнышкомъ Марышко Парановъ сынъ, выводилъ онъ рѣзвыхъ коней пить воды на быстру рѣку. Летаетъ Тугаринъ-Змѣевичъ по поднебесью и проситъ Алёшу-Поповича во чисто́ поле. И пріѣзжалъ Марышко Парановъ сынъ къ Алёшѣ-Поповичу: «Богъ тебѣ судья, Алёша-Поповичъ! не далъ ты мнѣ булатнаго ножа; распоролъ бы я поганцу груди бѣлыя, застлалъ бы я его очи ясныя, высмотрѣлъ бы я его ретива сердца; теперя что возьмешь у него у Тугарина? летаетъ онъ по поднебесью». Говоритъ Алёша таково слово: «Не замѣна моя, все измѣна!» Выводилъ Алёша своего добра коня, обсѣдлалъ во черкасское сѣдло, подтянулъ двѣнадцатью подпругами шелковыми — не ради басы[1], ради крѣпости; поѣхалъ Алёша во чисто́ поле. Ѣдетъ Алёша по чисту полю и видитъ Тугарина-Змѣевича: онъ леталъ по поднебесью. И взмолился Алёша-Поповичъ: «Пресвятая мати Богородица! накажи-то ты тучу черную; дай Богъ изъ тучи чёрной часта дождичка крупенистаго! смочило бы у Тугарина крылыца бумажныя». У Алёши была мольба доходная: накатилася туча чёрная; изъ той тучи грозной далъ Богъ дождичка частаго, частаго да крупенистаго, и смочило у Тугарина крылыца бумажныя; палъ онъ на сыру землю и поѣхалъ по чисту полю. Не двѣ горы вмѣстѣ скатаются, то Тугаринъ съ Алёшей съѣзжалися; палицами ударились — палицы по чи́вьямъ[2] поломалися, копьями соткнулися — копья чи́вьямъ извернулися, саблями махнулися — сабли исщербилися. Тутъ-то Алёша-Поповичъ валился съ сѣдла, какъ овсяной снопъ; и тутъ Тугаринъ-Змѣевичъ учалъ бить Алёшу-Поповича, а тотъ ли Алёша увертливъ былъ, увернулся Алёша подъ конное чѐрево,

[1]) Красоты, щегольства.
[2]) Чивье — рукоятка.

съ другой стороны вывернулся изъ-подъ черева и ударилъ Тугарина булатнымъ ножомъ подъ правую пазуху. и спихнулъ Тугарина со добра коня. и учалъ Алёша-Поповичъ кричать Тугарину: «Спасибо тебѣ. Тугаринъ-Змѣевичъ, за булатный ножъ; распорю я тебѣ груди бѣлыя. застелю я твои очи ясныя. засмотрю я твоего ретива сердца». Отрубилъ ему Алёша буйну голову, и повезъ онъ буйну голову ко князю ко Владиміру; ѣдетъ да головушкой поигрываетъ, высоко головушку выметываетъ, на востро копье головушку подхватываетъ. Тутъ Владиміръ ополóхнулся[1]: «Везетъ де Тугаринъ буйну голову Алёши-Поповича! Поплѣнитъ онъ теперь наше царство христіанское!» Отвѣтъ держитъ Марышко Парановъ сынъ: «Не тужи ты, красно солнышко-Владиміръ стольный кіевскій! Если ѣдетъ пó земли, а не летаетъ по поднебесью поганый Тугаринъ. сложитъ онъ свою буйну голову на мое копье булатное; не печалуйся, князь Владиміръ: какова порà — я съ имъ побратаюся!» Посмотрѣлъ тутъ Марышко Парановъ сынъ въ трубочку подзорную, опозналъ онъ Алёшу-Поповича: «Вижу я ухватку богатырскую, поступку молодецкую: нáкруто Алёша коня поворачиваетъ, головушкой поигрываетъ. высоко головушку выметываетъ, на востро копье головушку подхватываетъ. Ѣдетъ это не Тугаринъ поганый, а Алёша-Поповичъ, сынъ Леонтья-попа стараго соборнаго; везетъ онъ головушку поганаго Тугарина-Змѣевича».

Записана въ Шенкурскѣ, Архангельской губ., г. Харитоновымъ.

178

Данило Безсчастный

Въ городѣ Кіевѣ у нашего князя Владиміра много слугъ и крестьянъ, да былъ при немъ Данило Безсчастной-дворянинъ: придетъ день воскресной — Вла-

[1]) Испугался, устрашился.

диміръ-князь всѣмъ по рюмкѣ горькаго подастъ, а ему въ горбъ да въ горбъ; придетъ большой праздникъ — кому награда, а ему все ничего! Наканунѣ было Свѣтлаго воскресенія, во Страстную субботу зоветъ Владиміръ-князь Данилу Безсчастнаго, отдаетъ ему на руки сорокъ сороковъ соболей, велитъ къ празднику шубу сшить: соболь не дѣланъ, пуговицы не литы, петли не виты; въ пуговицахъ наказано лѣсныхъ звѣрей заливать, въ петляхъ заморскихъ птицъ зашивать. Опостылѣла Данилѣ Безсчастному работа, бросилъ — пошелъ за ворота, пошелъ ни путемъ ни дорогою, и слезно плачетъ. Идетъ ему навстрѣчу старая старуха: «мотри, Данило, не распороть бы те брюха! О чемъ ты, Безсчастной, плачешь?» — «Ахъ, ты, старая пузырьница — пузырёмъ ж . . . заплачена, лихорадкой подхвачена! поди прочь, мнѣ не до тебя!» Отошелъ немного и думаетъ: «Зачѣмъ я ее разбранилъ!» Сталъ къ ней подходить и такія рѣчи говорить: «Бабушка-голубушка! прости меня; вотъ мое горе: далъ мнѣ Владиміръ-князь сорокъ сороковъ недѣланныхъ соболей, чтобъ заутра шуба поспѣла; были бы часты пуговицы литыя, шелковыя петли витыя; въ пуговицахъ были бы львы золотые, а въ петляхъ были бы птицы заморскія завитыя — пѣли бы, распѣвали! А гдѣ мнѣ того взять? Лучше за стойкой чарку водки держать!» Говоритъ ему старуха-заплатано брюхо: «А, теперь бабушка-голубушка! поди же ты къ синему морю, стань у сырого дуба; въ самую полночь синё море всколыхается, выйдетъ къ тебѣ Чудо-Юда, морская гу́ба, безъ рукъ, безъ ногъ, съ сѣдой бородою; ухвати его за́ бороду и бей по тѣхъ поръ, пока Чудо-Юда спроситъ: за что ты, Данило Безсчастной, бьешь меня? а ты отвѣчай: хочу, чтобъ явилась передо мной Лебедь-птица, красная-дѣвица! сквозь перьевъ бы тѣло виднѣлось, сквозь тѣла бы кости казались, сквозь

костей бы въ примѣту было, какъ изъ косточки въ косточку мозгъ переливается, словно жемчугъ пересыпается». Пришелъ Данило Безсчастной къ синю морю, сталъ у сырà дуба. Въ самую полночь синё море всколыхалося, вышло къ нему Чудо-Юда, морская гýба, безъ рукъ, безъ ногъ — одна борода сѣдая! Ухватилъ его Данило за ту бороду и принялся бить о сырую землю. Спрашиваетъ Чудо-Юда: «За что ты бьешь меня, Данило Безсчастной?» — «А вотъ за что: дай мнѣ Лебедь-птицу, красную дѣвицу! сквозь перьевъ бы тѣло виднѣлось, сквозь тѣла бы — косточки, а изъ косточки въ косточку мозгъ бы переливался, словно жемчугъ пересыпался».

Черезъ малое время плыветъ Лебедь-птица, красная дѣвица; приплываетъ къ берегу и говоритъ таково слово: «Что, Данило Безсчастной, отъ дѣла лытаешь, али дѣла пытаешь?» — «Ахъ, Лебедь-птица, красная дѣвица! гдѣ отъ дѣла лытаю, а гдѣ вдвое пытаю. Вотъ Владиміръ-князь далъ мнѣ шубу сшить: соболь не дѣланъ, пуговицы не литы, петли не биты!» — «Возьмешь ли меня за себя? втѣпоры все будетъ сдѣлано!» Началъ онъ думу думать: какъ возьму ее за себя? «Ну, Данило, что думаешь?» — «Нечего дѣлать, возьму за себя». Она крылушками махнула, головкой кивнула — вышли двѣнадцать мóлодцовъ, все плотники, шильщики, каменщики, и принялись за работу: сейчасъ и домъ готовъ! Берётъ ее Данило за правую руку, цѣлуетъ во уста сахарныя и ведётъ въ палаты княжескія; сѣли они за столъ, пили-ѣли, прохлаждалися, за однимъ столомъ обручалися. «Теперь, Данило, ложись-почивай, ни о чемъ не помышляй! все будетъ готово». Уложила его спать, сама вышла на хрустальной крылецъ, крылушками махнула, головкой тряхнула: «Родимой мой батюшка! подавай мнѣ своихъ мастеровъ». Явились двѣнадцать мóлод-

цевъ и спрашиваютъ: «Лебедь-птица, красная дѣвица! что прикажешь дѣлать?» — «Сейчасъ сшейте мнѣ шубу: соболи не дѣланы, пуговицы не литы, петли не виты». Принялись за работу: кто соболь дѣлаетъ да шубу шьетъ, кто куетъ — пуговицы льетъ. а кто петли вьетъ, и вмигъ шуба на диво сработана. Лебедь-птица, красная дѣвица подходитъ и будитъ Данилу Безсчастнаго: «Вставай, милой другъ! шуба готова. а въ городѣ Кіевѣ у князя Владиміра слышенъ благовѣстъ; время тебѣ подняться, къ заутренѣ убраться». Данило всталъ, надѣлъ шубу и пошелъ. Она глянула въ окошечко, остановила, дала ему серебряну трость, и наказываетъ: «Какъ выйдешь отъ заутрени — ударь ею въ грудь, весело птицы запоютъ, грозно львы заревутъ. Ты сымай шубу съ своихъ плечъ да уряди князя Владиміра въ тотъ часъ, не забывалъ бы онъ насъ. Станетъ онъ тебя въ гости звать, станетъ чару вина подавать — не пей чару до дна, а выпьешь до дна — не увидишь добра! Да не хвались ты мною; не хвались, что за едину ночь домъ построили съ тобою». Данило взялъ трость и отправился; она опять его воротила, подаетъ ему три яичка: два серебряныя, одно золотое, и говоритъ: «Серебряными похристосуйся со княземъ, со княгинею, а золотымъ — съ кѣмъ тебѣ вѣкъ прожить». Распростился съ нею Данило Безсчастной и пошелъ къ заутренѣ. Всѣ люди удивляются: «Вотъ Данило Безсчастной каковъ! и шуба поспѣла у него къ празднику». Послѣ заутрени подходитъ онъ ко князю со княгинею, началъ христосоваться, и вынулъ нечаянно золотое яйцо. Увидалъ это Алёша Поповичъ, бабій пересмѣшникъ. Стали расходиться изъ церкви. Данило Безсчастной ударилъ себя въ грудь серебряной тростью — птицы запѣли, львы заревѣли, всѣ удивляются, на Данилу глядятъ; а Алёша Поповичъ, бабій пересмѣшникъ, перерядился нищимъ-

калікою и проситъ святой милостинки. Всѣ ему подаютъ, только одинъ Данило Безсчастной стоитъ да думаетъ: что я-то подамъ? нѣтъ ничего! Ради праздника великаго подалъ ему золотое яичко. Алёша Поповичъ, бабій пересмѣшникъ, взялъ то золотое яйцо, и переодѣлся во свое платье прежнее. Владиміръ-князь позвалъ всѣхъ къ себѣ на закуску. Вотъ они пили-ѣли, прохлаждалися, собой величалися. Данило пьянъ напивается, спьяну женой похваляется. Алёша Поповичъ, бабій пересмѣшникъ, сталъ на пиру хвастаться, что онъ знаетъ Данилину жену; а Данило говоритъ: «Коли ты знаешь мою жену — мнѣ рубить голову, а коли не знаешь — тебѣ рубить голову!»

Пошелъ Алёша — куды глаза глядятъ; идетъ да плачетъ. Попадается ему навстрѣчу старая старуха: «О чемъ ты плачешь, Алёша Поповичъ?» — «Отойди, старуха-пузырница! мнѣ не до тебя». — «Ладно же, пригожусь и я тебѣ!» Вотъ онъ началъ ее спрашивать: «Бабушка родимая! что ты мнѣ сказать хотѣла?» — «А, теперь бабушка родимая!» — «Да вотъ я похвастался, что знаю жену Данилину . . .» — «И-и, батюшка! гдѣ тебѣ ее знать? туда мелкая пташка не залётывала. Поди ты къ такому-то дому, зови ее къ князю обѣдать; она станетъ умываться, собираться, положитъ на окно цѣпочку; ту цѣпочку ты унеси, и покажь ее Данилѣ Безсчастному». Вотъ подходитъ Алёша къ косящету окну, зоветъ Лебедь-птицу, красную дѣвицу, на обѣдъ къ князю; она стала было умываться, наряжаться, на пиръ собираться; въ то самое время унёсъ Алёша цѣпочку, побѣжалъ во дворецъ и сказалъ ее Данилѣ Безсчастному. «Ну, Владиміръ-князь! говоритъ Данило Безсчастной: вижу теперь, что надо рубить мою голову; позволь мнѣ домой сходить да съ женой проститься». Вотъ приходитъ домой: «Ахъ, Лебедь-птица, красная дѣвица, что я

надѣлалъ: спьяну тобой похвалился, своей жизни лишился!» — «Все знаю, Данило Безсчастной! Поди зови къ себѣ въ гости и князя съ княгинею, и всѣхъ горожанъ. А станетъ князь отзываться на пыль да на грязь, пынѣ де пути недобрые, спнё море всколыхалося, топи зыбкія открылися, — ты скажи ему; не бойся, Владиміръ-князь! черезъ топи, черезъ рѣки строены мосты калиновые, переводины дубовыя, устланы мосты сукнами багровыми, а убиты все гвоздями полужёными: у добра мо́лодца сапогъ не запылится, у его коня копыто не замарается!» Пошелъ Данило Безсчастной гостей звать, а Лебедь-птица, красная дѣвица, выступила на крылечко, крылушками тряхнула, головкой кивнула — и сдѣлала мостъ отъ своего дома до палатъ князя Владиміра: весь устланъ сукнами багровыми, а убитъ гвоздями полужёными; по одну сторону цвѣты цвѣтутъ, соловьи поютъ, по другую сторону яблоки спѣютъ, фрукты зрѣютъ. Срядился князь со княгинею въ гости и поѣхалъ въ путь-дорогу со всѣмъ храбрымъ воинствомъ. Къ первой рѣкѣ подъѣхалъ — славное пиво бѣжитъ; около того пива много солдатъ попадало. Къ другой рѣкѣ подъѣхалъ — славной медъ бѣжитъ: больше половины войска храбраго тому меду поклонилося, на́ бокъ повалилося. Къ третьей рѣкѣ подъѣхалъ — славное вино бѣжитъ: тутъ офицеры кидалися, до́пьяна напивалися. Къ четвертой рѣкѣ подъѣхалъ — бѣжитъ крѣпкая водка, тому же вину тётка; оглянулся князь назадъ, всѣ генералы на боку лежатъ. Остался князь самъ-четвертъ: князь со княгинею, Алёша Поповичъ, бабій пересмѣшникъ, да Данило Безсчастной. Пріѣхали гости званые, вошли въ палаты высокія, а въ палатахъ столы стоятъ кленовые, скатерти шелковыя, стулья раскрашёные; сѣли за столъ — много было разныхъ кушаньевъ, а напитковъ заморскихъ не бутыли, не штофы — рѣки

цѣлыя протекли! Князь Владиміръ со княгинею не пьютъ ничего, не кушаютъ, только смотрятъ: когда жъ выйдетъ Лебедь-птица, красная дѣвица? Долго за столомъ сидѣли, долго ее поджидали: время и домой собираться. Данило Безсчастной звалъ ее разъ, и другой, и третій — нѣтъ, не пошла къ гостямъ. Говоритъ Алёша Поповичъ, бабій пересмѣшникъ: «Если бы это сдѣлала моя жена, я бъ ее научилъ мужа слушать!» Услыхала то Лебедь-птица, красная дѣвица, вышла на крылечко, молвила словечко: «Вотъ де какъ мужей учатъ!» крылушкомъ махнула, головкой кивнула, взвилась-полетѣла, и остались гости въ болотѣ на кочкахъ: по одну сторону море, по другую — горе, по третью — мохъ, по четвертую — охъ! Отложи, князь, спесь! изволь на Данилу верхомъ сѣсть. Пока до палатъ своихъ добрàлись, съ головы до ногъ грязью измарались! Захотѣлось мнѣ тогда князя со княгиней повидать, да стали со двора пихать; я въ подворотню шмыгъ — всю спину сшибъ!

Записана въ Оренбургской губ., Уфимскомъ у.

179

Василій-царевичъ и Елена Прекрасная

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь Иванъ, и у того царя былъ братъ Василій-царевичъ — ни въ чемъ ему счастья не было! Самый царь на него распрогнѣвался и выгналъ изъ своего дому; съ той поры и прозвали его несчастнымъ Васильемъ-царевичемъ; наконецъ дошелъ онъ до такой бѣдности, что не имѣлъ у себя даже новой одёжи. Приходитъ праздникъ Христовъ день; наканунѣ того дня ходитъ весь народъ царя поздравлять, а царь для того праздника даритъ кого деньгами, кого чѣмъ. Вотъ въ самую-таки Страстную субботу шелъ Василій-царевичъ

куда-то по улицѣ, и попадается ему навстрѣчу бабка-голубая шапка и говоритъ: «Здравствуй, Василій-царевичъ! что ходишь невеселъ, что головушку повѣсилъ?» А онъ ей въ отвѣтъ: «Ахъ, бабка-голубая шапка! какъ мнѣ быть радостному? приходитъ эдакой праздникъ, всѣ имѣютъ хорошую одёжу; а я, царской братъ, не имѣю ничего, даже и разговѣться нечѣмъ». — «Поди же ты, говоритъ она царевичу: къ брату Ивану-царю и попроси, чтобы онъ тебя пожаловалъ — чѣмъ-нибудь да подарилъ». Василій-царевичъ послушался: вошелъ онъ въ царскую комнату, увидалъ его братъ и спрашиваетъ: «Что скажешь, Василій-Несчастной?» — «Я пришелъ до тебя, братецъ, сказалъ Василій-царевичъ: для эдакаго праздника ты всѣхъ даришь, а меня еще ничѣмъ не пожаловалъ». Въ это время было у царя много всякихъ генераловъ, и началъ царь надъ братомъ смѣяться, говоритъ ему: «Чѣмъ я тебя, дурака, подарю? чѣмъ пожалую?» И выноситъ ему царь подарочекъ: сорокъ сороковъ черныхъ соболей, и еще даритъ золота на пуговицы, шелку на петельки: «Вотъ тебѣ, братъ, и подарочекъ! сшей изъ него тулупъ ко христовской заутренѣ, и чтобъ въ каждой пуговицѣ было по райской птицѣ, по коту заморскому!» Поблагодарилъ его Василій-царевичъ, заплакалъ и пошелъ; не радъ и подарку сталъ. Вотъ онъ идетъ да идетъ по улицѣ, и попадается ему опять навстрѣчу бабка-голубая шапка; спрашиваетъ его: «Чѣмъ, Василій-царевичъ, подарилъ тебя братецъ?» — «Ой, бабка-голубая шапка! подарилъ мнѣ братъ сорокъ сороковъ черныхъ соболей, чистаго золота на пуговицы и зеленаго шелку на петельки; велѣлъ сшить ко христовской заутренѣ шубу, и чтобы въ каждой пуговицѣ райскія птицы пѣли и коты заморскіе мяукали. Говоритъ бабка-голубая шапка: «Иди за мной, Василій-царевичъ! не тужи и не печалься». Идутъ они путемъ-дорожкой, и

близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли — приходятъ ко дворцу Елены Прекрасной; говоритъ бабка-голубая шапка: ты, Василій-царевичъ, останься за воротами; а я пойду къ Еленѣ Прекрасной и буду за тебя сватать». Входитъ она къ Еленѣ Прекрасной въ комнату, и сказываетъ: «Матушка Елена Прекрасная! я пришла сватать тебя за Василья-царевича». Елена Прекрасная спрашиваетъ бабку-голубую шапку: «А гдѣ же Василій-царевичъ?» Она отвѣчаетъ: «Василій-царевичъ остался за воротами; не спросясь, не смѣетъ взойти». Елена Прекрасная тотчасъ приказала взойти Василью-царевичу, глянула на него, и онъ ей весьма понравился; посылала она царевича въ другую комнату, давала ему двухъ слугъ, и почитала его женихомъ своимъ; а бабка-голубая шапка говоритъ: «Ахъ, матушка Елена Прекрасная! ему братъ подарилъ на тулупъ сорокъ сороковъ чёрныхъ соболей, чистаго золота на пуговицы, зеленаго шёлку на петельки, и приказалъ ко христовской заутренѣ шубу сшить, и чтобы въ каждой пуговицѣ пѣли птицы райскія, кричали коты заморскіе». Елена Прекрасная, выслушавъ, отвѣчаетъ бабкѣ, что все будетъ готово. Бабка-голубая шапка распростилась и ушла. Подъ вечеръ Елена Прекрасная выходитъ на свой крылецъ и кричитъ: «Гой еси, братецъ, Ясёнъ-Соколъ, лети ко мнѣ скоро-нàскоро, время-нà-время!» И вотъ прилетаетъ Ясёнъ-Соколъ, ударился о крылецъ и сдѣлался удалъ молодецъ. «Здравствуй, сестрица!» — «Здравствуй, братецъ!» Коё о чемъ потолковали, посудачили; наконецъ Елена Прекрасная сказала своему братцу: «Я выбрала себѣ жениха, Василья-царевича; сшей ты ему тулупъ ко христовской заутренѣ». Отдаетъ ему сорокъ сороковъ чёрныхъ соболей, чисто золото на пуговицы и зеленой шёлкъ на петельки, и нàкрѣпко наказываетъ, чтобы въ каждой пуговицѣ пѣли птицы райскія и мяу-

кали коты заморскіе, и чтобы тулупъ непремѣнно былъ готовъ вò-время. «Не безпокойся, сестрица! все будетъ сдѣлано». А Василій-царевичъ того и не вѣдаетъ, что завтра будетъ съ обновою. Только заблаговѣстили заутреню, прилетѣлъ Ясёнъ-Соколъ, ударился о крылецъ, сдѣлался удалъ доброй молодецъ; сестрица выходитъ встрѣчать брата, а онъ отдаетъ ей готовой тулупъ. Поблагодарила Елена Прекрасная своего братца за такую услугу, отослала эту одёжу къ Василью-царевичу и приказала надѣть. Обрадовался царевичъ, нарядился и приходитъ въ комнату Елены Прекрасной. Она тотчасъ приказала заложить въ повозку лошадей, чтобы ѣхать къ заутренѣ; передъ отъѣздомъ отдала ему три яичка: «Первымъ яичкомъ похристосовайся съ протопопомъ, второе отдай брату Ивану-царю, а третье тому, кто тебѣ больше милъ; а въ церкву войдешь — становись впереди своего братца родного». Пріѣзжаетъ онъ къ заутренѣ и становится, какъ ему велѣно, попереди брата. Царь не узналъ его, самъ съ собой думаетъ: что это за человѣкъ? приказываетъ своему генералу подойти поближе и спросить поучтивѣе: кто онъ таковъ? Генералъ подходитъ и спрашиваетъ Василья-царевича: «Царь приказалъ узнать: царь ли вы царевичъ, король ли вы королевичъ, или сильный могучій богатырь?» Онъ ему отвѣчаетъ: «Я здѣшній». На отходѣ заутрени Василій-царевичъ сталъ напередъ христосоваться съ протопопомъ; похристосовавшись, отдаетъ ему яичко; идетъ потомъ къ брату Ивану-царю и говоритъ: «Христосъ воскресе, братецъ!» Тотъ отвѣчаетъ: «Во истину воскресе!» И отдаетъ ему Василій-царевичъ другое яичко: оставалось у него еще одно. Выходитъ онъ изъ церкви, попадается ему Алёша Поповичъ: «Христосъ воскресе, Василій-царевичъ!» — «Во истину воскресе!» Пристаетъ Алёша Поповичъ: «Давай яичко». — «Нѣтъ у

меня», отвѣчаетъ Василій-царевичъ; пришелъ домой, похристосовался съ Еленой Прекрасной, и отдалъ ей третье яичко. Она говоритъ: «Ну, Василій-царевичъ! а я не думала, чтобъ ты мнѣ оставилъ яичко; теперь я согласна выйти за тебя замужъ, поѣзжай просить своего братца на свадьбу къ намъ». Василій-царевичъ поѣхалъ къ брату; тотъ ему шибко обрадовался. Сталъ Василій-царевичъ просить его на свадьбу къ себѣ; а братъ спрашиваетъ: «Гдѣ жъ ты берешь невѣсту?» — «Я беру невѣсту Елену Прекрасную». Вотъ сыграли они свадьбу; послѣ той свадьбы сдѣлалъ Иванъ-царь пиръ на весь міръ и позвалъ брата Василья-царевича съ женой Еленой Прекрасною. Время приходитъ на пиръ идти, зоветъ Василій-царевичъ жену свою; она говоритъ: «Василій-царевичъ! я такъ хороша, что боюсь, какъ бы меня не изурочили; поѣзжай лучше одинъ». Пріѣзжаетъ къ брату Василій-царевичъ, а тотъ спрашиваетъ: «Что же ты одинъ пріѣхалъ, а не съ женою?» — «Она нездорова, братецъ!» Вотъ они много ли, мало ли пировали, и подгулявши, каждой изъ гостей началъ хвалиться: у этого то хорошо, у другого другое; а Василій-царевичъ молчитъ, ничѣмъ не хвалится. Подходитъ къ нему братъ и спрашиваетъ: «Ты, братецъ, что сидишь, ничѣмъ не похвалишься?» — «Да чѣмъ похвалюсь я?» говоритъ Василій-царевичъ. «Ну, хоть тѣмъ похвались, что жена у тебя хороша». — «Да, правда твоя, братецъ! жена у меня хорошая». Вдругъ подбѣгаетъ къ Васильюцаревичу Алёша Поповичъ и говоритъ: «Ну, ужъ хороша! я съ нею безъ тебя ночь спалъ». Тутъ всѣ гости сказали: «Коли ты спалъ съ нею, такъ подп же, съ нею выпарься въ банѣ и принеси имянное ея кольцо; тогда мы повѣримъ. А не принесешь кольца — поведемъ тебя на висѣлицу». Нечего дѣлать, пошелъ Алёша Поповичъ, самъ запечалился. Идетъ онъ путемъ-дорожкою; попа-

дается ему навстрѣчу бабка-голубая шапка и спрашиваетъ: «Что ты, Алёша, такъ печаленъ?» — «Какъ мнѣ не печалиться! Похвалился я у царя, что съ Еленой Прекрасною ночь переспалъ; тутъ всѣ гости сказали: коли ты съ нею спалъ, такъ поди же съ нею выпарься въ банѣ и принеси имянное ея кольцо: а не принесешь — велимъ тебя повѣсить». — «Не печалься, пойдемъ со мною!» говоритъ бабка. Приходятъ они къ дому Елены Прекрасной; бабка-голубая шапка Алёшу Поповича оставляетъ за воротами, а сама подлѣзла въ подворотню, вошла въ сѣни, глядь — а перстень имянной тутъ на лавкѣ лежитъ: позабыла его Елена Прекрасная въ то самое время, какъ послѣ отдыха умывалась. Сохватила старая это кольцо, отдала его Алёшѣ Поповичу, да велѣла ему зайти на рѣку, намочить водой голову, будто въ банѣ былъ. Онъ то и сдѣлалъ. Приходитъ къ царю во дворъ, показываетъ всѣмъ имянное кольцо. Василій-царевичъ крѣпко огорчился, тотчасъ поѣхалъ домой, и продалъ Елену Прекрасную купцамъ за сто рублей. Въ городѣ, куда увезена Елена Прекрасная, померъ царь, и поэтому былъ кличъ, чтобы всѣ сходились въ тотъ городъ выбирать царя; а царей выбирали такъ: кто войдетъ въ церковь со свѣчкой и коли свѣча сама затеплится, тому и царемъ быть. Всѣ перепробовали свое счастье, свѣча ни у кого не затеплилась. Елена Прекрасная услыхала про то и думаетъ себѣ: «Дай и я пойду, попробую своего счастья». Одѣвается она въ мужскую одёжу, беретъ въ руки свѣчу и идетъ въ церковь; только взошла въ церковь, у ней тотчасъ свѣча и затеплилась. Всѣ обрадовались и посадили ее на царство. Стала она царствовать, и не забыла распровѣдать о своемъ мужѣ Васильѣ-царевичѣ, гдѣ онъ и какъ поживаетъ? Узнала, что онъ крѣпко по ней скучаетъ, и послала за нимъ пословъ. Вотъ когда онъ пріѣхалъ да разсказалъ, какъ и

что было, — Елена Прекрасная догадалась, кто были виновники ихняго горя, и помирилась съ мужемъ. Послали они за Алёшой Поповичемъ, и онъ во всемъ имъ сознался, что кольцо отдала ему бабка-голубая шапка, а онъ насказалъ у царя на Елену Прекрасную нарочно, потому де что христосовался онъ съ Васильемъ-царевичемъ да проспалъ у него яичко, а царевичъ ему не далъ. Послали и за бабкою-голубою шапкою; когда ее привезли, тотчасъ начали допрашивать: зачѣмъ она украла у Елены Прекрасной имянное кольцо? «Затѣмъ, сказала, что ты, Елена Прекрасная, хотѣла меня поить-кормить три года, да не исполнила». Тутъ повелѣли Алёшу Поповича и бабку-голубую шапку разстрѣлять; а Василью-царевичу Елена Прекрасная поручила царство, и стали они жить-поживать да добра наживать.

Записана въ Оренбургской губ.

180
Балдакъ Борисьевичъ

Во славномъ городѣ во Кіевѣ, у царя у Владиміра собирались князья и бояре и сильномогучіе богатыри на почестной пиръ. Возговорилъ Володиміръ-царь таково слово: «Гой есте, мои ребята! собирайтеся, сокопляйтеся за единой столъ». Собиралися за единой столъ, вполсыта наѣдалися, вполпитья напивалися, и возговорилъ Володиміръ-царь: «Кто бы сослужилъ мнѣ службу великую: съѣздилъ за тридевять земель, въ тридесятое царство, къ самому салтану турецкому — увести у него коня златогриваго, вышивка багроваго (?), убить кота-бахаря[1], самому салтану турецкому въ глаза наплевать?» Выбирался доброй мо̀лодецъ Илья-Муромецъ, сынъ Ивановичъ. У царя у Владиміра была дочь возлюблен-

[1]) Бахарь — баюнъ, говорунъ.

ная; возговоритъ она таково слово: «Гой еси, мой батюшко Володиміръ-царь! хоша хвалится Илья-Муромецъ, сынъ Ивановичъ, не сослужить ему этой службы! Распусти, батюшко, почестной пиръ; поди искать по своему граду по царевымъ кабакамъ млада Балдака, сына Борисьевича, отроду семилѣтняго». И послушалъ царь своей дочери, пошелъ искать млада Балдака, сына Борисьевича, и нашелъ въ кабакѣ — спитъ подъ лавкою. Ткнулъ его носкомъ Володиміръ-царь; оттого Балдакъ скочилъ ото сна, какъ ни въ чемъ не бывалъ. «Гой еси, Володиміръ-царь! къ чему меня требуешь?» На то отвѣчалъ ему Володиміръ-царь: «Прошу тебя на почестной пиръ». — «Недостоинъ я на почестной пиръ идти; въ кабакахъ я запиваюся, подъ ногами валяюся». Возговоритъ ему Володиміръ-царь таково слово: «Когда на пиръ зову, надо идти; есть до тебя нужда великая». И посылаетъ его младъ Балдакъ, сынъ Борисьевичъ, изъ кабака обратнымъ путемъ въ чердаки[1] царскіе, а я де скоро за тобой буду. Оставался Балдакъ одинъ въ кабакѣ, опохмелялся тутъ зеленымъ виномъ, сколько требовалось, и пошелъ къ царю Владиміру въ чердаки бездокладочно; крестъ кладетъ онъ по-писанному, поклонъ ведетъ по-ученому: поклоняется на всѣ стороны, самому царю въ особину. «Здравствуй, Володиміръ-царь! на что меня требовалъ?» Отвѣчаетъ ему Володиміръ-царь: «Гой еси, младъ Балдакъ, сынъ Борисьевичъ! сослужи мнѣ службу великую: сходи за тридевять земель, въ тридесятое царство, къ салтану турецкому; уведи у него коня златогриваго, вышничка багроваго, убей кота-бахаря, самому салтану турецкому въ глаза наплюй. Бери съ собой народу-силы, сколько надобно; бери золотой казны, сколько хочется!» И возговоритъ младъ Балдакъ, сынъ Борисьевичъ: «Ужъ ты гой еси,

[1]) Терема.

Володиміръ-царь! дай мнѣ силы только двадцать девять мо́лодцевъ, а самъ я тридцатой буду». Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается; отправлялся младъ Балдакъ, сынъ Борисьевичъ, во путь во дорожку къ салтану турецкому; приноровился пріѣхать въ самую полночь. Вошелъ на салтанской дворъ, увелъ изъ конюшни коня златогриваго, вышничка багроваго, схватилъ кота-бахаря, разорвалъ его на́двое, самому салтану глаза заплевалъ. А былъ у салтана турецкаго любимой садъ — на три версты; всякія древа въ саду понасажены. всякіе цвѣты произвѣдены. Младъ Балдакъ, сынъ Борисьевичъ, приказалъ своимъ товарищамъ, двадцати девяти мо́лодцамъ, весь садъ повалить-вырубить; а самъ досталъ огоньку да тѣмъ огнемъ выжегъ все на́чисто, да поставилъ тридцать бѣлыхъ, тонкихъ полотняныхъ шатровъ. Поутру ранёшенько просыпается отъ сна турецкой салтанъ; былъ у него первый взглядъ на свой на любимой садъ, и какъ скоро взглянулъ — видитъ, что всѣ деревья порублены, повыжжены, а стоятъ въ саду тридцать бѣлыхъ полотняныхъ шатровъ. «Кто такой наѣхалъ ко мнѣ, думаетъ онъ про себя: царь ли царевичъ, или король королевичъ, или сильномогучій богатырь?» Закричалъ тутъ салтанъ громкимъ голосомъ своему любимому пашѣ турецкому, призываетъ къ себѣ его и возговоритъ таково слово: «Неблагополучно въ царствѣ моемъ! Дожидался я русскаго виновника — млада Балдака, сына Борисьевича; а теперь наѣхалъ на меня . . . царь ли царевичъ, или король королевичъ, или сильномогучій богатырь? — того не вѣдаю, и какъ свѣдать? — не придумаю». На тотъ совѣтъ выходитъ салтана турецкаго бо́льшая дочь и говоритъ своему отцу: «О чемъ вы совѣтуете, а узнать не можете? Охъ ты, батюшка турецкой салтанъ! дай-ка мнѣ свое благословеніе да прикажи выбрать во всемъ

царствѣ двадцать девять дѣвицъ; чтобы лучше ихъ по красѣ не было! я сама буду тридцатая, я пойду въ тѣ шатры полотняные ночь ночевать, и открою вамъ виновнаго». И на то отецъ согласился, и пошла она къ тѣмъ шатрамъ съ двадцатью девятью дѣвицами: лучше ихъ по красѣ во всемъ царствѣ не было! Выходитъ къ ней младъ Балдакъ, сынъ Борисьевичъ, взялъ ее за бѣлыя руки, и крикнулъ своимъ громкимъ голосомъ: «Эй вы, мо̀лодцы-товарищи! вы берите красныхъ дѣвицъ по рукамъ, ведите ихъ по своимъ шатрамъ и что знаете — то и дѣлайте!» Переспали вмѣстѣ е́диную ночь; на утро воротилась къ салтану турецкому его бо̀льшая дочь, говоритъ ему: «Гой еси, любезный батюшка! прикажи изъ бѣлыхъ полотняныхъ шатровъ всѣмъ тридцати мо̀лодцамъ къ тебѣ въ домъ прійти; я сама укажу виновника». Въ тотъ часъ посылаетъ салтанъ турецкой къ тѣмъ шатрамъ своего любимаго пашу, чтобы по̀звалъ къ нему потребовалъ млада Балдака, сына Борисьевича, со всѣми его товарищами. Вышли изъ шатровъ тридцать мо̀лодцевъ; всѣ на одинъ ликъ, словно братцы родные, волосъ — въ волосъ, голосъ — въ голосъ! И говорятъ послу таково слово: «Ступай назадъ, а мы за тобой скоро будемъ!» Младъ Балдакъ, сынъ Борисьевичъ. молвилъ своимъ ребятамъ: «Нѣтъ ли на мнѣ какой зна̀чки? осмотрите всего». И оказалось на немъ: по колѣнъ ноги въ золотѣ, по локоть руки въ сѐребрѣ. «Она хитра, а я разѣ того не разумѣю!» сказалъ Балдакъ и сдѣлалъ у всѣхъ своихъ товарищей такую же значку: по колѣнъ у ребятъ ноги въ золотѣ, по локоть руки въ сѐребрѣ; велѣлъ имъ надѣвать на руки перчатки: «Какъ заѣдемъ къ салтану въ домъ, безъ приказу моего никто не сымай!» Вотъ пришли они къ салтану въ домъ; выступаетъ его бо̀льшая дочь и узнаетъ виновника млада Балдака, сына Борисьевича. Говоритъ ей Балдакъ: «Ты

почемъ меня признаешь — по какимъ уликамъ?» Отвѣчаетъ салтанова бо́льшая дочь: «Скинь-ка съ ноги сапогъ да съ руки перчатку: тутъ у меня зна́чка положена — по колѣнъ ноги въ золотѣ, по локоть руки въ сѐребрѣ» — «Развѣ у насъ такихъ мо́лодцевъ не бываетъ?» и приказываетъ младъ Балдакъ, сынъ Борисьевичъ, своимъ ребятамъ: «Скидавайте всѣ съ ноги по сапогу, съ руки по перчаткѣ!» Какая зна́чка у него, такая и у всѣхъ объявилась — въ покояхъ все осіяло! А салтанъ турецкой былъ добре милосливъ, на то дочери своей не повѣровалъ: «Врешь ты! мнѣ одинъ виновникъ надобенъ, а теперь по-твоему всѣ тридцать оказалися!» Приказалъ салтанъ турецкой: «Убирайтесь всѣ вонъ!»

Послѣ того еще больше закручинился, еще больше запечалился, и сталъ опять думать, со своимъ любимымъ пашою совѣтовать, какъ бы узнать имъ виновнаго? На тотъ совѣтъ выходитъ вторая салтанова дочь, и говоритъ салтану турецкому: «Дай мнѣ, батюшка, двадцать девять дѣвицъ; я сама буду тридцатая, пойду съ ними къ бѣлымъ полотнянымъ шатрамъ, переночую въ тѣхъ шатрахъ единую ночь и открою вамъ виновника». Сказано — сдѣлано. Поутру зоветъ салтанъ турецкой млада Балдака, сына Борисьевича, въ палаты къ себѣ, а зоветъ его съ товарищами чрезъ своего пашу любимаго. Отвѣчаетъ Балдакъ попрежнему: «Ступай назадъ, а мы скоро будемъ!» Какъ скоро ушелъ паша́, младъ Балдакъ вскричалъ своимъ громкимъ голосомъ: «Выходите изъ шатровъ всѣ мои товарищи, двадцать девять мо́лодцевъ; поглядите, нѣтъ ли на мнѣ какой зна́чки?» Тотчасъ всѣ изъ шатровъ выскочили и усмотрѣли у него на головѣ золотые волосы. Возговоритъ младъ Балдакъ, сынъ Борисьевичъ: «Она хитра, а разѣ я не разумѣю того!» Сдѣлалъ у всѣхъ мо́лодцевъ, равно какъ у себя, золотые волосы, и велѣлъ наложить шапки на буйныя

головы: «Какъ будемъ въ палатахъ у салтана турецкаго, безъ моего приказу никто не сымай!» Какъ скоро вошелъ младъ Балдакъ, сынъ Борисьевичъ, со своими товарищи, въ палаты салтанскія — сказалъ тутъ салтанъ своей средней дочери: «Узнавай, дочь любезная, которой — виновникъ?» А она знаетъ навѣрное — по тому самому, что переспала съ нимъ единую ночь; подходитъ прямо къ младу Балдаку и говоритъ: «Вотъ вамъ виновникъ!» Отвѣчаетъ на то младъ Балдакъ, сынъ Борисьевичъ: «Почемъ ты меня признаешь — по какимъ уликамъ?» — «Сними съ головы своей шапку; тутъ у меня знáчка сдѣлана — волосы золотые». — «А развѣ у насъ такихъ мóлодцевъ не бываетъ!» и приказалъ младъ Балдакъ всѣмъ своимъ ребятамъ скинуть шапки долой: объявились у нихъ золотые волосы — въ покояхъ все осіяло! Разсердился салтанъ на свою вторую дочь: «Неправда твоя! мнѣ одинъ виновникъ надобенъ, а по-твоему всѣ оказались!» и приказалъ: «Убирайтесь-ка изъ палатъ вонъ!»

Еще пуще запечалился-закручинился салтанъ турецкой; выходитъ третья меньшáя дочь и хулитъ двухъ старшихъ сестеръ, а сама у отца напрашивается: «Любезной мой батюшко! прикажи мнѣ выбрать двадцать девять дѣвицъ, — чтобъ лучше ихъ во всемъ царствѣ не было; я сама буду тридцатая, и узнаю тебѣ виновника». По прошенью своей младшей дочери исполнилъ салтанъ. Отправилась она къ тѣмъ же шатрамъ ночь ночевать. Выскочилъ тутъ младъ Балдакъ, сынъ Борисьевичъ, изъ своего шатра, беретъ салтанову дочь за бѣлыя руки и ведетъ къ себѣ; а своимъ мóлодцамъ вскричалъ громкимъ голосомъ: «Берите-ка, ребята, красныхъ дѣвицъ по рукамъ да ведите по своимъ шатрамъ». Переночевали ту ночь, и пошли дѣвицы на утро домой. Посылаетъ салтанъ за добрыми мóлодцами своего любимаго пашу.

Идетъ посолъ къ бѣлымъ полотнянымъ шатрамъ, зазываетъ млада Балдака съ товарищи въ палаты къ самому салтану турецкому. «Ступай назадъ, а мы за тобой скоро будемъ!» Возговоритъ младъ Балдакъ, сынъ Борисьевичъ, своимъ товарищамъ: «Ну, ребятушки! смотрите, нѣтъ ли на мнѣ какой знàчки?» Вездѣ высмотрѣли, вездѣ выглядѣли — не могли найти. «Ахъ братцы, видно я теперь погибъ!» и сталъ младъ Балдакъ просить, чтобъ сослужили ему службу послѣднюю; раздавалъ имъ по вострой саблѣ и велѣлъ держать подъ одёжею: «А какъ знакъ подамъ — руби во всѣ стороны!» Какъ скоро пришли они предъ салтана турецкаго, выступила его меньшая дочь, указала на млада Балдака: «Вотъ онъ виновникъ-то! Есть у него подъ пятой золотая звѣзда». И по тѣмъ рѣчамъ означилась у него подъ пятой золотая звѣзда. Высылалъ салтанъ турецкой изъ своихъ палатъ всѣхъ двадцать девять мòлодцевъ; оставлялъ одного виновника — млада Балдака, сына Борисьевича, закричалъ на него громкимъ, зычнымъ голосомъ: «Какъ возьму тебя, на одну ладонь посажу, да другой прихлопну — только мокренько будетъ!» Отвѣчаетъ ему младъ Балдакъ: «Гой есп, турецкой салтанъ! боялись тебя царицаревичи, короли-королевичи и сильномогучіе богатыри, а я, семилѣтній мальчишка, тебя не боюсь: увелъ у тебя коня златогриваго, вышничка багроваго, убилъ котабахаря, тебѣ салтану въ глаза наплевалъ, а еще порубилъ-повыжегъ твой любимой садъ!» Осерчалъ салтанъ больше прежняго, приказалъ своимъ служителямъ, чтобъ поставили на площади два столба дубовые, перекладину кленовую, а на той перекладинѣ три петли сготовили: первую шелковую, другую пеньковую, третью лычаную, и давалъ знать по всему городу, чтобы всѣ отъ малаго до великаго собирались на площадь смотрѣть, какъ будутъ казнить русскаго виновника. Самъ сал-

танъ турецкой садился въ легкую повозку, бралъ съ собой любимаго пашу и меньшую дочь, что открыла виновника; а млада Балдака связали, сковали, у ногъ посадили, и поѣхали прямо къ дубовымъ столбамъ. Вотъ дорогою завѣлъ младъ Балдакъ таковыя рѣчи: «Стану я загадки загадывать, а ты, салтанъ турецкой, отгадывай. Добро конь идетъ, на что хвостъ волочется?» — «Не дуракъ ли ты? отвѣчалъ салтанъ: конь съ хвостомъ и на свѣтъ родится». Немного проѣхали, говоритъ опять Балдакъ: «Переднія колеса конь везетъ, а заднія почто чортъ несетъ?» — «Вотъ дуракъ! наготово до смерти съ ума сошелъ, въ словахъ завирается! Мастеръ четыре колеса сдѣлалъ — четыре и катятся». Пріѣхали на площадь и вышли изъ повозки вонъ; взяли виновнаго, развязали, расковали, повели на висѣлицу. Младъ Балдакъ, сынъ Борисьевичъ, перекрестился, на всѣ стороны поклонился, и возговорилъ громкимъ голосомъ: «Гой еси, турецкой салтанъ! не прикажи казнить, прикажи слово вымолвить». — «Говори, что такое?» — «Есть у меня батюшкино подареньеце, матушкино благословеніе — игральной рожокъ. Прикажи мнѣ при послѣднемъ времени поиграть въ него: себя потѣшить и васъ повеселить!» — «Играй, играй при послѣднемъ времени!» Младъ Балдакъ заигралъ веселую — у всѣхъ разумъ помутился; заглядѣлись на него, заслушались, позабыли — зачѣмъ пріѣхали; у салтана языкъ не шевелится. Услыхали рожокъ двадцать девять молодцевъ, зашли съ заднихъ рядовъ, и давай вострыми саблями народъ сѣчь. Младъ Балдакъ до тѣхъ поръ игралъ, пока молодцы, его товарищи, не посѣкли весь народъ, пока не дошли они до самой висѣлицы. Тутъ младъ Балдакъ, сынъ Борисьевичъ, покинулъ играть и молвилъ салтану турецкому послѣднее слово: «Не ты ли дуракъ! обернись-ка, назадъ погляди: мои гуси твою пшеницу

клюютъ!» Салтанъ турецкой обернулся — весь народъ побитъ, на землѣ лежитъ; только и осталось ихъ трое при висѣлицѣ: самъ салтанъ съ дочерью да любимой паша. Младъ Балдакъ приказалъ своимъ мóлодцамъ повѣсить салтана въ петлю шелковую, любимаго его пашу въ пеньковую, а меньшую дочь въ лычаную. Тѣмъ дѣло свое покончили и отправились во славной городъ Кіевъ къ самому царю Владиміру.

Записана въ Новгородской губ.

181
Василиса-поповна

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ Василій-попъ. У него была дочь Василиса Васильевна. Одѣвалась она въ мужское платье, ѣздила верхомъ на лошади, стрѣляла изъ ружья, и все дѣлала совсѣмъ не по-дѣвичьи, такъ что очень немногіе знали, что она — дѣвушка, а думали, что она мужчина, и звали ее Василіемъ Васильевичемъ; а больше потому, что Василиса Васильевна была охоча до водки, а это, знашь, дѣвушкамъ совсѣмъ не къ лицу. Вотъ единова царь Бархатъ (такъ звали царя той стороны) поѣхалъ поохотиться за дичинкой, и ему навстрѣчу попалась Василиса Васильевна. Ѣхала она верхомъ въ мужской одёжѣ тоже за охотой. Царь Бархатъ, увидавъ ее, спрашиваетъ у своихъ слугъ: «Кто это такой молодой человѣкъ?» Одинъ слуга ему и отвѣчаетъ: «Это вѣдь, царь, не мужчина, а дѣвушка; мнѣ довѣдомо извѣстно, что это дочь попа Василія и что зовутъ ее Василисой Васильевной».

Лишь только царь Бархатъ воротился до двора, тотчасъ написалъ къ попу Василію грамотку, чтобы онъ своего сына Василія Васильевича отпустилъ къ нему въ

гости отвѣдать царскаго стола. А между тѣмъ самъ пошелъ къ бабушкѣ-задворинкѣ-ягишишнѣ, и давай ее выпытывать, какъ бы узнать, что Василій Васильевичъ точно дѣвушка. Бабушка-задворинка-ягишишна и говоритъ ему: «Ты по праву-то руку въ палатѣ своей повѣсь пяла[1], а по лѣву-то руку ружья; если она точно Василиса Васильевна, то когда взойдетъ въ палату — прежде всего хватится за пяла, а если — Василій Васильевичъ, то за оружія». Царь Бархатъ послушался бабушку-задворинку-ягишишну и велѣлъ своимъ слугамъ поставить въ палату пяла и развѣсить ружья. Какъ только грамотка царская дошла до отца Василія, и онъ показалъ ее своей дочери, тотчасъ Василиса Васильевна пошла на конюшій дворъ, осѣдлала для себя коня сиваго, коня сиваго-сивогриваго, и прямо бухъ къ царю Бархату на дворъ. Царь Бархатъ ее встрѣчаетъ; она по-учтивому Богу молится, по-писаному крестъ кладетъ, на всѣ четыре сторонушки поклонъ отдаетъ, съ царемъ Бархатомъ ласково здоровается, и входитъ съ нимъ въ царскія палаты. Сяли вмѣстѣ за столъ и давай пить питья пьяныя и ѣсть яствы сахарныя. Послѣ обѣда Василиса Васильевна стала съ царемъ Бархатомъ по палатамъ разгуливаться, и какъ только увидала пяла, то и учала царя Бархата осужать: «Что это, говоритъ, такое у тебя, царь Бархатъ, за дрянь? У моего батюшки эвдакаго дѣвичья шелепетья и видомъ не видать и слыхомъ не слыхать, а у царя Бархата дѣвичьё шелепетьё въ палатахъ вѣсится!» Потомъ она съ царемъ Бархатомъ по-учтивому распростилась и поѣхала домой. Царь не могъ извѣдать, что она точно дѣвушка.

Эдакъ дня черезъ два, не больше, царь Бархатъ посылаетъ опять къ попу Василію грамотку и проситъ его отпустить къ нему своего сына Василія Васильевича.

[1]) Пяльцы.

Тотчасъ, какъ только Василиса Васильевна услыхала объ этомъ, пошла на конюшій дворъ, осѣдлала для себя коня сиваго, коня сиваго-сивогриваго, и пахнула прямо къ царю Бархату на дворъ. Царь Бархатъ ее встрѣчаетъ. Она съ нимъ ласково здоровается, по-учтивому Богу молится, по-писанному крестъ кладетъ, на всѣ четыре сторонушки поклонъ отдаетъ. Царь Бархатъ, по наказу бабушки-задворинки-ягинишни, велѣлъ къ ужину сварить кашу и начинить ее жемчугомъ; вишь бабушка-то сказала ему, что если она точно Василиса Васильевна, то жемчугъ будетъ въ горсточку класть, а если — Василій Васильевичъ, то подъ столъ кидать. Вотъ подошло время и ужинать. Царь сѣлъ за столъ, а Василису Васильевну посадилъ по праву руку, и стали они пить питья пьяныя и ѣсть яствы сахарныя. Послѣ всего подали кашу, и какъ только Василиса Васильевна ее хлебнула и попалась ей жемчужина, она швыркъ ее подъ столъ вмѣстѣ съ кашею, и учала царя Бархата осуждать: «Что это, говоритъ, за дрянь такая въ кашѣ накладена? у моего батюшки эвдакаго дѣвичья шелепетья и видомъ не видать и слыхомъ не слыхать, а у царя Бархата дѣвичьё шелепетьё въ кушанье кладутъ!» Потомъ она съ царемъ Бархатомъ по-учтивому распростилась и поѣхала домой. Царь опять не могъ извѣдать, что она точно дѣвушка; а вить это больно ему хотѣлось.

Дня черезъ два царь Бархатъ, по наказу бабушки-задворинки-ягинишни, велѣлъ истопить баню; вишь бабушка-то сказала ему, что если она точно Василиса Васильевна, то въ баню вмѣстѣ съ царемъ не пойдетъ. Истопили баню.

Опять царь Бархатъ пишитъ къ попу Василію граматку, чтобы онъ своего сына Василія Васильевича въ гости къ нему отпустилъ. Какъ только Василиса Васильевна узнала объ этомъ, тотчасъ пошла на конюшій

дворъ, осѣдлала своего коня сиваго, коня сиваго-сивогриваго, и прямо бухнула къ царю Бархату на дворъ. Царь ее встрѣчаетъ на парадномъ крыльчикѣ. Она съ нимъ ласково здоровается и входитъ по бархатному коврику въ палаты: взошедъ въ оныя, по-учтивому Богу помолилась, по-писанному перекрестилась, на всѣ четыре сторонушки низехонько поклонилась; сяла съ царемъ Бархатомъ за столъ, и стала съ нимъ пить питья пьяныя и ѣсть яствы сахарныя. Послѣ обѣда царь и говоритъ: «Не въ угоду ли, Василій Васильевичъ, со мной въ баньку сходить?» — «Извольте, ваше царское величество! отвѣчаетъ Василиса Васильевна: я давнымъ-давно въ банѣ не бывалъ, и больно охочъ париться». Вотъ они и пошли вмѣстѣ въ баню. Поко́лесь царь Бархатъ разоблакался въ передбанкѣ, она въ ту пору успѣла искупаться, да и была такова! Царь не могъ и въ банѣ ее захватить. Василиса Васильевна, вышедъ изъ бани, писала межъ тѣмъ къ царю писульку и велѣла слугамъ отдать ему, когда онъ самъ выйдетъ изъ бани. А въ этой писулькѣ было написано: «Ахъ ты — ворона, ворона, царь Бархатъ! не умѣла ты, ворона, сокола въ саду сойматъ! а я вѣдь не Василій Васильевичъ, а Василиса Васильевна». Вотъ нашъ царь Бархатъ и остался на бобахъ[1]: вишь какая Василиса-то Васильевна была мудрая, да и лѣпообразная!

Записана штатнымъ смотрителемъ Ирбитскаго уѣзднаго училища Н. Тихановымъ.

182

Про Мамая-безбожнаго

На Русѣ было на православной княжилъ князь тутъ Дмитрій Ивановичъ. Засылалъ онъ съ даньёй русскаго

[1]) Въ рукописи г. Тиханова: «И остался на бобахъ, на голубыхъ щекахъ».

посла Захарья Тютрина къ Мамаю-безбожному, псу смердящему. Правится путемъ-дорогой русской посолъ Захарій Тютринъ; пришелъ онъ къ Мамаю-безбожному, псу смердящему: «Давай-примай, говоритъ, дань отъ русскаго князя Дмитрія Ивановича!» Отвѣчаетъ Мамай-безбожный: «Покуль не омоешь ногъ моихъ и не поцѣлуешь бахилъ[1], не приму я дани князя Дмитрія Ивановича». Взадь[2] отвѣчаетъ русской посолъ Захарко Тютринъ: «Чѣмъ бы съ дороги молодца напоить-накормить, въ банѣ выпарить, втѣпоръ вѣстей попросить, а ты, Мамай-безбожный, песъ смердящій! (за эвти-то слова раздуй твою утробу, толще угольной ямы!) того-пѣрво велишь мыть твои басурманскія ноги и цѣловать бахилы; не слѣдъ мыть ноги и цѣловать бахилъ русскому послу Захарью Тютрину! Пусть поганой татаринъ, Мамай-безбожный, буде есть вѣра, цѣлуетъ ноги русскаго посла Захарья Тютрина!» Разъярился собака-татаринъ, рвалъ свои чёрныя кудри, металъ пхъ наземь — по застолью, княжескія бумаги придралъ, и писалъ свои ярлыки скорописчатые: «Когда будетъ овесъ кудрявъ, баранъ мохнатъ, у коня подъ копытомъ трава и вода, втѣпоръ Мамай-безбожный будетъ съ святой Русью воевать: втѣпоръ мнѣ ни воды, ни хлѣба не надо!» Набралъ онъ изъ татаръ сильныхъ, могучихъ богатырей тридцать человѣкъ безъ одного, посылаетъ пхъ на нечестное побоище: «Пошли, говоритъ, слуги мои вѣрные! попервѣе русскаго посла Захарья Тютрина; дорогой уходите его въ темныхъ лѣсахъ, въ крутыхъ угорахъ, а тѣло вздымите на лѣсину въ откормку птицамъ». Правится путемъ-дорогой русской посолъ Захарій Тютринъ; пристигла его темна ночь на бору: не оснащается ночевать — одно идетъ впередъ.

[1]) Обувь, сапоги.
[2]) Наоборотъ.

Поутру, на восхожемъ солнушкѣ, видитъ русской посолъ Захарій Тютринъ: выходятъ изъ лѣсу тридцать безъ одного сильныхъ, могучихъ богатырей. Не у́робилъ Захарій Тютринъ поганыхъ татаровей, захватилъ обѣручъ корзова̀тую[1] ура̀зину[2] и ждетъ незванныхъ гостей. Ударили татаровья на̀ Захарья Тютрина, поставили на окру́гъ[3] добраго мо̀лодца. Учалъ Захарко поворачиваться, учалъ онъ уразинны̀й гостей чествовать: кого разъ ударитъ — грязьёй сдѣлаетъ. Невмоготу стало поганымъ татаровямъ супротивничать русскому послу Захарью Тютрину, учали они конаться[4] ему хорошими рѣчми: «Отпусти ты насъ живьёмъ, русской посолъ Захарій Тютринъ; не посмѣемъ больше перечить тебѣ!» Глядитъ Захарко на сильныхъ, могучихъ богатырей: изъ тридцати головъ безъ одной остались живы только пять головъ, да и тѣ уразинной испроломаны, кушаками головы завязаны; сжаля̀лся онъ надъ погаными нехристями, отпустилъ ихъ къ Мамаю-безбожному: «Правьтесь, говоритъ, скажите, каково обидѣть русскаго посла Захарья Тютрина». Ударилъ онъ своего добраго коня по крутымъ бедрамъ: конь по первый ускокъ сдѣлалъ сто саженёй печатныхъ, вторымъ ускокомъ версту промежъ ногами проложилъ, третьяго ускока на землѣ опятна̀ть не могли[5]. Смекнулъ дѣло путемъ-дорогой русской посолъ Захарій Тютринъ: напма̀лъ[6] онъ

[1]) Корявую.

[2]) Дубину.

[3]) Поставить на округъ — окружить, обстать кого со всѣхъ сторонъ, лишить средствъ къ побѣгу; такъ говорятъ: «Мы двоима съ собакой постановили медвѣдя на округъ», т.-е. съ одной стороны охотникъ, а съ прочихъ собака не позволяли звѣрю выйти изъ извѣстнаго круга.

[4]) Просить, умолять.

[5]) Опятнать значитъ, собственно, найти сбѣжавшаго коня по его слѣду на землѣ; въ настоящемъ же случаѣ опятнать — доправить, найти на землѣ слѣдъ копыт.

[6]) Наловилъ.

двѣнадцать ясныхъ соколовъ да тринадцать бѣлыхъ кречетовъ; перѣве того испри́дралъ[1] ярлыки Мамая поганаго, и писалъ свои листы скорописчаты; написавши, привязалъ къ птичьимъ хвостамъ и промолвилъ: «Ясные соколы и бѣлые кречеты! полетите вы ко князю ко Дмитрію Ивановичу въ каменну Москву, накажите, чтобъ Задонской князь Дмитрій Ивановичъ собиралъ по городамъ и селамъ и по дальнимъ деревнямъ рать-силу несмѣтную; оставлялъ бы по домамъ только слѣпыхъ да хромыхъ, да малыхъ ребятъ-недоростковъ — ихъ печа̀ловать. А я пойду, накажи́те, въ свое мѣсто, стану собирать мохначей, бородачей — донскихъ казаковъ».

Поутру́ было, на восхожемъ на солнушкѣ, пошли мо̀рока[2] по ясну небу, понесли съ собой частый, мелкій дождь со буйнымъ вѣтромъ со вихоремъ. Во шуму, во грому ничего ни чуть[3] стало, только чуть громкой зыкъ отъ терема княжескаго; Задонской князь Дмитрій Ивановичъ наказалъ кличъ кликать по всей Москвѣ бѣлокаменной: «Собирайтесь всѣ князья и бояра и сильные, могучіе богатыри и всѣ поленицы удалыя ко князю во свѣтлый теремъ на трапезу». Собирались со всѣхъ концовъ Москвы бѣлокаменной всѣ князи и бояра, сильные, могучіе богатыри и всѣ поленицы удалыя ко князю во свѣтлый теремъ на трапезу — послушать его разумныхъ рѣчей, а и того пуще — посмотрѣть его очи ясныя. Какъ матёрый дубъ промежъ тонкими кустами вересовыми[4], что вершиною въ небо ввивается — значи́тъ великой князь промежъ своими князьями и боярами. Не золота трубочка востру́била, Задонской князь Дмитрій Ивановичъ сталъ рѣчь держать: «Воины мои любимые! не на

---

[1]) Разодралъ.
[2]) Облака, тучи.
[3]) Не слышно.
[4]) Вересъ — можжевельникъ.

попойку призывалъ я васъ, не на радостный пиръ вы ко мнѣ собирался; собирался вы ко мнѣ за печальной вѣсточкой: Мамай-безбожный, песъ смердящій, со всѣма своима ордами некрещеными, идетъ святую Русь воевать; будетъ памъ отъ Мамая-собаки пить горькая чаша! Пойдемте, мои любимые воины, къ окіанъ-морю, изладимъ легкіе струги и побѣжимъ мы изъ окіанъ-моря въ море Хвалынское къ Соловецкимъ чудотворцамъ: запрёмся тамъ — и нечего съ насъ будетъ взять Мамаю-безбожному, псу смердящему; въ другую сторону[1] онъ насъ полонитъ, очи выкопаетъ и злой смерти предастъ». Отвѣчаютъ князи и бояра, буйны головы понуривши: «Задонской князь Дмитрій Ивановичъ! одно солнушко катится по̀ небу — одинъ князь княжитъ надъ Русью православною; не перечить мы пришли твоему слову крѣпкому; попзволь насъ заставить рѣчь-отвѣтъ держать, какъ на̀дать ладить съ Мамаемъ-безбожнымъ, псомъ смердящимъ. Задонской князь Дмитрій Ивановичъ! пойдемъ мы къ окіанъ-морю, прирубимъ легкіе струги, скалёпки[2] смечемъ въ окіанъ-море, сами соберемъ рать-силу великую, и будемъ драться съ Мамаемъ-безбожнымъ, псомъ смердящимъ, до послѣдней капли крови — и будетъ на Мамая-безбожнаго побѣда!» — «Что за слыхъ, что за громъ грянулъ по трапезѣ?» говоритъ Задонской князь Дмитрій Ивановичъ. Отвѣчаетъ калѝка перехожая-сумка перемётная: «Это, Задонской князь, Дмитрій Ивановичъ, нечистая, непріятная сила (что тебѣ подъ ухо шептала, чтобъ шелъ ты къ окіанъ-морю строить легкіе струги, изъ окіанъ-моря въ море Хвалынское), когда ты Бога прославилъ, изъ терема побѣжала».

Задонской князь Дмитрій Ивановичъ чинилъ крѣпкіе наказы, чтобъ собирали рать-силу несмѣтную по горо-

[1]) Иначе, въ противномъ случаѣ.
[2]) Отруби, щепки.

дамъ съ пригородками, по сёламъ съ присёлками и по всѣмъ дальнимъ печищамъ[1], оставляли бъ дома только слѣпыхъ да хромыхъ, да малыхъ ребятъ-недоростковъ имъ въ печальники. Собрали со всѣхъ концовъ Руси православной рать-силу великую, утвердили силу по-за Москвѣ бѣлокаменной, расклали силу по жеребьямъ: Семену Тупику, Ивану Квашнину, русскому послу Захарью Тютрину и семи братьямъ Бѣлозерцамъ. Пошла сила на поле на Куликово, Москвы не хватаючи. На полѣ на Куликовѣ учали думу думать, какъ надо силу смѣтить? Русской посолъ Захарій Тютринъ садился на своего добраго коня, объѣзжалъ окру́гъ силы три дня и три часа — не могъ силы смѣтить: на сколько верстъ стоитъ? Задонской князь Дмитрій Ивановичъ проговорилъ таково слово: разойтись силѣ по чисту полю и взять силѣ по камушку, по злаченной пуговкѣ, и приказалъ дубы замётывать тѣма камушками. Заметала сила семь дубовъ: съ комля[2] и до вершины дубовъ не видно! Раздѣлили ту силу несмѣтную на три полка: первой полкъ взялъ Задонской князь Дмитрій Ивановичъ, другой — русской посолъ Захарій Тютринъ, третій полкъ взяли: Семенъ Тупикъ, Иванъ Квашнинъ и семь братьевъ Бѣлозерцевъ. Учали они кидать жеребьи: кому первому на татаровей поганыхъ идти? Первый жребій выпалъ русскому послу Захарью Тютрину, съ мохначами, бородачами — донскими казаками; другой — Семену Тупику, Ивану Квашнину и семи братьямъ Бѣлозерцамъ; третій жеребій выпалъ Задонскому князю Дмитрію Ивановичу.

Втѣпоръ заслышалъ шведской король про великое побоище, набралъ силы сорокъ тысячъ: «Подите, воины

---

[1]) Крестьяне Шенкурскаго уѣзда, живущіе по рѣкамъ Сюмѣ и Нелингѣ, называютъ всякую деревню *печищемъ:* печище Маслово, печище Часовинское, печище Подволочское и др.

[2]) Комель — корень.

мои любимые, на поле на Куликово, Москвы не хватаючи; станьте, мои воины, на бугры на высокіе: станетъ Задонской князь Дмитрій Ивановичъ побивать Мамая-безбожнаго — по Дмитрію Ивановичу пристаньте; буде Мамай-безбожный будетъ побивать Дмитрія Ивановича — по Мамаю пристаньте». Лукавъ былъ шведской король, велѣлъ по правой силѣ приставать! Турецкой король заслышалъ про великое побоище, приказалъ набрать силы сорокъ тысячъ, и посылалъ ихъ на поле на Куликово — самъ наказывалъ: «Воины мои любимые! какую силу побивать будутъ, по той пристаньте». Простъ былъ турецкой король, по виноватой сплѣ велѣлъ приставать!

Засряжàлась рать-сила могучая на полѣ на Куликовѣ на кровавое побоище: перéдъ держалъ русской посолъ Захарій Тютрянъ съ мохначами, бородачами — донскими казаками. Пàлась имъ встрѣту сила Мамая-безбожнаго: когда сила съ силою сходилась, мать-сыра земля подгибалась, вода подступалась. Втóпоръ выскочилъ изъ земли Кроволинъ-татаринъ — вышина семь саженъ; скрычалъ татаринъ зычнымъ голосомъ: «Задонской князь Дмитрій Ивановичъ! давай мнѣ-ка поединщика; буде не поставишь мнѣ поединщика, я твою силу одинъ побью-вырублю, грязьёй сдѣлаю!» Говоритъ Задонской князь Дмитрій Ивановичъ: «Не на кого мнѣ-ка надѣяться; самому пришло идти супротивникомъ-поединщикомъ на Кроволина-татарина!» Оболокàетъ онъ свои латы крѣпкія, застегаетъ пуговицы воальянскія, обсѣдлали ему добра коня во сѣдло черкасское, беретъ онъ съ собой палицу боевую, поѣзжастъ къ Кроволину-татарину. Палъ ему встрѣту незнамый воинъ: «Осади лошадь. Задонской князь Дмитрій Ивановичъ! пойду я на Кроволина-татарина, отрублю ему по плечъ басурманскую голову!» Сѣдлалъ онъ своего

добраго коня, подтягивалъ двѣна́дцатима подпругѝма шелкòвымъ не ради басы́, ради крѣпости. «Обороню я тебя, Задонской князь Дмитрій Ивановичъ, отъ первыя смерти! Буде я побью Кроволина-татарина, то бейся и дерись ты съ окаяннымъ врагомъ, съ Мамаемъ-безбожнымъ, псомъ смердящимъ, до послѣдней капли крови: и будетъ на Мамая-безбожнаго побѣда!» Задонской князь Дмитрій Ивановичъ съ незнамымъ воиномъ обмѣнялись конями, простились, и благословилъ его князь Дмитрій Ивановичъ на дѣло великое, на побоище смертное. Съѣхались два сильные, могучіе богатыря на чистомъ полѣ на Куликовѣ въ бою-дракѣ перевѣдаться. Палицами ударились — палицы по чи́вья поломались; копьями соткнулись — копья извернулись; саблями махнулись — сабли исщербились; скакали они со добрыхъ коней и бились они рукопашнымъ боёмъ, и бились они три дня, и три ночи, три часа не пиваючи, бились не ѣдаючи; на четвертой день оба тутъ и упокоились. И учалъ князь Дмитрій Ивановичъ досматривать: незнамый воинъ правую руку на ту́лово[1]. Кроволина-татарина накинулъ. Князь своего воина сряди́лъ, похоронилъ, надъ нимъ крёстъ поставилъ и вызолотилъ.

У Мамая-безбожнаго, пса смердящаго, выскочилъ изъ земли другой воинъ, и звонѝлъ своимъ зычнымъ голосомъ: «Задонской князь Дмитрій Ивановичъ! подавай мнѣ-ка супротивника: въ другую сторону я твою силу побью, и тебѣ, князю, глаза выкопаю — свѣтъ отниму!» Понурилъ буйну голову Задонской князь Дмитрій Ивановичъ: «Не на кого мнѣ-ка надѣяться, самому пришло идти на Кроволина-татарина». Садился онъ на своего добрà коня, поѣзжалъ на Кроволина-татарина. Палъ ёму встрѣту другой воинъ: «Осади лошадь, Задонской князь Дмитрій Ивановичъ! избавлю я тебя отъ

[1]) Туловище.

скорыя смерти. Буде я побью собаку-татарина, бейся и дерись съ Мамаемъ-безбожнымъ, псомъ смердящимъ, до послѣдней капли крови: и будетъ на Мамая-безбожнаго побѣда! А буде Квашнинòкъ-богатырёкъ побьетъ меня, садись на моего добраго коня: увезетъ онъ тебя отъ смерти отъ скорыя». Князь Дмитрій Ивановичъ и незнамый воинъ обмѣнялись конями, простились, и благословилъ его Дмитрій Ивановичъ на дѣло великое, а побоище смертное. Съѣхались два сильные, могучіе богатыря на чистомъ полѣ на Куликовѣ въ бою-дракѣ перевѣдаться. Впервые палицами они ударились — палицы по чивья поломались, копьями кололись — копья извернулись, вострыми саблями рубились — сабли исщербились; скочили они со добрыхъ коней, бились-дрались рукопашнымъ боёмъ, бились-дрались три дня, три ночи и три часа, не шваючи, не ѣдаючи и ясныхъ глазъ не смыкаючи; на четвертой день оба тутъ и упокоились. И учалъ князь Дмитрій Ивановичъ досматривать: у воина князева правая полà на поганаго татарина накинулась. Князь своего воина честно срядилъ, похоронилъ, и на могилѣ крестъ поставилъ и вызолотилъ.

Втѣпоръ русской посолъ Захарій Тютринъ, съ мохначами, бородачами — донскими казаками, напущался на силу Мамая-безбожнаго. Свѣтлый день идетъ ко вечеру, а бой-драка еще не кончилась; когда кончилась драка, учали смѣчать: у кого сколько силы пало? У русскаго посла Захарья Тютрина на одного мохнача, бородача — донскаго казака по двѣ тысячи по двѣсти татаровей выпало. Сталъ попущаться другой пóлокъ[1] Семена Тупика, Ивана Квашнина и семи братьевъ Бѣлозерцевъ. Красное солнушко изъ-за лѣса привздымàется, бой-драка не умаляется; красное солнушко на-

[1]) Полкъ.

покатъ пошло, нашу силу побивать стали. Втѣпоръ сталъ попускаться Задонской князь Дмитрій-Ивановичъ. Живетъ онъ въ силѣ Мамая-безбожнаго, какъ острая коса въ сѣностàвъ[1] въ мягкой травѣ; куда проѣдетъ на конѣ — тамъ улица, поворотится — переулочекъ, оборота на конѣ дастъ — площадью силу сдѣлаетъ. Невмогу̀ту стало биться Задонскому князю Дмитрію Ивановичу: забрызгалъ онъ свои очи ясныя поганою татарскою кровью, тутъ у него и свѣтъ вы́брало — отемнѣлъ. Законáлся[2] онъ своему коню доброму: «Увези ты меня, конь, отъ скорыя смерти!» Билъ онъ коня по крутымъ бедрамъ; подымался конь — только топъ стоѝтъ! Привозилъ его конь въ поле чистое къ кудрявой березѣ, а опричь тоё кудрявой березы на полѣ нѣтъ ни лѣсинки. Слѣзалъ онъ со добра коня: «Побѣга̀й, мой добрый конь, въ чистыя поля, въ широкіе луга, ѣшь шелкову траву, пей свѣжую воду; не достанься, мой добрый конь, поганому Мамаю-безбожному, псу смердящему». Сѣлъ Задонской князь Дмитрій Ивановичъ на кудрявую березу. Летитъ по̀ небу черезъ поле чистое стадо бѣлыхъ лебедей. Поглядѣлъ на стадо Дмитрій Ивановичъ, самъ прогòворилъ: «За грѣхи мои окаянные попущаетъ Господь Богъ на землю русскую Мамая-безбожнаго; не по насъ птицы летятъ: будетъ на Русь православную побѣда!» Обсидѣлся Задонской князь Дмитрій Ивановичъ; ма̀ло — бѣжитъ по чисту полю стадо сѣрыхъ волковъ. «Господи, истинный Христе! смилуйся надъ Русью православною, не отдай насъ въ лихо къ некрещеному поганому татарину; не по насъ звѣри бѣжа̀тъ: пить намъ отъ Мамая-безбожнаго, пса смердящаго, горькая чаша!» За̀спалъ Задонской князь Дмитрій Ивановичъ на кудрявой березѣ.

[1]) Въ сѣнокосную пору.
[2]) Замолился.

Втѣ́поръ сила Мамая-безбожнаго, пса смердящаго, нашу силу побивать стала. Русской посолъ Захарій Тютринъ съ мохначами, бородачами — донскими казаками, Семенъ Тупикъ, Иванъ Квашнинъ и семь братьевъ Бѣлозерцевъ и вся Дмитрія Ивановича сила-рать могучая Господу Богу возмо́лились: «Господи Іисусе, истинный Христосъ, Донъ-Мать Пресвятая Богородица! не попустите некрещеному татарину наругаться надъ храмами вашими пречистыми, пошлите намъ заступника Георгія Храбраго». Изъ-за тѣхъ ли темныхъ лѣсовъ, зеленыхъ дубравъ выѣзжаетъ сильное воинство; ударилось оно на силу Мамая-безбожнаго. Побѣжали поганые татары по чисту полю, прибѣгали поганые татары въ зыбкую бо́рду[1], въ этой ордѣ поганые татары и животъ скончали.

Схватилась рать-сила могучая Задонскаго князя Дмитрія Ивановича. Русской посолъ Захарій Тютринъ, Семенъ Тупикъ, Иванъ Квашнинъ и семь братьевъ Бѣлозерцевъ учали силу спрашивать: не помѣтилъ ли кто пути-дороги Задонскаго князя Дмитрія Ивановича? Молчитъ рать-сила могучая; ни отъ кого отвѣта нѣтъ. Русской посолъ Захарій Тютринъ, Семенъ Тупикъ, Иванъ Квашнинъ и семь братьевъ Бѣлозерцевъ понурили свои буйны головы; поло́жили они на скопѣ[2]: погибъ Задонской князь Дмитрій Ивановичъ въ бою-дракѣ отъ поганыхъ татаровей. Взадь пошла рать-сила могучая по чистому полю. Увидѣлъ русской посолъ Захарій Тютринъ въ чистомъ полѣ кудрявую березу, а на той кудрявой березѣ черни́зину[3]; походи́лъ Захарко на черни́зину, признавалъ онъ Задонскаго князя Дмитрія

---

[1]) Орда у крестьянъ Аргангельской губ. — зыбкая тундра, болото, покрытое мохомъ.

[2]) На общемъ собраніи.

[3]) Отдаленный предметъ, черне́ющій вдали.

Ивановича. Въ ноги палъ онъ князю Дмитрію Ивановичу: «Возрадуйся, Задонской князь Дмитрій Ивановичъ! постояли мы за матушку Русь православную, побѣдили Мамая-безбожнаго, пса смердящаго!» Сохòдитъ князь Дмитрій Ивановичъ съ кудрявыя березы; на востокъ онъ три раза зéмно кланяется. Настигали они рать-силу могучую, находили въ томъ радость-веселіе.

Записана въ Архангельской губ., Шенкурскомъ у., г. А. Харитоновымъ.

183

Сказаніе объ Александрѣ Македонскомъ

Жилъ на свѣтѣ царь: имя его было Александръ Македонской. Это было въ старину, давно-давно, такъ что ни дѣды, ни прадѣды, ни прапрадѣды, ни пращуры наши не запомнятъ. Царь этотъ былъ изъ богатырей богатырь. Никакой силачъ въ свѣтѣ не могъ побѣдить его. Онъ любилъ воевать, и войско у него было все нàчисто богатыри. На кого ни пойдетъ войною царь Александръ Македонской — все побѣдитъ. И покорилъ онъ подъ свою власть всѣ царства земныя. И зашелъ онъ на край свѣта и нашелъ такіе народы, что самъ, какъ ни былъ храбръ, ужаснулся ихъ: свирѣпы пуще лютыхъ звѣрей, и ѣдятъ живыхъ людей; у иного изъ нихъ одинъ глазъ — и тотъ во лбу, а у иного три глаза; у иного одна только нога, а у иного три, и бѣгаютъ они такъ быстро, какъ летитъ изъ лука стрѣла. Имя этихъ народовъ было: гоги и магоги. Однакожъ царь Александръ Македонской отъ этихъ дивіихъ народовъ не струсилъ; началъ онъ съ ними воевать. Долго ли, коротко ли онъ съ ними вёлъ войну — это невѣдомо; только дивіи народы струсили, и пустились отъ него бѣжать. Онъ за ними, гнать-гнать, и загналъ ихъ въ такія трущобы, пропасти и горы, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Тамъ-то

они и скрылись отъ царя Александра Македонскаго. Что же сдѣлалъ съ ними царь Александръ? Онъ свёлъ надъ ними одну гору съ другою сводомъ, и поставилъ на сводѣ трубы, и ушелъ назадъ въ свою землю. Подуютъ вѣтры въ трубы, и подымется страшный вой; они, сидя тамъ, кричатъ: «О, видно еще живъ Александръ Македонской!» Эти гоги и магоги до сихъ поръ еще живы и трепещутъ Александра, а выйдутъ оттудова передъ самою кончиною свѣта.

Записана въ Саратовской г. А. Леопольдовымъ.

184

Шемякинъ судъ

Въ нѣкоторыхъ палестинахъ два брата живяше: единъ богатый, а другой — убогій. Прінде убогій братъ къ богатому лошади просити, на чемъ бы ему въ лѣсъ по дрова съѣздить. Богатый даде ему лошадь. Убогій же нача и хомута прошати; богатый же вознегодовалъ на брата и не даде ему хомута. Убогій же братъ умысли себѣ привязать дровни лошади за хвостъ и поѣхалъ въ лѣсъ по дрова, и насѣкъ возъ великъ, елико сила лошади можетъ вести, и пріѣхалъ ко двору своему, и отворилъ вороты, а подворотню забылъ выставить. Лошадь же бросилась чрезъ подворотню и оторвала у себя хвостъ. Братъ же убогій къ богатому приведе лошадь безъ хвоста; богатый же виде лошадь безъ хвоста, не принялъ у него лошади и поиде на убогаго бити челомъ къ Шемякѣ-судьѣ. Убогій, вѣдая, что пришла бѣда его — будетъ по него посылка, а у голаго давно смѣчено, что хоженаго дать будетъ нечего, поиде вслѣдъ брата своего.

И пріидоша оба брата къ богатому мужику на ночлегъ. Мужикъ нача съ богатымъ братомъ пити и ясти и веселиться, а убогаго пригласить не хотяху къ себѣ.

Убогій же внпде на полати, поглядывая на нихъ, и внезапу упалъ съ полатей и задавилъ ребёнка въ люлькѣ до смерти. Мужикъ же попде къ Шемякѣ-судьѣ на убогаго бити челомъ.

Идущимъ имъ ко граду купно (богатый братъ и оной мужикъ, убогій же за нимп идяше), прилучися имъ идти высокпмъ мостомъ. Убогій разумѣ, что не быть ему живому отъ судьи Шемяки и бросился съ мосту: хотѣлъ ушибиться до смерти. Подъ мостомъ сынъ вёзъ отца хвораго въ баню, и онъ попалъ къ нему въ сани и задавилъ его до смерти. Сынъ же попде бить челомъ къ судьѣ Шемякѣ, что отца его ушибъ.

Богатый братъ прінде къ Шемякѣ-судьѣ бити челомъ на брата, како у лошади хвостъ выдернулъ. Убогій же поднѧ камень и завязалъ въ платъ, и кажетъ позади брата, и то помышляетъ: аще судья не по мнѣ станетъ судить, то я его ушибу до смерти. Судья же, чая — сто рублевъ даетъ отъ дѣла, приказалъ богатому отдать лошадь убогому, пока у нея хвостъ вырастетъ.

Потомъ прінде мужикъ, подаде челобитну въ убійствѣ младенца и нача бити челомъ. Убогій вынувъ тотъ же камень и показа судьѣ позади мужика. Судья же, чая — другое сто рублевъ даетъ отъ другого дѣла, приказалъ мужику отдать убогому жену по тѣхъ мѣстъ, пока у ней робёнокъ родится: «И ты втѣпоры возьми къ себѣ жену и съ ребенкомъ назадъ».

Прінде сынъ объ отцѣ бить челомъ, како задавилъ отца его до смерти, и подаде челобитну на убогаго. Убогій же, вынувъ тотъ же камень, кажетъ судьѣ. Судья, чая — сто рублевъ даетъ отъ дѣла, приказалъ сыну стать на мосту: «А ты, убогій, стань подъ мостомъ, и ты, сынъ, также соскочи съ мѻсту на убогаго и задави его до смерти».

Судья Шемяка выслалъ слугу къ убогому прошать денегъ триста рублевъ. Убогій же показа камень и рече:

«Аще бы судья не по мнѣ судилъ, и я хотѣлъ его ушибить до смерти». Слуга же пріиде къ судьѣ и сказа про убогаго: «Аще бы ты не по немъ судилъ, и онъ хотѣлъ тебя этимъ камнемъ ушибить до смерти». Судья начà креститися: «Слава Богу, что я по немъ судилъ!»

Пріиде убогій братъ къ богатому по судейскому приказу лошади прошать безъ хвоста, пока у ней хвостъ вырастетъ. Богатый же не восхотѣ лошади дати, даде ему денегъ пять рублевъ, да три четверти хлѣба, да козу дойную, и помирися съ нимъ вѣчно.

Пріиде убогій братъ къ мужику и начà по судейскому приказу жену прошати по тѣхъ мѣстъ, пока робёнокъ родится. Мужикъ же начà съ убогимъ миритися и даде убогому пятьдесятъ рублевъ, да корову съ телёнкомъ, да кобылу съ жеребенкомъ, да четыре четверти хлѣба, и помирися съ нимъ вѣчно.

Пріиде убогій къ сыну за отцово убійство и начà ему говорить, что по судейскому приказу тебѣ стать на мосту, а мнѣ подъ мостомъ, и ты бросайся на меня и задави меня до смерти. Сынъ же начà помышляти себѣ: «Какъ скочу съ моста, его не задавишь, а самъ ушибуся до смерти!» и начà съ убогимъ миритися, даде ему денегъ двѣсти рублевъ, да лошадь, да пять четвертей хлѣба — и помирися съ нимъ вѣчно.

Напечатана съ лубочнаго изданія.

185
Загадки

(а) Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ старикъ; у него былъ сынъ. Ѣздили они по селамъ, по городамъ, да торговали помаленьку. Разъ поѣхалъ сынъ въ окольныя деревни торгъ вести. Ѣхалъ долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, пріѣхалъ къ избушкѣ и попросился ночь ночевать.

«Милости просимъ! отвѣчала старуха: только съ тѣмъ уговоромъ, чтобъ ты загадалъ мнѣ загадку неразгаданную». — «Хорошо, бабушка!» Вошелъ въ избушку; она его накормила-напоила, въ банѣ вышарила, на постель положила, а сама сѣла возлѣ и велѣла задавать загадку. «Погоди, бабушка; дай подумаю!» Пока купецъ думалъ, старуха уснула; онъ отчасъ собрался, и вонъ изъ избушки. Старуха услыхала шумъ, пробудилась — а гостя нѣтъ, выбѣжала на дворъ и подноситъ ему стаканъ съ пойломъ: «Выней-ка, говоритъ, посошокъ на дорожку!» Купецъ не сталъ на дорогу пить, вылилъ пойло въ кувшинъ, и съѣхалъ со двора. Ѣхалъ-ѣхалъ, и застигла его въ полѣ темная ночь; остановился ночевать, гдѣ Богъ привёлъ, подъ открытымъ небомъ. Сталъ онъ думать да гадать, что такое поднесла ему старуха? взялъ кувшинъ, налилъ себѣ на ладонь, съ той ладони помазалъ плеть, а той плетью ударилъ коня: только ударилъ — коня вмигъ разорвало! Поутру налетѣло на падаль тридцать вороновъ; наклевались-наѣлись да тутъ же и переколѣли всѣ. Купецъ посбиралъ мертвыхъ вороновъ и развѣсилъ по деревьямъ. Въ то самое время ѣхалъ мимо караванъ съ товарами: увидали приказчики птицъ на деревьяхъ, взяли ихъ, поснимали, изжарили и съѣли: только съѣли — такъ мертвые и попадали! Купецъ захватилъ караванъ и поѣхалъ домой. Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли — заѣхалъ опять къ той же старухѣ ночь ночевать. Она его накормила-напоила, въ банѣ вышарила, на постель положила, и велитъ задавать загадку. «Хорошо, бабушка! скажу тебѣ загадку; только уговоръ лучше денегъ: коли отгадаешь — возьми у меня весь караванъ съ товарами, а коли не отгадаешь — заплати мнѣ столько деньгами, сколько стоитъ караванъ съ товарами». Старуха со-

гласилась. «Ну, вотъ тебѣ загадка: изъ стакана въ кувшинъ, изъ кувшина на ладонь, съ ладони на плётку, съ плётки на коня, изъ коня въ тридцать вòроновъ, изъ вòроновъ въ тридцать мòлодцевъ». Старуха маялась-маялась, такъ и не отгадала; дѣлать нечего, пришлось платить денежки. А купецъ воротился домой и съ деньгами, и съ товарами, и сталъ себѣ жить-поживать, добра наживать.

Записана въ Оренбургской губ., Уфимскомъ у.

(b) Близъ большой дороги засѣвалъ мужикъ полянку. На то время ѣхалъ царь, остановился противъ мужика и сказалъ: «Богъ-помощь, мужичокъ!» — «Спасибо, доброй человѣкъ!» (Онъ не зналъ, что это царь.) — «Много ли получаешь съ этой полянки пользы?» спросилъ царь. «Да при хорошемъ урожаѣ рублей съ восемьдесятъ будетъ». — «Куда жъ эти деньги дѣваешь?» — «Двадцать рублей въ подать взношу, двадцать — долгу плачу́, двадцать — взаймы даю, да двадцать — за окно кидаю». — «Растолкуй же, братецъ, какой ты долгъ платишь, кому взаймы даешь и зачѣмъ за окно кидаешь?» — «Долгъ плачу́ — отца содержу, взаймы даю — сына кормлю, за окно кидаю — дочь питаю». — «Правда твоя!» сказалъ государь; далъ ему горсть серебра, объявилъ себѣ, что онъ царь, и заповѣдалъ безъ его лица никому тѣхъ рѣчей не сказывать: «Кто бы ни спрашивалъ, никому не говори!» Пріѣхалъ царь въ свою столицу и созвалъ бояръ да генераловъ: «Разгадайте, говоритъ, мнѣ загадку. Видѣлъ я по дорогѣ мужика — засѣвалъ полянку; спросилъ у него: сколько онъ пользы получаетъ и куда деньги дѣваетъ? Мужичокъ мнѣ отвѣчалъ: при урожаѣ восемьдесятъ рублей получаю; двадцать въ подать взношу, двадцать — долгу плачу́, двадцать — взаймы даю, да двадцать — за

окно кидаю. Кто изъ васъ разгадаетъ эту загадку, того большихъ наградъ, большихъ почестей удостою». Бояре и генералы думали-думали, не могли разгадать. Вотъ одинъ бояринъ вздумалъ и отправился къ тому мужику, съ которымъ царь разговаривалъ; насыпалъ ему цѣлую груду серебряныхъ рублевиковъ, и проситъ: «Объясни де, растолкуй царскую загадку!» Мужикъ позарился на деньги, взялъ да объявилъ про все боярину; а бояринъ воротился къ царю и сейчасъ растолковалъ его загадку. Царь видитъ, что мужикъ не сдержалъ заповѣди, приказалъ его передъ себя достать. Мужикъ явился къ царю и съ самаго перва[1] сознался, что это онъ разсказалъ боярину. «Ну, братъ, пеняй на себя, а за такую провинность велю казнить тебя смертію!» — «Ваше величество! я ничѣмъ не виновенъ, потому — боярину разсказалъ я при вашемъ царскомъ лицѣ». Тутъ вынулъ мужикъ изъ кармана серебряный рублевикъ съ царской персоной[2] и показалъ государю. «Правда твоя! сказалъ государь: это моя персона». Наградилъ щедро мужика и отпустилъ домой.

Записана въ Архангельской губ.

186
Горшеня

(b) Горшеня ѣдетъ-дремлетъ съ горшками. Догналъ его государь Иванъ Васильевичъ. «Миръ по дорогѣ!» Горшеня оглянулся. «Благодаримъ, просимъ со смиреньемъ». «Знать вздремалъ?» — «Вздремалъ, великій осударь! не бойся того, кто пѣсни поетъ, а бойся того, кто дремлетъ». — «Экой ты смѣлый, горшеня! люблю едакихъ. Ямщикъ! поѣзжай тише. А што, горшенюшка, давно ты этимъ ремесломъ кормишься?» — «Сызмо-

[1]) Сначала. [2]) Т.-е. портретомъ.

лоду, да вотъ и середовой сталъ». — «Кормишь дѣтей?» — «Кормлю, ваше царское величество! и не пашу, и не кошу, и не жну, и морозомъ не бьетъ». — «Хорошо, горшеня, но все-таки на свѣтѣ не безъ худа». — «Да, ваше царское величество! на свѣтѣ есть три худа». — «А какія три худа, горшенюшка?» — «Первое худо — худой шаберъ[1], а второе худо — худая жена, а третье худо — худой разумъ». — «А скажи мнѣ, которое худо всѣхъ хуже?» — «Отъ худова шабра уйду, отъ худой жены тоже можно, какъ будетъ съ дѣтьми жить; а отъ худова разума не уйдешь — все съ тобой». — «Такъ, вѣрно, горшеня! ты мозголовъ. Слушай! ты для меня — а я для тебя. Прилетятъ гуси съ Руси, перышки ощиплешь, а по правильному покинешь!» — «Годится, такъ покину — какъ придетъ! а то и наголо». — «Ну горшеня, постой на часъ! я погляжу твою посуду». Горшеня остановился, началъ раскладывать товаръ. Осударь сталъ глядѣть, и показались ему три тарелочки глиняны. «Ты надѣлаешь мнѣ едакихъ?» — «Сколько угодно вашему царскому величеству?» — «Возовъ десятокъ надо». — «На много ли дашь время?» — «Мѣсяцъ». — «Можно и въ двѣ недѣли представить, и въ городъ. Я для тебя, ты для меня». — «Спасибо, горшенюшка!» — «А ты, осударь, гдѣ будешь въ то время, какъ я представлю товаръ въ городъ?» — «Буду въ дому у купца въ гостяхъ». Осударь пріѣхалъ въ городъ и приказалъ, чтобы на всѣхъ угощеніяхъ не было посуды ни серебряной, ни оловянной, ни мѣдной, ни деревянной, а была бы все глиняная.

Горшеня кончилъ заказъ царской и привезъ товаръ въ городъ. Одинъ боярин выѣхалъ на торжище къ горшенѣ и говоритъ ему: «Богъ за товаромъ, горшеня!» — «Просимъ покорно». — «Продай мнѣ весь товаръ».

[1]) Сосѣдъ.

— «Нельзя, по заказу». — «А што тебѣ. — ты бери деньги — не повинятъ изъ этого, коли не взялъ задатку подъ работу. Ну, што возьмешь?» — «А вотъ што: каждую посудину насыпать полну денегъ». — «Полно, горшенюшка, много!» — «Ну, хорошо, одну насыпать, а двѣ отдать — хочешь?» И сладили. «Ты для меня, а я для тебя». Насыпаютъ да высыпаютъ, сыпали, сыпали; денегъ не стало, а товару еще много. Боярinъ, видя худо, съѣздилъ домой, привезъ еще денегъ. Опять сыплютъ да сыплютъ — товару все много. «Какъ быть, горшенюшка?» — «Ну, што ни жадала? Нечево дѣлать, я тебя уважу — только знаешь што? свези меня на себѣ до этого двора, отдамъ и товаръ, и всѣ деньги». Боярinъ мялся, мялся — жаль и денегъ, жаль и себя; но дѣлать нечего — сладили. Выпрягли лошадь — сѣлъ мужикъ, повезъ боярinъ: въ спорѣ дѣло. Горшеня запѣлъ пѣсню, боярinъ везетъ да везетъ. «До копхъ же мѣстъ везти тебя?» — «Вотъ до этого двора и до этого дому». Весело поетъ горшеня, противъ дому онъ высоко поднялъ. Осударь услыхалъ, выбѣгъ на крыльцо — призналъ горшеню. «Ба! здравствуй, горшенюшка, съ пріѣздомъ!» — «Благодарю, ваше царское величество». — «Да на чемъ ты ѣдешь?» — «На худомъ-то разумѣ, осударь». — «Ну мозголовъ, горшеня, умѣлъ товаръ продать; боярinъ скидай строевую одежду и сапоги, а ты, горшеня, кафтанъ и разувай лапти; ты ихъ обувай, боярinъ, а ты, горшеня, надѣвай его строевую одежду. Умѣлъ товаръ продать! немного послужилъ, да много услужилъ — а ты не умѣлъ владѣть боярствомъ. Ну, горшеня, прилетали гуси съ Руси?» — «Прилетали». — «Перышки ощипалъ, а по правильному покинулъ?» — «Нѣтъ, паголо, великій осударь, всего ощипалъ».

Записана П. М. Языковымъ въ Симбирской губ., со словъ крестьянина села Головина.

187
Мудрые отвѣты

Служилъ солдатъ въ полку цѣлыя двадцать пять лѣтъ, а царя въ лицо не видалъ. Пришелъ домой; стали его спрашивать про царя, а онъ не знаетъ что̀ и сказать-то. Вотъ и зачали его корить родичи да знакомцы: «Вишь, говорятъ, двадцать пять лѣтъ прослужилъ, а царя въ глаза не видалъ!» Обидно это ему показалось: собрался и пошелъ царя смотрѣть. Пришелъ во дворецъ. Царь спрашиваетъ: «Зачѣмъ, солдатъ?» — «Такъ и такъ, ваше царское величество! служилъ я тебѣ да Богу цѣлыя двадцать пять лѣтъ, а тебя въ лицо не видалъ; пришелъ посмотрѣть!» — «Ну, смотри». Солдатъ три раза обошелъ кругомъ царя, все оглядывалъ. Царь спрашиваетъ: «Хорошъ ли я!» — «Хорошъ», отвѣчаетъ солдатъ. — «Ну, теперь, служивой, скажи: высоко ли небо отъ земли?» — «Столь высоко, что тамъ стукнетъ, а здѣсь слышно». — «А широка ли земля?» — «Вонъ тамъ солнце всходитъ, а тамъ заходитъ — столь широка!» — «А глубока ли земля?» — «Да былъ у меня дѣдъ, умеръ тому назадъ съ девяносто лѣтъ, зарыли въ землю, съ тѣхъ поръ и домой не бывалъ: вѣрно, глубока!» Потомъ отослалъ царь солдата въ темницу и сказалъ ему: «Не плошай, служба! я пошлю къ тебѣ тридцать гусей: умѣй по перу выдернуть». — «Ладно!» Призвалъ царь тридцать богатыхъ купцовъ и загадалъ имъ тѣ же загадки, что̀ и солдату загадывалъ; они думали-думали, не смогли отвѣту дать, и велѣлъ ихъ царь посадить за то въ темницу. Спрашиваетъ ихъ солдатъ: «Купцы-молодцы! васъ за что посадили?» — «Да вишь государь насъ допрашивалъ: далеко ли небо отъ земли? и сколь земля широка? и сколь она глубока? а мы — люди тёмные,

не смогли отвѣту дать». — «Дайте мнѣ каждой по тысячѣ рублевъ — я вамъ правду скажу». — «Изволь, братъ; только научи». Взялъ съ нихъ солдатъ по тысячѣ и научилъ, какъ отгадать царскія загадки. Дня черезъ два призвалъ царь къ себѣ и купцовъ и солдата; задалъ купцамъ тѣ же самыя загадки, и какъ скоро они отгадали — отпустилъ ихъ по своимъ мѣстамъ. «Ну, служба! сумѣлъ по перу сдёрнуть?» — «Сумѣлъ, царь-государь, да еще по золотому!» — «А далеко ль тебѣ до̀ дому?» — «Отсюда не видно — далеко, стало быть!» — «Вотъ тебѣ тысяча рублевъ; ступай съ Богомъ!» Воротился солдатъ домой и зажилъ себѣ привольно, богато.

188

Мудрая дѣва

(b) Ѣхали два брата: одинъ бѣдной, другой именитой; у обоихъ по лошади: у бѣднаго кобыла, у именитаго меринъ. Остановились они на ночлегъ рядомъ. У бѣднаго кобыла принесла ночью жеребенка; жеребенокъ подкатился подъ телѣгу богатаго. Будитъ онъ наутрѣ бѣднаго: «Вставай, братъ! у меня телѣга ночью жеребенка родила». Братъ встаетъ и говоритъ: «Какъ можно, чтобы телѣга жеребенка родила! это моя кобыла принесла». Богатой говоритъ: «Кабы твоя кобыла принесла, жеребенокъ бы подлѣ былъ!» Поспорили они и пошли до начальства; именитой даритъ судей деньгами, а бѣдной словами оправдывается. Дошло дѣло до самого царя. Велѣлъ онъ призвать обоихъ братьевъ и загадалъ имъ четыре загадки: «Что всего въ свѣтѣ сильнѣй и быстрѣй? что всего въ свѣтѣ жирнѣе? что всего мягче? и что всего милѣе?» и положилъ имъ сроку три дня: «На четвертой приходите, отвѣтъ дайте!» Богатой подумалъ-подумалъ, вспомнилъ про

свою куму и пошелъ къ ней совѣта просить. Она посадила его за столъ, стала угощать; а сама спрашиваетъ: «Что такъ печаленъ, кумапёкъ?» — «Да загадалъ мнѣ государь четыре загадки, а сроку всего три дня положилъ». — «Что такое? скажи мнѣ». — «А вотъ что, кума: первая загадка — что всего въ свѣтѣ сильнѣй и быстрѣе?» — «Экая загадка! у моего мужа каряя кобыла есть; нѣтъ ея быстрѣе! коли кнутомъ пріударишь — зайца догонитъ». — «Вторая загадка: что всего въ свѣтѣ жирнѣе?» — «У насъ другой годъ рябой боровъ кормится; такой жирной сталъ, что и на ноги не подымается!» — «Третья загадка: что всего въ свѣтѣ мягче?» — «Извѣстное дѣло — пуховикъ, ужъ мягче не выдумаешь!» — «Четвертая загадка: что всего въ свѣтѣ милѣе?» — «Милѣе всего внучекъ Иванушка!» — «Спасибо тебѣ кума! научила уму-разуму, по вѣкъ не забуду». А бѣдной братъ залился горькими слезами и пошелъ домой; встрѣчаетъ его дочь-семилѣтка (только и семьи было, что дочь одна): «О чемъ ты, батюшка, вздыхаешь да слезы ронишь?» — «Какъ же мнѣ не вздыхать, какъ слезъ не ронить? задалъ мнѣ царь четыре загадки, которыхъ мнѣ и въ жизнь не разгадать». — «Скажи мнѣ: какія загадки?» — «А вотъ какія, дочка: что всего въ свѣтѣ сильнѣй и быстрѣе, что всего жирнѣе, что всего мягче и что всего милѣе?» — «Ступай, батюшка, и скажи царю: сильнѣй и быстрѣй всего вѣтеръ; жирнѣе всего земля: что ни растетъ, что ни живетъ — земля питаетъ! Мягче всего рука: на что человѣкъ ни ляжетъ, а всё руку подъ голову кладетъ; а милѣе сна нѣтъ ничего на свѣтѣ!» Пришли къ царю оба брата: и богатой и бѣдной. Выслушалъ ихъ царь, и спрашиваетъ бѣднаго: «Самъ ли ты дошелъ, или кто тебя научилъ?» Отвѣчаетъ бѣдной: «Ваше царское величество! есть у меня дочь-семилѣтка, она меня научила». — «Когда

дочь твоя мудра, вотъ ей ниточка шелковая; пусть къ утру соткётъ мнѣ полотенце узорчатое». Мужикъ взялъ шелковую ниточку, приходитъ домой кручинной, печальной: «Бѣда наша! говоритъ дочери: царь приказалъ изъ этой ниточки соткать полотенце». — «Не кручинься, батюшка!» отвѣчала семилѣтка, отломила прутикъ отъ вѣника, подаетъ отцу и наказываетъ: «Пойди къ царю, скажи, чтобъ нашелъ такого мастера, которой бы сдѣлалъ изъ этого прутика кросны: было бы на чемъ полотенце ткать!» Мужикъ доложилъ про то царю. Царь даетъ ему полтораста яицъ: «Отдай, говоритъ, своей дочери: пусть къ завтраму выведетъ мнѣ полтораста цыплятъ». Воротился мужикъ домой еще кручинѣе, еще печальнѣе: «Ахъ, дочка! отъ одной бѣды увернешься, другая навяжется!» — «Не кручинься, батюшка!» отвѣчала семилѣтка, попекла яйца и припрятала къ обѣду да къ ужину, а отца посылаетъ къ царю: «Скажи ему, что цыплятамъ на кормъ нужно однодённое пшено: въ одинъ бы день было поле вспахано, просо засѣяно, сжато и обмолочено; другого пшена наши цыплята и клевать не станутъ!» Царь выслушалъ и говоритъ: «Когда дочь твоя мудра, пусть на утро сама ко мнѣ явится — ни пѣшкомъ, ни на лошади, ни голая, ни одѣтая, ни съ гостинцемъ, ни безъ подарочка». — «Ну, думаетъ мужикъ: такой хитрой задачи и дочь не разрѣшитъ; пришло совсѣмъ пропадать!» — «Не кручинься, батюшка! сказала ему дочь-семилѣтка: ступай къ охотникамъ да купи мнѣ живого зайца да живую перепелку». Отецъ пошелъ и купилъ ей зайца и перепелку. На другой день поутру сбросила семилѣтка всю одёжу, надѣла на себя сѣтку, въ руки взяла перепелку, сѣла верхомъ на зайца и поѣхала во дворецъ. Царь ее у воротъ встрѣчаетъ. Поклонилась она царю: «Вотъ тебѣ, государь, по-

дарочскъ!» и подастъ ему перепелку. Царь протянулъ былò руку, перепелка порхъ и улетѣла! «Хорошо, говоритъ царь: какъ приказалъ — такъ и сдѣлала. Скажи мнѣ теперь: вить отецъ твой бѣденъ, такъ чѣмъ вы кормитесь?» — «Отецъ мой на сухомъ берегу рыбу ловитъ, лоушки въ воду не становитъ; а я прйломъ рыбу ношу да уху варю». — «Что ты, глупая! когда рыба на сухомъ берегу живетъ? рыба въ водѣ плаваетъ!» — «А ты умёнъ? когда видано, чтобъ телѣга жеребенка принесла? не телѣга, кобыла родитъ!» Царь присудилъ отдать жеребенка бѣдному мужику, а дочь его взялъ къ себѣ; когда семилѣтка выросла, онъ женился на ней, и стала она царицею.

Записана въ Саратовской губ.

189
Поповъ работникъ

Въ нѣкатарамъ сялѣ попъ нанялъ сабѣ батрака, и паслалъ ягò на сучонкѣ пахать, и далъ яму цѣлую каврйгу хлѣба и гутаря[1] яму: «На, батракъ, буть самъ сытъ, и сучонкя щобы была сыта, да щобы и каврйга была цала».

Вò батракъ, взявши, паѣхалъ въ пòля, а пріѣхавши зачалъ пахать. Вò пахалъ-пахалъ, ужъ время бы, кажись, и червячка замарить[2]: животики яму такъ и подвяло; да що станяшъ дѣлать съ паповымъ-та приказамъ? Но голадъ ня тётка, уму-разума пауча. Вотъ и вздумалъ думу батракъ, кажись бы гожа! ну, быть дѣлу такъ. Взялъ верхняю скорку съ хлѣбушки тихоханькя снялъ, мякопъ всеё павытаскивалъ, самъ дòсыта наѣлся и сучонкю накармилъ, а скорки апять

[1]) Говоритъ.
[2]) Заморить червячка — утолить голодъ.

слажилъ напрежняму; какъ бы́ла, да и попахивая сабѣ да вечера, какъ будта ня въ чомъ не былъ, горя мàла ямў! Вò ужъ начало смяркаться. Онъ и паѣхалъ дамоій. Пріяжая, а попъ ягò ужъ у варотъ встрѣчая и спрашивая ягò: що-молъ, батракъ, сытъ? Онъ кажа: «Сытъ». Попъ апять спрашивая: «А сучонкя сыта?» Батракъ кажа: «Сыта». Попъ апять гутаря: «А каврига цала?» Батракъ кàжа́: «Цала! нà вотъ, батюшка, цалёхунькя». Вò какъ разглядѣлъ попъ-атъ да и расмѣялся, и гутаря: «Хитрецъ ты окаянный! какъ на те пагляжу, изъ тебе прокъ будя. Люблю за абычай и за тваю дагадливасть! ухитрился, маладецъ! аставайся у мене, живи; мнѣ такой и надобя». И аставилъ ягò у себе; прибавя ящо сверхъ дагаворнай цѣны за то, що парень-та папался ему ухарскай и разухабистай да больна да гадливай. Тутъ-то ба́траку пашло житьё, що твоя маслина, и умирать ня нада.

Записана въ Тамбовской губ., близъ Кадома.

190

Царевичъ-найденышъ

Жилъ царь съ царицею; у нихъ родился сынъ. Понадобилось царю отлучиться изъ дому; безъ него бѣда пришла — царевичъ пропалъ! Искали-искали царевича — какъ въ воду канулъ: ни слуху ни духу объ немъ! Долго плакали царь съ царицею. Прошло цѣлыя пятнадцать лѣтъ, и донеслись до царя вѣсти, что въ одной деревнѣ такой-то мужикъ нашелъ ребенка — всѣмъ на диво: и красотоій, и умомъ взялъ! Царь приказалъ доставить нàскоро къ себѣ мужика. Привезли его, начали разспрашивать, гдѣ и когда нашелъ мальчика? Мужикъ объявилъ, что нашелъ его пятнадцать лѣтъ тому назадъ въ овинѣ, что на немъ одёжа

была такая-то, богатая. По всѣмъ примѣтамъ, кажись, царской сынъ! Говоритъ царь мужику: «Скажи твоему найденышу, чтобъ онъ ко мнѣ побывалъ ни нагъ, ни одѣтъ, ни пѣшкомъ, ни на лошади, ни днемъ, ни ночью, ни на дворѣ, ни на улицѣ». Мужикъ пріѣхалъ домой, плачетъ и сказываетъ мальчику: какъ теперь быть? Мальчикъ говоритъ: «Не больно хитро! эту загадку разгадать можно». Взялъ раздѣлся съ ногъ до головы да накинулъ на себя сѣтку, сѣлъ верхомъ на козла, пріѣхалъ къ царю въ сумерки и въѣхалъ на козлѣ въ ворота: переднія ноги на дворѣ, а заднія на улицѣ. Царь увидалъ и говоритъ: «Вотъ мой сынъ!»

191
Сосватанныя дѣти

Жили-были два богатыхъ купца: одинъ въ Москвѣ, другой въ Кіевѣ; часто они съѣзжались по торговымъ дѣламъ, вмѣстѣ дружбу водили и хлѣбъ-соль дѣлили. Въ нѣкое время пріѣхалъ кіевскій купецъ въ Москву, свидѣлся съ своимъ пріятелемъ и говоритъ ему: «А мнѣ Богъ радость далъ — жена сына родила!» — «А у меня дочь родилась!» отвѣчаетъ московскій купецъ. — «Ну-ка, давай по рукамъ ударимъ! у меня — сынъ, у тебя — дочь, чего лучше! — женихъ и невѣста! Какъ вырастутъ, обвѣнчаемъ ихъ и породнимся». — «Ладно; только это дѣло нельзя просто дѣлать. Пожалуй, еще твой сынъ отступится отъ невѣсты; давай мнѣ двадцать тысячъ залогу!» — «А если твоя дочь да помретъ?» — «Ну, тогда и деньги назадъ». Кіевской купецъ вынулъ двадцать тысячъ и отдалъ московскому; тотъ взялъ, пріѣзжаетъ домой и говоритъ женѣ: «Знаешь ли, что скажу? вѣдь я свою дочь просваталъ!» Купчиха изумилась: «Что ты! али съ ума сошелъ; она еще въ люлькѣ

лежитъ!» — «Ну, что жъ, что въ люлькѣ? я все-таки ее просваталъ: вотъ двадцать тысячъ залогу взялъ».

Вотъ хорошо. Живутъ купцы всякой въ своемъ городѣ, а другъ друга не навѣщаютъ — далеко, да и дѣла такъ пошли, что надо дома оставаться. А дѣти ихъ растутъ да растутъ; сынъ хорошъ, а дочь еще лучше. Прошло осьмнадцать лѣтъ; московской купецъ видитъ, что отъ стараго сго знакомца нѣтъ ни вѣсти, ни слуху, и просваталъ дочь свою за полковника. Въ то самое время призываетъ кіевской купецъ своего сына и говоритъ ему: «Поѣзжай-ка ты въ Москву; тамъ есть озеро, на томъ озерѣ я поставилъ плёнку; если въ эту плёнку попалась утка — то утку вези, а ежели нѣтъ утки — то плёнку назадъ». Купеческой сынъ собрался и поѣхалъ въ Москву; ѣхалъ-ѣхалъ, вотъ ужъ близко, всего одинъ перегонъ остался. Надо ему черезъ рѣку переправляться, а на рѣкѣ мостъ: половина замощена, а другая нѣтъ. Тою же самою дорогою случилось ѣхать и полковнику; подъѣхалъ къ мосту и не знаетъ, какъ ему перебраться на ту сторону. Увидалъ онъ купеческаго сына и спрашиваетъ: «Ты куда ѣдешь?» — «Въ Москву». — «Зачѣмъ?» — «Тамъ есть озеро, въ томъ озерѣ — лѣтъ осьмнадцать прошло, какъ поставилъ мой отецъ плёнку, а теперь послалъ меня съ такимъ приказомъ: если попалась въ плёнку утка — то утку возьми, а если утки нѣтъ — то плёнку назадъ!» — «Вотъ задача!» думаетъ полковникъ: развѣ можетъ простоять плёнка осьмнадцать лѣтъ? ну, пожалуй, плёнка еще простоитъ; а какъ же утка-то проживетъ столько времени?» Думалъ-думалъ, гадалъ-гадалъ, ничего не разгадалъ. «Какъ же, говоритъ, намъ черезъ рѣку переѣхать?» — «Я поѣду задомъ наперёдъ!» сказалъ купеческой сынъ; погналъ лошадей, доѣхалъ до половины моста, и давай заднія доски на-

перёдъ перемащивать; намостилъ и перебрался на другую сторону, а вмѣстѣ съ нимъ и полковникъ переѣхалъ. Вотъ пріѣхали они въ городъ. «Ты гдѣ остановишься?» спрашиваетъ купеческаго сына полковникъ. — «А въ томъ домѣ, гдѣ весна съ зимой на воротахъ». Распрощались и повернули всякой въ свою сторону. Купеческой сынъ присталъ у одной бѣдной старухи; а полковникъ погналъ къ невѣстѣ. Онъ и разсказываетъ: «Повстрѣчался я съ какимъ-то купеческимъ сыномъ; спросилъ его: зачѣмъ въ Москву ѣдетъ? а онъ въ отвѣтъ: есть де въ Москвѣ озеро, на томъ озерѣ — лѣтъ осьмнадцать прошло, какъ мой отецъ плёнку поставилъ, а теперь послалъ меня съ такимъ приказомъ: если попалась въ плёнку утка — то утку возьми, а ежели утки нѣтъ — то плёнку назадъ! Тутъ пришлось намъ черезъ рѣку переправляться; на той рѣкѣ мостъ, половина замощена, а другая нѣтъ. Раздумался я, какъ на другую сторону переѣхать? а купеческой сынъ сейчасъ смекнулъ, задомъ наперёдъ переѣхалъ и меня перевёзъ». — «Гдѣ же онъ на квартирѣ сталъ?» спрашиваетъ невѣста. «А въ томъ домѣ, гдѣ весна съ зимой на воротахъ». Вотъ купеческая дочь побѣжала въ свою комнату, позвала служанку и приказываетъ: «Возьми кринку молока, ковригу хлѣба да лукошко яицъ; изъ кринки отпей, ковригу почни, изъ лукошка яйцо скушай. Потомъ ступай въ тотъ домъ, гдѣ на воротахъ трава съ сѣномъ привязаны; разыщи тамъ купеческаго сына, отдай ему хлѣбъ, молоко и яйца, да спроси: въ своихъ ли берегахъ море, или упало? полонъ ли мѣсяцъ, или въ ущербѣ? всѣ ли звѣзды на небѣ, или скатились?» Пришла служанка къ купеческому сыну, отдала гостинцы и спрашиваетъ: «Что море — въ своихъ ли берегахъ или упало?» — «Упало». — «Что мѣсяцъ — полонъ или въ ущербѣ?» — «Въ

ущербѣ». — «Что звѣзды — всѣ ли на небѣ?» — «Нѣтъ, одна скатилась». Вотъ служанка воротилась домой и разсказала эти отвѣты купеческой дочери. «Ну, батюшка! говоритъ отцу купеческая дочь: вашъ женихъ мнѣ не годится; у меня есть свой давнишній — съ его отцомъ по рукамъ ударено, договоромъ скрѣплено». Сейчасъ послали за настоящимъ женихомъ, стали свадьбу справлять да пиръ пировать, а полковнику отказали. На той свадьбѣ и я былъ, медъ-вино пилъ, по усамъ текло, въ ротъ не попало.

192
Доброе слово

Жилъ-былъ купецъ богатой; умеръ, оставался у него сынъ Иванъ Безсчастной; пропилъ онъ, промоталъ все богатство, и пошелъ искать работы. Ходитъ онъ по торгу, собой-то видной; на ту пору красная дѣвушка, дочь купецкая, сидѣла подъ окошечкомъ, вышивала коверъ разными шелками. Увидала она купецкаго сына . . . Полюбился ей купецкой сынъ: «Пусти меня, говоритъ матери: за него замужъ». Старуха и слышать было не хотѣла, да потолковала со старикомъ: «Можетъ быть, женинымъ счастьемъ и онъ будетъ счастливъ, а дочь наша въ сорочкѣ родилась!» Взяли ее да и отдали — перевѣнчали. Жена купила бумаги, вышила коверъ и послала мужа продавать: «Отдавай коверъ за сто рублей, а встрѣтится хорошій человѣкъ — за доброе слово уступи». Встрѣтился ему старичокъ, сталъ коверъ торговать; сторговалъ за сто рублей, вынимаетъ деньги, и говоритъ: «Что̀ хочешь — деньги или доброе слово?» Купецкой сынъ подумалъ-подумалъ: жена недаромъ наказывала . . . «Сказывай, говоритъ, доброе слово; на̀ коверъ!» — «Прежде смерти ничего

не бойся!» сказалъ старикъ, самъ взялъ коверъ и ушелъ. Приходитъ купецкой сынъ домой, разсказалъ все хозяйкѣ; хозяйка молвила ему спасибо, купила шелку, вышила новой коверъ и опять посылаетъ мужа продавать: «Отдавай коверъ за пятьсотъ рублей, а встрѣтится хорошій человѣкъ — за доброе слово уступи». Выходитъ купецкой сынъ на торгъ; попадается ему тотъ же старичокъ, сторговалъ коверъ за пятьсотъ рублей, сталъ деньги вынимать, и говоритъ купецкому сыну: «А хочешь — я тебѣ доброе слово скажу?» — «На коверъ; говори доброе слово». — «Пробуди, дѣло разбери, головы не сымаючи!» сказалъ старикъ, взялъ коверъ и ушелъ. Воротился купецкой сынъ домой, разсказалъ все хозяйкѣ — та ни слова.

Вотъ дядья купецкаго сына собрались за море ѣхать, торгъ-торговать; купецкой сынъ собралъ кое-какъ одинъ корабль, простился на постели съ женой, да и поѣхалъ съ ними. Ѣдутъ они по морю; вдругъ выходитъ изъ моря морской *горбыль*(?). «Давай намъ, говоритъ горбыль купцамъ: русскаго человѣка на судьбину — дѣло разобрать; я его назадъ опять ворочу». Дядья думали-думали, и пришли къ племяннику съ поклономъ, чтобъ онъ ишелъ въ море. Тотъ вспомнилъ слова старика: прежде смерти ничего не бойся, и пошелъ съ горбылемъ въ море. Тамъ Судьбина разбираетъ, что дороже: золото, серебро или мѣдь? «Разберешь ты это дѣло, говоритъ Судьбина купецкому сыну: награжу тебя». — «Изволь, отвѣчаетъ онъ: мѣдь дороже всего: безъ мѣди при расчетѣ обойтись нельзя; въ ней и копейка, и денежка, и полушка, изъ нея и рубль набрать можно; а изъ серебра и золота не откупишь». — «Правда твоя! говоритъ Судьбина: ступай на свой корабль». Выводитъ горбыль его на корабль, а тотъ корабль биткомъ набитъ каменьемъ самоцвѣтнымъ.

Дядья ужъ далеко уѣхали, да купецкой сынъ догналъ ихъ и заспорилъ съ ними, чей товаръ лучше? Тѣ ему говорятъ: «У тебя, племянничекъ, одинъ кораблишка, а у насъ сто кораблей». Спорили-спорили, осерчали и пошли на него царю жаловаться. Царь сперва хотѣлъ просто безъ суда повѣсить купецкаго сына: не порочь, дескать, дядьевъ! да послѣ велѣлъ товары на посмотръ принесть. Дядья принесли ткани золотыя, шелковыя . . Царь такъ и засмотрѣлся. «Показывай свои!» говоритъ онъ купецкому сыну. «Прикажи, государь, закрыть окна; я свои товары ночью показываю». Царь приказалъ закрыть окна; тотъ вынулъ изъ кармана камушекъ — такъ все и освѣтило! «Твой лучше товаръ, купецкой сынъ! возьми себѣ за то дядины корабли». Онъ забралъ себѣ дядины корабли, торговалъ ровно двадцать лѣтъ, наторговалъ много всякаго добра, и съ большимъ, несмѣтнымъ богатствомъ ворочается домой. Входитъ въ свой домъ и видитъ: хозяйка его лежитъ на постели съ двумя молодцами. Закипѣло у него ретивое, вынулъ саблю вострую: «Зарублю, думаетъ, друзей жениныхъ!» И вспомнилъ доброе слово старика: пробуди, дѣло разбери, головы не сымаючи! разбудилъ свою хозяйку, а та вскочила и ну толкать молодцовъ: «Дѣтки! говоритъ, вашъ батюшка пріѣхалъ». Тутъ и узналъ купецкой сынъ, что жена безъ него родила ему двойчатъ.

Записана въ Рязанской губ., Раненбургскомъ у., П. И. Якушкинымъ.

193

Дочь пастуха

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь: наскучило ему ходить холостому, и задумалъ жениться; долго приглядывался, долго

присматривался, и никакъ не могъ найти себѣ невѣсты по сердцу. Въ одно время поѣхалъ онъ на охоту и увидалъ на̀ полѣ: пасетъ скотину крестьянская дочь — такая красавица, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать, а другой такой во всемъ свѣтѣ не сыскать. Подъѣхалъ царь къ ней и говоритъ ласково: »Здравствуй, красная дѣвица!» — «Здравствуй, государь!» — «Котораго отца ты дочь?» — «Мой отецъ — пастухъ, недалече живетъ». Царь разспросилъ про все подробно: какъ зовутъ ея отца и какъ слыветъ ихъ деревня, распрощался и поѣхалъ прочь. Немного погодя, день или два, пріѣзжаетъ царь къ пастуху въ домъ: «Здравствуй, доброй человѣкъ! я хочу на твоей дочери жениться». — «Твоя воля, государь!» — «А ты, красная дѣвица, пойдешь за меня?» — «Пойду!» говоритъ.— «Только я беру тебя съ тѣмъ уговоромъ, чтобъ ни однимъ словомъ мнѣ не поперечила; а коли скажешь супротивъ хоть единое словечко — то мой мечъ, твоя голова съ плечъ!» Она согласилась. Царь приказалъ ей готовиться къ свадьбѣ, а самъ разослалъ по всѣмъ окрестнымъ государствамъ пословъ, чтобъ съѣзжались къ нему короли-королевичи на пиръ на веселье. Собрались гости; царь вывелъ къ нимъ свою невѣсту въ простомъ деревенскомъ платьѣ: «Что, любезные гости, нравится ли вамъ моя невѣста?» — «Ваше величество! сказали гости: коли тебѣ нравится, а намъ и подавно». Тогда велѣлъ ей нарядиться въ царскіе уборы, и поѣхали къ вѣнцу. Извѣстное дѣло: у царя не пиво варить, не вино курить — всего вдоволь! Перевѣнчались и подняли пиръ на весь міръ: пили-ѣли, гуляли и потѣшались. Отпировали, и зачалъ царь жить съ своей молодой царицею въ любви и согласіи. Черезъ годъ времени родила царица сына, и говоритъ ей царь грозное слово: «Твоего сына убить надо, а то сосѣдніе короли

смѣяться будутъ, что всѣмъ моимъ царствомъ завладѣетъ послѣ меня мужицкой сынъ!» — «Твоя воля! не могу тебѣ поперечить», отвѣчаетъ бѣдная царица. Царь взялъ ребенка, унесъ отъ матери и тайно велѣлъ отвезти его къ своей сестрѣ: пусть у ней растетъ до поры, до времени. Прошелъ еще годъ — царица родила ему дочь; царь опять говоритъ ей грозное слово: «Надобно изгубить твою дочь, а то сосѣдніе короли смѣяться будутъ, что она не царевна, а мужицкая дочь!» — «Твоя воля! дѣлай что знаешь, не могу тебѣ поперечить». Царь взялъ дѣвочку, унесъ отъ бѣдной матери и отослалъ къ своей сестрѣ. Много лѣтъ прошло, много воды утекло; царевичъ съ царевною выросли: онъ хорошъ, она еще лучше — другой такой красавицы нигдѣ не найти! Царь собралъ своихъ думныхъ людей, призвалъ жену и сталъ говорить: «Не хочу съ тобой больше жить; ты — мужичка, а я — царь! Снимай царскіе уборы, надѣвай крестьянское платье и ступай къ своему отцу». Ни слова не сказала царица, сняла съ себя богатые уборы, надѣла старое крестьянское платье, воротилась къ отцу и попрежнему начала въ полѣ скотину гонять. А царь задумалъ на пной жениться; отдалъ приказъ, чтобы все было въ свадьбѣ готово, и, призвавъ свою прежнюю жену, говоритъ ей: «Хорошенько прибери у меня въ комнатахъ; я сегодня невѣсту привезу». Она убрала комнаты, стоитъ — дожидается. Вотъ привезъ царь невѣсту, за нимъ слѣдомъ наѣхало гостей видимо-невидимо; сѣли за столъ, стали ѣсть-пить, веселиться. «Что, хороша ли моя невѣста?» спрашиваетъ царь у прежней жены. Отвѣчаетъ она: «Если тебѣ хороша, такъ мнѣ и подавно!» — «Ну, сказалъ ей царь: надѣвай опять царскіе уборы и садись со мной рядомъ; была ты и будешь моей женою. А эта невѣста — дочь твоя, а это — сынъ твой!» Съ этихъ

поръ началъ царь жить съ своею царицею безъ всякой хитрости, пересталъ ее испытывать и до конца своей жизни вѣрилъ ей во всякомъ словѣ.

194
Оклеветанная купеческая дочь

Былъ-жилъ купецъ, имѣлъ у себя двухъ дѣтей: дочь да сына. Сталъ купецъ помирать (а купчиху-то прежде его на погостъ свезли!) и приказываетъ: «Дѣти мои! живите хорошо — въ любви и совѣтѣ, такъ, какъ мы съ покойницей жили». Вотъ и померъ; схоронили его и помянули, какъ слѣдуетъ. Немного погодя задумалъ купеческой сынъ за̀ моремъ торговать; снарядилъ три корабля, нагрузилъ ихъ разными товарами, и сталъ сестрѣ наказывать: «Ну, милая сестрица! ѣду я въ дальнюю дорогу, оставляю тебя одну-одинёшеньку до̀ма; смотри же, веди себя скромно, въ худыя дѣла не вдавайся, по чужимъ людямъ не таскайся». Послѣ того помѣнялись они своими портретами: сестра взяла братнинъ портретъ, а братъ — сестринъ; поплакали на разставаньи и простились. Купеческой сынъ снялся съ я́корей, отвалилъ отъ берега, поднялъ паруса и вышелъ въ открытое море; плыветъ годъ, плыветъ другой, а на третій годъ пріѣзжаетъ къ нѣкоему богатому стольному городу и останавливаетъ свои корабли въ гавани. Какъ скоро пріѣхалъ, сейчасъ набралъ блюдечко драгоцѣнныхъ каменьевъ да свертокъ лучшаго бархату, камки и атласу, и попёсъ къ тамошнему царю на поклонъ. Приходитъ во дворецъ, подаетъ царю гостинецъ и проситъ позволенія торговать въ его стольномъ городѣ. Полюбился царю дорого̀й гостинецъ, говоритъ онъ купеческому сыну: «Хорошъ твой даръ! сколько лѣтъ я на свѣтѣ живу, никто такъ меня не учествовалъ;

даю тебѣ за то первое мѣсто на торгу. Продавай-покупай, никого не бойся, а коли обида будетъ — прямо ко мнѣ приходи; завтра я самъ къ тебѣ на корабль побываю». На другой день пріѣхалъ царь къ купеческому сыну, сталъ по кораблю похаживать, товары осматривать, и увидѣлъ въ хозяйской каютѣ — портретъ виситъ; спрашиваетъ купеческаго сына: «Чей это портретъ?» — «Моей сестрицы, ваше величество!» — «Ну, господинъ купецъ! такой красоты я еще отродясь не видывалъ; а скажи по правдѣ: какова она нравомъ и обычаемъ?» — «И тиха и чиста, какъ голубка!» — «Ну, коли такъ, быть ей царицею; возьму за себя замужъ». А втѣпоры былъ при царѣ генералъ, да такой злющій, завистной: чужое счастье ему поперёкъ въ горлѣ становилося. Услыхалъ онъ царскія рѣчи и страшно озлобился: эдакъ, пожалуй, прійдется нашимъ женамъ купчихѣ кланяться! Не выдержалъ и говоритъ царю: «Ваше величество! не прикажите казнить, прикажите слово вымолвить». — «Сказывай!» — «Эта купеческая дочь вамъ вовсе не пара; я самъ ее давно знаю, не разъ съ нею на постелѣ лёживалъ, въ любовныя игры поигрывалъ; совсѣмъ дѣвка распутная!» — «Какъ же ты, иноземной купецъ, говоришь, что она тиха и чиста, какъ голубка, худыми дѣлами не занимается?» — «Ваше величество! коли генералъ не врётъ, пусть достанетъ отъ моей сестры именной перстень да узнаетъ, какова у ней тайная примѣта есть». — «Хорошо, говоритъ царь, и даетъ тому генералу отпускъ: коли въ срокъ не достанешь перстня да примѣты не скажешь — то мой мечъ, твоя голова съ плечъ!» Собрался генералъ и поѣхалъ въ тотъ городъ, гдѣ жила купеческая дочь; пріѣхалъ, и не знаетъ, какъ ему быть? Ходитъ по улицамъ взадъ и впередъ такой кручинной, задумчивой. Попадается ему навстрѣчу

старушонка, проситъ милостины; онъ ей подалъ. Спрашиваетъ старуха: «О чемъ, господинъ, призадумался?» — «Что тебѣ сказывать? вѣдь ты моему горю не пособишь». — «Кто знаетъ — можетъ, и пособлю!» — «Знаешь ты, гдѣ живетъ такая-то купеческая дочь?» — «Какъ не знать!» — «Ну, такъ достань у нея именной перстень, да разузнай, какова у нея тайная примѣта есть; сдѣлаешь это дѣло, награжу тебя золотомъ». Старушонка потащилась къ купеческой дочери, постучалась въ ворота, взошла въ горницу, помолилась, и стала разсказывать, что идетъ ко святымъ мѣстамъ: не будетъ ли какого подаянія? Повела такія хитрыя рѣчи, что красная дѣвица совсѣмъ заслушалась и не замѣтила, какъ проговорилась о своей тайной примѣтѣ; пока то да сё, старушонка стибрила со столика именной перстень и въ рукавъ запрятала. Послѣ того попрощалась съ хозяйкою, и бѣгомъ къ генералу, отдаетъ ему перстень и говоритъ: «А тайная примѣта у купеческой дочери — золотой волосокъ подъ лѣвою мышкою» Генералъ наградилъ ее щедрой рукою и отправился въ обратной путь; пріѣзжаетъ въ свое государство и является во дворецъ; и купеческой сынъ тутъ же. «Ну что, спрашиваетъ царь: досталъ именной перстень?» — «Вотъ онъ, ваше величество!» — «А какова у купеческой дочери тайная примѣта?» — «Золотой волосокъ подъ лѣвою мышкою». — «Такъ ли?» спрашиваетъ царь купеческаго сына. «Точно такъ, государь!» — «Какъ же смѣлъ ты передо мною лгать? за твою вину велю казнить тебя». — «Царь-государь! не откажи въ послѣдней милости, позволь написать къ сестрѣ письмо; пусть пріѣдетъ, со мной попрощается». — «Хорошо, отвѣчалъ царь: пиши; только я долго ждать не стану!» Отложилъ казнь на срокъ, а до того времени приказалъ заковать его въ желѣза и посадить въ темницу. Вотъ

купеческая дочь какъ получила отъ брата письмо да прочитала, тотчасъ пустилась въ дорогу; ѣдетъ да золотую перчатку вяжетъ, а сама горько плачетъ: слезы падаютъ брильянтами; она тѣ брильянты подбираетъ, да на перчатку сажаетъ. Пріѣхала въ стольной городъ на́скоро, наняла у бѣдной вдовы квартиру, и спрашиваетъ: «Что у васъ въ городѣ новаго?» — «У насъ новостей нѣтъ никакихъ, окромя́ того, что одинъ иноземной купецъ черезъ свою сестру стра̀ждастъ; завтрапній день его вѣшать будутъ». Поутру встала купеческая дочь, наняла карету, нарядилась въ богатое платье и поѣхала на площадь: тамъ ужъ висѣлица готова, войска разставлены, и народу набралось многое множество; вонъ ужъ и брата ея ведутъ. Она вышла изъ кареты и прямо къ царю, подаетъ ему ту перчатку. что доро́гой связала, и говоритъ: «Ваше величество! оцѣните, что такая перчатка сто́итъ?» Царь посмотрѣлъ: «Ей, говоритъ, и цѣны нѣту!» — «Ну, такъ вашъ генералъ былъ у меня въ дому́ и точно такую перчатку укралъ — дружку этой самой; прикажѝте розыскъ сдѣлать». Царь позвалъ генерала: «Вотъ на тебя жалоба, будто ты дорогую перчатку укралъ». Генералъ началъ божиться: ничего знать не знаю и вѣдать не вѣдаю. «Какъ же ты не знаешь? говоритъ ему купеческая дочь: сколько разъ бывалъ въ моемъ домѣ, со мной на постелѣ лёживалъ, въ любовныя игры поигрывалъ . . .» — «Да я тебя впервòй вижу! никогда у тебя не бывалъ, и теперь — хоть умереть — не знаю: кто ты и откуда пріѣхала». — «Такъ за что же, ваше величество, мой братъ стра̀ждаетъ?» — «Которой братъ?» спрашиваетъ царь. «А вонъ котораго на висѣлицу привели!» Тутъ все дѣло на чистоту открылося; царь приказалъ купе́ческаго сына освободить, а генерала повѣсить; а самъ сѣлъ съ красной дѣвицей, купеческой

дочерью, въ карету и поѣхалъ въ церковь. Тамъ они обвѣнчались, сдѣлали большой пиръ и стали жить-поживать, добра наживать, и теперь живутъ.

Записана въ Воронежской губ.

195
Царица-гусляръ

Въ нѣкоемъ царствѣ, въ нѣкоемъ государствѣ жилъ-былъ царь съ царицею; пожилъ онъ съ нею немалое время и задумалъ ѣхать въ ту чужедальнюю землю, гдѣ жиды Христа ра́спяли. Отдалъ приказы министрамъ, попрощался съ женою, и отправился въ дорогу. Долго ли, коротко ли — пріѣхалъ въ чужедальнюю землю, гдѣ жиды Христа ра̀спяли; а въ той землѣ правилъ тогда проклятой король. Увидалъ этотъ король царя, велѣлъ схватить его и посадить въ темницу. Много у него въ темницѣ всякихъ невольниковъ; по ночамъ въ цѣпяхъ сидятъ, а по утра̀мъ надѣваетъ на нихъ проклятой король хомуты и пашетъ пашню до вечера. Вотъ въ такой-то му́кѣ прожилъ царь цѣлые три года, и не знаетъ, какъ ему оттудова вырваться, какъ дать о себѣ царицѣ вѣсточку? И выискалъ-таки случай, написалъ къ ней письмецо: «Продавай, пишетъ, все наше имѣніе да пріѣзжай выкупать меня изъ неволи». Получила царица письмо, прочитала и восплакала: «Какъ мнѣ выкупать царя? Если сама поѣду — увидитъ меня проклятой король и возьметъ къ себѣ замѣсто жены; если министровъ пошлю — на нихъ надёжи нѣтъ!» И что жъ она вздумала? остригла свои косы русыя, нарядилась музыкантомъ, взяла гусли, и, никому не сказавшись, отправилась въ путь-дорогу дальнюю. Приходитъ къ проклятому королю на дворъ и заиграла въ гусли, да такъ хорошо, что вѣкъ бы слушалъ — не наслушался. Король какъ

услыхалъ такую славную музыку, тотчасъ велѣлъ позвать гусляра во дворецъ. «Здравствуй, гусляръ!» изъ которой земли ты, изъ котораго царства?» спрашиваетъ король. Отвѣчаетъ ему гусляръ: «Сызмала хожу, ваше величество, по бѣлому свѣту, людей веселю, да тѣмъ свою голову кормлю». — «Оставайся-ка у меня, поживи день, другой, третій; а я тебя щедро награжу». Гусляръ остался; день-деньской передъ королемъ играетъ, а тотъ все до́сыта не паслушается: «экая славна музыка! всякую скуку, всякую тоску какъ рукой снимаетъ». Прожилъ гусляръ у короля три дня и приходитъ прощаться. «Что жъ тебѣ за труды пожаловать?» спрашиваетъ король. — «А пожалуй, государь, мнѣ единаго невольника, у тебя много въ темницѣ насажено; а мнѣ нуженъ товарищъ въ дорогѣ. Хожу я по чужедальнымъ государствамъ; иной разъ не съ кѣмъ слова вымолвить». — «Изволь, выбирай себѣ любого!» сказалъ король и повелъ гусляра въ темницу. Гусляръ огля́нулъ заключенныхъ, выбралъ себѣ царя-невольника, и пошли они вмѣстѣ странствовать. Подходятъ къ своему государству, царь и говоритъ: «Отпусти меня, доброй человѣкъ! я вѣдь — не простой невольникъ, я самъ царь; сколько хочешь, бери выкупу: ни денегъ, ни крестьянъ не пожалѣю». — «Ступай съ Богомъ! говоритъ гусляръ: мнѣ твоего ничего не надо». — «Ну, хоть въ гости ко мнѣ зайди». — «Будетъ время — побываю». Тутъ они распрощались и пошли каждый своею доро́гою. Царица побѣжала окольною доро́гою, прежде мужа домой поспѣла, сняля съ себя гуслярское платье и нарядилась, какъ быть слѣдуетъ. Черезъ часъ времени закричали, забѣгали по дворцу придворные: царь пришелъ! Царица къ нему навстрѣчу бросилась, а онъ со всѣми здоровается, а на нее и смотрѣть не хочетъ. Поздоровался съ министрами и говоритъ:

«Вотъ, господа, какова жена у меня! теперь на шею бросается, а какъ сидѣлъ я въ неволѣ да писалъ къ ней, чтобъ все добро продавала да меня выкупала — небось, ничего не сдѣлала. О чемъ же она думала, коли мужа позабыла?» Министры доложили царю: «Ваше величество! какъ только царица получила ваше письмо, въ тотъ же самой день неизвѣстно куда скрылася и все это время пропадала; во дворецъ только сегодня явилась». Царь сильно разгнѣвался и приказываетъ: «Господа министры! судите мою невѣрную жену по правдѣ по истинной. Гдѣ она по бѣлу свѣту таскалася? зачѣмъ не хотѣла меня выкупать? Не видать бы вамъ своего царя вѣки вѣчные, если бъ не молодой гусляръ; за него стану Бога молить, ему половину царства не пожалѣю отдать». Тѣмъ временемъ царица успѣла нарядиться гусляромъ, вышла на дворъ и заиграла въ гусли. Царь услыхалъ, побѣжалъ навстрѣчу, схватилъ музыканта за руку, приводитъ во дворецъ, и говоритъ своимъ придворнымъ: «Вотъ этотъ гусляръ, что меня изъ неволи выручилъ!» Гусляръ сбросилъ съ себя верхнюю одёжу — и всѣ тотчасъ узнали царицу. Тутъ царь возрадовался; началъ на радостяхъ пиръ пировать, да такъ цѣлую недѣлю и прохлаждалися.

196
Отецъ и дочь

Въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ жилъ-былъ богатой купецъ, у него жена была красавица, а дочь такова, что даже родную мать красотой превзошла. Пришло время, купчиха заболѣла и померла. Жаль было купцу, да дѣлать нечего; похоронилъ ее, поплакалъ-погоревалъ, и сталъ на свою дочь засматриваться. Обуяла его нечистая любовь, при-

ходитъ онъ къ родной дочери и говоритъ: «Твори со мной грѣхъ!» Она залилась слезами, долго его уговаривала-умоляла; нѣтъ, ничего не слушаетъ: «Коли не согласишься, говоритъ, сейчасъ порѣшу твою жизнь!» И сотворилъ съ нею грѣхъ насильно, и съ того самаго времени понесла она чадо. А у того купца было двѣнадцать приказчиковъ. Какъ только запримѣтилъ онъ, что дочь тяжела, тотчасъ началъ ее выспрашивать: «Послушай, дочь моя милая! когда ты родишь, на кого скажешь?» — «На кого мнѣ сказывать? прямо на тебя». — «Нѣтъ, дочка! ты на меня не сказывай, а лучше скажи на приказчика». — «Ахъ, отецъ! какъ я скажу понапрасну на человѣка невиннаго?» Сколько купецъ ее ни уговаривалъ, она все свое твердитъ. А время идетъ да идетъ. Вдругъ пріѣзжаетъ за нимъ гонецъ отъ государя: «Царь де спрашиваетъ». Пріѣхалъ къ царю: «Что, ваше величество, прикажете?» — «Собери корабли да поѣзжай въ тридесятое государство за товарами». Ну, царя нельзя не послушаться; хоть не хочешь — поѣдешь. Велѣлъ купецъ изготовить все къ походу, а самъ къ дочери: «Въ послѣдній разъ тебя, дочка, спрашиваю: когда ты родишь, на кого скажешь?» — «На кого мнѣ сказывать? прямо на тебя». Купецъ схватилъ острой мечъ со стѣны, и отсѣкъ ей голову: кровь такъ и брызгнула! Послѣ взялъ убитую, отнёсъ въ садъ и спряталъ въ погребъ; самъ сѣлъ на корабль и уѣхалъ въ тридесятое государство.

Всѣмъ домомъ купеческимъ сталъ заправлять главной приказчикъ. Вотъ въ первую же ночь снится ему, будто кто говоритъ: «Что ты спишь! ничего не вѣдаешь, что у тебя приключилося?» Приказчикъ проснулся, взялъ ключи и пошелъ по кладовымъ; кажись всѣ кладовыя обошелъ, а одинъ ключъ все лишній, и не придумаетъ приказчикъ, что бы такое тѣмъ ключомъ

было заперто. «Дай пойду въ садъ, поразгуляюся!» Только онъ въ садъ, а соловей на кустикѣ, да громко поетъ, словно человѣческимъ голосомъ выговариваетъ: «Доброй мо́лодецъ! вспомни про меня, я здѣсь лежу!» Приказчикъ сталъ присматриваться и набрёлъ на погребъ; еле-еле доискался входа — такъ заросло все травой да деревьями. Попробовалъ — лишній ключъ какъ разъ сюда пришелся; отворилъ дверь, а въ томъ погребѣ стоитъ гробъ, въ гробу дѣвица, кругомъ свѣчи горятъ воску яраго, по стѣнамъ образа въ золотыхъ ризахъ такъ и свѣтятся. Говоритъ ему дѣвица, дочь купеческая: «Сослужи мнѣ службу, доброй мо́лодецъ! облегчи меня: возьми мечъ и вынь изъ меня младенца». Приказчикъ побѣжалъ за мечомъ; входитъ въ ту самую горницу, гдѣ отецъ дочь загубилъ, смотритъ — а на полу, гдѣ кровь текла, тамъ цвѣты цвѣтутъ! Взялъ мечъ, воротился въ садъ, разрѣзалъ у купеческой дочери чрево, вынулъ младенца и отдалъ его воспитывать своей матери. Ни много, ни мало прошло времени, пріѣхалъ купецъ изъ тридесятаго государства; сталъ государю про свои дѣла докладывать, а мальчикъ прибѣжалъ во дворецъ, да все возлѣ нихъ увивается. «Чей такой славной ребёнокъ?» спрашиваетъ царь. — Это сынъ моего приказчика. Царь пожелалъ видѣть этого приказчика; позвали его во дворецъ, а онъ тотчасъ и разсказалъ все, какъ было. Царь приказалъ купца разстрѣлять, а мальчика взялъ къ себѣ: и теперь при государѣ живетъ!

197
Солдатъ и царь въ лѣсу

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ мужикъ; у него было два сына. Пришла солдатчина, и взяли старшаго сына въ рекруты. Слу-

жилъ онъ государю вѣрою и правдою, да таково счастливо, что въ нѣсколько лѣтъ дослужился до генеральскаго чина. Въ это самое время объявили новой наборъ, и палъ жеребей на его меньшого брата; забрили ему лобъ, и случилось такъ, что онъ попалъ въ тотъ самой полкъ, въ которомъ братъ его былъ генераломъ. Солдатъ призналъ было генерала, да куды! тотъ отъ него начисто отказывается: «Я тебя не знаю, и ты меня не вѣдай!» Разъ какъ-то стоялъ солдатъ на часахъ у полкового ящика, возлѣ генеральской квартиры; а у того генерала былъ большой званой обѣдъ, и наѣхало къ нему много офицеровъ и баръ. Видитъ солдатъ, что кому веселье, а ему — нѣтъ ничего, и залился горькими слезами. Стали его спрашивать гости: «Послушай, служивой, что ты плачешь?» — «Какъ мнѣ не плакать? мой родной братъ гуляетъ да веселится, про меня не вспомянетъ». Гости разсказали про то генералу, а генералъ разсердился: «Что вы ему вѣрите? сдуру врётъ!» Приказалъ смѣнить его съ часовъ и дать ему триста палокъ, чтобъ не смѣлъ въ родню причитаться. Обидно показалось это солдату; нарядился въ свою походную амуницію и бѣжалъ изъ полку. Долго ли, коротко ли — забрался онъ въ такой дикой, дремучій лѣсъ, что мало кто туда и захаживалъ, и сталъ тамъ время коротать, ягодами да кореньями питаться. Вскорѣ послѣ того собрался царь и выѣхалъ на охоту съ большою свитою; поскакали они въ чистое поле, распустили гончихъ собакъ, затрубили въ трубы и начали тѣшиться. Вдругъ откуда ни взялся — выскочилъ красивой олень, стрѣлой мимо царя и бухъ въ рѣку; переплылъ на другую сторону и прямо въ лѣсъ. Царь за нимъ, плылъ-плылъ, скакалъ-скакалъ... смотритъ — олень изъ глазъ скрылся, охотники далеко назади остались, а кругомъ густой темной лѣсъ; куда

ѣхать? — невѣдомо, ни одной тропинки не видно. До самаго вечера блуждалъ онъ и крѣпко умаялся. Попадается ему навстрѣчу бѣглой солдатъ. «Здравствуй, доброй человѣкъ! какъ сюда попалъ?» — «Такъ и такъ, поѣхалъ поохотиться, да въ лѣсу заблудился; выведи, братъ, на дорогу». — «Да ты кто таковъ?» — «Царской слуга». — «Ну, теперь темно; пойдемъ, лучше гдѣ-нибудь въ оврагѣ ночуемъ, а завтра я тебя на дорогу выведу». Пошли искать — гдѣ бы имъ ночь переспать; шли-шли, и увидали избушку. «Эва! Богъ ночлегъ послалъ; зайдемъ сюда», говоритъ солдатъ. Входятъ они въ избушку; тамъ сидитъ старуха. «Здорово, бабушка!» — «Здорово, служивой!» — «Давай намъ пить да ѣсть!» — «Сама бы съѣла, да нечего». — «Врёшь ты, старая чертовка!» сказалъ солдатъ, и сталъ въ печи да по полкамъ шарить; глядь — у старухи всего вдоволь: и вино припасено, и кушанье всякое изготовлено. Сѣли за столъ, поужинали всласть, и полѣзли на чердакъ спать. Говоритъ солдатъ царю: «Бережнаго и Богъ бережетъ! пусть одинъ изъ насъ отдыхаетъ, а другой на часахъ стоитъ». Кинули жеребей, доставалось первому царю сторожить. Солдатъ далъ ему свой острой тесакъ, поставилъ у дверей; заказалъ не дремать, а коли что случится — тотчасъ его разбудить; самъ лёгъ спать, и думаетъ: «Какъ-то будетъ мой товарищъ на часахъ стоять? пожалуй, съ непривычки не сможетъ. Дай на него посмотрю». Вотъ царь стоялъ-стоялъ, и начало его въ сонъ клонить. «Что качаешься? окликаетъ его солдатъ: аль дремлешь?» — «Нѣтъ!» отвѣчаетъ царь. «То-то, смотри!» Царь постоялъ съ четверть часа и опять задремалъ. «Эй, пріятель! никакъ ты спишь?» — «Нѣтъ, и не думаю». — «Коли заснешь, не пеняй на меня!» Царь постоялъ еще съ четверть часа; ноги у него подкосились, сва-

лился онъ на полъ и заснулъ. Солдатъ вскочилъ, взялъ тесакъ и давай его угощать да приговаривать: «Развѣ такъ караулъ держатъ? я десять лѣтъ прослужилъ, мнѣ начальство ни одной ошибки не простило; а тебя знать не учили! Разъ-другой простилъ, а ужъ третья вина завсегда виновата . . . Ну, теперь ложись спать; я самъ на часы стану». Царь лёгъ спать, а солдатъ на часахъ стоитъ, глазъ не смыкаетъ. Вдругъ засвистали-захлопали, пріѣхали въ ту избушку разбойники; старуха встрѣчаетъ ихъ и говоритъ: «Къ намъ де гости ночевать пришли». — «Ладно, бабушка! вотъ мы цѣлую ночь понапрасну проѣздили, а наше счастье само въ избу привалилося. Давай-ка напередъ ужинать!» — «Да вѣдь гости наши все пріѣли, все выпили!» — «Ишь смѣльчаки какіе! да гдѣ они?» — «На чердакъ спать забрались». — «Ну, я пойду, съ ними сдѣлаюсь!» сказалъ одинъ разбойникъ, взялъ большой ножъ и полѣзъ на чердакъ; только просунулъ было въ дверь голову, солдатъ какъ шаркнетъ тесакомъ — такъ голова и покатилася; солдатъ тотчасъ втащилъ на чердакъ туловище, стоитъ-дожидается: что дальше будетъ? Разбойники ждали-ждали, и говорятъ: «Что онъ долго возится?» Послали другого; солдатъ и того убилъ. Вотъ такъ-то въ короткое время перебилъ онъ всѣхъ разбойниковъ. На разсвѣтѣ проснулся царь, увидалъ трупы и спрашиваетъ: «Ахъ, служивой! куда мы попались?» Солдатъ разсказалъ ему все, какъ было. Потомъ сошли они съ чердака. Увидалъ солдатъ старуху и закричалъ на нее: «Постой, старая чертовка! я съ тобой раздѣлаюсь. Ишь, что выдумала — разбой держать! Подавай сейчасъ всѣ деньги!» Старуха открыла сундукъ полонъ золота; солдатъ насыпалъ золотомъ ранецъ, набилъ всѣ карманы, и говоритъ своему товарищу: «Бери и ты!» Отвѣчаетъ царь:

«Нѣтъ, братъ! не надобно! у нашего царя и безъ того денегъ много, а коли у него есть — и у насъ будутъ». — «Ну, какъ знаешь!» сказалъ солдатъ и повелъ его изъ лѣсу; вывелъ на большую дорогу: «Ступай, говоритъ, по этой дорогѣ; черезъ часъ въ городѣ будешь». — «Прощай! говоритъ царь: спасибо тебѣ за услугу. Побывай ко мнѣ, я тебя счастливымъ человѣкомъ сдѣлаю». — «Полно врать! вѣдь я въ бѣгахъ, если въ городъ покажусь — сейчасъ схватятъ». — «Не сомнѣвайся, служивой! меня государь очень любитъ; коли я за тебя попрошу да про твою храбрость разскажу, онъ не то что проститъ, еще тебя пожалуетъ». — «Да гдѣ тебя найтить?» — «Прямо во дворецъ приходи». — «Ну, ладно; завтра побываю». Распрощался царь съ солдатомъ и пошелъ по большой дорогѣ; приходитъ въ свой столичной городъ, и не мѣшкая отдаетъ приказъ по всѣмъ заставамъ, абвахтамъ[1] и карауламъ, чтобъ не зѣвали: какъ скоро покажется такой-то солдатъ, сейчасъ отдавали бы ему генеральскую честь. На другой день только показался солдатъ у заставы, сейчасъ весь караулъ выбѣжалъ и отдалъ ему генеральскую честь. Дивуется солдатъ: «Что бъ это значило?» и спрашиваетъ: «Кому вы честь отдаете?» — «Тебѣ, служивой!» Онъ вынулъ изъ ранца горсть золота и далъ караульнымъ на водку. Идетъ по городу; куда ни покажется, вездѣ часовые ему честь отдаютъ — только успѣвай на водку отчитывать. «Экой, думаетъ, болтунъ — этотъ царской слуга! всѣмъ успѣлъ разблаговѣстить, что у меня денегъ много». Подходитъ ко дворцу, а тамъ уже войско собрано и встрѣчаетъ его государь въ томъ самомъ платьѣ, въ которомъ на охотѣ былъ. Тутъ только узналъ солдатъ, съ кѣмъ онъ въ лѣсу ночь ночевалъ, и крѣпко испугался: «Это

[1]) Гауптвахтамъ.

де царь, а я съ нимъ, словно съ своимъ братомъ, тесакомъ, управился!» Царь взялъ его за̀ руку, передъ всѣмъ войскомъ поблагодарилъ за свое спасеніе и наградилъ генеральскимъ чиномъ, а старшаго брата его въ солдаты разжаловалъ: не отказывайся впередъ отъ роду отъ племени!

198
Солдатъ и разбойникъ

Жилъ-былъ мужикъ да баба; мужикъ-то разбоемъ промышлялъ, а жена ему помогала. Вотъ разъ поѣхалъ онъ на разживу; дома оставалась одна баба. На ту пору случилось проходить той деревней солдату; постучался къ ней въ окно и просится: «Пусти переночевать, хозяюшка!» — «Ступай!» Солдатъ вошелъ въ избу, снялъ съ себя ранецъ и лёгъ спать. Немного погодя, пріѣзжаетъ хозяинъ, увидалъ гостя и говоритъ: «Ну, слава Богу! хоть на дорогѣ не выѣздилъ, да въ избѣ нашелъ!» Сѣлъ ужинать и велитъ женѣ: «Разбуди-ка солдата! пусть и онъ со мной поужинаетъ». Вотъ и солдатъ усѣлся за столъ; хозяинъ наливаетъ ему стаканъ вина — онъ выпилъ; наливаетъ другой — и другой выпилъ; наливаетъ третій — а онъ больше не пьетъ, отнѣкивается. «Не чванься! хоть пей, хоть не пей — все равно помирать!» сказалъ хозяинъ; вылѣзъ изъ-за стола, взялъ въ руки топоръ и говоритъ: «Ну, служивой, молись Богу; немного тебѣ жить осталось!» Солдатъ началъ просить, умолять, чуть не въ землю кланяется — нѣтъ, ничего не беретъ. Сталъ онъ на колѣни передъ святою иконою и такъ усердно, отъ всего сердца молится, да въ грѣхахъ кается. «Скорѣй молись! пора!» А солдатъ все стои́тъ да молится. Вдругъ кто-то стукнулъ въ окно, и не-

вѣдомый голосъ провѣстился: «Служба! а, служба! что ты копаешься? иди, я тебя давно дожидаюсь». Мужикъ испугался и топоръ выронилъ, а солдатъ надѣлъ ранецъ и вышелъ на крыльцо — стоитъ тройка добрыхъ коней; онъ сѣлъ въ повозку — лошади понеслись, и не успѣлъ солдатъ очнуться — глядь: передъ нимъ отцовской дворъ. Тройка пропала, словно ея и не было. Возблагодарилъ солдатъ Бога за свое спасеніе и пошелъ въ избу; отецъ съ матерью обрадовались ему, не знаютъ — какъ принять, чѣмъ угостить. Живетъ у нихъ солдатъ день и другой; на третій пріѣзжаетъ къ нимъ въ гости тотъ самый мужикъ, что хотѣлъ было порѣшить солдата; вишь, разбойникъ-то былъ женатъ на его родной сестрѣ, только солдатъ про то не вѣдалъ, да и сестра его не признала. Сейчасъ за столъ, стали ѣсть да пить; разбойникъ смекнулъ, что его дѣло неладно, сидитъ — не пьетъ; а солдатъ его подчуетъ: «Хоть пей, говоритъ, хоть не пей — все одно помирать!» — «Богъ съ тобой, сынокъ! что ты говоришь нехорошее? . . .» напустились на него отецъ съ матерью. Солдатъ разсказалъ все, какъ было; тутъ разбойника схватили, заковали и въ острогъ отправили.

199
Разбойники

Жилъ-былъ попъ съ попадьею; у нихъ была дочка Аленушка. Вотъ этого попа позвали на свадьбу; онъ собрался ѣхать съ женою, а дочь оставляетъ домосѣдкою. «Матушка! я боюсь оставаться одна», говоритъ Аленушка матери. «А ты собери подружекъ на посидѣлки, и будешь не одна». Попъ и попадья уѣхали, а Аленушка собрала подружекъ; много сошлось ихъ съ работою; кто вяжетъ, кто плететъ, а кто и прядетъ.

Одна дѣвица уронила невзначай веретено; оно покатилось и упало въ трещину, прямо въ погребъ. Вотъ она полѣзла за веретеномъ въ погребъ, сошла туда, смотритъ, а тамъ за кадушкою сидитъ разбойникъ и грозитъ ей пальцемъ. «Смотри, говоритъ онъ: не разсказывай никому, что я здѣсь, а то не быть тебѣ живой!» Вотъ вылѣзла она изъ погреба блѣдная-блѣдная, разсказала все шопотомъ одной подружкѣ, та другой, а эта третьей, и всѣ, перепуганныя, стали собираться домой. «Куда вы? уговариваетъ ихъ Аленушка: постойте, еще рано!» Кто говоритъ, что ей надо по̀ воду идти; кто говоритъ, что ей надо отнести къ сосѣду холстъ, — и всѣ ушли. Осталась одна Аленушка.

Разбойникъ услыхалъ, что все пріутихло, вышелъ изъ погреба и говоритъ ей: «Здравствуй, красная дѣвица, пирожная мастерица!» — «Здравствуй!» отвѣчаетъ Аленушка. Разбойникъ осмотрѣлъ все въ избѣ, и вышелъ посмотрѣть еще на дворѣ, а Аленушка тѣмъ временемъ поскорѣй двери заперла и огонь потушила. Разбойникъ стучится въ избу: «Пусти меня, а то я тебя зарѣжу!» — «Не пущу; коли хочешь, полѣзай въ окно!» а сама приготовила топоръ. Только разбойникъ просунулъ въ окно голову, она тотчасъ ударила топоромъ и отрубила ему голову, а сама думаетъ: «Скоро пріѣдутъ другіе разбойники, его товарищи; что мнѣ дѣлать?» Взяла отрубленную голову и завязала въ мѣшокъ; послѣ притащила убитаго разбойника, разрубила его въ куски и поклала ихъ въ разные мѣшки и горшки. Прошло ни много ни мало, пріѣхали разбойники и спрашиваютъ: «Справился ли?» — они думали, что товарищъ ихъ живъ. «Справился, говоритъ Аленушка голосомъ разбойника: вотъ два мѣшка денегъ, вотъ крынка масла, вотъ вет-

чина!» и подаетъ приготовленные мѣшки и горшки въ окно. Разбойники забрали все это да на возъ. «Ну, поѣдемъ!» говорятъ они. «Поѣзжайте, говоритъ Аленушка, а я посмотрю, нѣтъ ли еще чего». Тѣ и уѣхали.

Разсвѣло. Попъ съ попадьей воротились со свадьбы. Она и разсказала имъ все, какъ было: «Такъ и такъ, сама разбойниковъ 'побѣдила». А разбойники пріѣхали домой, да какъ поглядѣли въ мѣшки и въ горшки, такъ и ахнули: «Ахъ она такая-сякая! хорошо же, мы ее сгубимъ!» Вотъ нарядились они хорошо, и пріѣхали къ попу свататься за Аленушку, а въ женихи ей выбрали дурачка, нарядили и его. Аленушка смѣтила ихъ по голосу и говоритъ отцу: «Батюшка! это не сваты, это тѣ разбойники, что прежде пріѣзжали». — «Что ты врешь? говоритъ попъ: они такіе нарядные!» а самъ-то радъ, что такіе хорошіе люди пріѣхали свататься за его дочь, и приданаго не берутъ. Аленушка плакать — ничего не помогаетъ. «Мы тебя изъ дому прогонимъ, коли не пойдешь теперь замужъ!» говоритъ попъ съ попадьею. И просватали ее за разбойника и сыграли свадьбу. Свадьба была самая богатая.

Повезли разбойники Аленушку къ себѣ, и только въѣхали въ лѣсъ — и говорятъ: «Что жъ, здѣсь станемъ ее казнить?» А дурачокъ и говоритъ: «Хочь бы она денечекъ прожила, я бы на нее поглядѣлъ». — «Ну, что тебѣ, дураку, смотрѣть!» — «Пожалуйста, братцы!» Разбойники согласились, поѣхали и привезли Аленушку къ себѣ, пили-пили, гуляли-гуляли; потомъ и говорятъ: «Что жъ, теперь пора ее сказнить!» А дурачокъ: «Хочь бы мнѣ одну поченьку съ нею переночевать». — «Ну, дуракъ, она пожалуй еще уйдетъ!» — «Пожалуйста, братцы!» Разбойники согласились на его просьбу, и оставили ихъ въ особой клѣти. Вотъ Аленушка и

говоритъ мужу: «Пусти меня на дворъ — я простужусь»[1]. — «А ну какъ наши-то услышатъ?» — «Я потихонечку; пусти хочь въ окошко». — «Я бы пустилъ, а ну какъ ты уйдешь?» — «Да ты привяжи меня; у меня есть славной холстъ, отъ матушки достался: обвяжи меня холстомъ и выпусти, а когда потянешь — я опять влѣзу въ окно». Дурачокъ обвязалъ ее холстомъ. Вотъ она это спустилась, поскорѣй отвязалась, а замѣсто себя привязала за рога козу, и немного погодя говоритъ: «Тащи меня!» — а сама убѣжала. Дурачокъ потащилъ, а коза — *мекеке*, *мекеке*! Что ни потянетъ, коза все — *мекеке* да *мекеке!* «Что ты мекéкаешь? говоритъ молодой: наши услышатъ, сейчасъ же тебя изгубятъ». Притащилъ, хвать, — а за холстъ привязана коза. Дурачокъ испугался, и не знаетъ, что дѣлать: «Ахъ, она проклятая! вить обманула». Поутру входятъ къ нему разбойники. «Гдѣ твоя молодая?» спрашиваютъ его. «Ушла». — «Ахъ, ты дуракъ, дуракъ! вить мы жъ тебѣ говорили, такъ нѣтъ!»

Сѣли верхами и поскакали нагонять Аленушку; ѣдутъ съ собаками, хлопаютъ да свищутъ — такая страсть! Аленушка услыхала погоню и влѣзла въ дупло сухого дуба, и сидитъ тамъ ни жива, ни мертва, а вокругъ этого дуба собаки такъ и вьются. «Нѣтъ ли тамъ ее? говоритъ одинъ разбойникъ другому: ткни-ка, братъ, туда ножомъ». Тотъ ткнулъ ножомъ въ дупло и попалъ Аленушкѣ въ колѣнку. Только Аленушка была догадлива, схватила платокъ и обтерла ножъ. Посмотрѣлъ разбойникъ на свой ножъ и говоритъ: «Нѣтъ, ничего не видать!» И опять они поскакали въ разныя стороны, засвистали и захлопали.

[1]) Простудиться — прохладиться, подышать свѣжимъ воздухомъ.

Когда все стихло, Аленушка вылѣзла изъ дупла и побѣжала; бѣжала-бѣжала, и слышитъ опять погоню. А по дорогѣ, видитъ она, ѣдетъ мужикъ съ корытами и лотками. «Дяденька, спрячь меня подъ корыто!» проситъ она. «Эка, ты какая нарядная! ты вся вымараешься». — «Пожалуйста, спрачь! за мной разбойники гоняются». Мужикъ раскидалъ корыта, положилъ ее подъ самое нижнее, и опять сложилъ. Только-что успѣлъ кончить, какъ наѣхали разбойники. «Что, мужикъ, не видалъ ли такой-то женщины?» — «Не видалъ, родимые!» — «Врешь! сваливай корыта». Вотъ онъ сталъ сбрасывать корыта и посбросалъ ужъ всѣ, кромѣ послѣдняго. «Нечего, братцы, здѣсь искать; поѣдемте дальше!» сказали разбойники, и поскакали съ гамомъ, свистомъ и хлопаньемъ.

Когда все стихло, Аленушка и проситъ: «Дяденька, пусти меня!» Мужикъ выпустилъ ее, и она опять побѣжала; бѣжала-бѣжала, и слышитъ опять погоню. А по дорогѣ, видитъ она, ѣдетъ мужикъ — везетъ кожи. «Дяденька, молитъ она, спрячь меня подъ кожи! за мной разбойники гоняются». — «Эка, вишь ты, какая нарядная! подъ кожами ты вся вымараешься». — «Ничего, только спрячь!» Мужикъ раскидалъ кожи, положилъ ее подъ самую нижнюю, и опять сложилъ все попрежнему. Только-что успѣлъ кончить, какъ наѣхали разбойники. «Что, мужикъ, не видалъ ли такой-то женщины?» — «Не видалъ, родимые!» «Врешь! сваливай кожи». — «Да зачѣмъ, родимые, стану я разбрасывать свое добро?» Разбойники бросились сами сбрасывать кожи и посбросали, почитай, всѣ кожи; только двѣ-три оставалось. «Нечего, братцы, здѣсь искать; поѣдемте дальше!» сказали они, и поскакали съ гамомъ, свистомъ и хлопаньемъ.

Когда не стало слышно ни стуку этого, ни грому, она и проситъ: «Дяденька, пусти меня!» Мужикъ выпустилъ ее, и она опять побѣжала; бѣжала-бѣжала, и пришла домой въ полночь, да и легла въ стогъ сѣна, закопалась туда вся, и заснула. Разсвѣло. Попъ пошелъ давать коровамъ сѣна, и только воткнулъ вилами въ стогъ, — Аленушка и схватилась руками за вилы. Попъ оробѣлъ, крестится и говоритъ: «Съ нами крестная сила! Господи помилуй!» Потомъ ужъ спросилъ: «Кто тамъ?» Аленушка узнала отца и вылѣзла изъ сѣна. «Какъ ты сюда попала?» — «Такъ и такъ, вы отдали меня разбойникамъ; они хотѣли меня убить, да я убѣжала» — и разсказываетъ всѣ страсти. Немножко погодя, пріѣзжаютъ къ попу разбойники, а опъ Аленушку спряталъ. Попъ спрашиваетъ: «Жива ли, здорова дочка моя?» — «Слава Богу! она осталась дома хозяйничать», говорятъ разбойники, и сѣли они какъ бы въ гостяхъ; а попъ тѣмъ временемъ собралъ солдатъ, потомъ вывелъ дочь и говоритъ: «А это кто?» Тутъ разбойниковъ похватали, связали, да въ тюрьму.

Записана въ Воронежской губ., въ Бобровскомъ у.

200
Королевна и разбойники

Быу сабѣ круль съ крулёвай, и мѣли адну дачку нельми харошую, и да іѣ сваталися дванадцать кавалерау[1], а тые кавалеры были усѣ разбойники. Ты разбойники прасили, кабъ кали-нибудзь яна да ихъ прышла багато-убранная. Аднаго разу, безъ вѣдама айца[2], яна сабралася дый пашла па той дарозѣ, па якой яны ёй паказали. Идзе яна дакъ идзе лѣсамъ,

[1]) Жениховъ.
[2]) Отца.

ажъ у лѣсѣ стаіць палацъ. Вайшла у той палацъ, ажъ у першой хацѣ стаяць бочки з' кровёй чоловѣчай, у другой хацѣ усё чоловѣчія голавы, ноги, руки, у трецей усё тулубы[1] чоловѣчія, у чацвёртай самые боты[2] и чаравікі[3], у пятой адзенё[4] сукоиное и матеріи, у шостой и у сёмой сребро и бриляпты, а восмая — тая хата, гдзѣ жили разбойшики. Хадзила яна, хадзила па усѣхъ пакояхъ, и якъ пачула[5] стукъ — схавалася падъ ложко. Сядзіць яна тамъ, ажъ уходзяць тые дванадцаць разбойникоу и прыводзяць съ сабою нѣякую вельми харошую и багатую панну; узяли яну разабрали[6] да-гола, палажили на калодку и зарѣзали, а послѣ зачали знімаць персцёнки з' рукъ, и з' аднаго пальца шякъ не магли зняць. Адзінъ каже, што аддайце мпѣ гэты персцёнакъ. «Добра!» казали усѣ. Іонъ узяу сакеру и якъ рубнуу, дакъ палецъ з' персцёнкомъ палецѣу падъ тое ложко, гдзѣ сядзѣла кралеуна. Разбойникъ палѣзъ падъ ложко шукаць персцёнка; але якъ было цёмно, то не знашоу персцёнка и адлажиу да заутра. Кралеунѣ ажъ млосно[7] зробилося з' страху, бо яна чула усю ихъ гутарку[8]. Яны гаварили, кабъ якъ-нибуць звясци кралеуну да себѣ убрапую и послѣ забиць. Доуго гуляли, пили, ѣли разбойшики, а якъ надышла поуначъ, дакъ усѣ парасходзилисе: адзинъ пашоу у лѣсъ, други пашоу на гасцинецъ[9], треци на други гасцинецъ, а решта[10] паразходзились у усѣ

[1]) Туловища.
[2]) Сапоги.
[3]) Башмаки.
[4]) Одежда, платье.
[5]) Послышала.
[6]) Раздѣли.
[7]) Тошно.
[8]) Разговоръ.
[9]) Большая дорога.
[10]) Остальные.

стораны. Кралеуна, якъ яны навыходзили, вылязла знадъ ложка дый пашла просто да дому. Прышоуты да дому, яна ничаго никаму не казала, што бачила, и лягла спакойне спаць.

На други дзень рано разсказала кралеуна абъ усёмъ свайму бацьку, и іонъ канечне захацѣу ихъ палавіць. Ажъ таго самаго дня прыѣжджаюць усѣ тые разбойники на абѣдъ да караля. Доуго сядзѣли тые разбойники, а послѣ стали абѣдаць. Якъ толькі зачали ѣсци, кралеуна зачала такъ разказваць: «Мнѣ снилося сегодня, што пашла да васъ у госьци. Ишла я, дакъ ишла той дорогай, якой вы мнѣ паказали, ажъ станць палацъ; ухаджу я у той палацъ, ажъ у першой хацѣ стаяць бочки з' кровёй чоловѣчай, у другой хацѣ голавы, ноги, руки, у трецемъ пакои тулубы чоловѣчіе, у чацвёртомъ пакои самые боты и чаравики, у пятомъ пакои адзенё суконное и матеріи, у шостомъ пакои самое сребро и брилянты. А послѣ пачула стукъ и схавалася падъ ложко. Сядзѣла я тамъ, сядзѣла, ажъ уходзяць дванадцать мужчинъ и прывяли съ сабою адну вельми харошую и багатую панну; палажили яну на калодку и зарѣзали. Послѣ пазнимали персцёнки з' рукъ, але аднаго персцёнка някъ не магли зняць. Дакъ адзинъ разбойникъ каже: аддайце мнѣ гэты персцёнакъ, я яго зніму. Яны аддали той персцёнакъ, и іонъ адрубаў яго з'пальцамъ; але той палецъ палецѣу падъ тое ложко, гдзѣ я сядзѣла». Кали гэто разсказвала кралеуна, разбойники усѣ пачерванѣли[1] и дагадалися, што кралеуна была у ихъ и усё бачила. Послѣ кралеуна выняла персцёнакъ з' пальцамъ съ кишени[2] и сказала: «Гэто, што я гаварила, мнѣ не снилося, але было прауда!» Тые разбойники, бачучи, што будзе

[1]) Покраснѣли, побагровѣли.
[2]) Изъ кармана или мѣшка.

кепско[1], съ-за стала́ дый у ноги[2] празъ окна; але тамъ сядзѣли прыгатаваные людзи, каторые ихъ усѣхъ палавили ,павязали и прывели да караля. Кароль заразъ казау прыгатаваць жалѣзныя ббраны и усѣхъ дванадцаць разбойникау паразцягаць, а кралеуну аддау замужъ за аднаго великаго кралевича. Всесле[3] было гучное[4], а па весели паѣхали да таго палацу, гдзѣ жили разбойники, и пазабирали усё багацство, и прыѣхаушы назадъ, дали балъ, на которомъ и я быу, медъ-вино пиу, па барадзѣ цекло, у роцѣ не было.

Записано въ Новогрудскомъ у., Гроднепской губ., М. Дмитріевымъ.

201

Мудрая дѣвица и семь разбойниковъ

Жилъ-былъ крестьянинъ; у него было два сына: меньшой былъ въ дорогѣ, старшо́й при домѣ. Сталъ отецъ помирать и оставилъ сыну при домѣ все наслѣдство, а другому ничего не́ далъ: думалъ, что братъ брата не обидитъ. Какъ отецъ-то померъ, старшо́й сынъ его похоронилъ и все наслѣдство у себя удержалъ. Вотъ пріѣзжаетъ другой сынъ и горько плачетъ, что не засталъ отца въ живыхъ. Старшо́й ему и говоритъ: «Отецъ мнѣ все одному оставилъ!» И дѣтей-то у него не было, а у меньшого былъ сынъ родной да дочь-пріёмышъ. Вотъ старшо́й получилъ все наслѣдство, разбогатѣлъ и сталъ торговать дорогими товарами; а меньшой былъ бѣденъ, рубилъ въ лѣсу дрова да возилъ на рынокъ. Сосѣди, жалѣя его бѣдность, собрались и даютъ ему денегъ, чтобы онъ хоть мелочью торговалъ. Бѣднякъ боится, говоритъ имъ: «Нѣтъ,

[1]) Плохо (польск. kiepsko).
[2]) Т.-е. бѣжать.
[3]) Свадьба.
[4]) Шумное, громкое.

добрые люди! не возьму я ваши деньги: неравно проторгуюсь, — чѣмъ я вамъ долгъ заплачу?» И уговорились двое сосѣдей какъ-нибудь ухитриться да дать ему денегъ. Вотъ какъ поѣхалъ бѣдной за дровами, одинъ изъ нихъ настигъ его окольной дорогой и говоритъ: «Поѣхалъ я, братецъ, въ дальній путь; на дорогѣ отдалъ мнѣ должникъ триста рублей — не знаю, куда ихъ дѣвать! Домой ворочаться не хочется; возьми, пожалуй, мои деньги, похрани у себя, а лучше-ка торгуй на нихъ: я пріѣду нескоро; послѣ выплатишь мнѣ понемножку». Бѣдной взялъ деньги, привёзъ домой и боится, какъ бы ихъ не потерять, какъ бы жена не нашла да не издержала замѣсто своихъ. Думалъ, думалъ, и спряталъ въ малёнку[1] съ золой, а самъ ушелъ со двора. Пріѣхали безъ него мѣновщики — вотъ что скупаютъ золу да мѣняютъ ее на товаръ. Баба взяла и отдала имъ эту малёнку съ золой. Вернулся домой мужъ, видитъ, что малёнки нѣтъ, спрашиваетъ: «Гдѣ зола?» Жена отвѣчаетъ: «Я ее продала мѣновщикамъ». Вотъ онъ испугался, тоскуетъ и горюетъ, а только все молчитъ. Видитъ жена, что онъ печаленъ; приступила къ нему: «Что за напасть съ тобой случилась? отчего такъ печаленъ?» Онъ и признался, что въ золѣ были спрятаны у него чужія деньги; разсердилась баба — и рветъ, и мечетъ, и слезами заливается: «Зачѣмъ ты мнѣ не повѣрилъ? я бъ получше твоего припрятала!» Опять поѣхалъ мужикъ по дрова, чтобъ потомъ на рынкѣ продать да хлѣба купить. Настигаетъ его другой сосѣдъ, говоритъ ему тѣ же самыя рѣчи и даетъ подъ сохрану пятьсотъ рублей. Бѣднякъ не беретъ, отказывается, а тотъ ему насильно всунулъ деньги въ руку и поскакалъ по дорогѣ. Деньги-то были бумажками; думалъ-думалъ: куда ихъ положить? взялъ

[1]) Деревянная кадочка, мѣрка, пудовка.

да промежъ подкладки и спряталъ въ шапку. Пріѣхалъ въ лѣсъ, шапку повѣсилъ на ёлку и началъ рубить дрова. На его бѣду прилетѣлъ воронъ и унёсъ шапку съ деньгами. Мужикъ потужилъ, погоревалъ, да видно — такъ тому и быть! Живетъ себѣ попрежнему, торгуетъ дровишками да мелочью, коё-какъ перебивается. Видятъ сосѣди вр, чтоемени прошло довольно, а у бѣднаго торгъ не прибываетъ; спрашиваютъ его: «Что жъ ты, братецъ, худо торгуешь? али наши деньги затратить боишься? коли такъ, лучше отдай наше добро назадъ». Бѣдной заплакалъ и разсказалъ, какъ пропали у него ихнія деньги. Сосѣди не повѣрили и пошли просить на него въ судъ. «Какъ разсудить это дѣло? думаетъ судья: мужикъ — человѣкъ смирной, неимущій, взять съ него нечего; коли въ тюрьму посадить — съ голоду помретъ!» Сидитъ судья, пригорюнясь, подъ окошкомъ, и взяло его большое раздумье. На то время какъ нарочно играли на улицѣ мальчишки. И говоритъ одинъ — такой бойкой: «Я бурмистръ буду; стану васъ, ребята, судить, а вы приходите ко мнѣ съ просьбами». Сѣлъ на камень, а къ нему подходитъ другой мальчишка, кланяется и проситъ: «Я де вотъ этому мужичку далъ денегъ взаймы, а онъ мнѣ не платитъ; пришелъ къ твоей милости суда на него просить». — «Ты бралъ взаймы?» спрашиваетъ бурмистръ у виноватаго. «Бралъ». — «Почему жъ не платишь?» — «Нечѣмъ, батюшка!» — «Слушай, челобитчикъ! вѣдь онъ не отпирается, что бралъ у тебя деньги, а заплатить ему невмоготу; такъ ты отсрочь ему долгъ лѣтъ на пять, на шесть, авось онъ поправится и отдастъ тебѣ съ лихвою. Согласны?» Мальчишки оба поклонились бурмистру: «Спасибо, батюшка! согласны». Судья все это слышалъ, обрадовался и говоритъ: «Этотъ мальчикъ ума мнѣ далъ! скажу и я своимъ челобитчи-

камъ, чтобъ отсрочили они бѣдному». По его словамъ, согласились богатые сосѣди обождать года два-три: авось тѣмъ временемъ мужикъ поправится!

Вотъ бѣдной опять поѣхалъ въ лѣсъ за дровами, полвоза нарубилъ — и сдѣлалось темно. Остался онъ на ночь въ лѣсу: «Утромъ де съ полнымъ возомъ ворочусь домой». И думаетъ: гдѣ ему ночевать? Мѣсто было глухое, звѣрей много; подлѣ лошади лечь — пожалуй, звѣри съѣдятъ. Пошелъ онъ дальше въ чащу и взлѣзъ на большую ель. Ночью пріѣхали на это самое мѣсто разбойники — семь человѣкъ, и говорятъ: «Дверцы, дверцы! отворитеся». Тотчасъ отворились дверцы въ подземелье; разбойники давай носить туда свою добычу, снесли всю, и приказываютъ: «Дверцы, дверцы! затворитеся». Дверцы затворились, а разбойники поѣхали снова на добычу. Мужикъ все это видѣлъ, и когда кругомъ его стихло — спустился съ дерева: «А ну-тка я попробую — не отворятся ль и мнѣ эти дверцы?» И только сказалъ: «Дверцы, дверцы! отворитеся», — онѣ въ ту жъ минуту и отворились. Вошелъ онъ въ подземелье, смотритъ — лежатъ кучи золота, серебра и всякой всячины. Возрадовался бѣдной и на разсвѣтѣ принялся таскать мѣшки съ деньгами; дрова долой сбросилъ, нагрузилъ возъ серебромъ да золотомъ, и поскорѣй домой. Встрѣчаетъ его жена: «Охъ ты, мужъ-муженёкъ! а я ужъ съ горя пропадала; все думала: гдѣ ты? либо деревомъ задавило, либо звѣрь съѣлъ!» А мужикъ веселёхонекъ: «Не кручинься, жена! Богъ далъ счастья, я кладъ нашелъ: пособляй-ка мѣшки носить». Кончили работу, и пошелъ она къ богатому брату; разсказалъ все, какъ было, и зоветъ съ собой ѣхать по счастье. Тотъ согласился. Пріѣхали вмѣстѣ въ лѣсъ, отыскали ель, крикнули: «Дверцы, дверцы! отворитеся» — дверцы отво-

рились. Начали они таскать мѣшки съ деньгами; бѣдной братъ наложилъ возъ — и доволенъ сталъ, а богатому все мало. «Ну ты, братецъ, поѣзжай! говоритъ богатой: а я за тобой скоро буду». — «Ладно! не забудь же сказать: дверцы, дверцы! затворитеся». — «Нѣтъ, не забуду». Бѣдной уѣхалъ, а богатой никакъ не можетъ разстаться: всего вдругъ не увезешь, а покинуть жаль! Тутъ его и ночь засмѣгла. Пріѣхали разбойники, нашли его въ подземельи и отрубили ему голову; поснимали свои мѣшки съ возу, замѣсто того положили убитаго, настегали лошадь и пустили на волю. Лошадь бросилась изъ лѣсу и привезла его домой. Вотъ атаманъ разбойничій и бранитъ того разбойника, что убилъ богатаго брата. «Зачѣмъ ты убилъ его рано? надо было наперёдъ разспросить, гдѣ онъ живетъ? Вѣдь у насъ много добра убыло; видно, онъ же повытаскалъ! гдѣ теперь найдемъ?» Есаулъ говоритъ: «Ну, пускай тотъ и доискивается, кто его убилъ!»

Недолго спустя сталъ тотъ убійца развѣдывать: не отыщется ли гдѣ ихъ золото? Приходитъ какъ есть къ бѣдному брату въ лавочку; то-другое поторговалъ, запримѣтилъ, что хозяинъ скученъ, задумывается и спрашиваетъ: «Что такъ пріунылъ?» А тотъ и говоритъ: «Былъ у меня старшой братъ, да бѣда стряслась: кто-то убилъ его, третьёва дни лошадь на дворъ привезла съ отрубленой головою, а сегодня похоронили». Разбойникъ видитъ, что на слѣдъ попалъ, и давай разспрашивать; притворился, будто очень жалѣетъ. Узналъ, что послѣ убитаго вдова осталась, и спрашиваетъ: «Хоть есть ли у сироты свой-то уголокъ!» — «Есть — домъ важной!» — «А гдѣ? укажи мнѣ». Мужикъ пошелъ, указалъ ему братнинъ домъ; разбойникъ взялъ кусокъ красной краски и положилъ на воротахъ замѣтку.

«Это для чего?» спрашиваетъ его мужикъ. А тотъ отвѣчаетъ: «Я де хочу помочь сиротѣ, а чтобъ легче домъ найти — нарочно замѣтку сдѣлалъ». — «Э, братъ! моя невѣстка ни въ чемъ не нуждается; слава Богу, у нея всего довольно». — «Ну, а ты гдѣ живешь?» — «А вотъ и моя избушка». Разбойникъ и у него на воротахъ положилъ такую жъ замѣтку. «А это для чего?» — «Ты, говоритъ, мнѣ очень понравился; стану къ тебѣ на ночлегъ заѣзжать; повѣрь, братъ, для твоей же пользы!» Вернулся разбойникъ къ своей шайкѣ, разсказалъ все по порядку; и уговорились они ѣхать ночью — ограбить и убить всѣхъ въ обоихъ домахъ, да воротить свое золото.

А бѣдной пришелъ ко двору и сказываетъ: «Сейчасъ спознался со мной молодецъ, запятналъ мои ворота — стану, говоритъ, къ тебѣ завсегда на постой заѣзжать. Такой доброй! а какъ о братѣ сожалѣлъ, какъ хотѣлъ невѣсткѣ помочь!» Жена и сынъ слушаютъ, а дочь-пріёмышъ говоритъ ему: «Батюшка, не ошибся ли ты? ладно ли эдакъ будетъ? Не разбойники ль это убили дядюшку, а теперь хватились своего добра да насъ разыскиваютъ? Пожалуй, наѣдутъ, разграбятъ, и отъ смерти не уйдешь!» Мужикъ испугался: «А что дивить? вѣдь я его допрежде того никогда не видывалъ. Вотъ бѣда! что же дѣлать-то станемъ?» А дочь говоритъ: «Поди же ты, батюшка, возьми краски да по всему околотку и запятнай ворота такими же мѣтками». Мужикъ пошелъ и запятналъ ворота во всемъ околоткѣ. Пріѣхали разбойники и не могли ничего разыскать; воротились назадъ и приколотили развѣдчика: зачѣмъ неладно пятналъ? Наконецъ разсудили: «Видно, мы на хитраго напали!» и погодя немного приготовили семь бочекъ; въ шесть бочекъ посадили по разбойнику, а въ седьмую масла налили. Поѣхалъ прежній раз-

вѣдчикъ съ этими бочками прямо къ бѣдному брату, пріѣхалъ пóдъ вечеръ и попросился ночевать. Тотъ и пустилъ его, какъ знакомаго. Дочь вышла на дворъ, стала осматривать бочки, одну открыла — въ ней масло, другую попробовала открыть — нѣтъ, не сможетъ; припала ухомъ и слушаетъ, а въ бочкѣ кто-то шевелится и здышетъ. «Э, думаетъ, да тутъ недобрая хитрость!» Пришла въ избу и говоритъ: «Батюшка! чѣмъ будемъ гостя подчивать? семъ-ка я пойду-затоплю печку въ задней избѣ да изготовлю чего-нибудь поужинать». — «Ну, что жъ! ступай». Дочь ушла, затопила печь, да между стряпнёй все воду грѣетъ, кипятокъ носитъ да въ бочки льётъ; всѣхъ разбойниковъ заварила. Отецъ съ гостемъ поужинали, а дочь сидитъ въ задней избѣ да караулитъ, что-то будетъ? Вотъ когда хозяева уснули, гость вышелъ на дворъ, свистнулъ — никто не откликается; подходитъ къ бочкамъ, кличетъ товарищей — нѣтъ отвѣту; открываетъ бочки — оттуда паръ валитъ. Догадался разбойникъ, запрёгъ лошадей и убрался со двора съ бочками. Дочь заперла ворота, пошла будить своихъ домашнихъ, и разсказала все, что сдѣлалось. Отецъ и говоритъ: «Ну, дочка! ты намъ жизнь спасла, будь же законной женой моему сыну». Веселымъ пиркомъ и свадьбу сыграли. Молодая одно отцу твердитъ, чтобы продалъ свой старой домъ, да другой купилъ: крѣпко боялась разбойниковъ! не ровёнъ часъ — опять пожалуютъ. Такъ и случилось. Черезъ нѣкос время тотъ самой разбойникъ, что пріѣзжалъ съ бочками, снарядился офицеромъ, пріѣхалъ къ мужику и просится ночевать; его пустили. Никому невдомёкъ, только молодая признала и говоритъ: «Батюшка! вѣдь это прежній разбойникъ!» — «Нѣтъ, дочка, не тотъ!» Она и замолчала: да какъ стала спать ложиться — принесла вострой топоръ и положила

подлѣ себя; всю ночь глазъ не смыкала, все караулила. Ночью офицеръ всталъ, беретъ свою саблю и хочетъ ея мужу голову отсѣчь; она не сробѣла, махнула топоромъ — и отрубила ему правую руку, махнула еще разъ — и голову снесла. Тутъ отецъ увѣрился, что дочка его подлинно премудрая; послушался, продалъ домъ и купилъ себѣ гостиницу. Перешелъ на новоселье, началъ жить, богатѣть, расторговываться.

Заѣзжаютъ къ нему сосѣди — тѣ самые, что давали ему денегъ да послѣ на него въ судѣ просили. «Ба! ты какъ здѣсь?» — «Это мой домъ, недавно купилъ». — «Важной домъ! видно, у тебя деньгà водится. Что жъ ты долгу не платишь?» Хозяинъ кланяется и говоритъ: «Слава Богу! мнѣ Господь далъ, я кладъ нашелъ, и готовъ заплатить вамъ хоть втрое». — «Хорошо, братъ! Давай же теперь новоселье праздновать». — «Милости просимъ!» Вотъ погуляли, попраздновали; а при домѣ садъ куда хорошъ! «Можно садъ посмотрѣть?» — «Извольте, честные господа! я и самъ съ вами пойду». Ходили-ходили по̀ саду, и нашли въ дальнемъ углу малёнку золы. Хозяинъ какъ увидалъ, такъ и ахнулъ: «Честные господа! вѣдь это та самая малёнка, которую моя жена продала». — «А ну-тка, нѣтъ ли въ золѣ денегъ?» Вытряхнули, а они тутъ и есть. Тогда сосѣди повѣрили, что мужикъ имъ правду сказывалъ. «Станемъ, говорятъ, деревья осматривать; вѣдь шапку-то воронъ унёсъ — вѣрно, въ ней гнѣздо свилъ». Ходили-ходили, увидали гнѣздо, стащили баграми — какъ есть та самая шапка! Выбросили гнѣздо и нашли деньги. Заплатилъ имъ хозяинъ долгъ свой и сталъ жить богато и счастливо.

Записана въ Пермской губ. г. Александровымъ Сергачевымъ.

202

Счастье и Несчастье

Быу чоловѣкъ бѣдны, не мѣу ни снасцины[1], ни скацины, а дзѣцей мѣу шматъ[2]. Прышла вясна, а ямȕ нима чимъ гараць; людзи идуць съ сахою и скацинаю, а іонъ идзе з' жалязникомъ. Встрѣчая іонъ двѣ панны, а тыя панны были: адна — Счасцѐ, а другая Несчасцё. Пытаюць яго: «Куды, чоловѣче, идзешъ!» Такъ іонъ каже: «Панначки маи, кралеуначки! мас такое несчасцё: людзи идуць съ скацинаю, а я съ жалязникомъ; немà чимъ пражывиць дзѣцей». Дакъ тыя адна з' другою гаворачи кажуць: «Надаремъ мы яго». Дакъ Счасцё каже: «Кали твой, то ты ягò и надари». Дакъ выняли и дали ямȕ дзесяць рублёу, и сказали: «Идзи да хаты и куни сабѣ вала». Дакъ іонъ прышоу да хаты и тые гроши сховау у гарщокъ, гдѣ быу пòпелъ. Назаутра прышла да ягò сусѣдка, кума багатая, дый каже: «Чи нима у васъ попелу, бо маи палотна вельми рудыя?»[3] — «Вазьми сабѣ вотъ у гарнушку[4] станць», сказала бѣднаго чоловѣка жонка. Мужикъ, котораго не было дома, стау аглядацца и нiякъ не убачиу гарщка съ попеламъ, дый стау на жонку (крычать): куды дзѣла гроши з' гарщкомъ? Жонка зачала бажицца, што не вѣдала, што тамъ были гроши, и сказала, што гарщокъ узяла сусѣдка кума. А послѣ мужикъ (пошелъ) да кумы и стау прасицъ, кабъ аддала гроши. Яна каже, што я не бачила ихъ у цебе никали. Мужикъ пашоу да пана, и тамъ не знашоу спрàвы[5]; бо панъ сказау —

[1]) Домашней рухляди.
[2]) Довольно, много.
[3]) Замараны, нечисты.
[4]) Маленькій горшокъ съ ручкой.
[5]) Суда, расправы.

што ты грошей никали не мѣу, а хочешъ тольки у іѣ адабраць. Итакъ гроши мужика прапали.

Плакау іонъ, плакау, дый изноу идзе съ жалязникомъ, ажъ устрѣчая тыя двѣ панны. Іонъ ихъ не пазнау, а яны-яго пазнали. А послѣ пытаюць такъ само, якъ упярод; и іонъ имъ такъ само адказау, якъ упярод, и яны дали ямý двадцать рублёу. Мужикъ изноу, прышоушы да дому, схавау гроши у гумнѣ у патруху[1]. Назаутра прышла тая самая кума и зачала прасиць патрухи для целять, и жонка бѣднаго мужика изноу дала патруху, бо не вѣдала, што тамъ гроши. Мужикъ, прышоушы да дому, пашоу у гумно выняць гроши и изноу не знашоу. Прышоу у хату и стау свàрицца[2] на жонку: куды дзѣла гроши з' патрухою? Жонка сказала, што кума прихадзила и забрала патруху. Дакъ той мужикъ такъ само, якъ упярод, хадзиу и да кумы и да пана; але нигдзѣ ни знашоу справы. Усѣ казали, што у цебе никали грошей не было.

Мужикъ поплакау, дый изноу идзе и спатыкае тыя самыя панны, и яны дали яму тольки два гроши и сказали: «Идзи да рѣчки Нёмна[3], тамъ будуць лавиць рыбу, дый нiякъ не зловяць. Ты папраси, кабъ на твоё счасцё закинули». Іонъ такъ и зробиу; пашоу да Нёмна и напрасиу, кабъ на яго счасцё закинули. Якъ закинули, дакъ такъ много выцягнули рыбы, што негдзѣ было дзѣць. Рыбаки запыталися: «Колькы бы табѣ дать за гэто?» Іонъ каже, што прадайце мнѣ за два гроши. Яны прадали адну рыбку за два гроша, а другую дали ямý даромъ. Мужикъ, узяушы тыя рыбки, пашоу да дому и аддау жонци, кабъ зварила. Жонка вельми была рада съ дзѣцьми з' тыхъ рыбакъ

[1]) Мякина, труха.
[2]) Браниться.
[3]) Нѣмана.

и не варила, а палажила такъ. Ажъ ѣхау адзинъ панъ черезъ тое сяло; той мужикъ пашоу адчиниць варота и зачау смѣяцца, а панъ запытауся: «Чаго ты смѣешься!» Іонъ сказау, што у мене есць такая рыбка: хто на рыбку гляне, то кажды смѣецца. Таму пану вельми захоцѣлосе рыбки, и за тую рыбку дау мужику пару валоу, пару конѣй и тольки збожа[1], колькі мужикъ хацѣу. Итакъ мужикъ знашоу сваё счасцё у двухъ грошахъ.

Записано старшимъ учителемъ Новогрудскаго дворянскаго училища М. Дмитріевымъ въ Новогрудскомъ у., Гродненской губ.

203
Убогій

Жилъ-былъ Нѐстерка, было у него дѣтей шестерко; дѣтей-то много, да имѐнія никакого: нечѣмъ ему съ семьей кормиться, а воровать боится. Вотъ онъ запрёгъ повозку, забралъ дѣтишекъ и поѣхалъ по міру. Ѣдетъ дорогою, оглянулся назадъ — лежитъ въ грязи старичокъ безногой. И проситъ этотъ старичокъ: «Возьми меня, пожалуста, съ собою!» — «Куда мнѣ тебя, батюшка! отвѣчаетъ Нестерка: у меня шестеро дѣтей, а лошадь худая». Опять проситъ безногой: «Возьми меня, пожалуста!» Нестерка взялъ этого убогаго, посадилъ на повозку и поѣхалъ. Говоритъ ему убогой: «Давай, мы съ тобой бросимъ жеребей, кому быть изъ насъ бо́льшимъ братомъ». Бросили они жеребей, доставалось быть бо́льшимъ братомъ — убогому. Пріѣхали въ деревню. Убогой приказываетъ: «Поди, просись почевать вотъ въ этотъ домъ». Нестерка сталъ проситься ночевать; вышла старуха, отвѣчаетъ ему: «У насъ негдѣ, и безъ васъ тѣсно!» Вернулся Нестерка къ убогому: «Сюда не пускаютъ!»

[1]) Жита, хлѣба.

говоритъ; а убогой опять его посылаетъ: непремѣнно просись! Пошелъ Нестерка и таки выпросился ночевать; въѣхалъ на дворъ, сталъ носить своихъ дѣтей въ избу, и убогаго перенёсъ. Велитъ ему хозяйка: «Клади ты своихъ дѣтей подъ лавку, а безногаго на полати посади!» Посадилъ онъ безногаго на полати, а дѣтей подъ лавку положилъ. «Гдѣ твой мужъ?» спрашиваетъ хозяйку убогой. — «На разбой поѣхалъ, и двухъ сыновей взялъ». Вотъ пріѣзжаетъ домой хозяинъ, впустилъ двѣнадцать возовъ на дворъ — всѣ серебромъ насыпаны, отложилъ лошадей, и пришелъ въ избу. Увидалъ нищихъ и закричалъ на хозяйку: «Что ты за людей напустила?» — «Это нищіе, ночевать выпросилися». — «Нужно было! и на улицѣ бъ ночевали!» Сѣлъ хозяинъ съ хозяйкою и съ двумя сыновьями ужинать, а нищихъ не зовутъ. Убогой вынулъ половину просвирки, самъ покушалъ и Нестеркѣ и дѣтишкамъ его далъ: всѣ сыты наѣлись. Хозяинъ только удивляется: «Отчего такъ мы четверо цѣлой хлѣбъ съѣли — и то впроголодь, а ихъ восьмеро половиной просвирки сыты!» Какъ заснули хозяева, убогой и посылаетъ Нестерку на дворъ посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Нестерка вышелъ — всѣ лошади овесъ ѣдятъ. Въ другой разъ посылаетъ его убогой: «Поди, опять посмотри!» Вышелъ онъ, посмотрѣлъ — на всѣхъ лошадяхъ хомуты надѣты. Въ третій разъ посылаетъ Нестерку убогой; опять вышелъ онъ — всѣ лошади запряжены. Воротился въ избу и говоритъ: «Всѣ лошади въ упряжи стоятъ». — «Ну, сказалъ убогой: теперь выноси своихъ дѣтей и меня, да поѣдемъ». Сѣли они на свою повозку и поѣхали со двора, а двѣнадцать хозяйскихъ лошадей вслѣдъ за ними съ возами пошли. Ѣхали-ѣхали, и приказываетъ убогой, чтобы сходилъ Нестерка въ тотъ домъ, гдѣ они ночевали,

да рукавицы взялъ: «Я де на полатяхъ забылъ». Пришелъ Нестерка — а того дома какъ не бывало, сквозь землю провалился! однѣ рукавицы на печномъ столбу уцѣлѣли. Взялъ онъ рукавицы, приходитъ къ убогому и говоритъ, что весь домъ провалился сквозь землю. «Это Господь за разбой покаралъ! Возьми себѣ эти двѣнадцать возовъ со всѣмъ, что есть», сказалъ убогой, и изъ глазъ пропалъ. Нестерка пріѣхалъ домой, посмотрѣлъ — всѣ возы серебромъ засыпаны, и сталъ богато жить.

Посылаетъ его жена: «Что, говоритъ, лошади такъ гуляютъ? поѣзжай-ка въ извозъ». Онъ собрался и поѣхалъ въ городъ. Повстрѣчала его на дорогѣ невѣдомо-чья дѣвица: «Это, говоритъ, не твои лошади!» — «Не мои, отвѣчаетъ Нестерка: коли ты признала ихъ — возьми, Богъ съ тобой! Дѣвица взяла двѣнадцать лошадей, а мужикъ домой воротился. На другой день пришла къ нему подъ окно эта дѣвица и говоритъ: «На, возьми своихъ лошадей; я съ тобой пошутила, а ты ихъ и отдалъ!» Нестерка взялъ лошадей, смотритъ, а въ возахъ больше прежняго серебра да золота насыпано!

Записана въ Тверской губ., въ Зубцовскомъ у.

204

Безстрашный

Въ нѣкоторомъ царствѣ жилъ купеческой сынъ, сильной, смѣлой, смолоду ничего не боялся; захотѣлось ему страсти извѣдать и поѣхалъ онъ съ работникомъ странствовать. Долго ли, коротко ли — пріѣхали они къ дремучему лѣсу, а тутъ какъ нарочно смеркалося. «Поѣзжай въ лѣсъ!» говоритъ купеческой сынъ. «Эхъ, хозяинъ, сюда страшно ѣхать: вѣдь теперь ночь, могутъ либо звѣри напасть, либо разбойники

обидѣть». — «Вотъ испугался! дѣлай, что приказываю». Въѣхали они въ лѣсъ, и спустя немного увидали: виситъ на одномъ деревѣ мертвецъ. Работникъ еще пуще набрался страху, а купеческому сыну все нипочемъ — снялъ мертвеца съ дерева, положилъ въ повозку и велѣлъ ѣхать дальше. Черезъ часъ черезъ два подъѣзжаютъ они къ большому дому; въ окна огонь свѣтится. «Ну, вотъ и знатно: есть гдѣ переночевать!» говоритъ купеческой сынъ; а работникъ упирается: «Лучше въ лѣсу ночевать, чѣмъ въ этомъ домѣ: того и гляди къ разбойникамъ попадемъ — оберутъ насъ до нитки, да и смерти не миновать!» И впрямь тутъ жили разбойники; но купеческой сынъ ничего не слушаетъ, самъ и ворота отворилъ и на дворъ въѣхалъ. Выпрягъ лошадей, и беретъ съ собой работника въ хоромы. Входитъ — а тамъ за большимъ столомъ сидятъ разбойники, всѣ въ богатой одёжѣ, у всѣхъ при боку славныя сабли; пьютъ разные напитки да ѣдятъ рыбу. «Здравствуйте, господа! сказалъ имъ купеческой сынъ: посадите-ка и меня съ собой попить, покушать». Разбойники смотрятъ на него: что за молодецъ? и не отвѣчаютъ ни слова. Незваной гость самъ къ столу подходитъ, взялъ кусокъ рыбы, съѣлъ и говоритъ: «Ну, господа, плоха ваша рыба! Эй, работникъ! поди-ка, принеси сюда ту бѣлужину, что въ повозкѣ лежитъ». Работникъ сбѣгалъ, принесъ мертвеца. Купеческой сынъ взялъ мертвое тѣло, бросилъ на столъ и принялся ножомъ кромсать; отрѣзалъ кусокъ, понюхалъ и закричалъ: «Нѣтъ, не хороша и эта бѣлужина! Работникъ! лови-ка живыхъ» А самъ на разбойниковъ показываетъ; разбойники съ испугу разбѣжались въ разныя стороны и попрятались — кто куда. «Ну, вотъ ты боялся! гдѣ же страсть-то?» спрашиваетъ купеческой сынъ работника: «сядемъ

лучше за столъ да поужинаемъ». Сѣли, напились-наѣлись, а ночевать не остались; запрягли лошадей и поѣхали въ путь-дорогу. Вотъ подъѣзжаютъ они къ кладбищу. «Стой! закричалъ купеческой сынъ; остановимся здѣсь ночевать». А работникъ опять за свое: «Тутъ страшно! по ночамъ мертвецы встаютъ». — «Экой ты! всего боишься!» Остановились и легли спать на могилѣ. Купеческой сынъ заснулъ, а работнику и сна нѣтъ. Вдругъ изъ той могилы подымается мертвецъ въ бѣломъ саванѣ, огромнаго роста, навалился на купеческаго сына и началъ его душить. Тотъ пробудился, сшибъ мертвеца подъ себя и припялся въ свою очередь бить его и мучить всячески. Мертвецъ терпѣлъ-терпѣлъ и сталъ пощады просить. «Я тебя, пожалуй, отпущу (говоритъ купеческой сынъ), если ты черезъ часъ унесешь и доставишь мнѣ дочь такого-то царя, что живетъ отсюдова за тридевять земель». — «Доставлю, только отпусти!» Купеческой сынъ отпустилъ мертвеца, и черезъ часъ времени возлѣ его повозки появилась спящая царевна — на той же самой кровати, на какой обыкновенно она почивала въ царскихъ палатахъ. Купеческой сынъ не будилъ царевны до тѣхъ поръ, пока она сама не проснулась, а воротившись домой, вступилъ съ нею въ законное супружество.

Много купеческой сынъ по разнымъ землямъ странствовалъ, а страху нигдѣ не испыталъ; пріѣхалъ домой, и вотъ что случилось съ нимъ въ нѣкое время. Имѣлъ онъ сильную охоту рыбу ловить: цѣлые дни и ночи на рѣкѣ проводилъ. Матери его больно не нравилось, что онъ надолго изъ дому отлучается; вотъ она и попросила рыбаковъ какъ-нибудь испугать его. Рыбаки наловили ершей, и какъ скоро замѣтили, что купеческой сынъ, плавая въ лодкѣ, заснулъ, — подплыли

къ нему потихоньку и положили ему за пазуху нѣсколько ершей. Ерши затрепетались, купеческой сынъ испугался и упалъ въ воду, кое-какъ выплылъ, и тутъ-то впервые узналъ, что такое страхъ.

Записана въ Моршанскомъ у., Тамбовской губ., приходскимъ учителемъ А. Добровольскимъ.

205

Разсказы о мертвецахъ

(а) *У* одномъ селѣ была дѣвка — лежа̀ка, лѣнтяйка, не любила работа̀ть, абы какъ погуторить да побалакать! И здумала она собрать къ себѣ дѣвокъ на попрядухи. А въ деревняхъ вѣстимо ужъ лежа̀ки собираютъ на попрядухи, а лакомогузки ходятъ. Вотъ она собрала на̀ ночь попрядухъ; онѣ ей прядутъ, а она ихъ кормитъ, подчуетъ. То-сѐ, и разговорились: кто изъ нихъ смѣлѣе? Лежа̀ка говоритъ: «Я ничего не боюсь!» — «Ну, ежели не боишься, говорятъ попрядухи: дакъ поди мимо погоста[1] къ церкви, сними съ дверей образъ да принеси». — «Хорошо, принесу; только кажная напряди мнѣ по початку»[2]. А это чувство-то *въ* ней есть, чтобъ ей ничего самой не дѣлать, а чтобъ другіе за нее дѣлали. Вотъ она пошла, сняла образъ и принесла. Ну, тѣ видя̀тъ — точно образъ отъ церкви. Надо теперь несть образъ назадъ, а время ужъ *съ* полночи. Кому несть? Лежа̀ка говоритъ: «Вы, дѣвки, прядите; я сама отнесу, я ничего не боюсь!» Пошла, поставила образъ на мѣ́ста. Только идетъ назадъ мимо погосту, и видитъ: мертвецъ въ бѣломъ саванѣ сидитъ на могилѣ. Ночь-то мѣсяшная, все видно. Она подходитъ къ мертвецу, сташшила съ него саванъ; мертвецъ ничего не говоритъ, молчитъ — знать время

[1]) Кладбища.
[2]) Мѣра прядева.

не пришло ишша[1] ему говорить-то. Вотъ она взяла саванъ, приходить домой. «Ну, говорить, образъ отнесла, поставила на мѣста, да вотъ ишша съ мертвеца саванъ сташшила!» Дѣвки которыя спужались, которыя не вѣрють, смѣются. Тольки поужинали, легли спать, вдругъ мертвецъ стучится въ окна и говорить: «Отдай мой саванъ! отдай мой саванъ!» Дѣвки перепугались — не живы, не мертвы; а лежака берехъ саванъ, идетъ къ окну, отворила: «На, говорить, возьми!» — «Нѣтъ, отвѣчаетъ мертвецъ: неси туда, гдѣ взяла!» Тольки вдругъ пѣтухи запѣли — и мертвецъ счезъ. На другую ночь ужъ попрядухи всѣ по домамъ разошлись; въ тотъ же самой часъ опять мертвецъ приходить, стучится въ окно: «Отдай мой саванъ!» Вотъ отецъ и мать лежаки отворяютъ окно, отдаютъ ему саванъ. «Нѣтъ, говорить, пушшай она отнесеть туда, гдѣ взяла!» Ну, какъ идти съ мертвецомъ на погость? страшно! Только пѣтухи пропѣли — счезъ мертвецъ. На другой день отецъ и мать послали за свяшшенникомъ; разсказали ему такъ и *просють* пособить ихъ горю: «Нельзя ли, говорять, обѣдню отслужить!» Свяшшенникъ подумалъ: «Ну, пожалуй! велите ей завтра къ обѣдни выходить». Назавтра пошла лежака къ обѣдни; началась служба, народу много нашло! Тольки какъ стали херувимскую пѣть, вдругъ откуда поднялся страшной вихрь, ажно всѣ ницъ попадали! ухватилъ ее да оземь. Дѣвки не стало, тольки одна коса отъ неё осталась.

Записана въ Воронежской губ. Доставлена Н. И. Второвымъ.

(b) Ѣхалъ ночью мужикъ съ горшками; ѣхалъ-ѣхалъ, лошадь у него устала и остановилась какъ разъ противъ кладбища. Мужикъ выпрягъ лошадь, пустилъ на

[1]) Еще.

траву, а самъ прилёгъ на одной могилѣ; только что-то не спится ему. Лежалъ-лежалъ, вдругъ начала подъ нимъ могила растворяться; онъ почуялъ это и вскочилъ на ноги. Вотъ могила растворилась, и оттуда вышелъ мертвецъ съ гробовою крышкою, въ бѣломъ саванѣ; вышелъ и побѣжалъ къ церкви, положилъ въ дверяхъ крышку, а самъ въ село. Мужикъ былъ человѣкъ смѣлой; взялъ гробовую крышку и сталъ возлѣ своей телѣги, дожидается — что будетъ? Немного погодя пришелъ мертвецъ, хвать — а крышки-то нѣту, сталъ по слѣду добираться, добрался до мужика и говоритъ: «Отдай мою крышку, не то въ клочья разорву!» — «А топоръ-то на что? отвѣчаетъ мужикъ: я самъ тебя искрошу на мелкія части!» — «Отдай, доброй человѣкъ!» проситъ его мертвецъ. «Тогда отдамъ, когда скажешь, гдѣ былъ и что дѣлалъ?» — «А былъ я въ селѣ; уморилъ тамъ двухъ молодыхъ парней». — «Ну, скажи теперь, какъ ихъ оживить можно?» Мертвецъ поневолѣ сказываетъ: «Отрѣжь отъ моего савана лѣвую полу и возьми съ собой; какъ придешь въ тотъ домъ, гдѣ парни уморены, насыпь въ горшочекъ горячихъ угольёвъ и положи туда клочокъ отъ савана, да дверь затвори; отъ того дыму они сейчасъ оживутъ». Мужикъ отрѣзалъ лѣвую полу отъ савана и отдалъ гробовую крышку. Мертвецъ подошелъ къ могилѣ — могила растворилась; сталъ въ нее опускаться — вдругъ пѣтухи закричали, и онъ не успѣлъ закрыться какъ надо: одинъ конецъ крышки снаружи остался. Мужикъ все это видѣлъ, все примѣтилъ. Стало разсвѣтать; онъ запрёгъ лошадь и поѣхалъ въ село. Слышитъ въ одномъ домѣ плачъ, крики; входитъ туда — лежатъ два парня мертвые. «Не плачьте! а смогу ихъ оживить». — «Оживи, родимой; половину нашего добра тебѣ отдадимъ», говорятъ родичи. Мужикъ сдѣлалъ все такъ, какъ научилъ

его мертвецъ, и парни ожили. Родные обрадовались, а мужика тотчасъ схватили, скрутили веревками: «Нѣтъ, дока! мы тебя начальству представимъ; коли оживитъ сумѣлъ, стало быть, ты и уморилъ-то!» — «Что вы, православные! Бога побойтесь!» завопилъ мужикъ и разсказалъ все, что съ нимъ ночью было. Вотъ дали знать по селу, собрался народъ и повалилъ на кладбище, отыскали могилу, изъ которой мертвецъ выходилъ, разрыли и вбили ему прямо въ сердце осиновой колъ, чтобъ больше не вставалъ да людей не морилъ: а мужика знатно наградили и съ честью домой отпустили.

Записана въ Моршанскомъ у., Тамбовской губ., сельскимъ приходскимъ учителемъ Алексѣмъ Добровольскимъ.

(f) Отпросился солдатъ въ отпускъ — родину навѣстить, родителей повидать, и пошелъ въ дорогу. День шелъ, другой шелъ, на третій забрёлъ въ дремучій лѣсъ. Гдѣ тутъ ночевать? Увидалъ — на опушкѣ двѣ избы стоятъ, зашелъ въ крайнюю и засталъ дома одну старуху. «Здравствуй, бабушка!» — «Здравствуй, служивенькой!» — «Пусти меня ночь переспать». — «Ступай, только тебѣ здѣсь безпокойно будетъ». — «Что, али тѣсно у васъ? это, бабушка, ничего, солдату немного мѣста надо: гдѣ-нибудь въ уголокъ прилягу, только бы не на дворѣ!» — «Не то, служивенькой! на грѣхъ пришелъ ты . . .» — «На какой грѣхъ?» — «А вотъ на какой: въ сосѣдней избѣ померъ недавно старикъ — большой колдунъ! и таперича каждую ночь рыщетъ онъ по чужимъ домамъ да людей ѣстъ». — «Э, бабушка! Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ». Солдатъ раздѣлся, поужиналъ, и полѣзъ на полати; легъ отдыхать, а возлѣ себя тесакъ положилъ. Ровно въ двѣнадцать часовъ попадали всѣ запоры, и раствори-

лись всѣ двери; входитъ въ избу покойникъ въ бѣломъ саванѣ, и бросился на старуху. «Ты, проклятой, зачѣмъ сюда?» закричалъ на него солдатъ. Колдунъ оставилъ старуху, вскочилъ на полати и давай съ солдатомъ возиться. Тотъ его тесакомъ, рубилъ-рубилъ, всѣ пальцы на рукахъ поотбивалъ, а все не можетъ поправиться. Крѣпко они сцѣпились, и оба съ полатей на̀ полъ грохнулись: колдунъ подъ низъ, а солдатъ наверхъ попалъ; схватилъ солдатъ его за̀ бороду и до тѣхъ поръ угощалъ тесакомъ, пока пѣтухи не запѣли. Въ ту самую минуту колдунъ омертвѣлъ: лежитъ, не тронется, словно деревянная колода. Солдатъ вытащилъ его на дворъ и бросилъ въ колодезь — головой внизъ, ногами кверху. Глядь: на ногахъ у колдуна славные новые сапоги, гвоздями убиты, дёгтемъ смазаны! «Эхъ, жаль! такъ, задàромъ пропадутъ! думаетъ солдатъ: дай-ка я сниму ихъ!» Снялъ съ мертваго сапоги и воротился въ избу. «Ахъ, батюшка служивенькой! говоритъ старуха: зачѣмъ ты съ него сапоги-то снялъ?» — «Дакъ неужли жъ на немъ оставить? Ты смотри: какіе сапоги-то! Кому не надо — рубль серебра дастъ; а я вѣдь человѣкъ походной, мнѣ они очень пригодятся!» На другой день простился солдатъ съ хозяйкою и пошелъ дальше; только съ того самаго дня — куда онъ ни зайдетъ на ночлегъ, ровно въ двѣнадцать часовъ ночи является подъ окно колдунъ и требуетъ своихъ сапоговъ: «Я, грозитъ, отъ тебя нигдѣ не отстану: всю дорогу съ тобой пройду, на родинѣ не дамъ отдыху, на службѣ замучу!» Не выдержалъ солдатъ: «Да что тебѣ, проклятой, надобно?» — «Подай мои сапоги!» Солдатъ бросилъ въ окно сапоги: «На, отвяжись отъ меня, нечистая сила!» Колдунъ подхватилъ свои сапоги, свистнулъ и съ глазъ пропалъ.

———

(g) Пошелъ мужикъ на охоту и любимую собаку съ собой взялъ. Ходилъ-ходилъ по лѣсамъ, по болотамъ, ничего не выходилъ; пристигала его темная ночь, въ неуказные часы идетъ мимо кладбища и видитъ: стоитъ на распутіи мертвецъ въ бѣломъ саванѣ. Оробѣлъ мужикъ: куда идти? впередъ или назадъ повернуть? «Эхъ, что ни будетъ, пойду впередъ!» Идетъ, а собака за нимъ слѣдомъ бѣжитъ. Запримѣтилъ его мертвецъ и понесся навстрѣчу — до земли ногами на полъ-аршина не хватаетъ, только саванъ раздувается. Поровнялся съ охотникомъ, бросился на него, а собака ухватила того мертвеца за голыя йкры и начала съ нимъ бороться. Видитъ мужикъ, что собака съ мертвецомъ схватилась; обрадовался, что его дѣло право, и побѣжалъ во всю прыть домой. Собака до тѣхъ поръ дралась, пока пѣтухи запѣли и мертвецъ недвижимъ упалъ; послѣ того пустилась за хозяиномъ, нагнала у самаго дома и бросилась рвать-кусать его; такъ обозлилась, такъ пристала, что еле домашніе отбили! «Что такое съ собакой подѣялось? спрашиваетъ мать-старуха: отчего такъ возненавидѣла хозяина?» Мужикъ разсказалъ все, что было. «Нехорошо, сынокъ! говоритъ старуха: собака за то осерчала, что ты нѐ далъ ей помоги; она съ покойникомъ дралась, а ты ее одноё покинулъ да себя спасалъ! Теперь она долго будетъ на тебя зло мыслить». На утро вся семья нò двору ходитъ — собака ничего, а только хозяинъ покажется — такъ и зарычитъ. Приковали ее на цѣпь; цѣлой годъ на цѣпи продержали, а все она не забыла хозяйской обиды; сорвалась какъ-то и прямо на охотника, давай душить его . . . Тутъ ее и убили.

(h) Въ стародавніе годы жили-были въ одной деревнѣ два молодыхъ парня; жили они дружно, вмѣстѣ по

бесѣдамъ ходили, другъ друга за родного брата почитали. Сдѣлали они между собой такой уговоръ: кто изъ нихъ станетъ впередъ жениться, тому звать своего товарища на свадьбу; живъ ли онъ будетъ, помрётъ ли — все равно. Черезъ годъ послѣ того заболѣлъ одинъ молодецъ и померъ; а спустя нѣсколько мѣсяцевъ задумалъ его товарищъ жениться. Собрался со всѣмъ сродствомъ своимъ и поѣхалъ за невѣстою. Случилось имъ ѣхать мимо кладбища, вспомнилъ женихъ своего пріятеля, вспомнилъ старой уговоръ и велѣлъ остановить лошадей: «Я, говоритъ, пойду къ своему товарищу на могилу; попрошу его къ себѣ на свадьбу погулять; онъ былъ мнѣ вѣрный другъ!» Пошелъ на могилу и сталъ звать: «Любезный товарищъ! прошу тебя на свадьбу ко мнѣ». Вдругъ могила растворилась, покойникъ всталъ и вымолвилъ: «Спасибо тебѣ, братъ, что исполнилъ свое обѣщаніе! На радостяхъ взойди ко мнѣ; выпьемъ съ тобой по стакану сладкаго вина». — «Зашелъ бы, да поѣздъ стоитъ, народъ дожидается». Покойникъ отвѣчаетъ: «Эхъ, братъ! стаканъ вить недолго выпить». Женихъ спустился въ могилу; покойникъ налилъ ему чашу вина, онъ выпилъ — и прошло цѣлое сто лѣтъ. «Пей, милой, еще чашу!» Выпилъ другую — прошло двѣсти лѣтъ. «Ну, дружище, выпей и третью, да ступай съ Богомъ, играй свою свадьбу!» Выпилъ третью чашу — простился съ своимъ товарищемъ; гробъ закрылся, могила заровнялась. Женихъ смотритъ: гдѣ было кладбище, тамъ стала пустошь; нѣтъ ни дороги, ни сродниковъ, ни лошадей, вездѣ поросла крапива да высокая трава. Побѣжалъ въ деревню — и деревня ужъ не та: дома иные, люди все незнакомые. Пошелъ къ священнику — и священникъ не тотъ: разсказалъ ему, какъ и что было. Священникъ началъ по книгамъ справляться, и нашелъ, что триста

лѣтъ тому назадъ былъ такой случай: въ день свадьбы отправился женихъ на кладбище и пропалъ, а невѣста его вышла потомъ замужъ за другого.

206
Упырь

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, былъ-жилъ старикъ со старухою; у нихъ была дочь Маруся. Въ ихъ деревнѣ былъ обычай справлять праздникъ Андрея Первозваннаго: соберутся дѣвки въ одну избу, напекутъ пампушекъ и гуляютъ цѣлую недѣлю, а то и больше. Вотъ дождались этого праздника, собрались дѣвки, напекли-наварили что надо; вечеромъ пришли парубки съ сопелкою, принесли вина, и началась пляска, гульба — дымъ коромысломъ! Всѣ дѣвки хорошо пляшутъ, а Маруся лучше всѣхъ. Немного погодя, входитъ въ избу такой молодецъ — что на подп! кровь съ молокомъ! одѣтъ богато, чисто. «Здравствуйте, говоритъ, красныя дѣвицы!» — «Здравствуй, доброй молодецъ!» — «Гулянье вамъ!» — «Милости просимъ гулять къ намъ!» Сейчасъ вынулъ онъ кошель полонъ золота, послалъ за виномъ, за орѣхами, пряниками — разомъ все готово; началъ угощать и дѣвокъ и робятъ, — всѣхъ одѣлилъ. А пошелъ плясать — любо-дорого посмотрѣть! Больше всѣхъ полюбилась ему Маруся; такъ къ ней и пристастъ. Наступило время по домамъ расходиться. Говоритъ этотъ молодецъ: «Маруся! поди, проводи меня». Она вышла провожать его; онъ и говоритъ: «Маруся, сердце! хочешь ли, я тебя замужъ возьму?» — «Коли бы взялъ, я бы съ радостью пошла. Да ты отколя?» — «А вотъ изъ такого-то мѣста, живу у купца за приказчика». Тутъ они попрощались и пошли

всякой своей дорогою. Воротилась Маруся домой, мать ее спрашиваетъ: «Хорошо ли погуляла, дочка?» — «Хорошо, матушка! да еще скажу тебѣ радость: былъ тамъ со стороны доброй мо̀лодецъ, собой красавецъ и денегъ много; обѣщалъ взять меня замужъ». — «Слушай, Маруся; какъ пойдешь завтра къ дѣвкамъ, возьми съ собой клубокъ нитокъ; станешь провожать его, втѣпоры накинь ему петельку на пуговицу и распускай потихоньку клубокъ, а послѣ по этой ниткѣ и свѣдаешь, гдѣ онъ живетъ». На другой день пошла Маруся на вечерницу и захватила съ собой клубокъ нитокъ. Опять пришелъ доброй мо̀лодецъ: «Здравствуй, Маруся!» — «Здравствуй!» Начались игры, пляски; онъ пуще прежняго льнётъ къ Марусѣ, ни на шагъ не отходитъ. Ужъ время и домой идти. «Маруся! говоритъ гость: проводи меня». Она вышла на улицу, стала съ нимъ прощаться и тихонько накинула петельку на пуговицу; пошелъ онъ своею дорѝгою, а она стоитъ да клубокъ распускаетъ; весь распустила и побѣжала узнавать, гдѣ живетъ ея названной женихъ. Сначала нитка по дорогѣ шла, послѣ потянулась черезъ заборы, черезъ канавы, и вывела Марусю прямо къ церкви, къ главнымъ дверямъ. Маруся попробовала — двери заперты; пошла кругомъ церкви, отыскала лѣстницу, подставила къ окну и полѣзла посмотрѣть, что тамъ дѣется. Влѣзла, глянула — а названной женихъ стоитъ у гроба да упокойника ѣстъ; въ церкви тогда ночевало мертвое тѣло. Хотѣла было потихоньку соскочить съ лѣстницы, да съ испугу не остереглась и стукнула; бѣжитъ домой — себя не помнитъ, все ей погоня чудится; еле жива прибѣжала! Поутру мать спрашиваетъ: «Что, Маруся, видѣла того мо̀лодца?» — «Видѣла, матушка!» а что видѣла, того не разсказываетъ. Вечеромъ сидитъ Маруся въ раздумьи: идти

или нѣтъ на вечеринцу?» — «Ступай, говоритъ мать: поиграй, пока молода!» Приходитъ она на вечеринцу, а нечистой уже тамъ. Опять начались игры, смѣхи, пляска; дѣвки ничего не вѣдаютъ! Стали по домамъ расходиться; говоритъ нечистой: «Маруся! поди, проводи меня». Она нейдетъ, боится. Тутъ всѣ дѣвки на нее накинулись: «Что съ тобой? или застыдилася? ступай, проводи добра мо̀лодца!» Нечего дѣлать, пошла — что Богъ дастъ! Только вышли на улицу, онъ ее и спрашиваетъ: «Ты вчера къ церкви ходила?» — «Нѣтъ!» — «А видѣла, что я тамъ дѣлалъ?» — «Нѣтъ!» — «Ну, завтра твой отецъ помретъ!» Сказалъ и исчезъ. Вернулась Маруся домой грустна и невесела; поутру проснулась — отецъ мертвой лежитъ. Поплакали надъ нимъ и въ гробъ положили; вечеромъ мать къ попу поѣхала, а Маруся осталась: страшно ей одной до̀ма; «дай, думаетъ, пойду къ подругамъ». Приходитъ, а нечистой тамъ. «Здравствуй, Маруся! что невесела?» спрашиваютъ ее дѣвки. «Какое веселье? отецъ померъ». — «Ахъ, бѣдная!» Всѣ тужатъ объ ней; тужитъ и онъ, проклятой, будто не его дѣло. Стали прощаться, по домамъ расходиться. «Маруся, говоритъ онъ: проводи меня». Она не хочетъ. «Что ты, маленькая, что ли? чего боишься? проводи его!» пристаютъ дѣвки. Пошла провожать; вышла на улицу. «Скажи, Маруся, была ты у церкви?» — «Нѣтъ!» — «А видѣла, что я дѣлалъ?» — «Нѣтъ!» — «Ну, завтра мать твоя помретъ!» Сказалъ и исчезъ. Вернулась Маруся домой еще печальнѣе; переночевала ночь, поутру проснулась — мать лежитъ мертвая. Цѣлой день она проплакала, вотъ солнце сѣло, кругомъ темнѣть стало — боится Маруся одна оставаться; пошла къ подругамъ. «Здравствуй! что съ тобой? на тебѣ лица не видать!» говорятъ дѣвки. «Ужъ какое мое веселье! вчера отецъ померъ, а сегодня

мать». — «Бѣдная, несчастная!» сожалѣютъ ее всѣ. Вотъ пришло время прощаться. «Маруся! проводи меня», говоритъ нечистой. Вышла провожать его. «Скажи, была ты у церкви?» — «Нѣтъ!» — «А видѣла, что я дѣлалъ?» — «Нѣтъ!» — «Ну, завтра ввечеру сама помрешь!» Маруся перепочевала съ подругами, поутру встала и думаетъ: что ей дѣлать? Вспомнила, что у ней есть бабка — старая-старая, ужъ ослѣпла отъ долгихъ лѣтъ. «Пойду-ка я къ ней, посовѣтуюсь». Отправилась къ бабкѣ. «Здравствуй, бабушка!» — «Здравствуй, внучка! какъ Богъ милуетъ? что отецъ съ матерью?» — «Померли, бабушка!» — и разсказала ей все, что съ нею случилося. Старуха выслушала и говоритъ: «Охъ, горемычная ты моя! ступай скорѣй къ попу, попроси его: коли ты помрешь, чтобъ вырыли подъ порогомъ яму, да несли бы тебя изъ избы не въ двери, а протащили бъ сквозь то отверстье; да еще попроси, чтобъ похоронили тебя на перекресткѣ — тамъ, гдѣ двѣ дороги пересѣкаются». Пришла Маруся къ попу, слезно заплакала и упросила его сдѣлать все такъ, какъ бабушка научила; воротилась домой, купила гробъ, легла въ него — и тотчасъ же померла. Вотъ дали знать священнику; похоронилъ онъ сначала отца и мать Маруси, а потомъ и ее. Вынесли Марусю подъ порогомъ, схоронили на раздорожьи.

Въ скоромъ времени случилось одному боярскому сыну проѣзжать мимо Марусиной могилы; смотритъ — а на той могилѣ растетъ чудный цвѣтокъ, какого онъ никогда не видывалъ. Говоритъ баричъ своему слугѣ: «Поди, вырой мнѣ тотъ цвѣтокъ съ корнемъ; привеземъ домой и посадимъ въ горшокъ: пусть у насъ цвѣтетъ!» Вотъ вырыли цвѣтокъ, привезли домой, посадили въ муравленой горшокъ и поставили на окно. Началъ цвѣтокъ расти, красоваться. Разъ какъ-то

не поспалось слугѣ ночью; смотритъ онъ на окно и видитъ — чудо совершилося: вдругъ цвѣтокъ зашатался, упалъ съ вѣтки наземь — и обратился красной дѣвицей; цвѣтокъ былъ хорошъ, а дѣвица лучше! Пошла она по комнатамъ, достала себѣ разныхъ напитковъ и кушаньевъ, напилась-наѣлась, ударилась объ полъ — сдѣлалась попрежнему цвѣткомъ, поднялась на окно и сѣла на вѣточку. На другой день разсказалъ слуга баричу, какое чудо ему въ ночи привидѣлось. «Ахъ, братецъ! что жъ ты меня не разбудилъ? Нынѣшнюю ночь станемъ вдвоемъ караулить». Пришла ночь — они не спятъ, дожидаются. Ровно въ двѣнадцать часовъ цвѣтокъ началъ шевелиться, съ мѣста на мѣсто перелетать, послѣ упалъ наземь — и явилась красная дѣвица; достала себѣ напитковъ и кушаньевъ и сѣла ужинать. Баринъ выбѣжалъ, схватилъ ее за бѣлыя руки и повелъ въ свою горницу; не можетъ вдоволь на нее насмотрѣться, на красоту ея наглядѣться. На утро говоритъ отцу, матери: «Позвольте мнѣ жениться; я нашелъ себѣ невѣсту». Родители позволили. Маруся говоритъ: «Я пойду за тебя только съ тѣмъ уговоромъ, чтобы четыре года въ церковь не ходить». — «Хорошо!» Вотъ обвѣнчались, живутъ себѣ годъ и два, и принесли сына. Одинъ разъ наѣхали къ нимъ гости; подгуляли, выпили, и стали хвалиться своими женами: у того хороша, у другого еще лучше. «Ну, какъ хотите, говоритъ хозяинъ: а лучше моей жены во всемъ свѣтѣ нѣту!» — «Хороша, да некрещёна!» отвѣчаютъ гости. «Какъ такъ?» — «Да въ церковь не ходитъ». Тѣ рѣчи показались мужу обидны; дождался воскресенья и велѣлъ женѣ наряжаться къ обѣднѣ. «Знать ничего не хочу! будь сейчасъ готова!» Собрались они и поѣхали въ церковь; мужъ входитъ — ничего не видитъ, а она глянула — сидитъ на окнѣ

нечистой: «А, такъ ты вòтана! Вспомни-ка старое: была ты ночью у церкви?» — «Нѣтъ!» — «А видѣла, что я тамъ дѣлалъ?» — «Нѣтъ!» — «Ну, завтра у тебя и мужъ и сынъ помрутъ!» Маруся прямо изъ церкви бросилась къ своей старой бабушкѣ. Та ей дала въ одномъ пузырькѣ святой воды, а въ другомъ живущей, и сказала, какъ и что дѣлать. На другой день померли у Маруси и мужъ и сынъ; а нечистой прилетѣлъ и спрашиваетъ: «Скажи, была у церкви?» — «Была». — «А видѣла, что я дѣлалъ?» — «Мертваго жралъ!» Сказала да какъ плеснетъ на него святой водою — онъ такъ прахомъ и разсыпался. Послѣ взбрызнула живущей водой мужа и сына — они тотчасъ ожили, и съ той поры не знали ни горя ни разлуки, а жили всѣ вмѣстѣ долго и счастливо.

207

Иванъ-купеческій сынъ отчитываетъ царевну

Въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ купецъ, у него былъ сынъ Иванъ. Выучился Иванъ грамотѣ и нанялся къ одному богачу въ работники; пожилъ у него три года, получилъ за все это время жалованье, и собрался домой. Идетъ онъ дорòгою, а навстрѣчу ему нищій плетётся — и хромъ, и слѣпъ, и проситъ святой милостинки Христа ради. Купеческой сынъ отдалъ убогому всѣ заработанныя деньги и пришелъ домой ни съ чѣмъ; а тутъ несчастье — отецъ померъ, надо хоронить да долги платить. Кое-какъ сбился, управился съ дѣлами и принялся за торгъ. Вскорѣ прослышалъ онъ, что два его дяди нагружаютъ корабли товарами и хотятъ зà море ѣхать; «дай, думаетъ, и я поѣду! авось дяди возьмутъ меня съ собою». Пошелъ къ нимъ проситься. Дяди обѣщали: «Приходи, го-

ворятъ, завтра!» а назавтра чуть свѣтъ распустили паруса и уѣхали одни, безъ племянника. Иванъ запечалился; говоритъ ему мать: «Не кручинься, сынокъ! ступай на рынокъ, найми себѣ приказчика — только постарѣй выбирай; старые люди — бывалые, на все догадливые. Какъ наймешь приказчика, изготовь корабль, и поѣзжайте вдвоемъ за̀ море. Богъ не безъ милости!» Иванъ-купеческой сынъ послушался, побѣжалъ на рынокъ, а навстрѣчу ему сѣдой старичокъ: «Куда спѣшишь, доброй молодецъ?» — «Иду, дѣдушка, на рынокъ, хочу нанять приказчика». — «Найми меня!» — «А что возьмешь?» — «Половину барыша». Купеческой сынъ согласился и принялъ старика въ приказчики. Изготовили они корабль, нагрузили товарами и отвалили отъ берега; вѣтеръ былъ попутной, корабль ходкой, и прибылъ Иванъ въ чужестранное государство въ то самое время, какъ дядины корабли въ пристань входили. Въ томъ государствѣ обмерла у царя дочь, вынесли ее въ церковь и каждую ночь посылали къ ней по одному человѣку на съѣденіе. Много народу погибло; «эдакъ, думаетъ царь: пожалуй, и царство мое не устоитъ», и выдумалъ: вмѣсто своихъ людей посылать къ дочери пріѣзжихъ изъ иныхъ земель; какой бы купецъ ни явился у пристани — долженъ наперёдъ перебыть ночь въ церкви, а потомъ, коли уцѣлѣетъ — можетъ и покупать, и продавать, и назадъ ѣхать. Вотъ новопріѣзжіе купцы сошлись на пристани и стали судить да рядить, кому прежде въ церковь идти. Кинули жеребей, и доставалось на первую ночь идти старшему дядѣ, на вторую ночь — младшему дядѣ, а на третью ночь — Ивану-купеческому сыну. Дяди испугалися и давай просить своего племянника: «Голубчикъ Ванюшка! перепочуй за насъ въ церкви; что хочешь — то и возьми за послугу, спорить не

будемъ». — «Постойте, я спрошусь у дѣдушки». Пошелъ къ старику: «Такъ и такъ, говоритъ, дяди пристаютъ, просятъ за нихъ потрудиться; какъ ты, дѣдушка, присовѣтуешь?» — «Ну, что жъ, — потрудись; только пусть они за то по три корабля тебѣ дадутъ». Иванъ-купеческой сынъ передалъ эти слова своимъ дядюшкамъ; они согласилися: «Ладно, Ваня! шесть кораблей — твои». Когда наступилъ вечеръ, старичокъ взялъ Ивана за̀ руку, привелъ въ церковь, поставилъ возлѣ гроба и начертилъ кругъ: «Стой крѣпко, изъ-за черты не выходи, читай псалтырь и ничего не бойся!» Сказалъ и ушелъ. Иванъ-купеческой сынъ остался одинъ въ церкви, развернулъ книгу и началъ псалмы читать. Какъ только пробило двѣнадцать часовъ — подымается крышка съ гроба, встаетъ царевна и подходитъ прямо къ чертѣ: «Я тебя съѣмъ!» грозитъ, рвется впередъ, кричитъ на разные голоса — и по-собачьи и по-кошачьи, а переступить черты не можетъ. Иванъ читаетъ, на нее не смотритъ; вдругъ пѣтухи запѣли, и царевна бросилась въ гробъ какъ попало; ея платье черезъ край повисло. Поутру посылаетъ царь своихъ прислужниковъ: «Ступайте въ церковь, приберите кости». Прислужники отперли двери, заглянули въ церковь, — а купеческой сынъ стоитъ живой передъ гробомъ да все псалтырь читаетъ. На другую ночь было то же самое; а на третій день вечеромъ взялъ его старикъ за̀ руку, привелъ въ церковь, и говоритъ: «Какъ только ударитъ двѣнадцать часовъ, ты не мѣшкая полѣзай на хоры; тамъ стоитъ большой образъ Петра-апостола, стань позади его — ничего не бойся!» Купеческой сынъ принялся за псалтырь, читалъ-читалъ; ровно въ двѣнадцать часовъ видитъ — крышка съ гроба подымается; онъ поскорѣй на хоры, и сталъ позади большого образа Петра-апостола. Царевна выскочила да за нимъ, прибѣжала на хоры,

искала-искала, всѣ углы обошла — не могла найти. Подходитъ къ образу, глянула на ликъ св. апостола и задрожала; вдругъ отъ иконы гласъ раздался: «Изыдѝ, окаянной!» Въ ту жъ минуту злой духъ оставилъ царевну, пала она передъ иконою на колѣна и начала со слезами молиться. Иванъ-купеческой сынъ вышелъ изъ-за образа, сталъ съ нею рядомъ, крестится да поклоны кладетъ. Поутру приходятъ въ церковь царскіе прислужники, смотрятъ — Иванъ-купеческой сынъ и царевна стоятъ на колѣнахъ и Богу молятся; тотчасъ побѣжали и доложили царю. Царь обрадовался, поѣхалъ самъ въ церковь, привезъ царевну во дворецъ, и говоритъ купеческому сыну: «Ты мою дочь и все царство избавилъ; возьми ее за себя замужъ; а въ приданое жалую тебѣ шесть кораблей съ дорогими товарами». На другой день ихъ перевѣнчали; весь народъ пировалъ на свадьбѣ — и бояре, и купцы, и простые крестьяне. Черезъ недѣлю послѣ того собрался Иванъ-купеческой сынъ домой ѣхать; распростился съ царемъ, взялъ молодую жену, сѣлъ на корабль и велѣлъ выходить въ море. Бѣжитъ его корабль по морю, а вслѣдъ за нимъ двѣнадцать другихъ плывутъ: шесть кораблей, что царь подарилъ, да шесть кораблей, что у дядей выслужилъ. На половинѣ пути говоритъ старичокъ Ивану-купеческому сыну: «Когда жъ станемъ барыши дѣлить?» — «Хоть сейчасъ, дѣдушка! выбирай себѣ шесть кораблей, какіе полюбятся». — «Это не все; надо и царевну подѣлить». — «Что ты, дѣдушка! какъ ее дѣлить». — «Да вотъ разрублю надвое: тебѣ половина, да мнѣ половина». — «Богъ съ тобой! эдакъ она никому не достанется; лучше бросимъ жеребій». — «Не хочу! отвѣчаетъ старикъ: сказано — барыши пополамъ, такъ тому и быть!» Выхватилъ мечъ и разсѣкъ царевну надвое, — поползли изъ нея разные гады и

змѣи. Старикъ перебилъ всѣхъ гадъ и змѣй, сложилъ царевнино тѣло, взбрызнулъ разъ святою водою — тѣло срослось, взбрызнулъ въ другой — царевна ожила и сдѣлалась краше прежняго. Говоритъ тогда старикъ Ивану-купеческому сыну: «Бери себѣ и царевну и всѣ двѣнадцать кораблей, а мнѣ ничего не надо; живи праведно, никого не обижай, нищую братію надѣляй, да молись св. апостолу Петру». Сказалъ и исчезъ. Купеческой сынъ воротился домой и жилъ съ своею царевною долго и счастливо, никого не обижалъ и бѣднымъ завсегда помогалъ.

208

Разсказы о вѣдьмахъ

(а) Позднимъ вечеромъ пріѣхалъ одинъ казакъ въ село, остановился у крайней избы и сталъ проситься: «Эй, хозяинъ! пусти переночевать». — «Ступай, коли смерти не боишься». — «Что за рѣчь такая!» думаетъ казакъ, поставилъ коня въ сарай, далъ ему корму, и идетъ въ избу. Смотритъ — и мужики, и бабы, и малые ребятишки всѣ навзрыдъ плачутъ да Богу молятся; помолились и стали надѣвать чистыя рубашки. «Чего вы плачете?» спрашиваетъ казакъ. «Да вишь, отвѣчаетъ хозяинъ: въ нашемъ селѣ по ночамъ смерть ходитъ; въ какую избу ни заглянетъ — такъ на утро клади всѣхъ жильцовъ въ гробы да вези на погостъ. Нынѣшнюю ночь за нами очередь». — «Э, хозяинъ! не бойся; Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ». Хозяева полегли спать; а казакъ себѣ на умѣ — и глазъ не смыкаетъ. Въ самую полночь отворилось окно; у окна показалась вѣдьма — вся въ бѣломъ, взяла кропило, просунула руку въ избу и только хотѣла кропить — какъ вдругъ казакъ размахнулъ своей саблею и отсѣкъ

ей руку по самое плечо. Вѣдьма заохала, завизжала, по-собачьи забрехала, и убѣжала прочь. А казакъ поднялъ отрубленную руку, спряталъ въ свою шинель, кровь замылъ, и легъ спать. Поутру проснулись хозяева, смотрятъ — всѣ до единаго живы-здоровы, и несказанно обрадовались. «Хотите, говоритъ казакъ: я вамъ Смерть покажу? Соберите скорѣй всѣхъ сотниковъ и десятниковъ, да пойдемте со по селу искать». Тотчасъ собрались всѣ сотники и десятники и пошли по домамъ; тамъ нѣту, здѣсь нѣту, наконецъ добрались до пономарской избы. «Вся ли семья твоя налицо?» спрашиваетъ казакъ. «Нѣтъ, родимой! одна дочка больна, на печи лежитъ». Казакъ глянулъ на печь, а у дѣвки рука отсѣчена; тутъ онъ объявилъ все, какъ было, вынулъ и показалъ отрубленную руку. Міръ наградилъ казака деньгами, а эту вѣдьму присудилъ утопить.

(b) Въ нѣкоторомъ королевствѣ жилъ-былъ король: у этого короля была дочь-волшебница. При королевскомъ дворѣ проживалъ попъ, а у попа былъ сынокъ десяти лѣтъ и каждой день ходилъ къ одной старушкѣ — грамотѣ учиться. Разъ случилось ему поздно вечеромъ идти съ ученья; проходя мимо дворца, глянулъ онъ на одно окошечко. У того окошечка сидитъ королевна, убирается: сняла съ себя голову, мыломъ намылила, чистой водой вымыла, волосы гребнемъ расчесала, заплела косу, и надѣла потомъ голову на старое мѣсто. Мальчикъ диву дался: «Вишь какая хитрая! прямая колдунья!» Воротился домой и сталъ всѣмъ разсказывать, какъ онъ королевну безъ головы видѣлъ. Вдругъ расхворалась-разболѣлась королевская дочь, призвала отца и стала ему наказывать: «Если я помру, то заставьте поповскаго сына три ночи сряду надо

мной псалтырь читать». Померла королевна, положили ее въ гробъ и вынесли въ церковь. Король призываетъ попа: «Есть у тебя сынъ?» — «Есть, ваше величество!» — «Пусть, говоритъ, читаетъ надъ моею дочерью псалтырь три ночи сряду». Попъ воротился домой и велѣлъ сыну изготовиться. Утромъ пошелъ поповичъ учиться, и сидитъ надъ книгою такой скучной. «О чемъ запечалился?» спрашиваетъ его старушка. «Какъ мнѣ не печалиться, коли я совсѣмъ пропалъ?» — «Да что съ тобой? говоритъ толкомъ». — «Такъ и такъ, бабушка! надо читать надъ королевною, а она вѣдь колдунья!» — «Я прежде тебя это вѣдала! только не бойся, вотъ тебѣ ножикъ; когда прійдешь въ церковь, очерти около себя кругъ, читай псалтырь да назадъ не оглядывайся. Что бы тамъ ни было, какія бы страсти ни представлялись — знай свое, читай да читай! А если назадъ оглянешься — совсѣмъ пропадешь!» Вечеромъ пришелъ мальчикъ въ церковь, очертилъ ножомъ около себя кругъ и принялся за псалтырь. Пробило двѣнадцать часовъ, съ гроба поднялась крышка, королевна встала, выбѣжала и закричала: «А теперь ты узнаешь, какъ подъ моими окнами подсматривать да людямъ разсказывать!» Стала на поповича бросаться, да никакъ черезъ кругъ перейти не можетъ; тутъ начала она напускать разныя страсти; только что ни дѣлала — онъ все читаетъ да читаетъ, никуда не оглядывается. А какъ стало свѣтать, бросилась королевна въ гробъ, и со всего размаху повалилась въ него — какъ попало! На другую ночь то же приключилось; поповичъ ничего не убоялся, до самаго свѣта безостановочно читалъ, а поутру пошелъ къ старухѣ. Она спрашиваетъ: «Ну, что, видѣлъ страсть?» — «Видѣлъ, бабушка!» — «Нынче еще страшнѣе будетъ! Вотъ тебѣ молотокъ и четыре гвоздя — забей ихъ по четыремъ угламъ гроба, а какъ

станешь псалтырь читать — молотокъ противъ себя поставь». Вечеромъ пришелъ поповичъ въ церковь и сдѣлалъ все такъ, какъ научила старушка. Пробило двѣнадцать часовъ, гробовая крышка на̀ полъ упала, королевна встала и начала летать по всѣмъ сторонамъ да грозить поповичу; то напускала большія страсти, а теперь еще больше: чудится поповскому сыну, что въ церкви пожаръ сдѣлался, пламя такъ всѣ стѣны и охватило! а онъ стоитъ себѣ да читаетъ, назадъ не оглядывается. Передъ разсвѣтомъ королевна въ гробъ бросилась и тотчасъ пожара какъ не бывало — все наважденье сгинуло! Поутру приходитъ въ церковь король, смотритъ — гробъ открытъ, въ гробу королевна кверху спиной лежитъ. «Что такое?» спрашиваетъ мальчика; тотъ ему разсказалъ, какъ и что было. Король приказалъ забить своей дочери осиновый колъ въ грудь и зарыть ее въ землю, а поповича наградилъ казною и разными угодьями.

(е) Жила-была старуха — страшная колдунья; у нея были дочь на внучка. Пришло время помирать старухѣ; призываетъ къ себѣ свою дочь и такъ наказываетъ: «Смотри, дочка! какъ я помру — ты не обмывай мое тѣло теплою водицею, а возьми котёлъ, вскипяти самаго крутого[1] кипятку да тѣмъ кипяткомъ и ошпарь всеё меня». Послѣ этого полежала колдунья хворою дня два-три и померла. Дочь побѣжала по сусѣдямъ съ просьбою, чтобы пришли пособить ей обмыть старуху; а въ избѣ осталась одна малая внучка; и видится ей: вылѣзли вдругъ изъ-подъ печки два чорта — большой да крохотной, подбѣжали къ мертвой колдуньѣ; старой чортъ схватилъ ее за̀ ноги, какъ дёрнулъ — сразу всю шкуру сорвалъ! и говоритъ чертёнку: «Возьми себѣ

[1]) Горячаго.

мясо, тащи подъ печку!» Чертёнокъ подхватилъ мясо въ охапку и унёсъ подъ печь. Оставалась одна старухина шкура; старой чортъ залѣзъ въ эту шкуру и лёгъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ лежала колдунья. Вотъ воротилась дочь, привела съ собой съ десятокъ бабъ, и принялись онѣ убирать покойницу. «Мама! говоритъ дѣвочка: а безъ тебя съ бабушки шкуру стащили». — «Что ты врёшь?» — «Право, мама! вылѣзъ изъ-подъ печки такой черной-черной, содралъ шкуру, да самъ въ нее и залѣзъ». — «Молчи, негодная! ишь что выдумала!» закричала старухина дочь, принесла большой котёлъ, налила холодной воды, поставила въ печь и нагрѣла крутого кипятку; потомъ подняли бабы старуху, положили въ корыто, взялись за котёлъ и разомъ весь кипятокъ на нее вылили. Чортъ не вытерпѣлъ, выскочилъ изъ корыта, бросился въ дверь — и пропалъ совсѣмъ со шкурою. Бабы смотрятъ: что за чудо? была покойница, да и нѣтъ ея! ни убирать ни хоронить некого; въ глазахъ черти унесли!

209
Смерть скупого

Жилъ-былъ скупой скряга, старикъ; имѣлъ двухъ сыновей и множество денегъ; послышалъ смерть, заперся одинъ въ избѣ, и сѣлъ на сундукъ, началъ глотать золотыя деньги и ѣсть ассигнаціи, и такъ покончилъ свою жизнь. Пришли сыновья, положили мертваго подъ святыя иконы и позвали дьячка читать псалтырь. Вдругъ въ самую полночь является въ образѣ человѣка нечистой, поднялъ мертваго старика на плечо и сказалъ: «Держи, дьячокъ, полу». И началъ трусить старика: «Деньги твои, а мѣшокъ мой!» понёсъ его, и невидимъ сталъ.

Записана въ Саратовской губ.

210

Скрипачъ въ аду

Былъ-жилъ мужикъ, у него было три сына. Жилъ онъ богато, собралъ два котла денегъ — одинъ закопалъ въ овинѣ, другой въ воротахъ. Вотъ померъ этотъ мужикъ, а про деньги никому не сказалъ. Однажды былъ на деревнѣ праздникъ; шелъ скрипачъ на гулянку и вдругъ провалился сквозь землю; провалился и попалъ въ адъ, прямо въ то мѣсто, гдѣ богатой мужикъ мучился. «Здравствуй, знакомой!» говоритъ скрипачъ. Отвѣчаетъ ему мужикъ: «Ты неладно попалъ сюда! здѣсь адъ, и я въ аду сижу». — «За что же ты, дядя, сюда угодилъ?» — «За деньги! было у меня денегъ много, нищимъ не давалъ, два котла въ землю закопалъ. Вотъ сейчасъ станутъ меня мучить, палками бить, когтями терзать». — «Какъ же мнѣ-то быть? пожалуй и меня замучаютъ!» — «А ты поди, сядь за трубой на печкѣ, да три года не ѣшь — такъ уцѣлѣешь!» Скрипачъ спрятался за трубой: пришли ненаши[1], стали богатаго мужика бить да приговаривать: «Вотъ тебѣ, богачъ! тьму денегъ накопилъ, а спрятать не сумѣлъ: туда закопалъ ихъ, что намъ сторожить невмоготу! Въ воротахъ безперечь ѣздятъ, лошади намъ головы подковами поразбивали, а въ овинѣ цѣпами насъ молотятъ». Только ушли ненаши, мужикъ и говоритъ скрипачу: «Если выйдешь отсюдова, скажи моимъ дѣтямъ, чтобы они взяли деньги: одинъ котелъ у воротъ закопанъ, а другой — въ овинѣ, и чтобы роздали ихъ на нищую братію». Потомъ еще набѣжала цѣлая изба ненашихъ, и спрашиваютъ у богатаго мужика: «Что у тебя русскимъ духомъ пахнетъ?» Мужикъ говоритъ: «Это вы по Руси ходили, русскаго духу набрались!»

[1]) Черти.

— «Какъ бы не такъ!» Стали искать, нашли скрипача и закричали: «Ха-ха-ха, скрипачъ здѣсь!» Стащили его съ печки и заставили играть на скрипкѣ. Онъ три года игралъ, а ему за три дня показалось: уморился и говоритъ: «Что за диво! бывало игралъ я — въ одинъ вечеръ всѣ струны изорву, а теперь третій день играю — и всё цѣлы. Господи благослови!» Только вымолвилъ — всѣ струны и лопнули. «Ну, братцы! говоритъ скрипачъ, сами видите: струны лопнули, не на чемъ играть!» — «Постой, сказалъ одинъ нечистой: у меня есть два бунта струнъ, я тебѣ принесу». Сбѣгалъ и принесъ; скрипачъ взялъ струны, потянулъ и опять только вымолвилъ: «Господи благослови!» — оба бунта лопнули. «Нѣтъ, братцы, ваши струны мнѣ не годятся; у меня свои дóма есть, дайте — схожу!» Ненаши его не пущаютъ: «Ты уйдешь!» говорятъ. «Если вы не вѣрите, то пошлите со мной кого-нибудь въ провожатые. Ненаши выбрали одного и послали съ скрипачомъ. Скрипачъ пришелъ въ деревню, слышитъ: въ крайней избѣ свадьбу справляютъ. «Пойдемъ на свадьбу!» — «Пойдемъ!» Вошли въ избу; тутъ всѣ скрипача узнали, спрашиваютъ: «Гдѣ это ты, братецъ, три года пропадалъ?» — «На томъ свѣтѣ былъ!» Посидѣли, погуляли; ненашъ зоветъ скрипача: «Пора идти!» А тотъ: «Погоди еще немножко; дай мнѣ на скрипкѣ поиграть, молодыхъ повеселить». До тѣхъ поръ просидѣли, пока пѣтухи запѣли; тутъ ненашъ пропалъ, а скрипачъ сталъ говорить сыновьямъ богатаго мужика: «Вашъ батюшка приказалъ вамъ взять деньги: одинъ котелъ у воротъ зарытъ, а другой — въ овинѣ, и велѣлъ всѣ эти деньги нищимъ роздать». Вотъ откопали оба котла, стали раздавать деньги по нищей братіи: чѣмъ больше ихъ раздаютъ, тѣмъ больше ихъ прибавляется. Вывезли эти котлы на перекрёстокъ: кто ни ѣдетъ мимо,

всякой беретъ оттуда. сколько рукой захватитъ, а деньги все не сбываютъ. Подали челобитную государю; онъ и приказалъ: въ нѣкоторомъ городѣ шла дорога въ объѣздъ — верстъ пятьдесятъ будетъ, а если прямо проложить, то всего пять верстъ, и приказалъ государь выстроить прямоѣзжій мостъ. Вотъ и выстроили мостъ на пять верстъ, и на то дѣло оба котла опорожнили. Въ тѣ времена нѣкая дѣвица родила сына и покинула его съ малолѣтства; этотъ младенецъ три года не ѣлъ, не пилъ, и все съ нимъ Божій ангелъ ходилъ. Пришелъ младенецъ на мостъ и говоритъ: «Ахъ, какой славной мостъ! дай Богъ тому царство небесное, на чьи деньги его построили». Услышалъ Господь эту молитву и велѣлъ своимъ ангеламъ выпустить богатаго мужика изъ аду кромѣшнаго.

Записана въ Зубцовскомъ у., Тверской губ.

211
Горшечникъ

Ѣдетъ дорогою горшечникъ; навстрѣчу ему прохожій: «Найми, говоритъ, меня въ работники!» — «Да умѣешь ли ты горшки дѣлать?» — «Еще какъ умѣю-то!» Вотъ порядились, ударили по рукамъ и поѣхали вмѣстѣ. Пріѣзжаютъ домой, работникъ и говоритъ: «Ну, хозяинъ! приготовь сорокъ возовъ глины, завтра я за работу пріймусь!» Хозяинъ приготовилъ сорокъ возовъ глины; а работникъ-то былъ самъ нечистой, и наказываетъ онъ горшечнику: «Я стану по ночамъ работать, а ты ко мнѣ въ сарай не ходи!» — «Отчего такъ?» — «Ну, да ужъ такъ! Прійдешь — бѣды наживешь!» Наступила темная ночь; какъ разъ въ двѣнадцать часовъ закричалъ нечистой громкимъ голосомъ — и собралось къ нему чертенятъ

видимо-невидимо, начали горшки лѣпить, пошелъ громъ, стукъ, хохотъ по всему двору. Хозяинъ не вытерпѣлъ: «Дай пойду — посмотрю!» Приходитъ къ сараю, заглянулъ въ щелочку — сидятъ черти на корточкахъ да горшки лѣпятъ; только одинъ хромой не работаетъ, по сторонамъ смотритъ, увидалъ хозяина, схватилъ комъ глины да какъ пуститъ — и попалъ ему прямо въ глазъ! Окривѣлъ хозяинъ на одинъ глазъ и вернулся въ избу, а въ сараѣ-то гамъ да хохотъ пуще прежняго! На утро говоритъ работникъ: «Эй, хозяинъ! ступай горшки считать, сколько за одну ночь наработано». Хозяинъ сосчиталъ — сорокъ тысячъ наработано. «Ну, теперь готовь мнѣ десять саженъ дровъ; въ эту ночь стану обжигать горшки». Ровно въ полночь опять закричалъ нечистой громкимъ голосомъ: сбѣжались къ нему со всѣхъ концовъ чертенята, перебили всѣ горшки, покидали черепье въ печь и давай обжигать. А хозяинъ закрестилъ щелочку и смотритъ: «Ну, думаетъ, пропала работа!» На другой день зоветъ его работникъ: «Погляди, хорошо ли сдѣлалъ?» Хозяинъ приходитъ смотрѣть — всѣ сорокъ тысячъ горшковъ стоятъ цѣлы, одинъ одного лучше! На третью ночь созвалъ нечистой чертенятъ, раскрасилъ горшки разными цвѣтами, и всѣ до послѣдняго на одинъ возъ уклалъ. Дождался хозяинъ базарнаго дня и повезъ горшки въ городъ на продажу, а нечистой приказалъ своимъ чертенятамъ бѣгать по всѣмъ домамъ, по всѣмъ улицамъ, да народъ скликать — горшки покупать. Сейчасъ повалилъ народъ на базаръ; обступили со всѣхъ сторонъ горшечника, и въ полчаса весь товаръ разобрали. Пріѣхалъ мужикъ домой, и полонъ мѣшокъ денегъ привезъ. «Ну, говоритъ ему нечистой: давай барыши дѣлить». Подѣлили пополамъ. Чортъ взялъ свою часть, распрощался съ хозяиномъ и про-

палъ. Черезъ недѣлю поѣхалъ мужикъ съ горшками въ городъ; сколько ни стоялъ онъ на базарѣ, никто не покупаетъ; всѣ обходятъ его мимо да еще всячески ругаютъ: «Знаемъ мы твои горшки, старой хрѣнъ! съ виду казисты, а нальешь воды — сейчасъ и развалятся! Нѣтъ, братъ! теперь не надуешь». Перестали брать у него горшки; совсѣмъ обѣднялъ мужикъ, запилъ съ горя и сталъ по кабакамъ валяться.

212
Вдова и бѣсъ

Жилъ-былъ мужикъ, была у него жена-красавица; крѣпко они любили другъ дружку и жили въ ладу и согласіи. Ни много, ни мало прошло времени, померъ мужъ. Похоронила его бѣдная вдова и стала задумываться, плакать, тосковать. Три дня, три ночи безпереча слезами обливалась; на четвертыя сутки, ровно въ полночь, приходитъ къ ней бѣсъ въ образѣ ея мужа. Она возрадовалась, бросилась ему на шею, и спрашиваетъ: «Какъ ты пришелъ?» — «Да слышу, говоритъ, что ты, бѣдная, по мнѣ горько плачешь, жалко тебя стало, отпросился и пришелъ». Лёгъ онъ съ нею спать; а къ утру, только пѣтухи запѣли, какъ дымъ исчезъ. Ходитъ бѣсъ къ ней мѣсяцъ и другой; она никому про то не сказываетъ, а сама все больше да больше сохнетъ, словно свѣчка на огнѣ таетъ! Въ одно время приходитъ ко вдовѣ мать-старуха, стала ее спрашивать: «Отчего ты, дочка, такая худая?» — «Отъ радости, матушка!» — «Отъ какой радости?» — «Ко мнѣ покойной мужъ по ночамъ ходитъ». — «Ахъ ты, дура! какой это мужъ — это нечистой!» Дочь не вѣритъ. «Ну, слушай же, что я тебѣ скажу: какъ придетъ онъ къ тебѣ въ гости и сядетъ за столъ, ты урони нарочно ложку, да какъ

станешь подымать — посмотри ему на́ ноги». Послушалась вдова матери; въ первую же ночь, какъ пришелъ къ ней нечистой, уронила подъ столъ ложку, полѣзла доставать, глянула ему на́ ноги — и увидала, что онъ съ хвостомъ. На другой день побѣжала она къ матери. «Ну что, дочка? правда моя?» — «Правда, матушка! что мнѣ дѣлать нечастной?» — «Пойдемъ къ попу». Пошли, разсказали все, какъ было; попъ началъ вдову отчитывать, три недѣли отчитывалъ — насилу отсталъ отъ нея злой бѣсъ!

213
Лѣшій

Одна поповна, не спросясь ни отца ни матери, пошла въ лѣсъ гулять, и пропала безъ вѣсти. Прошло три года. Въ этомъ самомъ селѣ, гдѣ жили ея родители, былъ смѣлой охотникъ: каждой Божій день ходилъ съ собакой да съ ружьемъ по дремучимъ лѣсамъ. Разъ идетъ онъ по̀ лѣсу; вдругъ собака его залаяла, и песья шерсть на ней щетиною встала. Смотритъ охотникъ, а передъ нимъ на лѣсной тропинкѣ лежитъ колода, на колодѣ мужикъ сидитъ, лапоть ковыряетъ; подковырнетъ лапоть да на мѣсяцъ и погрозитъ: «Свѣти, свѣти, ясёнъ мѣсяцъ!» Дивно стало охотнику: «Отчего такъ, думаетъ, собою мужикъ — еще молодѐцъ, а волосомъ какъ лунь сѣдъ?» Только подумалъ это, а онъ словно мысль его угадалъ: «Оттого, говоритъ, я и сѣдъ, что чортовъ дѣдъ!» Тутъ охотникъ и смекнулъ, что передъ нимъ не простой мужикъ, а лѣшій; нацѣлился ружьемъ — бацъ! и угодилъ ему въ самое брюхо. Лѣшій застоналъ, повалился было черезъ колоду, да тотчасъ же привсталъ и потащился въ чащу. Слѣдомъ за нимъ побѣжала собака, а за собакою охотникъ пошелъ.

Шелъ-шелъ и добрёлъ до горы; въ той горѣ расщелина, въ расщелинѣ избушка стоитъ. Входитъ въ избушку, смотритъ: лѣшій на лавкѣ валяется — совсѣмъ издохъ, а возлѣ него сидитъ дѣвица да горько плачетъ: «Кто теперь меня поитъ-кормитъ будетъ!» — «Здравствуй, красная дѣвица! говоритъ ей охотникъ: скажи: чья ты и откудова?» — «Ахъ, доброй мо̀лодецъ! я и сама не вѣдаю, словно я и вольнаго свѣта не видала, и отца съ матерью не знавала». — «Ну, собирайся скорѣй! я тебя выведу на святую Русь». Взялъ ее съ собою и повелъ и́зъ лѣсу; идетъ да по деревьямъ все мѣтки кладетъ. А эта дѣвица была лѣшимъ унесена, прожила у него цѣлые три года, вся-то обносилась, оборвалась — какъ есть совсѣмъ голая! а стыда не вѣдаетъ. Пришли на село; охотникъ сталъ выспрашивать: не пропадала ли у кого дѣвка? Выискался попъ: «Это, говоритъ, моя дочка!» Прибѣжала попадья: «Дитятко ты мое милое! гдѣ ты была столько времени? не чаяла тебя и видѣть больше!» А дочь смотритъ, только глазами хлопаетъ — ничего не понимаетъ; да ужъ послѣ стала помаленьку приходить въ себя . . . Попъ съ попадьей выдали ее замужъ за того охотника, и наградили его всякимъ добромъ. Стали было искать избушку, въ которой она проживала у лѣшаго; долго плутали по̀ лѣсу, только не нашли.

214
Морока

(а) Жилъ-былъ старикъ да старуха. Пришелъ бурлакъ и просится ночевать. Старикъ пустилъ: «Пожалуй, ночуй, только съ такимъ уговоромъ, чтобы всю ночь сказки сказывалъ». — «Изволь, буду сказывать». — «Ну, вотъ хорошо». Полѣзъ старикъ съ бурлакомъ на полати, а старуха сидитъ на печи — лёнъ

прядетъ. Бурлакъ и думаетъ про себя: «Дай-ко, развѣ подшутить надъ нимъ!» и оборотилъ себя волкомъ, а старика медвѣдемъ. «Побѣжимъ, говоритъ, отсюда», и побѣжали въ чистое поле. Увидалъ волкъ старикову кобылу и говоритъ: «Давай, съѣдимъ кобылу!» — «Нѣтъ, вѣдь это моя кобыла!» — «Ну, да вѣдь голодъ не тётка!» Съѣли они кобылу и опять побѣжали; увидали старуху, старикову-то жену, — волкъ опять и говоритъ: «Давай, съѣдимъ старуху!» — «Ой, да вѣдь это моя старуха», отвѣчаетъ медвѣдь. «Какая твоя!» Съѣли и старуху. Такъ-то медвѣдь съ волкомъ лѣто цѣлое пробѣгали; настаетъ зима. «Давай, говоритъ волкъ: засядемъ въ берлогу; ты полѣзай дальше, а я напередъ сяду. Коли найдутъ насъ охотники, такъ меня перваго застрѣлятъ; а ты смотри, какъ меня убьютъ, начнутъ кожу сдирать, — ты выбѣги, да черезъ кожу-то переметнись, и обернешься опять человѣкомъ». Вотъ лежатъ они въ берлогѣ; набрели на нихъ охотники, сейчасъ застрѣлили волка и начали снимать съ него кожу. Въ то самое время медвѣдь какъ выскочитъ, да кувыркъ черезъ волчью шкуру — и полетѣлъ старикъ съ полатей внизъ головою. «Ой, ой! заревѣлъ онъ: всю спину отбилъ!» Старуха кричитъ: «Что ты, чёрна немочь! почто палъ? кажись, пьянъ не былъ». — «Да вотъ почто», и началъ разсказывать: «Ты вѣдь ничего не знаешь, а мы съ бурлакомъ звѣрьёмъ были: онъ волкомъ, я — медвѣдемъ; цѣлое лѣто да зиму пробѣгали, и кобылу нашу съѣли, и тебя, старую, съѣли!» Старуха принялась хохотать, просто у́держу нѣту: «Ай да бурлакъ! славно подшутилъ!»

(b) Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ матросъ; служилъ царю вѣрно, велъ себя честно, потому и начальство его знало.

Отпросился онъ разъ съ корабля походить по городу, надѣлъ свой парусинникъ и пошелъ въ трактиръ: сѣлъ за столъ и потребовалъ себѣ и вина и закусокъ: ѣстъ, пьетъ, прохлаждается! ужъ рублей на десять забралъ, а все не унимается: то того, то другого спрашиваетъ. «Послушай, служба! говоритъ ему половой: забираешь ты много, а есть ли у тебя чѣмъ разсчитаться?» — «Эхъ, братецъ! о деньгахъ, что ли, сумнѣваешься? да у меня денегъ куры не клюютъ». Тотчасъ вынулъ изъ кармана золотой, бросилъ на столъ и говоритъ: «На, получай!» Половой взялъ золотой, высчиталъ все, какъ слѣдуетъ, и приноситъ сдачу; а матросъ ему: «Что тамъ за сдача, братецъ! возьми себѣ на водку». На другой день опять отпросился матросъ, зашелъ въ тотъ же трактиръ, и прогулялъ еще золотой; на третій день тоже, и сталъ онъ ходить туда почитай каждой день и все платитъ золотыми, а сдачи не беретъ, даритъ половому на водку. Сталъ замѣчать за нимъ самъ трактирщикъ, и пришло ему въ сумнѣніе: «Что бы это значило? матросишка — такъ себѣ, а поди какъ соритъ деньгами! Полную шкатулку золота натаскалъ! . . . Жалованье мнѣ ихнее извѣстно, небось — не раскутишься! Вѣрно, онъ гдѣ ни на есть казну обобралъ; надо начальству про то донести; не ровенъ часъ — еще въ такую бѣду попадешь, что послѣ и не раздѣлаешься, а пожалуй и въ Сибирь угодишь». Вотъ и доложилъ трактирщикъ офицеру, а тотъ довелъ до самого генерала. Генералъ потребовалъ къ себѣ матроса: «Признавайся, говоритъ, по совѣсти — откуль золото бралъ?» — «Да этого золота во всякой помойной ямѣ много!» — «Что ты врешь?» — «Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство! не я вру, а трактирщикъ; пусть покажетъ онъ то золото, что отъ меня получилъ». Сейчасъ принесли шкатулку, открыли.

а она полнехонька костяшекъ. «Какъ же, братецъ! ты платилъ золотомъ, а очутились костяшки? Покажи, какъ ты сдѣлалъ это?» — «Ахъ, ваше превосходительство! вить намъ смерть приходитъ . . .» Глядятъ, а въ окна и въ двери такъ вода и хлынула; все выше да выше, ужъ подъ горло подступаетъ. «Господи! что же теперь дѣлать? куда дѣваться?» спрашиваетъ съ испугу генералъ. А матросъ въ отвѣтъ: «Коли не хотите тонуть, ваше превосходительство, такъ полѣзайте за мною въ трубу». Вотъ и полѣзли, взобрались на крышу, стоятъ и смотрятъ во всѣ стороны: цѣлой городъ затопило! такое наводненіе, что въ низкихъ мѣстахъ совсѣмъ домовъ не видать; а вода прибываетъ да прибываетъ. «Ну, братецъ! говоритъ генералъ: вѣрно и намъ съ тобой не уцѣлѣть!» — «Не знаю: что будетъ — то будетъ!» — «Смерть моя приходитъ!» думаетъ генералъ, стоитъ самъ не свой да Богу молится. Вдругъ откуда нѣ взялся — плыветъ мимо яликъ, зацѣпился за крышу и остановился на томъ мѣстѣ. «Ваше превосходительство, говоритъ матросъ: садитесь скорѣе въ яликъ, да поплывемъ; можетъ и уцѣлѣемъ, авось вода сбудетъ». Сѣли оба въ яликъ, и понесло ихъ вѣтромъ по водѣ; день плывутъ, и другой плывутъ, а на третій стала вода сбывать, и такъ скоро — куда только она дѣлась? Кругомъ сухо стало; вышли они изъ ялика, спросили у добрыхъ людей: какъ слыветъ та сторона и далеко ль занесло ихъ? А занесло-то ихъ за тридевять земель, въ тридесятое царство; народъ все чужой, незнаемой. Какъ тутъ быть, какъ попасть въ свою землю? денегъ при себѣ ни гроша не имѣютъ, подняться не на что. Матросъ говоритъ: «Надо наняться въ работники да зашибить деньжонокъ; безъ того и думать нечего — домой не воротишься». — «Хорошо тебѣ, братецъ! ты давно къ

работѣ привыченъ; а мнѣ каково? самъ знаешь, что я генералъ, работать не умѣю». — «Ничего, я такую работу найду, что и умѣнья не надо». Побрели въ деревню и стали въ пастухи наниматься; обществò согласилось и порядило ихъ на цѣлое лѣто: матросъ пошелъ за старшаго пастуха, а генералъ за подпаска. Такъ-таки до самой осени и пасли они деревенскую скотину; послѣ того собрали съ мужиковъ деньги и стали дѣлиться. Матросъ раздѣлилъ деньги поровну: сколько себѣ, столько и генералу. Вотъ генералъ видитъ, что матросъ ровняетъ его съ собою, сталъ на это обижаться и говоритъ: «Что жъ ты меня съ собой ровняешь? вѣдь я — генералъ, а ты — все-таки простой матросъ!» — «Какъ бы не такъ! мнѣ бы раздѣлить натрое: двѣ части себѣ взять, а съ васъ и одной довольно: вѣдь я настоящимъ пастухомъ былъ, а вы — подпаскомъ». Генералъ осерчалъ и принялся всячески ругать матроса; а матросъ крѣпился-крѣпился, размахнулъ рукой, какъ толкнетъ его въ бокъ: «Очнитесь, ваше превосходительство!» Генералъ очнулся: смотритъ — все по-старому; какъ былъ въ своей комнатѣ, такъ и не выходилъ изъ ней! Не захотѣлъ онъ больше судить матроса, отпустилъ его отъ себя; такъ трактирщикъ ни при чемъ и остался.

215
Дока на доку

Пришелъ солдатъ въ деревню и просится ночевать къ мужику. «Я бы тебя пустилъ, служивой! говоритъ мужикъ: да у меня свадьба заводится, негдѣ тебѣ спать будетъ». — «Ничего, солдату вездѣ мѣсто!» — «Ну, ступай!» Видитъ солдатъ, что у мужика лошадь въ сани запряжена, и спрашиваетъ: «Куда, хозяинъ, отправляешься?» — «Да вишь у насъ такое заведеніе: у кого

свадьба, тотъ и поѣзжай къ колдуну да вези подарокъ! Самой бѣдной безъ двадцати рублевъ не отдѣлается, а коли богатъ, такъ и пятидесяти мало; а не отвезешь подарка, всю свадьбу испортитъ!» — «Послушай, хозяинъ! не вози; и такъ сойдетъ!» Крѣпко увѣрилъ мужика, тотъ послушался и не поѣхалъ къ колдуну съ гостинцами. Вотъ начали свадьбу играть, повезли жениха съ невѣстою законъ принимать; ѣдутъ дорогою, а навстрѣчу поѣзду быкъ несется, такъ и реветъ, рогами землю копаетъ. Всѣ поѣзжане испугалися, а солдатъ усомъ не мигнетъ: гдѣ ни взялася — выскочила изъ-подъ него собака, бросилась на быка и прямо за глотку вцѣпилась — быкъ такъ и грохнулся наземь. Ѣдутъ дальше а навстрѣчу поѣзду огромной медвѣдь. «Не бойтесь, кричитъ солдатъ: я худа не допущу!» Опять гдѣ ни взялася — выскочила изъ-подъ него собака, кинулась на медвѣдя и давай его душить; медвѣдь заревѣлъ и издохъ. Миновала та бѣда, снова ѣдутъ дальше; а навстрѣчу поѣзду заяцъ выскочилъ и перебѣжалъ дорогу чуть-чуть не подъ ногами передней тройки. Лошади остановились, храпятъ, а съ мѣста не трогаются! «Не дури, заяцъ! крикнулъ на него солдатъ: мы опосля поговоримъ съ тобой!» — и тотчасъ весь поѣздъ легко двинулся. Пріѣхали къ церкви благополучно, обвѣнчали жениха съ невѣстою, и отправились назадъ въ свою деревню. Стали ко двору подъѣзжать, а на воротахъ чёрной воронъ сидитъ да громко каркаетъ — лошади опять стали, ни одна съ мѣста не тронется. «Не дури, воронъ! крикнулъ на него солдатъ: мы съ тобой опосля потолкуемъ». Воронъ улетѣлъ, лошади въ ворота пошли. Вотъ посадили молодыхъ за столъ; гости и родичи свои мѣста заняли — какъ слѣдуетъ, по порядку; начали ѣсть, пить, веселиться. А колдунъ крѣпко осердился: гостинцевъ ему не дали, пробовалъ было страхи напускать

— и то дѣло не выгорѣло! Вотъ пришелъ самъ въ избу, шапку не ломаетъ, образамъ не молится, честнымъ людямъ не кланяется; и говоритъ солдату: «Я на тебя сердитъ!» — «А за что на меня сердиться? ни я не занималъ у тебя, ни ты мнѣ не долженъ! Давай-ка лучше пить да гулять». — «Давай!» Взялъ колдунъ со стола сидову пива, налилъ стаканъ и подноситъ солдату: «Выпей, служивой!» Солдатъ выпилъ — у него всѣ зубы въ стаканъ вы́падали! «Эхъ, братецъ! говоритъ солдатъ: какъ мнѣ безъ зубовъ-то быть? чѣмъ будетъ сухари грызть?» Взялъ да и бросилъ зубы въ ротъ — они опять стали попрежнему. «Ну, теперь я поднесу! выпей-ка отъ меня стаканъ пива!» Колдунъ выпилъ — у него глаза вылѣзли! Солдатъ подхватилъ его глаза и забросилъ невѣдомо куда. Остался колдунъ на всю жизнь слѣпымъ и закаялся страхи напускать, надъ людьми мудрить; а мужики и бабы стали за служиваго Бога молить.

216
Ворожея

(b) Въ нѣкоторомъ царствѣ былъ-жилъ баринъ; у того барина были лакей да кучеръ; лакей прозывался Брюхо, а кучеръ Ребро. Въ одно время украли они изъ барскаго сундука жемчугъ. Баринъ хватился — нѣтъ жемчугу! Позвалъ своихъ людей: «Признавайтесь, говоритъ, вы украли?» — «Никакъ нѣтъ! знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ». — «Ну, смотрите! сейчасъ же призову бабку-ворожейку, да коли она узнаетъ да на васъ покажетъ, тогда худо будетъ!» Послалъ баринъ за старухою: привезли ее. «Здравствуй, бабушка! поворожи мнѣ, голубушка! у меня дорогой жемчугъ пропалъ». — «Хорошо, баринъ, поворожу: только прикажи наперёдъ баню истопить, съ дороги обмыться надо». Истопили баню, стала старуха париться, а сама приговариваетъ:

«Ну, достанется жъ теперь и брюху и ребру». А лакей да кучеръ слушаютъ подъ окномъ, что она станетъ говорить. «Ахъ, братъ! говоритъ кучеръ: вѣдь узнала, проклятая! что теперь дѣлать?» Только старуха изъ бани, а они къ ней: «Бабушка родимая! не говори барину». — «А гдѣ жемчугъ? цѣлъ ли?» — «Цѣлъ, бабушка!» — «Ну, возьмите-закатайте каждую жемчужинку въ хлѣбъ и дайте сѣрому гусю; пусть поклюётъ!» Сказано — сдѣлано. Пришла старуха къ барину. «Что, бабушка, узнала?» — «Узнала, родной!» — «Кто жъ виноватъ?» — «Да сѣрой гусь, что на дворѣ ходитъ; вишь у васъ въ горницахъ окна-то отворены, онъ влетѣлъ въ окно да жемчутъ и поклевалъ». Баринъ приказалъ поймать гуся и зарѣзать. Зарѣзали сѣраго гуся и нашли въ зобу жемчугъ. Сталъ баринъ благодарить ворожейку, и оставляетъ у себя обѣдать; а къ обѣду велѣлъ изготовить на жареное ворону. «Посмотрю, думаетъ, узнаетъ ли старуха?» Вотъ сѣли обѣдать; несутъ жареную ворону на столъ, а баба смотритъ по сторонамъ да говоритъ о себѣ: «Вотъ залетѣла ворона въ высоки хоромы!» — «Экая хитрая, все знаетъ». Послѣ обѣда приказалъ баринъ заложить коляску да отвезть старуху домой, а въ коляску наклалъ потихоньку яицъ: «Посмотрю, узнаетъ ли теперь?» Вотъ стала она садиться въ коляску и говоритъ сама себѣ: «Ну, бабушка, садись на старыя яички!» Удивился баринъ, что старуха все знаетъ, все вѣдаетъ, наградилъ ее деньгами и отпустилъ съ Богомъ.

217
Знахарь

Жилъ бѣдной да продувной мужичокъ, по прозванью Жучокъ; укралъ у бабы холстину и спряталъ въ омётѣ соломы, а самъ расхвастался, что ворожитъ мастеръ. Пришла къ нему баба и проситъ погадать. Мужикъ

спрашиваетъ: «А что за работу дашь?» — «Пудъ муки да фунтъ масла». — «Ладно!» Сталъ гадать; погадалъ-погадалъ и сказалъ ей, гдѣ холстъ спрятанъ. Дня черезъ два, черезъ три пропалъ у барина жеребецъ: онъ же плутъ его и увёлъ да привязалъ въ лѣсу къ дереву. Посылаетъ баринъ за этимъ мужикомъ; сталъ мужикъ гадать и говоритъ: «Ступайте скорѣй, жеребецъ въ лѣсу къ дереву привязанъ». Привели жеребца изъ лѣсу; далъ баринъ знахарю сто рублевъ, и пошла объ немъ слава по всему царству. Вотъ на бѣду пропало у царя его вѣнчальное кольцо; искать-искать — нѣтъ нигдѣ! Послалъ царь за знахаремъ, чтобы какъ можно скорѣй во дворецъ его привезли. Взяли его, посадили въ повозку и привезли къ царю. «Вотъ когда пропалъ-то! думаетъ мужикъ: какъ мнѣ узнать, гдѣ дѣвалось кольцо? Ну какъ царь опалится да туда зашлётъ, куда Макаръ и телятъ не гонялъ!» — «Здравствуй, мужичокъ! говоритъ царь: поворожи-ка мнѣ, отгадаешь — деньгами награжу, а коли нѣтъ — то мой мечъ, твоя голова съ плечъ!» Тотчасъ приказалъ отвести знахарю особую комнату: «Пускай де цѣлую ночь ворожитъ, чтобъ къ утру отвѣтъ былъ готовъ». Знахарь сидитъ въ той комнатѣ да думаетъ: «Какой отвѣтъ дамъ я царю? Лучше дождусь глухой полночи, да убѣгу, куда глаза глядятъ; вотъ какъ пропоютъ третьи пѣтухи сейчасъ и задамъ тягу!» А кольцо-то царское утащили три дворовыхъ человѣка: лакей, кучеръ да поваръ. «Что, братцы! говорятъ они межъ собой какъ этотъ ворожейка да узнаетъ насъ? вѣдь тогда намъ смерть немилучая . . . Давайтека подслушивать у дверей; коли онъ ничего — и мы молчокъ; а коли узнастъ насъ, такъ ужъ дѣлать нечего — станемъ просить его, чтобъ царю-то не доказывалъ». Пошелъ лакей подслушивать: вдругъ пѣтухи запѣли, мужикъ и промолвилъ: «Слава Тебѣ, Господи! одинъ

уже есть, остается двухъ ждать». У лакея душа въ пятки ушла; прибѣжалъ онъ къ своимъ товарищамъ: «Ахъ, братцы! вѣдь меня узналъ: только я къ двери, а онъ кричитъ: одинъ уже есть, остается двухъ ждать!» — «Постой, я пойду!» сказалъ кучеръ; пошелъ подслушивать. Запѣли вторые пѣтухи, а мужикъ: «Слава Тебѣ. Господи! и два есть, остается одного ждать». — «Эхъ. братцы! и меня узналъ». Поваръ говоритъ: «Ну, если и меня узнаетъ, такъ пойдемъ прямо къ нему: бросимся въ ноги, и станемъ упрашивать». Пошелъ подслушивать поваръ; третьи пѣтухи запѣли, мужикъ перекрестился: «Слава Богу, всѣ три есть!» да поскорѣй въ двери — бѣжать хочетъ; а воры къ нему навстрѣчу, пали въ ноги и просятъ и молятъ: «Не погуби, не сказывай царю; вотъ тебѣ кольцо!» — «Ну, такъ и быть, прощаю васъ!» Взялъ мужикъ кольцо, поднялъ половицу и бросилъ его подъ полъ. На утро царь спрашиваетъ: «Что, мужичокъ, какъ твои дѣла?» — «Выворожилъ; кольцо твое укатилось подъ эту половицу». Подняли половицу и достали кольцо; царь щедро наградилъ знахаря деньгами и велѣлъ накормить-напоить его до отвала, а самъ пошелъ въ садъ гулять. Идетъ по дорожкѣ, увидалъ жука, поднялъ его, и воротился къ знахарю: «Ну, коли ты знахарь, такъ узнай, что у меня въ рукѣ?» Мужикъ испугался и говоритъ самъ себѣ: «Что, попался, Жучокъ, царю въ руки!» — «Такъ, такъ, твоя правда!» сказалъ царь, еще больше его наградилъ и съ честью домой отпустилъ.

218
Слѣпцы

Въ Москвѣ бѣлокаменной жилъ одинъ парень въ работникахъ; задумалъ на лѣто въ деревню идти и сталъ просить у хозяина расчета. Только немного пришлось

ему получать денегъ, всего на всего одинъ полтинникъ. Взялъ онъ этотъ полтинникъ и пошелъ за Калужскую заставу; смотритъ — сидитъ на валу слѣпой нищій и проситъ Христовымъ именемъ подаянія. Мужикъ подумалъ-подумалъ и сжалился; подалъ ему полтинникъ и сказываетъ: «Это, старичокъ, полтинникъ; пріими изъ него Христа ради семитку, а сорокъ-восемь копеекъ дай мнѣ сдачи». Слѣпой положилъ полтинникъ въ свою мошну и снова затянулъ: «Православные христіане, подайте Христа-ради слѣпому-невидущему!» — «Что жъ ты, старикъ? подавай мнѣ сдачу». А онъ будто не слышитъ: «Ничего, родимой! еще солнышко высоко, успѣю до двора помаленьку добрести». — «Оглохъ, что ли? мнѣ самому идти добрыхъ сорокъ вёрстъ, деньги въ дорогѣ-то надобны!» Взяло мужика горе пуще остраго ножа: «Эй, говоритъ, старой чортъ! подавай сдачу; не то я съ тобой раздѣлаюсь по-своему!» И началъ его поворачивать на всѣ стороны. Слѣпой во всю глотку закричалъ: «Батюшки, грабятъ! караулъ, караулъ!» Побоялся мужикъ бѣды нажить, бросилъ слѣпого: лучше, думаетъ про себя, отъ грѣха уйти; а то не ровёнъ часъ — прибѣгутъ караульные да еще въ городъ поведутъ! Отошелъ шаговъ съ десятокъ, али больше, остановился на дорогѣ и все глядитъ на нищаго: жалко, вишь, своихъ трудовыхъ денегъ! А тотъ слѣпой на двухъ костыляхъ ходилъ, и оба костыля при немъ лежали: одинъ съ праваго боку, другой съ лѣваго. Разгорѣлось у мужика сердце, радъ всякое зло ему сдѣлать: «Постой же, хоть костыль унесу да посмотрю, какъ-то ты домой поплетешься!» Вотъ подобрался потихонечку и утащилъ костыль; а слѣпой посидѣлъ немного времени, вылупилъ свои бѣльмы на солнце и говоритъ: «Ну, солнышко не больно высоко; чай, время и домой собираться. Эй вы, костылики, мои батюшки! не пора ли ко двору идти?»

Сталъ онъ шарить[1] съ обѣихъ сторонъ: слѣва-то костыль тутъ, а справа-то нѣту: «Ужъ этотъ мнѣ костыль давно опостылъ! никогда его сразу не ощупаю». Пошарилъ-пошарилъ и говоритъ самъ съ собой: «Знать, кто-нибудь надо мною шутку сшутилъ! Да ничего: и на одномъ добреду». Всталъ и поплёлся на одномъ костылѣ; слѣдомъ за нимъ пошелъ и мужикъ. Шли-шли; недалече отъ деревни, у самаго-таки перелѣска стоятъ двѣ старыхъ избушки. Подошелъ слѣпой къ одной избушкѣ, распоясался, снялъ съ пояса ключъ и отперъ свою келью; только онъ отворилъ дверь настежь, — а мужикъ поскорѣй туда, забрался наперёдъ его, сѣлъ на лавку и духъ притаилъ: «Посмотрю, думаетъ, что дальше будетъ?» Вотъ слѣпой пошелъ въ избушку, наложилъ на дверь изнутри крючокъ, оборотился къ переднему углу и помолился на святыя иконы; опосля бросилъ кушакъ съ шапкою на прилавокъ и полѣзъ подъ печку — такъ и загремѣли сковородни да ухваты. Маленько погодя, тащитъ оттудова боченокъ; вытащилъ, поставилъ на столъ, и началъ вытряхать изъ мошны набранныя деньги да въ боченокъ класть; у того боченка съ боку горлышко было малое — такъ, чтобы мѣдному пятаку пролѣзть. Покидалъ туда деньги, а самъ таково слово вымолвилъ: «Слава Богу! насилу пятьсотъ доровнялъ; да спасибо и тому молодцу, что полтинникъ далъ; кабы не онъ подъ руку попался, еще дня три просидѣлъ бы на дорогѣ». Усмѣхнулся слѣпой, сѣлъ на полъ, раскорячился, и ну покатывать боченокъ съ деньгами: покатитъ его отъ себя, а онъ ударится объ стѣнку да назадъ къ нему. «Дай пособлю ему! думаетъ мужикъ: полно ему, старому чорту, куражиться!» и тотчасъ къ рукамъ прибралъ боченокъ съ деньгами. «Ишь, зацѣпилъ за лавку!» говоритъ слѣпой и пошелъ щупать; щупалъ-щупалъ — нѣтъ

[1]) Искать.

нигдѣ; испугался сердечной, отворилъ немного дверь, просунулъ голову и закричалъ: «Пантелей, а Пантелей! подь-ка, братъ, сюда!» Пришелъ Пантелей — такой же слѣпецъ; рядомъ съ этимъ въ другой кельѣ жилъ. «Что такое?» спрашиваетъ онъ. «Да, вишь, какая притча вышла! Каталъ я по̀ полу боченокъ съ деньгами, а куда онъ теперь дѣвался — самъ не вѣдаю; шутка ли? — пятьсотъ рублевъ денегъ! ужъ не стибрилъ ли кто? Кажись, въ избѣ никого не было». — «Подѣломъ вору и мука! сказалъ Пантелей. Вишь ты, старой, совсѣмъ изъ ума выжилъ! словно малой ребенокъ, задумалъ деньгами играть; вотъ теперь и плачь отъ своей игры! А ты бы сдѣлалъ по-моему: у меня своихъ почитай съ пятьсотъ рублевъ, вотъ я размѣнялъ ихъ на ассигнаціи и зашилъ въ эту старую шапчо̀нку; небось на нее никто не польстится!» Мужикъ услыхалъ эти рѣчи и думаетъ: «Ладно! вѣдь шапка у тебя къ головѣ не гвоздемъ прибита». Сталъ Пантелей входить въ избу, только за порогъ переступилъ, а мужикъ цапъ-царапъ съ него шапку да въ дверь, и побѣжалъ домой безъ оглядки. А Пантелей подумалъ, что шапку-то подцѣпилъ у него сосѣдъ, хвать его по рылу: «У насъ, братъ, такъ не дѣлаютъ! свои деньги потерялъ да на чужія заришься!» Ухватили другъ друга за честные волосы, и пошла у нихъ драка великая. Пока они дрались, мужикъ далеко ушелъ; на тѣ деньги онъ знатно поправился и зажилъ себѣ припѣваючи.

219
Воръ

Жилъ-былъ старикъ со старухою; у нихъ былъ сынъ по имени Иванъ. Кормили они его, пока большой выросъ; а потомъ и говорятъ: «Ну, сынокъ! досселева мы тебя кормили, а нынче корми ты насъ до самой смерти».

Отвѣчалъ имъ Иванъ: «Когда кормили меня до возраста лѣтъ, то кормите и до уса». Выкормили его до уса, и говорятъ: «Ну, сынокъ! мы кормили тебя до уса, теперь ты корми насъ до самой смерти!» — «Эхъ, батюшка, и ты, матушка! отвѣчаетъ сынъ: когда кормили меня до уса, то кормите и до бороды». Нечего дѣлать, кормили-поили его старики до бороды, а послѣ и говорятъ: «Ну, сынокъ! мы кормили тебя до бороды, нынче ты насъ корми до самой смерти». — «А коли кормили до бороды, такъ кормите и до старости!» Тутъ старикъ не выдержалъ, пошелъ къ барину бить челомъ на сына. Призываетъ господинъ Ивана: «Что жъ ты, дармоѣдъ, отца съ матерью не кормишь?» — «Да чѣмъ кормить-то? развѣ воровать прикажете? работать я не учился, а теперь и учиться поздно». — «А по мнѣ какъ знаешь! говоритъ ему баринъ: хоть воровствомъ, да корми отца съ матерью, чтобъ на тебя жалобъ не было!» Тѣмъ временемъ доложили барину, что баня готова, и пошелъ онъ париться: а дѣло-то шло къ вечеру. Вымылся баринъ, воротился назадъ и сталъ спрашивать: «Эй, кто тамъ есть? подать босовики!»[1] А Иванъ тутъ какъ тутъ, стащилъ ему сапоги съ ногъ, подалъ босовики; сапоги тотчасъ подъ мышку и унесъ домой. «На, батюшка! говоритъ отцу: снимай свои лапти, обувай господскіе сапоги». На утро хватился баринъ — нѣтъ сапоговъ; послалъ за Иваномъ: «Ты унесъ мои сапоги?» — «Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, а дѣло мое!» — «Ахъ ты, плутъ, мошенникъ! какъ же ты смѣлъ воровать?» — «Да развѣ ты, баринъ, не самъ сказалъ: хоть воровствомъ, да корми отца съ матерью? я твоего господскаго приказу не хотѣлъ ослушаться». — «Коли такъ, говоритъ барнъ: вотъ тебѣ мой приказъ: укради у меня чернаго быка изъ-подъ плуга; уворуешь — дамъ тебѣ сто рублей, не уворуешь

[1]) Башмаки (туфли), надѣваемые на босую ногу.

— влѣплю сто плетей». — «Слушаю-съ!» отвѣчаетъ Иванъ. Тотчасъ бросился онъ на деревню, стащилъ гдѣ-то пѣтуха, ощипалъ ему перья, и скорѣй на пашню; подползъ къ крайней бороздѣ, приподнялъ глыбу земли, подложилъ подъ нее пѣтуха, а самъ за кусты спрятался. Стали плугатари вести новую борозду, зацѣпили ту глыбу земли и своротили на сторону: ощипанной пѣтухъ выскочилъ и что силъ было — побѣжалъ по кочкамъ, по рытвинамъ. «Что за чудо изъ земли выкопали!» закричали плугатари и пустились въ догонку за пѣтухомъ. Иванъ увидалъ, что они побѣжали какъ угорѣлые, бросился сейчасъ къ плугу, отрубилъ у одного быка хвостъ да воткнулъ другому въ ротъ, а третьяго отпрёгъ и увелъ домой. Плугатари гонялись-гонялись за пѣтухомъ, такъ и не поймали, воротились назадъ: чернаго быка нѣтъ, а пестрой безъ хвоста. «Ну, братцы! пока мы за чудомъ бѣгали, быкъ быка съѣлъ; чернаго-то совсѣмъ сожралъ, а пестрому хвостъ откусилъ!» Пошли къ барину съ повинною головою: «Помилуй, отецъ! быкъ быка съѣлъ». — «Ахъ вы, дурачье безмозглое! закричалъ на нихъ баринъ: ну гдѣ это видано, гдѣ это слыхано, чтобъ быкъ да быка съѣлъ? Позвать ко мнѣ Ивана». Позвали. «Ты быка укралъ?» — «Я, баринъ». — «Куда ужъ ты дѣвалъ его?» — «Зарѣзалъ; кожу на базаръ снесъ, а мясомъ стану отца да мать кормить». — «Молодецъ! говоритъ баринъ: вотъ тебѣ сто рублей. Ну, укради же теперь моего любимаго жеребца, что стоитъ за тремя дверями, за шестью замками; уведешь — плачу двѣсти рублей, не уведешь — влѣплю двѣсти плетей!» — «Изволь, баринъ! украду». Вечеромъ поздно забрался Иванъ въ барской домъ; входитъ въ переднюю — нѣтъ ни души, смотритъ — виситъ на вѣшалкѣ господская одёжа; взялъ барскую шинель да фуражку, надѣлъ на себя, выскочилъ на крыльцо и закричалъ громко ку-

черамъ и конюхамъ: «Эй, ребята! осѣдлать поскорѣй моего любимаго жеребца да подать къ крыльцу». Кучера и конюхи признали его за барина, побѣжали въ конюшню, отперли шесть замковъ, отворили трое дверей, вмигъ все дѣло исправили и подвели къ крыльцу осѣдланнаго жеребца. Воръ сѣлъ на него верхомъ, ударилъ хлыстикомъ — только и видѣли! На другой день спрашиваетъ баринъ: «Ну, что мой любимой жеребецъ?» а онъ еще съ вечера выкраденъ. Пришлось посылать за Иваномъ: «Ты укралъ жеребца?» — «Я, баринъ». — «Гдѣ же онъ?» — «Купцамъ продалъ». — «Счастливъ твой Богъ, что я самъ украсть велѣлъ! Возьми свои двѣсти рублей. Ну, укради же теперь керженскаго[1] наставника». — «А что, баринъ, за труды положишь?» — «Хочешь триста рублей?» — «Изволь, украду!» — «А если не украдешь?» — «Твоя воля; дѣлай, что самъ знаешь».

Призвалъ баринъ наставника: «Берегись, говоритъ, стой на молитвѣ всю ночь, спать не моги! Ванька-воръ на тебя похваляется». Перепугался старецъ, не до сна ему, сидитъ въ кельѣ да молитву твердитъ. Въ самую полночь пришелъ Иванъ-воръ съ рогозиннымъ кошелёмъ и стучится въ окно. «Кто ты, человѣче?» — «Ангелъ съ небеси, посланъ за тобою унести живого въ рай; полѣзай въ кошель». Наставникъ сдуру и влѣзъ въ кошель; воръ завязалъ его, поднялъ на спину и понесъ на колокольню. Тащилъ-тащилъ; «скоро ли?» спрашиваетъ наставникъ. «А вотъ увидишь! Сначала дорога хоть долга, да гладка, а подъ конецъ коротка да колотлива». Втащилъ его наверхъ, и спустилъ внизъ по лѣстницѣ: больно пришлось наставнику, пересчиталъ всѣ ступеньки! «Охъ, говоритъ, правду сказывалъ ангелъ: передняя дорога хоть долга, да гладка, а послѣдняя ко-

[1]) Раскольничій.

ротка да колотлива! И на томъ свѣтѣ такой бѣды не знавалъ!» — «Терпи, спасенъ будешь!» отвѣчалъ Иванъ; поднялъ кошель и повѣсилъ у воротъ на ограду, положилъ подлѣ два березовыхъ прута толщиною въ палецъ и написалъ на воротахъ: «Кто мимо пройдетъ да не ударитъ по кошелю три раза — да будетъ анаѳема проклятъ!» Вотъ всякой, кто ни проходитъ мимо—непремѣнно стегнетъ три раза. Идетъ баринъ: «Что за кошель виситъ?» Приказалъ снять его и развязать. Развязали, а оттуда лѣзетъ керженской наставникъ. «Ты какъ сюда попалъ? вѣдь говорилъ тебѣ: берегись, такъ нѣтъ! Не жалко мнѣ, что тебя прутьями били, а жалко мнѣ, что изъ-за тебя триста рублей даромъ пропали!»

220
Вороватый мужикъ

Жила-была старуха, у ней было два сына: одинъ-то померъ, а другой въ дальню сторону уѣхалъ. Дня три спустя, какъ уѣхалъ сынъ, приходитъ къ ней солдатъ и просится: «Бабушка, пусти ночевать». — «Иди, родимой! да ты откудова?» — «Я, бабушка, Никопецъ, съ того свѣту выходецъ». — «Ахъ, золотой мой! у меня сыночекъ померъ; не видалъ ли ты его?» — «Какъ же! видѣлъ; мы съ нимъ въ одной горницѣ жили». — «Что ты!» — «Онъ, бабушка, на томъ свѣтѣ журавлей пасетъ». — «Ахъ, родненькой! чай, онъ съ ними замаялся?» — «Еще какъ замаялся! вѣдь журавли-то, бабушка, все по шиповнику бродятъ». — «Чай, онъ обносился?» — «Еще какъ обносился-то! совсѣмъ въ лохмотьяхъ». — «Есть у меня, родимой, аршинъ сорокъ холста да рублевъ съ десятокъ денегъ: отнеси къ сынку». — «Изволь, бабушка!» Долго ли, коротко ли, пріѣзжаетъ сынъ: «Здравствуй, матушка!» — «А ко мнѣ безъ тебя приходилъ Никопецъ, съ того свѣта выходецъ, про покойнаго

сынка сказывалъ; они вмѣстѣ въ одной горницѣ жили; я услала съ нимъ туда холстикъ да десять рублевъ денегъ». «Коли такъ, говоритъ сынъ: прощай, матушка! я поѣду по вольному свѣту; когда найду дураковатѣй тебя — буду тебя и кормить и поить, а не найду — со двора спихну!» Повернулся и пошелъ въ путь-дорогу.

Приходитъ въ господску деревню, остановился возлѣ барскаго двора, а на дворѣ ходитъ свинья съ поросятами; вотъ мужикъ сталъ на колѣни и кланяется свиньѣ въ землю. Увидала то изъ окна барыня, и говоритъ дѣвкѣ: «Ступай, спроси, чего мужикъ кланяется?» Спрашиваетъ дѣвка: «Мужичокъ! чего ты на колѣняхъ стоишь да свиньѣ поклоны бьешь?» — «Матушка! доложи барынькѣ, что свинья-то ваша пестра, моей женѣ сестра, а у меня сынъ завтра женится, такъ на свадьбу прошу. Не отпуститъ ли свинью въ свахи, а поросятъ въ поѣздъ?» Барыня какъ выслушала эти рѣчи, и говоритъ дѣвкѣ: «Какой дуракъ! проситъ свинью на свадьбу, да еще съ поросятами. — Ну, что жъ! пусть съ него люди посмѣются. Наряди поскорѣй свинью въ мою шубу, да вели запречь въ повозку пару лошадей: пусть не пѣшкомъ идетъ на свадьбу». Запрягли повозку, посадили въ нее наряжену свинью съ поросятами, и отдали мужику; онъ сѣлъ и поѣхалъ назадъ. Вотъ воротился домой баринъ, а былъ онъ въ то время на охотѣ. Барыня его встрѣчаетъ, сама сѣ смѣху помираетъ: «Ахъ, душенька! не было тебя, не съ кѣмъ было посмѣяться. Былъ здѣсь мужичокъ, кланялся нашей свиньѣ: ваша свинья, говорилъ, пестра — моей женѣ сестра, и просилъ ее къ своему сыну въ свахи, а поросятъ въ поѣзжане». — «Я знаю, говоритъ баринъ: ты ее отдала». — «Отпустила, душенька! нарядила въ свою шубу и дала повозку съ парою лошадей». — «Да откуда мужикъ-то?» — «Не знаю, голубчикъ!» — «Это выходитъ: не мужикъ

— дуракъ, а ты — дура!» Разсердился баринъ, что жену обманули, выбѣжалъ изъ хоромъ, сѣлъ на виноходца и поскакалъ въ погоню. Слышитъ мужикъ, что баринъ его нагоняетъ, завелъ лошадей съ повозкою въ густой лѣсъ, а самъ снялъ съ головы шляпу, опрокинулъ наземь и сѣлъ возлѣ. «Эй ты, борода! закричалъ баринъ: не видалъ ли — не проѣхалъ ли здѣсь мужикъ на парѣ лошадей? еще у него свинья съ поросятами въ повозкѣ». — «Какъ не видать! ужъ онъ давно проѣхалъ». — «Въ какую сторону? какъ бы мнѣ его догнать!» — «Догнать — не устать, да повёртокъ много; того и-смотри, заплутаешься. Тебѣ, чай, дорòги невѣдомы?» — «Поѣзжай, братецъ, ты! поймай мнѣ этого мужика!» — «Нѣтъ, баринъ, мнѣ никакъ нельзя! у меня подъ шляпою соколъ сидитъ». — «Ничего, я постерегу твоего сокола». — «Смотри, еще выпустишь! Птица — дорогая! меня хозяинъ тогда со свѣту сживетъ». — «А что она сто́итъ?» — «Да рублевъ триста будетъ». — «Ну, коли упущу, такъ заплачу́». — «Нѣтъ, баринъ! хоть теперь ты сулишь, а что послѣ будетъ — не вѣдаю». — «Экой невѣра! ну, вотъ тебѣ триста рублевъ про всякой случай». Мужикъ взялъ деньги, сѣлъ на виноходца и поскакалъ въ лѣсъ, а баринъ остался пустую шляпу караулить. Долго ждалъ баринъ; ужъ и солнышко закàтывается, а мужика нѣтъ какъ нѣтъ!» — «Постой, посмотрю: есть ли подъ шляпою соколъ? коли есть, такъ пріѣдетъ; а коли нѣтъ, такъ и ждать нечего!» Поднялъ шляпу, а сокола и не бывало! «Экой мерзавецъ! вѣдь навѣрно это былъ тотъ самой мужикъ, что барыню обманулъ!» Плюнулъ съ досады баринъ и поплёлся къ женѣ; а мужикъ ужъ давно дома: «Ну, матушка! говоритъ старухѣ: живи у меня: есть на свѣтѣ и тебя дурашливѣе. Вотъ ни за́што, ни про̀што дали тройку лошадей съ повозкою, триста рублевъ денегъ, да свинью съ поросятами».

Солдатская загадка

Шли солдаты прохожіе, остановились у старушки на отдыхъ. Попросили они попить да поѣсть, а старуха отзывается: «Дѣтоньки! чѣмъ же я васъ буду подчивать? у меня ничего нѣту». А у ней въ печи былъ варёной пѣтухъ — въ горшкѣ, подъ сковородой. Солдаты это дѣло смекнули; одинъ — вороватой былъ! — вышелъ на дворъ, раздергалъ возъ со снопами, воротился въ ѝзбу и говоритъ: «Бабушка, а бабушка! посмотри-ка, скотъ-атъ у тебя хлѣбъ ѣстъ». Старуха на дворъ, а солдаты тѣмъ времячкомъ заглянули въ печь, вынули изъ горшка пѣтуха, на мѣсто его положили туда ошмётокъ[1], а пѣтуха въ суму спрятали. Пришла старуха: «Дѣтоньки, миленьки! не вы ли скота-то пустили? почто же, дѣтоньки, пакостите? не надо, миленьки!» Солдаты помолчали-помолчали, да опять попросили: «Дай же, бабушка, поѣсть намъ!» — «Возьмите, дѣтоньки, кваску да хлѣбца; будетъ съ васъ!» И вздумала старуха похвалиться, что провела[2] ихъ, и заганула имъ загадку: «А что, дѣтоньки! вы люди-то бывалые, всего видали; скажите-ка мнѣ: нынѣ въ Пенскомъ, Черепенскомъ, подъ Сковороднымъ, здравствуетъ ли Куруханъ-Куруханович?» — «Нѣтъ, бабушка!» — «А кто же, дѣтоньки, вмѣсто его?» — «Да Липанъ Липановичъ»[3]. — «А гдѣ же Куруханъ Куруханович?» — «Да въ Сумпнъ городъ переведенъ, бабушка». Послѣ того ушли солдаты. Пріѣзжаетъ сынъ съ поля, проситъ ѣсть у старухи, а она ему: «Поди-ка, сынокъ! были у меня солдаты да просили закусить, а я имъ, дитятко, заганула загадочку

---

[1]) Изношенный, старой лапоть.

[2]) Обманула.

[3]) Куруханъ отъ слова: куръ — пѣтухъ; липанъ отъ слова: липа, потому что лапти плетутся изъ липовыхъ лыкъ.

про пѣтуха, что у меня въ печи; они не сумѣли отгадать-то». — «Да какую ты, матушка, заганула имъ загадку?» — «А вотъ какую: въ Пенскомъ, Черепенскомъ, подъ Сковороднымъ, здравствуетъ ли Куруханъ Куруханычъ? Они не отганули; пѣтъ, баютъ, бабушка! Гдѣ же онъ, родимые? Да въ Суминъ городъ переведенъ. А того и не знаютъ, курвины дѣти, что у меня въ горшкѣ-то есть!» Заглянула въ печь, анъ пѣтухъ-то улетѣлъ; только лапоть вытащила. «Ахти, дитятко, обманули меня проклятые!» — «То-то, матушка! солдата не проведетъ, онъ — человѣкъ бывалой».

Записана въ Пермской губ.

222
Мертвое тѣло

Въ нѣкоемъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, жила старушка-вдова; у нея было два сына умныхъ, а третій дуракъ. Стала мать помирать, стала имѣнье отказывать — кому что, и проситъ умныхъ: «Не обдѣлите. сынки, дурака; было бы всѣмъ поровну!» Вотъ старуха померла, умные братья раздѣлили все имѣніе межъ собой, а дураку ничего не дали. Дуракъ схватилъ покойницу со стола и потащилъ на чердакъ. «Что ты, дуракъ! закричали на него братья: куда поволокъ?» А дуракъ въ отвѣтъ: «Вы двое все добро себѣ забрали; мнѣ одна матушка осталась!» Втащилъ наверхъ и принялся кричать во все горло: «Люди добрые! поглядите — матушку убили!» Братья видятъ — худо дѣло! и говорятъ ему: «Дуракъ, не кричи! вотъ тебѣ сто рублевъ; вотъ тебѣ лошадь!» Дуракъ взялъ деньги, запрёгъ лошадь. посадилъ старуху на дровни и повезъ ее, словно живую, на большую дорогу. Скачетъ навстрѣчу ему баринъ, колокольчикъ подъ дугой такъ и заливается; дуракъ съ

доро́ги не сворачиваетъ. «Эй ты, олухъ! вороти въ сторону», кричитъ баринъ. «Самъ вороти!» отвѣчаетъ дуракъ. Баринъ осерчалъ, заругался, не велѣлъ сворачивать, наскакалъ на дровни и опрокинулъ на́ бокъ; старуха упала, а дуракъ завопилъ: «Караулъ! караулъ! баринъ матушку до смерти зашибъ!» — «Молчи, дуралей! вотъ тебѣ сто рублевъ». — «Давай трпста». — «Чортъ съ тобой, бери трпста, только кричать перестань». Дуракъ взялъ съ барина деньги, положилъ старуху на дровни, и поѣхалъ въ ближнее село; пробрался задами къ попу на дворъ, залѣзъ въ погребъ, видитъ — стоятъ на льду кринки съ молокомъ. Онъ сейчасъ поснималъ съ нихъ покрышки, приволокъ свою старуху и усадилъ возлѣ на солому: въ лѣвую руку далъ ей кувшинъ, въ правую — ложку, а самъ за кадку спрятался. Немного погодя, пошла на погребъ попадья; глядь — незнамо чья старуха сметану съ кринокъ сымаетъ да въ кувшинъ собираетъ; попадья ухватила палку, какъ треснетъ ее по головѣ — старуха свалилась, а дуракъ выскочилъ и давай кричать: «Батюшки-свѣты, караулъ! попадья матушку убила!» Прибѣжалъ попъ: «Молчи, говоритъ, я тебѣ сто рублевъ заплачу и мать даромъ схороню». — «Неси деньги!» Попъ заплатилъ дураку сто рублевъ и похоронилъ старуху. Дуракъ воротился домой съ деньгами; братья спрашиваютъ: «Куда мать дѣвалъ?» — «Продалъ, вотъ и денежки». Завидно стало братьямъ, стали сговариваться: «Давай-ка убьемъ своихъ женъ да продадимъ. Коли за старуху столько дали, за молодыхъ вдвое дадутъ». Ухлопали своихъ женъ и повезли на базаръ; тамъ ихъ взяли, въ кандалы заковали, и сослали въ Сибирь. А дуракъ остался хозяиномъ, и зажилъ себѣ припѣваючи, мать поминаючи.

223
Шутъ

Въ одной деревнѣ жилъ шутъ. Какой-то попъ вздумалъ ѣхать къ нему, говоритъ попадьѣ: «Ѣхать было къ шуту, не спутитъ ли какую шутку!» Собрался и поѣхалъ; шутъ по̀ двору похаживаетъ, за хозяйствомъ присматриваетъ. «Богъ въ помочь, шутъ!» — «Добро жаловать, батюшко! куды тебя Богъ понесъ?» — «Къ тебѣ, свѣтъ: не спутишь ли шутку мнѣ?» — «Изволь, батюшко; только шутку-то я оставилъ у семи шутовъ, дакъ снаряди потеплѣй да дай лошади съѣздить за нею». Попъ далъ ему лошадь, тулупъ и шапку. Шутъ сѣлъ и поѣхалъ. Пріѣхалъ къ попадьѣ и говоритъ: «Матушка! попъ купилъ триста пудовъ рыбы, меня вотъ послалъ на своей лошади къ тебѣ за деньгами, триста рублей проситъ». Попадья тотчасъ отсчитала ему триста рублей; шутъ взялъ и поѣхалъ назадъ. Пріѣзжаетъ домой, тулупъ и шапку положилъ въ сани, лошадь въ ограду пустилъ, а самъ спрятался. Попъ пождалъ-пождалъ, не могъ дождаться, собрался и воротился къ попадьѣ. Она спрашиваетъ: «А гдѣ рыба-то?» — «Какая рыба?» — «Какъ какая! шутъ пріѣзжалъ за деньгами, сказывалъ, будто ты заторговалъ триста пудовъ рыбы; я ему триста рублей дала». Узналъ попъ, какову шутку сыгралъ надъ нимъ шутъ!

На другой день собрался, и опять къ шуту. Шутъ зналъ, что попъ пріѣдетъ, переодѣлся женшшиной, взялъ пресницу[1] и сѣлъ подъ окошко, сидитъ да прядётъ. Вдругъ попъ: «Богъ въ помочь!» — «Добро жаловать!» — «Дома шутъ? »— «Нѣту, батюшко!» — «Гдѣ же онъ?» — «Да вѣдь онъ, батюшко, съ тобой вчерась пошутилъ да послѣ того и дòма не бывалъ». — «Экой плутъ! видно на-

[1]) Прялку.

завтрее пріѣзжать». На третій день пріѣхалъ; шута все нѣтъ дома. Попъ и думатъ: «Чево жо я ѣзжу безъ дѣла. Эта дѣвка знать сестра ево, увезу ее домой, пусть зарабливатъ[1] мои деньги». Спрашиватъ ее: «Ты кто жо? какъ шуту доводишься?» Она говоритъ: «Сестра». — «Шутъ у меня тристa рублей денекъ взялъ, такъ ступай-ко, голубушка, зарабливай ихъ . . .» — «Дакъ што! ѣхать, дакъ ѣхать!» Собралась и поѣхала съ попомъ. Живетъ у нево ужъ и долго. У попа были дочери-невѣсты. Вдрукъ къ нему сватовшики — какой-то богатой купецъ началъ сватать дочь за сына. Поповски дочери что-то купцу не понравились, не поглянулись, онъ и высваталъ стряпку[2], шутову сестру. Веселымъ пиркомъ да и за свадебку. Справили все какъ слѣдуетъ. Ночью молодая говоритъ мужу: «Высади меня въ окошко по холсту повѣтриться: а какъ тряхну холстомъ, назадъ тяни». Мужъ спустилъ ее въ садъ; жонушка привязала вмѣсто себя козлуху, тряхнула — молодой поташшилъ. Приташшилъ въ горницу, смотритъ — козлуха. «Охъ, злые люди испортили у меня жену-то!» закричалъ молодой; всѣ сбѣжались, начали возиться съ козлухой: дружки взялись наговаривать, штобы обратить ее въ женшшину, и совсѣмъ доконали-замучили: пропала козлуха.

Шутъ между тѣмъ пришёлъ домой, переодѣлся и поѣхалъ къ попу. Тотъ ево встрѣтилъ: «Милости просимъ! милости просимъ!» — угощатъ. Шутъ сидитъ, ѣсъ да пьетъ; тѣ-други разговоры, онъ и спрашиватъ: «Батюшко, гдѣ жо моя сестра? не увозилъ ли ты?» — «Увёзъ, говоритъ попъ: да и отдалъ въ-замужъ за богатова купца». — «А какъ жо, батюшко, безъ моево спросу отдали ее въ-замужъ? разѣ есь таки законы?

[1]) Зарабатываетъ.
[2]) Кухарку, работницу.

вѣдь я просить пойду!» Попъ биться-биться съ нимъ, чтобы не ходилъ въ просьбу. Шутъ выпросилъ съ нево триста рублей; попъ отдалъ. Шутъ взялъ и говоритъ опеть: «Ладно, батюшко! теперь своди-ка меня къ сватушку-то; покажи, каково они живутъ». Попъ не захотѣлъ спорить; собрались и поѣхали. Пріѣзжаютъ къ купцу; тутъ ихъ встрѣтили, начали подчивать. Шутъ сидитъ ужъ и дивно времени — сестры не видать! и говоритъ онъ: «Сватушко, гдѣ жо моя-то сестра? я давно съ ней не видался». Тѣ посѣмываютъ[1]. Онъ опеть спрашиватъ; они и сказали ему, что злы люди похимостили[2], испортили ее въ козлуху. «Покажите козлуху!» проситъ шутъ; они говорятъ: «Козлуха пропала». — «Нѣтъ, не козлуха пропала, а вы разѣ мою сестру убили; какъ сдѣлаться ей козлухой! Пойду просить на васъ». Тѣ ну просить сво: «Не ходи, пожалуста не ходи просить: чего хочёшь — бери!» — «Отдайте триста рублей, не пойду!» Деньги отсчитали, шутъ взялъ и ушёлъ, сдѣлалъ гдѣ-то гробъ, склалъ въ нево деньги и поѣхалъ.

Вотъ ѣдетъ шутъ, а навстрѣчу ему семь шутовъ; спрашиваютъ: «Чево, шутъ, везёшь?» — «Деньги». — «А гдѣ взялъ?» — «Гдѣ взялъ! Вишь покойника продалъ, и везу теперь полонъ гробъ денекъ. Шуты, ничево не говоря, пріѣхали домой, перебили всѣхъ своихъ жёнъ, подѣлали гроба, склали на телѣги, и везутъ въ городъ; везутъ да кричатъ: «Покойниковъ, покойниковъ! кому надо покойниковъ?» Услыхали это козаки, живо подскакали и давай ихъ понужать плетями; драли-драли, еще съ приговорами: «Вотъ вамъ покойники! вотъ вамъ покойники!» и проводили вонъ изъ города. Еле-еле убрались шуты; покойниковъ схоронили, сами и стунай къ шуту, отмстить за насмѣшку; тотъ ужъ зналъ,

[1]) Переминаются, безпокоятся.
[2]) Заворожили, заколдовали.

вперёдъ изготовился. Вотъ они пріѣхали, вошли въ избу, поздоровались, сяли на лавку; а у шута въ избѣ была козлуха: она бѣгала-бѣгала, вдругъ и выронила семигривенникъ. Шуты увидѣли это, спрашиваютъ: «Какъ это козлуха-то семигривенникъ выронила?» — «Она у меня завсегда серебро носитъ!» Тѣ и приступили: продай да продай! Шутъ упрямится, не продаётъ: самому де надо. Нѣтъ, шуты безотступно торгуютъ. Онъ запросилъ съ нихъ триста рублей. Шуты дали, и увезли козлуху; дома-то поставили ее въ горницѣ, на полъ ковромъ настлали, дожидаются утра, думаютъ: «Вотъ када денекъ-то наноситъ!» а вмѣсто того она только ковры изгадила.

Шуты опеть поѣхали мстить тому шуту. Тотъ уже зналъ, что они будутъ; говоритъ своей женѣ: «Хозейка! смотри, я тебѣ привяжу подъ пазуху пузырь съ кровью; какъ придутъ шуты бить меня, я втѣпоры стану просить у тебя обѣдать; разъ скажу — ты не слушай, другой скажу — не слушай, и въ третій — тоже не слушай. Я ухвачю ножъ и ткну въ пузырь, кровь побѣжитъ — ты и падй, будто умерла. Тутъ я возьму плётку, стегну тебя разъ — ты пошевелись, въ другой — ты поворотись, а въ третій — скочи да на столъ собирай». Вотъ пріѣхали шуты: «Ну, братъ! ты насъ давно обманываешь, теперича мы тебя убьёмъ». — «Дакъ што! убьете, такъ убьете; дайте хоть въ послѣдній разъ пообѣдать. Эй, хозейка! давай обѣдать». Та ни съ мѣста: онъ вдругорядь приказываетъ — она ни съ мѣста; въ третій разъ говоритъ — то жо самое. Шутъ схватилъ ножикъ, хлопъ ее въ бокъ — кровь полилась ручьями, баба пала, шуты испугались: «Што ты надѣлалъ, собака? и насъ упекёшь тутъ жо!» — «Молчите, робята! у меня есть плётка; я ее вылѣчю». Сбѣгалъ за плёткой, стегнулъ разъ — хозейка пошевелилась, въ другой — пово-

ротилась, въ третій — скочила и давай на столъ собирать. Шуты говорятъ: «Продай плётку!» — «Купите». — «Много ли возьмёшь?» — «Триста рублей». Шуты отсчитали деньги, взяли плётку, ступай съ ней въ городъ; видятъ — везутъ богатова покойника, они крычатъ: стой! Остановились. «Мы оживимъ покойника!» Разъ стегнули плёткой — покойникъ не шевелится, въ другой разъ — тожо, въ третій, четвертой, пятой — покойникъ все не шевелится. Тутъ ихъ, сердешныхъ, забрали и давай самихъ драть; плетями стегаютъ да приговариваютъ: «Вотъ вамъ, лѣкаря! вотъ вамъ, лѣкаря!» До полусмерти изстегали, отпустили. Они каё-какъ доплелись до двора, поправились и говорятъ сами съ собой: «Ну, робята, не докуль шуту надъ нами смѣяться; пойдемте, убьёмъ ево! чево на нево смотрѣть-то?»

Тотчасъ собрались и поѣхали; застали шута дома, схватили и поташшили на рѣку топить. Онъ прòсится: «Дайте хоть съ женой да съ роднёй проститься, приведите ихъ сюда!» Ну, согласились, пошли всѣ за роднёй; а шута завязали въ куль и оставили у пролуби. Только ушли, вдрукъ ѣдётъ солдатъ на парѣ каурыхъ, а шутъ што-то и скашлялъ. Солдатъ остановился, соскочилъ съ саней, развязалъ куль и спрашиватъ: «А, шутъ! пошто залѣзъ тутъ?» — «Да вотъ высватали за меня убѣгомъ таку-то (называетъ ее по имени), севодни и украли; а отецъ и хватился, давай искать. Намъ некуда дѣваться; вотъ мы спрятались въ кули, насъ завязали да и расташшили по разнымъ мѣстамъ, штобъ не узнали». Солдатъ былъ вдòвой, говоритъ: «Пусти, братъ, меня въ куль-отъ». Шутъ упрямится, не пускатъ. Солдатъ уговаривать, и уговорилъ ево. Шутъ вышёлъ, завязалъ солдата въ куль, сялъ на лошадей и уѣхалъ. Солдатъ сидѣлъ-сидѣлъ въ кулю, и уснулъ. Семь шутовъ воротились одни, безъ родни, схватили куль

и бросили въ воду; пошёлъ куль ко дну — буры да коуры! Сами побѣжали домой; только прибѣжали, разсялись по мѣстамъ, а шутъ и катитъ мимо оконъ на парѣ лошадей — ухъ! «Стой!» закрычали семеро шутовъ. Онъ остановился. «Какъ ты изъ воды выбился?» — «Эхъ, вы дураки! развѣ не слышали: какъ пошёлъ я ко дну, то сказывалъ: буры да коуры? это я коней ималъ. Тамъ ихъ много, да какіе славные! Это што еще! я дрянь взялъ — спереди, а тамъ дальше вороные — вотъ такъ лошади! Шуты повѣрили: «Спускай, братъ, насъ въ воду; пойдемъ и мы коней выбирать». — «Извольте!» Всѣхъ извязалъ въ кули и давай спускать по одному; и спускалъ всѣхъ въ воду, махнулъ рукой и сказалъ: «Ну, выѣзжайте жо теперь на вороныхъ!»

Записана въ Пермской губ., г. А. Зыряновымъ.

224

Иванушко-дурачокъ

Былъ-жилъ старикъ со старухою; у нихъ было три сына: двое — умные, третій — Иванушко-дурачокъ. Умные-то овецъ въ порѣ пасли, а дуракъ ничего не дѣлалъ, все на печкѣ сидѣлъ, да мухъ ловилъ. Въ одно время наварила старуха аржаныхъ клёцокъ, и говоритъ дураку: «На-ка, снеси эти клёцки братьямъ; пусть поѣдятъ». Налила полной горшокъ и дала ему въ руки; побрёлъ онъ къ братьямъ. День былъ солнечной; только вышелъ Иванушко за околицу, увидалъ свою тѣнь съ боку, и думаетъ: «Что это за человѣкъ? со мной рядомъ идетъ; ни на шагъ не отстаетъ; вѣрно клёцокъ захотѣлъ!» И началъ онъ бросать на свою тѣнь клёцки, такъ всѣ до единой и повыкидалъ; смотритъ, а тѣнь всё съ боку идетъ: «Эка ненасытная утроба!» сказалъ дурачокъ съ сердцемъ, и пустилъ въ нее горшкомъ — раз-

летѣлись черепки въ разныя стороны. Вотъ приходитъ съ пустыми руками къ братьямъ; тѣ его спрашиваютъ: «Ты, дуракъ, зачѣмъ?» — «Вамъ обѣдъ принёсъ». — «Гдѣ же обѣдъ? давай живѣе». — «Да вишь, братцы, привязался ко мнѣ дорóгою незнамо какой человѣкъ, да все и поѣлъ!» — «Какой-такой человѣкъ?» — «Вотъ онъ! и теперь рядомъ стоитъ!» Братья ну его ругать, бить, колотить; отколотили и заставили овецъ пасти, а сами ушли на деревню обѣдать. Принялся дурачокъ пасти: видитъ, что овцы разбрелись по̀ полю, давай ихъ ловить да глаза выдирать; всѣхъ переловилъ, всѣмъ глаза выдолбилъ, собралъ стадо въ одну кучу и сидитъ себѣ радёхонекъ, словно дѣло сдѣлалъ. Братья пообѣдали, воротились въ поле: «Что ты, дуракъ, натворилъ? отчего стадо слѣпое?» — «Да почто имъ глаза-то? Какъ ушли вы, братцы, овцы-то врозь разсыпались; я и придумалъ: сталъ ихъ ловить, въ кучу сбирать, глаза выдирать; во̀ какъ умаялся!» — «Постой, еще не такъ умаешься!» говорятъ братья, и давай угощать его кулаками; порядкомъ-таки досталось дураку на орѣхи!

Ни много, ни мало прошло времени; послали старики Иванушка-дурачка въ городъ къ празднику по хозяйству закупать. Всего закупилъ Иванушко: и столъ купилъ, и ложекъ, и чашекъ, и соли; цѣлой возъ навалилъ всякой всячины. Ѣдетъ домой, а лошадёнка была такая, знать, неудàлая, везетъ — не везетъ! «А что, думаетъ себѣ Иванушко: вѣдь у лошади четыре ноги, и у стола тожъ четыре; такъ столъ-отъ и самъ добѣжитъ!» Взялъ столъ и выставилъ на дорогу. Ѣдетъ-ѣдетъ, близко ли, далеко ли, а вороны такъ и вьются надъ нимъ да все каркаютъ. «Знать сестрицамъ поѣсть-покушать охота, что такъ раскричались!» подумалъ дурачокъ; выставилъ блюда съ ѣствами нàземь и началъ подчивать: «Сестрицы-голубушки! кушайте на здоровье». А

самъ все впередъ да впередъ подвигается. Ѣдетъ Иванушко перелѣскомъ; по дорогѣ все пни обгорѣлые. «Эхъ, думаетъ, ребята-то безъ шапокъ; вѣдь озябнутъ, сердечные!» Взялъ-понадѣвалъ на нихъ горшки да корчаги. Вотъ доѣхалъ Иванушко до рѣки, давай лошадь поить, а она не пьетъ. «Знать безъ соли не хочетъ!» и ну солить воду. Высыпалъ полонъ мѣшокъ соли, лошадь все не пьетъ. «Что жъ ты не пьешь, волчье мясо! развѣ задаромъ я мѣшокъ соли высыпалъ?» Хватилъ ее полѣномъ да прямо въ голову, и убилъ наповалъ. Остался у Иванушки одинъ кошель съ ложками, да и тотъ на себѣ понёсъ. Идетъ; ложки назади такъ и брякаютъ: брякъ, брякъ, брякъ! а онъ думаетъ, что ложки-то говорятъ: «Иванушко-дуракъ!» бросилъ ихъ, и ну топтать да приговаривать: «Вотъ вамъ Иванушко-дуракъ! Вотъ вамъ Иванушко-дуракъ! Еще вздумали дразнить, негодныя!» Воротился домой и говоритъ братьямъ: «Все искупилъ, братики!» — «Спасибо, дуракъ, да гдѣ жъ у тебя закупки-то?» — «А столъ-отъ бѣжитъ, да знать отсталъ, изъ блюдъ сестрицы кушаютъ, горшки да корчаги ребятамъ въ лѣсу на головы понадѣвалъ, солью-то поиво лошади посолилъ, а ложки дразнятся — такъ я ихъ на дорогѣ покинулъ». — «Ступай, дуракъ, поскорѣе! собери все, что разбросалъ по дорогѣ». Иванушко пошелъ въ лѣсъ, снялъ съ обгорѣлыхъ пней корчаги, повышибалъ днища и надѣлъ на батогъ корчагъ съ дюжину — всякихъ: и большихъ и малыхъ. Несетъ домой. Отколотили его братья; поѣхали сами въ городъ за покупками, а дурака оставили домовничать. Слушаетъ дуракъ, а пиво въ кадкѣ такъ и бродитъ, такъ и бродитъ. «Пиво, не броди, дурака не дразни!» говоритъ Иванушко. Нѣтъ, пиво не слушается; взялъ да и выпустилъ все изъ кадки, самъ сѣлъ въ корыто, по избѣ разъѣзжаетъ, да пѣсенки распѣваетъ.

Пріѣхали братья, крѣпко осерчали, взяли Иванушка — зашили въ куль и потащили къ рѣкѣ. Положили куль на берегу, а сами пошли пролубь осматривать. На ту пору ѣхалъ какой-то баринъ мимо на тройкѣ бурыхъ; Иванушко и ну кричать: «Садятъ меня на воеводство судить да рядить, а я ни судить, ни рядить не умѣю!» — «Постой, дуракъ! сказалъ баринъ: я умѣю и судить и рядить; вылѣзай изъ куля!» Иванушко вылѣзъ изъ куля, зашилъ туда барина, а самъ сѣлъ въ его повозку и уѣхалъ изъ виду. Пришли братья, спустили куль подъ ледъ, и слушаютъ, а въ водѣ такъ и буркаетъ. «Знать бурка ловитъ!» проговорили братья и побрели домой. Навстрѣчу имъ, откуда ни возьмись, ѣдетъ на тройкѣ Иванушко, ѣдетъ да прихвастываетъ: «Вотъ-ста какихъ поймалъ я лошадушекъ! а еще остался тамъ сивко — такой славной!» Завидно стало братьямъ; говорятъ дураку: «Зашивай теперь насъ въ куль да спускай поскорѣй въ пролубь! Не уйдетъ отъ насъ сивко . . .» Опустилъ ихъ Иванушко-дурачокъ въ пролубь и погналъ домой пиво допивать да братьевъ поминать. Былъ у Иванушка колодецъ, въ колодцѣ рыба елецъ, а моей сказкѣ конецъ.

Записана въ Вологодской губ.

225
Дуракъ и береза

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ старикъ, у него было три сына: двое — умныхъ, третій — дуракъ. Померъ старикъ, сыновья раздѣлили имѣнье по жеребью: умнымъ досталось много всякаго добра, а дураку одинъ быкъ — и тотъ худой! Пришла ярмарка; умные братья собираются на торгъ ѣхать. Дуракъ увидалъ и говоритъ: «И я, братцы, по-

веду своего быка продавать». Зацѣпилъ быка веревкою за рога и повелъ въ городъ. Случилось ему идти лѣсомъ, а въ лѣсу стояла старая сухая береза; вѣтеръ подуетъ — и береза заскрипитъ. «Почто береза скрипитъ? думаетъ дуракъ: ужъ не торгуетъ ли моего быка? Ну, говоритъ, коли хочешь покупать — такъ покупай; я не прочь продать! Быкъ двадцать рублевъ стоитъ; меньше взять нельзя . . . Вынимай-ка деньги!» Береза ничего ему не отвѣчаетъ, только скрипитъ; а дураку чудится, что она быка въ долгъ проситъ. «Изволь, я подожду до завтраго!» Привязалъ быка къ березѣ, распрощался съ нею и пошелъ домой. Вотъ пріѣхали умные братья и стали спрашивать: «Ну что, дуракъ! продалъ быка?» — «Продалъ». — «За дорого?» — «За двадцать рублевъ». — «А деньги гдѣ?» — «Денегъ еще не получалъ; сказано — завтра приходить». — «Эхъ, ты — простота!» На другой день поутру всталъ дуракъ, снарядился и пошелъ къ березѣ за деньгами. Приходитъ въ лѣсъ — стоитъ береза, отъ вѣтру качается, а быка нѣту: ночью волки съѣли. «Ну, землякъ! подавай деньги, ты самъ обѣщалъ, что сегодня заплатишь». Вѣтеръ подулъ — береза заскрипѣла, а дуракъ говоритъ: «Ишь ты какой невѣрной! вчера сказывалъ — завтра отдамъ! и нонче то же сулишь. Такъ и быть, подожду еще одинъ день, а ужъ больше не стану — мнѣ самому деньги надобны». Воротился домой. Братья опять къ нему пристаютъ: «Что, получилъ деньги?» — «Нѣтъ, братцы! пришлось еще денёкъ подождать». — «Да кому ты продалъ?» — «Сухой березѣ въ лѣсу». — «Экой дуракъ!» На третій день взялъ дуракъ топоръ и отправился въ лѣсъ. Приходитъ и требуетъ денегъ. Береза скрипитъ да скрипитъ. «Нѣтъ, землякъ! коли все будешь завтраками подчивать, такъ съ тебя никогда не получишь. Я шутить-то не люблю, живо съ тобой раздѣлаюсь!» Какъ хватитъ ее топоромъ

— такъ щепки и посыпались во всѣ стороны. Въ той березѣ было дупло, а въ томъ дуплѣ разбойники спрятали полной котелъ золота. Распалось дерево надвое, и увидалъ дуракъ чистое золото; нагрёбъ цѣлую пòлу и потащилъ домой; принесъ и показываетъ братьямъ. «Гдѣ ты, дуракъ, добылъ столько?» — «Землякъ за быка òтдалъ; да тутъ еще не сполна все, чай и половины домой не притащилъ! Пойдемте-ка, братцы, забирать остальное!» Пошли въ лѣсъ, забрали деньги и несутъ домой. «Смотри же, дуракъ! говорятъ умные братья: никому не сказывай, что у насъ столько золота». — «Небось, не скажу!» Вдругъ попадается имъ навстрѣчу дьячокъ. «Что вы, ребята, изъ лѣсу тащите?» Умные говорятъ: грибы. А дуракъ поперечитъ: «Врутъ они! мы деньги несемъ; вотъ посмотри!» Дьячокъ такъ и ахнулъ, бросился къ золоту и давай хватать пригоршнями да въ карманъ совать. Дуракъ разсердился, ударилъ его топоромъ и убилъ дò смерти. «Эхъ, дуракъ! что ты надѣлалъ? закричали братья: самъ пропадешь, и насъ загубишь! Куда теперь мертвое тѣло дѣвать?» Думали-думали, и стащили его въ пустой погребъ, да тамъ и бросили. Поздно вечеромъ говоритъ старшій братъ середнему: «Дѣло-то выходитъ неладно! какъ станутъ про дьячка разыскивать, вѣдь дуракъ все разскажетъ. Давай-ка убьемъ козла да схоронимъ въ погребѣ, а мертвое тѣло зароемъ въ иномъ мѣстѣ». Дождали они глухой ночи, убили козла и бросили въ погребъ, а дьячка снесли въ иное мѣсто и зарыли въ землю. Прошло нѣсколько дней, стали про дьячка вездѣ розыскивать, у всѣхъ разспрашивать: дуракъ и отозвался: «На что онъ вамъ? анамедни я его топоромъ убилъ, а братья на погребъ снесли». Тотчасъ ухватились за дурака: «Веди, показывай!» Дуракъ полѣзъ въ погребъ, досталъ козлиную голову и спрашиваетъ: «Вамъ дьячокъ чёрной?»

— «Чёрной». — «И съ бородою?» — «Да, и съ бородою». — «И рога есть?» — «Какіе тамъ рога, дуракъ!» — «А вотъ смотрите!» — и выбросилъ голову. Люди смотрятъ — какъ есть козёлъ, плюнули дураку въ глаза и разошлись по домамъ. Сказкѣ конецъ, а мнѣ меду корецъ.

226
Набитый дуракъ

(b) Въ одной семьѣ жилъ-былъ дуракъ набитой. И бывало нѣтъ того дня, чтобъ на него не жаловались люди: либо кого словомъ обидитъ, либо кого прибьётъ. Мать сжалилась надъ дуракомъ, стала смотрѣть за нимъ какъ за малымъ ребенкомъ; бывало — куда дуракъ срядится[1] идти, мать съ полчаса ему толкуетъ: ты такъ-то, дитятко, дѣлай и такъ-то! Вотъ однажды пошёлъ дуракъ мимо гуменъ и увидалъ — молотятъ горохъ и закричалъ: «Молотить вамъ три дня и намолотить три зерна!» Мужики его за такія слова прибили цѣпами. Пришёлъ дуракъ къ матери и вопитъ: «Матушка, матушка! нынѣ били хохла, колотили хохла!» — «Тебя что ль, дитятко?» — «Да». — «За что?» — «Вотъ я шёлъ мимо Дормидошкинова гумна, а на гумнѣ молотили горохъ его семейные...» — «Ты что же, дитятко?» — «Да я имъ прогутарилъ[2]: молотить вамъ три дня и намолотить три зерна. Они за то меня и прибили». — «Охъ, дитятко! ты бы сказалъ имъ: возить вамъ — не перевозить, носить — не переносить, таскать — не перетаскать!» Обрадовался дуракъ, пошелъ на другой день по селу. Вотъ навстрѣчу ему несутъ упокойника. Дуракъ, помня вчерашнее наставленіе, зашумѣлъ въ превеликой голосъ: «Но-

[1]) Снарядится, приготовится.
[2]) Промолвилъ.

сить вамъ — не переносить, таскать — не перетаскать!» Опять отдули его! Дуракъ воротился къ матери и разсказалъ ей, за что его прибили. «Ты бы, дитятко, сказалъ имъ: канунъ да ладанъ!» Такія слова глубоко пали дураку въ умъ-разумъ. На другой день опять пошёлъ онъ бродить по селу. Вотъ свадьба и ѣдитъ ему навстрѣчу. Дуракъ откашлялся, закричалъ, какъ только свадьба съ нимъ поровнялась: «Канунъ да ладанъ!» Пьяные мужики соскочили съ телѣги и прибили его жестоко. Дуракъ пошёлъ домой, кричитъ: «Охъ, мать моя родимая! какъ больно-то прибили меня!» — «За что, дитятко?» Дуракъ разсказалъ ей, за что прибили. Матъ сказала: «Ты бы, дитятко, поигралъ да поплясалъ имъ». — «Спасибо тебѣ, матушка моя!» И ушёлъ опять на село, да взялъ съ собою дудочку. Вотъ въ концѣ села занялся[1] овинъ у мужика. Дуракъ со всѣхъ ногъ побѣжалъ туда; забѣжалъ противъ овина, и ну плясать да играть въ свою дудочку. И тутъ дурака отколотили. Онъ опять пришёлъ къ матери со слезами и разсказалъ, за что его побили. Мать ему сказала: «Ты бы, дитятко, взялъ воды, да заливалъ съ ними». Чрезъ три дня, какъ зажили у дурака бока, пошелъ онъ бродить по селу. Вотъ увидалъ онъ: мужикъ свинью палитъ. Дуракъ схватилъ у мимошедшей бабы съ коромысла ведро съ водою, побѣжалъ туда и началъ заливать огонь. И тутъ дурака порядкомъ поколотили. Опять воротился онъ къ матери и разсказалъ, за что его били. Мать заклялась пускать его по слободѣ, и съ тѣхъ поръ дуракъ и понынѣ, кромѣ двора своего, никуда не выходитъ.

Записана въ Тамбовской губ.

---

[1]) Загорѣлся.

Лутонюшка

Жилъ-былъ старикъ со старухой; былъ у нихъ сынокъ Лутоня. Вотъ однажды старикъ съ Лутонею занялись чѣмъ-то на дворѣ, а старуха была въ избѣ. Стала она снимать съ грядъ[1] полѣно, уронила его на загнетку[2], и тутъ превеликимъ голосомъ закричала и завопила. Вотъ старикъ услыхалъ крикъ, прибѣжалъ поспѣшно въ избу и спрашиваетъ старуху, о чемъ она кричитъ? Старуха сквозь слёзъ стала говорить ему: «Да вотъ если бы мы женили своего Лутонюшку, да если бы у него былъ сыночекъ, да если бы онъ тутъ сидѣлъ на загнеткѣ — я бы его вѣдь ушибла полѣномъ-то!» Ну, и старикъ началъ вмѣстѣ съ нею кричать о томъ, говоря: «И то вѣдь старуха! ты ушибла бы его! . . .» Кричатъ оба что ни есть мочи! Вотъ бѣжитъ со двора Лутоня и спрашиваетъ: «О чемъ вы кричите?» Они сказали о чемъ: «Если бы мы тебя женили, да былъ бы у тебя сынокъ, и если бъ онъ давича сидѣлъ вотъ здѣсь, старуха убила бы его полѣномъ: оно упало прямо сюда да таково рѣзко!» — «Ну, сказалъ Лутоня: исполать вамъ!» Потомъ взялъ свою шапку въ охапку и говоритъ: «Прощайте! если я найду глупѣе васъ, то приду къ вамъ опять, а не найду — и не ждите меня!» — и ушёлъ . . .

Шёлъ-шёлъ, и видитъ: мужики на избу тащатъ корову. «Зачѣмъ вы тащите корову?» спросилъ Лутоня. Они сказали ему: «Да вотъ видишь, сколько выросло тамъ травы-то!» — «Ахъ, дураки набитые!» сказалъ Лутоня, взялъ-залѣзъ на избу, сорвалъ траву и бросилъ коровѣ. Мужики ужасно тому удивились и стали просить Лутоню, чтобы онъ у нихъ пожилъ да поучилъ ихъ.

[1]) Гряда — двѣ перекладины, утвержденныя сверху избы, для сушенія дровъ.

[2]) Загнетка — шестокъ у русской печи.

«Нѣтъ, сказалъ Лутоня: у меня такихъ дураковъ еще много по бѣлу свѣту!» — и пошёлъ дальше.

Вотъ въ одномъ селѣ увидалъ онъ толпу мужиковъ у избы: привязали они въ воротахъ хомутъ, и палками вгоняютъ въ этотъ хомутъ лошадь, умаяли[1] ее до полусмерти. «Что вы дѣлаете?» спросилъ Лутоня. — «Да вотъ, батюшка, хотимъ запречь лошадку». — «Ахъ, вы, дураки набитые! пустите-ка, я вамъ сдѣлаю». Взялъ и надѣлъ хомутъ на лошадь. И эти мужики съ дива дались ему, стали останавливать его и усердно просить, чтобъ остался онъ у нихъ хоть на недѣльку. Нѣтъ, Лутоня пошёлъ дальше.

Шёлъ-шёлъ, усталъ и зашёлъ на постоялой дворъ. Тутъ увидалъ онъ: хозяйка-старушка сварила саламату, постановила на столъ своимъ ребятамъ, а сама то-и-дѣло ходитъ съ лошкою въ погребъ за смятаной. «Зачѣмъ ты, старушка, понапрасну топчешь лапти?» сказалъ Лутоня. «Какъ зачѣмъ! возразила старуха охриплымъ голосомъ. Ты видишь, батюшка, саламата-то на столѣ, а смятана-то въ погребѣ». — «Да ты бы, старушка, взяла и принесла сюда смятану-то; у тебя дѣло пошло бы по масличку!» — «И то, родимой!» Принесла въ избу смятану, посадила съ собою Лутоню. Лутоня наѣлся донельзя, залѣзъ на полатки и уснулъ. Когда онъ проснётся, тогда и сказка моя далѣ начнётся, а теперь пока вся.

Записана въ Тамбовской губ.

228
Мѣна

Чистилъ мужикъ навозъ и нашолъ овсяное зярно; приходитъ къ жинѣ, у жинѣ изба топится. Онъ гваритъ: «Ну-ка ты, хозяйка, пыварачевыйси, загрябай-ка ты жаръ, сыпь эта зярно въ печь; выгреби изъ печи,

[1]) Утомили.

исталки яво и смили, кисилю нывари, атлей въ блюда; вотъ я и пайду къ царю, пынясу блюда кисилю: ну, хазяйка, ни пажа́лыпть ли насъ царь чѣмъ-нибудь?»

Вотъ онъ и пришолъ къ царю, принёсъ блюда кисилю; царь яво пажалывалъ зылатой титерькай. Пышолъ атъ царя дамо̀; йдить полимъ: бирягутъ табунъ каней. Пастухъ яво спрашивыпть: «Мужичокъ, гдѣ ты былъ?» — «Хадилъ къ царю, насилъ блюда кисилю». — «Чѣмъ тибя царь пажалывалъ?» — «Зылатой титерькыю». — «Прыминяй намъ титерьку ны каня». Ну, прыминялъ, сѣлъ ны каня и поѣхылъ. Вотъ онъ ѣдить: бирягутъ ста̀да каровъ. Пастухъ гваритъ: «Гдѣ ты, мужичокъ, былъ?» — «Хадилъ къ царю, насплъ блюда кисилю». — «Чѣмъ тибя царь пажалывалъ?» — «Зылатою титерькыю». — «Гдѣ у тибя титерька?» — «Я нё прыминялъ ны каня». — «Прыминяй намъ каня ны карову». Прыминялъ, видётъ каровку зы рага: бирягутъ ста̀да авецъ. Пастухъ гваритъ: «Мужичокъ, гдѣ ты былъ?» — «Хадилъ къ царю, насилъ блюда кисилю». — «Чѣмъ тибя царь пажалывалъ?» — «Зылатою титерькыю». — «Гдѣ зылатая титерька?» — «Прыминялъ ны каня». — «Гдѣ конь?» — «Прыминялъ ны каровку». — «Прыминяй намъ каровку ны авечку». Прыминялъ, гонитъ авцу: бирягутъ ста̀да свиней. Пастухъ гваритъ: «Гдѣ ты, мужичокъ, былъ?» — «Хадилъ къ царю, насилъ блюда кисилю». — «Чѣмъ тибя царь пажалывалъ?» — «Зылатою титерькыю». — «Гдѣ зылатая титерька?» — «Прыминялъ ны каня». — «Гдѣ конь?» — «Прыминялъ ны каровку». — «Гдѣ каровка?» — «Прыминялъ ны авечку». — «Прыминяй намъ авечку ны свиньюо». Прыминялъ, гонитъ свинью: бирягутъ ста̀да гусей. Пастухъ спрашивыпть: «Гдѣ ты, мужичокъ, былъ?» — «Хадилъ къ царю, насилъ блюда кисилю». — «Чѣмъ тибя царь пажалывалъ?» — «Зылатою титерькыю». — «Гдѣ у тибя зылатая титерька?» — «Я

прыминялъ ны каня». — «Гдѣ конь?» — «Я прыминялъ ны каровку». — «Гдѣ каровка?» — «Я прыминялъ ны авечку». — «Гдѣ авечка?» — «Я прыминялъ ны свинью». — «Прыминяй намъ свинью ны гуська». Прыминялъ, нисёть гуська: бирягутъ утыкъ. Пастухъ гваритъ: «Мужичокъ, гдѣ ты былъ?» — «Хадилъ къ царю, насилъ блюда кисилю». — «Чѣмъ тибя царь пажалывалъ?» — «Зылатою титерькыю». — «Гдѣ зылатая титерька?» — «Я прыминялъ ны каня». — «Гдѣ конь?» — «Я прыминялъ ны каровку». — «Гдѣ коровка?» — «Я прыминялъ ны авечку». — «Гдѣ авечка?» — «Я прыминялъ ны свинью». — «Гдѣ свинья?» — «Я прыминялъ ны гуська». — «Прыминяй намъ гуська ны утычку». Прыминялъ, нисёть утку: рибяты играють въ клюшки[1]. «Гдѣ ты, мужичокъ, былъ?» — «Хадилъ къ царю, насилъ блюда кисилю». — «Чѣмъ тибя царь пожалывалъ?» — «Зылатою титерькыю». — «Гдѣ зылатая титерька?» — «Я прыминялъ ны каня». — «Гдѣ конь?» — «Я прыминялъ ны каровку». — «Гдѣ каровка?» — «Я прыминялъ ны авечку». — «Гдѣ авечка?» — «Я прыминялъ ны свинью». — «Гдѣ свинья?» — «Я прыминялъ ны гуська». — «Гдѣ гусёкъ?» — «Я прыминялъ на утку». — «Прыминяй намъ утку на клюшку». Прыминялъ, идёть; пришолъ дамо̀, клюшку пыставилъ у варотъ, а самъ пышолъ въ избу. Жина стала спрашивыть; онъ разсказалъ все до клюшки. «Гдѣ клюшка?» — «У варотъ». Ана пышла, взяла клюшку, ды клюшкой-та вазила-вазила[2] яво: «Ни миняй, ни миняй, старый чортъ! ты хужъ бы утку принёсъ дамо́!»

Записана въ Липецкомъ у., Тамбовской губ.

---

[1]) Клюшка (клюка) — дубинка, палка съ загнутымъ концомъ, которою дѣти подбиваютъ шаръ.

[2]) Т.-е. била.

Сказка про братьевъ Ѳому и Ерему

(а) Ахъ, да Ерёма да Ѳома были два братейка:
Они волосомъ однаки и умомъ равны,
У нихъ бороды, какъ бороды, и усы, какъ усы.
Вотъ задумали братаны въ Божью церковь идти:
Въ Божью церковь идти, Богу молиться.
Вотъ Ерёма зашелъ въ церковь, а Ѳома въ олтарь,
Вотъ Ерёма взялъ книгу, а Ѳома псалтырь;
Охъ, Ерёма-то запѣлъ, а Ѳома заговорилъ.
То заслышали попы со высокія горы,
Попы грамотные, люди надобные . . .
Вонъ Ерёму взяли въ шею, а Ѳому въ толчки
. . . . . .
Ерёма-то изъ двери, а Ѳома изъ окна.
Охъ, Ерёма пошелъ въ ельникъ, а Ѳома въ соснякъ;
Они оба испугались, оба вмѣстѣ сходились.
Вотъ задумали братаны сѣрыхъ зайковъ промышлять.
Сѣрыхъ зайковъ, побѣгбшковъ: ничего не нашли!
Вотъ пошли они, братаны, по крутому бережку,
По крутому бережку, по желтому по песку.
Вотъ увидѣли братаны, что двѣ уточки плывутъ:
Одна уточка бѣлешенька, а другая-то что снѣгъ.
Охъ, Ерёма схватилъ палку, а Ѳома косарь:
Какъ Ерёма не докинулъ, Ѳома чѣрезъ перекинулъ.
Вотъ задумали братаны себѣ рыбу промышлять.
Себѣ рыбу промышлять, красну сёможку.
Охъ, Ерёма сѣлъ да въ лодку, а Ѳома въ ботню;
У нихъ лодка безъ набоевъ[1] и ботня безо дна.
Они три года тонули — не могли потонуть,
Ихъ три чорта давили — не могли задавить!

[1]) Набойная лодка — та, у которой на бортахъ набито по одной или по двѣ доски.

Вотъ задумали братаны свои головы кормить.
Свои головы кормить, себѣ хлѣбъ наживать,
И поло́жили ребята себѣ пашню пахать;
Вотъ Ерёма пошелъ въ рынокъ, а Ѳома на базаръ,
Вотъ Ерёма купилъ мерина, Ѳома жеребца —
Опъ у нихъ меринъ-то не тянетъ и соха-то не валитъ;
Они мерина коломъ, сами съ пашеньки бѣгомъ!

Записана въ Архангельской губ. г. А. Харитоновымъ.

(b) Было два брата, Хома да Ерёма; сдумали-сгадали честные братаны рыбу ловить. Лодка была у нихъ рѐзна[1], ботникъ[2] безо дна; три дни тонули, а потонуть не могли, добрые люди повытащили. Сѣли братаны на бережокъ, понюхиваютъ табачокъ. Вздумали они торговать: накупили холстовъ, съѣхали въ Ростовъ, и промѣняли холсты на свиные хвосты, и тутъ неудача! Вздумали землю пахать: посѣяли рожь и овёсъ; рожь-то не выникла, а овёсъ-то не взошелъ, съ того они соху и борону въ огонь, лошадь по горлу ножомъ, а сами съ пашни бѣгомъ.

230.
Хорошо да худо

(a) Ѣхали баринъ и мужикъ. «Мужикъ, откуда ты?» — «Издалеча, бачка!» — «А откуда?» — «Изъ города Ростова, а барина Толстова». — «А великъ ли городъ?» — «Не мѣрилъ». — «А силенъ?» — «Не боролся». — «А зачѣмъ ѣхалъ?» — «За покупкой дорогѝю: за мѣрою гороха». — «Вотъ это хорошо!» — «Хорошо, да не дюже!» — «А что жъ?» — «Ѣхалъ пьяный, да разсыпалъ». — «Вотъ это худо!» — «Худо да не дюже!» — «А что жъ?» — «Разсыпалъ-то мѣру, а подгребъ-то двѣ!» — «А вотъ

[1]) Изломана, дырява.
[2]) Челнокъ, маленькая лодка, выдолбленная изъ одного дерева.

это-то хорошо!» — «Хорошо, да не дюже!» — «Да что жъ?» — «Посѣялъ, да рѣдокъ». — «Вотъ это худо!» — «Худо, да не дюже!» — «А что жъ?» — «Хоть рѣдокъ да стручистъ!» — «Вотъ это хорошо!» — «Хорошо, да не совсѣмъ!» — «А что жъ?» — «Поповы свиньи повадились горохъ топтать, топтать, — да и вытоптали». — «Эдакъ худо!» — «Худо, да не дюже!» — «А что жъ?» — «Я поповыхъ свиней убилъ, да два чана свѣжипы насолилъ». — «Вотъ это хорошо!» — «Хорошо, да не дюже!» — «А что жъ?» — «Поповы собаки повадились свѣжину таскать, таскать — да повытаскали». — «Вотъ это худо!» — «Худо, да не дюже!» — «А что жъ?» — «Я тѣхъ собакъ убилъ, да женѣ шубу сшилъ!» — «Вотъ это хорошо!» — «Хорошо, да не дюже!» — «А что жъ?» — «Пошла моя шельма жена мимо попова двора; попъ-то узналъ да шубку снялъ». — «Вотъ это худо!» — «Худо, да не дюже!» — «А что жъ?» — «Я съ попомъ судился-судился, сиваго мерина да рыжую корову цапъ-царапъ! мое-то дѣло и выгорѣло!»

Записана въ Орловской губ., Болховскомъ у. Изъ собранія П. В. Кирѣевскаго.

(b) Повстрѣчались два мужика: «Здорово, братъ!» — «Здорово!» — «Откуда ты?» — «Изъ Ростова». — «Неслыхалъ ли что новаго?» — «Не слыхалъ». — «Говорятъ, ростовскую мельницу сорвало?» — «Нѣтъ; мельница стоитъ, жернова по водѣ плаваютъ, на нихъ собака сидитъ, хвостъ согнувши — повизгиваетъ, да муку полизываетъ . . .» — «А былъ на ростовской ярманкѣ?» — «Былъ». — «Велика?» — «Не мѣрилъ». — «Сильна?» — «Не боролся». — «Что жъ тамъ по чемъ?» — «Деньги по мѣшкамъ, табакъ по рожкамъ, пряники по лавкамъ, калачи по санкамъ». — «А ростовскаго медвѣдя видѣлъ?» — «Видѣлъ». — «Каковъ?» — «Сѣрый!» — «Не

бредь! это волкъ». — «У насъ волкъ по лѣсу побѣгиваетъ, ушми подергиваетъ!» — «Это заяцъ!» — «Чорта ты знаешь!» — «Это трусъ!» — «У насъ-то трусъ, что на дубу сидитъ да покаркиваетъ». — «Это ворона!» — «Чтобъ тебя лихорадка по животу порола!»

Записана въ Орловской губ., Малоархангельскомъ у., П. И. Якушкинымъ.

231

Не любо — не слушай

Жили два брата умныхъ, а третій дуракъ. Вотъ однажды поѣхали они въ чащу, и захотѣлось имъ тамъ пообѣдать; насыпали они крупъ въ горшокъ, налили воды холодной (такъ командовалъ дуракъ), а огня не знали гдѣ добыть. Неподалёку отъ нихъ былъ пчельникъ. Вотъ большой братъ и говоритъ: «Пойти мнѣ за огнёмъ на пчельникъ». Приходитъ и говоритъ старику: «Дѣдушка! дай мнѣ огоньку». А дѣдъ говоритъ: «Сыграй прежде пѣсенку мнѣ». — «Да я, дѣдушка, не умѣю». — «Ну, попляши». — «Я, дѣдушка, не гораздъ». — «А, не гораздъ! такъ нѣтъ тебѣ и огня!» Къ тому жъ за провинку взялъ-вынулъ у него изъ спины ремень. И приходитъ этотъ большой братъ безъ огня къ своимъ братьямъ. Тутъ средній братъ закроптался[1] на него, говоря: «Экой ты, братъ! не принесъ намъ огню! Да-ка я пойду» — и пошёлъ. Пришёлъ на пчельникъ и кричитъ: «Дѣдушка! пожалуй мнѣ огоньку!» — «Ну-ка, свѣтъ, сыграй мнѣ пѣсенку!» — «Я не умѣю». — «Ну, сказку сказки». — «Да я, дѣдушка, ничего не умѣю. Старикъ взялъ и у этого брата вырѣзалъ изъ спины ремень. Приходитъ и этотъ безъ огню къ своимъ братьямъ. Вотъ умные братья и поглядываютъ другъ на друга.

[1]) Кроптаться — тужить, сердясь говорить что.

Дуракъ все смотрѣлъ на нихъ, и проговорилъ: «Эхъ вы — умные братцы! не взяли вы огню!» и пошёлъ самъ за огнёмъ. Приходитъ и говоритъ: «Дѣдушка! нѣтъ ли у тебя огоньку?» А дѣдъ говоритъ: «Попляши прежде!» — «Я не умѣю», отвѣчалъ дуракъ. «Ну, сказку скажи». — «Вотъ это такъ мое дѣло! сказалъ дуракъ, присаживаясь на лежачій плетень: да смотри, продолжалъ дуракъ: садись-ка наспротивъ меня, слушай да не перебивай, а если перебьешь, то изъ спины твоей три ремня». Вотъ старикъ сѣлъ напротивъ его — къ солнцу лысиной, а лысина была большая. Дуракъ откашлялся и началъ сказку: «Ну, слушай же, дѣдъ!» — «Слушаю, свѣтъ!» отвѣчалъ старикъ.

«Была у меня, дѣдушка, пѣгинькая лошадёнка; я на ней ѣзжалъ въ лѣсъ сѣчь дрова. Вотъ однажды сидѣлъ я на ней верхомъ, а топоръ у меня былъ за поясомъ; лошадь-то бѣжитъ — трюкъ, трюкъ, а топоръ-то ей по спинѣ — стукъ, стукъ; вотъ стукалъ, стукалъ, да и отсѣкъ ей задъ. Ну, слушай, дѣдъ!» говоритъ дуракъ, — а самъ его голицей[1] по лысинѣ щолкъ! «Слушаю, свѣтъ!» — «Вотъ я на передкѣ этомъ еще три года ѣздилъ; да потомъ какъ-то нечаянно въ лугахъ увидалъ задокъ моей лошади: ходитъ онъ и траву щипитъ. Я взялъ-поймалъ его и пришилъ къ передку, пришилъ, да еще три года ѣздилъ. Слушай, дѣдъ!» — а самъ опять голицею его по лысинѣ щолкъ! «Слушаю, свѣтъ!» — «Ѣздилъ-ѣздилъ, пріѣхалъ я въ лѣсъ, и увидалъ тутъ высокой дубъ; началъ по немъ лѣзть и залѣзъ на небо. Вотъ увидалъ я тамъ, что скотина дешева, только комари да мухи дороги; взялъ и слѣзъ на землю, наловилъ я мухъ и комарей два куля, взвалилъ ихъ на спину и вкарабкался опять на небо. Сложилъ кули и сталъ раздавать грѣшнымъ людямъ: отдаю я муху съ комарёнкомъ, а беру

[1]) Голица — рукавица.

съ нихъ на обмѣнъ корову съ телёнкомъ, — и набралъ столько скотины, что и смѣты нѣтъ. Вотъ и погналъ я скотину, пригналъ я къ тому мѣсту, гдѣ взлѣзалъ,— хватился: дубъ-то подсѣкли. Тутъ я пригорюнился и думалъ, какъ мнѣ съ неба слѣзть, и вздумалъ, наконецъ, сдѣлать верёвку до земли: для этого перерѣзалъ я всю скотину, сдѣлалъ долгой ремень, и началъ спускаться. Вотъ спускался-спускался, и не хватило у меня ремнёвъ вышиною поболѣе твоего шалаша, дѣдушка, а спрыгнуть побоялся. Слушай, дѣдъ!» — а самъ голицею по лысинѣ его щолкъ. «Слушаю, свѣтъ!» — «Вотъ, мужикъ на мое счастье вѣетъ овёсъ: полова-то[1] летитъ вверхъ, а я хватаю, да верёвку мотаю. Вдругъ поднялся сильной вѣтеръ и началъ меня качать туда и сюда, то въ Москву, то въ Питеръ; оторвалась у меня верёвка изъ половы, и забросило меня вѣтромъ въ тину. Весь я ушёлъ въ тину, одна голова лишь осталась; вылѣзть мнѣ хочется, а нельзя. На моей головѣ свила утка гнѣздо. Вотъ повадился бирюкъ ходить на болото и ѣсть яйца. Я какъ-нибудь вытянулъ изъ тины руку и ухватился за хвостъ бирюку, какъ стоялъ онъ подлѣ меня, ухватился и закричалъ громко: «тю-лю-лю-лю́! Онъ меня и вытащилъ изъ тины. Слушаешь, дѣдъ?» — а самъ годицею его по́ лбу щолкъ! «Слушаю, свѣтъ!»

Видитъ дуракъ, что дѣло-то плохо: сказка вся, а дѣдъ сдержалъ свое слово, не перебивалъ его; чтобы раздразнить старика, началъ дуракъ иную побаску: «Мой дѣдушка на твоемъ дѣдушкѣ верхомъ ѣзжалъ» . . . — «Нѣтъ, мой на твоемъ ѣзжалъ верхомъ!» перебилъ сказку старикъ. Дуракъ тому и радъ, того и добивался, свалилъ старика и вырѣзалъ у него изъ спины три ремня; взялъ огня и пришёлъ къ своимъ братьямъ. Тутъ разложили они огонь, постановили горшокъ съ крупами на

[1]) Мякина, щелуха.

таганъ и начали варить кашу. Когда каша свари́тся, тогда и сказка продлится, а теперь пока вся.

Записана въ Тамбовской губ.

232

Байка про старину стародавнюю

Старину скажу стародавнюю,
Стародавнюю, небывалую:
Старпка свяжу со старухою,
Со старухою съ кособрюхою.
То вамъ не чудо, не диковинка,
Я видалъ чуда чуднѣе того:
Середи моря овинъ горитъ,
По чисту полю корабль бѣжитъ!
То вамъ не чудо, не диковинка,
Еще вотъ вамъ чудо чуднѣе того:
Ужъ какъ кутюшка[1] бычка родила,
Поросеночекъ яичко снесъ!
Это вамъ не чудо, не диковинка,
Я видалъ чуда чуднѣе того:
Мужики на улицѣ заѣзки[2] бьютъ,
Заѣзки бьютъ, они рыбъ ловятъ!
То вамъ не чудо, не диковинка,
Я видалъ чуда чуднѣе того:
По подпебесью медвѣдь летитъ,
Ушками, лапками помахиваетъ,
Сѣрымъ хвостикомъ поправляетъ;
На дубу кобыла бѣлку злаяла,
Въ стойлѣ сука въ запрягу стоптъ,
Въ осѣку[3] овца гнѣздо свила!

---

[1]) Кутя — собака.
[2]) Ѣзы — заколы для рыбной ловли.
[3]) Осѣкъ — изгорода изъ кольевъ, отдѣляющая пажить отъ луговъ или селеніе отъ полей.

И тому чуду не дивуйтеся:
Съ горы корова на лыжахъ катится,
Расширя ноги, глаза выпуча!
И то не чудо, не диковинка,
Я видалъ чуда чудне́е того:
Сынъ на матери снопы возилъ,
Молода жена въ пристяжи́ была;
Сынъ матушку припонюживалъ[1],
Молоду жену призадёживалъ!
Я еще видѣлъ чудо-диковинку:
Бьется сноха со свекровкою,
Большимъ боёмъ бьются — мутовками,
Ложками стрѣляли во чисто поле;
Устрѣлили татарина мертваго,
Кафтанъ съ него сняли рогозяный,
Опоясочку съ него сняли лычану,
Сапоги съ него сняли берестяные.
Кто богатъ да скупъ: пива не варитъ,
Насъ молодцевъ не кормитъ, не поитъ,
Тому дастъ Богъ кошечье вздыханье,
Собачье взрыданье.
Небогатому да тароватому,
Кто пиво варитъ, насъ молодцевъ поитъ,
Дасть Богъ на полѣ приплóдъ,
На гумнѣ примолотъ.
Въ квашнѣ спорину́[2],
На столѣ сдвижину́[3].
Съ пива съ того пріупи́лся мужикъ,
Пріупившись, самъ на сараѣ лежитъ,
У рта кроха — полтора колпака[4] . . .

Записана въ Архангельской губ. г. Харитоновымъ.

[1]) Понуждалъ, подгонялъ.
[2]) Прибыль.
[3]) Частую перемѣну яствъ.
[4]) Колпа́къ — большая чашка.

Удалой батракъ

У одного мирошника[1] былъ работникъ. Мирошникъ послалъ его засы́пать на ковшъ пшеницы, а работникъ пошелъ и засы́шалъ-то на камень. Мельница завертѣлася. и пшеница вся разметалася. Хозяинъ какъ пришелъ на мельницу и какъ увидѣлъ размётанную пшеницу — и согналъ работника. Работникъ пошелъ домой, въ свое село, и заплутался. Вотъ зашелъ онъ въ эдакіе кусты и легъ спать. Приходитъ бирюкъ; видитъ. что работникъ спитъ, и подошелъ къ нему близко, сталъ его обнюхивать, а работникъ-та ухватилъ бирюка за хвостъ, убилъ его, и снялъ съ него шкуру!

Вотъ работникъ вышелъ на гору, а на горѣ стояла пустая мельница; онъ у этой мельницы и остановился ночевать. Пріѣхали три человѣка, разбойники; развели въ мельницѣ огонь и начали дува́нъ дува́нить[2]. Одинъ разбойникъ говоритъ: «Я свою часть положу подъ исподъ мельницы»; другой разбойникъ: «А я подъ колесо подпихну»; а третій говоритъ: «Я въ ковшъ спрячу». А работникъ лежитъ въ ковшѣ, и убоявшись, какъ бы разбойники его не убили, вздумалъ сабѣ: «Дай, я вонъ такъ-та закричу: Денисъ! ступай туда на низъ; а ты, Хвока! гляди съ бока; а ты, малой, гляди тамъ, а я тутъ! держи ихъ, ребята! бей ихъ, ребята!» Разбойники уробѣли, бросили свое имѣніе и разбѣжались.

Работникъ вылѣзъ изъ ковша, подобралъ все богатство и пошелъ домой; приходитъ и разсказываетъ отцу и матери: «Вотъ все, що я заработалъ на мельницѣ. Поѣдемъ теперь. дѣдушка, на базаръ и купимъ сабѣ ружье и будемъ охотничать». Поѣхали сабѣ на ба-

[1]) Мельникъ.
[2]) Дѣлить грабежъ, добычу; дува́нъ — раздѣлъ.

заръ. купили ружье, и ѣдутъ съ базару. Вотъ работникъ и говоритъ дѣду: «Ты, дѣдушка, гляди, не попадется ли намъ заяцъ, лисица, а не то куница». Ѣдутъ да оба дремлютъ и наконецъ уснули. Гдѣ ни взялись два бирюка, зарѣзали у нихъ лошадь и съѣли всю. Дѣдушка проснулся да какъ стягнётъ кнутомъ — думалъ по лошади, анъ по бирюку! бирюкъ-та попалъ въ хомутъ и давай носить, а дѣдъ правитъ. А другой бирюкъ сзади хочетъ ухватить работника, и тотъ бирюкъ-та былъ съ щербиной. Работникъ какъ стягнётъ бирюка кнутомъ, а онъ хотѣлъ кнутъ-та зубами поймать, да на кнутѣ былъ узелъ, — этотъ узелъ и застрялъ у бирюка въ щербинѣ! Работникъ и потащилъ его за телѣгою. Одинъ бирюкъ везётъ, а другой сзади идётъ. Вотъ пріѣхали они домой; собачка выскочила и давай лаять. Бирюки испугались, одинъ какъ повернулъ круто — телѣжонка и опрокинулась, работникъ съ старикомъ упали на землю; тутъ бирюкъ изъ хомута выскочилъ, а работникъ кнутъ изъ рукъ выпустилъ, такъ оба бирюка и убѣжали, а старикъ съ работникомъ остались не при чемъ. Жили они богато; дворъ у нихъ кольцомъ, три жердины конецъ съ концомъ, три кола забито, три хворостины завито, небомъ накрыто, а свѣтомъ обгорожено!

Записана въ Астраханской губ., Енотаевскомъ у., священникомъ Григоріемъ Рыпкинымъ.

234
Иванъ-дуракъ

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ старикъ со старухой. У нихъ было три сына, третьяво звали Иванъ-дуракъ. Первые двое женатые, а Иванъ-дуракъ холостой; два брата занимались дѣломъ, управляли домомъ, пахали и сѣяли, третей же

ничево не дѣлалъ. Одинъ разъ отецъ и снохи стали Ивана посылать на полё допахать сколько-то лехъ[1] пашни. Парень поѣхалъ; пріѣхалъ на пашню, запрёгъ лошадь, проѣхалъ съ сохой разъ ли, два ли, видитъ: счёту нѣтъ комаровъ да мошокъ; онъ схватилъ хлыстикъ, стегнулъ по́ боку лошадь, убилъ ихъ безъ смѣты; ударилъ по другому, убилъ сорокъ паутовъ[2], и думаетъ: «Вѣдь я на одинъ замахъ убилъ сорокъ богатырей, а мелкой шошки[3] смѣты нѣтъ!» Взялъ ихъ всѣхъ — положилъ въ кучу и завалилъ конскимъ каломъ; самъ не сталъ пахать, выпрёгъ лошадь, поѣхалъ домой. Пріѣзжаетъ домой и говоритъ снохамъ и матерѣ: «Давайте мнѣ по́логъ[4] и сѣдло, а ты, батюшко, давай саблю, котора у тебя виситъ — на стѣнѣ заржавѣла. Что я за мужикъ! у меня ничего нѣтъ». Тѣ посмѣлись надъ нимъ и дали на́ смѣхъ какой-то расколотой тюрикъ[5] на мѣсто сѣдла; парень нашъ придѣлалъ къ нему подпруги и надѣлъ на худую кобылёнку. Вмѣсто пологу мать дала какой-то старой дубасъ[6]; онъ и то взялъ, да взялъ саблю у отца, пошёлъ, выточилъ, собрался и поѣхалъ. Доѣзжаетъ до розстаней[7] — а былъ еще мало-мало грамотной — написалъ на столбѣ: пріѣзжали бы сильные богатыри Илья-Муромецъ и Оедоръ Лыжниковъ въ такое-то государство къ сильному и могучему богатырю, которой на одинъ по́махъ убилъ сорокъ богатырей, а мелкой шошки

[1]) Мѣра земли.

[2]) Паутъ — слѣпень или оводъ.

[3]) Т.-е. мелкой сошки. Соха — мѣра земли, съ которой платилась подать въ старину. Выраженіе «мелкой сошки» означаетъ здѣсь: низшаго разряда.

[4]) Пологъ — толстая холстина, сшитая въ нѣсколько полосъ.

[5]) Тюрикъ — деревянный цилиндръ, на который сматываютъ пряжу.

[6]) Родъ одежды, подобной сарафану и названной такъ потому, то ее красятъ въ дубовомъ листу.

[7]) Розстани — мѣсто, гдѣ одна дорога раздѣляется на двѣ, перекрестокъ.

смѣты нѣтъ, и всѣхъ ихъ камнёмъ привалилъ. Точно послѣ ево пріѣзжаетъ богатырь Илья-Муромецъ, видитъ на столбѣ надпись: «Ба! говоритъ, проѣхалъ сильной могучой богатырь; ослушаться не годно». Поѣхалъ, догонятъ Ванюху; далёко не доѣхалъ, снялъ шапку и кланятся: «Здравствуй, сильной могучой богатырь!» А Ванюха не ломатъ шапки, говоритъ: «Здорово, Илюха!» Поѣхали вмѣстѣ. Не чрезъ долго времяни къ тому жо столбу пріѣхалъ Ѳедоръ Лыжниковъ, видитъ на столбѣ написано, ослушаться не годно: Илья-Муромецъ проѣхалъ! — и онъ поѣхалъ туда жо; такжо далёко не доѣхалъ до Ванюхи — сниматъ шапку, говоритъ: «Здравствуй, сильной могучой богатырь!» А Ванюха шапки не ломатъ: «Здорово, говоритъ, Ѳедюпька!»

Поѣхали вмѣстѣ всѣ трое; пріѣзжаютъ въ одно государство, остановились на царскихъ лугахъ. Богатыри поставили себѣ шатры, а Ванюха распелилъ дубасъ; коней два богатыря спутали шёлковыми путами, а Ванюха сорвалъ прутъ (съ) дерева, свилъ ево и спуталъ свою кобылу. Вотъ и живутъ. Царь изъ своего терему увидялъ, что ево любимые луга травятъ какіе-то люди, тотчасъ отряжатъ ближняво своево спросить, что за люди? Тотъ пріѣхалъ на луга, подошёлъ къ Ильѣ-Муромцу, спрашиватъ, что они за люди и какъ смили безъ спросу топтать царскіе луга? Илья-Муромецъ отвѣчалъ: «Не пашо дѣло! спрашивай вонъ старшова — сильнова могучова богатыря». Посолъ подошёлъ къ Ванюхѣ. Тотъ закричалъ на ево, не далъ слова молвить: «Убирайся, докуля живъ, и скажи царю, что на ево луга пріѣхалъ сильной могучой богатырь, которой на одинъ пòмахъ убилъ сорокъ богатырей, а мелкой шошки смѣты нѣтъ, и камнёмъ привалилъ, да Илья-Муромецъ и Ѳедоръ Лыжниковъ съ нимъ, и требуетъ у

царя дочь замужъ». Тотъ пересказалъ это царю. Царь хватилъ по записямъ: Илья-Муромецъ и Ѳедоръ Лыжниковъ есть, а третьяво, которой убиватъ на одинъ пѝмахъ по сороку богатырей, нѣтъ въ записяхъ. То царь приказалъ собрать рать, захватить трехъ богатырей и привести къ нему. Гдѣ захватить? Ванюха увѝдялъ, какъ стала подходить ближе рать; онъ крикнулъ: «Илюха! ступай, прогони ихъ, что за люди?» — самъ лежитъ, растянулся, да поглядыватъ, какъ сычъ. Илья-Муромецъ на тово слова соскочилъ на коня, погналъ, не столько руками билъ, сколько конемъ топталъ; всѣхъ прибилъ, оставилъ только однехъ язычниковъ[1] царю. Царь услышалъ эту бѣду, тово больше собралъ силы и послалъ поймать богатырей. Иванъ-дуракъ крикнулъ: «Ѳедюнька! поди-ко, прогони эту сволочь!» Тотъ соскочилъ на коня, всѣхъ прибилъ, оставилъ однехъ язычниковъ. Чево дѣлать царю? дѣло худо, силу побили богатыри; царь призадумался и вспомнилъ, что у нево въ царствѣ живетъ сильной богатырь Добрыня. Онъ посылатъ къ нему письмо, проситъ пріѣхать побѣдить трехъ богатырей. Добрыня пріѣхалъ; царь на третьёмъ балхонѣ встрѣтилъ ево, а Добрыня навершной[2] подъѣхалъ къ балхону вровень съ царемъ: вотъ какой былъ! поздоровался, поговорили. Онъ и поѣхалъ на царскіе луга. Илья-Муромецъ и Ѳедоръ Лыжниковъ увидѣли, что къ нимъ ѣдетъ Добрыня, испугались; соскочили на своихъ лошадей, да ступай-ко оттуда — угнали. А Ванюха не успѣлъ. Пока ималъ свою кобылёнку, Добрыня и подъѣхалъ къ нему, да и смѣется, что это за сильной могучой богатырь? маленькой, худенькой! Согнулся головой къ самому Ванюхѣ, смотритъ на нево, да и любуётся. Ванюха да какъ-то не оробѣлъ, выхватилъ

[1]) Язычникъ — вѣстникъ.
[2]) Навершной — ѣдущій верхомъ.

свою саблёшку да и ссѣкъ ему голову. Царь это увидялъ, перепугался: «Охъ, говоритъ, богатырь убилъ Добрыню; бѣда теперя! Ступайте скоряя, зовите богатыря во дворецъ». За Ванюхой пріѣхалъ такой почётъ, что батюшки упаси! кареты самолучшы, люди всѣ изжалованы. Посадили и привезли къ царю. Царь ево угостилъ и отдалъ дочь; обвѣнчались, и теперя живутъ, хлѣбъ жуютъ.

Я тутъ былъ, медъ пилъ; по усамъ текло, въ ротъ не попало. Дали мнѣ колпакъ, да по́чели толкать; дали мнѣ кафтанъ, я иду домой, а синичка летаетъ и говоритъ: «Синь да хорошъ!» Я думалъ: «Скинь да положь!» — взялъ, скинулъ да и положилъ. Это не сказка, а присказка, сказка впереди!

Записана въ Пермской губ., въ Шадринскомъ округѣ, государственнымъ крестьяниномъ А. Зыряновымъ.

235
Ѳома Беренниковъ

Жила-была старуха, у неё былъ кривой сынъ Ѳома Беренниковъ. Вотъ поѣхалъ Ѳома пахать: лошаденка худенькая, взяло его горе, сѣлъ на завалинку . . . мухи около навоза такъ и жужжатъ. Схватилъ онъ хворостинку, да какъ хлыснетъ по кучѣ; сталъ считать, сколько побилъ? насчиталъ пятьсотъ, да еще много безъ счету осталось. Рѣшилъ Ѳома, что имъ и смѣты нѣтъ! Приходитъ къ своему коню, на немъ сидитъ двѣнадцать оводовъ; онъ всѣхъ и побилъ. Воротился Ѳома Беренниковъ къ матери и проситъ у ней благословенья великаго: «Побилъ дескать мелкой силы — счету нѣтъ, да двѣнадцать могучихъ богатырей; пусти меня, матушка, на подвиги великіе, а землю пахать — не мое дѣло богатырское, то дѣло мужицкое!» Благословила его ма-

тушка на подвиги великіе, на поприща богатырскія. Беретъ онъ за́ плечи тупой серпъ, за́ поясъ лычной кошель, а въ тотъ кошель кладетъ тупой косарь. Вотъ ѣдетъ Ѳома путемъ-дорогою, стороною незнакомою, и наѣхалъ на столбъ; пишетъ онъ на томъ столбѣ — не было у него въ карманѣ ни злата, ни се́ребра, а случился въ карманѣ мѣлъ — вотъ и пишетъ онъ мѣломъ: «Проѣхалъ здѣсь богатырь Ѳома Беренниковъ, который сразу побиваетъ двѣнадцать могучихъ богатырей, да опричь того силу несмѣтную». Написалъ и поѣхалъ дальше. Ѣдетъ той же дорогою Илья-Муромецъ, подъѣзжаетъ къ столбу, видитъ — надпись, и говоритъ: «Видна попрыска богатырская: не тратитъ ни злата ни се́ребра, одинъ мѣлъ!» Написалъ онъ се́ребромъ: «Вслѣдъ за Ѳомою Беренниковымъ проѣхалъ богатырь Илья-Муромецъ». Наѣзжаетъ онъ Ѳому Беренникова и говоритъ (устрашился, знать, тоё надписи мѣляныя): «Могучій богатырь Ѳома Беренниковъ! гдѣ ѣхать: спереди или сзади?» — «Ступай сзади!» отвѣчаетъ Ѳома.

Вотъ ѣдетъ той же дорогою Алёша Поповичъ-младъ; наѣзжаетъ онъ на тотъ столбъ, издалеча видитъ на томъ столбѣ надпись — какъ жаръ горитъ! Прочиталъ надписи Ѳомы Беренникова да Ильи-Муромца, вынимаетъ изъ кармана чисто золото и пишетъ: «За Ильею-Муромцемъ проѣхалъ Алёша Поповичъ-младъ». Наѣзжаетъ онъ Илью-Муромца: «Ты скажи, скажи, Илья-Муромецъ! впереди ѣхать, или сзади мнѣ?» — «Не меня вспроси, а мово брата старшаго Ѳому Беренникова». Подъѣхалъ Алёша Поповичъ-младъ къ Ѳомкѣ Беренникову: «Удалой боецъ Ѳома Беренниковъ! гдѣ укажешь ѣхать Алёшѣ Поповичу?» — «Ступай сзади!»

Вотъ ѣдутъ они путемъ-дорогою, стороною незнакомою; пріѣзжаютъ они въ зелены сады. Илья-Муромецъ и Алёша Поповичъ раскидываютъ бѣлы шатры, а Ѳома

Беренниковъ свои портки. А тѣ сады были самого царя, царя прусскаго, и воевалъ того царя король китайской съ шестью могучими богатырями. Посылаетъ царь прусской грамотку къ Ѳомѣ Беренникову, а въ той грамоткѣ значится: «Воюетъ меня, царя прусскаго, король китайской; не будетъ ли ваша помощь?» Ѳомка грамотѣ небольно разумѣлъ, посмотрѣлъ на грамотку, покачалъ головою и говоритъ: хорошо! Вотъ подступаетъ король китайской близко къ городу; приходятъ Илья-Муромецъ и Алёша Поповичъ-младъ къ Ѳомкѣ Беренникову и говорятъ таково слово: «Подъѣзжаютъ подъ царя, къ самому городу; надо его защитить. Самъ пойдешь, или насъ пошлешь?» — «Ступай ты, Илюшка-Муромецъ!» Побилъ Илья-Муромецъ всѣхъ. А послѣ того приводитъ король китайской еще шесть богатырей и рать-силу несмѣтную. Илья-Муромецъ съ Алёшей Поповичемъ приходятъ къ Ѳомкѣ Беренникову: «Ты скажи, скажи, Ѳома Беренниковъ! самъ пойдешь, или насъ пошлешь?» — «Ступай ты, братъ, Алёшка Поповичъ-младъ!» Поѣхалъ Алёша Поповичъ-младъ и побилъ всю рать-силу несмѣтную и тѣхъ шесть могучихъ богатырей. Говоритъ китайской король: «Есть у меня еще одинъ богатырь, берёгъ его на племя; пущу и его теперь!» Вотъ приводитъ онъ рать-силу несмѣтную и съ нею богатыря могучаго, завѣтнаго, и говоритъ король своему богатырю: «Не силой бьетъ насъ русской богатырь, а хитростью; что станетъ дѣлать русской богатырь, то и ты дѣлай!» Пріѣзжаютъ Илья-Муромецъ да Алеша Поповичъ-младъ къ Ѳомкѣ Беренникову: «Самъ пойдешь или насъ пошлешь?» — «Самъ пойду; приведи моего коня». Кони богатырскіе по чисту полю ходятъ, травку щиплютъ, а Ѳомкинъ стоитъ да овесъ уплстастъ. Подошелъ Илья-Муромецъ къ Ѳомкину коню, а тотъ разъѣлся, брыкается и ку-

сается! Взяла досада Илью-Муромца, схватилъ онъ коня Ѳомкина за хвостъ да и кинулъ его черезъ плетень. Молвилъ ему Алёша Поповичъ-младъ: «Не увидѣлъ бы насъ Ѳома Беренниковъ? задастъ онъ намъ жару!» — «Знать вся сила не въ коню, а въ самомъ молодцу!» говоритъ Илья-Муромецъ, и подводитъ тоё клячу къ Ѳомкѣ Беренникову. Ѳомка садится на̀ лошадь, а самъ думаетъ: «Пусть убьютъ! сраму не будетъ». Ѣдетъ онъ, пригнулся къ коню на гриву и зажмурился. Богатырь китайской, помня королевской наказъ, и самъ къ коню пригнулся да зажмурился. Ѳомка слѣзъ съ коня, сѣлъ на камень и давай точить серпъ; китайской богатырь и себѣ тожъ: слѣзаетъ съ могуча коня и точитъ свой мечъ. Видитъ онъ, что Ѳомка Беренниковъ на одинъ глазъ кривъ, думаетъ про себя: «Онъ одинъ глазъ прищурилъ; дай-ка я ухитрюсь да оба зажмурю!» Не успѣлъ онъ зажмурить, какъ Ѳомка Беренниковъ отсѣкъ ему голову. Беретъ онъ его коня богатырскаго, хочетъ на него сѣсть, да не влѣзетъ. Привязалъ Ѳомка сильномогучаго коня къ столѣтнему дубу, взобрался на дерево да и вспрыгнулъ на коня верхомъ. Почуялъ конь сѣдока, какъ рванется — и вырвалъ дубъ съ корнемъ вонъ; летитъ во всю мочь богатырскую и волочитъ за собою громадной дубъ. Ѳома Беренниковъ кричитъ: «Помогите, помогите!» А китайцы-дураки русскаго языка не знаютъ, побѣжали съ испугу врозь; богатырской конь ихъ ногами топчетъ да столѣтнимъ дубомъ бьетъ: всѣхъ перебилъ до единаго! Вотъ и пишетъ китайской король къ Ѳомкѣ Беренникову грамотку: никогда не буду съ тобой воевать. А Ѳомкѣ то и надобно! И дивуются Илья-Муромецъ и Алёша Поповичъ-младъ тому Ѳомкѣ Беренникову.

Вотъ ѣдетъ Ѳома къ царю прусскому. «Чѣмъ тебя жаловать? спрашиваетъ царь: бери казны золотой

сколько надобно, или полцарства моего бѣлаго, или царевну прекрасную». — «Давай царевну прекрасную да позови на свадьбу меньшихъ монхъ братьевъ Илью-Муромца да Алёшу Поповича-млада». И женился Ѳома Беренниковъ на прекрасной царевнѣ. Видно не однимъ богатырямъ бываетъ удача! кто накричитъ о себѣ больше, тому и лучше.

Записана П. И. Якушкинымъ въ Калужской губ., Лихвинскомъ у

236

Сказка о злой женѣ

Зла жона худо съ мужомъ жила, ничево мужа не слушала. Велитъ мужъ рано встать, такъ ёна трои сутки спитъ; велитъ мужъ спать, а ёна николько не спитъ. Велитъ мужъ блины печи, а ёна гытъ[1]: «Не стоишь, воръ, блиновъ!» Мужъ гытъ: «Не пеки, жона, блиновъ, коли не стою»; ёна выпечетъ кринку въ два вёдра, и гытъ: «Ѣшь! воръ, чтобъ съѣдено было!» — «Ну, гытъ, жона, не стряпай и на сѣнокосъ не ходи; мнѣ тебя жаль!» А ёна гытъ: «Нѣтъ, воръ, я пойду, и ты ступай за мною!» Только онъ побился съ ней, помаялся, пошолъ съ горя въ лѣсъ по ягоды и нашолъ кустъ смородины, и увидѣлъ въ эвтомъ кусту бездонную яму; поглазѣлъ онъ и смекнулъ: «Что я живу со злой жоной, маюся! не могу ли я ее въ эвту яму засадить, не могу ли я ее проучить?» Пришолъ въ избу и гытъ: «Не ходи, жона, въ лѣсъ за ягодамъ!» — «Нѣтъ, шишморникъ[2], пойду!» — «Я нашолъ кустъ смородины, не бери!» — «Нѣтъ, сама пойду, оберу, тебѣ не дамъ смородины!» Мужъ пошолъ, жона съ нимъ; пришолъ къ кусту къ смородинѣ, а жона вскочила въ кустъ и матомъ кри-

[1]) Говоритъ.
[2]) Бранное слово; шишмора.

чить: «Не ходи, воръ, въ кустъ, убью!» и сама полѣзла въ средину, да въ яму-то и хлопъ бездонную.

Мужъ съ радостей въ избу пошолъ и прожилъ трои сутки, на четвертыя пошелъ провѣдывать: взялъ бечеву длинную, пустилъ въ ямищу и выташилъ оттуда чертенка; испугавшись, и хочетъ чертенка въ яму опустить. Закричалъ тотъ матомъ, замолился и гытъ: «Христіанинъ! не обрати назадъ, пусти на свѣтъ; пришла злая жона, всѣхъ насъ пріѣла, прикусала, прищипала — тошно намъ! я тебѣ добро сдѣлаю!» Христіанинъ и отпустилъ его на Божью волю — на святую Русь. Чертенокъ и гытъ: «Ну, христіанинъ! пойдемъ со мною во градъ Вологду; я стану людей морить, а ты лѣчить». Ну вотъ, пошолъ чертенокъ по купеческимъ жонамъ и по купеческимъ дочерямъ; сталъ онъ въ нихъ входить, стали онѣ дурѣть, стали онѣ болѣть. Вотъ этотъ христіанинъ — гдѣ заболѣютъ — придетъ въ домъ, а непріятель-то вонъ, въ дому благодать будетъ, и смекаютъ всѣ, что этотъ христіанинъ — лѣкарь, деньги даютъ, да и пирогами кормятъ. И набралъ христіанинъ денегъ несмѣтную сумму себѣ. Вотъ чертенокъ и гытъ: «Полно, христіанинъ, съ тебя; доволенъ ли ты? Теперь я пойду въ боярскую дочь: мотри, не ходи ее лѣчить; не то съѣмъ тебя!» Боярышня заболѣла и такъ задурѣла, што требуетъ людей ѣсти. Приказалъ бояринъ христіанина найти — такова-то лѣкаря отыскать. Онъ приходитъ въ хоромы и велитъ боярину, чтобъ всѣ горожане и кареты съ кучерами стояли въ эвтой улицѣ противу дому боярскаго; потомъ даетъ приказъ, штобъ всѣ кучера щолкали въ арапельники[1] и матомъ кричали: «Злая жона пришла, злая жона пришла!» и самъ пошолъ въ комнаты. Пришолъ онъ въ комнаты; чертенокъ возлился на него и гытъ: «Што ты, русской, зачѣмъ при-

[1]) Арапники.

шолъ? я тебя съѣмъ!» Онъ гытъ: «Што ты! я пришолъ тебя не выживать, а пришолъ тебя жаля[1] сказать: злато жона сюда пришла!» Чортъ на окошко вскочилъ, вытаращилъ зѣнки[2] да и чуётъ: всѣ однимъ матомъ орютъ: «Злая жона!» — «Христіанинъ! взговорилъ чортъ: мнѣ-то куды дѣваться?» — «Ступай опять въ ямищу; она туды больше не пойдетъ». Чортъ туды и ушолъ къ злой жонѣ. За это боярынъ пожаловалъ милость, дочку (за крестьянина) замужъ отдалъ, полъ-имѣнья подарилъ, а злая жона и теперь въ ямѣ сидитъ въ тартарары.

Записана въ Череповскомъ у., Новгородской губ., Н. Чернышевымъ.

237
Жена-спорщица

(а) *Въ* одного мужика была жена сварлива и упряма; ужъ что бывало захочетъ, дакъ мужъ дай ей, и ужъ непремѣнно мужъ соглашайся съ ней. Да больно она льстива была на чужую скотину; какъ бывало зайдетъ на дворъ чужая скотина, дакъ ужъ мужъ и говори, что это её. Страшно надоѣла жена мужу. Вотъ однажды и зашли къ ней на дворъ барскіе гуси. Жена спрашиваетъ: «Мужъ, чьи это гуси?» — «Барскіе». — «Какъ барскіе!» Вспылила со злости, пала на полъ. «Я умру, говорить, сказывай: чьи гуси?» — «Барскіе». Жена охаетъ, стонетъ. Мужъ наклонился къ ней: «Что ты стонешь?» — «Да чьи гуси?» — «Барскіе». — «Ну, умираю, бѣги скорѣй за попомъ». Вотъ мужъ послалъ за попомъ; ужъ и попъ ѣдетъ. «Ну, говоритъ мужъ: вотъ и священникъ ѣдетъ». Жена спрашиваетъ: «Чьи гуси?» — «Барскіе». — «Ну, пущай священникъ идётъ, умираю!»

[1]) Жалѣя.
[2]) Зѣнки — глаза.

Вотъ исповѣдали ее, пріобщили, попъ вшёлъ. Мужъ опять: «Что съ тобой, жена?» — «Чьи гуси?» — «Барскіе». — «Ну, совсѣмъ умираю, готовь домовишше!»[1] Изготовили домовишше. Мужъ подшёлъ: «Ну, жена, ужъ и домовишше готово». — «А чьи гуси?» — «Барскіе.» — «Ну, совсѣмъ умерла, клади въ домовишше». Положили въ домовишше, и послали за попомъ. Мужъ наклонился къ женѣ, шепчетъ: «Ужъ домовишше подымаютъ, нести хотятъ отпѣвать въ церковь». А она шепчетъ: «Чьи гуси?» — «Барскіе». — «Ну, несите!» Вотъ вынесли домовишше, поставили въ церкви, отпѣли панафиду. Мужъ подходитъ прощаться: «Ужъ и панафиду, говорятъ, отпѣли; выносить хотятъ на кладбишше». Жена шепчетъ: «Чьи гуси?» — «Барскіе». «Несите на кладбишше!» Вотъ и вынесли; подняли домовишше опушшать въ могилу, мужъ нагинается къ ней: «Ну, жена, ужъ тебя въ могилу опушшаютъ и землей тотчасъ засыплютъ». А она шепчетъ: «Чьи гуси?» — «Барскіе». — «Ну, опушшайте и засыпайте!» Домовишше опустили и засыпали землею. Такъ уходили бабу барскіе гуси!

Записана въ Ливенскомъ у., Орловской губ., К. О. Александровымъ-Дольникомъ.

(с) Мужикъ обрилъ бороду, и говоритъ: «Смотри, жена, какъ я чисто выбрился». — «Да развѣ это брито? это такъ только стрижено!» — «Врешь, каналья! говори: брито». — «Нѣтъ, стрижено!» — «Я тебя изобью; говори: брито». — «Нѣтъ, стрижено!» Мужъ побилъ жену, и нудитъ: «Говори: брито; не то утоплю!» — «Что хочешь — дѣлай, а стрижено!» Повёлъ ее топить: «Говори: брито!» — «Нѣтъ, стрижено!» Ввёлъ ее въ глубину по самую шею, и толкаетъ въ голову: «Скажи да скажи:

[1]) Домовище — гробъ.

брито!» Жена и говорить не можетъ, подняла руку изъ воды и двумя пальцами показываетъ, что стрижено.

Записана въ Астраханской губ., въ Черноярскомъ у., г. Волкопиднымъ.

238
Жена-доказчица

(b) Жилъ мужикъ на чужой сторонѣ, не заработалъ ни копейки, и пошелъ домой. Сталъ подходить къ своей деревнѣ и думаетъ: какъ безъ денегъ домой показаться? Попадаетъ ему богатой жидъ навстрѣчу; мужикъ хватилъ его топоромъ, ушибъ до смерти, деньги къ себѣ прибралъ, а мертвое тѣло подъ кустъ стащилъ. Приходитъ домой, увидала жена деньги и ну приставать: «Гдѣ добылъ такую великую казну?» Мужикъ и проговорись: «Встрѣчнаго убилъ, подъ кустъ положилъ; смотри, жена, никому не сказывай!» Проговорился, да и самъ не радъ: «Ну, какъ разболтаетъ баба? вѣдь у нихъ волосъ длиненъ, да умъ коротокъ! Бѣда мая будетъ!» Побѣжалъ поскорѣй въ поле, ухватилъ-поволокъ жида въ иное мѣсто и зарылъ гдѣ-то въ лѣсной трущобѣ, а замѣсто его подъ кустомъ бросилъ зарѣзаннаго козла; потомъ закупилъ цѣлой четверикъ грушъ и нацѣплялъ ихъ на вербу, а стояла та верба какъ разъ на дорогѣ къ барской усадьбѣ. День прошелъ — баба молчитъ, и другой прошелъ — все молчитъ; а на третій чортъ и попуталъ. Вишь, мужъ вчастую дома не живалъ, такъ баба съ добрымъ молодцемъ знакомство свела; довѣдался мужикъ, что баба-то гуляетъ, и давай ее бить-колотить — что только силы было!» — «Ахъ ты, разбойникъ! закричала она: одного ужъ убилъ и денежки обобралъ, а теперь и меня хочешь забить до смерти! Пойдемъ, душегубъ, къ барину; я на тебя все докажу . . .» Пошли судиться къ барину. «Стой, жена! говоритъ му-

жикъ дордгою: погляди-ка, на вербѣ груши выросли; давай трусить». — «Давай!» Натрусили полонъ мѣшокъ, снесли домой, и опять собрались къ барину. Вотъ и усадьба барская. Стала жена на мужа доказывать: «Батюшка, баринъ! заступись, оборони отъ злодѣя: мой мужъ человѣка сгубилъ, деньги обобралъ, мертвое тѣло подъ кустъ положилъ». — «Что ты врёшь, полоумная? не вѣрьте ей, добрый баринъ; она у меня издавна завирается. Я козла зарѣзалъ, а ей человѣкъ почудился». Баринъ поѣхалъ самъ осматривать; глянулъ подъ кустъ — зарѣзанной козёлъ лежитъ. «Что жъ ты клепишь, глупая баба?» — «Нѣтъ, баринъ! отвѣчаетъ баба: я не клеплю, я говорю сущую правду, должно быть онъ, мошенникъ, мертвое тѣло запряталъ куда подальше, а замѣсто его козла подкинулъ». — «Ну, мужикъ, признавайся!» говоритъ баринъ. «Да въ чемъ признаваться-то, коли ни душой, ни тѣломъ не виноватъ? Извѣстное дѣло — баба: волосъ дологъ, умъ коротокъ; сдуру врётъ! Она, пожалуй, скажетъ, что груши на вербѣ растутъ — такъ ей и вѣрить?» — «Да таки растутъ! сегодня полонъ мѣшокъ съ вербы натрусили . . .» — «Пошла вонъ, дура, закричалъ баринъ: ты совсѣмъ съ ума спятила». Пошла баба, несолоно хлѣбавши; а дома мужикъ опять за плётку и порядкомъ поучилъ ее: съ недѣлю спина и бока болѣли!

239
Головиха

Одна баба бойка была; пришёлъ мужъ съ совѣту, она и спрашиватъ ево: «Чево вы тамъ судили?» — «Чево судили-то! голову выбирали». — «А ково выбрали?» — «Не ково яшшо». — «Выберите меня», баетъ баба. Дакъ что мужъ пошелъ на совѣтъ (она зла была; ему хотѣлось

ее проучить), сказалъ это старикамъ; тѣ тотчасъ бабу выбрали въ головы. Живетъ баба, судитъ и рядитъ, и вино съ мужиковъ пьётъ, и взятки берётъ. Пришло время подушно сбирать. Голова не успѣлъ, не мокъ собрать вò-время; пріѣхалъ казакъ, сталъ спрашивать голову, а баба прятатся: узнала, что пріѣхалъ казакъ, бѣжитъ скоряй домой. «Да куда жо я, да куда жо я спрятаюсь? говоритъ мужу. Завяжи-ко меня, батюшко-муженёкъ, въ мѣшокъ, да поставь вонъ къ мѣшкамъ съ хлѣбомъ-то». Тутъ стояло съ ерицой[1] мѣшковъ пять. Мужъ завязалъ голову, поставилъ въ серёдку мѣшковъ. Казакъ пришёлъ да говоритъ: «Э! голова-то спрятался!» Давай-ко по мѣшку-то плетью хлестать. Баба во все горло заревѣла: «Ой, батюшки! не пойду въ головы, не пойду въ головы». Казакъ отхлесталъ, ушёлъ, баба полно головить[2], и стала послѣ тово мужа слушать.

Записана въ Пермской губ., въ Шадринскомъ округѣ, государственнымъ крестьяниномъ А. Зыряновымъ.

240
Мужъ да жена

Жилъ мужъ съ женой, по виду будто хорошо, да какъ-то жена была мудрена: уйдетъ мужъ — она весела, придетъ — захворастъ; такъ и старается ему дѣло найти, куда-нибудь съ рукъ сбыть; нынче пошлетъ его туда, завтра въ другое мѣсто, а безъ него у нея гулюшки, пирушки! Придетъ мужъ — и чисто, и прибрано; сама охастъ, больна, на лавочкѣ лежитъ. Мужъ вѣритъ, чуть самъ не плачетъ. Вотъ разъ придумала послать его за лѣкарствомъ въ Крымъ-градъ. Мужъ пошелъ. На дорогѣ ему встрѣлся солдатъ: «Куда ты, мужикъ?» —

[1]) Ярица — яровой хлѣбъ.
[2]) Быть головою.

«Въ Крымъ-градъ за лѣчбой!» — «Кто боленъ?» — «Жена!» — «Воротись, воротись безотмѣнно; я самъ дока, я пойду съ тобою!» Поворотилъ его налѣво кругомъ, и очутился мужикъ опять у своего гумна. «Сядь же ты здѣсь, говоритъ дока: я спровѣдаю, какова хворая?» Вошелъ во дворъ, приложилъ ухо къ избѣ — тамъ игры, тамъ скоки, гульба! Забилась солдатская грудь, ударилъ въ дверь, растворилась изба — хозяйка по ней лебедемъ носится, передъ ней молодой парень въ присядку разсыпается, зелено винцо по столу разливается. Пришелъ солдатъ во-время, выпилъ чарку и пошелъ въ присядку; полюбился хозяйкѣ: что за солдатъ, что за дѣтина! угодливъ, догадливъ, словно вѣкъ тутъ жилъ! Поутру надо пирожки печь. «Солдатъ! сходи на гумно, принеси соломки вязаночку». Солдатъ пошелъ; набралъ соломы, завернулъ туда мужа, скрячилъ[1] веревкой, вскинулъ за плечи и принёсъ къ хозяйкѣ. Хозяйка рада, затянула пѣсенку: «Пошелъ мужъ во Крымъ-градъ зелья купить, женѣ зельемъ животъ лѣчить! туда ему не доѣхать, и оттуда не пріѣхать! . . . Солдатъ, подтягивай мнѣ!» Солдатъ началъ свою пѣсню: «Чуешь ли, солома, что дѣется дома!» — «О, твоя не хороша, моя лучше; давай вмѣстѣ: пошелъ мужъ во Крымъ-градъ зелья купить, женѣ зельемъ животъ лѣчить». Она поётъ громко, а солдатъ еще громче: «Чуешь ли, солома, что дѣется дома? Плеть висптъ на стѣнѣ, а быть ей на спинѣ!» Солома почуяла, затряслась, веревка лопнула, вязанка распалась — и выскочилъ мужъ, схватилъ плётку и давай стегать хозяйку. Какъ рукой снялò — вылѣчилъ жену!

Записана въ Курской губ.

---

[1]) Крячить — скручивать веревку палкою при связываніи ноши.

241
Вѣщій дубъ

Тошно молодой женѣ съ старымъ мужемъ, тошно и старику съ молодой женой! Въ одно ушко влѣзетъ, въ другое вылѣзетъ; замаячитъ — въ глазахъ одурачитъ, изъ воды суха выйдетъ: и видишь, и знаешь, да ни въ чемъ ее не поймаешь! Одному доброму старичку досталась молодая жена — плутоватая баба. Онъ ей слово въ науку, она ему въ отвѣтъ: «Нѣтъ тебѣ, старой лежебокъ, ни пить ни ѣсть, ни бѣлой рубахи надѣть!» А не стерпишь — слово вымолвишь: дѣло старое! Вотъ и придумалъ онъ жену выучить. Сходилъ въ лѣсъ, принёсъ вязанку дровъ, и сказываетъ: «Диво-дивное на свѣтѣ дѣется! въ лѣсу старой дубъ все мнѣ, что было, сказалъ, и что будетъ — угадалъ!» — «Охъ, и я побѣгу! вѣдь ты знаешь, старикъ: у насъ куры мрутъ, у насъ скотъ не стоитъ . . . Пойду побалакать; авось скажетъ что». — «Ну, иди скорѣй, пока дубъ говоритъ; а когда замолчитъ, слова не допросишься». Пока жена собиралась, старикъ зашелъ впередъ, влѣзъ въ дубовое дупло и поджидаетъ ее. Пришла баба, передъ дубомъ повалилася, замолилася, завыла: «Дубъ дубовистый, дѣдушка рѣчистый! какъ мнѣ быть? не хочу стараго любить, хочу мужа ослѣпить; научи, чѣмъ ослѣпить?» А дубъ въ отвѣтъ: «Не-зачѣмъ лѣчить, зелья попусту губить; начни масленѣй кормить! Сжарь курочку подъ сметанкою, не скупись: пусть онъ ѣстъ — сама за столъ не садись! Свари кашу молочную, да больше масломъ полей; пущай ѣстъ — не жалѣй! Напеки блинцовъ; попроси, поклонись, чтобъ ихъ въ масло макалъ да побольше съѣдалъ — и сдѣлается твой старикъ слѣпѣе куръ слѣпыхъ». Пришла жена домой, мужъ на печкѣ крехтитъ. «Эхъ ты, старень[illegible] мой! ай опять что бо-

литъ? ай опять захирѣлъ? Хочешь: курочку убью, аль блинцовъ напеку, кашку масломъ полью? хочешь — что ль?» — «Съѣлъ бы, да гдѣ взять?» — «Не твоя печаль! хоть ты и журишь меня, а все тебя жалко! . . . На, старинушка! ѣшь, кушай, пей — не жалѣй!» — «Садись и ты со мною». — «Э, нѣтъ! зачѣмъ? Мнѣ бъ только тебя напитать! сама я тамъ-сямъ перекушу — и сыта. Ѣшь, голубчикъ, помасленѣй ѣшь!» — «Охъ, постой, жена! дай водицы хлебнуть». — «Да вода на столѣ». — «Гдѣ на столѣ? и не вижу». — «Передъ тобой стоитъ!» — «Да гдѣ же? что-то въ глазахъ темно стало». — «Ну, полѣзай на печку». — «Укажи-ка, гдѣ печь? я и печь не найду». — «Вотъ она, полѣзай скорѣе». Старикъ сбирается головой въ печь лѣзть. «Да что съ тобой? ослѣпъ — что ли?» — «Охъ, согрѣшилъ я, жена! сладко съѣлъ, вотъ Божій день и потемнѣлъ для меня. Охо-хо!» — «Экое горе! ну, лежи пока; я пойду, коё-что принесу». Побѣжала, полетѣла, собрала гостей, и пошелъ пиръ горой. Пили-пили, вина не хватило; побѣжала баба за виномъ. Старикъ видитъ, что жены нѣту, а гости напитался и носы повѣсили; слѣзъ съ печи, давай крестить — кого въ лобъ, кого въ горбъ; всѣхъ перебилъ и заткнулъ имъ въ ротъ по блину, будто сами подавились; послѣ взлѣзъ на печь и лёгъ отдыхать. Пришла жена, глянула — такъ и обмерла: всѣ други, всѣ пріятели, какъ боровы, лежатъ, въ зубахъ блины торчатъ; что дѣлать, куда покойниковъ дѣвать? Зареклася баба гостей собирать, зареклася старика покидать. На ту пору шелъ мимо дуракъ. «Батюшка, такой-сякой! кричитъ баба: на тебѣ золотой, душу съ тѣломъ пусти, бѣду съ шеи скости!» Дуракъ деньги взялъ и потащилъ покойниковъ: кого въ прорубь всадилъ, кого грязью прикрылъ и концы схоронилъ.

242

Дорогая кожа

Въ одномъ селѣ жили два брата — Данило и Гаврило. Данило былъ богатой, а Гаврило бѣдной; только и живота было у Гаврилы, что одна корова, да и тому Данило завидовалъ. Поѣхалъ Данило въ городъ закупить коё-что и, воротясь изъ городу, пришелъ къ брату и говоритъ: «Что ты, братъ, держишь корову? Я былъ севодни въ городѣ и видѣлъ: тамъ коровы очень дешевы, по пяти и шести рублей, а за кожу двадцать пять даютъ». Гаврило повѣрилъ ему, закололъ корову и пріѣлъ говядину; послѣ дождался рынку и отправился въ городъ. Пріѣхалъ въ городъ и поволокъ продавать кожу; увидѣлъ его кожевникъ и спрашиваетъ: «Что, любезной, продаешь кожу?» — «Продаю». — «Что просишь?» — «Двадцать пять рублей». — «Что ты, безумной! возьми два съ полтиной». Гаврило не отдалъ и волочилъ кожу цѣлой день; никто ему не даетъ больше. Наконецъ поволокъ ее мимо гостинаго ряду; увидалъ его купецъ и спрашиваетъ: «Что, продаешь кожу?» — «Продаю». — «Дорого ли просишь?» — «Двадцать пять рублей». — «Что ты, шальной! гдѣ слыхалъ про такія дорогія кожи? Возьми два съ полтиной». Гаврило подумалъ-подумалъ и сказалъ: «Такъ и быть, господинъ купецъ, уступлю тебѣ! только поднеси мнѣ хоть водки стаканъ». — «Хорошо, объ водкѣ ни слова!» Отдалъ ему купецъ два съ полтиной, да вынимаетъ изъ кармана платокъ и говоритъ: «Ступай вонъ въ тотъ каменной домъ, отдай хозяйкѣ платокъ и скажи, что я велѣлъ тебѣ поднесть полонъ стаканъ вина».

Гаврило взялъ платокъ и пошелъ; приходитъ въ домъ, хозяйка его и спрашиваетъ: «Ты зачѣмъ?» Гаврило ей говоритъ: «Такъ и такъ, сударыня! продалъ я твоему

хозяину за два съ полтиной кожу, да еще вырядилъ полонъ стаканъ вина; дакъ онъ меня сюда послалъ, велѣлъ тебѣ платокъ отдать да сказать, чтобы ты винца поднесла». Хозяйка тотчасъ налила стаканъ, только немного не полонъ, и поднесла Гаврилѣ; онъ выпилъ и стоитъ. Хозяйка спрашиваетъ: «Что жъ ты стоишь?» Гаврило говоритъ: «У насъ была ряда — полонъ стаканъ вина». А въ то время сидѣлъ у купчихи полюбовникъ, услыхалъ онъ эти слова и говоритъ: «Налей ему, душа, еще!» Она налила еще полстакана; Гаврило выпилъ и все стоитъ. Хозяйка опять спрашиваетъ: «Теперь чего дожидаешься?» Отвѣчаетъ Гаврило: «Да у насъ ряда была — полонъ стаканъ, а ты полстакана подала». Любовникъ велѣлъ поднесть ему въ третій разъ; тогда купчиха взяла графинъ съ виномъ, стаканъ отдала Гаврилѣ въ руки, и налила его такъ, что черезъ край побѣжало. Только Гаврило выпилъ, а хозяинъ на ту пору домой грядетъ. Она не знаетъ: куда полюбовника дѣвать? и спрашиваетъ: «Куда жъ я тебя спрячу?» Любовникъ забѣгалъ по горницѣ, а Гаврило за нимъ да кричитъ: «Куда я-то дѣнусь?» Хозяйка отворила западню и пихнула обоихъ туда.

Хозяинъ пришелъ и привелъ еще съ собой гостей. Когда они подпили, то начали пѣсни запѣвать; а Гаврило, сидя въ ямѣ, говоритъ своему товарищу: «Какъ хочешь — это любимая батюшкова пѣсня! я запою». — «Что ты, что ты! пожалуста не пой. На тебѣ сто рублей, только молчи». Гаврило взялъ деньги и замолчалъ. Немного погодя запѣли другую; Гаврило опять говоритъ товарищу: «Какъ хочешь, а теперь запою; это любимая пѣсня матушкина!» — «Пожалуста, не пой! На тебѣ двѣсти рублей». Гаврилѣ то на руку — уже трista рублей есть, спряталъ деньги и молчитъ. Вскорѣ запѣли третью пѣсню; Гаврило говоритъ: «Теперь хоть

четыреста давай, дакъ запою». Любовникъ его всячески уговариваетъ; а денегъ больше нѣтъ. Хозяйка услыхала, что они тамъ ерошатся, отперла западню и спросила потихоньку: «Что вы тамъ?» Любовникъ потребовалъ пятьсотъ рублей; она живо вернулась, подала пятьсотъ рублей; Гаврило опять взялъ и замолчалъ.

Какъ-то попалась тутъ Гаврилѣ подушка и боченокъ смолы; онъ приказалъ товарищу раздѣться. Когда тотъ раздѣлся, онъ окатилъ его смолой; потомъ распоролъ подушку, разсыпалъ пухъ и велѣлъ ему кататься. Вотъ какъ тотъ выкатался въ пуху, Гаврило растворилъ западню, сѣлъ на товарища верхомъ, ѣдетъ, а самъ кричитъ: «Девятая партія изъ здѣшняго дому убирается!» Гости увидали и кинулись по домамъ; думаютъ, что то черти явилися. Такъ всѣ и разбѣжались; а купчиха стала говорить своему мужу: «Ну, вотъ! я тебѣ говорила, что у насъ чудится». Купецъ сдуру-то возьми да и повѣрь, и продалъ свой домъ за безцѣнокъ. Гаврило пришелъ домой и послалъ своего старшаго сына за дядей Даниломъ, чтобъ пришелъ къ нему деньги пересчитать. Сынъ пошелъ, сталъ звать своего дядю; а тотъ ему смѣется: «Да что у него считать-то? али Гаврило двухъ съ полтиной сосчитать не можетъ!» — «Нѣтъ, дядя! онъ много принёсъ денегъ!» Тогда жена Данилова стала говорить: «Подь, сходи! что тебѣ не охота! Хочь посмѣешься надъ нимъ». Послушался Данило жены и пошелъ. Вотъ какъ Гаврило высыпалъ передъ нимъ кучу денегъ, Данило удивился и спрашиваетъ: «Гдѣ ты, братъ, взялъ столько денегъ?» — «Какъ гдѣ? вѣдь я корову закололъ, да кожу въ городѣ продалъ за двадцать пять рублей; на тѣ деньги сдѣлалъ оборотъ: купилъ пять коровъ, закололъ, да кожи опять продалъ по той же цѣнѣ; такъ все и перебивался». Данило услыхалъ, что братъ его такъ легко нажилъ богатство, по-

шелъ домой, закололъ всю свою скотину, и сталъ дожидаться рынку; а какъ время было жаркое, то говядина у него вся испортилась. Повёзъ продавать кожи, и дороже двухъ съ полтиной никто ему не далъ. Такъ-то ему дался барышъ съ накладомъ, и сталъ онъ жить бѣднѣе Гаврилы; а Гаврило пошелъ на выдумки, да и нажилъ себѣ большое богатство.

Записана въ Пермскомъ у. Д. Пѣтуховымъ.

243

Какъ мужъ отучилъ жену отъ сказокъ

Жилъ себѣ дворникъ. Онъ имѣлъ *въ* себе жену, которая страсть какъ любила казки, и запретила она пушшать къ себѣ въ постойшшики тѣхъ, кто не умѣлъ казки сказывать. Ну, разумѣется, мужу-то убытошно, онъ и думаетъ: какъ бы мнѣ жену отучить отъ сказокъ! Вотъ однажды въ зимнюю пору, поздо ночью, идётъ себѣ старичокъ, весь иззябъ, и просится перночевать. Мужъ выбѣгаетъ къ нему: «А што, говоритъ, умѣешь ты казки сказывать. Жена не велитъ пушшать никого, кто не умѣетъ казки сказывать». Мужикъ видитъ — дѣло плохо, отъ холода чуть не мерзнетъ: «Умѣю!» говоритъ. «А долго будешь сказывать?» — «Да всю ночь». — «Ну, вотъ хорошо». Впустили мужика. Мужъ говоритъ: «Ну, жена! вотъ мужикъ посулился всю ночь сказывать казки, да только съ тѣмъ, чтобъ поперечки ему не дѣлать и не перебивать». Мужикъ говоритъ: «Да, поперечки не дѣлать, а то сказывать не буду». Вотъ поужинали, легли спать; мужикъ и началъ: «Летѣла сова мимо сада, сѣла на колоду, выппла воду; летѣла сова мимо сада, сѣла на колоду, выпила воду. . .» И пошёлъ твердить все одно и то же: «Летѣла сова мимо сада, сѣла на колоду, выпила

воду . . .» Хозяйка слушала-слушала, да и говорить: «Что жъ эта за казка, все одно и то же твердить!» — «Дакъ для че же ты мене перебиваешь? вѣдь я говорилъ. чтобы мнѣ поперечки не дѣлать; вѣдь эта такъ ужъ казка сказывается вначалѣ, а тамъ пойдеть другое». Вотъ мужъ, услыхамши это, а ему то и нужно было, скочилъ съ лавки и давай жену колотить: «Тебѣ сказано, чтобъ ты не поперечила! и казку не дала кончить!» Ужъ онъ билъ-билъ, билъ-билъ, такъ что жена возненавидѣла казки и съ тѣхъ поръ зареклась казки слушать.

Записана въ Орловской губ., въ Ливенскомъ у., К. О. Александровымъ-Дольникомъ.

244
Лубокъ

Бувъ собѣ въ однимъ пустимъ мистци хуторъ невелычки. Въ хутори жила семя одна и невелычка: бувъ тамъ старесеньки дидъ да сынъ його женатый — звався винъ Ничипоръ, да ще не дуже велыки сынъ одъ Ничипора. Дидъ бувъ совсимъ безъ моци; ходючи винъ згинався уже дуже, голова у його була била-била, мовъ молокомъ облыта, а робыты — дакъ совсимъ нельга було йому бидному. Ничипору се було дуже не по нутру; йому усе хотилося, щобъ батько що-нѐбудь да робывъ. Надумався Ничипоръ, да-й каже: «Згублю я батька; годи йому житы! мини и такъ приходытця гирько житы да хлибъ добуваты». Пришла зыма. Ничипоръ доставъ зъ горы предовги да широкій лубъ, узявъ свого сына, да-й каже батькови старому: «Ходимо, тату, въ поле, годи тоби житы! ни самъ не будешь мучитысь, ни насъ не будешъ мучиты». И повели старого батька. Почувши ричь таку, батько тильки залывався гирькими слёзами — бильшъ ничого. Довивъ Ничипоръ дида до

дуже-глубокого яру, посадывъ јого старесенького на лубокъ, щò принисъ зъ собою; спустывъ на нимъ батька у самый нызъ, та-й каже: «Прощай теперъ, тату! не поминай насъ лыхомъ». И вже хотивъ идты до дому, ажъ внучокъ того дида и каже батькови: «Тату! визьмы жъ лубочокъ зъ собою». — «А на що винъ? нехай тамъ зустаетця». — «Якъ на що? аже жъ якъ будешъ и ты таки стары, якъ дидъ мій, то й я тебе посадывъ бы на той лубокъ, та-й спустывъ бы». Тоди Ничипоръ хопывся за високъ: «Дурный, дурный я! що зробывъ. Спасыбы жъ тоби, сыну, що ты дурного батька на умъ та на разумъ наставивъ!» И швидче кинувся у яръ, взявъ батька старого зъ собою, попросивъ у јого опрощенья и ставъ кормыты до самесенькой смерти, щобъ и јого диты не покидали.

245
Крестъ-порука

Въ одномъ было городѣ — жили два купца по самой край рѣчки: одинъ русской, а другой татаринъ; оба были богатые люди. Только русской по какимъ-то торговымъ дѣламъ обанкрутился, такъ что у него не осталось ничего изъ пожитковъ: все описали и обобрали. Нечего было дѣлать русскому купцу — остался голъ, какъ соколъ; пошелъ къ своему пріятелю татарину и проситъ у него взаймы денегъ. Татаринъ говоритъ: «Давай поручителя!» — «А кого жъ я тебѣ дамъ, когда у меня нѣтъ никого? Ну, да постой, вотъ тебѣ порука — на церкви животворящій крестъ!» — «Хорошо, другъ! говоритъ татаринъ: я кресту вашему повѣрю; для меня все равно, что ваша вѣра, то и наша». И далъ русскому купцу пятьдесятъ тысячъ рублей. Русской взялъ деньги, распростился съ татариномъ, и отправился опять торговать по разнымъ мѣстамъ.

Черезъ два года на эти пятьдесятъ онъ нажилъ сто пятьдесятъ тысячъ рублей, и случилось ему съ товаромъ плыть по Дунай-рѣкѣ изъ одного мѣста въ другое; вдругъ поднялась буря, такъ и хочетъ судно потопить. Тутъ купецъ и вспомнилъ, что бралъ деньги и давалъ въ поручители животворящій крестъ, а долгу не заплатилъ: такъ вѣрно отъ того и буря поднялася! Только подумалъ это, какъ стала буря утихать. Купецъ взялъ боченокъ, отсчиталъ пятьдесятъ тысячъ рублей, написалъ къ татарину записку, положилъ ее вмѣстѣ съ деньгами въ боченокъ, и бросилъ тотъ боченокъ въ воду, думая про себя: «Когда я давалъ въ поручители крестъ, такъ онъ и доставитъ!» Боченокъ тотчасъ же на дно пошелъ: всѣ такъ думали, что деньги потеряются. Что же сталося? Жила у татарина русская стряпка. Вотъ однажды случилось ей идти на рѣку за водой; приходитъ и видитъ — плаваетъ боченокъ; побрела по водѣ и давай его хватать — не тутъ-то было! она къ боченку, а боченокъ отъ нея; она отъ боченка къ берегу, а боченокъ за ней плыветъ. Такъ она билась-билась немалое время, пошла домой и разсказала про то своему хозяину. Онъ сначала было ей не повѣрилъ, а потомъ самъ рѣшился идти на рѣку и посмотрѣть: что за боченокъ такой тамъ плаваетъ? Приходитъ туда — боченокъ точно плаваетъ и недалеко отъ берега. Татаринъ снялъ съ себя одёжду, зашелъ въ воду, и только-что побрёлъ, какъ боченокъ самъ къ нему подплываетъ; взялъ татаринъ боченокъ, принёсъ домой и раскупорилъ; заглянулъ, а въ боченкѣ деньги лежатъ, наверху денегъ записка виднѣется. Взялъ онъ, прочиталъ записку, а въ ней вотъ что говорилось: «Любезный другъ! возвращаю тебѣ пятьдесятъ тысячъ рублей, которые когда у тебя занималъ — то давалъ тебѣ въ поручители животворящій крестъ». Татаринъ прочиталъ и удивился силѣ животворящаго

креста; пересчиталъ деньги: всѣ ли налицо? Деньги оказались всѣ сполна. Межъ тѣмъ русской купецъ, поторговавши лѣтъ съ пятокъ, нажилъ порядочный капиталецъ; пріѣзжаетъ въ свое мѣсто, и думая, что боченокъ его пропалъ, за первый долгъ поставилъ разсчитаться съ татариномъ; приходитъ онъ къ нему и отдаетъ занятыя деньги. Тогда татаринъ разсказалъ купцу все, что было, и какъ онъ поймалъ на рѣкѣ боченокъ съ деньгами и съ запиской; показалъ ему эту записку и спросилъ: «Точно ли это твоей руки?» Тотъ отвѣчалъ: «Точно моей». Всѣ подивились чудному явленію, и татаринъ сказалъ»: «Такъ мнѣ, братъ, не нужно съ тебя другихъ денегъ получать; неси-ка ихъ назадъ». Русской купецъ отслужилъ Богу благодарственный молебенъ, а татаринъ на другой же день крестился со всѣмъ своимъ семействомъ. Русской купецъ былъ у него хрёстнымъ отцомъ, а стряпка хрёстною матерью. Послѣ того жили они оба долго и счастливо; прожили до глубокой старости и скончались въ мирѣ.

Записана въ Пермскомъ у. г. Д. Пѣтуховымъ.

246

Объ отцѣ Николаѣ

Въ одномъ городѣ былъ вороватый человѣкъ и надѣлалъ уже много бѣдъ. Однажды случилось ему обокрасть богатаго человѣка; дѣло это подмѣтили, послали за нимъ погоню. Долго онъ бѣжалъ лѣсомъ, а впереди того лѣса была чистая степь вёрстъ по крайней мѣрѣ на десять. Какъ пробѣжалъ весь лѣсъ, остановился, и не знаетъ, что ему дѣлать? если бѣжать по степи, то сейчасъ поймаютъ, потому что версты на двѣ все видно, а погоня, слышитъ, уже близко. Тогда-то онъ началъ молиться: «Господи, прости мою душу грѣш-

пую; батюшко, отецъ Николай! сокрой меня — я тебѣ гривенную свѣчку поставлю».

Вдругъ не откуда взялся — предсталъ человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, и спрашиваетъ вора: «Что ты теперь говорилъ?» Воръ отвѣчаетъ: «Вотъ что я говорилъ: батюшко отецъ Николай! сокрой меня въ этой глуши. И обѣщался ему свѣчу поставить». Тутъ онъ покаялся старичку въ своемъ грѣхѣ. Старикъ ему сказалъ: «Если хочешь, полѣзай въ это падалище!» А тутъ неподалёку лежала падаль. Нечего было дѣлать вору, надо было лѣзть въ падаль, потому что пойману быть не хочется. Залѣзъ онъ туда, а старичокъ въ ту же минуту невидимъ сталъ. Тотъ старичокъ былъ самъ отецъ Николай. Вотъ приближается погоня; выѣхали люди на степь, отъѣхали съ полверсты — никого не видать! и воротились обратно; а воръ лежитъ въ падалищѣ, еле дышитъ — такой гнилой духъ! Когда проѣхала погоня мимо, онъ вылѣзъ оттуда и видитъ опять того же старичка — стоитъ неподалечку да сбираетъ воскъ. Воръ подходитъ къ нему, благодаритъ за избавленіе; тогда старичокъ снова спросилъ: «А что ты обѣщалъ отцу Николаю, когда искалъ убѣжища?» Воръ отвѣчаетъ: «Я обѣщался смѣнить гривенную свѣчу». — «То-то и есть! какъ тебѣ было душно лежать въ падалищѣ, такъ и отцу Николаю было бы душно отъ твоей свѣчи». И далъ ему старичокъ наставленіе: «Никогда не проси Господа Бога и святыхъ Его угодниковъ на злыя дѣла; потому что Господь не благословляетъ злыхъ дѣлъ. Да смотри же, помни мои слова. да и прочимъ скажи, чтобъ никогда не просили Бога въ худыхъ дѣлахъ!» Сказалъ это, и скрылся изъ глазъ

Записана въ Пермскомъ у. г. Д. Пѣтуховымъ.

Скряга

Жилъ-былъ богатой купецъ Марка — скупѣй его не было! Разъ какъ-то пошелъ онъ гулять: идучи дорогою, увидалъ нищаго: сидитъ старецъ и проситъ милостыни: «Подайте, православные, Христа ради!» Марка-Богатой прошелъ мимо. Слѣдомъ за нимъ шелъ на ту пору бѣдный мужикъ, возжалѣлъ нищаго и подалъ ему копеечку. Стыдно показалось богатому, остановился онъ и говоритъ мужику: «Послушай, землякъ, дай мнѣ взаймы копеечку; хочется убогому подать, да мелкихъ нѣту!» Мужикъ далъ ему и спрашиваетъ: «А когда за долгомъ приходить?» — «Завтра приходи!» На другой день бѣдной идетъ къ богатому за своей копейкою. Пришелъ на его широкой дворъ: «Что Марка-Богатой дома?» — «Дома! тебѣ что надо?» спрашиваетъ Марка. «За копеечкой пришелъ». — «Ахъ, братъ! прійди послѣ; ну право, мелкихъ нѣтъ». Бѣдной поклонился и назадъ: «Я, говоритъ, прійду завтра». На утро приходитъ — опять то же: «Мелкихъ денегъ вовсе нѣтъ! коли хошь, давай съ сотенной сдачи . . . а не то приходи черезъ двѣ недѣли». Черезъ двѣ недѣли снова идетъ бѣдной къ богатому, а Марка-Богатой увидалъ его въ окно и говоритъ женѣ: «Слушай, жена! я раздѣнусь догола и лягу подъ святыя[1]; а ты покрой меня полотномъ, сиди и плачь, словно надъ мертвымъ. Когда прійдетъ мужикъ за долгомъ, скажи ему, что я сегодня померъ». Вотъ ладно, какъ мужъ приказалъ, такъ жена и сдѣлала: сидитъ да горючими слезами заливается. Приходитъ мужикъ въ горницу, она его и спрашиваетъ: «Тебѣ что?» — «За должкомъ къ Маркѣ-Богатому» отвѣчаетъ бѣдной. «Ну, мужичокъ, Марка-Богатой приказалъ долго жить; сей-

[1]) Т.-е. иконы.

часъ только померъ». — «Царство ему небесное! Позволь, хозяйка, за мою копеечку послужу ему — хоть грѣшное тѣло обмою». Съ этимъ словомъ ухватилъ чугунъ съ горячей водою, и давай Марку-Богатаго кипяткомъ ошпаривать. Марка еле терпитъ, морщится да ногами дрыгаетъ. «Дрыгай, не дрыгай, а копейку подай!» говоритъ бѣдной. Обмылъ, спарядилъ, какъ надо. «Ну, хозяйка! покупай гробъ да вели въ церковь выносить; я стану надъ нимъ псалтырь читать». Положили Марку-Богатаго въ гробъ и вынесли въ церковь, а мужикъ сталъ надъ нимъ псалтырь читать. Наступила темная ночь. Вдругъ открывается окно, и лѣзутъ въ церковь воры-разбойники; мужикъ за алтарь спрятался. Воры влѣзли и начали межъ собой добычу дѣлить; все подѣлили, остается золотая сабля — всякой къ себѣ тащитъ, никто не уступаетъ. Бѣдной какъ выскочитъ, какъ закричитъ: «Что вы спорите? кто мертвецу голову отрубитъ, того и сабля будетъ!» Марка-Богатой вскочилъ самъ не свой. Воры испугались, побросали свою казну и кинулись бѣжать. «Ну, мужичокъ! говоритъ Марка: давай деньги дѣлить». Раздѣлили поровну; много досталось и тому и другому. «Что жъ копеечку?» спрашиваетъ бѣдной. «Эхъ, братъ! самъ видишь — мелкихъ нѣтъ!» Такъ-таки и не отдалъ Марка-Богатой копеечки.

Записана въ Новгородской губ.

248
Разсказы объ инородцахъ

(а) Цыганъ разбилъ палатку возлѣ озера, лежитъ на берегу ровно три дня да все въ воду смотритъ, какъ рыба въ озерѣ гуляетъ: гулять-то она гуляетъ, да цыгану въ ротъ не попадаетъ! Глядь — пріѣхалъ чумакъ на быкахъ степь орать, развёлъ огонь и началъ кашицу варить.

Вотъ цыганъ и думаетъ думку: какъ бы ухитриться, у чумака около котла поживиться. Приходитъ къ нему «Здравствуй, батинька!» — «Здоровъ бувъ, цыганъ!» — «А что, батинька! мнѣ ужасно тошнитъ съ постнаго». — «Что такъ?» — «Да завсегда вижу рыбу въ глазахъ, ѣшь — не хочу! больно прискучила. А ты что ѣшь, батинька?» — «Да сало!» — «Давай же другъ съ дружкою подѣлимся; ты мнѣ хоть сальца кусокъ удѣли, а я тебя рыбкой попотчую». Чумакъ отрѣзалъ ему кусокъ сала. «Спасибо, батинька! да вѣдь къ салу и хлѣба надобно». Чумакъ далъ ему паляницу. «Дай ужъ и пшена горсточку!» Чумакъ отсыпалъ ему и пшена. «Спасибо, доброй человѣкъ! пріѣзжай ко мнѣ за рыбою: ты мнѣ изъ своихъ рукъ давалъ, а я тебя подведу къ моему добру да сколько хочешь, столько и бери!» Пришелъ цыганъ въ свой шатёръ, сварилъ кашицу и всласть поѣлъ; лежитъ надъ озеромъ, да на рыбу смотритъ. Чумакъ послалъ своего хлопца къ цыгану за рыбою. «Здоровъ бувъ, цыганъ! тятька за рыбою прислалъ». — «Да что же, батинька, твой отецъ самъ не пріѣхалъ? Вотъ ужъ и не знаю, что теперь дѣлать! Много дать — ты не подымешь, а мало дать — пожалуй, онъ обидится; лучше пускай самъ пріѣзжаетъ». Хлопчикъ прибѣжалъ къ чумаку, сказалъ ему эти рѣчи; чумакъ запрёгъ лошадь и поѣхалъ къ цыгану. «Здравствуй, батинька, здравствуй! что хорошаго скажешь?» — «Да за рыбкой пріѣхалъ». — «Ну, вотъ тебѣ ложка; пойдемъ, сперва ухи похлебаемъ». Привелъ его къ озеру: «Садись, батинька! какъ выхлебаешь эту уху, тогда хоть всю рыбу бери». Чумакъ наплевалъ цыгану въ глаза и поѣхалъ ни съ чѣмъ.

---

(1) Однажды заспорилъ жидъ съ цыганомъ, и говоритъ ему: «Чуешь, цыгане! ты со мною не спорь, не то худо будетъ». — «А скажи, батиньку, отчего бы такъ было

мнѣ худо?» — «Отъ того, что вѣра наша больше вашей». — «Э, нѣтъ, батиньку! наша вѣра больше вашей. Да вотъ; если я положу на дорогѣ девяносто девять цѣлковыхъ, вѣдь ты, жидъ, не утерпишь, возьмешь деньги себѣ, а послѣ божиться станешь, что не только не бралъ — совсѣмъ не видалъ! А если ты положишь, я ни за что не возьму!» — «Постой, думаетъ жидъ, узнаю же я цыганскую правду!» Побѣжалъ впередъ въ ту самую сторону, куда нужно было идтить цыгану, положилъ на дорогѣ девяносто девять цѣлковыхъ, а самъ за кустъ спрятался и смотритъ: возьметъ ли цыганъ деньги или нѣтъ? Вотъ и цыганъ показался; дошелъ до того мѣста, увидалъ кучу денегъ на дорогѣ, остановился и думаетъ: навѣрно, это поганый жидъ сдуру насыпалъ! дай сосчитаю». Сосчиталъ, — какъ разъ девяносто девять цѣлковыхъ. «Такъ и есть, жидовскія штуки! да ничего, что всѣхъ девяносто девять; я одинъ свой добавлю — будетъ ровно сто!» Забралъ деньги, положилъ за пазуху и пошелъ куда надо. Жидъ выбѣжалъ изъ-за куста, нагналъ цыгана: «Такъ-то, говоритъ: ваша вѣра крѣпче нашей! зачѣмъ ты забралъ на дорогѣ мои деньги?» — «Какія деньги, я ихъ и не видывалъ». — «Что ты, цыгане! отдай безъ грѣха; вить я нарочно положилъ, твоей правды пыталъ!» — «Отвяжись, проклятой! что ты пристадъ ко мнѣ: я тебя совсѣмъ не знаю, впервой вижу». Потащилъ жидъ цыгана до пана судиться. «Э, батиньку! говоритъ цыганъ: на мнѣ одёжа вся оборвана, какъ я пойду съ тобой къ пану?» Жидъ подумалъ, что онъ не хочетъ идти къ пану — суда боится, снялъ съ себя кафтанъ: «На! говоритъ, надѣвай мою одёжу, а я твою надѣну». Помѣнялись кафтанами и пошли къ пану судиться. Жидъ разсказалъ все, какъ было, какъ спорили они о вѣрѣ — чья крѣпче и больше — и какъ завладѣлъ цыганъ его деньгами. А цыганъ стоитъ на

однимъ: «Знать не знаю, паночекъ! Привязался жидъ ни съ того, ни съ сего; онъ, чего добраго, станетъ говорить, что и одёжа-то на мнѣ его, а не моя!» — «Да моя и есть!» Панъ плюнулъ имъ въ глаза, и закричалъ на своихъ слугъ: «Чортъ ихъ разберетъ! ведите обоихъ на конюшню, положите рядомъ да отдуйте кнутомъ!» Потащили добрыхъ молодцовъ на конюшню. Жидъ кланяется, проситъ панскихъ слугъ: «Голубчики! не кладите меня подъ цѣлой кнутъ, положите подъ конецъ кнута; я вамъ рубль заплачу!» Вотъ положили ихъ рядомъ: цыгана подъ цѣлой кнутъ, а жида подъ кончикъ, и начали драть. Не такъ больно цыгану досталось, какъ его товарищу: славно ему настегали спину, едва портки натянулъ! Пошли они съ панскаго двора. «Что, цыгане! говоритъ жидъ: будешь пана помнить? Мнѣ было горько, а тебѣ, чай, вдвое: вить я не даромъ упросилъ, да тебя подъ цѣлой кнутъ подвёлъ!»

(п) Шелъ мужикъ дорогою. Нагоняетъ его жидъ: «Здравствуй, доброй человѣкъ!» — «Здорово, жидъ!» — «Куда зе ты идешь?» — «Въ деревню». — «Пойдемъ вмѣстѣ, и я туда зъ иду». — «Пойдемъ!» Вотъ и пошли вмѣстѣ; дошли до канавы; жидъ прыгнулъ — у него изъ-за пазухи выпалъ кошель съ деньгами и прямо въ канаву, а мужикъ подхватилъ да къ себѣ въ карманъ. «Цуешь, доброй человѣкъ! говоритъ жидъ: отдай мои гроши». — «Какіе? я у тебя не бралъ». — «А все зъ неправда! ты взялъ; отдай позалуста!» — «Ты, жидъ, кажись, белены объѣлся! самъ ко мнѣ навязался, да еще деньгами упрекаешь». — «А ну, пойдемъ до пана». И потащилъ жидъ мужика судиться: идутъ да спорятъ. «Цуешь, говоритъ жидъ: прійдемъ мы до пана, ты якъ будешь сказывать?» — «Какъ? извѣстное дѣло: скажу, что не бралъ твоихъ денегъ». — «Нѣтъ, человѣце! ты говори такъ, якъ я буду

говорить». — «А ты какъ будешь говорить?» — «Да вотъ говори за мною: шли мы вдвоемъ по дорогѣ...» — «Ну. шли мы вдвоемъ по дорогѣ». — «Дошли до канавы . . .» — «Дошли до канавы». — «Я черезъ канаву скокъ! — «Ты черезъ канаву скокъ!» — «Кошелёкъ съ деньгами въ канаву покъ!» — «Кошелёкъ съ деньгами въ канаву покъ!» — «А ты хопъ!» — «А я хопъ!» — «Вотъ тебѣ, доброй целовѣкъ, пятакъ; говори и передъ паномъ такъ». Всю дорогу твердилъ жидъ мужику, какъ говорить передъ паномъ, и надавалъ ему пятаковъ съ двадцать. Вотъ пришли до пана; мужикъ попрежнему отпирается: не бралъ денегъ, да и только! «Пане вельмозный! говоритъ жидъ: послухайте, какъ онъ за мною будетъ сказывать. Ну, доброй целовѣце! шли мы вдвоемъ по дорогѣ . . .» — «Шли мы вдвоемъ по дорогѣ». — «Дошли до канавы . . .» — «Дошли до канавы». — «Я черезъ канаву скокъ!» — «Ты черезъ канаву скокъ!» — «Кошелекъ съ деньгами покъ!» — «Кошелекъ съ деньгами покъ!» — «А ты хопъ!» — «Нѣтъ, я не бралъ». — «О. бачъ, якій ты невѣрный! передъ паномъ не хочешь такъ сказывать, якъ сказывалъ дорогою. Позвольте, пане, я выйду съ нимъ въ сѣнцы да поговорю; а то онъ, глупый, забылъ. якъ надо сказывать». — «Ну, ступайте, потолкуйте». Вотъ жидъ съ мужикомъ вышли въ сѣни, а панъ сталъ у дверей и слушаетъ. «Сто зе ты, добрый целовѣкъ! говоритъ жидъ: обѣщался передъ паномъ говорить по моимъ словамъ, а говоришь другое: вотъ тебѣ цѣлковой-рубль, только сказы пану, якъ я тебя науцилъ». — «Хорошо!» Взялъ мужикъ цѣлковой, и вошли опять въ горницу. «Ну, паночекъ, послухай: шли мы дорогою . . .» — «Шли мы дорогою». — «Дошли до канавы...» — «Дошли до канавы». — «Я черезъ канаву скокъ!» — «Ты, жидове, черезъ канаву скокъ!» — «Кошелёкъ покъ!» — «Кошелёкъ покъ!» — «А ты хопъ!» — «Нѣтъ, я не бралъ!» —

«Ахъ, цортовъ сынъ! опять не признается». А панъ говоритъ: «Полно, жидъ! я самъ слышалъ, какъ ты его уговаривалъ, да цѣлковой давалъ, чтобы онъ всклепалъ на себя напраслину!» и тотчасъ же приказалъ вытолкать жида въ шею.

(t) Русской и татаринъ ѣхали вмѣстѣ. Случилось имъ ночевать въ полѣ; сварили они кашу, поѣли и начали разговаривать, кому лошадей караулить. У русскаго лошадь была сивая да плохая, у татарина вороная да хорошая. Ночь была темная. Русской говоритъ татарину: «Мнѣ не надо караулить свою бѣлую лошадь; я проснусь и тотчасъ ее увижу. А ты не спи, карауль свою чёрную лошадь». Татарину не хотѣлось караулить: онъ промѣнялъ свою лошадь русскому. Русской взялъ хорошую лошадь за плохую и сталъ смѣяться надъ татариномъ: «Теперь, говоритъ, я вовсе не буду караулить своей чёрной лошади: придетъ воръ — моей чёрной лошади не найдетъ въ потьмахъ, а твою бѣлую сейчасъ же увидитъ и украдетъ».

Легли они спать. Русской притворился спящимъ и захрапѣлъ, выжидая, что станетъ дѣлать татаринъ; а татаринъ, желая отплатить за обманъ и думая, что русской спитъ, всталъ, отыскалъ его лошадь и загналъ ее въ топкое болото; потомъ лёгъ и заснулъ въ самомъ дѣлѣ. Тогда русской задралъ шкуру у ногъ татариновой лошади по колѣно, вогналъ ее въ тину, а свою вытащилъ, и лёгъ опять на свое мѣсто. Вотъ татаринъ проснулся, разбудилъ русскаго и сталъ разсказывать ему свой сонъ: «Охъ, русской! какой дурной я видѣлъ сонъ-то, будто бы кто-то пришёлъ и загналъ твою лошадь въ тину!» — «Охъ, братъ татаринъ! говоритъ русской: и я сонъ видѣлъ не такъ хорошъ, будто бы твоя лошадь ноги подсучила и зашла въ тину». Татаринъ вскочилъ и побѣ-

жалъ посмотрѣть: приходитъ, а лошадь его уже умерла въ тинѣ. Татаринъ остался пѣшимъ. Разсвѣло, и надо было отправляться въ путь. Русской, чтобъ не приставалъ къ нему татаринъ, продалъ свою лошадь.

Пошли они въ путь и условились по очереди нести другъ друга на плечахъ, пока тотъ, кому достанется сидѣть на чужихъ плечахъ, заснётъ. Бросили жребій, и наперёдъ досталось нести русскому. Татаринъ взбрался на плечи русскаго и запѣлъ: талды-булды! пѣлъ-пѣлъ и заснулъ. Русской не пронёсъ татарина и полуверсты, и грянулъ его съ плечъ оземь. Затѣмъ русской взбрался на плечи татарина и запѣлъ: тили-тили! пѣлъ-пѣлъ такъ долго, что татаринъ тащилъ его на плечахъ верстъ двадцать, усталъ и спрашиваетъ русскаго, надолго ли протянется его пѣсня? «Верстъ на десятокъ потянетъ», говоритъ русской. А татаринъ въ отвѣтъ: «Охъ, твои тили-тили совсѣмъ меня съ ногъ сбили!» Горюнъ тащилъ русскаго до самой ночи.

Пришло село; татаринъ съ русскимъ остановились здѣсь ночевать. Изъ съѣстного у нихъ была одна только курица. Какъ двумъ нельзя быть сытымъ одною курицею, то и положили съѣсть ее одному, кому достанется по договору. Татаринъ и говоритъ: «Давай, русской, спать, и кто увидитъ лучше сонъ, тому и курицу ѣсть». Вотъ легли. Татаринъ сталъ выдумывать сонъ; пока онъ думалъ, а русской съѣлъ курицу и заснулъ. Татаринъ выдумалъ наконецъ сонъ, разбудилъ русскаго, и спрашиваетъ, что онъ видѣлъ во снѣ. Русской заставилъ впередъ татарина разсказать сонъ. Татаринъ и говоритъ: «Ахъ, русской, хорошъ сонъ я видѣлъ, будто бы меня взяли на небо; на небѣ видѣлъ я много ангеловъ; какъ тамъ хорошо!» — «Ну, говоритъ русской: а я видѣлъ, какъ тебя взяли на небо, подумалъ, что ты оттуда не воротишься, и съѣлъ курицу-то». Бѣдный татаринъ

остался безо всего, не захотѣлъ странствовать съ русскимъ и ушёлъ отъ него.

Записанъ въ Моршанской у., Тамбовской губ., въ селѣ Кареляхъ наставникомъ приходскаго училища Алексѣемъ Добровольскимъ.

(у) Русской съ мордзвиномъ работали вмѣсци на Волги, да вмѣсци оттолива и домой пошли. Вотъ они шли пуцёмъ-дорогой, да оба и пріустали. Мордзвинъ и выдумалъ штуку. «Давай, батъ, русской, попремѣнна одзинъ другова несци за коргешкамп[1]. Поколи я цея[2] буду несци, ты пѣсню пой; а какъ ты сноёшь пѣсню, я на цея сяду — ты меня неси до цѣхъ поръ, коли я пѣсню спою». Русской дзѣлами смекнулся. «Пожалуй, батъ, мордзвинушка! я на ита сугласпнъ. Давай жерьбій мицьнёмъ, кому ково напирётъ достанитца нисци». Митнули жерьбій. Напирётъ досталось весци русскому мордзвина. Мордзвинъ сѣлъ русскому за коргешки; сидзитъ да пѣсню поётъ, а русской слушатъ да везётъ. Вотъ мордзвинъ спѣлъ пѣсьню; русской сѣлъ на мордзвина, да и запѣлъ бисконешну пѣспнку: цили-ли, ци-ли-ли! сидзитъ да поётъ, а мордзвинъ слушатъ да везётъ. Вёрстъ дзесиць провёсъ русскова, и спрашиватъ: «Што, русской, вся ли тва пѣсня?» — «Нѣтъ, мордзвинушка, не вся ищо!» Мордзвинъ вёсъ, вёсъ, безъ моцы сталъ; упалъ съ устатку, а у русскова пѣсьня не вся ищо. «Ну, батъ, русской, хаць вся, хаць не вся тва пѣсьня, а мнѣ утдыхаць пришлось. Твои цили-ли меня съ нокъ свалили!» Мордзвинъ осталса, а русской ищо вёрстъ дзесиць ушолъ. Вотъ цé, мордзвинъ зацéнлъ на сву шею возпицца; ну гдзѣ мордзвину убмануць русскова? ушъ убманитъ ли, нѣтъ ли — русской мордзвина!

---

[1]) На закортышкахъ, плечахъ.
[2]) Тебя.

(cc) Познакомился русской съ чувашиномъ и сталъ ѣздить къ нему въ гости. Пріѣдетъ, бывало, а чувашинъ его за руку, да за столъ: «Садись, садись! *моя* тебя любитъ». И начнетъ его такъ угощать, что русской мужикъ напьется крѣпко-крѣпко пьянъ: едва въ повозку ввалится! Лошадь-то у него была привычная, сама домой привезетъ. Вотъ этотъ мужикъ такую взялъ споровку: какъ только захочетъ напиться пьянъ, сейчасъ запрягаетъ лошадь и ѣдетъ прямо къ чувашину. Другой разъ дня два пропьянствуетъ, а къ себѣ чувашина не зоветъ. Однова былъ у чувашина праздникъ; русской къ нему въ гости, и такъ наугощался, что любо-дорого! и объ святой недѣлѣ невсегда мужику такая благодать выпадетъ! Вотъ русской и говоритъ чувашину: «Братъ! заѣзжай какъ-нибудь ко мнѣ въ гости». — «Спасибо, братъ! случится по дорогѣ — заѣду». Прошло немного времени; понадобилось чувашину быть въ той самой деревнѣ, гдѣ проживалъ его русской знакомецъ. Заѣзжаетъ къ нему на дворъ — на ту пору мужикъ рожь молотилъ: «Здравствуй, русской! Богъ въ помочь!» — «А, здорово, братъ, здорово!» говоритъ русской. Сейчасъ бросилъ молотить, взялъ чувашина за руку и повелъ въ избу, посадилъ въ переднемъ углу, а на столъ полное ведро поставилъ. Набралъ ковшикъ и подноситъ чувашину: «Пей, братъ!» Тотъ выпилъ. Онъ — другой ковшикъ: «Пей, пріятель! пожалуйста пей!» Выпилъ и другой. Мужикъ зачерпнулъ въ третій разъ и опять подноситъ: «Выпей, другъ! потѣшь меня! впть я у тебя завсегда пью, не отказываюсь». Чувашинъ не хочетъ, а мужикъ его нудитъ: пей да и кончено! Нечего дѣлать чувашину: хоть не хочетъ, черезъ силу пьетъ! . . . Воротился онъ домой, и сказываетъ своей хозяйкѣ: «Я былъ у знакомаго въ гостяхъ». — «Чѣмъ же онъ тебя подчивалъ?» — «Небось, русской не по-нашему! Цѣлое

ведро на столъ поставилъ, все ковшомъ подносилъ да силовалъ; пей, братъ! пожалуста пей. Я пилъ-пилъ, ковша четыре выпилъ; да спасибо, что вода была, а то бъ живому домой не воротиться!»

(ff) Дѣло было въ пятницу: ѣхали вмѣстѣ русской да нѣмецъ. Захотѣлось нѣмцу закуспть, и принялся онъ за колбасу. «Не ѣшь скоромнаго. говоритъ русской: нынче — пятница». — «Что тамъ за пятница? наплевалъ бы ей въ глаза!» Долго ли, коротко ли они ѣхали, ведутъ имъ навстрѣчу медвѣдя. Русской говоритъ: «Вонъ идетъ наша пятница!» — «Постой же, пойду наплюю въ глаза вашей пятницѣ!» Сейчасъ соскочилъ съ повозки да къ медвѣдю, а Михайло Ивановичъ ухватилъ его сердечнаго: ужъ онъ ломалъ нѣмца, ломалъ; насилу люди отбили!

Записанъ въ Тверской губ.

249
Народные анекдоты

(a) Іихавъ Остапъ зъ Ромна, а Ѳедырь у Роменъ, и зустрилысь[1]. Остапъ и пыта у Ѳедыря: «Звиткиля?»[2] — «Зъ Ромна», каэ Ѳедырь. «А що?» — «Вола». — «А якъ?» — «Трицять». — «Гумъ! . . .» — «Ге!» И розъіихалысь соби.

(b) Шовъ москаль по селу ничью, а ничь була мисяшна. Бигъ іого святый зна, кудысь мисяцъ и зховавсь; паны кажуть, шо то було якеесь-то лунне затминя. Москаль подывывсь, що нема на неби мисяця, да-й пыта у ягокось мужика, который іому навстричъ шовъ: «А што энто на небѣ дѣлаеца?» — «Да я не здѣшній, господынъ служивый, каэ мужикъ: спросить у тутешнихъ».

[1]) Встрѣтились.
[2]) Откуда.

(c) «Дѣ се ты бувъ? пыта Ничипиръ[1] Степана: що тебе такъ довго не було выдно». — «Ге, дѣ? у татарви!» — «У татарви! чого?» — «Воюваты ходывъ». — «А чи зрубавъ хоть едыного татарюгу?» — «А то жъ и ни!» — «А якъ же ты іого зрубавъ?» — «Да такички: иду соби полемъ и бряскочу шаблюкою[2], ажъ зиркъ[3] — пидъ вербою лежитъ здоровенный татарюга и руки роскидавъ. Ото я пидкрався да изъ-за вербы іому едну руку и витявъ[4] шаблюкою, а винъ лежить; я іому и другу витявъ, а винъ усе лежить!» — «Э, дурный же ты, Степане! каэ Ничипиръ; ты бъ іому голову першъ витявъ». — «Ге! каже, я и самъ такъ думавъ, да головы не було!»

(d) «Що-то за сушь така! казавъ панъ пысарь пану голови: колы бъ-то дощикъ спрызнувъ — то усе бъ полизло изъ земли». — «Ковинька[5] тоби на языкъ, пане пысарю! каэ голова: аже тамъ у мене тры жинки, да не дай же то Боже, якъ воны вылизуть!»

(e) Заснувъ мужикъ на вози да и найихавъ на верству; кони сталы, мужикъ и проснувся, да-й каэ: «Оце бисова тиснота! да що то за разумны люде булы: не зналы дѣ постановыты верству!»

(f) Продавъ Грыцько борошно[6] въ губерныи[7] и купывъ соби добры шкаповы[8] чоботы[9], вымазавъ ихъ добрымъ дёгтемъ, и напывся губерньской горилки въ смакъ[10],

[1]) Никифоръ.
[2]) Саблею.
[3]) Глядь.
[4]) Отсѣкъ, отъ глагола: тяти, тнути — сѣчь, бить.
[5]) Закорючка.
[6]) Муку.
[7]) Въ губернскомъ городѣ.
[8]) Шкаповый — яловый, т.-е. сапоги изъ телячьей кожи.
[9]) Сапоги.
[10]) Всласть.

такъ що ледви[1] вылизъ зъ губерныи. Дали вже не моги йты, упавъ на шляху[2] да и заснувъ, а москали шлы да и знялы чоботы. На другій день ураньци јиде мужикъ зъ того села, зъ якого бувъ и Грыцько. Ото винъ, бачъ — той що јихавъ, пидходе до Грыцько да и буде іого: «Вставай, кажу, Грыцько!» — «Да ще рано», каэ Грыцько. — «Да яке тоби рано?» — «Геть»,[3] кажу тоби! каэ Грыцько розсердывшись. «Бачъ, ще-й гниваеця! прыйми хочь ногы зъ шляху, дай проjихаты». Глянувъ Грыцько на свои ногы и баче, що нема чобитъ, да и каэ: «Се не мои. мои въ чоботахъ!»

(g) «Шо це зъ тобою робыця? каэ батько свому сынови: чи у тебе лыхоманка, чи що, що ты нычого и не јисы? Чи јивъ ты сёгодня що?» — «Ни, каэ сынъ: маты ураньци дала краюшку хлиба да черству, я хотивъ въ ведро обмочиты да не влизла, дакъ я и сухую згрызъ; бильшъ ничого не јивъ».

(h) Сивъ Охрымъ зъ своею жинкою Солохою на велыкоднсны запуски[4] запускаты. Солоха чи що зъjила, чи не зъjила, а Охрымъ усе поjивъ и печене, и варене, да ще цилу макитру[5] гречаныхъ варенykивъ вмьявъ[6], и не здужа, сердека, вже встаты зъ покутя, да-й каэ жинци: «Солòха, Солòха! кэ[7] лышынь сюда подушки». — «На що тоби? хиба на прымосци мисьця мало?» — «Ой, лышечко жъ мини!» гвалтуе Охрымъ. «Да що тамъ таке зъ тобою?» — «Ой, голубочко жъ моя Солòха! скажи жъ

[1]) Едва.
[2]) На дорогѣ.
[3]) Прочь.
[4]) Великопостное заговѣнье.
[5]) Макитра — большая глиняная ендова.
[6]) Умялъ, съѣлъ.
[7]) Дай.

мини: чи уси миряне сёгодня јилы вареныки?» — «А якъ же, уси!» — «Про-о-пàлы якъ теперычки уси міряне!»

(і) Зибралыся зъ нашего села хлопци, може ихъ тамъ було и зъ семеро, або й бильшъ. Да пишлы въ губернію на ярманокъ. Ходятъ собп по ярманку, да-й думаютъ, шобъ то губерньске купыты, да таке, шобъ успмъ було въ дыковыну. Ажъ зиркъ, москаль несе фузію[1]! «А що, браца[2], каэ коваль: чи ны куѵымо фузію у москаля?» — «А що якъ, гукнулы хлопци: колы куповать, то й купымо!» Ото-й купылы фузію, купылы маку — се то бачъ: пороху, купылы и шроту[3], дай пишлы до дому. Идучи дорогою, одынъ хлопець п каэ: «А що, браця, трельнемо[4] зъ фузіи!» — «Колы трельнемо, то-й трельнемо!» — «А хто буде трилляты?» пытае одынъ. «Да хто жъ, гукнули уси: якъ не коваль, се вжо звисно!» Ото коваль узявъ фузію, усыпавъ въ нее жменю[5] маку, да и хотивъ уже трилляты. «Тривай[6], тривай! гукнулы хлопци: а ще мы не сыпалы маку». — «Ну, сыпьте и вы», каэ коваль. Хлопци повну фузію насыпалы макомъ, да-й кажуть: «Отъ теперычки трилляй, а мы зъ бокивъ станемо да будемо дывытысь[7], якъ вона палне»[8]. — «А куды трилляты!» пытаеця коваль. «Да туды на татарву», гукнулы хлопци. Коваль трельнувъ — и фузію упустывъ, и самъ упавъ, а писля якъ очунявся да поглядивъ, що вся у нёго морда въ пасоци[9], а хлопци — дѣ якій безъ очій, а дѣ якій зовсимъ мертвый лежить, ажъ жахъ[10] іого

[1]) Ружье.
[2]) Братцы.
[3]) Дроби.
[4]) Стрѣльнемъ.
[5]) Горсть.
[6]) Погоди.
[7]) Смотрѣть.
[8]) Выпалитъ.
[9]) Въ кровп.
[10]) Ужасъ, страхъ.

пронявъ. А дали и каэ: «Оце, бисова фузія! скильки тутъ людей побыла! чого жъ вона наробыла у татарви?»

(k) «Омелько! каэ Прохиръ: а на шо оце у тебе высе рушныця[1], хиба ты умiишъ трiляты?» — «Отъ таке! каже Омелько: а тожъ и не умiю? ластивку кулею[2] такъ и счешу». — «Эге, а зыбьешъ кулею у мене зъ головы шапку?» — «Зыбью». — «Ни, не зыбьешъ!» — «Ни, зыбью». — «А що? . . .» — «Кварту горилки». — «Добре!» Ото и пишлы Прохиръ и Омелько у поле; сивъ Прохиръ на пни, а Омелько видмирявъ[3] пьятнадцать ступынивъ да-й цiле прямисенько въ Прохореву кучму[4], а Прохиръ тильки зна натягуе шапку, шобъ не збывъ jиjи Омелько. Трельнувъ Омелько. Прохиръ якъ снипъ покатывся. «А шо, каэ Омелько самъ соби: не збывъ, пропала кварта горилки!» А дали якъ пидыйшовъ да побачывъ, шо Прохиръ зовсимъ умеръ, знявъ зъ iого кучму — ажъ куля навзкризь голову пробыла. «Эге, сказавъ самъ соби: оце я понызывъ!»

(l) Купывъ соби мужикъ новы шкаповы чоботы, жинци накупывъ каблучковъ[5], а доци сережки. Прышовъ празныкъ, ото уси и понадивалы свои обновки. Мужикъ сивъ на покутя, выставывъ ногу и човга[6], щобъ то бачылы iого чоботы, и каэ жинци: «А чому се у насъ хата не метена?» Жинка выставыла попередъ себе руки, растопырыла пальци, щобъ то бачылы jиjи каблучки, да-й каже: «Чи яжъ не казала!» А дочка замотала головою, такъ що сережки зателипалысь[7], да каэ: «Оце лыхо, скилько jиjи разивъ на день месты?»

---

[1]) Ружье. [2]) Пулею. [3]) Отмѣрилъ. [4]) Кучма — особливый родъ крестьянской шапки. [5]) Колецъ, перстней. [6]) И колышетъ, качаетъ. [7]) Телипаться — болтаться.

(m) Накынувъ Грыцько кòня арканомъ да-й тягне на гору, а кинь тягне пидъ гору; арканъ хоть и дуже кріпкій бувъ да порвавсь, а кинь сторчъ[1] головою покатывсь. Бачe Грыцько, шо кинь перевертнемъ чеше, да-й каже: «Оце, бисова скотына, яка сылна! бачъ, новый арканъ якъ перегорывъ!» А Ныкыта и пыта у Грыцька: «Яка жъ скотына, чи та, що перевернулась, чи та, що стоить?»

(n) Продавъ мужикъ товаръ да пишовъ дегтю купыты, да увыйшовъ въ таку, бачъ, лавку, дѣ фиги-миги продають и всяки ласощи[2]. Выйшòвъ, поставывъ мазныцю биля чобота да и дывыця. Купець іого и пыта: «Чого се тоби надомно?» — «Я дывлюсь, каэ мужикъ, що тутечки продаеця?» Купець и розсердывся на мужика да-й закрычавъ: «Дураки, дураки, дураки!» — «Оце да-й расходъ на ныхъ велыкій, каэ мужикъ: оце ты тильки одынъ и зоставсь!»

(o) «Дывысь, тату! видъ чòго се: иншій колосокъ, якъ поглянешъ, такъ до земли и прыпадà а пншій якъ стовбуръ[3] стоить». — «Гай, гай! каэ батько: бачу, шо ты ще не разумный и того не втелепавъ, зъ дуба вырисъ, а ума, бачу, не вынисъ! ото котрый повный, то такъ до земли и прыпада, а котрый пустый, то такъ до горы и дерецця». — «Отъ теперъ же то я, тату. й догадавсь — видъ чòго се нашъ пысарь Иванъ Гургуня такъ до горы нисъ дере!»

(p) «Хто тамъ до тебе прійздывъ учора, пытае панъ у свого мужика, шо ты до мене прыбигавъ за самоваромъ?» — «Да якійсь панъ». — «Да якій же, якъ іого прозвище?

[1]) Торчма, стремглавъ. [2]) Лакомства.
[3]) Обрубокъ каменный или деревянный.

— «Оце-й забувъ. Такось, якъ на птаха скидаеця: је птахъ такій». — «Сорочиньскій?» каэ панъ. «Ни». — «Горобьевскій?» — «И то ни!» — «Сыныцькій?» — «Да ни». — «А шобъ іого! отъ на уми вертыця, да не згадаю[1].. Вербицкій, Вербицкій, пане! насылу згадавъ». — «Ты жъ казавъ, що іого прозвище на птаха скидаеця?» — «Ге! да що, хиба птахъ на вирби и не сидить?»

(q) Прыходе мужикъ до пана, выйшовъ у горницю да-й ставъ, а у пана бувъ попугай, котрый тильки и умивъ казаты: дуракъ мужикъ! Мужикъ стоить у пороги, а попугай усе каэ: дуракъ мужикъ! А мужикъ усе іому кланяеця, а дали и каже: «Звините, ваше благородье! я думалъ, що вы птыця».

(r) «Чого се ты дома сидышъ, казала жинка мужикови: чому се ты не поведешъ вола въ Москву? тамъ, кажуть, хороши гроши даютъ за воливъ». — «Оле! и то правда, спасибы, що нагадала». Ото и повивъ мужикъ вола въ Москву продавать, и стрича іого у Москви москаль и каэ: «Здоровъ, хахолъ!» — «Будте здоровы, москалю!» — «Што, братъ, продаешь козла?» — «Якого козла?» — «Што ведешь за рога». — «Да се вилъ!» — «Што ты, безмозглый хахолъ, дурачить што ль пришёлъ?» — «Да Бигъ зъ вами, се вилъ!» — «Да Богъ съ тобою, хахолъ, это козелъ! тебя ешшо поколотятъ, какъ будешь говорить, што это волъ». — «Отчалюйте, отчалюйте, москалю! я бачу, що у васъ не уси дома». — «Погоди, отчалитъ хто-нибудь тебя!» Мужикъ повивъ вола дали, а москаль перевулками побигъ да знову іому навстричъ йде. «Здоровъ, хахолъ!» каэ москаль. А мужикъ и не втелепавъ[2], шо то той самой москаль, шо перше здоровкався, да-й каэ: «Здоровы булы!» — «Не продаешь ли

[1]) Не вспомню.
[2]) Не призналъ, смекнулъ.

козла?» Мужикъ глядыть на москаля да-й дума: «Чи воны подурилы, си москали, що на вола кажуть козелъ!» — «Ну што вылупилъ глазища?» тебя спрашиваютъ, не продасшь ли козла?» — «Да якій се козелъ, се вилъ». — «Гдѣ волъ?» — «Да осе!» — «Вотъ тебѣ, проклятый хахолъ, штобъ не дурачилъ людей!» и дзвизнувъ[1] москаль мужика по потылыци[2], и пишовъ соби. «Оце лыхо! дума мужикъ: ужъ самъ соби, сердека, не вирс. Може се манія[3] яка! побачу, що буде дали, а то й брошу — цуръ іому!» Повивъ вола дали, а москаль — шо то за хытрый бувъ! — побигъ да надивъ вже мундѣръ, да-й зновъ иде навстричъ мужикови, шобъ то, бачъ, зовсимъ зъ пантолыку збыты[4]. «Эй ты, лоботрясъ! што заплатилъ за козла?» Злякавсь[5] бидный мужикъ: «Оце лыхо! дума самъ соби: я й казавъ, що се манія яка, а не вилъ!» да уже срадовавсь, що москаль озвався. Цуръ іому, шобъ я за собою манію водывъ! . . . Я іого продаю», каэ москалю. «А што просишь?» — «Да дисять корбованьцивъ». — «Што-о! ахъ ты, мужицкая твоя харя! да гдѣ же ты слышалъ, штобы за козла платили по десяти цалковыхъ?» — «Да не серчайте бо, господынъ служивый! вы кажить, що дасте». — «Цалковой». — «Накыныте хоть шо-нибудь!» Москаль бачс, шо мужикъ зовсимъ здуривъ, торговаця, и выторговавъ вола за два корбованьця.

Пишовъ мужикъ до дому; выйшовъ у хату, кынувъ на пилъ батигъ и шапку, ставъ да-й дывыця на жинку. «Ну шо, пытае іого жинка: продавъ вола?» — «Якого вола?» — «Да бурого, шо въ Москву повивъ». — «Ге, вола! бувъ вилъ, да скозлятывсь!»

---

[1]) Ударилъ.
[2]) По затылку.
[3]) Призракъ, привидѣніе
[4]) Съ разуму сбить.
[5]) Испугался.

(s) Ны прòдавъ мужикъ вола въ губерныи и веде до дому, закинувъ іому ланцюгъ[1] на роги; а москали видризалы ланцюгъ да привьязалы своего брата москаля, а вола повелы зновъ на ярманокъ у губернью. Ото привьязанный москаль якъ смыкне[2] за ланцюгъ, мужикъ и оглянувся и бачe, що замись[3] вола привьязана служба[4]. «Що се таке», каэ самъ соби. А москаль каэ іому: «Пусти меня, мужичокъ! за што ты меня привязалъ, вѣдь я табѣ нычаво не сдѣлалъ». Мужикъ спугався да и ланцюгъ упустывъ, а москаль тымъ часомъ взявъ да утикъ. Вернувся знову мужикъ въ губернью и бачe, що іого вола москали вже продаютъ на ярманци, а знакомый чоловикъ зъ ихъ же села торгуе того вола; ото винъ пидыйшовъ до нѣго да-й каэ: «Эй, брате, не купуй сёго вола! се не вилъ, а манія: отъ теперь винъ зовсимъ якъ вилъ, а выведешъ за губернью, той стане служба!»

(t) Прыjихавъ Грыцько у Москву и ставъ биля дзвоныци[5] Великаго Ивана, да галки й щита, а на ту биду йде москаль да й пыта Грыцька: «Што ты, хахолъ, дѣлаешь?» — «Галкѝ щитаю, господа служба!» — «Какъ што? гàлки считаешь?» — «Эге!» — «Какъ же ты смѣешь казенныя галки считать, а?» — «Хиба жъ воны зправди казены?» — «А ты, безмозглой, и эвтаво не зналъ! пойдемъ въ полицію». — «Да за що, господа служба, въ полицію?» — «Какъ за што? за галки». — «Да помилуйте!» — «Што тутъ съ тобою толковать, пойдемъ, говорятъ! а не то за шиворотъ потащу!» — «Да помылуйте бо! може вамъ грошей треба?» — «А сколько ты галокъ нащиталъ?» — «Да усего тильки два десятка».

---

[1]) Цѣпь, оборотъ.
[2]) Дернетъ, потянетъ.
[3]) Вмѣсто.
[4]) Солдатъ.
[5]) Колокольни.

— «По гривнѣ за штуку!» — «Да звольте жъ, тильки помылуйте!» Полизъ у кишеню[1] Грыцько, доставъ мидякивъ[2] пригощь[3], выдщитавъ москалеви два рубли, да мерщій[4] видъ нёго прибигъ до своихъ да-й сміеця. «Чого се ты сміеся?» пытаюця іого хлопци. «Кихъ, кихъ, кихъ, оце обдурывъ москаля; кажутъ, що москаля не обдурышъ; я нащитавъ галокъ може сотни зъ дви, а сказавъ іому тильки двадцать!»

(u) Бижить мужикъ, а навстричъ іому иде москаль; мужикъ и пыта у москаля: «Москалю, москалю! чи не находывъ ты торбынки[5], а въ торбынци выторопокъ[6] да дви паляныци?» — «Што?» — «Чы не находывъ ты торбынки, а въ торбыньци выторопокъ да дви паляныци?» — «Нѣтъ, я нашёлъ мяшокъ, а въ мяшкѣ заяцъ да двѣ ляпёшки». — «Ни, каэ мужикъ: се не мое!»

(w) Москаль побачывъ, що у мужика на горыщи[7] висе сало, да тыхесенько й полизъ, щобъ то, бачъ, іого зняты. Знявъ сало, да вмисци зъ саломъ якъ загуркотыть[8], бо стеля[9] була у хати уже трухлява[10]. Ото винъ и впавъ у хату, а у хати чоловикъ зъ жинкою да зъ дитками вечеряли. Шо тутъ робыты москалеви? винъ заразъ вскочилъ на ноги да и пыта у мужика: «А што, братъ, не были ль здѣся наши колядники?» — «Ни, не було». — «А коли не были, такъ прощай!» И зъ симъ словомъ мо-

---

[1]) Въ карманъ.
[2]) Мѣдныхъ денегъ.
[3]) Пригорщь, горсть.
[4]) Скорѣе.
[5]) Мѣшка.
[6]) Заяцъ.
[7]) На чердакѣ.
[8]) Громко застучать; здѣсь: провалиться съ шумомъ.
[9]) Потолокъ.
[10]) Дряблая, гнилая.

скаль выбигъ зъ хаты. «Оце лыхо! каэ жинка чоловикови[1]: мини здаеця, що у москаля було наше сало?» — «И то бачъ, каэ мужикъ: а полизь лышинь на горыще да погляды». Полизла жинка, побачыла, що нема сала, да й каэ: «Нема, чоловиче!» — «Оле! ну вже жъ хочъ москаль и вкравъ сало, за то жъ и самъ страху набрався!»

(х) Шовъ мужикъ зъ поля, пидходе до своей хаты, зиркъ въ викно, а у хати москаль цюлуе iого жинку. Мужикъ мерщій у хату, а москаль примитывъ мужика да мерщій на покутя, вкрывся — небито спыть. Мужикъ шасть у хату и баче, що москаль спыть, а жинка пораеця бпля пички[2]. «Хиба жъ то я нычого й не бачывъ!» каэ мужикъ. «А що ты тамъ бачывъ?» пыта iого жинка. «Якъ що, бисова дочка!» — «За що ты лаешся, вражій сыну?» — «Якъ за що! хиба жъ я не бачывъ, якъ тебе москаль цюлувавъ». — «Колы?» — «Якъ колы! Господа служба! господа служба! каэ мужикъ москалеви: бачъ, небито й спыть! оце лыхо, въ очи обдурюютъ!» — «Што за шумъ!» каэ москаль, продырючи очи — бачъ хоче показаты, що спавъ. «Якъ що за шумъ! А на що вы мою жинку цюлувалы?» — «Када?» — «Якъ колы! да заразъ». — «Што ты, ошалѣлъ, што ли? я къ начальству пойду, пожалюсь, што ты мнѣ покою не дасшь; на ученыи былъ, усталъ . . .» — «Да таки и пидить, господа служба! каэ жинка: пожалуйтесь на iого. Се iому видъ пьянства такъ вздрилося»[3]. — «Оце лыхо! каэ мужикъ: далебы[4] що самъ бачывъ». — «Да што ты одурѣлъ, што ли?» Мужикъ здвыгнувъ плечыма и дума: «А може мини й показалося». — «Какъ же ты видѣлъ?» пыта iого

---

[1]) Мужу.
[2]) Возится, убирается около печи.
[3]) Показалося.
[4]) Ей, поистинѣ

москаль. «Да у викно», каэ мужикъ. «А постой, я пойду погляжу».

Пишовъ москаль да и глядыть у те саме викно, у которе глядывъ и мужикъ, да и каже: «Вотъ и ты цалуешь!» — «Да ни, господа служба! далеби-то що ни», каэ мужикъ дывуючись. «Нѣтъ, братъ, цалуешь!» — «Оце оказія!» каэ мужикъ. А идить вы, служба, у хату, а я ще пиду подывлюсь». Москаль выйшовъ у хату да зновъ ставъ жинку цюлуваты, а мужикъ дывыця у викно да и каэ: «Цюлусте, господа служба, далеби що цюлуете!» — «Вотъ я тебѣ говорю, што это окно такъ показываетъ!» — «А и справди, се викно не певне[1], мороче воно насъ зъ вами! каэ мужикъ входючи у хату: треба забыты іого, служба! бачите, що вона зачаровано».

(y) Прышовъ москаль на квартеру да й каэ хозяйци: «Хазявка! нѣту ли чаво поѣсть?» — «Jo», каэ хозяйка. «Ну такъ давай!» Ото й постановыла Хивря передъ москалемъ повнисеньку макитру варенykивъ, — дума собы, що москаль повной не зъjисть. Почавъ москаль поратьця биля варенykивъ, упорався такъ, що тильки на допычку трошки зосталось. Баче москаль, що вже трохи варенykивъ въ макитри да й пыта Хиврю: «Хазявка! а какъ называетца евта ѣда?» Хивря дуже розсердылась на москаля за вареныки да зъ сердцемъ іому й каэ: «Жры мовчки!»[2] — «А славные жримочки! каэ москаль: нельзя ли ешо подложить евтихъ жримочковъ!»

(z) Прыjихавъ зъ кіевской бурсы сынъ зажиточнаго мужика Петра Дрючика, хлопья мале, да що то розумне да прерозумне, таке що забуло — якъ зъ намы и говорють и якъ зовеця плугъ, або потылыця, усе по

[1]) Обыкновенное.
[2]) Молча.

пысьменскому раздобарюе: потылыця, каэ, не потылыця, а затылокъ. Ото ходе винъ зъ батькомъ по двору и баче, що лежать грабли, винъ и пыта батька: «Тату, якъ воно зовеця?» да й наступывъ на зубци. Ще батько и не видвитывъ іому, якъ грабли вченого паныча вчистылы по мармызи такъ, що искры зъ очій посыпалысь. «Ай, бисови грабли!» заскыглывъ[1] панычъ, а батько й каэ: — «Такъ тоби й треба, сыну! вчись да розуму не провчи[2]; скоро ты забудешъ, якъ и мене зваты».

(аа) Јихавъ Омелько зъ губерныи до дому, а школяръ тожъ бигъ до дому. Баче школяръ, що на дорозп велыка калюжа[3], да й почавъ прохаты Омелька, щобъ винъ іого перевпзъ, а Омелько й каэ: «Ты, братику, вченый — перейдешъ, якъ захочешъ». — «Э, колы жъ такъ, каэ бурсакъ: то я жъ тоби зроблю штуку». Тильки що Омелько въјихавъ въ калюжу, а бурсакъ вбигъ за нымъ, да й спвъ верхи на коня да й выдризавъ гужи у хамути, и перејихавъ черезъ калюжу; а Омелько зоставсь у калюжи. Що тутъ робыты Омелькови? треба злазыты зъ воза да ловыты коня, що бурсакъ перејихавши бросывъ на тымъ боци[4], а самъ узявъ да й утикъ. Пріймавъ Омелько коня, запригъ якъ прышлось у самой калюжи, и прыјихавъ до дому. Входе у хату и баче, що бурсакъ сидыть на покутя въ іого хати. Омелько и ротъ розявывъ да й пыта жинку: «шо се? якъ се?» — «Да ночуваты попроспвся», каэ жинка. — «Гу! каэ Омелько: добре, спасыби, жинко! що пустыла. Отъ теперъ же жъ-то я зъ тобою, бисове дытя, розтурбуюсь»[5]. Що

[1]) Жалобно запищалъ.
[2]) Проучи.
[3]) Лужа.
[4]) На той сторонѣ.
[5]) Расправлюсь; турбовать — безпокоить кого, трогать.

тутъ робыты бурсакови? утикъ бы, да Омелько и хату защепнувъ и самъ ставъ биля дверей. Ото и каэ Омелько бурсакови: «А ходы лышинь сюда, вченый панычу!» Бурсакъ пидыйшовъ. «А шо се таке?» пыта Омелько и показуе на огонь. — «А що жъ, дядюшка, каэ бурсакъ: якъ не огонь!» — «Ни, брешишъ», каэ Омелько, да якъ згарбавъ[1] школяра за чупрыну да круте, круте, и приговорюе: «Брешишъ, се не огонь, а чистота!» Ажъ моторошно[2] стало бурсакови, да нычого робыты. А дали велывъ Омелько жинци прынесты кухлыкъ[3] воды, да зновъ пыта у бурсака: «Що воно је?» — «Вода», каэ бурсакъ. — «Ни, брешишъ, каэ Омелько: се не вода, а благодать!» да зновъ згарбавъ бурсака за чупрыну и ну крутыты, ажъ слёзы якъ горохъ сыплюця изъ очій у бурсака, а Омелько іого круте за чупрыну да прыговорюе: «Се не вода, а благодать!» — «Ну, а се що?» пыта зновъ Омелько у бурсака и показуе на стелю. — «Стеля, дядюшка!» каэ бурсакъ. — «А, бачъ, ты вченый, да не знаешъ, що се высота!» да зновъ почавъ за чуба крутыты; крутывъ, крутывъ, ажъ искры посыпалысь изъ очій у бурсака; сердека-бурсакъ ажъ упавъ! Тогди Омелько зказавъ: годи[4]

Писля сёго Омелько зъ жинкою повечералы, а бурсакови не далы, да-й леглы спаты. Лигъ и бурсакъ, да не спыця іому: почувъ, що мужикъ зъ жинкою захропылы, тыхесенько видсунувъ заслинку у печи, доставъ огню, и вышовъ зъ хаты да-й пидложывъ той огонь пидъ стриху; хата мужикова и загорилась, а бурсакъ видсунувъ виконечко да-й крычить мужикови: «Дядюшка, а дядюшка! встаньте да погляньте, що воно робыця?» —

---

[1]) Сграбилъ.
[2]) Жутко.
[3]) Кувшинъ.
[4]) Довольно.

«А що тамъ таке?» каэ Омелько. «Якъ що? хиба жъ вы не бачыте, що чистота побигла на высоту. А вы, дядюшка, мерщій берить благодать да йдить хату залывать!»

(bb) Шовъ москаль чи въ домовый отпускъ, чи що, а іого догоня конемъ Грыцько зъ нашого села — чоловикъ усимъ знакомый, той що у цвынтари[1] въ велыкій пистъ стоить зъ каламаромъ[2] да проскуры[3] подписуе, бо бувъ соби чоловикъ письменный. Іого звалы по батюшци Максымовычъ. Ото винъ догнавъ москаля, а москалю захотилося пидъjихаты, бо дуже утомывся сердека. Москаль и гукнувъ Грыцьку: «Здоровъ, хахолъ Максимовичъ!» Грыцько не розчухавъ[4], якъ іого москаль назвавъ по именью, а тильки почувъ що по батюшци такъ улучивъ[5]; опынывъ[6] коня, глядыть на москаля, потылыцю чеше и самъ сміеця. «Што, каэ москаль: аль не позналъ — што ли?» — «Ни», каэ Грыцько. — «Вотъ-те на! Нешто забылъ, какъ мы стояли въ вашей деревнѣ?» — «Да чы не Иванъ вы, господа служба?» —Насилу вспомнилъ, Максимычъ! а братъ твой, али сватъ, какъ бишь ево — тотъ, што водочку тово . . .» — «Се Иванъ, да винъ мини дядько доводыця; нема вже іого, господа служба!» — «Да гдѣ же онъ?» — «Вмеръ». — «Ой ли! а славной былъ мужикъ, царство небесное!» Москаль взявъ да-й перехрыстывсь. «Да вы, бачу, усихъ нашыхъ знасте; сидайте лышинь на визъ, я васъ пидвезу». Москалю тильки того й хотилось. Сивъ москаль на визъ да якъ переговорывъ усе, що було, а мовчки сп-

---

[1]) Въ церковной оградѣ.
[2]) Съ чернилицею
[3]) Просвиры.
[4]) Не разслышалъ.
[5]) Попалъ.
[6]) Остановилъ.

диты не хотилося, и каэ Грыцькови: «Максимычъ! давай, братъ, рнемы говорить». — «Якъ се то рыхмы?» — «Да такъ, штобъ было до ладу». — «А що жъ, давай».— «Вотъ, напримѣръ, какъ твоего дѣда звали?» — «Кузьмою». — «Я твоего Кузьму за бороду возьму». — «Нн, се не звычайно[1]; мій дидъ бувъ чоловикъ всимы поважаемый, за що іого за бороду браты?» — «Эхъ, братъ, не знаешь ты дѣла! ну, какъ твоего дядьку звали?» — «Хиба жъ ты не знаешь, що Иванъ!» — «Твой дядько Иванъ большой болванъ». — «Бачъ, бисова служба, щей лаеця! А якъ же тебе зовуть?» — «Леонтій». — «Э колы Леонтій, то злизай зъ воза». — «Да евто не рнема». — «Да що, хоть не рыхма, а ты геть пишовъ зъ воза!»

(cc) Ходывъ якійсь панъ по охоти зъ легавою собакою, зовсимъ якъ треба, а мужикъ ще до схидъ сонця вставъ да може дѣ яку й десятыну зоравъ и снвъ соби снидати хлибъ да сало. Ото панъ и пидходе до нёго и пыта: «А що се ты робышъ, чоловиче?» — «Снидаю, пане!» — «Снидаешъ?» — «Эге!» — «А що жъ ты снидаешъ?» — «Що снидаю? хлибъ да сало». — «Сало! да и собака моя не буде јисты сала, хоть брось јий». Мужикъ и выдризавъ шматочикъ сала и кинувъ собаци да-й дывыця, що то въ того буде, а панъ щось не наше зказавъ собаци. Собака й дывыця на сало, а јисты боиця. Мужикъ поглядуе то на папа, то на собаку, а дали зкинувъ кучму, почухавъ[2] потылыцю и каэ: «Отъ теперъ же жъ-то я, пане, догадавсь, видъ чого вона не јисть сала; бачу, що и вона едыной зъ вамы породы».

(dd) Прыјихавъ якійсь панъ у свое село; винъ дѣсь въ другимъ мисци живъ довго-довго, такъ що мужики не

[1]) Звычайный — обыкновенный, вѣжливый. [2]) Почесалъ.

зналы, що тамъ за панъ у ихъ. Ото и прыjихавъ да заразъ вылизъ зъ кареты и пишовъ до горници, а iого собака, чи вона мыдяляньска, чи або яка, съ довгимы ушима, зосталась у карети. Ото една жинка и каэ свому чоловикови: «Чоловиче! пиду лышинь я побачу, що тамъ за панъ такiй!» — «Иды», каэ чоловикъ. Ото-й пишла жинка на паньскiй дворъ и баче, що стоить карета. Вона заразъ до ней и дывыця; подывылась и пишла соби до дому. Ото-й пыта jии чоловикъ: «А щи, жинко, чи бачыла пана?» — «А якъ же!» — «А якiй же винъ?» — «Да якiй! зовсимъ якъ нашъ барбосъ, тильки уши довши»[1].

(ee) Побачывъ Пудъ у паныи маленьку собачку на рукахъ, да хорошу, да мохнату-премохнату, да-й каэ самъ соби: «Шо то за бисови глачане, чого воны не зроблять!»

(ff) «Шо то за скусны[2] нимци! казавъ Нестуръ: бачъ, обизяну выдумалы!»

Разсказы подъ буквами a—ff собраны учителемъ Грайворонскаго уѣзднаго училища, въ Курской губ., г. Островскимъ.

(gg) «Чи ѣу ты баранки съ молокомъ?» — «Ни, не ѣу! а ты чи ѣу?» — «Нjѣтъ, и я не ѣу; а батька видѣу, якъ панъ ѣу у карчмы, кажиць — дуже смачны!»

Записано въ Бѣлоруссiи.

(hh) Старуха-мать ругала мальчишку, чтобъ онъ не ходилъ на рѣку купаться: «Ну, курвинъ сынъ! смотри, коли утонешь, такъ и домой не ходи!»

(ii) Разъ зимою ѣхали по Волгѣ-рѣкѣ извозчики. Одна лошадь заортачилась и бросилась съ дороги въ сторону;

[1]) Длиннѣе.
[2]) Искусны.

извозчикъ тотчасъ погнался за нею, и только хотѣлъ ударить кнутомъ — какъ она попала въ майну[1] и пошла подъ лёдъ со всѣмъ возомъ. «Ну, моли Бога, что ушла! закричалъ мужикъ: а то я бы нахлесталъ тебѣ бока-то!»

(kk) Поѣхалъ молодой мужикъ на промыслы, а жена пошла его провожать; прошла съ вёрсту и заплакала. «Не плачь, жена, я скоро пріѣду». — «Да развѣ я о томъ плачу? у меня ноги озябли!»

(ll) Запримѣтилъ солдатъ, что у хохла въ сѣняхъ висѣло подъ конькомъ пуда два свинаго сала въ мѣшкѣ; прорылъ ночью крышу, сталъ отвязывать мѣшокъ, да какъ-то осклизнулся и упалъ вмѣстѣ съ саломъ въ сѣни. Хозяинъ услыхалъ шумъ и вышелъ съ огнемъ: «Чого тоби треба?» — «Не надо ли тебѣ сала?» спрашиваетъ солдатъ. — «Ни, у мене свого богацько!» — «Ну, такъ потрудись, навали мнѣ мѣшокъ на спину». Хохолъ навалилъ ему мѣшокъ на спину и солдатъ ушелъ.

(mm) Разъ вошелъ хохолъ въ церковь въ шапкѣ и сталъ впереди всѣхъ; другой увидалъ и толкнулъ: «Что ты шапки не скидаёшь?» Тотъ оглянулся: «А шо, хиба староста здись?»

(nn) Въ одной слободѣ напроказилъ что-то дьячокъ. Собралась громада[2] и послала за нимъ десятскаго. «Панъ дьячокъ! иды въ громаду, сказалъ десятской: щось на тебе громада рыпить!»[3] — «Сейчасъ приду», отвѣчалъ дьячокъ, захватилъ съ собой кувшинъ съ дёгтемъ да квачъ[4] и пошелъ въ громаду. «Кто тутъ на меня

---

[1]) Полынью.
[2]) Мірская сходка.
[3]) Рыпѣть — о людяхъ: ворчать, гнѣваться; о немазанныхъ колесахъ: скрипѣть.
[4]) Помазокъ.

рыпитъ?» спрашиваетъ дьячокъ. — «Та хоть бы и мы!» крикнулъ старшина. Дьячокъ мазнулъ его дёгтемъ по губамъ — онъ замолчалъ. «Еще кто!» Всѣ и замолчали.

(oo) Прибили одного дурня ночью, и стали ему на другой день смѣяться. «Ну, говоритъ онъ: молите Бога, что ночь была свѣтлая; а то я выкинулъ бы вамъ штуку!» — «Какую? скажи, пожалуй». — «Я бы спрятался!»

(pp) Трое прохожихъ пообѣдали на постояломъ дворѣ и отправились въ путь. «А что, ребята! вить мы, кажется, дорого за обѣдъ заплатили?» — «Ну, я хоть и дорого заплатилъ, сказалъ одинъ: за то не даромъ!» — «А что?» — «А развѣ вы не примѣтили? только хозяинъ засмотрится, я сейчасъ схвачу изъ солоницы горсть соли, да въ ротъ! да въ ротъ!»

(qq) Какой-то мужикъ купилъ полуштофъ вина, выпилъ заразъ — ничего; купилъ еще косушку — все не пьянъ; выпилъ еще шкаликъ — и опьянѣлъ. И началъ тужить: «Зачѣмъ покупалъ я полуштофъ да косушку? лучше бъ прямо купилъ шкаликъ — съ него бъ меня и такъ разобрало!»

(rr) Овдовѣлъ мужикъ; пришлось самому хлѣбы ставить. Вотъ онъ замѣсилъ въ дежѣ[1] тѣсто, и вышелъ куда-то. Въ сумеркахъ воротился, хотѣлъ было вздуть огонь, какъ услышалъ, что кто-то пыхтитъ; а это хлѣбы кисли. «Недавно, думаетъ себѣ: ушелъ, а кто-то ужъ забрался въ избу!» — и впотьмахъ наступилъ на кочергу. Она ударила его въ лобъ, онъ закричалъ: «Сдѣлай милость, не дерись! вить я тебѣ ничего не сдѣлалъ» — а самъ ну пятиться вонъ изъ избы. На бѣду нога разулась, и мужикъ при выходѣ прихлопнулъ оборку[2]

[1]) Квашнѣ. [2]) Веревку отъ лаптя.

дверью и упалъ. «Батюшка, отпусти! не держи меня, право слово — ничего тебѣ не сдѣлаю!»

(ss) Мужикъ позвалъ сосѣда на обѣдъ, и постарчлъ на столъ щи съ говядиною. Гость захватилъ себѣ весь кусокъ говядины и говоритъ: «Ну, братъ, что зацѣпилъ — то и Богъ далъ!» А хозяинъ похлебалъ, похлебалъ щей, да потомъ ухватилъ гостя за волосы и давай таскать: «Ну, братъ, что запѣпилъ — то и Богъ далъ!»

(tt) Богатой купецъ часто зазывалъ къ себѣ всякихъ людей, поилъ, кормилъ, угощалъ; только коли кто скажетъ ему противное — того непремѣнно поколотитъ. Разъ зазвалъ онъ къ себѣ ямщика. Тотъ отпрёгъ лошадей, вошелъ въ хоромы, и послѣ долгаго угощенья сказалъ: «Довольно, хозяинъ! мнѣ пора ѣхать». Купецъ давай его бить, такъ что ямщикъ едва вырвался, и сталъ запрягать лошадей. Купецъ за нимъ. Ямщикъ нарочно началъ дугу вкладывать кольцомъ назадъ. Купецъ закричалъ: «Не такъ вкладываешь!» А ямщикъ давай его бить да приговаривать: «Не твое дѣло указывать! не твое дѣло указывать!»

Разсказы подъ буквами hh—tt записаны въ Астраханской губ., въ Черноярскомъ у., г. Волконидиновымъ.

(uu) Одинъ мужичокъ охотникъ былъ драться; зазвалъ къ себѣ въ гости мужика, велѣлъ хозяйкѣ собрать на столъ, велитъ гостю садиться за столъ. Тотъ отговаривается: «Что ты, Демьянъ Ильичъ, безпокоишся напрасно?» Демьянъ Ильичъ ему плюху[1] да и по шишкѣ, и говоритъ: «Въ чужомъ домѣ хозяина слушай!» Тому нечево дѣлать, сѣлъ за столъ, потчуётъ ево; онъ ѣсъ. Хозяинъ началъ рушать хлѣба много. Мужикъ и го-

[1]) Затрещину.

воритъ: «Куда ты, Демьянъ Ильичъ, столько хлѣба нарушивашъ?» Демьянъ Ильичъ и другу ему чику[1]: «не указывай, говоритъ, въ чужомъ домѣ! дѣлай то, чево хозяинъ велитъ». Мужикъ не радъ сталъ: ежели потчуётъ — не ѣсъ, не слушатъ Демьяна. Тотъ ево бьётъ да приговариватъ: «Въ чужомъ дому хозяина слушай!»

На эту пору неоткуда возмись — другой дѣтина, только не въ взрачной лопотинѣ[2], а парень бойкой, безъ спросу отворятъ ворота, заѣзжатъ въ ограду; а Демьянъ вышёлъ на крыльцо, кланятся: «Милости просимъ, милости просимъ!» — охота и этова побить! Дѣтина — неробкой, сниматъ шапку и говоритъ: «Извини, Демьянъ Ильичъ, я не спросился — заѣхалъ». — «Нечево, нечево! милости просимъ въ избу». Дѣтина вошёлъ. Хозяинъ и ево садитъ за столъ, женѣ велитъ ставить ѣствовъ, нести хлѣба, такъ и потчуётъ! А дѣтина ѣсть да ѣсъ, не перечитъ. Демьянъ сколько ни бился — дѣтина ни въ чёмъ не перечитъ: не удалось ему ударить. Онъ и пошолъ на продѣлки, вынёсъ хорошо-само лучшо платье, говоритъ дѣтинѣ: «Скидай то, надѣвай вотъ это!» Думаетъ самъ: ужò де отпираться станётъ, я ево выколочю. Дѣтина не прекословитъ, надѣватъ. Демьянъ то-другого подсунётъ; дѣтина все не споритъ. Вывёлъ хорошу лошадь, обсѣдлалъ въ лучшо сѣдло, надѣлъ добру узду, и говоритъ дѣтинѣ: «Садись на мою лошадь; твоя-то худая» — ужò да не станётъ ли перечить? Дѣтина сѣлъ. Демьянъ велитъ ѣхать; тотъ молчитъ, понужнулъ[3] лошадь, выѣхалъ изъ ограды, и говоритъ: «Прощай, Демьянъ! ни чортъ пехалъ, самъ по палъ!» И уѣхалъ — поминай какъ звали: только и было! Демьянъ посмотрѣлъ вслѣдъ, хлопнулъ руками

[1]) Чикать — бить, ударять.
[2]) Лопотина — мужская и женская одежда.
[3]) Понукать, нудить.

да и сказалъ: «Ну, видно нашла коса на камень! Дуракъ жо я — хотѣлъ побить, да лошадь и пробилъ!» Можетъ лошадь-та со збрусей-та сотъ полуторыхъ стопла.

Записана въ Пермской губ., въ Шадринскомъ округѣ, государственнымъ крестьяниномъ Александромъ Зыряновымъ.

(ww) Жилъ-былъ баринъ; вышелъ однажды на базаръ и купилъ себѣ канарейку за пятьдесятъ рублей. Случилось быть при этомъ мужику; пришелъ мужикъ домой и говоритъ своей бабѣ: «Знаешь ли что, жена?» — «А что?» — «Ходилъ я сегодня на базаръ; тамъ былъ и баринъ, и купилъ онъ себѣ малую пташку — пятьдесятъ рублей заплатилъ. Дай-ка я понесу къ нему своего гусака: не купитъ ли?» — «Понеси!» Вотъ мужикъ взялъ гусака и понёсъ къ барину. Приноситъ: «Купи, баринъ, гусака». — «А что стоитъ?» спросилъ баринъ. «Сто рублей». — «Ахъ, ты, болванъ!» — «Да коли ты за малую пташку не пожалѣлъ пятидесяти, такъ за эту и сотня — дешево!» Баринъ разсердился, прибилъ мужика и отобралъ у него гуся даромъ. «Ну, ладно, сказалъ мужикъ: попомнишь ты этого гусака!» Воротился домой, снарядился плотникомъ, взялъ пилу и топоръ, и опять пошелъ; идетъ мимо барскаго дома и кричитъ: «Кому тёплы сѣни работать?» Баринъ услыхалъ, зоветъ его къ себѣ: «Да сумѣешь ли ты сдѣлать?» — «Отчего не сдѣлать; вотъ тутъ неподалечку растетъ тёплой лѣсъ: коли изъ того лѣсу да выстроить сѣни, то и зимой топить не надо. — «Ахъ, братецъ! сказалъ баринъ: покажи мнѣ этотъ лѣсъ поскорѣе». — «Изволь, покажу». Поѣхали они вдвоемъ въ лѣсъ. Въ лѣсу мужикъ срубилъ огромную сосну и сталъ ее пластать на двѣ половины; раскололъ дерево съ одного конца и ну клинъ вбивать, а баринъ смотрѣлъ-смотрѣлъ да спроста и положилъ руку въ щель. Только онъ это сдѣлалъ, какъ мужикъ вы-

тащилъ клинъ назадъ и накрѣпко защемилъ ему руку. Потомъ взялъ ременную плётку и началъ его дуть да приговаривать: «Не бей мужика, не бери гусака! не бей мужика, не бери гусака!» Ужъ онъ его дулъ-дулъ! вволю натѣшился и сказалъ: «Ну, баринъ! билъ я тебя разъ, прибью и въ другой, коли не отдашь гусака да сотню рублей на придачу». Сказалъ и ушелъ, а баринъ такъ и пробылъ до вечера; дома-то поздно хватились его, да пока нашли да изъ тисковъ высвободили — времени и многонько ушло! Вотъ баринъ захворалъ, лежитъ на постели да охаетъ; а мужикъ нарвалъ травъ, цвѣтовъ, обтыкался ими кругомъ, обрядился дохтуромъ и опять идетъ мимо барскаго двора и кричитъ: «Кого полѣчить!» Баринъ услыхалъ, зоветъ его: «Ты что за человѣкъ?» — «Я дохтуръ: всякую болѣзнь снимаю». — «Ахъ, братецъ! пожалуста вылѣчи меня». — «Отчего не вылѣчить? прикажи истопить баню». Тотчасъ вытопили баню. «Ну, говоритъ мужикъ барину: пойдемъ лѣчиться; только никого не бери съ собой въ баню, бойся дурного глаза!» Пошли они вдвоемъ въ баню; баринъ раздѣлся. «А что, сударь! спрашиваетъ дохтуръ: стерпишь ли, коли въ эдакомъ жару начну тебя мазью пачкать?» — «Нѣтъ, не стерпѣть мнѣ!» говоритъ баринъ. «Какъ же быть? не велишь связать тебя?» — «Пожалуй, свяжи». Мужикъ связалъ его бечевою, взялъ нагайку и давай валять на обѣ корки. Ужъ онъ валялъ-валялъ, а самъ приговарилъ: «Не бей мужика, не бери гусака! не бей мужика, не бери гусака!» Послѣ, уходя, сказалъ: «Ну, баринъ, билъ я тебя два раза; прибью и въ третій, коли не отдашь гусака да двухъ сотенъ рублей на придачу». Баринъ еле живъ изъ бани вылѣзъ, не захотѣлъ ожидать третьяго раза, и отослалъ мужику и гусака, и двѣсти рублей.

Записана въ Новгородской губ.

(xx) Жилъ-былъ купецъ; у него былъ сынъ. Вотъ однажды посылаетъ онъ сына въ нижніе города товары закупать, и на прощаньи наказываетъ: «Смотри же, сынокъ! будь умёнъ да разсудливъ, съ рыжимъ да съ краснымъ не связывайся». Поѣхалъ купеческой сынъ въ путь-дорогу. День-то былъ морозный; вотъ онъ прозябъ и заѣхалъ въ кабакъ обогрѣться; входитъ — за стойкою сидитъ рыжій цѣловальникъ. «Налей-ка мнѣ, говоритъ ему купеческой сынъ: стаканъ доброй наливки». Выпилъ стаканъ наливки, и больно пришлась она ему по вкусу: «Вотъ наливка, такъ наливка! ста рублёвъ стоитъ! Налей-ка еще». Выпилъ въ другой разъ — еще лучше показалась: «Ну, братъ, этотъ стаканъ двухъ сотъ стоитъ!» А цѣловальникъ себѣ на умѣ: какую цѣну сказывалъ купеческой сынъ, ту и на стѣнку записывалъ. Пришло дѣло до расчета. «Сколько тебѣ?» спрашиваетъ купеческой сынъ. «Триста рублёвъ». — «Что ты, белены объѣлся? экую цѣну заломилъ!» — «Не я заломилъ, ты же самъ назначилъ; да теперь назадъ пятишься. Только, братъ, отъ меня не отвертишься; коли не заплатишь — съ двора не спущу!» Нечего дѣлать, заплатилъ купеческой сынъ триста рублёвъ, поѣхалъ дальше и думаетъ самъ съ собою: «Вотъ она правда-то! водись послѣ того съ рыжими да съ красными! не даромъ отецъ наказывалъ; родительское слово — пустяшное не бываетъ». На ту самую пору попадается навстрѣчу рыжій мужикъ съ возомъ. Какъ увидалъ его купеческой сынъ, тотчасъ выскочилъ изъ кибитки и сунулся ничкомъ въ снѣгъ, ажно дрожитъ съ испугу! «Что съ нимъ сталося? не попритчилось ли?» подумалъ встрѣчной мужикъ, подошелъ къ купеческому сыну, и сталъ подымать его на ноги: «Вставай, братъ!» — «Отвяжись отъ меня! ужъ одинъ рыжій надулъ меня, и ты надуешь». — «Полно, братъ! рыжій да красной всякой бываетъ:

бываетъ плутъ, бываетъ и доброй человѣкъ. Да кто тебя обманулъ-то?» —«Такъ и такъ, рыжій цѣловальникъ изъ сосѣдняго села». — «Воротись со мной; я съ нимъ сдѣлаюсь». Вотъ пріѣхали они въ кабакъ; мужикъ тотчасъ окинулъ глазомъ всю избу, увидалъ: подъ матицей баранья лопатка виситъ, подошелъ къ цѣловальнику, спросилъ рюмку водки, да тутъ же бьетъ его по плечу и говоритъ: «Продай-ка мнѣ эту лопаточку!» — «Купи». — «Что возьмешь?» — «Рубль серебра». Мужикъ вынулъ цѣлковой; послѣ вынулъ изъ-за пазухи шпрокой ножъ, и даетъ купеческому сыну въ руки: «На, братъ! вырѣжь у него лопатку — мнѣ на закуску». — «Что ты! говоритъ цѣловальникъ: я тебѣ баранью лопатку продалъ, а не эту». — «Разсказывай! меня, братъ, не проведешь, какъ этого купеческаго сына; не на таковскаго напалъ!» Цѣловальникъ проситъ да молитъ, чуть не въ ноги кланяется. «Ну, такъ и быть! сказалъ мужикъ: отпущу тебя, коли воротишь купеческому сыну всѣ деньги сполна». Цѣловальникъ отдалъ назадъ триста рублёвъ; а мужикъ того и добивался. «Вотъ видишь, говоритъ купеческому сыну: рыжій да красной всякой бываетъ: бываетъ и плутъ, бываетъ и доброй человѣкъ. Поѣзжай теперь съ Богомъ!» А купеческой сынъ только и думаетъ, какъ бы скорѣе убраться; сѣлъ въ кибитку, погоняетъ лошадей, и говоритъ самъ съ собой объ мужикѣ: «Слава Богу, вырвался! цѣловальникъ рыжій плутоватъ, а этотъ еще плутоватѣй: коли бъ съ нимъ связался, кажись, онъ съ меня съ живого бы кожу снялъ!»

Записана въ Оренбургской губ.

(уу) Жилъ-былъ бѣдной мужикъ; дѣтей много, а добра — всего одинъ гусь. Долго берегъ онъ этого гуся, да голодъ не тетка! до того дошло, что ѣсть нечего; вотъ

мужикъ и зарѣзалъ гуся; зарѣзалъ, зажарилъ и на столъ поставилъ. Все бы хорошо, да хлѣба нѣтъ, а соли не бывало. Говоритъ хозяинъ своей женѣ: «Какъ станемъ мы ѣсть безъ хлѣба, безъ соли? Лучше я отнесу гуся-то къ барину на поклонъ, да попрошу у него хлѣба». — «Ну, что жъ? съ Богомъ!» Приходитъ къ барину: «Принёсъ вашей милости гуська на поклонъ; чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Не побрезгуй, родимый». — «Спасибо, мужичокъ, спасибо! раздѣли же ты гуся промежъ насъ безъ обиды». А у того барина была жена, да два сына, да двѣ дочери — всего было шестеро. Подали мужику ножъ; сталъ онъ кроить, гуся дѣлить. Отрѣзалъ голову и даетъ барину: «Ты, говоритъ, всему дому голова, такъ тебѣ голова и слѣдуетъ». Отрѣзалъ гузку, деатъ барынѣ: «Тебѣ дома сидѣть, за домомъ смотрѣть; вотъ тебѣ гузка!» Отрѣзалъ ноги, даетъ сыновьямъ: «А вамъ по нужкѣ, топтать отцовскія дорожки!» Дочерямъ далъ по крылышку: «Вамъ съ отцомъ, съ матерью недолго жить: вырастете — прочь улетите. А я, говоритъ, мужикъ глупъ, мнѣ глодать хлупъ!»[1] Такъ всего гуся и выгадалъ себѣ. Баринъ засмѣялся, напоилъ мужика виномъ, наградилъ хлѣбомъ и отпустилъ домой. Услыхалъ про то богатой мужикъ, позавидовалъ бѣдному, взялъ — зажарилъ цѣлыхъ пять гусей и понесъ къ барину. «Что тебѣ, мужичокъ?» спрашиваетъ баринъ. «Да вотъ принесъ вашей милости на поклонъ пять гуськовъ». — «Спасибо, братецъ! ну-ка раздѣли промежъ насъ безъ обиды». Мужикъ и такъ, и сякъ; нѣтъ, не раздѣлишь поровну! стопъ да въ затылкѣ почесываетъ. Послалъ баринъ за бѣднымъ мужикомъ, велѣлъ ему дѣлить. Тотъ взялъ одного гуся, отдалъ барину съ барыней, и говоритъ: «Вы теперь, сударь, самъ-третей!» Отдалъ другого гуся двумъ сыновьямъ, а третьяго —

[1]) Птичье туловище.

двумъ дочерямъ: «И вы теперь самъ-третей!» Остальную пару гусей взялъ себѣ: «Вотъ и я самъ-третей!» Барынъ говоритъ: «Вотъ молодецъ, такъ молодецъ! сумѣлъ всѣмъ поровну раздѣлить, и себя не забылъ». Тутъ наградилъ онъ бѣднаго мужика своею казною, а богатаго выгналъ вонъ.

(zz) Повёзъ бѣдной мужичокъ дрова продавать. Встрѣчаетъ его богатой да чванной. «Эй, постой! что на базаръ везешь?» — «Солому». — «Врёшь, дуракъ! какая солома — это дрова!» — «Ну, коли самъ видишь, такъ нѣча и спрашивать; у тебя глаза не вылѣзли!» сказалъ бѣдной и поѣхалъ своей дорогой. На другой день идетъ богатой да чванной по улицѣ съ пріятелемъ. Такъ и такъ, разсказываетъ ему: разобидѣлъ меня бѣдной мужичишка!» А бѣдной какъ тутъ — ѣдетъ опять навстрѣчу. «Вотъ онъ — вчерашній мужикъ-то!» говоритъ богатой. «Нѣтъ, врёшь! отвѣчаетъ ему бѣдной: я не вчерашній: скоро сорокъ лѣтъ стукнетъ, какъ живу на бѣломъ свѣтѣ».

(aaa) Шли просёлкомъ нищіе — старикъ да старуха; стали подходить къ деревнѣ. Старикъ говоритъ: «Я здѣсь молока попрошу!» Старуха въ отвѣтъ: «А я въ молоко хлѣба покрошу!» Старикъ ухватилъ старуху и давай бить да приговаривать: «Не кроши въ молоко хлѣба, не то прокиснетъ! Не кроши въ молоко хлѣба, не то прокиснетъ!» Пришли въ деревню, а молока никто не́ далъ.

(bbb) Повезла баба въ городъ кринку масла продавать; время-то шло къ масляной. Нагоняютъ ее два солдата; одинъ позади остался, а другой впередъ забѣжалъ и проситъ бабу: «Эй, тетка! подпоясшь меня пожалуста». Баба слѣзла съ воза и принялась подпоясы-

вать. «Да покрѣпче подтяни!» Баба подтянула покрѣпче. «Нѣтъ, это туго; послабь маленько». Отпустила послабже. «Ужъ это больно слабо будетъ; закрѣпи потуже». Пока завязывала баба поясъ то крѣпче, то слабже, другой солдатъ успѣлъ утащить кринку съ масломъ и убрался себѣ по добру, по здорову. «Ну, спасибо тебѣ, тетка! подпоясала ты меня на всю масляницу», говоритъ солдатъ. «На здоровье, служба!» Пріѣхала баба въ городъ, хвать — а масла какъ не бывало!

(ссс) Пришелъ солдатъ съ походу на квартиру, и говоритъ хозяйкѣ: «Здравствуй, Божья старушка! дай-ка мнѣ чего-нибудь поѣсть». А старуха въ отвѣтъ: «Вотъ тамъ на гвоздикѣ повѣсь». — «Аль ты совсѣмъ глуха, что не чуешь?» — «Гдѣ хошь, тамъ и заночуешь». — «Ахъ ты, старая вѣдьма! я тѣ глухоту-то вылѣчу» — и полѣзъ было съ кулаками: «Подавай на столъ!» — «Да нечего, родимой!» — «Вари кашицу!» — «Да нѣ изъ чего, родимой!» — «Давай топоръ; я изъ топора сварю».— «Что за диво! думаетъ баба: дай посмотрю, какъ изъ топора солдатъ кашицу сваритъ». Принесла ему топоръ; солдатъ взялъ, положилъ его въ горшокъ, налилъ воды и давай варить. Варилъ-варилъ, попробовалъ, и говоритъ: «Всѣмъ бы кашица взяла, только бъ малую толику крупъ подсыпать!» Баба принесла ему крупъ. Опять варилъ-варилъ, попробовалъ, и говоритъ: «Совсѣмъ бы готово, только бъ масломъ сдобрить!» Баба принесла ему масла. Солдатъ сварилъ кашицу: «Ну, старуха, теперь подавай хлѣба да соли, да принимайся за ложку: станемъ кашицу ѣсть». Похлебали вдвоемъ кашицу. Старуха спрашиваетъ: «Служивой! когда жъ топоръ будемъ ѣсть?» — «Да вишь, онъ еще не уварился, отвѣчалъ солдатъ: гдѣ-нибудь на дорогѣ доварю, да позавтракаю». Тотчасъ припряталъ топоръ въ ранецъ.

распростился съ хозяйкою и пошелъ въ иную деревню. Вотъ такъ-то солдатъ и кашицы поѣлъ и топоръ унёсъ!

(ddd) Купилъ мужикъ гуся къ празднику и повѣсилъ въ сѣняхъ. Провѣдали про то двое солдатъ; одинъ взобрался на крышу гуся добывать, а другой вошелъ въ избу. «Здорово, хозяинъ!» — «Здорово, служба!» — «Благослови коледовать!»—«Коледуй, доброй человѣкъ!» Солдатъ началъ:

«А въ лѣсѣ, въ лѣсѣ
Солдатъ на стрѣси[1];
Стрѣху продралъ,
Гуся забралъ.
Святой вечеръ!»

А хозяину и невдогадъ, что солдатъ прямо въ глаза ему смѣется. «Спасибо тебѣ, служивой! я, говоритъ, такой коледы отроду не слыхивалъ». — «Ничего, хозяинъ! завтра самъ ее увидишь». На утро полѣзла хозяйка за гусемъ, а гусемъ и не пахнетъ давно!

(eee) Дѣло было весною. Вынесли бабы холсты бѣлить: «Ну, говорятъ, теперь надо смотрѣть да смотрѣть, какъ бы кто холстовъ не стибрилъ! »-- «У меня все будетъ цѣло! стала похваляться одна старушка: кто къ моимъ холстамъ только руку протянетъ, тотъ съ мѣста не встанетъ!» Похвальныя рѣчи завсегда гнилы; старуха-то выдавала себя за колдунью, а какая колдунья! бывало у людей кровь заговариваетъ, а у себя и соплей утереть не сможетъ. Вотъ разостлала она по полю холсты и усѣлась сторожить. Проходили мимо двое солдатъ и вздумали поживиться чужимъ добромъ. «Слушай, товарищъ! говоритъ одинъ: ты залѣзь въ кусты, да смотри не зѣвай! а я подойду, стану съ бабой лясы точить». Сказано — сдѣлано. Подошелъ солдатъ къ старухѣ: «Здравствуй, баушка!» — «Здорово, батюшка!

[1]) Стрѣха — крыша, кровля.

куда тебя Господь несетъ?» — «Иду къ начальству за тѣмъ, за семъ, больше ни зачѣмъ». — «И-и, родимой! служба-то ваша куды мудрена!» — «А я, баушка, къ тебѣ съ запросомъ; вижу: ты — человѣкъ бывалой! разрѣши-ка нашъ солдатской споръ. Товарищи мои говорятъ, что въ нашей сторонѣ совсѣмъ не такъ звонятъ, какъ у васъ; а я говорю, что все равно». — «Вѣстимо, все равно; небось, и у васъ колокола-то мѣдные!» — «То-то! прозвони-ка, баушка, по-вашему». — «По-нашему: тинь-тинь-тинь! донъ-донъ! тинь-тинь-тинь! донъ-донъ!» — «Немного разницы! у насъ, баушка, звонятъ порѣже». Тутъ солдатъ махнулъ своему товарищу рукою и зазвонилъ: «Тинн-тинн, потягивай, тинн-тинн, потягивай!» Старуха и ротъ разинула; пока она слушала, другой солдатъ стянулъ холстъ — и былъ таковъ! «Ну, служивой! говоритъ старуха, а сама такъ и заливается сѣ смѣху: звоны-то ваши куда чудны! дѣсыта насмѣешься!» — «А вотъ ужѣ—такъ дѣсыта наплачешься! Прощай, баушка!» — «Съ Богомъ, родимой!» Вечеромъ стали бабы холсты считать; у старухи нѣтъ одного. Заплакала она горькими слезами, и наплакалась дѣсыта: правду сказалъ солдатъ!

(fff) Пошелъ солдатъ въ отпускъ: шелъ-шелъ, много верстъ ногами измѣрилъ, и добрался къ вечеру до одной деревушки. Время было осеннее: то дождемъ поливало, а тутъ изморозь пошла. Солдатъ крѣпко измочился и весь иззябъ; остановился у одной избы, постучался въ окно, и просится ночевать. «Кто тамъ?» спрашиваетъ хозяинъ. — «Солдатъ». — «Откуда тебя черти принесли! ступай туда, откуда пришелъ». Постучался солдатъ у другой и у третьей избы, всю деревню обошелъ — нигдѣ не пускаютъ; приходится на улицѣ мерзнуть! Увидалъ онъ — на другомъ краю стоитъ еще избушка, пошелъ

туда и говоритъ: «Эй, хозяинъ! пусти на̀ ночь кости обогрѣть». — «Пожалуй, пущу, только съ тѣмъ уговоромъ, чтобы ты во всю ночь сказывалъ намъ сказки». — «Хорошо, говоритъ солдатъ: я стану сказывать, только чтобъ никто мнѣ не поперечилъ; а коли кто хоть единое слово промолвитъ, такъ ужъ не погнѣвись — тому и сказки разсказывать до бѣлаго дня». — «Ладно, ладно, служивой!» Вотъ поужинали и улеглись на̀ ночь: хозяинъ съ солдатомъ на лавкахъ, хозяйка на печкѣ, работникъ подъ печкою. «Ну, сказалъ солдатъ: теперь слушайте, начинается моя сказка; какъ у васъ, хозяинъ, на деревнѣ мужики всѣ живутъ дураки! какъ у васъ на деревнѣ мужики всѣ живутъ дураки!» И пошелъ твердить одно и то же, разовъ сто ужъ повторилъ! Мужикъ слушалъ, разобидѣлся и не вытерпѣлъ. «Послушай, служивой! вить ты и меня за одно ругаешь, а не я ль тебя въ ѝзбу пустилъ!» Солдатъ вскочилъ съ лавки, хлопъ хозяина по̀ уху: «Мое дѣло было сказывать, твое — слушать да молчать!» Приставъ къ нему вплотную; ничѣмъ не отвяжешься! «Полно, служивой! говоритъ хозяинъ: ложись съ Богомъ. Я самъ тебѣ стану сказывать». Солдатъ улегся, а мужикъ началъ: «Дуракъ будетъ тотъ, кто тебя, служивой, впередъ пуститъ къ себѣ ночевать; а я больше никогда не пущу! дуракъ будетъ тотъ, кто тебя, служивой, впередъ пуститъ къ себѣ ночевать; а я больше никогда не пущу!» Разовъ сто повторилъ онъ эти рѣчи; на ту пору проснулась на печи хозяйка, слышитъ, что въ ѝзбѣ все еще бормочутъ, и говоритъ: «Полно вамъ болтать! скоро свѣтъ, а вы все не спите». Мужикъ съ солдатомъ вскочили и пристали къ старухѣ: «Какъ ты смѣла перебить нашу сказку? теперь сама разсказывай!» Нечего дѣлать, начала старуха: «Какой, говоритъ, хозяинъ подлецъ, такого жъ подлеца и ночлежника пустилъ! Какой хозяинъ под-

лецъ, такого жъ подлеца и ночлежника пустилъ!» Твердила-твердила; вотъ услыхалъ работникъ и отозвался подъ печкою: «Будетъ вамъ толковать, изъ пустого въ порожнее переливать; добрые люди давно спятъ!» Тутъ всѣ трое: и солдатъ, и хозяинъ съ хозяйкою уцѣпились за работника: говори де намъ сказку! Работникъ началъ. «Какъ не спали мы съ вечера, такъ и не спать намъ и до̀ свѣту; скоро надо на работу идти! какъ не спали мы съ вечера, такъ не спать намъ и до̀ свѣту; скоро надо на работу идти!» И говорилъ онъ эти рѣчи до самаго свѣта. Поутру собрался солдатъ въ дорогу: «Проща̀й, хозяинъ!» — «Ну тѐ къ бѣсу!»

(ggg) Два солдата шли домой на побывку: шли-шли — дѣло-то было зимою — и набрели на мерзлаго человѣка. Одинъ говоритъ: «Вотъ бѣда!» Другой ему: «Что за бѣда? это Богъ кладъ дастъ!» Отрубилъ у мертваго ногу и положилъ ее въ ранецъ совсѣмъ съ сапогомъ. Пришли они въ большое село, сговорились промежду себя, и выпросились одинъ у богатаго мужика на̀ ночь, другой у его сосѣда. Тотъ, что ночевалъ у богатаго мужика, собрался рано-рано, только свѣтать начинало, подбросилъ на полати отрубленную ногу и ушелъ потихоньку. Погодя немного, приходитъ его товарищъ, стучится въ избу и кричитъ: «Вставай! солдату долго спать не приходится; пора въ походъ идти». — «Да его здѣсь нѣту, говоритъ хозяйка: видно спозаранку ушелъ». — «Вотъ тѐ на, что̀ выдумала! какъ же онъ про меня-то забылъ?» Тотчасъ вошелъ солдатъ въ избу, бросился на полати, искалъ-искалъ, и нашелъ отрубленную ногу; вытащилъ ее: «А это что?» говоритъ. Хозяинъ съ хозяйкою перепугались: «Батюшка! знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ; ни душою ни тѣломъ не виноваты». — «Врете вы, воры! Польстились на солдатскія деньги да и зарѣ-

зали: вотъ такъ-то вы нашего брата прохожаго обираете, да свои карманы набиваете, — съ того и богатѣете! Да что съ вами много разговаривать! пойду къ сотскому и заявлю; пускай это дѣло судъ разбираетъ». Мужикъ чуть не въ ноги кланяется солдату: «Служивой! батюшка! нельзя ли какъ помириться?» Принесъ ему штофъ водки, потчуетъ, а самъ все упрашиваетъ. Солдатъ какъ выпилъ, еще пуще зашумѣлъ. «Не погуби, родимой! проситъ мужикъ: хочешь полсотни взять?» — «Какъ бы не такъ! Съ убитаго ты, чай, цѣлую тысячу заграбилъ; давай пятьсотъ, въ убыткѣ не будешь! Коли дашь — все шито да крыто, а не дашь — на себя пеняй!» Нечего дѣлать, заплатилъ ему мужикъ пятьсотъ рублевъ. «Давай еще на придачу лошадь съ телѣгой». Мужикъ и на томъ не постоялъ. Вотъ солдатъ сѣлъ въ повозку и поѣхалъ въ путь-дорогу; нагналъ своего товарища, что̀ вперёдъ-то ушелъ, и говоритъ: «Здорово, землякъ! не подвезти ли?» — «Что, какъ дѣло?» — «Да вить я жъ тебѣ говорилъ, что Богъ кладъ даетъ!»

(hhh) Сидѣли старикъ съ старухою на печи. Старуха смотритъ въ окошечко на̀ поле и говоритъ: «Что, старикъ, кабы былъ у насъ сынокъ Иванушка да была дочка Алёнушка; вотъ бы сынокъ вспахалъ тутъ да посѣялъ хлѣба, хлѣбъ-то бы выросъ, а дочка сжала; нарастила бы я солоду, наварила бы пива, всю родню свою созвала бы, а твоихъ не позвала бъ!» — «Нѣтъ, моихъ позови, а своихъ не надо!» говоритъ старикъ. «Нѣтъ, своихъ позову, а твоихъ не надо!» Старикъ вскочилъ, и ну таскать старуху за̀ косу; таскалъ-таскалъ и съ печѝ столкнулъ.

Старикъ поѣхалъ въ лѣсъ за дровами, а старуха бѣжать собралась; напекла пироговъ да хлѣбовъ, уложила въ большой мѣшокъ, и пошла къ сосѣдкѣ прощаться.

Узналъ какъ-то про это старикъ, воротился домой, повынулъ изъ мѣшка все, что баба на дорогу заготовила, отнесъ пироги да хлѣбы въ клѣть, а самъ сѣлъ въ мѣшокъ. Старуха пришла домой, подняла мѣшокъ на спину и ударилась въ бѣги. Сдѣлала верстъ пять или шесть, остановилась и говоритъ: «Сѣсть было на пенёкъ, съѣсть было пирожокъ!» А старикъ изъ мѣшка кричитъ: «Вижу-вижу! слышу-слышу!» — «Ахъ, проклятой! онъ, пожалуй, догонитъ», думаетъ старуха, и пустилась дальше. Опять верстъ шесть отошла, и говоритъ: «Сѣсть было на пенёкъ, съѣсть было пирожокъ!» — «Вижу-вижу! слышу-слышу!» кричитъ старикъ. Она опять бѣжать; много верстъ отсчитала, и такъ-то пріустала, ни пивши, ни ѣвши, что и силъ больше не хватаетъ. «Что будетъ — ни будетъ, остановлюся здѣсь, думаетъ старуха: отдохну маленько да закушу». Глядь, а въ мѣшкѣ-то мужъ. Взмолилась старуха старику: «Батюшка, помилуй! николи впередъ не стану бѣгать». Старикъ ее простилъ, и пошли вмѣстѣ домой.

Записано въ Тверской губ.

(iii) Бѣдной мужикъ, идучи по чистому полю, увидалъ подъ кустомъ зайца, обрадовался и говоритъ: «Вотъ когда заживу домкомъ-то! Возьму этого зайца, убью плетью, да продамъ за четыре алтына; на тѣ деньги куплю свинушку, она принесетъ мнѣ двѣнадцать поросеночковъ; поросятки вырастутъ, принесутъ еще по двѣнадцати; я всѣхъ приколю, анбаръ мяса накоплю; мясо продамъ, а на денежки домъ заведу, да самъ оженюсь; жена-то родитъ мнѣ двухъ сыновей: Ваську да Ваньку. Дѣтки станутъ пашню пахать, а я буду подъ окномъ сидѣть да порядки давать: эй вы, ребятки, крикну, Васька да Ванька! шибко людей на работу не туганьте[1]; видно,

[1]) Не понуждайте

сами бѣдно не живали!» Да такъ-то громко крикнулъ мужикъ, что заяцъ испугался и убѣжалъ, а домъ со всѣмъ богатствомъ, съ женой съ дѣтьми пропалъ!

Записанъ въ Пермской губ., въ Осинскомъ у.

(kkk) Мужикъ стащилъ въ лавкѣ кулишничной муки; захотѣлось къ празднику густей зазвать, пирогами попотчевать. Принёсъ домой муку, да и задумался. «Жена! говоритъ онъ своей бабѣ: муки-то я укралъ, да боюсь — узнаютъ! спросятъ: отколь ты взялъ такую бѣлую муку?» — «Не кручинься, мой кормилецъ! я испеку изъ неё такіе пироги, что гости ни за что не отличатъ отъ аржаныхъ».

(lll) «Куда, доброй человѣкъ, идешь?» — «Да вонъ въ сосѣднюю деревню». — «Что жъ тамъ родня у тебя?» — «Да изъ нашей деревни отдана туда дѣвка замужъ». — «Такъ зачѣмъ же ты идёшь?» — «Да либо пива напиться, либо подраться».

(mmm) Пришла въ кабакъ баба, и спрашиваетъ о своемъ мужѣ: «Не былъ ли здѣсь мой пьяница?». — «Былъ». — «Ахъ, подлецъ! ахъ, разбойникъ! Насколько онъ выпилъ?» — «На пятакъ». — «Ну, такъ давай мнѣ на гривну».

(nnn) Выдали дѣвку замужъ; она сидитъ и воетъ: «Свѣтъ-то моя крашенина, у матушки на печи осталась!» — «Какая крашенина? много ли аршинъ?» — «Да я въ квасу хлѣба накрошила густо-нагусто и съ лучкомъ, и съ маслецомъ!»

(ooo) У одной бабы былъ мужъ глухой. Разъ какъ-то вздумалось ей приласкаться къ мужу. Вотъ она и говоритъ ему: «Охъ ты, моя защита и оборона!» — «Какъ, я ощипана ворона? ахъ, ты — такая-сякая!» и отколотилъ

жену. «Что ты, глухой чортъ! закричала баба: разбойникъ, обидчикъ эдакой!» — «Вотъ давно бы такъ!» сказалъ мужъ.

(ppp) Давно было. Не стало на селѣ попа. Согласились мужики избрать попа міромъ, выбрали и пошли къ дядѣ Пахому: «Пахомъ, говорятъ ему: а Пахомъ! будь ты у насъ на селѣ попомъ». Пахомъ и сталъ попомъ, да то бѣда: ни службы не знаетъ, ни пѣть, ни читать не умѣетъ. Вотъ однажды собрались міряне въ церковь, а въ тотъ день былъ большой у Бога праздникъ. Пахомъ выноситъ книгу, и спрашиваетъ: «Православные! знаете ли вы эту книгу?» — «Знаемъ, батька, знаемъ. Еще покойной попъ все бывало ее читалъ». — «Ну, коли знаете, нечего вамъ ее и читать». Выноситъ другую: «Православные! а эту книгу знаете?» — «Нѣтъ, батька, этой не знаемъ». — «Ну, такъ что жъ вамъ ее и читать!»

(qqq) Повезъ мужикъ въ городъ три четверти ржи продавать. Подъѣзжаетъ къ заставѣ. Обступили его мошенники: «Стой! какъ тебя зовутъ?» — «Егоромъ, родимые!» — «Эхъ, братъ! недавно у насъ четыре Егора церковь обокрали; троихъ-то нашли, а четвертаго все ищутъ! Смотри жъ: коли гдѣ тебя спросятъ: какъ зовутъ? говори: безъ четверти-Егоръ; а не то свяжутъ да въ тюрьму посадятъ». — «Спасибо, родимые! спасибо, что научили». Пріѣхалъ мужикъ на подворье, хватился, а четверти ржи какъ не бывало! на заставѣ стащили.

Разсказы подъ буквами kkk—qqq записаны въ Тверской губ.

(rrr) Жилъ-былъ мужикъ Иванъ да жена Арина. Послалъ онъ ее въ поле рожь жать. Вотъ Арина пришла на полосу, выжала такое мѣстечко, чтобъ можно было одной улечься; улеглась, выспалась хорошохонько и отправилась домой, будто и впрямъ потрудилась-поработо-

тала. «Что, жена, спрашиваетъ мужъ: много ли сегодня выжала?» — «Слава тебѣ, Господи! одно мѣстечко выжала». — «Ну, это хорошо! думаетъ мужикъ: одна полоса, значитъ, покончена». На другой день опять пошла Арина въ поле, выжала мѣстечко и проспала до вечера; и на третій день — то же самое, и на четвертой — то же самое; такъ всю недѣлю и проволочила. «Пора, думаетъ мужикъ: за снопами въ поле ѣхать»; пріѣзжаетъ — а рожь стоитъ вся нежатая; кое-гдѣ, кое-гдѣ выжато мѣстечками, да и то такими, что только человѣку улечься. Сталъ жену искать, и видитъ: лежитъ она на одномъ мѣстечкѣ да такъ-то храпитъ! Мужикъ сейчасъ домой, захватилъ ножницы, патоки и пуху; воротился на жниву, остригъ свою бабу нàголо, вымазалъ ей голову патокой и осыпалъ пухомъ; сдѣлалъ все это и воротился на деревню. Вотъ Арина спала-спала, да наконецъ и проснулась; хватилась рукой зà голову и говоритъ сама себѣ: «Что-й-то попритчилось! Кажись, я — Арина, а голова не моя! Пойду домой: коли собака залаетъ, такъ я, значитъ, — не Арина». Пришла на деревню, прямо къ своей избѣ и спрашиваетъ подъ окошкомъ: «Что ваша Арина дома?» Мужъ смекнулъ и говоритъ ей: «Дома!» Тутъ вылѣзла изъ-подъ воротъ собака, не признала хозяйки и бросилась на нее, словно на чужую; такъ зà полы и хватаетъ. Арина бѣгомъ да бѣгомъ! какъ бы только живой отъ своего дома уйти! И пошла она бродить пò полю; цѣлыя сутки ничего не пила, не ѣла. Послѣ того мужикъ сжалился, простилъ ее, и съ той поры стала Арина жать безхитростно.

(sss) Доселева одинокой былъ Мартынко, задумалъ жениться и пошелъ свататься къ попу; вотъ и сватаетъ дѣвку Устинью. Попъ ему и баетъ: «Ой Мартынко! отдалъ бы, да какъ станешь жить-то? вѣдь Устя уросли-

вая[1] такая!» Мартынко отвѣчаетъ ему: «Батюшко! я одинъ, а съ ней будемъ двое, не на кого будетъ сердиться, не съ кѣмъ будетъ браниться». Попъ согласился отдать Устю за Мартынка. Вотъ они и свѣнчались. Мартынко увезъ Устю къ себѣ домой; она спрашиваетъ: «Коли ты осердишься, что дѣлашь?» Онъ сказалъ: «Когда осержусь, съ воды пьянъ бываю!» Потомъ спросилъ Устю: «А ты, Устя, когда осердишься, что дѣлашь?» — «Коли я сердита, тогда стану сидѣть на печи́ къ углу лицомъ и-у кокошника козырёкъ назадъ сдѣлаю». На другой день утромъ уѣхалъ нашъ Мартынко на своей пѣгой кобылѣ пахать подъ вешну[2]. Устя послѣ его настряпала шанегъ[3], понесла къ нему, кричитъ: «Мужикъ! иди ѣсть». Онъ какъ будто не слышитъ себѣ. Устя разсердилась, ушла домой, стряпню свою съѣла и сѣла на печь къ углу лицомъ. Мартынко какъ пріѣхалъ домой, выпилъ два ковша воды, взялъ ягненка и порвалъ; началъ полѣзать на печь къ женѣ, оборвался, палъ къ дверямъ избы на́ полъ и захрапѣлъ. Жена тихонько слѣзла съ печи, дверей отпереть не посмѣла, въ окошко дровъ натаскала, истопила печку и настряпала для Мартынка. Онъ проснулся, она его напотчивала и созвала въ гости къ отцу. Вотъ Мартынко запрегъ свою пѣгую кобылу въ сани — нужды нѣтъ, что весной! поѣхали; доро́гою кобыла-то у нихъ не пошла, Мартынко отсѣкъ сѣ голову и запрегъ свою Устю. Подъѣзжаетъ къ дому тестя; увидѣла попадья съ дочерьми, что Устя Мартынка везетъ, выскочили встрѣчать, взяли кто за гужи, кто за оглобли, пособляютъ Устѣ; а попъ благодаритъ Мартынка, что такъ учитъ уросливыхъ. Пришли

[1]) Капризная.
[2]) Подъ яровую.
[3]) Ватрушекъ, сдобныхъ хлѣбовъ.

въ избу, Устя заказываетъ своимъ, чтобы воды нигдѣ не было, а попли бы виномъ да пивомъ; сказывала: когда Мартынко воды напьется — бѣда сердитъ! На другой день какъ-то одна стряпка оставила въ сѣняхъ ведро съ водою; онъ и напился воды, задурѣлъ какъ пьяной, приказываетъ Устѣ запрягаться, а она дрожитъ, да все попа проситъ, чтобы далъ имъ своего бу́рка. Попъ подарилъ имъ лошадь; Мартынко уѣхалъ съ Устей домой, и теперь они живутъ да хлѣбъ жуютъ, а Устя подкось какая послушная стала!

Записано въ Пермской губ., въ Осинскомъ у.

(ttt) Въ одномъ селѣ жилъ-былъ старикъ, да такой скупой, прижимистой! Какъ сядетъ за столъ, нарѣжетъ хлѣба, сидитъ да на снохъ посматриваетъ: то на ту, то на другую, а самъ ничего не ѣстъ. Вотъ, глядя на него, и снохи тоже поглазѣютъ-поглазѣютъ, да и полѣзутъ вонъ изъ-за стола голодныя. А старикъ опосля, только-что уйдутъ онѣ по работамъ, втихомолку наѣстся, напьется и разляжется на печи сытёхонекъ. Вотъ однова̀ отпросилась меньшая сноха и пошла къ своему отцу, къ матери, и стала жаловаться на свекора: «Такой де лютой, ненавистной! жить нельзя! совсѣмъ ѣсть не даетъ, все ругается: ненаѣды вы едакія!» — «Хорошо, говоритъ ей отецъ: я приду къ вамъ въ гости, самъ посмотрю ваши порядки». И погодя денёкъ-другой, пришелъ онъ къ старику вечеромъ. «Здорово, сватъ!» — «Здорово!» — «Я къ тебѣ въ гости; радъ ли мнѣ?» — «Радъ не радъ, дѣлать нечего; садись, такъ и гость будешь!» — «Какъ моя дочушка живётъ, хорошо ли хлѣбъ жуётъ?» — «Ништò, живетъ себѣ!» — «Ну-ка, сватушка, соловья баснями не кормятъ; давай-ка поужинаемъ, легче говорить будетъ». Сѣли за столъ; старикъ нарѣзалъ хлѣба, самъ не ѣстъ — сидитъ, все на снохъ глядитъ. «Эхъ,

сватъ! говоритъ гость: это не по-нашему; у насъ нарѣзалъ хлѣба да поѣлъ, еще нарѣзалъ — и то поѣлъ. Ну вы, бабы молодыя! больше хлѣба ѣшьте, здоровѣе будете». Послѣ ужина стали спать укладываться. «Ты, сватъ, гдѣ ляжешь?» спрашиваетъ хозяинъ. «Я лягу на кутничкѣ». — «Что ты! я тутъ завсегда сплю», говоритъ старикъ; вишь, въ кутѣ у него спрятаны были яйца, хлѣбъ и молоко; ночью, какъ заснутъ всѣ въ избѣ, онъ украдкою встанетъ и наѣстся вдоволь. Сватъ это дѣло запримѣтилъ: «Какъ хочешь, говоритъ, а я лягу на кутничкѣ». Вотъ улеглися всѣ спать. Въ самую какъ есть полночь старикъ ползкомъ-ползкомъ, да прямо въ залавокъ — скрипъ! А гость еще съ вечера припасъ про него большой ремённой кнутъ; какъ вытянетъ свата разъ, другой, третій — самъ бьетъ да приговариваетъ: «Брысь, окаянная! брысь!» Пришлось старику не ѣвши спать. Вотъ такъ-то прогостилъ сватъ у свата цѣлыхъ три дня и заставилъ надолго себя помнить. Проводилъ его старикъ, и съ тѣхъ поръ полно — переставъ у снохъ во рту куски считать.

(uuu) Послала хохлушка въ городъ мужа — продать кадку масла да купить очипокъ[1], и накрѣпко ему наказала по сторонамъ не зѣвать, а смотрѣть, чтобы не стащилъ кто кадки. Пріѣхалъ хохолъ на базаръ, поставилъ свою кадку и усѣлся на ней. «Что, хохолъ, продаешь?» — «Масличко». — «Покажи». — «Ни, вкрадешь!» И это говорилъ онъ всякому, кто только хотѣлъ торговать у него масло. Такъ безъ толку и проездѣлъ на базарѣ до самаго вечера; а тутъ пришли два солдата. «Знаешь что, хохолъ? сказалъ ему одинъ: вѣдь съ вашего брата наборъ, тебя, пожалуй, въ солдаты возьмутъ. Не хочешь ли помѣриться? можетъ, ты и не годишься...»

[1]) Головной уборъ.

Хохолъ всталъ и пошелъ въ мѣру становиться; солдатъ примѣрилъ его и говоритъ: «Ну, счастливъ твой Богъ! ты, братъ, негоденъ». А тѣмъ временемъ другой солдатъ ужъ успѣлъ стащить у него кадку съ масломъ. Приходитъ хохолъ назадъ, смотритъ — масло украдено; потужилъ онъ, потужилъ, и поѣхалъ домой. Только въ двери, а жена спрашиваетъ: «Що, человиче, купивъ очипокъ?» — «Ни». — «А масличко продавъ?» — «Ни». — «Сгубивъ?» — «Ни». — «Вкрали?» — «Ни». — «Дѣ жъ воно?» — «Ге! усе утро стоявъ — не вкрали, повдень стоявъ — не вкрали; та наспилу-наспилу вже къ вичеру вкрали!»

Записанъ въ Тверской губ.

(www) Шелъ солдатъ домой на побывку, и забрёлъ къ одному мужику ночь ночевать. «Здравствуй, хозяинъ! накорми и обогрѣй прохожаго». — «Ну, что жъ! садись за столъ, гость будешь». Солдатъ снялъ тесакъ да ранецъ, помолился образамъ и усѣлся за столъ; а хозяинъ налилъ стаканъ горькаго и говоритъ: «Отгадай, служба, загадку, — стаканъ вина поднесу; не отгадаешь — оплеуха тебѣ!» — «Изволь, сказывай загадку». — «А что значитъ *чистота?*» Солдатъ подумалъ-подумалъ, и вымолвилъ: «Хлѣбъ чистъ, значитъ онъ и чистота». Мужикъ хлопъ его по щекѣ. «Что жъ ты дерешься? насъ бьютъ да вину сказываютъ». — «Чистота, братъ, кошка: завсегда умывается! А что значитъ *благодать?*» Солдатъ опять подумалъ-подумалъ, и говоритъ: «Знамое дѣло, хлѣбъ — благодать!» Мужикъ хлопъ его въ другой разъ: «Врешь, братъ служба! благодать — вода. Ну, вотъ тебѣ послѣдняя загадка: что такое *красота?*» Солдатъ опять свое: «Хлѣбъ, говоритъ, красота!» — «Врешь, служба; красота — огонь; вотъ тебѣ и еще оплеуха! Теперь, полно, давай ужинать». Солдатъ ѣстъ да про себя думаетъ: «Сроду такихъ оплеухъ не видалъ,

и на службѣ царской того не было; постой же, я тебѣ и самъ удружу; будешь меня помнить!» Поужинали и легли спать. Солдатъ выждалъ ни много, ни мало времечка; видитъ, что хозяева заснули; слѣзъ съ полатей, поймалъ кошку, навязалъ ей на хвостъ паклю, паклю-то зажегъ, да кошку на чердакъ погналъ; бросилась она туда со всѣхъ четырехъ ногъ и заронила огонь въ солому; вмигъ загорѣлась изба, и пошло драть! Солдатъ наскоро одѣлся, подошелъ къ хозяину и давай въ спину толкать. «Что ты, служивой?» — «Прощай, хозяинъ! иду въ походъ». — «Ступай съ Богомъ!» — «Да вотъ тебѣ на прощанье загадка: взяла чистота красоту, понесла на высоту; коли не ухватишь благодати, не будешь жить въ хати! Отгадывай!» Сказалъ солдатъ и пошелъ со двора. Пока мужикъ ломалъ себѣ голову, что бы такое значили солдатскія рѣчи, загорѣлся потолокъ. «Воды, воды!» кричитъ хозяинъ, а воды-то въ домѣ ни капли нѣтъ; такъ все и сгинуло. «Ну, правду солдатъ загадалъ: коли не ухватишь благодати, не будешь жить въ хати!» Отольются кошкѣ мышиныя слёзки.

(ххх) Одна глупая баба пріѣхала на ярмарку купить образъ Временной Пятницы[1]. Приходитъ въ балаганъ къ разносчику: «Дадюшка! покажи-ка мнѣ образъ Временной Пятницы». Вмѣсто того показываетъ онъ ей Егорія Храбраго. «Дядюшка! да отчего же она, матушка, на конѣ?» — «Экая ты баба дура! оттого она и называется Временною, что иной разъ пѣшкомъ ходитъ, а временемъ на конѣ ѣздитъ. Вишь, конь-то такъ копытища и задираетъ!»

(ууу) Одна баба, ставя по праздникамъ свѣчку передъ образомъ Георгія Побѣдоносца, завсегда показывала

[1]) Пятница именуется Временною, потому что день св. Параскевы, 28 октября, временно приходится въ пятокъ.

змію кукишъ: «Вотъ тебѣ, Егорій, свѣчка; а тебѣ шишъ, окаянному!» Этимъ она такъ разсердила нечистаго, что онъ не вытерпѣлъ; явился къ ней во снѣ и сталъ стращать: «Ну, ужъ попадись ты только ко мнѣ въ адъ, натерпишься муки!» Послѣ того баба ставила по свѣчкѣ и Егорію и змію. Люди и спрашиваютъ, зачѣмъ она это дѣлаетъ? «Да какъ же, родимые! вѣдь незнамо — еще куда попадешь: либо въ рай, либо въ адъ!»

250
Докучныя сказки

(a) Жили-были два братца. два братца — куликъ да журавль. Накосили они стожокъ сѣнцá, поставили середи польцá. Не сказать ли сказку опять съ конца?

(b) Жилъ былъ старикъ, у старика былъ колодецъ, а въ колодцѣ-то ялѣцъ[1]: тутъ и сказкѣ конецъ.

Записаны въ Вологодской губ., въ Никольскомъ у.

(c) Жилъ-былъ царь, у царя былъ дворъ, на дворѣ былъ колъ, на колу мочало; не сказать ли сначала?

(d) «Сказать ли тебѣ сказку про бѣлаго бычка?» — «Скажи». — «Ты скажи, да я скажи, да сказать ли тебѣ сказку про бѣлаго бычка?» — «Скажи». — «Ты скажи, да я скажи, да чего у насъ будетъ, да докуль это будетъ! Сказать ли тебѣ сказку про бѣлаго бычка?»[2].

251
Прибаутки

(a) «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, много ли тебѣ отроду лѣтъ?» — «Семьдесятъ, бабушка! семьдесятъ, Пахомовна!» — «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, когда ты умирать будешь?» — «Въ среду,

[1]) Рыба. [2]) И такъ далѣе, пока не наскучитъ одному спрашивать, а другому отвѣчать.

бабушка! въ среду, Пахомовна!» — «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, когда жъ тебя хоронить будутъ?» — «Въ пятницу, бабушка! въ пятницу, Пахомовна!» — «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, чѣмъ тебя поминать будутъ?» — «Блинами, бабушка! блинами, Пахомовна!» — «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, во что послѣ тебя позвонить будетъ?» — «Въ сковороду, бабушка! въ сковороду, Пахомовна!» — «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, много ли у тебя дѣтушекъ?» — «Семеро, бабушка! семеро, Пахомовна!» — «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, чѣмъ послѣ тебя поить-кормить будетъ?» — «По міру, бабушка, по міру, Пахомовна!» — «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, по міру ходить — зима студена!» — «Въ лапоткахъ, бабушка! въ лапоткахъ, Пахомовна!» — «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, по міру ходить — собаки съѣдятъ!» — «Съ палочкой, бабушка! съ палочкой, Пахомовна!» — «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, по міру ходить — не во что милостыню класть!» — «Въ сумочку, бабушка! въ сумочку, Пахомовна!»

(b) «Куда, миленькой, снаряжаешься?» — «Не скажу». — «Скажи, мой дорогой, куда снаряжаешься?» — «Въ городъ на ярманку». — «Миленькой, возьми меня съ собой». — «Не возьму». — «Возьми, мой дорогой, меня съ собой». — «Садись на самой краюшекъ». — «Что у тебя, миленькой, въ возу?» — «Не скажу». — «Что, мой дорогой, въ возу?» — «Яблоки». — «Дай мнѣ, миленькой, яблочко?» — «Не дамъ». — «Дай, дорогой, яблочко». — «Возьми одно». — «Гдѣ мы, милепькой, ночуемъ съ тобой?» — «Не скажу». — «Скажи, мой дорогой, гдѣ ночуемъ съ тобой?» — «Въ большой деревнѣ у попа въ пелевнѣ[1].

[1]) Пелёвня — сарай для соломы.

(c) «Коза, коза, лубяные глаза! гдѣ ты была?» — «Коней пасла». — «А кони-то гдѣ?» — «Николка увелъ». — «А Николка-то гдѣ?» — «Въ клѣть ушелъ». — «А клѣть-то гдѣ?» — «Водой унесло». — «А вода-то гдѣ?» — «Быки выпили». — «А быки-то гдѣ?» — «Въ гору ушли». — «А гора-то гдѣ?» — «Черви сточили». — «А черви-то гдѣ?» — «Гуси выклевали». — «А гуси-то гдѣ?» — «Въ вереснякъ[1] ушли». — «А вереснякъ-то гдѣ?» — «Дѣвки выломали». — «А дѣвки-то гдѣ?» — «Замужъ выскакали». — «А мужья-то гдѣ?» — «Всѣ примерли».

Записана въ Новгородской губ.

(d) «Галка-копалка! ты куды, галка, летала?» — «На дѣдину полянку». — «Чего дѣлаютъ на дѣдиной полянкѣ?» — «Грамоту пишутъ, на дѣвицу здышутъ». — «Дѣвица, дѣвица! сходи за водицей». — «Рака боюся!» — «Ракъ на болотѣ, рубахи колотитъ, въ цвѣтномъ платьѣ; трои сани съ козырями, трои съ вычурами».

(e) Гуси-лебеди лет*и*ли, въ чисто поле залет*и*ли, въ полѣ банюшку досп*и*ли. Воробей дрова кололъ, тараканъ баню топилъ, мышка водушку носила, вошка парилася, приу*ш*марилася; бѣла гнида подхватила, на рогожку повалила; сѣра блошка подскочила, ножку подломила, въ передбанокъ вошку выносила . . .

(f) Котъ на печи сухари толчетъ, кошка въ окошкѣ ширинку шьетъ, свинья въ огородѣ овесъ толчетъ, курочка въ сапожкахъ избушку метётъ; вымела избушку, положила голичокъ подъ порожичокъ.

---

[1]) Можжевельникъ.

(g) Ходитъ курочка въ сапожкахъ, выронила перышко, изъ перышка-то ядрышко; укатилось оно на Иваново село. На Ивановомъ селѣ-то собачка на лычкѣ потявкиваетъ, мѣдвидь на цѣпочкѣ порывается, господинъ на печкѣ обувается, госпожа за печкой оладьи печетъ, сухари толчетъ.

Записаны въ Пермской губ., въ Чердынскомъ у.

(h) Слеталися птицы стадами, садилися малыми рядами, пѣли онѣ — воспѣвали, жалобко причитали: кто у насъ на морѣ бо́льшимъ? кто на синемъ-то меньше? На морѣ орелъ царемъ, на морѣ орлица царица, его голубушка перепелка, русской гусь торговой, сѣра утка попадья, воробышекъ дьячокъ, малые чирята крылошане, дикіе гуси дворяне, на морѣ филинъ водовозомъ. на морѣ журавль перевозомъ: то-то ли долгія ноги, то-то ли короткое платье! журавль по бережку ходитъ, людей перевозитъ, цвѣтно платье не мочитъ; галочки черноваты, малиновки штуковаты[1], синички молодицы, касаточки красны дѣвицы; малая птица синица сѣнушко косить не смогаетъ, по корму скотинушку пускаетъ; жаворонъ воспѣваетъ, слышитъ вёсну красну, слышитъ лѣто тёпло: стала мать-рожь на колосъ метаться, скотинушка въ лѣсъ убираться; ворона-то вшивая, понаплетка фальшивая, лѣтомъ ворона по суслонамъ[2], зимой ворона по дорогѣ, каждаго слѣду перегребаетъ, каждаго братомъ называетъ; сорока-то гостиная жена, хочетъ щепотко[3] ходити, съ денежки на денежку ступать, рублемъ ворота отпирать, полтиною замѣчать, безъ калача пить не сядетъ, безъ водки не изопьетъ.

---

[1]) Хитры.
[2]) Суслонъ — нѣсколько сноповъ, складенныхъ въ кучу.
[3]) Чисто, богато.

(i) Лежитъ зайко подъ кустомъ; охотники за нимъ взорятъ, звѣря малаго ловятъ. Скочилъ зайко на ноги: вы, охотнички, идите — на мой хвостикъ посмотрите.

«Зайнька сѣринькой, гдѣ ты былъ-спобывалъ?» — «Былъ я, побывалъ въ огородѣ-ельничкѣ, въ анбарчикѣ-спальничкѣ». — «Кого видѣлъ-сповидалъ?» — «Видѣлъ я, повидалъ три дѣвчины хороши, три любчины пригожи; Аннюшенька черноброва, черноглаза лучше всѣхъ». — «Зайнько сѣринькой, онѣ звали ли тебя?» — «Звали-звали, позывали: Катюша на часокъ, Марьюша на денёкъ; Аннюшенька удала, на недѣльку позвала». — «Зайнько сѣринькой, кормили ли тебя?» — «Катюша-то блинами, Марьюша-то пирогами; Аннюшенька удала, кашу съ масломъ поднесла». — «Зайнько сѣринькой, поили ли тебя?» — «Катюша-то пивцомъ, Марьюша-то винцомъ; Аннюшенька удала, стаканъ мёду налила». — «Зайнько сѣринькой, положили ли тебя?» — «Катюша-то на лавку, а Марьюша на другую; Аннюшенька удала, подушечку подала». — «Зайнько сѣринькой, не били ли тебя?» — «Катюша-то клюкой, а Марьюша кочергой; Аннюшенька удала, за ушеньки подрала». — «Зайнько сѣринькой, провожали ли тебя?» — «Катюша-то на сѣнецъ, а Марьюша на крылецъ; Аннюшенька удала, за ворота провела».

(k) Тень-потетень! выше города плетень; на полѝцѣ трубица гороховая, на печи калачи, какъ огонь горячѝ, съ печки упали, въ горшечекъ попали. Кушайте, бояре, пова́рныхъ щей. Тетка-божатка![1] сошей-ка рубашку тоне́ньку, бѣле́ньку, косой воротокъ. Поѣду я жениться, на сивкѣ, на буркѣ, на соло́вой кобылкѣ. Кобылка, кобылка! не сдерни овина; въ овинѣ Арина ткётъ полотно, перетыки-то[2] кладетъ, да не дотыкиваетъ.

[1]) Крестная мать.

[2]) Пе́ретыки — особеннаго рода нить, затканная въ полотно.

Шапка-татарка поѣхала по лавкамъ; бей въ доскѹ да поминай Москву. Какъ на Вологдѣ вино по три денежки ведро, хоть пей, хоть лей, хоть окачивайся! Куколка, куколка! гляча[1] долго не жила? Я боялась типуна. А типунъ-то не судья, а судья-то лодыга. Лодыгины дѣти хотятъ улетѣти за Ивановъ городъ. Они по грамоткѣ пишутъ, на дѣвицу дышутъ. Дѣвица, дѣвица! поди по водицу. На дорогѣ-то волки горохъ молотили, поповы ребята попу-то сказали, попадья-то съ печи обломала плечи. Сёмъ-пересёмъ на лопаткѣ испеченъ; мужикъ пѣсню спѣлъ, на капустникѣ сѣлъ, съѣлъ три короба блиновъ, три костра пироговъ, заулокъ рогулекъ, заходъ калачей, макѝнницу сулóю[2], овинъ киселя, поваренку щей!

(l) Нутко, дядюшка Корнило, запрягай-ко ты кобылу, у Макарья на песку приразмычь горё-тоску: стоитъ бражка въ туяску[3], бражка пьяная-пьяна, весела хмельная голова! Бражка порняй[4] вышивай! . . .

(m) Пошелъ полковникъ погулять, поймалъ птичку-перепёлочку; птичка-перепёлочка пить похотѣла, поднялась-полетѣла, пала-пропала, подъ ледъ попала, попа поймала, попа поповича, Петра Петровича.

(n) Однажды говорила о себѣ рѣпа: «Я, рѣпа, съ мёдомъ хороша!» — «Поди прочь, хвастунья! отвѣчалъ ей мёдъ: я и безъ тебя хорошъ».

Двѣ послѣднія записаны въ Тверской губ.

[1]) Вмѣсто: для-ча (чего).
[2]) Сулóй — мутный квасъ и густое сусло, изъ котораго варятъ ржаной кисель.
[3]) Туесъ — берестяный буракъ.
[4]) Порно — крѣпко, скоро.

(o) Была рѣпа важная, дивилась старуха кажная! однимъ днёмъ кругомъ не обойдешь; у той рѣпы половину мы съ семьей цѣлую недѣлю ѣли, а другую половину другую недѣлю; корку навалили да кобылу надсадили и телѣгу обломили. Вотъ какая была мудрость недавно у̀тросъ![1]

(p) Стоитъ градъ пустъ, а во градѣ кустъ; въ кустѣ сидитъ старецъ да варитъ изварецъ; и прибѣжалъ къ нему косой заяцъ и проситъ изварецъ. И приказалъ старецъ безногому бѣжать, а безрукому хватать, а голому въ пазуху класть.

Записана въ Вологодской губ.

(q) Теща про зятя пирогъ пекла, творѝла[2] да вмѣсѝла три осьмины муки, соли да крупы на четыре рубли, масла да яицъ на̀ восемь рублей, окорокъ свиной да поросёнокъ годовой. Этого пирожка семерымъ не снесть, а хоть семеро подымутъ, такъ десяткомъ не съѣсть. А зятёкъ сѣлъ, у прися̀дку[3] все съѣлъ. Теща по полу похаживаетъ, ско́са на зятя поглядываетъ: «Милый зять! не одуло ли тебя?» — «Ласкова теща! не прибавишь ли еще хоть сито блиновъ, рѣшето пироговъ!» — «Что тебя, зятюшко, не ро̀зорвало!» Вотъ зять идетъ дорогой, а брюшина стороной; навстрѣчу ему — прохожій спрашиваетъ: «Что это за диво? гдѣ я ни бывалъ, нигдѣ не видалъ!» — «Какое это диво! зятева брюшина».

(r) «Бабушка Арина, куда ты ходила?» — «Въ новую деревню». — «Ну, что въ новой деревнѣ?» — «Утка въ юбкѣ, селезень въ кафтанѣ, корова въ рогожѣ — нѣтъ

---

[1]) Утромъ.

[2]) Существительное «творило» отъ глагола творить — разводить муку на теплой водѣ.

[3]) За присѣсть.

ея дороже». Это присказка, сказка будетъ впереди. «Кудель, кудель, куда ты летѣла, на кусточекъ сѣла, на кусточекъ сѣла — соловьемъ запѣла?» У насъ не такъ, какъ у васъ: и кудель поетъ соловьемъ!

(s) Наташка, Наташка! сладенька кулажка[1], сладка медовая, въ печи не бывала, жару не видала. Заиграли утки въ дудки, журавли пошли плясать, долги ноги выставлять, долги шеи протягать.

(t) Межъ долами, межъ горами сидитъ баба съ пирогами, недорого продаетъ: все по денежкѣ пирогъ. Она вѣкъ-отъ свой торгуетъ, ходитъ босикомъ: чулки новы, пяты голы, носки выпадали. Призакаялась молодка пирогами торговать, пироги печи, на базаръ везти.

(u) Куроцинскимъ-то ребятамъ понѣ по́жилось, прибогатилось; они съ торгу муку́ брали, муку́ на́ солодъ мѣняли, часто піушко варили, бражку пьяненькую, бражку хмельненькую. Они пили-пировали, сами всѣ проистощали[2], кошелечки нашивали и пестери[3] наплели, по дворамъ побрели.

(w) Не бѣлая березонька въ полѣ шатается, шолудивый съ плѣшивымъ считается: «Хороши твои кудри, хороши твои русы, да не выросли!»

---

[1]) Кула́да — солодъ ржаной, смѣшанный съ ржаною же мукою и сваренный въ печкѣ.

[2]) Поразорились.

[3]) Песте́рь — котомка, сплетенная изъ лыкъ или бересты; коробъ.

Замѣтка о сказкѣ «Еруслань Лазаревичъ»

Сказка о славномъ и сильномъ витязѣ Ерусланѣ Лазаревичѣ одна изъ наиболѣе любимыхъ у грамотнаго простонародья; она распространена во многихъ рукописныхъ сборникахъ (XVII и XVIII столѣтій), въ лубочныхъ листкахъ и картинахъ и въ сѣрыхъ изданіяхъ въ родѣ «Лѣкарства отъ задумчивости и безсонницы» (Москва, 1819 г.) и «Собранія старинныхъ русскихъ сказокъ» (Москва, 1830 г.). При изученіи устной народной словесности, нельзя не обратить на нее вниманія, потому что, несмотря на встрѣчающіяся въ ней чуждыя намъ имена (*Еруслань*, царь *Картаусъ*, вѣщій конь *Арашъ*) и на очевидное вліяніе на ея составъ пріемовъ письменной литературы, въ сказкѣ объ Ерусланѣ есть много прекрасныхъ эпическихъ выраженій и тѣхъ обычныхъ сказочныхъ мотивовъ, какіе составляютъ исконную принадлежность всѣхъ индоевропейскихъ народовъ. На эти-то сказочные мотивы и намѣрены мы указать въ настоящей замѣткѣ. Но для этого необходимо изложить самое содержаніе сказки, что мы и дѣлаемъ по тексту, напечатанному въ «Лѣтописяхъ русской литературы и древности» (1859 г., кн. IV, стр. 100—128), пользуясь отчасти и тѣмъ спискомъ, который помѣщенъ въ «Памятникахъ старинной русской литературы» (вып. II, стр. 325—339): оба означенные текста взяты изъ рукописей XVII вѣка и въ несомнѣнной свѣжести сохранили чистоту народнаго языка и эпическаго преданія.

Былъ нѣкій царь Картаусъ (Киркоусъ), а у него былъ дядя князь Лазарь Лазаревичъ; у того Лазаря родился сынъ Еруслапъ Лазаревичъ. Какъ было Еруслану десять лѣтъ, сталъ онъ ходить на улицу и шутить шутки него-раздо добры: кого возьметъ за́ руку — у того руку вы-рветъ, кого за́ ногу — тому ногу выломитъ. Царь при-казалъ выслать его изъ царства вонъ. Еруслапъ о томъ не тужитъ, а тужитъ объ одномъ, что нѣтъ у него коня по мысли: ни одинъ конь его поднять не можетъ. Вотъ вы-строили ему каменную палату у синя моря и выслали изъ царства. Учалъ Еруслапъ гулять по лукоморью и стрѣ-лять по тихимъ заводямъ гуссй-лебедей: какъ натянетъ лукъ да выстрѣлитъ—ино какъ изъ тучи громъ грянетъ, а по чему стрѣлитъ, того не грѣшитъ[1]. Однажды подъѣхалъ къ нему человѣкъ, сошелъ съ своего сиваго коня, ударилъ челомъ низко и промолвилъ: «Дай де Богъ здравіе госу-дарю нашему Еруслану Лазаревичу!» — «Ты меня почему знаешь?» — «Какъ мнѣ не знать тебя! я, господине, отца твоего старой конюхъ, гораздой стрѣлецъ. сильной бо-рецъ; стерегу стада уже тридцать лѣтъ, а зовутъ меня Ивашко». Еруслапъ ему признался: «Тужу де я, что нѣтъ у меня коня по мысли». Ивашко молвилъ: «Есть, господине, въ отцовѣ стадѣ жеребецъ третьимъ лѣтомъ; ни у кого еще въ рукахъ не бывалъ, а тебѣ, чаю, по мысли будетъ». Когда пригналъ онъ стадо на водопой, Еруслапъ накинулъ на того жеребца тесмяную узду и далъ ему имя вѣщій Арашъ; а былъ жеребецъ величиной мало не съ палатою ровенъ. Сѣлъ богатырь на коня, поскакалъ въ чистое поле и наѣхалъ на рать-силу Данила-князя Бѣ-лаго, которой пришелъ подъ царство Картаусово и по-хвалялся все это царство разорить, самого царя и двѣ-надцать богатырей его въ полонъ взять. Еруслапъ хо-четъ съ Данилою въ бой вступать; говоритъ ему отецъ:

[1]) Не промахнется.

«Ты еще молодъ, ратное дѣло тебѣ не за обычай!» — «Государь батюшка! отвѣчалъ сынъ: не учи ты гоголя по водѣ плавать, не учи насъ, богатырей, на ратное дѣло ѣздить». Напускался онъ на своемъ добромъ конѣ на рать-силу Данила Бѣлаго и сталъ побивать ее. Много было воинства вражьяго — ни въ которую сторону не объѣхать, ни окомъ обозрѣть! Ерусланъ все порѣшилъ: сколько побилъ, а вдвое того отъ зычнаго голоса наземь попадало и смертью померло; самого Данилу отпустилъ онъ на словѣ, чтобы впредь ему не приходить больше подъ государство Картаусово. Совершивъ такой подвигъ, отправляется Ерусланъ въ путь-дорогу; ѣдетъ онъ много дней, и видитъ — въ чистомъ полѣ великая рать побита; кликнулъ богатырскимъ голосомъ: «Есть ли въ этомъ побоищѣ живъ человѣкъ?» Отозвался ему живъ человѣкъ, и спросилъ его Ерусланъ: «Чья это рать побита и кто побилъ ее?» — «Это рать Ѳеодула-змѣя, а побилъ ее Иванъ-русской богатырь, и не одну эту рать, а много побилъ онъ: хочетъ у змѣя понять за себя дочь-царевну». Поѣхалъ Ерусланъ искать Ивана-русскаго богатыря; близко ли, далеко ли — стоитъ въ чистомъ полѣ шатёръ съ золотою маковкою; у шатра богатырской конь встреноженъ. Рядомъ съ тѣмъ конемъ Ерусланъ своего поставилъ къ бѣлоярской пшеницѣ, и вошелъ въ шатёръ, а тамъ лежитъ Иванъ-богатырь и крѣпко спитъ. Ерусланъ лёгъ возлѣ и самъ уснулъ. Пробудился Иванъ-русской богатырь, посмотрѣлъ на гостя и ужаснулся; выглянувъ изъ шатра — ажно вѣщій Арашъ отбилъ его добраго коня отъ корму прочь. Емлетъ Иванъ острой мечъ и хочетъ отсѣчь Еруслану голову, да помыслилъ въ умѣ своемъ: «Не честь убить соннаго человѣка! Самъ онъ пріѣхалъ втѣпоры, какъ я спалъ богатырскимъ сномъ, и воля ему была убить меня соннаго, и онъ меня не убилъ, а животъ далъ». Разбу-

дилъ онъ Еруслана, и выѣхали они силы пробовать. Еруславъ ударилъ Ивана-богатыря тупымъ концомъ копья, противъ сердца, и свалилъ его на сырую землю; а вѣщій Арашъ наступилъ ему копытомъ на ожерелье. Еруславъ далъ побѣжденному животъ; тутъ они назвались братьями: Еруславъ большимъ, а Иванъ младшимъ...

Вся эта прекрасная сцена богатырскаго великодушія цѣликомъ встрѣчается въ сказкѣ объ Иванѣ-царевичѣ и Бѣломъ Полянинѣ (№ 96), изъ которыхъ послѣдній долгіе годы сражался съ бабой-ягою, желая достунить ея прекрасную дочь.

. . . Еруславъ помогаетъ своему названному брату въ войнѣ съ Ѳеодуломъ-змѣемъ, и когда змѣй въ бѣгство ударился — онъ поскакалъ за нимъ въ погоню. У обоихъ у нихъ были жеребцы быстрые — родные братья, рожденные отъ тѣхъ славныхъ водяныхъ (морскихъ) коней, о которыхъ не разъ упоминаютъ народныя сказки; словно сокóлы летѣли они чистымъ полемъ, и по озеру скакали поверхъ воды, словно по̀ мосту. Еруславъ настигъ-таки Ѳеодула-змѣя и разсѣкъ его, а дочь Ѳеодулову, прекрасную царевну, отдалъ Ивану-русскому богатырю. Легъ Иванъ съ своей красавицей опочивъ держать и сталъ спрашивать: «Душечка моя, свѣтъ красная царевна! доставалъ я тебя и добромъ и лихомъ; скажи-ка мнѣ правду: есть ли гдѣ тебя краше, а брата моего Еруслана удалѣе?» Отвѣчала царевна: «Чѣмъ я красна и хороша? есть, господине, въ полѣ — кочуютъ двѣ царевны, и у тѣхъ царевенъ краше меня дѣвки, что̀ имъ на̀ руки воду подаютъ; а брата твоего Еруслана есть удалѣе Ивашко-Бѣлая Полянища (*вар.* Бѣлая Епанча), индѣйскаго царя сторожъ; стоитъ онъ на Украйнѣ, и мимо его никаковъ человѣкъ не проѣдетъ».

Услыхалъ эти рѣчи Еруславъ Лазаревичъ, и захотѣлъ ѣхать посмотрѣть на тѣхъ царевенъ и съ Ивашкомъ-

Бѣлой Поляницей перевѣдаться; а наперёдъ того вздумалось ему побывать у отца у матери и ударить имъ челомъ. Пріѣзжаетъ въ царство Картаусово, а оно совсѣмъ пусто; только и нашелъ одного человѣка, и узналъ отъ него, что третій годъ тому, какъ Данило Бѣлой повоевалъ все царство, царя Картауса, князя Лазаря и двѣнадцать богатырей въ полонъ взялъ, выкопалъ у нихъ очи и посадилъ въ своемъ городѣ въ крѣпкую темницу, а достальныхъ людей мечомъ высѣкъ. Ерусланъ поскакалъ въ государство Данилово, перебилъ у темницы всю стражу и навѣстилъ плѣнныхъ. Сказалъ ему князь Лазарь: «Сыне мой! только хочешь послужить великому царю Картаусу и мнѣ, своему отцу, и двѣнадцати богатырямъ, и ты поѣзжай *за тихія воды, за теплое море, къ вольному царю Огненному Щиту, Пламенному Копью;* убей его и добудь изъ него *жёлчи*». Ерусланъ отправился искать вольнаго царя, и наѣхалъ на кряковистой дубъ добре великъ посерёдъ поля, и остановился подъ нимъ, не вѣдая, какой дорогою ѣхать. Ровно въ полдень летитъ великое стадо птицъ-хохотуней, сѣли кругомъ дуба и учали изметоваться краснымп дѣвицами. Ерусланъ поймалъ одну дѣвицу: «У васъ, говоритъ, крылья: вы летаете по многимъ землямъ и царствамъ: не слыхали ль, гдѣ живетъ вольный царь Огненный Щитъ?» — «Есть такой царь, да никаковъ человѣкъ его видѣть не можетъ». — «Не говори того, а лучше поставь меня въ его царство; не то не быть тебѣ живою, и отпуску отъ меня не жди!» — «Господине Еруслане! зажмурься, и я поставлю тебя, куда надобно». Ерусланъ зажмурился да ступилъ трижды на своемъ добромъ конѣ — и очутился какъ разъ въ чистомъ полѣ подъ государствомъ вольнаго царя Огненнаго Щита. На томъ полѣ знать побоище великое, посреди побоища лежитъ богатырская голова добрѣ велика.

Говоритъ голова Еруслану: «Есть де подо мною мечъ таковъ, что опричь того меча никакое желѣзо не возьметъ вольнаго царя. И я съ тѣмъ мечомъ выѣхалъ было противъ царя Огненнаго Щита, чаялъ убить его; а онъ выѣхалъ на *осьминогомъ конѣ*, да не допущаючи *сжёгъ* меня; и я, падая съ лошади, кинулъ свой мечъ себѣ подъ голову. Супротивъ вольнаго царя ничѣмъ нельзя взять, какъ только хитростью». Послушался Еруслань головы, и рѣшился: гдѣ нельзя одолѣть силою, тамъ взять хитростію. Пріѣхалъ онъ къ вольному царю Огненному Щиту, попросился къ нему на службу и вызвался добыть ему изъ-подъ головы великана чудодѣйный мечъ. Голова сама скатилась и отдала ему мечъ съ такимъ наказомъ: «Не сѣки царя больше одного разу; ударишь въ другой — тебѣ самому не быть живымъ». Какъ скоро въѣхалъ онъ на царской дворъ, царь Огненный Щитъ, не ожидая измѣны, бросился къ нему навстрѣчу; а Еруслань подпустилъ его близко, ударилъ мечомъ и разсѣкъ надвое. Падая наземь, вольный царь молвилъ: «Сѣки вдругорядь!» — «Дважды богатыри не сѣкутъ!» отвѣчалъ Еруслань, вспоролъ у царя Огненнаго Щита могучую грудь, вынулъ жёлчь (*вар.* взялъ въ вощаночку кровь горячую и печень свѣжую) и положилъ въ сумку. Послѣ поѣхалъ къ головѣ великана и помазалъ ее жёлчью — *и тотъ богатырь сталъ живъ*. Тутъ они поцѣловались и отправились каждый въ свою сторону. Воротившись къ Картаусу, Еруслань помазалъ ему, отцу своему Лазарю и двѣнадцати богатырямъ глаза жёлчію — и они тотчасъ прозрѣли; а Данила Бѣлаго за его обманъ и ложную клятву предалъ смерти . . .

Дѣвы-птицы, съ которыми встрѣчается Еруслань на пути къ вольному царю, часто упоминаются въ сказкахъ у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ. Впрочемъ, эпизодъ этой встрѣчи внесенъ только въ ту редакцію

сказки, какая напечатана въ «Лѣтописяхъ» г. Тихонравова; въ другихъ же спискахъ нигдѣ его не находимъ.

... Возвративъ царю Картаусу свободу и земли, Еруслань отправился въ дальнія страны доѣзжать хвалёныхъ царевенъ. Прибылъ къ нимъ въ шатеръ, взялъ старшую на постель и сталъ выспрашивать: «Есть ли гдѣ васъ царевенъ краше, а меня удалѣе?» Отвѣчала царевна: «Есть, господине, у индѣйскаго царя красная царевна; мы ей обѣ въ ногу несудны. А тебя удалѣе Ивашко-Бѣлая Полянища». Еруслань разсердился, спибъ ей голову и взялъ къ себѣ меньшую сестру. На сдѣланный ей вопросъ она отвѣчала: «Есть Ивашко-Бѣлая Полянища, индѣйскаго царя сторожъ — тотъ силенъ, а ты, господине, удалъ же; обоихъ васъ Богъ вѣдаетъ, кто изъ васъ удалѣй будетъ». Еруслань оставилъ ее живою и поѣхалъ въ индѣйское царство; ѣхалъ-ѣхалъ, и видитъ — на рубежѣ того царства спитъ человѣкъ на конѣ, копьемъ подперся. Еруслань разбудилъ его и сказался, кто онъ таковъ. «Слыхалъ про тебя, отвѣчалъ Ивашко: да два богатыря въ полѣ не живутъ!» Стали силами мѣриться; Еруслань сбилъ его съ коня и говоритъ: «Пожалѣлъ бы тебя, да за то убью, что тобой дѣвки хвалятся!» И прокололъ его копьемъ. Пріѣзжаетъ онъ въ индѣйское государство, а тамъ бѣда приключилася: стало выходить изъ озера чудо (змѣй) о трехъ головахъ и емлетъ всякой день по человѣку: уже дошла очередь до царевны. Еруслань вызвался защитить ее отъ чуда, а царь обѣщалъ отдать ему за то дочь въ супружество и съ ней половину царства. Повели царевну къ озеру, и Еруслань поѣхалъ. «Не бойся! говоритъ онъ дѣвицѣ: молись Богу да смотри на озеро: какъ учнутъ волны являться — разбуди меня». А самъ уснулъ крѣпко. Начали подыматься волны — стало чудо показываться, царевна его будитъ и не мо-

жетъ никакъ разбудить, вынула ножъ и поколола его въ стегно. Еруслань проснулся, и началась битва. Чудо даетъ ему за свою жизнь выкупъ великой — камень самоцвѣтной. Еруслань камень взялъ, а врага убилъ . . .

Вся эта сцена съ тѣми же подробностями о крѣпкомъ снѣ богатыря передъ битвою составляетъ обыкновенный, часто повторяемый мотивъ въ сказкахъ арійскихъ племенъ.

. . . Женился Еруслань на царевнѣ, и сталъ ее спрашивать, есть ли кто ея краше, а его мо̀лодца удалѣе? «Чѣмъ я, господине, красна и хороша? Есть *на морѣ солнечный градъ, а въ томъ городѣ царствуетъ царевна* (или: *въ дѣвичьѣ царствѣ, въ солнечномъ градѣ* есть дѣвица — сама царствомъ *владѣетъ*), *а служащіе у нея все дѣвки*; и та царевна въ седмь седмерицъ краше меня, а я несудна тѣмъ дѣвкамъ, которыя у нея служатъ, красотою и хорошествомъ. А тебя удалѣе и сильнѣе никого нѣтъ!» Спалъ съ нею Еруслань единую ночь, а поутру всталъ, далъ ей самоцвѣтной камень и молвилъ: «Милая красная царевна! родится у тебя послѣ меня сынъ, и ты возложи ему самоцвѣтной камень на̀ руку; а родится у тебя дочь, и ты ей изъ того камня серьги доспѣй». Самъ Еруслань уѣхалъ въ солнечный градъ, гдѣ царствуетъ дѣвица, краше которой во всемъ свѣтѣ нѣтъ, и учалъ съ нею жить въ любви много лѣтъ.

Пока Еруслань наслаждался любовью несказанной красавицы, жена его — индѣйскаго царя дочь — родила сына, назвала его Ерусланомъ Еруслановѝчемъ и дала ему на руку самоцвѣтной камень. Выросъ онъ, почуялъ въ себѣ богатырскую мощь и поѣхалъ искать отца. Подъѣзжаетъ къ солнечному граду, остановился по конецъ моста и свистнулъ богатырскимъ посвистомъ; въ то время отецъ его испо̀лошился: «Не простой то че-

ловѣкъ свистнулъ, а сильномогучій богатырь!» Сѣлъ на своего вѣщаго Араша, и вотъ начинается борьба между отцомъ и сыномъ, не узнающими другъ друга. Сынъ ударилъ отца тупымъ концомъ копья, и мало Еруслань Лазаревичъ съ коня не упалъ — удержался за сѣдельную луку. Съѣхались богатыри вдругорядь; отецъ ударилъ сына тупымъ концомъ и сшибъ его съ коня наземь, а вѣщій Арашъ наступилъ на его ожерелье. Жаль Еруслану убить паробочка, потому что добрѣ молодъ; а юноша въ сердцахъ подъ Ерусланомъ рвётъ у отца копье булатное, и оттого оголилась у него рука. Еруслань Лазаревичъ усмотрѣлъ на его рукѣ самоцвѣтной камень, опозналъ своего сына и учалъ спрашивать: «Скажи мнѣ, брате, какой ты человѣкъ?» Тутъ все объяснилося и добромъ покончилось; Еруслань покинулъ солнечный градъ навсегда и вмѣстѣ съ сыномъ воротился къ своей женѣ . . .

Этотъ эпизодъ принадлежитъ къ числу общеизвѣстныхъ эпическихъ сказаній въ литературахъ какъ восточныхъ, такъ и европейскихъ народовъ. Такъ Илья Муромецъ сражался съ своимъ сыномъ сокольникомъ (или Збутъ-Борисъ-королевичемъ), долго они водилися, по колѣна въ землѣ пріобмялися; Илья изнемогъ, и сокольникъ насѣлъ на его бѣлыя груди. Молитва спасла стараго; съ-земи металъ онъ противника въ высь небесную, самъ на него насѣлъ и сталъ спрашивать о родѣ о племени. «Вотъ какъ бы я на тебѣ сидѣлъ, то не сталъ бы спрашивать, а споролъ бы тебѣ, старому, бѣлыя груди!» отвѣчалъ побѣжденный. Наконецъ, Илья узнаетъ сына и отпускаетъ его къ матери. Тотъ же сюжетъ встрѣчается въ пѣсняхъ кельтскихъ бардовъ, въ готской поэмѣ о Гильдебрандѣ и въ персидской поэмѣ о Рустемѣ и Зорабѣ, извѣстной у насъ по переводу Жуковскаго; у сербовъ «Предрагъ и Ненадъ».

Текстъ сказки объ Еруслант Лазаревичѣ, напечатанный въ «Лѣтописяхъ», оканчивается такъ: «И захотѣлъ (сынъ Еруслана) отвѣдати плеча своего богатырскаго, и захотѣлъ прославиться во многія орды своею удачею; а съ отцомъ своимъ жити не похотѣлъ. Захотѣлъ свою честь получити и славу захотѣлъ свою пустити во многія орды». Въ лубочномъ изданіи это простое краткое указаніе уже распространено. Еруланъ Ерусланович, принявъ отъ своихъ родителей благословеніе, ѣдетъ въ путь-дорогу, пять лѣтъ странствуетъ, и, наконецъ, встрѣчается ему малъ-старъ человѣкъ: стоитъ на дорогѣ и не даетъ проѣзду. Богатырь хочетъ раздавить его, а малъ-старъ человѣкъ насмѣхается: «За что ты меня стараго-малаго убить хочешь? съ меня нечего снять!» Еще пуще богатырь разгнѣвался, поднялъ мечъ-кладенецъ и кинулся на стараго; а тотъ приклонился и дунулъ на Еруслана Ерусланович да таково сильно, что онъ и на конѣ не усидѣлъ — палъ на сырую землю что овсяной снопъ! Тогда малъ-старъ человѣкъ сжалился надъ витяземъ и пропустилъ его домой.

Изъ приведенныхъ нами указаній и сближеній очевидно, что составитель любопытнаго сказанія о Еруслант Лазаревичѣ воспользовался нѣсколькими отдѣльными эпизодами, принадлежащими различнымъ эпическимъ произведеніямъ народной фантазіи, и всѣ ихъ соединилъ вмѣстѣ, связавъ съ именемъ одного славнаго богатыря.

ЛЕГЕНДЫ

1
Чудесная молотьба

Разъ какъ-то принялъ на себя Христосъ видъ старичка-нищаго и шелъ черезъ деревню съ двумя апостолами. Время было позднее, къ ночи; сталъ онъ проситься у богатаго мужика: «Пусти, мужичокъ, насъ переночевать». А мужикъ-атъ богатой говоритъ: «Много васъ попрошаекъ здѣсь таскается! что слоняетесь-та по чужимъ дворамъ? только, чай, и умѣете, а небось не работаете . . .» и отказалъ наотрѣзъ. «Мы и то идемъ на работу, говорятъ странники: да вотъ застала насъ въ дорогѣ ночь тёмная. Пусти, пожалуста! мы ночуемъ хоть подъ лавкою». — «Ну такъ и быть! ступайте въ избу». Впустили странниковъ; ничѣмъ-то ихъ не покормили, ничѣмъ-то ихъ не напоили (самъ хозяинъ-та поужиналъ вмѣстѣ со своими домашними, а имъ ничего не далъ), да и ночевать имъ довелось подъ лавкою. Поутру рано стали хозяйскіе сыновья собираться хлѣбъ молотить. Вотъ Спаситель и говоритъ: «Пустите, мы вамъ поможемъ за послегъ, помолотимъ за васъ». — «Ладно, сказалъ мужикъ: и давно бы такъ! лучше чѣмъ попусту безъ дѣла слоняться-та!» — Вотъ и пошли молотить. Приходятъ, Христосъ и гутаритъ[1] хозяйскимъ сыновьямъ: «Ну, вы разметывайте адонье[2],

[1]) Говоритъ.
[2]) Снопы, покладенные въ кучу, скирдъ.

а мы приготовимъ токъ». И сталъ онъ съ апостолами готовить токъ по-своему: не кладутъ они по одному снопу въ рядъ, а сноповъ по пяти, по шести, одинъ на другой, и наклали почитай цѣлое полъадонье. «Да вы такіе-сякіе совсѣмъ дѣла не знаете! заругались на нихъ хозяева: зачѣмъ наложили такіе вороха?» — «Такъ кладутъ въ нашей сторонѣ; работа, знашь, отъ того спорѣе идётъ», сказалъ Спаситель и зажёгъ покладенные на току снопы. Хозяева ну кричать да браниться, дискать весь хлѣбъ погубили. Анъ погорѣла одна солома, зерно осталось цѣлое и заблистало въ большущихъ кучахъ крупное, чистое да такое золотистое!

Воротимшись въ избу, сыновья-та и говорятъ отцу: «такъ и такъ, батюшка, смолотили, дискать, полъадонья». Куда! и не вѣритъ! Разсказали ему все, какъ было; онъ еще пуще дивится: «Быть не можетъ! отъ огня зерно пропадётъ!» Пошелъ самъ поглядѣть: зерно лежало большими кучами да такое крупное, чистое, золотистое — на диво! Вотъ покормили странниковъ, и остались они еще на одну ночь у мужика.

На утро Спаситель съ апостолами собирается въ путь-дорогу, а мужикъ имъ гутаритъ: «Пособите намъ еще денёкъ-та!» — «Нѣтъ, хозяинъ, не просп; нѣколи, надыть идти на работу». А старшой хозяйской сынъ потихоньку и говоритъ отцу: «Не трожь ихъ, бачка; незамай идутъ. Мы тапереча и сами знаемъ, какъ надыть молотить». Странники попрощались и ушли. Вотъ мужикъ-то съ дѣтьми своими пошелъ на гумно; взяли наклали сноповъ, да и зажгли: думаютъ — сгоритъ солома, а зерно останется. Анъ вышло не такъ: весь хлѣбъ поняло огнемъ, да отъ сноповъ бросилось поломя на разны постройки; начался пожаръ, да такой страшной, что все догола и погорѣло!

Записана въ Воронежской губ., Бобровскомъ у.

2

Чудо на мельницѣ

Када-то пришелъ Христосъ въ худой нищенской одежѣ на мельницу и сталъ просить у мельника святую милостыньку. Мельникъ осерчалъ: «Ступай, ступай отселева съ Богомъ! много васъ таскается, всѣхъ не накормишь!» Такъ-таки ничего и нѣ далъ. На ту пору случись — мужичокъ привёзъ на мельницу смолоть небольшой мѣшокъ ржи, увидалъ нищаго и сжалился: «Подь сюды, я тебѣ дамъ». И сталъ отсыпать ему изъ мѣшка хлѣбъ-атъ; отсыпалъ почитай съ цѣлую мѣрку, а нищій все свою кису подставляетъ. «Что, али еще отсыпать?» — «Да, коли будетъ ваша милость!» — «Ну, пожалуй!» Отсыпалъ еще съ мѣрку, а нищій все-таки подставляетъ свою кису. Отсыпалъ ему мужичокъ и въ третій разъ, и осталось у него у самого зерна такъ самая малость. «Вотъ дуракъ! сколько отдалъ, думаетъ мельникъ: да я еще за помолъ возьму; что жъ ему-то останется?» Ну, хорошо. Взялъ онъ у мужика рожь, засыпалъ и сталъ молоть; смотритъ: ужъ много прошло времени, а мука все сыпится, да сыпится! Что за диво! всего зерна-то было съ четверть, а муки намололось четвертей двадцать, да и еще осталось, что молоть: мука себѣ все сыпится, да сыпится . . . Мужикъ не зналъ, куды и собирать-то!

Записана въ Воронежской губ., Бобровскомъ у.

3

Бѣдная вдова

(а) Давно было — странствовалъ по землѣ Христосъ съ двѣнадцатью апостолами. Шли они разъ какъ бы простые люди, и признать пельзя было, что это Христосъ и апостолы. Вотъ пришли они въ одну деревню

и попросились на ночлегъ къ богатому мужику. Богатой мужикъ ихъ не пустилъ: «Вонъ тамъ живетъ вдова, она нищихъ пускаетъ; ступайте къ ней». Попросились они ночевать у вдовы, а вдова была бѣдная, пребѣднѣющая! Ничего-то у ней не было; только была махонькая краюшечка хлѣба, да съ горсточку мучицы; была у ней еще коровка, да и та безъ молока — не отелилась къ тому сроку. «У меня, батюшки, говоритъ вдова: избенка малая, и лечь-то вамъ негдѣ!» — «Ничего, какъ-нибудь упокоимся». Приняла вдова странниковъ и не знаетъ, чѣмъ напитать ихъ. «Чѣмъ же мнѣ покормить васъ, родимыхъ, говоритъ вдова: всего на́ всего есть у меня одна махонькая краюшечка хлѣба да съ горсточку мучицы, а корова не привела еще теленочка, и молока нѣтуть: все жду — вотъ отелится . . . Не взыщите на хлѣбѣ на соли!» — «И, бабушка! сказалъ Спаситель: не кручинься, всѣ будемъ сыты. Давай что есть, мы и хлѣбушка поѣдимъ: все, бабушка, отъ Бога . . .» Вотъ сѣли они за столъ, стали ужинать, одной краюшечкой хлѣба всѣ напитались, еще ломтей эва сколько осталось! «Вотъ, бабушка, ты говорила, что нечѣмъ будетъ накормить, сказалъ Спаситель: гляди-ка, мы всѣ сыты, да и ломти еще остались. Все, бабушка, отъ Бога . . .» Переночевали Христосъ и апостолы у бѣдной вдовы. На утро говоритъ вдова своей невѣсткѣ: «Подь, поскреби мучицы въ закромѣ; авось наберешь съ горсточку на блины покормить странниковъ». Невѣстка сходила и несетъ муки-таки порядочную махотку[1]. Старуха не надивится, откуда взялось столько; было чуть-чуть, а таперьча и на блины хватило, да еще невѣстка говоритъ: «Тамъ въ закромѣ и на другой разъ осталось». Напекла вдова блинковъ и потчуетъ Спасителя и апостоловъ:

[1]) Глиняный горшокъ.

«Кушайте, родимые, чѣмъ Богъ послалъ . . .» — «Спасибо, бабушка, спасибо!»

Поѣли они, попрощались съ бѣдною вдовою и пошли себѣ въ путь. Идутъ эдакъ по дорогѣ, а въ сторонѣ отъ нихъ сидитъ на пригоркѣ сѣрый волкъ; поклонился онъ Христу и сталъ просить себѣ ѣды: «Господи, завылъ: я ѣсть хочу! Господи, я ѣсть хочу!» — «Пойди, сказалъ ему Спаситель: къ бѣдной вдовѣ, съѣшь у неё корову съ теленкомъ». Апостолы усумнились и сказали: «Господи, за что же велѣлъ ты зарѣзать у бѣдной вдовы корову? Она такъ ласково приняла и накормила насъ; она такъ радовалась, ожидаючи отъ своей коровы теленочка: было бы у ней молочко — пропитаніе на всю семью». — «Такъ тому быть должно!» отвѣчалъ Спаситель, и пошли они дальше. Волкъ побѣжалъ и зарѣзалъ у бѣдной вдовы корову; какъ узнала о томъ старушка, она со смиреньемъ промолвила: «Богъ далъ, Богъ и взялъ; его святая воля!»

Вотъ идутъ Христосъ и апостолы, а навстрѣчу имъ катится по дорогѣ бочка съ деньгами. Спаситель и говоритъ: «Катись, бочка, къ богатому мужику во дворъ!» Апостолы опять усумнились: «Господи! лучше бъ велѣлъ ты этой бочкѣ катиться во дворъ къ бѣдной вдовѣ; у богатаго и такъ всего много!» — «Такъ тому быть должно!» отвѣчалъ имъ Спаситель, и пошли они дальше. А бочка съ деньгами прикатилась прямо къ богатому мужику во дворъ; мужикъ взялъ, припряталъ эти деньги, а самъ все недоволенъ: «Хоть бы еще столько же послалъ Господь!» думаетъ про себя. Христосъ и апостолы идутъ себѣ да идутъ. Вотъ въ полдень стала большая жара, и захотѣлось апостоламъ испить. «Іисусе! мы пить хочемъ», говорятъ они Спасителю. «Ступайте, сказалъ Спаситель: вотъ по этой дорожкѣ найдете колодезь и напейтеся».

Апостолы пошли; шли-шли, и видятъ колодезь. Заглянули въ него: тамъ-то срамота, тамъ-то сквернота — жабы, змѣи, лягва[1] . . . тамъ-то нехорошо! Апостолы, не напившись, скоро воротились назадъ къ Спасителю. «Что жъ, испили водицы?» спросилъ ихъ Христосъ. «Нѣтъ, Господи!» — «Отчего?» — «Да ты, Господи, указалъ намъ такой колодезь, что и посмотрѣть-то въ него страшно». Ничего не отвѣчалъ имъ Христосъ, и пошли они впередъ своею дорогою. Шли-шли; апостолы опять говорятъ Спасителю: «Іисусе! мы пить хочемъ». Послалъ ихъ Спаситель въ другую сторону: «Вонъ видите колодезь, ступайте и напейтесь». Апостолы пришли къ другому колодезю: тамъ-то хорошо! тамъ-то прекрасно! растутъ деревья чудесныя, поютъ птицы райскія, такъ бы и не ушелъ оттудова! Напились апостолы, — а вода такая чистая, студеная да сладкая! — и воротились назадъ. «Что такъ долго не приходили?» спрашиваетъ ихъ Спаситель. «Мы только напились, отвѣчаютъ апостолы: да побыли тамъ всего три минуточки». — «Не три минуточки вы тамъ побыли, а цѣлыхъ три года», сказалъ Господь. Каково въ первомъ колодезѣ — таково худо будетъ на томъ свѣтѣ богатому мужику, а каково у другого колодезя — таково хорошо будетъ на томъ свѣтѣ бѣдной вдовѣ!»

Записана въ Воронежской губ., Бобровскомъ у.

(b) Въ давніи времена ходывъ по земли Богъ и зъ святымъ Мыколаемъ и святымъ Петромъ, и уже святый Петро совспмъ обдерся[2], такъ, що й не стало на йому ныякого шматя[3]. А Господь каже ему: «Пиды, Петре, та украды соби шматя дѣ-нибудь на тыну, тай прислухайся — чы буде за те лаяты тебе хозяйка, чы ни!»

[1]) Лягушки.
[2]) Ободрался.
[3]) Платья.

Отъ св. Петро пишовъ и покравъ повишане на тынови людьскее шматя, и убрався пишовъ до Бога, тай каже: «Я вже украв'ъ шматя, алы жъ хозяйка мене за тее не лаяла, а тильки оглядывшысь сказала, нехай jому Богъ звыдыть и избачить!» А Богъ выслухавъ цее, тай каже: «Ну добре, колы такъ!» — Отъ Богъ, св. Петро и св. Мыколай вси зашлы въ обидранную хату до одной найбиднищой вдовы-мужычки, упросылысь въ ней на ничь и сталы спрошуваты: «Чы ныма чого у тебе поисты?» А хозяйка одвичае: «Ныма въ мене нычого. Я бидная, хлибъ соби заробляю, и тильки маю хлиба — що одынъ окрайчыкъ на полыци». А Богъ до неи каже: «Дай же намъ хоть борщу». Вона зновъ одвичае: «Та ныма у мене ни якой стравы[1], и нычогисынько не варыла». Отъ Богъ зновъ сказавъ: «Погляды лышъ, молодыце, добре въ ничи, може чы не найдешъ тамъ чого-ныбудь». Вона все-таки не хоче того слухаты, а дали Богъ якъ причыпився добре до неи: «Таки погляды въ ничь, та погляды». — Отъ вона, абы витчыпытьця, иде до печи; колы заглянула туда въ ничь, ажъ тамъ богацько всякой всячыны — понавáрывано разной хорошой стравы и варынухи, тай каже вона: «Що це такее на свити значытъ, я не топыла, ажъ богацько есть понаварывано всякой всячыны?» Отъ вона повыньмала все съ печи, и вси воны понаjидалысь, тай полягалы спаты; а хозяйка все не знала, що то Богъ прiйшовъ до неи. На другый день вранци Богъ, св. Петро и св. Мыколай повставалы, подяковалы гарно[2] хозяйци, тай пишлы дальше, и почулы воны высильне гранье[3]; ажъ надходять воны туда, колы дывятця, а тамъ высилья у одного богатаго

[1]) Кушанья, ѣствы.
[2]) Поблагодарили усердно.
[3]) Свадебное гуляпье, веселье.

мужыка. Отъ св. Мыколай каже: «Господы мылостывый! ходимъ же и мы на те высилья, чы не дадутъ и намъ по чарци горилки та чого поjисты?» А Богъ каже: «Добре, ходымъ». Отъ воны пишлы туда замисть старцивъ, буцимъ[1] просыты мылостыни, а богатый хозяинъ теп хаты оглянувшысь до ныхъ, тай зновъ ставъ частуваты за столомъ своихъ высильныхъ гостей, богатыхъ хозяинивъ, а дали ставъ гукаты на свою жинку: «А дай лышъ тамъ старцямъ мылостыни». А жинка jого — така въ убраньи, щой куды! — закрычала сердыто: «Ты гляды своихъ людей, що частуешъ[2], и не оглядайся до старцивъ; бо якъ ты принадышъ сыхъ дидивъ[3], то й не будутъ черезъ ныхъ двери зачыняться!»[4] Дали погодывши, той хозяинъ якъ оглянувшись побачывъ, що довго старци стоять въ хати, та нагумонивъ[5] добре на свою жинку, — ажъ тоди вона дала тымъ старцямъ по маленькій чароци горилки и по шматочку хлиба, тай выпроводыла ихъ за двери. Отъ Богъ зъ съ. Петромъ и Мыколаемъ идучи звиттыля[6], тай каже Богъ: «Ну тай богатый же цей чоловикъ, що мы булы въ него на высильи, алы жъ и крѣпко винъ скупый, а jого жинка ище гирше скупища и дуже велыка злоѣдныца, та и обое воны не вмiють въ счастьи шануватысь[7] и не хотять помогаты другымъ биднымъ людямъ». Отъ Богъ зъ св. Петромъ и Мыколаемъ пишлы шляхомъ[8] и на поли полягалы спочываты, ажъ прибигъ до ныхъ вовкъ, тай

---

[1]) Какъ будто.
[2]) Угощаешь.
[3]) Привадишь этихъ старцевъ.
[4]) Затворяться.
[5]) Накричалъ.
[6]) Оттуда.
[7]) Держать себя
[8]) Дорогою.

просыть Бога: «Дай мини, Господы, що поjисты; бо я цилые сутки нычого не jивъ и дуже охлявъ[1] зъ голоду». Богъ выслухавъ цее, тай говорыть: «Пиды, вовче, въ село; тамъ есть найбiднища вдова-мужычка, що мы въ неи ночувалы; у нен есть одна тильки ряба корова, то визьмы ту корову тай изъjижъ». А св. Мыколай начавъ просыть Бога: «Господы милостивый! на що жъ обижданы бидную вдову, нехай вовкъ не бере въ нен послiднёй коровы, бо вона буде гирько плакать и мучытьця; а лучше нехай вовкъ возме яку-нибудь скотыну у того богатыря[2], дё мы булы на выспльи, бо винъ богатый чоловiкъ та ще й дуже скупый». А Богъ каже: «Не можно такъ! нехай возме корову у самой тен бидной вдовы; нехай вона до время плаче та гирько бидуе[3], бо вона на симъ свити талану не мае». Отъ вовкъ побигъ до неи, а воны полягалы спаты. Св. Мыколай и ставъ жаловаты бидной вдовы, тай начавъ винъ придумуваты, якъ бы ухытрытьця и помогты для неи, а дали надумавъ и подывывся, що Богъ уже спыть (а Богъ все знае, та навмысне буцимъ[4] спыть), отъ св. Мыколай взявъ та мерщiй[5] побигъ на впереймы[6] вовка другою стороною, щобъ вмазаты вдовыну корову болотомъ[7], щобъ та корова була чорна, а не ряба, щобъ не зъjивъ jiи вовкъ. И якъ прибигъ туды св. Мыколай, отъ скорiйше болотомъ и обмазавъ ту корову, такъ що вона зробылась чорна, тай заразъ вернувся назадъ до Бога. А Богъ скоро вставъ буцимъ нычого не знае, и каже до св. Петра и

[1]) Ослабёлъ.
[2]) Богача.
[3]) Бёдствуетъ.
[4]) Притворился будто.
[5]) Скорёе.
[6]) Чтобы обогнать, опередить волка
[7]) Т.-е. грязью.

Мыколая: «А що вставайте уже, та ходымъ». И тильки що хотилы воны идты дальше, ажъ зновъ прибигъ до ныхъ той самый вовкъ и каже: «Ныма, Господы, у тои бидной вдовы рябой коровы, а тильки есть у неи одна чорна». Отъ Богъ все уже знае, тай каже: «Ну такъ изъjижъ ту чорну корову». А св. Мыколай бачить, що ничого не вдіе[1], тай замовчавъ. Отъ вовкъ побигъ до чорной коровы, а Богъ зъ Петромъ и Мыколаемъ началы идты шляхомъ. Отъ идуть воны та идуть, ажъ катытьця противъ ныхъ бочка, а св. Мыколай пытае: «Що це таке, Господы, катытьця и куды?» Господь одвичае: «Це катытьця бочка съ сребромъ и златомъ до того богатыря, що мы былы у нёго на высилыи, бо такій jого таланъ и така jого доля; алы все jого счастя буде на снмъ свити!» А св. Мыколай давай просить, каже: «Господы мылостывый, удилы жъ съ цей бочки або зъ макитерку[2] для тои бидной вдовы, дѣ мы ночувалы, въ неи жъ вовкъ и послиднюю корову зъjивъ». А Богъ одвичае: «Ни, того не можно! бо цей таланъ данъ одному тильки тому богатырови». Отъ св. Мыколай вже замовчавъ, и началы идты дальше; ишли та ишли. ажъ св. Мыколай захотивъ дуже пыты воды тай каже: «Ахъ, якъ мыни хочетця пыть!» А Богъ говорыть jому: «Колысь я проходывъ чрезъ оцей яръ, що недалеко видъ насъ выдно, тамъ я бачывъ крыныцю[3]. Иды туда, тай напьесся воды». Колы пишовъ св. Мыколай туда въ яръ. ажъ тамъ коло крыныци побачывъ такого богацько темнаго та страго страшеннаго гаду, такого сердытаго, що ажъ кышыть; отъ винъ злякався[4] дуже тай насилу звитыля утикъ[5]. А Богъ пытае: «Чого

[1]) Не сдѣлаетъ.
[2]) Макитра — глиняный сосудъ, горшокъ.
[3]) Колодецъ, родникъ.
[4]) Испугался.
[5]) Убѣжалъ.

ты, Мыколаю, такъ ныначе злякався, ажъ поблиднивъ съ переполоху[1], и мабудь[2] не пывъ воды?» А св. Мыколай одвичае: «Не могъ я напытыця, та ще й якъ побачывъ, що тамъ есть такого богацько страшеннаго гаду, то насылу я звиттыля утикъ». Отъ Богъ выслухавъ цее тай сказавъ: «Ну, ходымъ же дали!» И прошлы воны дальше зъ пятыро гинъ[3], або бильше, тай Богъ зновъ каже до св. Мыколая: «Иды у цей другый ярокъ, тамъ повная буде крыныця; то вже тамъ напьесся воды». Отъ св. Мыколай пишовъ туда; колы надходыть въ той яръ, якъ тамъ побачывъ такій ще гирший гадъ, та такого жъ його превелыкая сыла и дуже богацько, та ще й далеко злищій, якъ попереду бачывъ, такъ що ныначе горыть трава. И св. Мыколай зависмъ перелякався та побилывъ, и насылу велыку звиттыль утикъ, такъ ныначе на йому волосья и одежа загорилася! И прійшовъ до Бога тай съ переляху[4] насылу разсказавъ, що не можно тамъ напытысь воды, бо ще й гиршей тамъ есть гадъ и далеко злищій отъ першого гаду, що винъ бачывъ попереду. А Богъ каже: «Ну колы такъ, то ходымъ же дальше». Отъ воны пошлы дальше и довго ишлы, ажъ побачылы вдали третій ярокъ ныначе съ садкомъ; тай Богъ каже: «Ну иды жъ, Мыколаю, въ той ярокъ, дѣ бачышъ — садокъ выдно, а вже тамъ певне[5] напьесся воды». Колы св. Мыколай пишовъ туда, ажъ тамъ такая прихорошая крыныця зъ пригожою водою, а надъ тею крыныцею и скризь тамъ такіи разніи, прихорошіи, пахнючіи цвиткы та ягоды, яблуки, хвыги, мындалы, розынкы[6] и всякая

[1]) Съ испугу.
[2]) Можетъ быть.
[3]) Вмѣсто: гоней (гони — мѣра разстоянія).
[4]) Съ испугу; лякъ — испугъ.
[5]) Навѣрно, непремѣнно.
[6]) Изюмъ.

овощь, а птыци такъ хороше спивають та щебечуть разными голосами, и таке все тамъ занымательне, що й сказаты и пропысаты не можно. Отъ св. Мыколай не знавъ, що й робыты, чы воцу пыты, чы любоватыся та прыглядуватысь; напьетця трохы пахнючой воды, тай оставыть пыты, та все разглядае. И винъ трычи такъ потрохы пывъ тую воду, та все разглядувавъ, и не щувся[1] — що винъ не въ примиту пробувъ тамъ цилыхъ три рокы[2], якъ ныначе одну мынуту тамъ бувъ. Ажъ приходыть туды Господь Богъ тай каже йому: «Що це ты, Мыколаю, такъ довго тутъ сыдышъ, що прошло тому три рокы, якъ ты пишовъ сюды пыть воды?» И каже Богъ: «А я тебе не дождався тай покынувъ, и далеко уже я выходывъ съ пивъ-свита, покы зновъ до тебе вернувся». Отъ св. Мыколай выслухавши цее. тай одвичае: «Господы мылостывый! що це таке значыть, що коло переднщыхъ двохъ крыныць, куды я попереду ходывъ пыть воды, есть тамъ богацько страшеннаго гаду, що й прыступыть страшно; а тутынька въ третимъ яру такъ дуже прихорошая крыныця зъ водою и все тутынька росте дуже гарная пахнючая всякая всячина, що й не можно налюбоватысь и наслухатьця птычаго щебетаня, що й любуйся, прислухайся тай ще того хочитця?» — А Богъ одвичае йому: «Оце жъ знай, що переднщый яръ, дѣ ты бачывъ богацько злого страшнаго гаду, то тее мисто назывантця пекломъ и воно опредиляно для того богатыря, що мы булы у него на высильи, а другій яръ, дѣ есть еще гиршій пристрашенный гадъ, то также приготовано пекло для жинки того же богача, бо його жинка ище гирша видъ свого чоловика[3]; а якъ воны не вмилы въ счастіи жыты,

---

[1]) Почувствовалъ.
[2]) Года.
[3]) Мужа.

добре шановатысь, и не хотилы помогаты бидным людямъ, то за тее по смерти будуть вично мучытьця въ тыхъ пеклахъ. А оце третій яръ, дѣ ты, Мыколаю, пывъ воду, тай довго такъ тутъ забарывся[1] черезъ тее, що тутынька дуже хороше, называетця рай, опредиляный для тея бидной вдовы, що мы въ неи ночувалы, бо вона на симъ свити цилый викъ гирько бидовала, терпила та плакала, но була добрая жинка и честнàя — то за тее по смерти буде маты въ симъ раю вичное прибогатое счастье. Отъ бачь, якъ то робытця; будь добрый чоловиче, не вповай на земнее счастье, та любы бидныхъ и старайся, небоже, — то, якъ кажуть, Богъ въ симъ и будущимъ вику поможе!»

Записана въ Васильковскомъ у., Кіевской губ. Изъ собранія В. И. Даля.

4

Исцѣленіе

Вотъ видишь ли, скажу тваёй миласти, былъ адинъ священникъ бяднѣющій, пребяднѣющій. Приходъ ли у нево былъ больна малый, али какъ тебѣ сказать, правду молвить: што иное, толька, слышъ, все малился Богу, кабы въ достаткѣ-та быть пасправнѣе. Вотъ онъ всё малился, ды малился, день и ночь малился, и Николу милосливава прасплъ все, кабы справица. Анъ нѣтъ — лихъ! не даетъ Богъ ему счастья. Вотъ онъ пашолъ йзъ дому, куды глаза глядятъ: шолъ-шолъ, все шолъ, и увидалъ онъ: возля дороги сидятъ двоя съ сумками, какъ и онъ пѣшіе — ну, знашъ, присѣли атдахнуть. Адинъ-атъ малодинькай съ бароткай, а другой-ятъ сѣдинькай старичокъ. Адинъ-атъ, знашъ, былъ самъ Христосъ, а другой-ятъ Никола милосливай. Вотъ онъ абрадавался, патшолъ къ нимъ и гаваритъ:

[1]) Замѣшкался.

«Ну, братцы! вы, какъ и я же, пѣшкомъ идете? кто вы дискать таковы?» Ани ему сказали: «Мы ворожецы. знахари, и варажить умѣемъ и лѣчимъ». — «Ну, слышъ, нельзя ли вамъ взять и меня съ сабою?» — «Пайдемъ. гаварятъ ему: толька матряй[1] все поравну дѣлить». — «Знама дѣла, што поравну». Вотъ эвтимъ дѣламъ-та и пашли ани всѣ троя вмѣсти. Шли ани, шли, устали и зашли начавать въ избушку. Попъ-атъ все у себя съ вечеру съѣлъ, што, знашъ, былъ у нево съѣснова. А у Христа съ Николай милосливымъ была адна лишъ прасвирачка, и ту палажили ани на полачку у абразовъ да другова дни. На утро попъ всталъ; захатѣлась ему ѣсть, онъ взялъ украткай ту прасвирачку и съѣлъ. Христосъ-атъ схватился прасвирачки, анъ лихъ нѣтъ ее! «Хто, слышъ, маю прасвирачку съѣлъ?» гаваритъ папу. Онъ запёрся, сказалъ: «Знать не знаю, я не ѣлъ». Вотъ такъ таму дѣлу и быть. Встали, вышли изъ избушки и пашли апять; шли ани, шли, и пришли въ адинъ горатъ. Вотъ малодинькай съ бароткай знахарь, знашъ, Христосъ-атъ, и гаваритъ: «Въ эвтамъ гараду у багатава де барина есть бальная дочь; нихто не смохъ ее излѣчить, айдате-ка[2] мы къ нему». Пришли ани къ таму барину, стали стучатца у нево падъ акномъ: «Пусти-ка насъ; мы, слышъ, вылѣчимъ тваю дочь». Вотъ пустили ихъ. Далъ имъ тотъ баринъ лѣчить сваю дочь; ани взяли ее и павели въ баню. Привели въ баню, и Христосъ-атъ всеё ее разрѣзалъ на части: ана и не слыхала, и не плакала, и не кричала. Разрѣзалъ на части ее, взялъ и перемылъ всеё на всеё въ трехъ вадахъ. Перемылъ въ трехъ вадахъ и слажилъ ее всеё вмѣсти папрежняму, какъ была. Слажилъ вмѣсти, и спрыснулъ разъ — ана сраслась; спрыснулъ

[1]) Смотри.
[2]) Пойдемте.

въ другой — она пашевелилась; спрыснулъ въ третій — ана встала. Привели ее къ атцу; ана, знашъ, и гаваритъ: «Я ва всемъ здарова папрежняму». Вотъ баринъ тотъ ихъ вдоваль сыто-на́сыто всѣмъ накармилъ и напаилъ. Попъ ѣлъ, ѣлъ, насилу съ мѣста всталъ. а тѣ, знашъ, Христосъ-атъ ды Никола миласливай. немношка закусили. и сыты. Вотъ пасля́ баринъ-атъ аткрылъ имъ сундукъ съ деньгами: «Ну, слышъ, берите, сколька душѣ вашей угодна». Вотъ Христосъ взялъ горсточку, ды Никола миласливай другую; а попъ началъ савать вездѣ себѣ, и въ карманы, и за пазуху, и въ суму, и въ сапаги — и́льно[1] вездѣ была по̀лна.

Вотъ эвтимъ дѣламъ-та пашли ани апять въ дарогу: шли, шли, и пришли къ рѣчкѣ. Христосъ съ Николай миласливымъ разомъ перешли легоханька, а попъ-атъ съ деньгами шолъ-шолъ па вадѣ-та и началъ была тануть. Съ другова-та берегу Христосъ съ Николай миласливымъ кричатъ ему: «Брось, брось деньги! брось, слышъ, деньги! а то утонишь». — «Нѣтъ, гаваритъ: хоть утану, а ихъ не брошу». — «Брось, брось деньги! а то захлебнешься, помрешь». — «Нѣтъ, умру — не брошу!» гаваритъ попъ, и каё-какъ перебрелъ онъ съ деньгами-та черезъ рѣчку. И сѣли всѣ троя на бережокъ. Христосъ-атъ и гаваритъ папу: «Давай деньги-та дѣлить». А попъ не даетъ: «Эвта маи деньги! Вы што не брали себѣ больше? я чуть бы́ла не утанулъ съ ними, а вы гаварили: брось ихъ». — «А угаворъ-атъ, сказалъ Христосъ: вить лутча денихъ». Вотъ попъ сталъ выкладывать сваи деньги въ кучу. и Христосъ съ Николай миласливымъ слажили сваи туды жа. Вотъ эвтимъ дѣламъ-та сталъ Христосъ дѣлить деньги и класть на четыре кучки, на четыре доли. Попъ-атъ гаваритъ: «Насъ де троя; каму кладешь ты ишо че-

[1]) Такъ что.

твертую долю?» — «Четвертая доля таму, гаваритъ Христосъ: хто маю прасвирачку съѣлъ». — «Я, слышъ, ее съѣлъ!» патхватилъ попъ. Вотъ Христосъ-атъ съ Николай миласливымъ усмѣхнулись. «Ну, кали ты маю прасвирачку съѣлъ, такъ вотъ тебѣ эвти двѣ кучки денихъ. Ды вотъ и маю вазьми себѣ-же», гаваритъ Христосъ. «И маю, слышъ, кучку возьми себѣ», гаваритъ Никола миласливай. «Ну, таперь у тебя многа денихъ! ступай дамой, а мы пайдемъ адни».

Попъ-атъ взялъ всѣ деньги и пашолъ адинъ. Пашолъ, знашъ, и думаетъ: чѣмъ, дискать, мнѣ дамой идти, лутча пайду я адинъ лѣчить; я теперь съумѣю — видѣлъ, какъ лѣчутъ. Вотъ онъ шолъ-шолъ, пришолъ въ горатъ и проситца къ аднаму багатаму купцу: узналъ, знашъ, што у нево есть дочь бальная, и нихто ее не мохъ излѣчить. Проситца къ багатаму купцу: «Пустите меня, я вашу бальную дочь вылѣчу». Пустили ево. Онъ, знашъ, увѣрилъ ихъ, што вылѣчитъ. Ну харашо, такъ таму дѣлу и быть: вылѣчитъ, такъ вылѣчитъ! Вотъ выпрасилъ онъ бальшой ношъ вострай; и павелъ бальную въ баню, и началъ ее рѣзать на части: знашъ, видѣлъ — какъ Христосъ-атъ рѣзалъ. Толька нука кричать эвта бальная; кричала, кричала, што ни есть мочи! «Не кричи, слышъ, не кричи, будишь здарова!» Вотъ изрѣзалъ ее замертво на части, и началъ ее перемывать въ трехъ вадахъ. Перемылъ и началъ складывать апять, какъ была папрежняму; анъ лихъ не складываетца ана папрежняму. Вотъ онъ мучился, мучился надъ нею, каё-какъ слажилъ. Слажилъ и спрыснулъ разъ — анъ, слышъ, ана не срастаетца; спрыснулъ въ другой — нѣтъ толку; спрыснулъ въ третій — все, знашъ, бе́зъ толку. «Ну, бѣда моя! прапалъ я таперь! угажу на висилицу, либа матряй въ Сибирь и на катаргу!» Началъ плакать и малитца Богу и Николѣ

миласливаму, штопъ паслали ему апять тѣхъ знахарей. И видитъ въ акошка, што идутъ къ нему въ баню тѣ знахари: малодинькай съ бароткай и сѣдинькай старичокъ. Вотъ какъ абрадавался имъ! Бухъ имъ въ ноги: «Батюшки маи! будьте атцы радные! Взялся я лѣчить па-вашему, да не выходитъ . . .» А эвти знахари апять, знашъ, были Христосъ и Никола миласливай. Взашли, усмѣхнулись и гаварятъ: «Ты бо́льна скора выучился лѣчить-та!» Вотъ Христосъ-атъ взялъ мертваю всеё па частямъ перемылъ, ды и слажилъ. Слажилъ, знашъ, папрежняму, какъ была, и спрыснулъ разъ — ана сраслась, спрыснулъ въ другой — ана пашевелилась, спрыснулъ въ третій — она встала. Вотъ попъ-атъ перекрестился: «Ну, слава тебѣ, Господи! ушъ вотъ какъ ратъ — сказать нельзя!» — «Вазьми, сказалъ Христосъ: и атведи ее таперь къ атцу; ды матряй, больше не лѣчи!» — крѣпко-накрѣпко наказалъ ему: «а не то прападешь!» Вотъ знахари-тѣ, Христосъ и Никола миласливай, пашли са двара, а попъ-атъ привелъ ее къ атцу: «Я ее, слышъ, излѣчилъ». Дочь сказала атцу, што ана таперь здарова папрежняму. Купецъ нука ево паить, кармить, угаварнвать, штопъ астался онъ у нево-та. «Нѣтъ, не астанусь!» Вотъ купецъ ему денихъ далъ вдоваль, лошать съ павоскай, и попъ ушъ пряма паѣхалъ дамой и палажилъ зарокъ, што лѣчить таперь не станитъ.

Записана въ Чистопольскомъ у., Казанской губ.

5

Попъ-завидущіе глаза

Въ приходѣ святого Николы жилъ одинъ попъ. У этого попа глаза были самые поповскіе. Служилъ онъ Николѣ нѣсколько лѣтъ, до того дослужилъ, что не осталось у него ни кола, ни двора, ни хлѣба, ни пріюта.

Собралъ нашъ попъ всѣ ключи церковные, увидѣлъ икону Николы, съ горя ударилъ его по плѣши ключами и пошелъ изъ своего прихода, куда глаза глядятъ. Шелъ онъ путемъ-дорогой. Вдругъ пался ему на стрѣту незнамой человѣкъ. «Здравствуй, доброй человѣкъ! сказалъ онъ попу: куда идешь и откуда? Возьми меня къ себѣ въ товарищи». Вотъ и пошли они вмѣстяхъ. Шли, шли они нѣсколько верстъ, пріустали; пора отдохнуть. У попа было въ рясѣ немного сухариковъ, а у принятаго товарища двѣ просвирки. Попъ говоритъ ему: «Давай съѣдимъ прежде твои просвирки, а тамъ примемся и за сухари». — «Ладно, говоритъ ему незнамой: съѣдимъ просвирки мои, а твои сухари оставимъ на послѣ». Вотъ они ѣли-ѣли просвирки; оба наѣлись досыта, а просвирки не убывали. Попу стало завидно. «Семъ-ка, думаетъ онъ: я у него украду ихъ». Старичокъ послѣ обѣда легъ одохнуть, а попъ все смекаетъ, какъ бы украсть у него просвирки? Заснулъ старичокъ. Попъ стянулъ у него изъ кармана просвирки; сидитъ да ѣстъ втихомолку. Проснулся старичокъ, хватился просвирокъ своихъ — нѣту ихъ! «Гдѣ мои просвирки? вскрычалъ онъ: кто съѣлъ ихъ? ты, попъ?» — «Нѣтъ, право не я», сказалъ ему попъ. «Ну ладно»!

Вотъ встряхнулись они, пошли опять путемъ-дорогой. Идутъ, идутъ; вдругъ дорога разсѣкается на двѣ розстани[1]. Вотъ они пошли оба въ одну сторону. Дошли до какого-то царства. Въ этомъ царствѣ у царя была дочь при смерти, и царь объявилъ, что кто вылѣчитъ его дочь, тому полжитья́-полбытья́-полцарства, а не вылѣчитъ — голова съ плечъ, на тычинку повѣсятъ. Вотъ они пришли; противъ царскаго дворца *палируются*,

[1]) Розстань — мѣсто, гдѣ одна дорога раздѣляется на двѣ; перекрестокъ.

дохтурами называются. Выходили изъ царскаго дворца слуги и спрашивали ихъ: «Что вы за̀ люди? изъ какихъ родовъ, изъ какихъ городовъ? что вамъ на̀доть?» — «Мы, говорятъ они: дохтуры; можемъ царевну вылѣчить». — «Ну, коли дохтуры, заходите въ палату». Вотъ они вошли въ палату, поглядѣли царевну, попросили у царя особой избы, обре́за воды, вострой сабли, большого стола. Царь все это далъ имъ. Заперлись они въ особую избу, клали царевну на большой столъ, разсѣкали ее вострой саблей на мелкія части, кидали въ обрезъ съ водой, мыли, полоскали; потомъ стали складывать штука къ штукѣ; какъ старичокъ дунетъ, такъ штука съ штукой и склеиваются. Склалъ онъ всѣ штуки какъ на̀доть, въ послѣдній разъ дунулъ царевна встрепенулась и встала жива и здрава. Приходитъ самъ царь къ избѣ ихной и говоритъ: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!» — «Аминь!» отвѣчаютъ ему. «Вылѣчили ль царевну?» спрашиваетъ царь. «Вылѣчили, говорятъ дохтуры: вотъ она!» Царевна вышла къ царю жива и здрава. Царь говоритъ дохтурамъ: «Что хотите вы отъ добра? злата ли, серебра ли? берите!» Вотъ они начали брать злато и серебро; старичокъ беретъ пя́сточкой[1], а попъ горсточкой и все кладетъ въ сумку свою; покладетъ, покладетъ, да попризды̀ма̀ётъ[2]: заберетъ ли его могута̀[3]. Потомъ они распростились съ царемъ и пошли. Старичокъ говоритъ попу: «Эти мы деньги въ землю складемъ, а сами опять лѣчить пойдемъ». Вотъ они шли, шли: дошли опять до другого царства. Въ этомъ царствѣ у царя была тоже при смерти дочь, и царь объявилъ, что кто вылѣчитъ его дочь, тому полжитья́-полбытья́-

[1]) Щепоткой, тремя пальцами.
[2]) Да приподниметъ.
[3]) Возьметъ ли его сила.

полцарства, а не вылѣчитъ — голова съ плечъ, на тычинку повѣсятъ. Вотъ они пришли; противъ царскаго дворца *палируются*, дохтурами называются . . .

[Повторяется слово въ слово тотъ же разсказъ объ излѣченіи царевны].

Приходятъ они опять въ третіе царство, въ которомъ тоже царевна при смерти, и царь обѣщалъ тому, кто ее вылѣчитъ, полжитья́-полбытья́-полцарства, не вылѣчитъ — голова съ плечъ, на тычинку повѣсятъ. Завиднаго попа мучитъ лукавый: какъ бы не сказать старичку, а вылѣчить одному, серебро и злато захватить одному бы? Противъ царскихъ воротъ ходитъ попъ, *палируется*, дохтуромъ называется. Такимъ же образомъ проситъ у царя особой избы, обреза воды, большого стола, вострой саблп. Заперся онъ въ особую избу, клалъ царевну на столъ, рубилъ вострой саблей, и какъ царевна ни крычала, какъ ни визжала, попъ, не глядя ни на крыкъ, ни на визгъ, знай рубитъ да рубитъ, словно говядину. Разрубилъ онъ ее на мелкія части, скидалъ въ обрезъ, мылъ, полоскалъ, склалъ штука къ штукѣ, такъ же какъ дѣлалъ старичокъ; глядитъ, какъ будутъ склеиваться всѣ штуки. Какъ дунетъ — такъ нѣтъ ничего! опять дунетъ — хуже того! Вотъ попъ ну опять складывать штуки въ воду; мылъ-мылъ, полоскалъ-полоскалъ, и опять приложилъ штука къ штукѣ; дунетъ — все нѣтъ ничего! «Ахти *мнѣциньки*! думаетъ попъ: бѣда!» Поутру приходитъ царь и видитъ: никакихъ нѣтъ успѣховъ у дохтура; все тѣло смѣшалъ съ дрянью. Царь велѣлъ дохтура въ петлю. Взмолился нашъ попъ: «Царь, вольной человѣкъ! оставь меня на мало время: я сбѣгаю за старичкомъ, онъ вылѣчитъ царевну». Побѣгъ попъ старичка искать; нашелъ старичка, и говоритъ: «Старичокъ! виноватъ я окаянный; попуталъ меня бѣсъ:

хотѣлъ я одинъ вылѣчить у царя дочь, да не могъ; хотятъ меня вѣшать. Помоги мнѣ!» Пошелъ старичокъ съ попомъ. Повели попа въ петлю. Старичокъ говоритъ попу: «Попъ, а кто съѣлъ мои просвирки?» — «Право, не я, ей-Богу, не я!» Взвели его на другую ступеньку. Старичокъ говоритъ попу: «Попъ, а кто съѣлъ мои просвирки?» — «Право, не я! ей-Богу! не я!» Взвели на третью, опять: «не я!» Сейчасъ голову въ петлю, и все: «не я!» Ну, нечего дѣлать! Старичокъ говоритъ царю: «Царь, вольной человѣкъ! позволь мнѣ царевну вылѣчить; а если не вылѣчу,-вели вѣшать другую петлю: мнѣ петля и попу петля!» Вотъ старичокъ склалъ куски тѣла царевнина штука къ штукѣ, дунулъ — и царевна встала жива и здрава. Царь наградилъ ихъ обоихъ серебромъ и златомъ. «Пойдемъ же, попъ, деньги дѣлить», сказалъ старикъ. Пошли. Склали всѣ деньги на три кучки. Попъ глядитъ: «Какъ же! насъ двое, кому же третья-то часть?» — «А это тому, сказалъ старичокъ: кто съѣлъ у меня просвирки» — «Я съѣлъ, старичокъ! вскрычалъ попъ: право я, ей-Богу я!» — «Ну, на̀ тебѣ и деньги, да возьми и мои. Служи вѣрно въ своемъ приходѣ, не жадничай, да не бей ключами Николу по плѣши», — сказалъ старичокъ и вдругъ сталъ невидимъ.

Записана въ Шенкурскомъ у., Архангельской губ., г. Н. Борисовымъ.

6
Превращеніе

Жиу адзинъ багаты чалавѣкъ, други бѣдны; багаты — банкетъ, а бѣдны ницъ не мѣу. Прыходзиць да багатаго дзѣдъ и просицца на̀ начъ, дый каже: «Гаспадарокъ, мой галубокъ! ци пусьциу бы ты мене на̀ начъ?» Іонъ ницъ не дау ямý, да й гордо ат-

казау: «У мене, каже, никали не начавали ни убогіе, ни бѣдные, ни падарожные; дакъ и ты не будзешъ начаваць. Идзи у тую хату, што небамъ пакрыта; тамъ заусіоды начуюць бѣдные, убогіе и падарожные, то и ты тамъ будзешъ начаваць. Цебе тамъ пусьцяць!» Старикъ каже: «Гаспадарокъ, мой галубокъ! пакажы, гдзѣ тая хата, што небамъ пакрыта?» Гаспадаръ вышоу паказываць: «Да вонъ дзѣ тая хата небамъ пакрыта, гдзѣ начуюць бѣдные, убогіе и падарожные; тамъ и цебе пусьцяць». Дакъ дзѣдъ пагладзиу гаспадара па галавѣ, и той гаспадаръ стау каніомъ.

Проспица дзѣдъ у бѣднаго на начъ и каже: «Гаспадарокъ, мой галубокъ! пусьци мене на начъ». — «Можно, дзѣдку! у мене начуюць убогіе, бѣдные и падарожные». — «Кали, гаспадарокъ, я з' каніомъ». Дакъ іонъ каже: «Дзѣдку! у мене поставиць нима гдзѣ. и сѣна нима. чаго даць ямý ѣсць». Дзѣдъ каже: «Я бъ на дварѣ паставиу, кастрыцы[1] падкинуу, дакъ и будзе ѣсць!» Дакъ бѣдны павіоу каня и паставиу на дварѣ, а дзѣдъ пашоу самъ у хату. Назаутра, якъ дзѣдъ адхадзиу, каже: «Дарую я табѣ гэтаго каня на твае спрацтво»[2]. Гаспадаръ зачау ямý дзякаваць[3], и каже да жонки: «Жонко! возьміомъ и вывазимъ хату». И вывазили хату[4].

Апяць прышоу дзѣдъ на начъ, дакъ той гаспадаръ не пусьциу. «Я той самы стары, а ты мене не пазнау!» И узяу изноу погладзиу таго каня па галавѣ, и стау іонъ человѣкомъ; а бѣдны безъ каня зноу зробиуся бѣднымъ.

Записана въ Новогрудскомъ у., Гродненской губ., старшимъ учителемъ Новогрудскаго дворянскаго училища М. Дмитріевымъ.

[1]) Труха остающаяся послѣ льна и конопли.
[2]) На бѣдность, сиротство.
[3]) Благодарить.
[4]) Т.-е. навозили лѣсу на новую избу.

7

Пиво и хлѣбъ

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ богатой крестьянинъ; много у него было и денегъ и хлѣба. И давалъ онъ по всей деревнѣ бѣднымъ мужичкамъ взаймы: деньги давалъ изъ процентовъ, а коли дастъ хлѣба, то весь сполна возврати на лѣто, да сверхъ того за каждый четверикъ два дня ему проработай на полѣ. Вотъ разъ случилось: подходитъ храмовой праздникъ и стали мужички варить къ празднику пиво; только въ этой самой деревнѣ былъ одинъ мужикъ да такой бѣдной, что скуднѣй его во всемъ околоткѣ не было. Сидитъ онъ вечеромъ, наканунѣ праздника, въ своей избёнкѣ съ женою и думаетъ: «Что дѣлать? люди добрые станутъ гулять, веселиться; а у насъ въ домѣ нѣтъ ни куска хлѣба! Пошелъ бы къ богачу попросить въ долгъ, да вѣдь не повѣритъ; да и что съ меня, горемычнаго, взять послѣ?» Подумалъ-подумалъ, приподнялся съ лавки, сталъ передъ образомъ и воздохнулъ тяжелёхонько. «Господи! говоритъ: прости меня грѣшнаго; и масла-то купить не на что, чтобъ лампадку передъ иконою затеплить къ празднику!» Вотъ немного погодя приходитъ къ нему въ избушку старецъ: «Здравствуй, хозяинъ!» —«Здорово, старичокъ!»—«Нельзя ль у тебя переночевать?» —«Для чего нельзя! ночуй, коли угодно; только у меня, родимой, нѣтъ ни куска въ домѣ, и покормить тебя нечѣмъ». —«Ничего, хозяинъ! у меня есть съ собой три кусочка хлѣбушка, а ты дай ковшикъ водицы: вотъ я хлѣбцемъ-то закушу, а водицей прихлебну — тѣмъ сытъ и буду». Сѣлъ старикъ на лавку и говоритъ: «Что, хозяинъ, такъ пріунылъ? о чемъ запечалился?» —«Эхъ, старина! отвѣчаетъ хозяинъ: какъ не тужить

мнѣ? вотъ далъ Богъ — дождались мы праздника, люди добрые станутъ радоваться и веселиться, а у насъ съ женою хоть шаромъ покати, — кругомъ пусто!» — «Ну, что жъ? говоритъ старикъ: пойди къ богатому мужику, да попроси у него въ долгъ что надо». — «Нѣтъ, не пойду; все равно не дастъ!» — «Ступай, пристаетъ старикъ: иди смѣло и проси у него четверикъ солоду; мы съ тобой пива наваримъ». — «Э, старичокъ! теперича поздно; когда тутъ пиво варить? вить праздникъ-то завтра». — «Ужъ я тебѣ сказываю: ступай къ богатому мужику и проси четверикъ солоду; онъ тебѣ сразу дастъ! небось, не откажетъ! А завтра къ обѣду такое пиво у насъ будетъ, какого во всей деревнѣ никогда не бывало!» Нечего дѣлать, собрался бѣднякъ, взялъ мѣшокъ подъ мышку и пошелъ къ богатому. Приходитъ къ нему въ избу, кланяется, величаетъ по имени и отчеству, и проситъ въ заемъ четверикъ солоду: хочу де къ празднику пива сварить. «Что жъ ты прежде-та думалъ! говоритъ ему богатой: когда теперича варить? вить до праздника всего на всего одна ночь осталась». — «Ничего, родимой! отвѣчаетъ бѣдной: коли милость твоя будетъ, мы какъ-нибудь сваримъ себѣ съ женою, будемъ вдвоемъ пить да величать праздникъ». Богатой набралъ ему четверикъ солоду и насыпалъ въ мѣшокъ; бѣдной поднялъ мѣшокъ на плечи и понесъ домой. Воротился и разсказалъ, какъ и что было. «Ну хозяинъ! молвилъ старикъ: будетъ и у тебя праздникъ. А что, есть ли на твоемъ дворѣ колодезь?» — «Есть», говоритъ мужикъ. «Ну, вотъ мы въ твоемъ колодезѣ и наваримъ пива; бери мѣшокъ да ступай за мною». Вышли они на дворъ и прямо къ колодезю. «Высыпай-ка сюда!» говоритъ старикъ. «Какъ можно такое добро въ колодезь сыпать! отвѣчаетъ хозяинъ: только одинъ четверикъ и есть, да и тотъ задаромъ должонъ пропасть!

Хорошаго ничего мы не сдѣлаемъ, только воду смутимъ». — «Слушай меня, все хорошо будетъ!» Что дѣлать, вывалилъ хозяинъ въ колодезь весь свой солодъ. «Ну, сказалъ старецъ: была вода въ колодезѣ, сѣлайся за ночь пивомъ! . . . Теперь, хозяинъ, пойдемъ въ избу да ляжемъ спать, — утро мудренѣе вечера; а завтра къ обѣду поспѣетъ такое пиво, что съ одного стакана пьянъ будешь». Вотъ дождались утра; подходитъ время къ обѣду, старикъ и говоритъ: «Ну, хозяинъ! теперича доставай ты побольше ушатовъ, становi кругомъ колодезя и наливай пивомъ полнёхоньки, да и зови всѣхъ, кого ни завидишь, пить пиво похмельное». Бросился мужикъ по сосѣдямъ. «На что тебѣ ушаты понадобились?» спрашиваютъ его. «Оченно, говоритъ, нужно; нѣ во что пива сливать». Вздивовались сосѣди: «что такое значитъ! не съ ума ли онъ спятилъ? куска хлѣба нѣтъ въ домѣ, а еще о пивѣ хлопочетъ!» — Вотъ хорошо, набралъ мужикъ ушатовъ двадцать, поставилъ кругомъ колодезя и сталъ наливать — и такое сдѣлалось пиво, что ни вздумать, ни взгадать, только въ сказкѣ сказать! Налилъ всѣ ушаты полнымъ-полнёхоньки, а въ колодезѣ словно ничего не убыло. И сталъ онъ кричать, гостей на дворъ зазывать: «Эй, православные! пожалуйте ко мнѣ пить пиво похмельное; вотъ пиво — такъ пиво!» Смотритъ народъ, что за диво такое? вишь налилъ изъ колодезя воды, а зоветъ на пиво; да-ка зайдемъ, посмотримъ, на какъ это хитрость онъ поднялся? Вотъ повалили мужики къ ушатамъ, стали черпать ковшикомъ, пиво пробовать; оченно показалось имъ это пиво: «Отродясь де такого не пивали!» И нашло народу полонъ дворъ. А хозяинъ не жалѣетъ, знай себѣ черпаетъ изъ колодезя да всѣхъ сплошь и угощаетъ. Услыхалъ про то богатой мужикъ, пришелъ къ бѣдному на дворъ, попробовалъ пива, и

зачалъ просить бѣднаго: «Научи де меня, какой хитростью сотворилъ ты эдакое пиво?» — «Да тутъ нѣтъ никакой хитрости, отвѣчалъ бѣдной: дѣло самое простое, — какъ принесъ я отъ тебя четверикъ солоду, такъ прямо и высыпалъ его въ колодезь: была де вода, сдѣлайся за ночь пивомъ!» — «Ну, хорошо же! думаетъ богатой: только ворочусь домой, такъ и сдѣлаю». Вотъ приходитъ онъ домой и приказываетъ своимъ работникамъ таскать изъ анбара самой что ни есть лучшій солодъ и сыпать въ колодезь. Какъ взялись работники таскать изъ анбара, и впёрли въ колодезь кулей десять солоду. «Ну, думаетъ богатой: пиво-то у меня будетъ получше, чѣмъ у бѣднаго!» Вотъ на другое утро вышелъ богатой на дворъ и поскорѣй къ колодезю, почерпнулъ и смотритъ; какъ была вода — такъ и есть вода! только мутнѣе стала. «Что такое! должно быть мало солоду положили; надо прибавить», думаетъ богатой и велѣлъ своимъ работникамъ еще кулей пять ввалить въ колодезь. Высыпали они и въ другой разъ; не тутъ-то было, ничего не помогаетъ! весь солодъ задаромъ пропалъ. Да какъ прошелъ праздникъ, и у бѣднаго осталась въ колодезѣ только сущая вода; пива все равно какъ не бывало.

Опять приходитъ старецъ къ бѣдному мужику и спрашиваетъ: «Послушай, хозяинъ! сѣялъ ли ты хлѣбъ-атъ нынѣшнимъ годомъ?» — «Нѣтъ, дѣдушка, ни зерна не сѣялъ!» — «Ну, ступай же теперича опять къ богатому мужику и проси у него по четверику всякаго хлѣба; мы съ тобой поѣдемъ на поле да и посѣемъ». — «Какъ теперича сѣять? отвѣчаетъ бѣдной: вѣдь на дворѣ зима трескучая!» — «Не твоя забота! дѣлай, что приказываю. Наварилъ тебѣ пива, насѣю и хлѣба!» Собрался бѣдной, пошелъ опять къ богатому и выпросилъ у него въ долгъ по четверику всякаго зерна. Воро-

тился и говоритъ старику: «Все готово, дѣдушка!» Вотъ вышли они на́ поле, разыскали по примѣтамъ мужикову полосу — и давай разбрасывать зерно по бѣлому снѣгу. Все разбросали. «Теперича, сказалъ старикъ бѣдному: ступай домой и дожидай лѣта, будешь и ты съ хлѣбомъ!» Только пришелъ бѣдной мужикъ въ свою деревню, какъ провѣдали про него всѣ крестьяне, что онъ середь зимы хлѣбъ сѣялъ; смѣются на него — да и только: «Эка онъ, сердечной, хватился когда сѣять! осенью небось не догадался!» Ну, хорошо; дождались весны, сдѣлалась теплынь, снѣга растаяли, и пошли зеленые всходы. «Да-ка, вздумалъ бѣдной: пойду — посмотрю, что на моей землѣ дѣлается». Приходитъ на свою полосу, смотритъ, а тамъ такіе всходы, что душа не нарадуется! на чужихъ десятинахъ и вполовину не такъ хороши. «Слава Тебѣ Господи! говоритъ мужикъ: теперича и я поправлюсь». Вотъ пришло время жатвы; начали добрые люди убирать съ поля хлѣбъ. Собрался и бѣдной, хлопочетъ съ своею женою, и никакъ не сможетъ управиться; принужденъ созывать къ себѣ на жнитво рабочій народъ и отдавать свой хлѣбъ изъ половины. Дивуются всѣ мужики бѣдному: земли онъ не пахалъ, сѣялъ серѐдь зимы, а хлѣбъ у него выросъ такой славной. Управился бѣдной мужикъ и зажилъ себѣ безъ нужды; коли что надо по хозяйству — поѣдетъ онъ въ городъ, продастъ хлѣба четверть, другую, и купитъ что знаетъ; а долгъ свой богатому мужику сполна заплатилъ. Вотъ богатой и думаетъ: «Да-ка и я зимой посѣю; авось и на моей полосѣ уродится такой-же славной хлѣбъ». Дождался того самаго дня, въ который сѣялъ бѣдной мужикъ прошлымъ годомъ, навалилъ въ сани нѣсколько четвертей разнаго хлѣба, выѣхалъ въ поле и давай сѣять по́ снѣгу. Засѣялъ все поле; только поднялась

къ ночи погода, подули сильные вѣтры и свѣяли съ его земли все зерно на чужія полосы. Вотъ и весна-красна; пошелъ богатой на́ поле и видитъ: пусто и голо на его землѣ, ни одного всхода не видать. а вездѣ, на чужихъ полосахъ. гдѣ ни пахано, ни сѣяно, поднялись такія зеленя́, что любо-дорого! И раздумался богатой: «Господи, много издержалъ я на сѣмена — все нѣтъ толку; а вотъ у моихъ должниковъ ни пахано, ни сѣяно — а хлѣбъ самъ собой растетъ! Должно быть, я — великой грѣшникъ!»

Изъ собранія В. И. Даля.

8

Христовъ братецъ

Одинъ старикъ, умирая. завѣщалъ своему сыну, чтобы онъ не забывалъ нищихъ. Вотъ на Свѣтлый день собрался онъ въ церковь и взялъ съ собой красныхъ яицъ христосоваться съ нищіей братіей, хоть и крѣпко забранилась на него мать, — а была она злая, къ бѣднымъ немилостивая. Въ церкви не достало ему одного яйца: оставался еще одинъ срàмной нищій, и позвалъ его парень на́ домъ къ себѣ разговѣться. Какъ увидала мать нищаго, больно осерчала: «Лучше, говоритъ, со псомъ разговѣться, нежели съ такимъ срàмнымъ старикомъ!» — и не стала разговляться. Вотъ сынъ со старикомъ разговѣлись и пошли отдохнуть. И видитъ сынъ: на старикѣ одёжонка плохинькая, а крестъ какъ жаръ горитъ. «Давай, говоритъ старецъ: крестами мѣняться; будь ты мнѣ братъ крестовый!» — «Нѣтъ, братъ! отвѣчаетъ парень: коли я захочу — такъ куплю себѣ эдакой крестъ, а тебѣ негдѣ взять». Однако старикъ уговорилъ парня помѣняться и позвалъ его къ себѣ въ гости во вторникъ на Святой. «А дорога,

говоритъ, — вонъ ступай по той дорожкѣ; скажи только: благослови, Господи! — такъ и дойдешь до меня».

Вотъ въ самый вторникъ вышелъ парень на тропинку, сказалъ: «Благослови, Господи!» и пустился въ путь-дорогу. Прошелъ немного — и слышитъ дѣтскіе голоса: «Христовъ братецъ, скажи объ насъ Христу — долго ли намъ мучиться?» Прошелъ еще немного — и видитъ: дѣвицы изъ колодца въ колодецъ воду переливаютъ. «Христовъ братецъ, говорятъ онѣ ему: скажи объ насъ Христу — долго ли намъ мучиться?» Идетъ онъ дальше — и видитъ тынъ, а подъ тѣмъ тыномъ виднѣются старики; всѣхъ иломъ занесло! И говорятъ они: «Христовъ братецъ, скажи объ насъ Христу — долго ли намъ мучиться?» Идетъ все дальше и дальше — и вотъ усмотрѣлъ того самаго старца, съ которымъ вмѣстѣ онъ разговлялся. Старецъ у него спрашиваетъ: «Не видалъ ли чего по дорогѣ?» Парень разсказалъ ему все, какъ было. «Ну, узналъ ли ты меня?» говоритъ старецъ, — и только тутъ узналъ мужикъ, что это былъ самъ Господь Іисусъ Христосъ. «За что жъ, Господи, младенцы мучатся?» — «Ихъ мать во чревѣ прокляла, имъ въ рай и пройти нельзя!» — «А дѣвицы?» — «Обѣ молокомъ торговали, въ молоко воду мѣшали; теперь весь вѣкъ будутъ онѣ переливать воду!» — «А старики?» — «Какъ жили они на бѣломъ свѣтѣ, такъ говорили: только бы на этомъ свѣтѣ хорошо пожить, а на томъ все равно — хоть тынъ нами подпирай! Вотъ они весь вѣкъ и будутъ стоять подъ тыномъ». Потомъ повелъ Христосъ мужика по раю и сказалъ, что тутъ и ему мѣсто уготовано (мужику и выйти оттудова не хотѣлось!). А послѣ повелъ его къ аду, и сидитъ въ аду мать мужика; онъ и сталъ просить Христа: «Помилуй ее, Господи!» Повелѣлъ ему Христосъ свить напередъ веревку изъ кострики. Мужикъ свилъ веревку изъ кострики: видно

ужъ Господь такъ далъ! Приноситъ ко Христу. «Ну, говоритъ онъ: ты вилъ эту веревку тридцать лѣтъ, довольно потрудился за свою мать — вытащи ее изъ ада». Сынъ кинулъ веревку къ матери, а та сидитъ въ смолѣ кипучей. Веревка не горитъ — такъ Богъ далъ! Сынъ совсѣмъ было вытащилъ свою мать, ужъ за голову ее схватилъ, да она какъ крикнетъ на него: «Ахъ ты, борзой кобель, совсѣмъ было удавилъ!» — веревка оборвалась, и полетѣла грѣшница опять въ смолу кипучую. «Не хотѣла она, сказалъ Христосъ: и тутъ воздержать своего сердца; пусть-же сидитъ въ аду вѣки вѣчные!»

Доставлена отъ П. В. Кирѣевскаго.

(b*) Былъ-жилъ купецъ съ купчихою — оба скупы и къ нищимъ немилостивы. Былъ у нихъ сынъ, и задумали они его женить. Сосватали невѣсту и сыграли свадьбу. «Послушай, другъ! говорила молодая мужу: отъ свадьбы нашей осталось много напеченаго и наваренаго; прикажи все это скласть на возъ и развезти по бѣднымъ: пусть кушаютъ за наше здоровье». Купеческій сынъ сейчасъ позвалъ приказчика, и все, что отъ пира осталось, велѣлъ раздать нищимъ. Какъ узнали про то отецъ и мать, больно осерчали они на сына и сноху: «Эдакъ, пожалуй, раздадутъ все имѣніе!» и прогнали ихъ изъ дому. Пошелъ сынъ со своею женой, куда глаза глядятъ. Шли, шли, и приходятъ въ густой темной лѣсъ. Набрели на хижину — стоитъ пустая — и остались въ ней жить.

Прошло время немалое, наступилъ великой постъ; вотъ уже и постъ подходитъ въ концу. «Жена! говоритъ купеческой сынъ: я пойду въ лѣсъ, не удастся ли застрѣлить какой птицы, чтобъ было чѣмъ на праздникъ разговѣться». — «Ступай!» говоритъ жена. Долго ходилъ

онъ по лѣсу, не видалъ ни одной птицы; сталъ ворочаться домой и увидалъ — лежитъ человѣческая голова, вся въ червякъ. Взялъ онъ эту голову, положилъ въ сумку и принесъ къ женѣ. Она тотчасъ обмыла ее, очистила и положила въ уголъ подъ образа. Ночью подъ самый праздникъ засвѣтили они передъ иконами восковую свѣчу и зачали Богу молиться, а какъ настало время быть заутренѣ, подошелъ купеческой сынъ къ женѣ и говоритъ: «Христосъ воскресе!» Жена отвѣчаетъ: «Воистину воскресе!» И голова отвѣчаетъ: «Воистину воскресе!» Говоритъ онъ и въ другой, и въ третій разъ: «Христосъ воскресе!» — и отвѣчаетъ ему голова: «Воистину воскресе!» Смотритъ онъ со страхомъ и трепетомъ: оборотилась голова сѣдымъ старцемъ. И говоритъ ему старецъ: «Будь ты моимъ меньшимъ братомъ; пріѣзжай ко мнѣ завтра, я пришлю за тобой крылатаго коня». Сказалъ и исчезъ.

На другой день стоитъ передъ хижиной крылатый конь. «Это братъ за мной прислалъ», говоритъ купеческой сынъ, сѣлъ на коня и пустился въ дорогу. Пріѣхалъ, и встрѣчаетъ его старецъ. «Гуляй у меня по всѣмъ садамъ, сказалъ онъ: ходи по всѣмъ горницамъ; только не ходи въ эту, что печатью запечатана». Вотъ купеческой сынъ ходилъ-гулялъ по всѣмъ садамъ, по всѣмъ горницамъ; подошелъ наконецъ къ той, что печатью запечатана, и не вытерпѣлъ: «Дай посмотрю, что тамъ такое!» Отворилъ дверь и вошелъ; смотритъ — стоятъ два котла кипучіе; заглянулъ въ одинъ, а въ котлѣ сидитъ отецъ его и бьется оттуда выпрыгнуть; схватилъ его сынъ за бороду и сталъ вытаскивать, но сколько не силился, не могъ вытащить; только борода въ рукахъ осталась. Заглянулъ въ другой котелъ, а тамъ мать его мучится. Жалко ему стало, схватилъ ее за косу и давай тащить; но опять сколько ни силился,

ничего не сдѣлалъ; только коса въ рукахъ осталась. И узналъ онъ тогда, что то не старецъ, а самъ Господь назвалъ его меньшимъ братомъ. Воротился онъ къ нему, палъ къ стопамъ и молилъ о прощеніи, что нарушилъ заповѣдь и побывалъ въ запретной комнатѣ. Господь простилъ его и отпустилъ назадъ на крылатомъ конѣ. Воротился домой купеческой сынъ, а жена и говоритъ ему: «Что такъ долго гостилъ у брата?» — «Какъ долго! всего одни сутки пробылъ». — «Не одни сутки, а цѣлыхъ три года!» Съ тѣхъ поръ они еще милосерднѣе стали къ нищей братіи.

Изъ собранія В. И. Даля.

(с*) Въ одномъ селѣ жилъ мужикъ; у него былъ сынъ — доброй да набожной. Разъ отпросился онъ у отца и отправился на богомолье. Шелъ-шелъ, и пришелъ къ избушкѣ, а въ той избушкѣ стоитъ старичокъ на колѣняхъ и Богу молится. Усмотрѣлъ его старецъ и спрашиваетъ: «Кто ты таковъ и куда путь держишь?» — «Крестьянской сынъ, иду на богомолье». — «Иди сюда, давай вмѣстѣ молиться». Стали они рядомъ передъ святою иконою и долго-долго молились Богу. Окончили молитву; старецъ и говоритъ: «Давай теперь побратаемся». Побратались они, распрощались и пошли всякой своею дорогою.

Только воротился крестьянской сынъ домой, отецъ вздумалъ женить его; сосваталъ невѣсту и велитъ подъ вѣнецъ идти. «Батюшка, говоритъ крестьянской сынъ: позволь мнѣ весь вѣкъ свой Богу служить; я жениться не хочу». Отецъ и слышать того не хочетъ: «Ступай, да и ступай подъ вѣнецъ». Вотъ онъ подумалъ-подумалъ и ушелъ изъ родительскаго дому. Идетъ путемъ-дорогою, а навстрѣчу ему тотъ самой старецъ, съ которымъ онъ побратался. Взялъ его за руку и привелъ къ себѣ въ садъ. И показалось крестьянскому сыну, что побылъ

онъ здѣсь только три минуточки; а былъ онъ въ саду не три минуточки, а триста годовъ. Какъ воротился въ свое село, смотритъ — и церковь уже не та, и люди другіе. Сталъ спрашивать у священника: «Гдѣ же прежняя церковь и гдѣ такіе-то люди?» — «Этого я не запомню», говоритъ священникъ. «Гдѣ же та невѣста, отъ которой женихъ изъ-подъ вѣнца ушелъ?» Справился священникъ по книгамъ и сказываетъ: «Это ужъ давнымъ-давно было, назадъ тому триста лѣтъ». Потомъ разспросилъ онъ крестьянскаго сына, кто онъ таковъ и откуда явился; а какъ узналъ обо всемъ, велѣлъ причетникамъ обѣдню служить: «Это, говоритъ, меньшой братъ Христовъ!» Стала обѣдня отходить, началъ крестьянской сынъ умаляться; окончилась обѣдня — и его не стало.

Записана въ Зубцовскомъ у., Тверской г. Изъ собранія В. И. Даля.

9
Егорій Храбрый

Какъ во городѣ, во Ерусалимѣ,
При царѣ было, при Ѳедорѣ,
При царицѣ было, при Софеѣ,
Породила она Ѳедору три дочери,
Еще четвертаго Егорія Харабраго.
Выходитъ изъ той земли, изъ жидовскія,
Жидовскія, босурманскія,
Царища Мартемьянища.
Полонилъ онъ у Ѳедора три дочери,
Еще четвертаго Егорія Харабраго.
Злодѣй-царища Мартемьянища
Святому Егорію глаголуетъ:
«Охъ ты гой еси, Егорій Харабрый свѣтъ!
Ты не вѣруй самому Христу,
Самому Христу, царю небесному;

А ты вѣруй сатанѣ-врагу со діаволомъ».
Святой Егорій глаголуетъ:
«Я не вѣрую сатанѣ-врагу,
Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
А я вѣрую самому Христу,
Самому Христу, царю небесному!»
Злодѣй-цѣрища Мартемьянища
На святаго Егорія осержается,
На святое тѣло опаляется,
На святое тѣло на Егорьево:
Повелѣлъ Егорія въ топоры рубить.
Не добре Егорія топоры берутъ,
У топоровъ лезвея посломалися
Отъ святаго тѣла Егорьева.
Злодѣй-цѣрища Мартемьянища
Святому Егорію глаголуетъ:
«Охъ ты гой еси, Егорій Харабрый свѣтъ!
Ты не вѣруй самому Христу,
Самому Христу, царю небесному;
А ты вѣруй сатанѣ-врагу,
Сатанѣ-врагу со діаволомъ».
Святой Егорій глаголуетъ:
«Я не вѣрую сатанѣ-врагу,
Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
А я вѣрую самому Христу,
Самому Христу, царю небесному!»
Злодѣй-цѣрища Мартемьянища
На святаго Егорія осержается,
На святое тѣло опаляется,
На святое тѣло на Егорьево:
Повелѣлъ Егорія во смолѣ варить.
Не добре Егорія смола беретъ,
И поверхъ смолы Егорій плаваетъ,
Самъ стихи поетъ херувимскіе,

Онъ гласы гласитъ все евангельскіе.
Злодѣй-цàрища Мартемьянища
На святаго Егорія осержается,
На святое тѣло опаляется,
На святое тѣло на Егорьево:
Повелѣлъ Егорія во пилы пилить.
Не добре Егорія пилы берутъ,
У пилъ зубья поломалися
Отъ святаго тѣла отъ Егорьева.
Злодѣй-цàрища Мартемьянища
На святаго Егорія осержается,
На святое тѣло опаляется,
На святое тѣло на Егорьево:
Повелѣлъ Егорію сапоги ковать желѣзные,
Становить на плиты на чугунныя, на каленыя.
Не добре Егорія сапоги берутъ,
Въ сапогахъ стоитъ —
Самъ стихи поетъ херувимскіе,
А гласы гласитъ все евангельскіе.
Злодѣй-цàрища Мартемьянища
Святому Егорію глаголуетъ:
«Охъ ты гой еси, Егорій Харабрый свѣтъ!
Ты не вѣруй самому Христу,
Самому Христу, царю небесному;
А ты вѣруй сатанѣ-врагу,
Сатанѣ-врагу со діаволомъ».
Святой Егорій глаголуетъ:
«Я не вѣрую сатанѣ-врагу со діаволомъ,
А я вѣрую самому Христу,
Самому Христу, царю небесному!»
Злодѣй-цáрища Мартемьянища
На святаго Егорія осержается,
На святое тѣло опаляется,
На святое тѣло на Егорьево:

Повелѣлъ Егорію погреба копать,
Погреба копать ему глубокіе —
Длины погребъ сорокъ сажень,
Ширины погребъ тридцать сажень.
Глубины погребъ двадцать сажень;
Садилъ Егорія во глубокій погребъ,
А самъ собака приговариваетъ:
«Не бывать Егорію на святой Руси,
Не видать Егорію солнца краснаго,
Не слыхать Егорію будетъ звону колокольнаго,
Не слыхать Егорію будетъ четья, пѣтья[1] церковнаго!»
Защитилъ онъ щитомъ дубовымъ,
Задвигалъ онъ досками чугунными,
Засыпалъ онъ песками рудожёлтыми.
Какъ по Божіему повелѣнію, по Егорьеву умоленію
Подымалися вѣтры буйные со святой Руси,
Со святой Руси — погода и со вихоремъ;
Разносили пески рудожёлтые,
Раздвигали доски чугунныя,
Разметали щиты всѣ дубовые.
Выходитъ Егорій на святую Русь.
Идетъ во свой во Ерусалимъ-градъ.
Ерусалимъ-градъ — онъ пустъ стоитъ;
Однѣ церкви! . . . и стоитъ одна
Церковь Божія соборная, богомольная:
Во той во церкви его матушка,
Святая Софея премудрая,
На святыя иконы Богу молится;
Молитва ея къ Богу доносится.
Увидѣла она Егорія Харабраго,
Называла милымъ чадомъ,
А сама говоритъ таково слово:
«Охъ ты гой еси, Егорій Харабрый свѣтъ!

[1] Чтенія и пѣнія.

Ты бери себѣ коня сиваго
Со двѣнадцати цѣпей желѣзныихъ,
Поѣзжай ты во чисто поле».
Святой Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Еще Егорій наѣзжаючи
На тѣ лѣса на дремучіе, —
Древо съ древомъ совивалося,
Къ сырой земли приклонялося,
Не добре Егорію льзя проѣхати,
Святой Егорій глаголуетъ:
«Охъ вы гой еси, лѣса темные,
Лѣса темные и дремучіе!
Разойдитеся лѣса по всей земли,
Вы не вѣруйте сатанѣ-врагу,
Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
А вы вѣруйте самому Христу,
Самому Христу, царю небесному».
Разошлися лѣса по всей земли.
И еще Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
И еще Егорій наѣзжаючи
На тѣ горы на высокія, на толкучія, —
Гора съ горою сойдется, не разойдется.
Не добре Егорію льзя проѣхати,
Святой Егорій глаголуетъ:
«Охъ вы гой еси, горы толкучія!
Разойдитеся горы по всей земли,
Вы не вѣруйте сатанѣ-врагу,
Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
Ужъ вы вѣруйте самому Христу,
Самому Христу, царю небесному».
Разошлися горы по всей земли.
И еще Егорій поѣзжаючи,

Святую вѣру утвержаючи,
И еще Егорій наѣзжаючи
На то стадо на звѣриное, на змѣиное;
Не добре Егорію льзя проѣхати,
Святой Егорій глаголуетъ:
«Охъ вы гой еси, звѣри свирѣпые!
Разойдитеся, звѣри, по всей земли,
Вы не вѣруйте сатанѣ-врагу,
Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
А вы вѣруйте самому Христу,
Самому Христу, царю небесному».
Разошлися звѣри по всей земли.
И еще Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утвержаючи,
И еще Егорій наѣзжаючи
На то стадо на змѣиное,
На змѣиное, на звѣриное, —
Пасутъ то стадо три пастыря,
Три милыя сёстры.
Не добре Егорію льзя проѣхати;
Святой Егорій Харабрый свѣтъ —
Слѣзаетъ онъ со бѣла осла (коня?),
Беретъ онъ свое (с)кипетро вострое,
И побилъ онъ все стадо змѣиное.
Все змѣиное, все звѣриное;
А самъ говоритъ таково слово:
«Охъ вы гой еси, три пастыря,
Три милыя сёстры!
Вы подите во свой во Ерусалимъ-градъ
И купайтеся во Іорданѣ-рѣкѣ;
Набралися всѣ вы духа нечистаго,
Духа нечистаго, босурманскаго».
И еще Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утвержаючи,

И ѣще Егорій наѣзжаючи
На тѣ ворота кесарійскія, іерусалимскія, —
На воротахъ сидитъ Острафилъ-птица,
Во когтяхъ держитъ осетра-рыбу.
Не добре Егорію льзя проѣхати,
Святой Егорій глаголуетъ:
«Охъ ты гой еси, матушка Острафилъ-птица!
Ты не вѣруй сатанѣ-врагу,
Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
А ты вѣруй самому Христу,
Самому Христу царю небесному.
Полети жъ ты птица, на сини моря,
Пей и ѣшь повелѣнное,
Повелѣнное, благословенное,
И дѣтей води на синёмъ морѣ».
И еще Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утвержаючи,
И еще Егорій наѣзжаючи
На того злодѣя-цàрища Мартемьянища;
Увидѣлъ онъ собака Егорія Харабраго,
Закричалъ онъ собака по-звѣриному,
Засвисталъ онъ собака по-змѣиному.
Святой Егорій Харабрый свѣтъ —
Слѣзаетъ онъ со бѣла осла,
Беретъ онъ свою палицу желѣзную,
Поразилъ онъ тута цàрища Мартемьянища.
Потопила Егорія кровь жидовская,
Кровь жидовская, босурманская:
По колѣна во кровѣ стоитъ —
Святой Егорій глаголуетъ:
«Охъ ты гой еси, матушка сыра земля!
Пріими въ себя кровь жидовскую,
Кровь жидовскую, босурманскую».
Разступилася матушка сыра земля

На двѣ стороны, на четыре четверти.
Пожрала въ себя кровь жидовскую.
Кровь жидовскую, босурманскую.
Живучи Егорій мучился на вольномъ свѣтѣ.
Отъ грѣховъ своихъ очистился.
Богу нашему слава нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.
Аминь.

Записана въ Сорокинской пристани, Екатеринбургскаго у., Пермской губ. Изъ собранія В. И. Даля.

(b*) Егорій святой Богу молился
За мать за родную!
Великую онъ скорбь перенесъ
За мать за родную:
Его во пилы пилили.
Въ топоры рубили;
У пилъ зубья посшибались,
У топоровъ лезья до обухъ выбивались,
И Егорію ничего не дѣялось!
Его во смолѣ варили,
Въ водѣ студеной топили.
Егорій въ водѣ не утопаетъ.
Поверхъ смолы плаваетъ!
Вырыли погребъ глубокой
Сажали въ него Егорія;
Досками дубовыми закрывали,
Гвоздями полужёными забивали,
Желтыми песками засыпали
За мать за родную!
Сидѣлъ тутъ Егорій
Тридцать два года;
Поднималась бурна погода
Разнесли вѣтры желтые пески,
Разнесли вѣтры до единой доски!

И собралъ Егорій дружину отборну.
И ѣхалъ Егорій въ церковь соборну:
Тутъ мать его Богу молилась.
Слеза горюча потокомъ катилась.
«Поди, поди, Егорій! сядь на коня, пріуправься!
Лютаго змія копьемъ порази.
Материнскую кровь отомсти».
— «Стóитъ ли, мать, мое рожденіе
Всего моего похожденія?»
«Вдвое стóитъ твое рожденіе
За меня претерпѣнна мученія!»
Сѣлъ Егорій на борза коня, пріуправился!
И наѣхалъ Егорій на лѣса валюши:
«Лѣса, лѣса, вы привстаньте!
Срублю я изъ васъ церковь соборну.
Поставлю я въ ней икону святую
За мать за родную».
Въѣхалъ Егорій могучій
Въ великой городъ толкучій,
И наѣхалъ на дѣвокъ мудрёныхъ:
«Дѣвицы, дѣвицы, къ вамъ рѣчь я веду
Идите на Ерданъ на рѣку.
Воспримитесь, перекреститесь!»
Въѣхалъ Егорій въ лѣса дремучи.
Встрѣлись Егорію волки прискучи.
Гдѣ волкъ, гдѣ два:
«Соберитесь вы, волки!
Будьте вы мои собаки.
Готовьтесь для страшныя драки».
Наѣхалъ Егорій на стадо птицъ:
«Птицы, синицы!
Летите вы на море.
На пиръ на кровавой».
Наѣхалъ Егорій на змія-горюна . . .

Но Егорій не ужахался,
Егорій не устрахался,
Острымъ копьемъ змія закололъ;
Стаи птицъ прилетали,
Змія-горюна клевали;
Синё море волной натекло,
Змія-горюна съ собой унесло.

Записана въ Егорьевскомъ у., Рязанской губ. Изъ собранія В. И. Даля.

10

Илья-пророкъ и Никола

Давно было; жилъ-былъ мужикъ. Николинъ день завсегда почиталъ, а въ Ильинъ нѣтъ-нѣтъ, да и работать станетъ; Николѣ-угоднику и молебенъ отслужитъ, и свѣчку поставитъ, а про Илью-пророка и думать забылъ.

Вотъ разъ какъ-то идетъ Илья-пророкъ съ Николой полемъ этого самаго мужика; идутъ они да смотрятъ — на нивѣ зеленя стоятъ такія славныя, что душа ни нарадуется. «Вотъ будетъ урожай, такъ урожай! говоритъ Никола. Да и мужикъ-то, право, хорошій, доброй, набожной; Бога помнитъ и святыхъ знаетъ! Къ рукамъ добро достанется . . .» — «А вотъ посмотримъ, отвѣчалъ Илья: еще много ли достанется! какъ спалю я молніей, какъ выбью градомъ все поле, такъ будетъ мужикъ твой правду знать, да Ильинъ день почитать». — Поспорили-поспорили и разошлись въ разныя стороны. Никола-угодникъ сейчасъ къ мужику: «Продай, говоритъ, поскорѣе ильинскому батькѣ весь свой хлѣбъ на корню; не то ничего не останется, все градомъ повыбьетъ». Бросился мужикъ къ попу: «Не купишь ли, батюшка, хлѣба на корню? все поле продамъ; такая нужда въ деньгахъ приключилась, что вынь да положь! Купи,

отецъ! задёшево отдамъ». Торговаться-торговаться, и сторговались. Мужикъ забралъ деньги и пошелъ домой.

Прошло ни много, ни мало времени: собралась, понадвинулась грозная туча, страшнымъ ливнемъ и градомъ разразилась надъ нивою мужика, весь хлѣбъ какъ ножомъ срѣзала — не оставила ни единой былинки. На другой день идетъ мимо Илья-пророкъ съ Николою; и говоритъ Илья: «Посмотри, каково разорилъ я мужиково поле!» — «Мужиково? Нѣтъ, братъ! разорилъ ты хорошо, только это поле ильинскаго попа, а не мужиково». — «Какъ попа?» — «Да такъ; мужикъ — съ недѣлю будетъ — какъ продалъ его ильинскому батькѣ и деньги всѣ сполна получилъ. То-то, чай, попъ по деньгамъ плачетъ!» — «Постой же, сказалъ Илья-пророкъ; я опять поправлю ниву, будетъ она вдвое лучше прежняго». Поговорили, пошли всякой своей дорогою. Никола-угодникъ опять къ мужику: «Ступай, говоритъ, къ попу, выкупай поле — въ убыткѣ не будешь». Пошелъ мужикъ къ попу, кланяется и говоритъ: «Вижу, батюшка, послалъ Господь Богъ несчастіе на тебя — все поле градомъ выбито, хоть шаръ покати! Такъ ужъ и быть, давай пополамъ грѣхъ: я беру назадъ свое поле, а тебѣ на бѣдность вотъ половина твоихъ денегъ». Попъ обрадовался, и тотчасъ они по рукамъ ударили.

Межъ тѣмъ — откуда что взялось — стало мужиково поле поправляться; отъ старыхъ корней пошли новые свѣжіе побѣги. Дождевыя тучи то-и-дѣло носятся надъ нивою и поятъ землю; чудный уродился хлѣбъ — высокой да частой; сорной травы совсѣмъ не видать; а колосъ налился полной-полной, такъ и гнётся къ землѣ. Пригрѣло солнышко и созрѣла рожь — словно золотая стоитъ въ полѣ. Много нажалъ мужикъ сноповъ, много наклалъ копенъ; ужъ собрался возить.

да въ скирды складывать. На ту пору идетъ опять мимо Илья пророкъ съ Николою. Весело оглянулъ онъ все поле и говоритъ: «Посмотри, Никола, какая благодать! Вотъ такъ наградилъ я попа, по вѣкъ свой не забудетъ . . .» — «Попа?! Нѣтъ братъ! благодать то велика, да вѣдь поле это — мужиково; попъ тутъ ни при чемъ останется». — «Что ты!» — «Прàвое слово! Какъ выбило градомъ всю ниву, мужикъ пошелъ къ ильинскому батькѣ и выкупилъ ее назадъ за половинную цѣну». — «Постой же! сказалъ Илья-пророкъ; я отниму у хлѣба всю спорынью: сколько бы ни наклалъ мужикъ сноповъ, больше четверика заразъ не вымолотитъ». — «Плохо дѣло!» думаетъ Никола-угодникъ; сейчасъ отправился къ мужику: «Смотри, говоритъ, какъ станешь хлѣбъ молотить, больше одного снопа заразъ не клади на токъ».

Сталъ мужикъ молотить: что ни снопъ, то и четверикъ зерна. Всѣ закорма, всѣ клѣти набилъ рожью, а все еще остается много; поставилъ онъ новые анбары и насыпалъ полнёхоньки. Вотъ идетъ какъ-то Илья пророкъ съ Николою мимо его двора, посмотрѣлъ туда-сюда и говоритъ: «Ишь какіе анбары вывелъ! что то насыпать въ нихъ станетъ?» — «Они ужъ полнёхоньки», отвѣчаетъ Никола-угодникъ. «Да откуда же взялъ мужикъ столько хлѣба?» — «Эва! у него всякой снопъ далъ по четверику зерна; какъ зачалъ молотить, онъ все по одному снопу клалъ на токъ». — «Э, братъ Никола! догадался Илья-пророкъ: это все ты мужику пересказываешь». — «Ну, вотъ выдумалъ; стану я пересказывать . . .» — «Какъ тамъ хочешь, а ужъ это твое дѣло! Ну, будетъ же меня мужикъ помнить!» — «Что жъ ты ему сдѣлаешь?» — «А что сдѣлаю, того тебѣ не скажу». — «Вотъ когда бѣда, такъ бѣда приходитъ!» думаетъ Никола-угодникъ, и опять къ мужику: «купи,

говоритъ, двѣ свѣчи, большую да малую, и сдѣлай то-то и то-то».

Вотъ на другой день идутъ вмѣстѣ Илья-пророкъ и Никола-угодникъ въ видѣ странниковъ, и попадается имъ навстрѣчу мужикъ: несетъ двѣ восковыя свѣчи — одну большую рублевую, а другую копеечную. «Куда, мужичокъ, путь держишь?» спрашиваетъ его Никола-угодникъ. «Да вотъ иду свѣчку рублевую поставить Ильѣ-пророку; ужъ такой былъ милостивой ко мнѣ! Градомъ поле выбило, такъ онъ батюшка постарался, да вдвое лучше прежняго далъ урожай». — «А копеечная-то свѣча на что?» — «Ну, эта Николѣ!» сказалъ мужикъ и пошелъ дальше. «Вотъ ты, Илья, говорищь, что я все мужику пересказываю; чай, теперь самъ видишь, какая это правда!»

На томъ дѣло и покончилось; смиловался Илья-пророкъ, пересталъ мужику бѣдою грозить; а мужикъ зажилъ припѣваючи, и сталъ съ той поры одинаково почитать и Ильинъ день и Николинъ день.

Записана со словъ крестьянина Ярославской губ.

11
Касьянъ и Никола

Разъ въ осеннюю пору увязилъ мужикъ возъ на дорогѣ. Знамо, какія у насъ дороги; а тутъ еще случилось осенью — такъ и говорить нечего! Мимо идетъ Касьянъ-угодникъ. Мужикъ не узналъ его и давай просить: «Помоги, родимой, возъ вытащить!» — «Поди ты! сказалъ ему Касьянъ-угодникъ: есть мнѣ когда съ вами валяндаться!» Да и пошелъ своею дорогою. Немного спустя идетъ тутъ же Никола-угодникъ. «Батюшка, завопилъ опять мужикъ: батюшка! помоги возъ вытащить». Никола-угодникъ и помогъ ему.

Вотъ пришли Касьянъ-угодникъ и Никола-угодникъ къ Богу въ рай. «Гдѣ ты былъ, Касьянъ-угодникъ?» спросилъ Богъ. «Я былъ на землѣ, отвѣчалъ тотъ: прилучилось мнѣ идти мимо мужика, у котораго возъ завязъ; онъ просилъ меня: помоги, говоритъ, возъ вытащить; да я не сталъ марать райскаго платья». — «Ну, а ты гдѣ такъ вымачкался?» спросилъ Богъ у Николы угодника. «Я былъ на землѣ; шелъ по той же дорогѣ и помогъ мужику вытащить возъ», отвѣчалъ Никола-угодникъ. «Слушай, Касьянъ!» сказалъ тогда Богъ: не помогъ ты мужику — за то будутъ тебѣ черезъ три года служить молебны. А тебѣ, Никола-угодникъ! за то, что помогъ мужику возъ вытащить — будутъ служить молебны два раза въ годъ». Съ тѣхъ поръ такъ и сдѣлалось: Касьяну въ високосный только годъ служатъ молебны, а Николѣ два раза въ годъ.

Записана въ Орловскомъ у. П. И. Якушкинымъ.

12
Золотое стремя

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ одинъ цыганъ, была у него жена и семеро дѣтей, и дожилъ онъ до того, что ни ѣсть, ни пить нечего — нѣтъ ни куска хлѣба! Работать-то онъ лѣнится, а воровать боится: что дѣлать? Вотъ вышелъ цыганъ на дорогу и стоитъ въ раздумьи. На ту пору ѣдетъ Егорій Храбрый. «Здорово! говоритъ цыганъ: куды ѣдешь?» — «Къ Богу». — «Зачѣмъ?» — «За приказомъ: чѣмъ кому жить, чѣмъ промышлять». — «Доложи и про меня Господу, говоритъ цыганъ: чѣмъ велитъ мнѣ питаться?» — «Хорошо, доложу!» отвѣчалъ Егорій и поѣхалъ своей дорогой. Вотъ цыганъ ждалъ его, ждалъ и только завидѣлъ, что Егорій ѣдетъ назадъ, сейчасъ и спрашиваетъ: «Что жъ, доложилъ про меня?»

— «Нѣтъ», говоритъ Егорій. «Что жъ такъ?» — «Забылъ!» Вотъ и въ другой разъ вышелъ цыганъ на дорогу, и опять повстрѣчалъ Егорія: ѣдетъ онъ къ Богу за приказомъ. Цыганъ и проситъ: «Доложи де про меня!» — «Хорошо», сказалъ Егорій — и опять позабылъ. Вышелъ цыганъ и въ третій разъ на дорогу, увидалъ Егорія и снова проситъ: «Скажи де про меня Богу!» — «Хорошо, скажу». — «Да ты, пожалуй, забудешь?» — «Нѣтъ, не забуду». Только цыганъ не вѣритъ: «Дай, говоритъ, мнѣ твое золотое стременò, я подержу, пока ты назадъ вернешься; а безъ того ты опять позабудешь». Егорій отвязалъ золотое стременò, отдалъ цыгану, а самъ объ одномъ стременѣ поѣхалъ дальше. Пріѣхалъ къ Богу и сталъ спрашивать: чѣмъ кому жить, чѣмъ промышлять? Получилъ приказъ и хотѣлъ было назадъ ѣхать; только сталъ на лошадь садиться, глянулъ на стременò и вспомнилъ про цыгана. Воротился къ Богу и говоритъ: «Попался мнѣ еще на дорогѣ цыганъ и наказалъ спросить: чѣмъ ему питаться?» — «А цыгану, говоритъ Господь: то и промыселъ, коли у кого что возьметъ да утаитъ; его дѣло обмануть да выбожить!» Сѣлъ Егорій на коня и пріѣхалъ къ цыгану: «Ну, правду ты, цыганъ, сказывалъ! коли бъ не взялъ ты стременò, совсѣмъ бы забылъ про тебя». — «То-то и есть! сказалъ цыганъ; теперь по вѣкъ меня не забудешь, какъ только глянешь на стременò — сейчасъ меня помянешь». — «Ну, что Господь-то сказалъ?» — «А то и сказалъ: коли у кого что возьмешь — утаишь да забожишь, твое и будетъ!» — «Спасибо», молвилъ цыганъ, поклонился и повернулъ домой. «Куда жъ ты? сказалъ Егорій; отдай мое золотое стременò». — «Какое стременò?» — «Да ты же у меня взялъ?» — «Когда я у тебя бралъ? я тебя впервой вижу, и никакого стремена не бралъ, ей-Богу, не бралъ!» забожился цыганъ.

Что дѣлать — бился съ нимъ, бился Егорій, такъ и уѣхалъ ни съ чѣмъ! «Ну, правду сказывалъ цыганъ: коли бъ не давалъ ему стременà — и не зналъ бы его, а теперь по вѣкъ помнить буду!»

Цыганъ взялъ золотое стременò и пошелъ продавать. Идетъ дорогою, а навстрѣчу ему ѣдетъ баринъ. «Что, цыганъ, продаешь стременò?» — «Продаю». — «Что возьмешь?» — «Полторы тысячи рублевъ». — «Зачѣмъ такъ дорого?» — «Затѣмъ, что оно золотое». — «Ну, ладно!» сказалъ баринъ; хватился въ карманъ — нѣтъ больше тысячи. «Вотъ тебѣ, цыганъ, тысяча — отдавай стременò; а остальныя деньги напослѣдяхъ получишь». — «Нѣтъ, баринъ; тысячу-то рублевъ, пожалуй, я возьму, а стремена не отдамъ; какъ дошлешь, что слѣдуетъ по уговору, тогда и товаръ получишь». Баринъ отдалъ ему тысячу и поѣхалъ домой. И только пріѣхалъ — сейчасъ же вынулъ пятьсотъ рублевъ и послалъ къ цыгану съ своимъ человѣкомъ: «Отдай, говоритъ, эти деньги цыгану, да возьми у него золотое стременò». Вотъ приходитъ барской человѣкъ въ избу къ цыгану. «Здорово, цыганъ!» — «Здорово, доброй человѣкъ!» — «Я привезъ тебѣ деньги отъ барина». — «Ну, давай, коли привезъ». — Взялъ цыганъ пятьсотъ рублевъ и давай поить его виномъ: напоилъ досыта! Какъ напоилъ дòсыта, сталъ барской человѣкъ собираться домой и говоритъ цыгану: «Давай же золотое стременò». — «Какое?» — «Да то, что барину продалъ!» — «Когда продалъ? у меня никакого стремена не было».— «Ну, подавай назадъ деньги!» — «Какія деньги?» — «Да я сейчасъ отдалъ тебѣ пятьсотъ рублевъ». — «Никакихъ денегъ я не видалъ, ей-Богу, не видалъ! еще самого тебя Христа ради поилъ, не то что брать съ тебя деньги!» Такъ и отперся цыганъ. Только услыхалъ про то баринъ, сейчасъ поскакалъ къ цыгану: «Что жъ

ты, воръ эдакой, деньги забралъ, а золотого стременà не отдаешь?» — «Да какое стременò? ну, ты самъ, баринъ, разсуди, какъ можно, чтобъ у эдакого мужика-сѣряка да было золотое стременò!» — Вотъ баринъ съ нимъ возился-возился, ничего не беретъ. «Поѣдемъ, говоритъ, судиться». — «Пожалуй, отвѣчаетъ цыганъ: только подумай, какъ мнѣ съ тобой ѣхать-то? ты какъ есть баринъ, а я мужикъ-вахлакъ! Наряди-ка напередъ меня въ хорошую одежу, да и поѣдемъ вмѣстѣ».

Баринъ нарядилъ его въ свою одежу, и поѣхали они въ городъ судиться. Вотъ пріѣхали въ судъ; баринъ говоритъ: «Купилъ я у этого цыгана золотое стременò; онъ деньги-то забралъ, а стременà не отдаетъ». А цыганъ говоритъ: «Господа судьи! сами подумайте, откудова вóзьмется у мужика-сѣряка золотое стременò? у меня дома и хлѣба-то нѣту! Не вѣдаю, чего этому барину надо отъ меня? Онъ, пожалуй, скажетъ, что на мнѣ и одежа-то его!» — «Да-таки моя!» закричалъ баринъ. «Вотъ видите, господа судьи!» Тѣмъ дѣло и кончено; поѣхалъ баринъ домой ни съ чѣмъ, а цыганъ сталъ себѣ жить да поживать, да добра наживать.

Изъ собранія В. И. Даля.

13
Пятница

Када-та адна баба ни пачла[1] матушку Пятницу и учла прядиво мыкать да вертѣть. Напряла она да абѣда, и вдругъ сонъ на нее нашолъ — такой магучай сонъ! Уснула ана, вдругъ атварилась дверь и входитъ, вишь, матушка Пятница вочью всѣмъ въ бѣломъ шушунѣ[2], да сердитая такая! и шмыхъ пряма

[1]) Не почтила.
[2]) Женская одежда.

къ бабѣ, ще пряла-та. Набрала въ горсть кастрики съ пола, какая атлятала-та атъ мочекъ[1], и ну пасыпать ей глаза, и ну пасыпать! пасыпала да и была такава: паминай какъ звали! Ничаго и ня молвила, сярдешная. Та баба какъ праснулась, такъ и взвыла благимъ матамъ атъ глазъ, и ни вѣдая, атъ чаго ани забалѣли. Другія (бабы) сидя въ ужасьи и учали вапить: «Ухъ ты, акаянная! заслужила казнь лютую атъ матушки Пятницы» — и сказали ей все, ще было. Та баба слушала-слушала и ну прасить: «Матушка Пятница! взмилуйся мнѣ, памилуй меня грѣшную; паставлю те свѣчку, и другу-недругу закажу абижать те, матушка!» И ще жъ ты думаешь? Ночью, вишь, апять прихадила ана и выбила изъ глазъ у той бабы кастру-та, и ана апять встала. Грѣхъ великай абижать матушку Пятницу — прядиво мыкать да прясть!

Записана въ Липецкомъ у., Тамбовской губ., сельскимъ учителемъ Елисѣемъ Сабуровымъ.

14
О Ноѣ Праведномъ

Заставилъ Гасподь слипова ды бизрукыва караулить садъ. Бизрукый яблыка ни дастанить, слипой ни найдить. Паспѣли яблыки, пашли духи сладкіи. — «Малый, какъ жа намъ яблычка пакушить?» — «Садись верхомъ на мине, а я пыдвизу къ яблынки». Слипой нарвалъ пазуху яблыкъ. Бизрукый у́зрилъ Бога, драгнулъ атъ яблынки бѣжать. Слипой атъ плечъ (онъ за́ плячи диржалси — вирхомъ на бизрукымъ) атарвалси, ударилси абъ земь, ды-й абмёръ. Гасподь приходить: «Бизрукый, идѣ слипой?» — «Омырыкъ

[1]) Мочка — прядь льна или посконп.

явѳ ашибъ». Гасподь приходить къ слипому: «Слипой, съ чаво жъ ты абмёръ? абманываишь ты мине, слипой! ни омырыкъ тибе ушибъ, ты съ плячей убился съ бизрукыва!» — «Абманулъ я тибе, Госпыди! прасти мине». Прастилъ слипова, ды-й пашолъ.

Сыбрались караульщики, на варатàхъ стаять. Идёть дьярылъ: «Здрастуйти, рибята! што жъ вы яблыкъ ни jидитя?» — «Какъ жа намъ ихъ ѣсть? у мине рукъ нѣту, у ниво глазъ. Я ни дастану!» — «А я ни найду!» — «Плохи жъ вы, рибята, кады въ саду яблыкъ ни jидитя». — «Мы ни ухитримси, какъ ихъ ѣсть!» — «Эка, какъ? бизрукый пади ударьси абъ яблыню, а слипой падбери!» Яблыки были насажины другъ атъ друга на сажню. Бизрукый какъ ударилси абъ яблыню — увесь тотъ садъ абтресъ. Слипой легъ па пуза, прикаталъ усю траву — все яблыки искалъ. Ну, Гасподь приходить: «Караульщики, хто жъ у васъ садъ абтресъ!» — «Вѣтиръ паднялси, увесь садъ абтресъ!» — «Атъ чаво жа яблыни пазавяли?» — «Атъ яснава сонца!» — «Атъ чаво жа нижніи бака папрѣли?» — «Атъ сильныва дожжа!» — «А хто жа у васъ въ саду траву примялъ?» Слипой гаварить: «У мине животъ балѣлъ, все каталси!» — «Врешь ты, слипой! все абманываешь мине!» — Сабралъ Гасподь караульщикавъ, узялъ огнинныи прутьи, выбилъ ихъ огнинными прутьими: «Выдитя, проклятыи калѣки, вонъ изъ маиво саду, пабирайтиси пò міру атныни да вѣку!»

Гасподь сказалъ: «Дай жа я сдѣлаю Ноя Правидныва, штобъ у маемъ у свѣти была правда». Приставилъ сабаку голую караулить Ноя Правидныва: «Сматри жъ ты, сабака, никаво ни пущай сматрѣть маиво Ноя Правидныва!» Приходить дьявылъ къ сабаки: «Пусти мине, сабака, Ноя Правидныва пысматрѣть!» — «Мнѣ Гасподь ни вилѣлъ никаво пущать». — «Хатя ты ни пу-

щаишь мине Ноя Правиднява пысматрѣть, а я тибѣ дамъ шубу и на руки и на ныги: придеть зима, придуть морозы — ни нàдыть тибѣ избы». Далъ дьявылъ сабаки шубу; сабака пустила дьявыла пысматрѣть Ноя Правиднява. Дьявылъ ахаркылъ. апливалъ Ноя Правиднява; сталъ Ной синій, зиленый, дурной . . . странно на Ноя глидѣть стало! «Што жъ ты, сабака, да Ноя дьявыла дапустила? што жъ я тибѣ гаварилъ!» — «А што жъ ты мине безъ шубы приставилъ?» — «Штобъ ты цирковныва звону ни слыхала, у Божій храмъ ни хадила!» Взялъ Гасподь. апасли той сабаки, Ноя вывырызалъ (sic): аплёвыныя, ахòркыныя въ сирёдку . . . Изъ Ноевыва рибра сдѣлалъ Гасподь жину Евгу. «Ну, Ной съ Евгаю Правидныи! усѣ плады ѣштя; аднаво плада ни трогайтя, вотъ съ той-та яблынки». Евга гаварить: «Ной Правидный! атъ чаво жъ эта такъ Богъ гаварить: усѣ плады ѣштя, а съ аднаво ни трогайтя? Давай пакушанмъ!» Съѣли па яблычку, па разу укусили . . . другъ друга зыстыдились: Евга пыдъ лапухъ, а Ной пыдъ другой — другъ атъ друга схаранилиси. Приходить Гасподь: «Ной Правидный! игдѣ ты?» — «Я вòтынъ!» — «Иди ка мнѣ». — «Я нагъ! Ной гаварить: Госпыди! сатвори намъ адежду». — Вышли ани къ ниму; выбилъ ихъ Гасподь огнинными прутьими, выгналъ изъ саду вонъ!

Выслымши изъ саду Ноя Правиднява, умилилси Гасподь. «Ной Правидный, гаварить, у насъ будить чиризъ три года патопа; штобы ты въ три года кавшегъ выстраилъ. Ной Правидный! кавшегъ строй, да жинѣ ни сказывай, што строишь!» Пашолъ Ной Правидный у рощу строить кавшегъ; строить годъ, строить два. Дьявылъ приходить: «Ной Правидный, што дѣлапшь?» — «Развѣ ты слипой? ты видишь, што я дѣлаю!» — «Я вижу, што ты строишь, ды ни знаю!» — «И ни вéляна

тибѣ знать!» Дьявылъ ударился изъ рощи къ Новый жилѣ, къ Евги: «Евга, успраси ты у мужа, што онъ дѣлать?» А Ной Правидный жилѣ атказывать: «Я такъ па рощи хажу, на древья сматрю, самъ сибе забавляю!» — «Енъ ни па рощи гулять, енъ што-й-та рубить!» — «Я ни знаю». — «Сдѣлай жа ты квасу, наклади хмелю!» — Усхвалилъ самъ сибе Ной: «Слава тибѣ, Господи! састроилъ сибѣ судно за палгода патопы». Приходить, сталъ кушать: «Евга, нѣтъ ли чаво пакушамши напитца?» Напился квасу, легъ атдыхать. «Ной Правидный! два года ходишь, да мнѣ правды ни скажишь, што-й-та такоя ты рабата́ишь?» — «Экая ты! Вотъ асталась палгода да первыва мая; у мамѣсицы, у первымъ числѣ, будить патопа!» — Атдахнумши, приходить Ной къ кавшегу; увесь кавшегъ дьявылъ разметалъ. «Экая! . . . пригряшилъ я для тибе!» Шесть мѣсицывъ енъ живо сыбиралъ ни нимши, ни ѣмши, и дамой ни хадилъ. Приходить жа Гасподь: «Ной Правидный, сабирай жа всякихъ звирьевъ у кавшегъ на парѣ, и дичи, пладовъ всякихъ». Сабралъ жа ёнъ звирьёвъ всякихъ, и ужовъ, и пладовъ всякихъ. «Будить, гаварить Гасподь: патопа: затопить и лѣса, и луга, и балота, и дама! Будить патопа па двинадцать сутыкъ». Ной забралъ все.

Дьявылъ гаварить: «Евга, какъ жа мнѣ съ табою у кавшегъ залѣсть?» — «Я ни знаю!» — «Разуй лѣваю ногу, да глянь скрозь ноги на мине; а патыль ты ни лѣзь у кавшегъ, пакыль страшная патопа ни настанить, пакыль вада ни разальется увиздѣ; ёнъ на тибе закричить: лѣзь ка мнѣ, акаянная — то утопишь! Какъ ёнъ тибе акаяннай назаветъ — и я съ табой улѣзу. А датыль не лазій». Евга глянула скрозь ноги; Ной закричалъ: «Лѣзь жа ты ка мнѣ! лѣзь жа скарѣя, акаянная!» Какъ сказалъ Ной, дьявылъ какъ

сигнеть у кавшегъ и паплылъ; скинулси мышью — кавшегъ пратачплъ. Ужъ узялъ эту дыру галавой и заткнулъ, игдѣ мышь пратачила. Плавыли ани адинатцать сутыкъ па взморью, па этай ны патопи. Паслалъ Ной Правидный ворана: «Палити жа ты, чорнай воранъ, узнай, есть вадѣ паниженія, али нѣтъ?» Воранъ литалъ, литалъ, нашолъ падла и сталъ кливать на острави. «Идѣ жъ ты былъ, воранъ?» — «Я, говарить, аташолъ да падла кливалъ!» — «Какъ жа ты ни паслушилъ? мы тибе пасылали пысматрѣть вады; вѣдь всякая душа да хвалить Госпыда! будь жа ты, воранъ, какъ пень гарѣлый; будь жа у тибе дѣти гадавыи: какъ дитей даждешьси — самъ акалѣй!» Вѣдь какъ воранъ даждетца дитей, выходить, выкормить, самъ акалѣить; вѣдь ани всѣ калѣють! «Лити жъ ты, голубь; пысматри жъ ты патопы: спадаить ли, прибавляить ли?» Литалъ, литалъ голубь; патопа сбавила на три аршина; и нашолъ ёнъ такоя мѣста, сухоя, игдѣ можна кавшегу вылѣсти на край. Приплыли хъ пристыни.

Приходить Гасподь: «Што вы, живы ли усѣ?» — «Слава ти, Госпыди! усѣ живы!» — «Выходитя жъ вонъ!» Усѣ вышли; напаслѣдакъ дьявылъ сигъ! «Вотъ, Госпыди, хотѣлъ мине утапить; вѣдь я вòтанъ! я тибе бальшой врагъ!» — «Кали жъ ты мнѣ бальшой врагъ, вазьми жъ ты мине за руку». Вазьметь дьявылъ Госпыда папирёхъ руки, да ни паймаить — руку апустить. «Дай жа я тибе вазьму за руку!» Какъ вазьметь Гасподь дьявыла за руку, — «ой, ой, ой! я буду тибѣ хоть меньшой братъ!» — все, вишь, у братья лѣзить. «Лѣзь жа ты, меньшой брать, у моря, дастань зимли горсть: давай зимлю засивать». Ани прибылись хъ кургану, а кругомъ все моря стояла. Полѣзъ дьявылъ въ моря, схватилъ зимли горсть, да ни вытащилъ — всиё раз-

мыла! Разъ слѣзъ, другой, третій слѣзъ . . . у читвёртай полѣзъ. «Братъ, гаварить Гасподь: скажи: Госпыди Іисусъ Христосъ!» Сказалъ дьявылъ: «Госпыди Іисусъ Христосъ!» пырнулъ въ моря и вытащилъ зимли у горсти съ макавыхъ два зирна. «Лѣзь жа ищо, этай зимли мала!» —«Пастой жа, гаварить самъ сибѣ дьявылъ: я запхаю сибѣ за щику зимли: што Гасподь будить дѣлать, я сибѣ тожа сдѣлаю». Взялъ Гасподь перехрястился, кинулъ зимлю на три стораны: сдѣлались па взморью луга, лѣса, рощи . . . рóвна! «Госпыди, а што жъ за маи труды, какоя будить уґоженія?» — «Пасажали мы бѣлый свѣтъ; можеть, тибе будуть хвалити, мине поминати; я и тѣмъ буду даволинъ».

«Ну, Ной, живи на зимли, радися, пладися!» — «Госпыди, скора жъ атъ мине атъ аднаво бѣлый свѣтъ нарадитца?» Гасподь гаварить: «Ты мужика сваляй изъ глины, а гасподъ изъ пшенишнива изъ тѣста». Барзой кабель стаялъ сзади, схватилъ пшенишный комъ да бижать: атъ Варонижа да нашпва спла̀ все адпадворцевъ и . . . . . «Госпыди, я насилйлъ народу атъ Варонижа ды Куракина на двѣсти на восемдесятъ верстъ. Госпыди, у чомъ жа намъ жить будить? народу я распладилъ многа!» Гасподь далъ имъ тапоры, срубилъ имъ избы: «Живитя, вотъ вамъ избы!» — «Госпыди, на чомъ жа намъ работать?» Далъ Гасподь лошадь. «Да чѣмъ жа јиё абратать?» Гасподь свизалъ óбрыть[1], свизалъ хамутъ. Вотъ спирва сыбралось чилавѣкъ сорыкъ народу абгарнуть[2] лошадь ды загнать въ хамутъ, а тамъ обрыть вздернуть; стали впириди, растапырили хамутъ да обрыть! Гасподь паймалъ лошадь, запрегъ: «Вотъ вамъ, гаварить, изба, лошадь, упряжъ; живитя да

[1] Мочальная или веревочная узда.
[2] Окружить.

мине хвалитя!» Вотъ мы таперича живемъ да и хвалимъ јивò: «Слава тибѣ, Госпыди! што усё паказалъ».

Доставлена П. В. Кирѣевскимъ.

15
Соломонъ Премудрый

Іисусъ Христосъ, послѣ распятія, сошелъ во адъ и всѣхъ оттуда вывелъ, окромя одного Соломона Премудраго. «Ты, сказалъ ему Христосъ: самъ выди своими мудростями!» И остался Соломонъ одинъ въ аду; какъ ему выйти изъ аду? Думалъ-думалъ да и сталъ вить завертку. Подходитъ къ нему маленькой чертенокъ, да и спрашиваетъ, на что вьетъ онъ веревку безъ конца? «Много будешь знать, отвѣчалъ Соломонъ: будешь старше дѣда своего сатаны! увидишь на что!» Свилъ Соломонъ завертку, да и сталъ размѣрять ею въ аду. Чертенокъ опять сталъ у него спрашивать, на что онъ адъ размѣряетъ? «Вотъ тутъ монастырь поставлю, говоритъ Соломонъ Премудрой; вотъ тутъ церковь соборную». Чертенокъ испугался, бѣгомъ побѣжалъ и разсказалъ все дѣду своему, сатанѣ, а сатана взялъ да и выгналъ изъ аду Соломона Премудраго.

Записана въ Орловскомъ у. П. И. Якушкинымъ.

16
Солдатъ и Смерть

(а) Одинъ солдатъ прослужилъ двадцать пять лѣтъ, а отставки ему нѣтъ — какъ нѣтъ! Сталъ онъ думать да гадать: «Что такое значитъ? прослужилъ я Богу и великому государю двадцать пять лѣтъ, въ штрафахъ не бывалъ, а въ отставку не пущаютъ; дай пойду, куды глаза глядятъ!» Думалъ-думалъ и убѣжалъ. Вотъ ходилъ онъ день, и другой, и третій, и повстрѣ-

чался съ Господомъ. Господь его спрашиваетъ: «Куда идешь, служба?» — «Господи! прослужилъ я двадцать пять лѣтъ вѣрою и правдою, вижу: отставки не даютъ. вотъ я и убѣжалъ; иду теперь, куды глаза глядятъ!» — «Ну. коли ты прослужилъ двадцать пять лѣтъ вѣрою и правдою, такъ ступай въ рай — въ царство небесное». Приходитъ солдатъ въ рай. видитъ благодать неизреченную, и думаетъ себѣ: вотъ когда поживу-то! Ну только ходилъ онъ, ходилъ по райскимъ мѣстамъ, подошелъ къ святымъ отцамъ и спрашиваетъ: «Не продастъ ли кто табаку?» — «Какой, служба, табакъ! тутъ рай, царство небесное!» Солдатъ замолчалъ. Опять ходилъ онъ, ходилъ по райскимъ мѣстамъ, подошелъ въ другой разъ къ святымъ отцамъ и спрашиваетъ: «Не продаютъ ли гдѣ близко вина?» — «Ахъ ты, служба-служба! какое тутъ вино! здѣсь рай, царство небесное!».. . . . . «Какой тутъ рай: ни табаку. ни вина!» сказалъ солдатъ и вошелъ вонъ изъ раю.

Идетъ себѣ да идетъ, и попался опять навстрѣчу Господу. «Въ какой, говоритъ, рай послалъ ты меня. Господи? ни табаку, ни вина нѣтъ!» — «Ну. ступай по лѣвую руку, отвѣчаетъ Господь: тамъ все есть!» Солдатъ повернулся налѣво и пустился въ дорогу. Бѣжитъ нечистая сила: «Что угодно, господинъ служба?» — «Погоди спрашивать; дай прежде мѣсто, тогда и разговаривай». Вотъ привели солдата въ пекло. «А что, табакъ есть? спрашиваетъ онъ у нечистой силы. — «Есть, служивой!» — «А вино есть!» — «И вино есть!» — «Подавай всего!» Подали ему нечистые трубку съ табакомъ и полуштофъ перцовки. Солдатъ пьетъ-гуляетъ, трубку покуриваетъ, и радёхонекъ сталъ: «вотъ взаправду рай — такъ рай!» Да недолго нагулялъ солдатъ; стали его черти со всѣхъ сторонъ прижимать, тошно ему пришлося! Что дѣлать? пустился на выдумки. сдѣлалъ

сажень, настрогалъ колышковъ и давай мѣрить; отмѣритъ сажень и вобьетъ колышекъ. Подскочилъ къ нему чортъ: «Что ты, служба, дѣлаешь?» — «Развѣ ты ослѣпъ! Не видишь, что ли? хочу монастырь построить». Какъ броситься чортъ къ своему дѣдушкѣ: «Погляди-ка, дѣдушка, солдатъ хочетъ у насъ монастырь строить!» Дѣдъ вскочилъ и самъ побѣжалъ къ солдату: «Что, говоритъ, ты дѣлаешь?» — «Развѣ не видишь? хочу монастырь строить». Дѣдъ испугался и побѣжалъ прямо къ Богу: «Господи! какого солдата прислалъ ты въ пекло: хочетъ монастырь у насъ построить!» — «А мнѣ что за дѣло! зачѣмъ такихъ къ себѣ примаете?» — «Господи! возьми его отѣдова». — «А какъ его взять-то! самъ пожелалъ».— «Ахти! завопилъ дѣдъ: что же намъ бѣднымъ съ нимъ дѣлать?» — «Ступай, сдери съ чертенка кожу и натяни барабанъ, да послѣ выйди изъ пекла и бей тревогу: онъ самъ уйдетъ!» Воротился дѣдъ, поймалъ чертенка, содралъ съ него кожу и натянулъ барабанъ. «Смотрите же, наказываетъ чертямъ: какъ выскочитъ солдатъ изъ пекла, сейчасъ запирайте ворота крѣпко-накрѣпко, а то какъ бы опять сюда ни ворвался!» Вышелъ дѣдъ за ворота и забилъ тревогу; солдатъ какъ услыхалъ барабанный бой — пустился бѣжать изъ аду, сломя голову, словно бѣшеной; всѣхъ чертей распугалъ, и выскочилъ за ворота. Только выскочилъ, — ворота хлопъ и заперлися крѣпко-накрѣпко. Солдатъ осмотрѣлся кругомъ: никого не видать и тревоги не слыхать; пошелъ назадъ и давай стучаться въ пекло: «Отворяйте скорѣе! кричитъ во все горло: не то ворота сломаю!» — «Нѣтъ, братъ, не сломаешь!» говорятъ черти. Ступай себѣ, куда хочешь, а мы тебя не пустимъ; мы и такъ насилу тебя выжили!»

Повѣсилъ солдатъ голову и побрелъ, куда глаза глядятъ. Шелъ-шелъ и повстрѣчалъ Господа. «Куда

идешь, служба?» — «И самъ не знаю!» — «Ну, куда я тебя дѣну? послалъ въ рай — не хорошо! послалъ въ адъ — и тамъ не ужился!» — «Господи, поставь меня у своихъ дверей на часахъ». — «Ну, становись». Сталъ солдатъ на часы. Вотъ пришла Смерть. «Куда идешь?» спрашиваетъ часовой. Смерть отвѣчаетъ: «Иду къ Господу за повелѣніемъ, кого морить мнѣ прикажетъ». — «Погоди, я пойду спрошу». Пошёлъ и спрашиваетъ: «Господи! Смерть пришла; кого морить укажешь?» — «Скажи ей, чтобъ три года морила самой старый людъ». Солдатъ думаетъ себѣ: «Эдакъ, пожалуй, она отца моего и мать уморитъ: вѣдь они старики». Вышелъ и говоритъ Смерти: «Ступай по лѣсамъ и три года точи самые старые дубы». Заплакала Смерть: «За что Господь на меня прогнѣвался? посылаетъ дубы точить!» И побрела по лѣсамъ, три года точила самые старые дубы; а какъ изошло время — воротилась опять къ Богу за повелѣніемъ. «Зачѣмъ притащилась?» спрашиваетъ солдатъ. «За повелѣніемъ, кого морить Господь прикажетъ». — «Погоди, я пойду спрошу». Опять пошелъ и спрашиваетъ: «Господи! Смерть пришла; кого морить укажешь?» — «Скажи ей, чтобъ три года морила молодой народъ. Солдатъ думаетъ себѣ: «Эдакъ, пожалуй, она братьевъ монхъ уморитъ!» Вышелъ и говоритъ Смерти: «Ступай опять по тѣмъ же лѣсамъ и цѣлыхъ три года точи молодые дубы; такъ Господь приказалъ!» — «За что это Господь на меня прогнѣвался!» заплакала Смерть и пошла по лѣсамъ, три года точила все молодые дубы, а какъ изошло время — идетъ къ Богу, едва ноги тащитъ. «Куда?» спрашиваетъ солдатъ. «Къ Господу за повелѣніемъ, кого морить прикажетъ». — «Погоди, я пойду спрошу». Опять пошелъ и спрашиваетъ: «Господи! Смерть пришла; кого морить укажешь?» — «Скажи ей, чтобъ три года младенцевъ морила».

Солдатъ думаетъ себѣ: «У моихъ братьевъ есть ребятки: эдакъ, пожалуй, она ихъ уморитъ!» Вышелъ и говоритъ Смерти: «Ступай опять по тѣмъ же лѣсамъ и цѣлыхъ три года гложи самые малые дубки». — «За что Господь меня мучаетъ!» заплакала Смерть и пошла по лѣсамъ, три года глодала самые что ни есть малые дубки; а какъ изошло время — идетъ опять къ Богу, едва ноги передвигаетъ. «Ну теперь хоть подерусь съ солдатомъ, а сама дойду до Господа! за что такъ девять лѣтъ онъ меня наказуетъ?» Солдатъ увидалъ Смерть и окликаетъ: «Куда идешь?» Смерть молчитъ, лѣзетъ на крыльцо. Солдатъ ухватилъ ее за шиворотъ, не пускаетъ. И подняли они такой шумъ, что Господь услыхалъ и вышелъ: «Что такое?» Смерть упала въ ноги: «Господи! за что на меня прогнѣвался? мучилась я цѣлыхъ девять лѣтъ: все по лѣсамъ таскалась, три года точила старые дубы, три года точила молодые дубы, а три года глодала самые малые дубки . . . еле ноги таскаю!» — «Это все ты!» сказалъ Господь солдату. «Виноватъ, Господи!» — «Ну, ступай за это, носи девять лѣтъ Смерть на закòртышкахъ!»

Засѣла Смерть на солдата верхомъ. Солдатъ — дѣ[1] лать нечего — повезъ ее на себѣ, везъ-везъ и уморился; вытащилъ рогъ съ табакомъ и сталъ нюхать. Смерть увидала, что солдатъ нюхаетъ, и говоритъ ему: «Служивой, дай и мнѣ понюхать табачку». — «Вотъ-те на! полѣзай въ рожокъ да и нюхай, сколько душѣ угодно». — «Ну, открой-ка свой рожокъ!» Солдатъ открылъ, и только Смерть туда влѣзла — онъ въ ту жъ минуту закрылъ рожокъ и заткнулъ его за голенище. Пришелъ опять на старое мѣсто и сталъ на часы. Увидалъ его Господь и спрашиваетъ: «А Смерть гдѣ?» — «Со мною». «Гдѣ съ тобою?» — «Вотъ здѣсь за голенищемъ». — «А ну, покажи!» — «Нѣтъ, Господи, не покажу, пока

[1] На плечахъ.

девять лѣтъ не выйдетъ; шутка ли ее носить на закòртышкахъ! вѣдь она не легка!» — «Покажь, я тебя прощаю!» Солдатъ вытащилъ рожокъ и только открылъ его — Смерть тотчасъ и сѣла ему на плеча. «Слѣзай, коли не сумѣла ѣздить!» сказалъ Господь. Смерть слѣзла. «Умори же теперь солдата!» приказалъ ей Господь и пошелъ — куда зналъ.

«Ну, солдатъ! говоритъ Смерть: слышалъ — тебя Господь велѣлъ уморить!» — «Что жъ? надо когда-нибудь умирать! дай только мнѣ исправиться». — «Ну, исправься!» Солдатъ надѣлъ чистое бѣлье и притащилъ гробъ. «Готовъ?» спрашиваетъ Смерть. «Совсѣмъ готовъ!» — «Ну, ложись въ гробъ!» Солдатъ легъ спиной кверху. «Не такъ»! говоритъ Смерть. «А какъ же?» спрашиваетъ солдатъ — и улегся на бокъ. «Да все не такъ!» — «На тебя и умереть-то не угодишь!» и улегся на другой бокъ. «Ахъ, какой ты, право! развѣ не видалъ какъ умираютъ?» — «То-то и есть, что не видалъ!» — «Пусти, я тебѣ покажу». Солдатъ выскочилъ изъ гроба, а Смерть легла на его мѣсто. Тутъ солдатъ ухватилъ крышку, накрылъ поскорѣе гробъ и наколотилъ на него желѣзные обручи; какъ наколотилъ обручи — сейчасъ же поднялъ гробъ на плеча и стащилъ въ рѣку. Стащилъ въ рѣку, воротился на прежнее мѣсто и сталъ на часы. Господь увидалъ его и спрашиваетъ: «Гдѣ же Смерть?» — «Я пустилъ ее въ рѣку». Господь глянулъ — а она далеко плыветъ по водѣ. Выпустилъ ее Господь на волю. «Что жъ ты солдата не уморила?» — «Вишь, онъ какой хитрой! съ нимъ ничего не сдѣлаешь». — «Да ты съ нимъ долго не разговаривай; пойди и умори его!» Смерть пошла и уморила солдата.

(b) Жилъ да былъ одинъ солдатъ, и зажился онъ долго на свѣтѣ, попросту сказать — чужой вѣкъ сталъ

заѣдать. Сверстники его понемногу отправляются на тотъ свѣтъ, а солдатъ себѣ и ухомъ не ведетъ, знай себѣ таскается изъ города въ городъ, изъ мѣста въ мѣсто. А по правдѣ сказать, не солгатъ: Смерть давно на него зубы точила. Вотъ приходитъ Смерть къ Богу и проситъ у него позволенія взять солдата: долго де зажился на свѣтѣ, пора де ему и честь знать, пора и умирать! Позволилъ Богъ Смерти взять солдата.

Смерть слетѣла съ небесъ съ такою радостію, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Остановилась у избушки солдата и стучится. «Кто тутъ?» — «Я». — «Кто ты?» — «Смерть». — «А! зачѣмъ пожаловала? я умирать-то не хочу». Смерть разсказала солдату все, какъ слѣдуетъ. «А если ужъ Богъ велѣлъ, такъ другое дѣло! противъ воли Божьей нельзя идти. Тащи гробъ! Солдатъ на казенный счетъ всегда умираетъ. Ну, поворачивайся, беззубая!» Смерть притащила гробъ и поставила посреди избы. «Ну, служивый, ложись; когда-нибудь надо же умирать». — «Не растабарывай! знаю я вашего брата, не надуешь. Ложись-ка прежде сама». — «Какъ сама?» — «Да такъ. Я безъ артикула ничего не привыкъ дѣлать; что начальство покажетъ: фрунтъ, что ли тамъ, аль другое что, — то и дѣлаешь. Ужъ такъ привыкъ, сударка моя! не переучиваться же мнѣ: старенекъ сталъ!» Смерть поморщилась и полѣзла въ гробъ. Только что расположилась она въ гробу какъ слѣдуетъ, — солдатъ возьми да и нахлопни гробъ-то крышкой, завязалъ веревкой и бросилъ въ море. И долго-долго носилась Смерть по волнамъ, пока не разбило бурей гроба, въ которомъ она лежала.

Первымъ дѣломъ Смерти, какъ только она получила свободу, опять была просьба къ Богу, чтобъ позволилъ ей взять солдата. Богъ далъ позволеніе. Снова пришла Смерть къ солдатской избушкѣ и стучится въ двери.

Солдатъ узналъ свою прежнюю гостью, и спрашиваетъ: «Что нужно?» — «Да я за тобой, дружище! теперь не вывернешься». — «А врешь, старая чертовка! не вѣрю я тебѣ. Пойдемъ вмѣстѣ къ Богу». — «Пойдемъ». — «Подожди, мундиръ натяну». Отправились въ путь. Дошли до Бога; Смерть хотѣла было идти впередъ, да солдатъ не пустилъ: «Ну куда ты лѣзешь? какъ смѣешь ты безъ мундира . . . идти? Я пойду впередъ, а ты жди!» Вотъ воротился солдатъ отъ Бога. «Что, служивый, правду я сказала?» спрашиваетъ Смерть. «Врешь, солгала немного. Богъ велѣлъ тебѣ прежде лѣса подстригать да горы ровнять; а потомъ и за меня приниматься». И солдатъ отправился на зимнія квартиры вольнымъ шагомъ, а Смерть осталась въ страшномъ горѣ. Шутка ли! развѣ мала работа — лѣса подстригать да горы ровнять? И много-много лѣтъ трудилась Смерть за этой работой, а солдатъ жилъ себѣ да жилъ.

Наконецъ и въ третій разъ пришла за солдатомъ Смерть, и нечѣмъ ему было отговориться: пошелъ солдатъ въ адъ. Пришелъ и видитъ, что народу многое множество. Онъ то толчкомъ, то бочкомъ, а гдѣ и ружье на перевѣсъ, и добрался до самаго сатаны. Посмотрѣлъ на сатану и побрелъ искать въ аду уголка, гдѣ бы ему расположиться. Вотъ и нашелъ; тотчасъ наколотилъ въ стѣну гвоздей, развѣсилъ аммуницію и закурилъ трубку. Не стало въ аду прохода отъ солдатика; не пускаетъ никого мимо своего добра: «Не ходить! вишь, казенныя вещи лежатъ; а ты, можетъ, на руку нечистъ. Здѣсь всякаго народу много!» Велятъ ему черти воду носить, а солдатъ говоритъ: «Я двадцать пять лѣтъ Богу и великому государю служилъ, да воды не носилъ; а вы съ чего это вздумали . . . Убирайтесь-ка къ своему дѣдушкѣ!» Не стало чертямъ житья отъ солдата; хоть бы выжить его изъ ада, такъ нейдетъ: «Мнѣ, говоритъ,

и здѣсь хорошо!» Вотъ черти и придумали штуку: натянули свинячую кожу, и только улегся солдатъ спать — какъ забили тревогу. Солдатъ вскочилъ да бѣжать; а черти сейчасъ за нимъ двери и притворили, да такъ себѣ обрадовались, что надули солдата! . . . И съ той поры таскался солдатъ изъ города въ городъ, и долго еще жилъ на бѣломъ свѣтѣ, — да вотъ какъ-то на прошлой недѣлѣ только померъ.

Записана въ Нижнемъ-Новгородѣ.

(с) Служилъ солдатъ Богу и великому государю цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ, выслужилъ три сухаря и пошелъ домой на родину. Шелъ-шелъ и крѣпко задумался: «Господи Боже ты мой! служилъ я царю двадцать пять лѣтъ, былъ сытъ и одѣтъ; а теперь до чего дожилъ? и голоденъ, и холоденъ; только и есть что три сухаря». А навстрѣчу ему убогой нищій и проситъ милостинку. Солдатъ отдалъ нищему одинъ сухарь, а себѣ оставилъ два. Пошелъ дальше; немного погодя попадается ему другой нищій, кланяется и проситъ милостинку. Солдатъ подалъ и этому сухарь, и остался у него одинъ. Опять пошелъ дальше своей дорогою и повстрѣчалъ третьяго нищаго: кланяется ему старецъ и проситъ милостинку. Вынулъ солдатъ послѣдній сухарь и думаетъ: «Цѣлой дать — самому не останется; половину дать — пожалуй сойдется этотъ старецъ съ прежними нищими, увидитъ у нихъ по цѣлому сухарю и обидится; лучше отдамъ ему весь, а самъ обойдусь коё-какъ!» Отдалъ послѣдній сухарь и остался ни при чемъ. Вотъ старецъ и спрашиваетъ его: «Скажи, доброй человѣкъ, чего желаешь, въ чемъ нуждаешься? я те помогу». — «Богъ съ тобой! отвѣчаетъ солдатъ: съ тебя, старичокъ, взять нечего: ты самъ человѣкъ убогой». — «Да ты не смотри на мое убожество;

только скажи, чего желаешь. — а я ужъ награжу тебя за твою добродѣтель». — «Мнѣ ничего не надо, а коли есть у тебя карты, такъ подари на память». Старецъ вынулъ изъ-за пазухи карты и даетъ солдату: «Возьми, говоритъ: съ кѣмъ ни станешь играть въ эти карты — всякаго обыграешь; да вотъ на̀ тебѣ и торбу: что ни встрѣтишь на дорогѣ, звѣря ли, птицу ли, и захочешь поймать, — только распахни торбу и скажи: полѣзай сюда, звѣрь али птица! и все сдѣлается потвоему». — «Спасибо», сказалъ солдатъ: взялъ карты и торбу и поплелся въ путь-дорогу.

Шелъ близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли, и пришелъ къ озеру, а на томъ озерѣ плаваютъ три дикихъ гуся. Вотъ солдатъ и вздумалъ: «Дай-ка я торбу свою попробую!» Вынулъ ее, распахнулъ и говоритъ: «Эй вы, дикіе гуси! полетайте въ мою торбу». И только выговорилъ эти слова — какъ снялись гуси съ озера и прилетѣли прямо въ торбу. Солдатъ завязалъ торбу, поднялъ на плеча̀ и пустился въ дорогу. Шелъ-шелъ, и пришелъ въ городъ. Забрался въ трактиръ и говоритъ хозяину: «Возьми этого гуся и зажарь мнѣ къ ужину, а другого гуся отдаю тебѣ за хлопоты, а третьяго промѣняй мнѣ на водку». Вотъ солдатъ сидитъ себѣ въ трактирѣ да угощается: выпьетъ винца да гусемъ и закуситъ. И вздумалось ему посмотрѣть въ окошко: стоитъ на другой сторонѣ большой дворецъ, только во всемъ дворцѣ нѣтъ ни одного стекла цѣлаго. «Послушай, спрашиваетъ онъ хозяина: что это за дворецъ и отчего пустой стоитъ?» — «Да, вишь, говоритъ хозяинъ: царь нашъ выстроилъ себѣ этотъ дворецъ, только жить-то въ немъ нельзя; вотъ ужъ семь лѣтъ пустѣетъ! всѣхъ нечистая сила выгоняетъ! Каждую ночь собирается тамъ чертовское сонмище, шумитъ, пляшетъ, въ карты играетъ и всякія скверны творитъ.

Вотъ солдатъ пошелъ къ царю. «Ваше царское величество! позволь, говоритъ, мнѣ въ твоемъ порожнемъ дворцѣ одну ночь переночевать». — «Что ты, служба! говоритъ ему царь: Богъ съ тобою! ужъ были такіе смѣльчаки, брались переночевать въ энтомъ дворцѣ. да ни одинъ живой не ворочался!» — «Небось, русской солдатъ ни въ водѣ не тонетъ, ни въ огнѣ не горитъ. Служилъ я Богу и великому государю двадцать пять лѣтъ, да не умеръ; а то за одну ночь у тебя помру!» — «Я жъ тебѣ говорю: пойдетъ туда съ вечера живой человѣкъ, а утромъ однѣ косточки найдутъ». Солдатъ стоитъ на своемъ: пусти да пусти его во дворецъ. «Ну, говоритъ царь: ступай съ Богомъ, ночуй, коли хочешь; я съ тебя воли не снимаю».

Пришелъ солдатъ во дворецъ и расположился въ самой большой комнатѣ; снялъ съ себя ранецъ и саблю, ранецъ поставилъ въ уголокъ, а саблю на гвоздикъ повѣсилъ; сѣлъ за столъ, вынулъ кисетъ съ табакомъ, набилъ трубку — и покуриваетъ себѣ. Вотъ ровно въ двѣнадцать часовъ — откуда что взялось — набѣжало во дворецъ чертей видимо-невидимо; поднялся гамъ, крикъ, плясъ, музыка. «А и ты, служивой, здѣсь! закричали черти. Зачѣмъ пожаловалъ? Не хочешь ли поиграть съ нами въ карты?» — «Отчего не хотѣть! только чуръ играть моими картами». Сейчасъ вынулъ свои карты и ну сдавать. Стали играть; разъ сыграли — солдатъ выигралъ, въ другой — опять солдатъ выигралъ; сколько ни ухитрялись черти, а всѣ деньги спустили солдату: онъ знай себѣ загребаетъ! «Постой, служивой, говорятъ черти: есть у насъ еще шестьдесятъ четвериковъ серебра да сорокъ золота, давай-ка играть съ тобой на это серебро и золото!» — и посылаютъ они малаго чертенка таскать серебро. Стали снова играть, солдатъ все обыгрываетъ: ужъ чертенокъ

таскалъ-таскалъ, все серебро перетаскалъ, и говоритъ старому дьяволу: «Дѣдушка, больше нѣту!» — «Таскай, пострѣлъ, золото!» Вотъ онъ таскалъ-таскалъ золото, цѣлой уголъ навалилъ, а толку все нѣту, всѣ солдатъ обыгрываетъ. Жалко стало чертямъ своихъ денегъ; вотъ они и давай приступать къ солдату, да какъ заревутъ: «Разорвемъ его, братцы! съѣдимъ его!» — «Еще посмотримъ, кто кого съѣстъ!» говоритъ солдатъ, схватилъ торбу, распахнулъ и спрашиваетъ: «А это что?» — «Торба», говорятъ черти. «А ну, по Божьему слову, полѣзайте въ торбу!» Только сказалъ — и полѣзли черти въ торбу; да и много ихъ набралось ихъ, чуть ни давятъ другъ дружку! Солдатъ завязалъ торбу покрѣпче и повѣсилъ на стѣнку на гвоздь; а самъ улегся спать.

Поутру посылаетъ царь своихъ людей: «Ступайте, провѣдайте — что съ солдатомъ дѣется? Коли пропалъ отъ нечистой силы, такъ приберите его косточки!» Вотъ и пошли; приходятъ во дворецъ — а солдатъ весело по горницамъ похаживаетъ да трубочку покуриваетъ. «Здорово, служивой! не чаяли увидать тебя живого! Ну, какъ ночевалъ, какъ съ чертями поладилъ?» — «Что черти! вы посмотрите-ка, сколько я серебра да золота у нихъ выигралъ, вишь какія кучи!» Посмотрѣли царскіе люди и вздивовались, а солдатъ имъ наказываетъ: «Приведите, братцы, да поживѣе двухъ кузнецовъ, да чтобъ захватили съ собой желѣзную плиту и молоты». Тѣ бѣгомъ бросились въ кузницу, и живо справили дѣло. Пришли кузнецы съ желѣзной плитою: съ тяжелыми молотами. «Ну-ка, говоритъ солдатъ: снимите эту торбу да прiударьте ее по-кузнешному». Стали кузнецы снимать торбу и говорятъ промежъ собой: «Ишь какая тяжелая! черти что ли въ ней напханы!» А черти откликаются: «Мы, батюшки!

мы, родимые!» Сейчасъ положили кузнецы торбу на желѣзную плиту и давай молотами постукивать, словно желѣзо куютъ. Жутко пришлось чертямъ, невмоготу стало терпѣть: «Смилуйся! заорали: выпусти, служивой, на вольной свѣтъ, по вѣкъ тебя не забудемъ; а ужъ въ этотъ дворецъ ни одинъ чортъ ни ногой . . . всѣмъ закажемъ, за сто верстъ отъ него будемъ бѣгать!» Солдатъ остановилъ кузнецовъ, и только развязалъ торбу — черти такъ и прыснули, и пустились безъ оглядки въ тартарары — въ преисподнюю. А солдатъ не промахъ, ухватилъ одного стараго чорта, разрѣзалъ ему лапу до крови: «Подавай, говоритъ, росписку, что будешь мнѣ вѣрно служить!» Нечистой написалъ ему въ томъ росписку своею кровію, отдалъ и навострилъ лыжи. Прибѣжали черти въ пекло, переполошили всю нечистую силу — и старыхъ, и малыхъ; сейчасъ разставили кругомъ пекла часовыхъ и крѣпко-накрѣпко приказали караулить, чтобъ какъ-нибудь ни пробрался туда солдатъ съ торбою.

Пришелъ солдатъ къ царю. Такъ и такъ, говоритъ, очистилъ дворецъ отъ дьявольскаго навожденія. «Спасибо, говоритъ ему царь: оставайся жить у меня, стану тебя замѣсто брата почитать». Остался солдатъ при царѣ жить; всего у него вдоволь, денегъ куры не клюютъ, и задумалъ онъ жениться. Оженился, а черезъ годъ послѣ того далъ ему Богъ сына. Вотъ и приключилась этому мальчику хворь, да такая — не можетъ никто вылѣчить; ужъ сколько лѣкарей перебывало, а толку нѣтъ ни на грошъ. И задумалъ солдатъ про того стараго чорта, что далъ ему росписку, а въ росписке написалъ: вѣчно де буду тебѣ вѣрнымъ слугою; вздумалъ и говоритъ: «Куда-то мой старой чортъ дѣвался?» Вдругъ явился передъ нимъ тотъ самой чортъ и спрашиваетъ: «Что твоей милости угодно?» — «А вотъ что: захворалъ

у меня сынишка. не знаешь ли — какъ бы его вылѣчить?» Чортъ вытащилъ изъ кармана стаканъ, налилъ его холодной водою, поставилъ хворому въ головахъ и говоритъ солдату: «Поди-ка, посмотри на̀ воду». Солдатъ смотритъ на̀ воду, а чортъ его спрашиваетъ: «Ну, что видишь?» — «Я вижу: въ ногахъ у моего сына стоитъ Смерть». — «Ну, коли въ ногахъ стоитъ, то будетъ здоровъ; а если бы Смерть въ головахъ стояла — то непремѣнно бы померъ». Потомъ беретъ чортъ стаканъ съ водою и брызнулъ на солдатскаго сына. и въ ту же минуту онъ здоровъ сдѣлался. «Подари мнѣ этотъ стаканъ. говоритъ солдатъ: и больше ничего отъ тебя не надо». Чортъ подарилъ ему стаканъ, а солдатъ воротилъ назадъ росписку. Сдѣлался солдатъ знахаремъ, сталъ лѣчить бояръ и генераловъ; только посмотритъ въ стаканъ — и сейчасъ скажетъ: кому помереть, кому выздоровѣть.

Случилось самому царю захворать; призвали солдата. Вотъ онъ налилъ въ стаканъ холодной воды, поставилъ царю въ головахъ, поглядѣлъ — и видитъ, что Смерть тутъ же въ головахъ стоитъ. И говоритъ солдатъ: «Ваше царское величество! никто тебя не сможетъ вылѣчить. Смерть въ головахъ ужъ стоитъ; всего на всего только три часа и осталось тебѣ жить!» Царь услыхалъ эти рѣчи и сильно на солдата озлобился: «Какъ такъ? закричалъ на него: ты многихъ бояръ и генераловъ вылѣчивалъ, а меня не хочешь? сейчасъ прикажу казнить тебя смертію!» Вотъ солдатъ думалъ-думалъ: что ему дѣлать? и началъ просить Смерть: «Отдай, говоритъ, царю мой вѣкъ, а меня умори; все равно придется мнѣ помереть — такъ ужъ лучше помереть своею смертію, чѣмъ лютую казнь претерпѣть!» Посмотрѣлъ въ стаканъ, и видитъ, что Смерть стоитъ у царя въ ногахъ. Тутъ солдатъ взялъ воду и сбрызнулъ царя: сталъ онъ совершенно здоровъ. «Ну, Смерть!

говоритъ солдатъ: дай мнѣ сроку хоть на три часа, только домой сходить да съ женой и сыномъ проститься». — «Ступай!» отвѣчаетъ Смерть. Пришелъ солдатъ домой, легъ на кровать и крѣпко разболѣлся. А Смерть ужь около него стоитъ: «Ну, служивой! прощайся скорѣе, всего три минуты осталось тебѣ жить на свѣтѣ». Солдатъ потянулся, досталъ изъ-подъ головъ свою торбу, распахнулъ и спрашиваетъ: «Что это?» Смерть отвѣчаетъ: «Торба». — «Ну, коли торба, такъ полѣзай въ нее!» Смерть прямо въ торбу и *шурхнула*. Солдатъ — куда и хворь дѣвалась — вскочилъ съ постели, завязалъ торбу крѣпко-накрѣпко, взвалилъ ее на плеча и пошелъ въ лѣса Брянскіе, дремучіе. Пришелъ и повѣсилъ эту*ю* торбу на горькой осинѣ, на самой вершинѣ, а самъ воротился домой.

Съ той поры не сталъ народъ помирать: рожаться — рожается, а не помираетъ! Вотъ прошло много лѣтъ, солдатъ все торбы не снимаетъ. И случилось ему идти по городу. Идетъ, а навстрѣчу ему эдакая древняя старушка: въ которую сторону подуетъ вѣтеръ, въ ту сторону и валится. «Вишь какая старуха! сказалъ солдатъ: чай, давно ужъ помирать пора!» — «Да, батюшка! отвѣчаетъ старушка: мнѣ давно помереть пора, — еще въ тоё время, какъ посадилъ ты Смерть въ торбу, оставалось всего житья моего на бѣломъ свѣтѣ одинъ только часъ. Я бы и рада на покой, да безъ Смерти земля не примаетъ, и тебѣ, служивой, за это отъ Бога непрощёный грѣхъ! вѣдь ни одна душа на свѣтѣ такъ же, какъ я, мучится!» — Вотъ солдатъ и сталъ думать: «Видно, надобно выпустить Смерть-та; ужъ пускай уморитъ меня . . . И безъ того на мнѣ грѣховъ много; такъ лучше теперь, пока еще силёнъ, отмучаюсь на томъ свѣтѣ; а какъ сдѣлаюсь крѣпко старъ, тогда хуже будетъ мучиться». Собрался и пошелъ въ Брянскіе

лѣса. Подходитъ къ осинѣ и видитъ: виситъ торба высоко-высоко и качаетъ ее вѣтромъ въ разны стороны. «А что, Смерть, жива?» спрашиваетъ солдатъ. Она изъ торбы едва голосъ подаетъ: «Жива, батюшка!» Снялъ солдатъ торбу, развязалъ и выпустилъ Смерть, и самъ легъ на кровать, прощается съ женою и сыномъ, и проситъ Смерть, чтобъ уморила его. А она бѣгомъ за двери, давай Богъ ноги: «Пущай, кричитъ, тебя черти уморятъ, а я тебя морить не стану!»

Остался солдатъ живъ и здоровъ, и вздумалъ: «Пойдука я прямо въ пекло; пущай меня черти бросятъ въ кипучую смолу и варятъ до тѣхъ поръ, покудова на мнѣ грѣховъ не будетъ». Простился со всѣми, и пошелъ съ торбою въ рукахъ прямо въ пекло. Шелъ онъ близко ли — далеко, низко ли — высоко, мелко ли — глубоко, и пришелъ-таки въ преисподнюю. Смотритъ, а кругомъ пекла стоятъ часовые. Только онъ къ воротамъ, а чортъ спрашиваетъ: «Кто идетъ?» — «Грѣшная душа къ вамъ на мученіе». — «А это что у тебя?» — «Торба». Заоралъ чортъ во все горло, ударили тревогу, сбѣжалась вся нечистая сила, давай запирать всѣ двери и окна крѣпкими запорами. Ходитъ солдатъ вокругъ пекла и кричитъ князю пекельному: «Пусти, пожалуста, меня въ пекло; я пришелъ къ вамъ за свои грѣхи мучиться». — «Нѣтъ, не пущу! ступай, куда знаешь; здѣсь тебѣ мѣста нѣту». — «Ну, коли не пущаешь меня мучиться, то дай мнѣ двѣсти грѣшныхъ душъ; я поведу ихъ къ Богу, можетъ — Господь и проститъ меня за это!» Князь пекельной отвѣчаетъ: «Я тебѣ еще отъ себя прибавлю душъ пятьдесятъ, только уходи отсюдова!» Сейчасъ велѣлъ отсчитать двѣсти пятьдесятъ душъ и вывесть въ заднія ворота, такъ чтобы солдатъ не увидѣлъ. Сказано, сдѣлано. Забралъ солдатъ грѣшныя души и повелъ къ самому раю. Апостолы увидали и

доложили Господу: «Такой-то солдатъ двѣсти пятьдесятъ душъ изъ пекла привелъ». — «Примите ихъ въ рай, а солдата не пущайте». Только солдатъ отдалъ одной грѣшной душѣ свою торбу и приказалъ: «Смотри какъ войдешь въ райскіе двери — сейчасъ скажи: полѣзай, солдатъ, въ торбу!» Вотъ райскіе двери отворились, стали входить туда души, вошла и грѣшная душа съ торбою, да о солдатѣ отъ радости и забыла. Такъ солдатъ и остался, ни въ одно мѣсто не угодилъ. И долго послѣ того онъ жилъ-жилъ на бѣломъ свѣтѣ, да вотъ только на-дняхъ померъ.

Изъ собранія В. И. Даля.

17
Видѣніе

(а) Шелъ прохожій и выпросился ночевать къ одному дворнику. Накормили его ужиномъ, и улегся онъ спать на лавочку. У этого дворника было три сына, всѣ женатые. Вотъ послѣ ужина разошлись они съ женами спать въ особыя клѣти, а старикъ-хозяинъ взобрался на печку. Прохожій проснулся ночью и увидалъ на столѣ разной гадъ; не стерпѣлъ такой срамоты, вышелъ изъ избы вонъ и зашелъ въ ту клѣть, гдѣ спалъ большой хозяйской сынъ; здѣсь увидалъ, что дубинка бьется отъ полу до самаго потолка. Ужаснулся и перешелъ въ другую клѣть, гдѣ спалъ середній сынъ; посмотрѣлъ, а межъ имъ и женою лежитъ змій и дышетъ на нихъ. «Дай еще испытаю третьяго сына», подумалъ прохожій и пошелъ въ иную клѣть; тутъ увидалъ кунку: перескакиваетъ съ мужа на жену, съ жены на̀ мужа. Далъ имъ спокой и отправился въ поле; легъ подъ зорòдъ[1] сѣна, и послышалось ему — будто какой человѣкъ въ сѣнѣ

[1]) Большая куча, стогъ.

стонетъ и говоритъ: «Тошно животу моему! ахъ, тошно животу моему!» Прохожій испугался и легъ было подъ суслонъ[1] ржапой; и тутъ послышалъ голосъ, кричитъ: «Постой, возьми меня съ собой!» Не поспалось прохожему, воротился къ старику-хозяину въ избу, и началъ его старикъ спрашивать: «Гдѣ былъ, прохожій?» Онъ пересказалъ старику все видѣнное да слышанное: «На столѣ, говоритъ, нашелъ я разной гадъ, — оттого, что послѣ ужина невѣстки твои ничего благословясь не собрали и не покрыли; у большого сына бьется въ клѣти дубинка, — это оттого, что хочется ему большакомъ[2] быть, да малые братья не слушаются: бьется-то не дубинка, а умъ-разумъ его; промежъ середняго сына и жены его видѣлъ змія, — это потому, что другъ на друга вражду имѣютъ; у меньшого сына видѣлъ кунку, — значитъ, у него съ женой благодать Божія, живутъ въ добромъ согласіи; въ сѣнѣ слышалъ стонъ, — это потому: коли кто польстится на чужое сѣно, скосить да смететъ въ одно мѣсто съ своимъ, тады чужое-то давитъ свое, а свое стонетъ, да и животу тяжело; а что колосье кричало: постой, возьми меня съ собой! — это которое съ полосы не собрано, оно-де говоритъ: пропаду, соберите меня!» А послѣ сказалъ прохожій старику: «Наблюдай, хозяинъ, за своей семьею: большому сыну отдай большину и во всемъ ему помогай; середняго сына съ женою разговаривай, чтобы жили совѣстнѣе; чужого сѣна не коси, а колосье съ полосъ собирай дочиста». Распростился съ старикомъ и пошелъ въ путь-дорогу.

Записана въ Архангельской губ. Изъ собранія В. И. Даля.

(b) Ходилъ по міру старинькой старичокъ, и попросился ночевать къ одному мужику. «Пожалуй, гово-

[1]) Нѣсколько сноповъ хлѣба, складенныхъ въ кучу.
[2]) Старшимъ, главнымъ въ домѣ, хозяиномъ.

рить мужикъ, я тебя пущу; только станешь ли всю ночь сказывать мнѣ сказки?» — Хорошо, буду сказывать; дай только отдохнуть». — «Ну, ступай!» Вошелъ старичокъ въ избу и легъ на полати. Хозяинъ говоритъ: «Поди-ка, почтенной, поужинай». Старичокъ слѣзъ и поужиналъ. «Ну, старичокъ, сказывай сказку». — «Погоди, лучше я поутру разскажу». — «Ладно!» Улеглись спать. Вотъ старикъ проснулся въ ночи и видитъ: теплятся передъ образами двѣ свѣчки и порхаютъ по избѣ двѣ птички. Захотѣлось ему напиться; слѣзъ онъ съ полатей, а по полу такъ и бѣгаютъ ящерицы; подошелъ къ столу, а тамъ лягушки прыгаютъ да крякаютъ. Посмотрѣлъ на старшóго хозяйскаго сына, а промежъ имъ и женою змѣя лежитъ; посмотрѣлъ на второго сына — на его женѣ кошка сидитъ, на мужа ротъ разинула; глянулъ на меньшого сына, а промежъ имъ и женою младенецъ лежитъ. Страшно показалось старичку, пошелъ онъ и легъ на гувнѣ[1], а тутъ кричатъ: «Сестра! сестра! прибери меня». Легъ подъ изгородой, и тутъ кричатъ: «Выдерни, да вторни[2] меня!» Легъ подъ чугунъ, здѣсь кричатъ: «На бобрѣ вѣшу, на бобёръ упаду!» Пошелъ старичокъ опять въ избу. Просыпается хозяинъ и говоритъ: «Ну, сказывай сказку!» А старичокъ ему: «Я не сказки буду тебѣ сказывать, а правду. Знаешь ли, что я въ твоемъ домѣ видѣлъ? проснулся я и вижу: теплятся передъ образами двѣ свѣчки, а по избѣ двѣ птички перепархиваютъ». — «Это мои два ангела перепархивали!» говоритъ хозяинъ. «Да еще видѣлъ я: промежъ старшимъ твоимъ сыномъ и его женою змѣя лежала». — «Это оттого, что они въ ссорѣ». — «Глянулъ я ночью и на другого сына, а на его женѣ кошка сидитъ, на мужа ротъ разинула». — «Это значитъ, что они не

[1]) Овинъ.
[2]) Воткни.

дружно живутъ, хочетъ жена мужа известь». — «А какъ посмотрѣлъ на меньшого сына, такъ межъ имъ и женою младенецъ лежалъ». — «Это не младенецъ, ангелъ лежалъ, оттого, что живутъ они дружно, согласно». — «Отчего же, хозяинъ, какъ слѣзъ я съ полатей, такъ по̀ полу ящерицы бѣгали; а какъ подошелъ къ столу и хотѣлъ испить, такъ по немъ лягушки прыгали да крякали?» — «Оттого, сказалъ хозяинъ, что снохи мои никогда угарочка[1] не подметутъ, а квасъ, какъ нацѣдятъ въ кружку, такъ не благословясь и поставятъ на столъ».— «Пошелъ было я спать на гувно, а тамъ кричатъ: сестра! сестра, прибери меня». — «А это вотъ что значитъ: сыновья мои никогда мётелъ благословясь на мѣсто не поставятъ!» — «Потомъ легъ я подъ изгороду, а тамъ кричатъ: выдерни, да вторни!» — «Это значитъ, что изгорода вверхъ низомъ поставлена». — «Потомъ легъ я подъ чугунъ, а тамъ кричитъ: на бобрѣ вѣшу̀, на бобёръ упаду». Хозяинъ говоритъ: «А это вотъ что — коли я помру, то и весь домъ мой опустится!»

Записана въ Зубцовскомъ у., Тверской губ. Изъ собранія В. И. Даля.

18
Потанька

Одна баба не благословесь замѣшала опару. Прибѣжалъ бѣсъ Потанька, да и сялъ. А баба и вспомнила, што не благословесь замѣшала опару, пришла да и перекрестила: Потанькѣ выскочить-то и нельзя. Баба процѣдила опару и вывалила опарины на улицу, а Потанька все тутъ. Свиньи перепехиваютъ ево съ мѣсто на мѣсто, а вырватца не мо́жотъ; да чрезъ трои судки коё-какъ выбился и безъ оглядки убѣжалъ. Прибѣжалъ къ товарищамъ; тѣ спрашиваютъ: «Гдѣ былъ, Потанька?» — «Да будь она проклятая баба! опару,

[1] Лучины.

говоритъ, замѣсила ли, завела ли не благословесь; я пришолъ да и сялъ. Она взяла да меня и перекрестила, дакъ насилу вырвался чрезъ трои судки: свиньи перепехиваютъ меня съ опариной, а я выбитца не могу; теперь въ жизь мою никогда не сяду къ бабѣ въ опару!

Записана въ Пермской губ., Шадринскаго округа, въ заштатномъ городѣ Долматовѣ, государственнымъ крестьяниномъ Александромъ Зыряновымъ.

19

Поѣздка въ Іерусалимъ

Какой-то архимандритъ сталъ къ заутринѣ; пришолъ умыватца, видитъ въ рукомойкѣ нечистой духъ, взялъ ево да и заградилъ (крестомъ). Вотъ дьяволъ и взмолился: «Выпусти, отче! каку хошь налошь службу — сослужу!» Архимандритъ говоритъ: «Свозишь ли меня между обѣднёй и заутриной въ Ерусалимъ?» — «Свожу, отче, свожу!» Архимандритъ ево выпустилъ и послѣ заутрины до обѣдни успѣлъ съѣздить въ Ерусалимъ, къ обѣднѣ поспѣлъ обратно. Послѣ забрали какъ-то справки, — всѣ удивились, какъ онъ скоро мокъ съѣздить въ Ерусалимъ, спросили ево, и онъ разсказалъ это.

Записана тамъ же А. Зыряновымъ.

20

Пустынникъ и дьяволъ

(а) Одинъ пустынникъ молился тридцеть три года, и видитъ, къ какому-та царю ходятъ дьявола на обѣдъ, ивкаютъ, гайкаютъ, пляшутъ, скачутъ и пѣсни поютъ. Одинъ разъ Потанька хромой отсталъ отъ дьяволовъ; пустынникъ вышолъ да и спрашиватъ ево: «куда вы такъ ходите?» — «Да ходимъ вотъ къ такому-то царю на обѣдъ; у нево всѣ стряпухи дѣлаютъ все

не благословесь, намъ и ладно!» Старикъ и думать, какъ бы объ этомъ извѣстить царя; а отъ царя носили ему обѣдать кажный день. Онъ принялъ ѣства да на тарелкахъ взялъ и надписалъ, што дьяволà къ нему ходятъ на обѣдъ кажной день. Царь увидялъ эту надпись, тотчасъ всѣхъ людей перемѣнилъ и поставилъ къ стряпнѣ людей набожныхъ; за чево они вòзмутца — все говорятъ: «Господи, благослови!» Видитъ пустынникъ дьяволòвъ — впередъ шли весёлы и радостны, а назадъ идутъ заунывны и печальны, и спрашиваетъ опеть Потаньку, што они не весёлы? Тотъ только и сказалъ: «Молчи жо! ужо мы тебѣ отплатимъ!» Не сталъ видать послѣ тово пустынникъ дьяволòвъ. Одинъ разъ приходитъ къ нему женщина набожна. Онъ ее разспросилъ: «какà, откуда?» тѣ-други разговоры, стали винцо попивать и напились, сговорились вѣнчатца: пошли, видятъ — все готово, какъ и есть. Пришло время вѣнцы надѣвать; ужъ начали — только надѣть. Пустынникъ и перекрестился; дьяволà отступились, и онъ увидялъ петлю; да послѣ тово опеть тридцеть три года молился, грѣхи замаливалъ!

Записана тамъ же А. Зыряновымъ.

(b) Былъ пустынникъ, молился тридцать лѣтъ Богу: мимо его часто пробѣгали бѣси. Одинъ изъ нихъ хромой отставалъ далеко отъ своихъ товарищей. Пустынникъ остановилъ хромого и спросилъ: «Куды вы, бѣси, бѣгаете?» Хромой сказалъ: «Мы бѣгаемъ къ царю на обѣдъ». — «Когда побѣжишь назадъ, принеси мнѣ солонку отъ царя; тогда я повѣрю, что вы тамъ обѣдаете». Онъ принесъ солóнцу. Пустынникъ сказалъ: «Когда побѣжишь опять къ царю обѣдать, забѣги ко мнѣ взять назадъ солóнцу». Между тѣмъ на солонкѣ написалъ: «Ты, царь, не благословясь кушаешь; съ тобой бѣси

ѣдятъ!» Государь велѣлъ, чтобы на столъ становили все благословясь. Послѣ того бѣсёнки прибѣжали на обѣдъ и не могутъ подойти къ благословенному столу, жжетъ ихъ, и убѣжали назадъ. Начали спрашивать хромого: «Ты оставался съ пустынникомъ; вѣрно, говорилъ съ нимъ, что мы на обѣдъ ходимъ?» Онъ сказалъ: «Я только одну соло́вницу приносилъ ему отъ царя». Начали бѣси хромого за то драть, для чего сказывалъ пустыннику. Вотъ хромой въ отмщеніе построилъ противъ кельи пустынника кузницу, и сталъ стариковъ передѣлывать въ горнѣ на молодыхъ. Пустынникъ увидалъ это, захотѣлъ и самъ передѣлаться: «Дака, говоритъ, и я передѣлаюсь!» Пришелъ въ кузницу къ бѣсёнку, говоритъ: «Нельзя ли и меня передѣлать на молодого?» — «Изволь», отвѣчаетъ хромой, и бросилъ пустынника въ горно; тамъ его варилъ-варилъ и выдернулъ молодцомъ; поставилъ его передъ зеркало: «Поглядись-ка теперь — каковъ ты?» Пустынникъ самъ себѣ налюбоваться не можетъ. Потомъ понравилось ему жениться. Хромой предоставилъ ему невѣсту; оба они глядятъ не наглядятся другъ на друга, любуются не налюбуются. Вотъ надобно ѣхать къ вѣнцу; бѣсёнокъ и говоритъ пустыннику: «Смотри, когда вѣнцы станутъ накладывать, ты не крестись!» Пустынникъ думаетъ: «Какъ же не креститься, когда вѣнцы накладываютъ?» Не послушался его и перекрестился, а когда перекрестился — то увидѣлъ, что надъ нимъ нагнута осина, а на ней петля. Если бъ не перекрестился, такъ бы тутъ и повисъ на деревѣ; но Богъ отвелъ его отъ конечной погибели.

Изъ собранія В. И. Даля.

(с) Жилъ-былъ святой пустынникъ, и вычиталъ онъ въ Писаніи: все, чего ни пожелаешь, и все, чего ни попросишь у Бога съ вѣрою, — то Господь тебѣ и даруетъ.

Захотѣлось ему испытать: правда ли это? «Ну, можно ли тому статься, думалъ онъ: коли я пожелаю взять за себя царевну, то ужли жъ царь и выдастъ се за такого старца!» Думалъ-думалъ и пошелъ къ царю. «Такъ и такъ, говоритъ, хочу взять за себя царевну замужъ». А царь говоритъ: «Коли ты достанешь мнѣ такой дорогой камень, какого еще никто не видывалъ, такъ царевна будетъ твоею женою». Воротился пустынникъ въ келью; а чорту давно ужъ досадно смотрѣть на его святое житіе, пришелъ онъ соблазнять пустынника и сталъ сказывать ему про свое могущество. «А сможешь ли ты, нечистой, влѣзть въ этотъ кувшинъ съ водою?» — «Э! да я, пожалуй, въ пустой орѣхъ влѣзу, не только въ кувшинъ!» — «Одначе попробуй сюда влѣзть!» Чортъ сдуру влѣзъ въ кувшинъ, а пустынникъ и началъ его крестить. «Пусти меня; сдѣлай милость, пусти! заоралъ чортъ во все горло: крестъ меня жжетъ, страшно жжетъ!» — «Нѣтъ, не пущу! развѣ возьмешься достать мнѣ такой дорогой камень, какого еще никто на свѣтѣ не видывалъ — ну, тогда другое дѣло!» — «Достану; право слово, достану; только пусти!» Пустынникъ открестилъ кувшинъ; чортъ выскочилъ оттудова и улетѣлъ. Черезъ малое время воротился онъ съ такимъ дорогимъ камнемъ, что всякому на диво! Взялъ пустынникъ камень и понесъ къ царю. Тотъ — дѣлать нечего — велѣлъ царевнѣ готовиться замужъ за старца; а пустынникъ и говоритъ: «Не надо! вишь, начиталъ я въ Писаніи: что ни попрошу у Бога — то мнѣ и сдѣластъ, вотъ мнѣ и захотѣлось попытать, а взаправду-то жениться я не хочу». А нечистой ужъ какъ было радовался, что смутилъ пустынника: «Вотъ-де женится на царевнѣ, какое тутъ спасенье!»

Въ другой разъ заспорилъ пустынникъ съ чортомъ: «Не влѣзешь де ты, окаянный, въ орѣхъ-свистунъ!»

Чортъ расхвастался и влѣзъ. Вотъ пустынникъ давай его крестить. «Пусти! закричалъ нечистой; пожалуста пусти! меня огнемъ жжетъ!» — «Выпущу, коли пропоешь ангельскіе гласы!» — «Не смѣю, говоритъ нечистой: меня разорвутъ за это наши!» — «Одначе пропой!» Что дѣлать? согласился чортъ; вотъ выпустилъ его пустынникъ на волю, самъ палъ на колѣни и зачалъ Богу молиться, а нечистой запѣлъ ангельскіе гласы: то-то хорошо! то-то чудесно! Вишь, черти-то прежде были ангели, отъ того они и знаютъ ангельскіе гласы. Какъ запѣлъ онъ — такъ и поднялся на небо: Богъ значитъ. простилъ его за это пѣніе.

Записана въ Воронежской губ., Бобровскомъ у

21
Пустынникъ

Было-жило три мужика. Одинъ мужикъ былъ богатой; только жилъ онъ, жилъ на бѣломъ свѣтѣ, лѣтъ двѣсти прожилъ, все не умираетъ; и старуха его была жива, и дѣти, и внуки, и правнуки всѣ были живы — никто не умираетъ; да что? изъ скотины даже ни одна не тратилась![1] А другой мужикъ слылъ безсчастнымъ, ни въ чемъ не было ему удачи. потому что за всякое дѣло принимался безъ молитвы; ну, и бродилъ себѣ то туда, то сюда, безъ толку. А третій-то мужикъ былъ горькой-горькой пьяница; все дочиста съ себя пропилъ и сталъ таскаться по міру.

Вотъ однова сошлись они вмѣстѣ, и отправились всѣ трое къ одному пустыннику. Старику захотѣлось вывѣдать, скоро ли Смерть за нимъ прійдетъ, а безчастному да пьяницѣ — долго ли имъ горе мыкать? Пришли и разсказали все, что съ ними сталося. Пустынникъ

[1]) Не издыхала.

вывелъ ихъ въ лѣсъ, на то мѣсто, гдѣ сходились три дорожки, и велѣлъ древнему старику идти по одной тропинкѣ, безсчастному по другой, пьяницѣ по третьей: тамъ дискать всякъ свое увидитъ. Вотъ пошелъ старикъ по своей тропинкѣ, шелъ-шелъ, шелъ-шелъ, и увидалъ хоромы, да такія славныя, а въ хоромахъ два попа; только подступился къ попамъ, они ему и гуторятъ: «Ступай, старичокъ, домой! какъ вернешься — такъ и умрешь». Безсчастный увидалъ на своей тропинкѣ избу, вошелъ въ нее, а въ избѣ стоитъ столъ, на столѣ краюшка хлѣба. Проголодался безсчастный, обрадовался краюшкѣ, ужъ и руку протянулъ, да позабылъ лобъ-то перекрестить — и краюшка тотчасъ исчезла! А пьяница шелъ-шелъ по своей дорожкѣ и дошелъ до колодца, заглянулъ туда, а въ немъ гады, лягва, змѣи и всякая срамота! Воротился безсчастный съ пьяницей къ пустыннику и разсказали ему, что видѣли. «Ну, сказалъ пустынникъ безсчастному: тебѣ николи и ни въ чемъ не будетъ удачи, пока не станешь ты за дѣло приниматься, благословясь и съ молитвою; а тебѣ, молвилъ пьяницѣ: уготована на томъ свѣтѣ мýка вѣчная — за то, что упиваешься ты виномъ, не вѣдая ни постовъ, ни праздниковъ!» А старикъ-то древній пошелъ домой и только въ избу, а Смерть ужъ пришла за душою. Онъ и зачалъ просить: «Позволь еще пожить на бѣломъ свѣтѣ, я бы роздалъ свое богатство нищимъ; дай сроку хоть на три года!» — «Нѣтъ тебѣ сроку ни на три недѣли, ни на три часа, ни на три минуты! говоритъ Смерть: чего прежде думалъ — не раздавалъ?» Такъ и умеръ старикъ. Долго жилъ на землѣ, долго ждалъ Господь, а только какъ Смерть пришла — вспомнилъ о нищихъ.

Записана въ Воронежской губ., Бобровскомъ у.

22

Повѣсть о бражникѣ

Во дни нѣки посла Господь ангеловъ взяти душу бражникову, и поставити ю у вратъ пречистаго рая повелѣ. Бражникъ же нача талкп(ти)ся во врата пречистаго рая. И пріиде ко вратамъ рая Петръ апостолъ и рече: «Кто талкійся во врата пречистаго рая?» И отвѣща ему «Азъ ес(м)ь бражникъ, и желаю съ вами въ раю жити». И рече Петръ апостолъ: «Отыди отсюда, человѣче; здѣсь бражники не водворяютца, ибо имъ изготована мука вѣчная со блудниками вмѣстѣ». И отвѣща ему бражникъ «Господине, гласъ твой слышу, а лица не вижу, и имени твоего не вѣмъ». — «Азъ ес(м)ь Петръ апостолъ, который имѣю ключи сего царствія славы». — «Помнишь ли ты, господине Петре, когда Господа нашего Ісуса Христа іудеи на судилище къ Каіафѣ поведоша и тебя вопрошали: ученикъ есть сего Ісуса назарянина? — а ты трикраты отъ него отрекся. Аще бы не слезы твои и покаяніе, и тебѣ не быть въ раю; а я *хоша* и бражникъ — по вся дни Божіе пилъ и за всякимъ корцомъ имя Господне прославлялъ, а не отрекался отъ него». Слыша Петръ отвѣтъ бражниковъ, отыде отъ вратъ пречистаго рая и сумнился о семъ человѣцѣ бражникѣ.

Вторицею нача бражникъ талкитися у вратъ пречистаго рая, и пріиде ко вратамъ царь и пророкъ Давыдъ и рече: «Кто талкійся у вратъ пречистаго рая?» И бысть гласъ къ нему: «Азъ есмь бражникъ, и желаю съ вами въ раю жити». И рече къ нему царь Давыдъ: «Отыди человѣче, отсюда; здѣсь бражники не водворяютца, ибо имъ уготовано мѣсто въ муку вѣчную со блудниками вмѣстѣ». И отвѣща бражникъ: «Господине, гласъ твой слышу, а лица твоего не вижу, имени твоего не вѣмъ». И рече къ нему царь Давыдъ: «Азъ есмь царь и пророкъ,

который сѣдяй со Авраамомъ и Исаакомъ на лонѣ царствія сего и составп псалтырь и пѣсни троичныя». И бысть отвѣтъ бражниковъ: «Помнише ли ты, царю Давыде, когда бысть брань на Голіафы, тогда ты слугу своего Урію на войну услалъ, и тамо его смерти предати повелѣлъ, а жену его къ себѣ въ прелюбодѣяніе пріялъ? Аще бы не были твои слезы и покаяніе, и тебѣ не быть бы въ раю». Слыша сіе, царь Давыдъ отыде и сумнися о семъ человѣцѣ.

Бражникъ же нача третицею талкитися у вратъ пречистаго рая. И прінде ко вратамъ Іоаннъ Богословъ и рече: «Кто талкіійся у вратъ пречистаго рая?» И отвѣща ему: «Азъ есмь бражникъ, и желаю съ вами вмѣстѣ въ раю жити». И рече Іоаннъ Богословъ: «Отыди отсюда, человѣче; здѣсь бражники не водворяютца, ибо имъ уготовано мѣсто во огнь кромѣчный съ прелюбодѣями вмѣстѣ». Отвѣща бражникъ: «Господине, гласъ твой слышу, а лица твоего не вижу, и имени твоего не вѣмъ». — «Азъ есмь Іоаннъ Богословъ, другъ Христовъ, наперсникъ, возлюбленникъ и дѣвственникъ». — «О господине Іоанне Богослове! не самъ ли ты написалъ во евангеліи, что любите другъ друга, а ты нынѣ меня ненавидишь и въ раю жити не водворяешь; или отрекися отъ письма руки своея, или вырви изъ книги листъ тотъ, который написалъ ты самъ!» Отыде Іоаннъ Богословъ и сумнися о семъ человѣцѣ, и повелѣ апостолу Петру впустити его во царствіе небесное.

* Заимствовано изъ рукописи XVIII-го столѣтія.

23
Царевичъ Евстафій

Въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь. У него былъ младой сынъ царевичъ Евстафій; не любилъ онъ ни пировъ, ни плясокъ, ни гульбищъ, а любилъ ходить по

улицамъ, да водиться съ нищими, людьми простыми и убогими, и дарилъ ихъ деньгами. Крѣпко разсердился на него царь, повелѣлъ вести къ висѣлицѣ и предать лютой смерти. Привели царевича и хотятъ уже вѣшать. Вотъ царевичъ палъ передъ отцомъ на колѣни и сталъ просить сроку хоть на три часа. Царь согласился, далъ ему сроку на три часа. Царевичъ Евстафій пошелъ тѣмъ временемъ къ слесарямъ и заказалъ сдѣлать въ скорости три сундука: одинъ золотой, другой серебреной, а третій — просто расколоть кряжъ надвое, выдолбить корытомъ, и прицѣпить замо́къ. Сдѣлали слесаря три сундука и принесли къ висѣлицѣ. Царь съ боярами смотрятъ, что такое будетъ; а царевичъ открылъ сундуки и показываетъ: въ золотомъ насыпано полно золота, въ серебреномъ насыпано полно серебра, а въ деревянномъ накладена всякая мерзость. Показалъ и опять затворилъ сундуки и заперъ ихъ на̀крѣпко. Царь еще пуще разгнѣвался, и спрашиваетъ у царевича Евстафія: «Что это за насмѣшку ты дѣлаешь?» — «Государь батюшка! говоритъ царевичъ: ты здѣсь съ боярами, вели оцѣнить сундуки-то, чего они стоятъ?» Вотъ бояре серебреной сундукъ оцѣнили дорого, золотой того дороже, а деревянной и смотрѣть не хотятъ. Евстафій-царевичъ говоритъ: «Отомкните-ка теперь сундуки, и посмотрите что въ нихъ!» Вотъ отомкнули золотой сундукъ, а тамъ змѣи, лягушки и всякая срамота; посмотрѣли серебреной — и здѣсь тоже; открыли деревянной, а въ немъ растутъ древа съ плодами и листвіемъ, испускаютъ отъ себѣ духѝ сладкіе, а посреди стоитъ церковь съ оградою. Изумился царь и не велѣлъ казнить царевича Евстафія.

Записана въ Саратовской губ. Изъ собранія В. И. Даля.

24

Повѣсть о царѣ Аггеѣ и како пострада гордостію

Бысть во градѣ Ѳилуянѣ царь, именемъ Аггей, славенъ зѣло. И по времени приключишася стояти ему въ церкви у божественныя литургіи и чтущу іерею святое евангеліе, егда іереи прочтя строки евангельскія, внемлетъ писано: «Богатіи обнищаютъ, а нищіи обогатѣютъ!» Слышавъ же то царь и возъярися, и рече царь: «Писано ложно есть сіе писаніе: евангельское слово, а неправда!» И глаголетъ царь: «Азъ есмь богатъ зѣло и славенъ; како мнѣ обнищати, а нищему обогатѣти противъ меня?» Егда жъ оттолѣ (?) ужасти наполнися, и повелѣ царь іерея посадити въ темницу, а листъ повелѣ изъ евангелія выдрать. И пойде царь въ домъ свой и нача пити и ясти и веселитися.

Видѣвша же царь въ полѣ оленя, поѣха и взя съ собою юношовъ, и погна вслѣдъ и хотѣ оленя уловити. Бѣ же олень прекрасенъ зѣло. Царь же рече отрокомъ своимъ: «Стойте вы здѣ, азъ пойду, уловлю единъ оленя». И погна вслѣдъ; олень поплы за рѣку. Царь привяза коня своего къ дубу, и совлече одежду съ себя и поплы нагъ за рѣку. Егда рѣку переплы, и абіе олень невидимъ бысть. Ангелъ Господень всѣдъ на коня царева во образѣ царя Аггея, сказа юношамъ своимъ: «Уплы олень за рѣку» — и поѣде съ юношами во градъ свой ко царицѣ. Царь же Аггей обратился взадъ на коня, и ни коня и ни платія не обрѣтаетъ, и ста нагъ и весьма задумался.

И пойде Аггей ко граду своему, и видѣ пастуховъ пасуща воловъ и вопроша у нихъ: «Братія меньшая пастухи, гдѣ есть видѣли коня и платіе мое?» Пастухи вопроша его: «Кто еси ты?» Онъ же рече имъ: «Азъ есмь царь

вашъ Аггей». Пастухи же рѣша: «Окаянный человѣкъ! какъ ты смѣеши называтися царемъ? мы же видѣли царя Аггея, нынѣ проѣхалъ во градъ свой съ пяти юношами». И нача его бранити, бити кнутами и трубами (?); царь же нача плакати и рыдати. Пастухи отбиша его прочь, и пошедъ ко граду своему нагъ. И срѣтоша его торговые люди града того и вопрошаша его: «Человѣче, что еси нагъ?» И онъ рече: «Одежду мою пограбили разбойники». Они же даша ему одежду худую и раздраную. Онъ же взялъ и поклонишася имъ, и поиде ко граду своему; и пришедши ко граду своему, попросися къ нѣкоей вдовѣ ночевать и нача ее вопрошати: «Скажи, госпоже моя, кто есть у васъ царь?» Она же отвѣщаша ему: «Или ты не нашей земли человѣкъ?» И сказа ему: «Царь есть у насъ Аггей». Онъ вопроси: «Сколько лѣтъ царствуетъ?» Она же сказала ему: «35 лѣтъ» Онъ же написавъ своею рукою письмо къ царицѣ, что у него были съ нею тайныя дѣла и мысли, и повелѣ нѣкоей женѣ снести письмо къ царицѣ. Царица взяла письмо и повелѣ чести предъ собою. Онъ же написася мужемъ ея царемъ Аггеемъ. И нападе на ню страхъ великъ; во страсѣ томъ нача говорити: «Какой сей убогій человѣкъ нарицаетъ своею ми женою? аще сіе повѣдаетъ царь, повелитъ казнити». И повелѣ бити его кнутомъ нещадно безъ царскаго вѣдома. Биша его безъ милости и отпустиша едва жива; онъ же поиде изъ града, плача и рыдая, и воспоминая евангельское слово, что богатіи обнищаютъ, а нищіи обогатѣютъ, и каяся о томъ попу, како похули святое евангеліе, и како іерея въ темницу посадилъ, и поидоша незнаемымъ путемъ. Царица рече являющемуся во образѣ царя ангелу: «Ты, государь мой милый, годъ со мною не спиши и постели не твориши; како мнѣ пребывати мимо тебя?» Царь же рече ей: «Обѣщаніе дано Богу, что три года съ тобою не

спать и постели не творить» — отыде отъ ися въ царскую свою палату.

Аггей царь пріиде въ незнаемый градъ, нанялся у крестьянина работати въ лѣто; и работати крестьянскаго дѣла не умѣетъ, и крестьянинъ ему отказа. Онъ же нача плакати и рыдати, и поидоша путемъ отъ города того, и срѣтоша его на пути нищіи. Онъ же рече имъ: «Возьмите убо, братія, и меня съ собою; нѣнѣ человѣкъ убогъ, работать не умѣю, а просить не смѣю и стыжуся. Что ми велите, я у васъ стану труждатися». Они же поимше его съ собою и даша ему суму носити. Они же пріидоша къ ночлегу ночевати и повелѣ ему баню топити, и воду носити, и постелю стлати. Царь же Аггей возплакася горько: «Увы мнѣ! что сотворилъ себѣ. Владыку прогнѣвалъ; самъ же царства своего лишился и погибель себѣ сотворилъ, а вся пострадалъ за слово евангельское! . . .» Заутра же возста нищіе и поидоша ко граду своему Ѳилуану, и пришедши на царскій дворъ и пача милостыни просити. И бысть въ то время у царя пиръ великъ; и повелѣ царь взяти нищихъ въ палату, кормити довольно, и повелѣ взять у нищихъ мѣхоношу въ царскія палаты и посадити въ особую палату. И какъ пиръ у царя разшелся, и бояра и гости всѣ розыдошася, ангелъ въ образѣ Аггея царя пріиде къ нему въ палату, гдѣ Аггей царь съ нищими обѣдаетъ. «Вѣдаеши ли ты царя гордаго и великаго, како похули слово евангельское?» И пача его учити и наказывати впредь евангельское слово не хулить и священниковъ почитать, а себя не превозносить, кротку и смиренну быть.

Выписана изъ старой рукописи изъ Шенкурскаго у., Архангельской губ. Изъ собранія В. И. Даля.

24*

Гордый богачъ

Не вѣдаю гдѣ, жилъ-былъ себѣ панъ, такой богатой, что карбованцы мѣрялъ коробами, золото четвериками, а въ мѣдныхъ деньгахъ и счету не зналъ. Сколько у него было крестьянъ, земли, лѣсовъ, покосовъ — нечего и говорить! все равно не пересчитаешь. Охохъ! да какая жъ бѣда съ нимъ случилась! Изъ богача сдѣлался онъ бѣднѣе насъ грѣшныхъ: а за что? За то, что Бога позабылъ и работалъ одной нечистой силѣ. Бывало, добрые люди заутреню слушаютъ въ церкви Божіей, а у него музыка гудитъ, да въ присядку отжариваютъ. Въ церковь онъ никогда не ходилъ, и не вѣдалъ, зачѣмъ туда люди ходятъ. Да разъ какъ-то вздумалось ему посмотрѣть, что такое тамъ дѣется, и вотъ на праздникъ Господень пошелъ панъ вмѣстѣ съ панею къ обѣднѣ. Всѣ православные Богу молятся, а они стоятъ себѣ, поглядываютъ по сторонамъ да хохочутъ. Сталъ дьяконъ читать: «Богатые обнищаютъ и взалкаютъ . . .» — какъ бѣжитъ къ нему панъ, вырвалъ изъ рукъ книгу и хвать дьякона по лысинѣ: «Какъ смѣешь ты, дурень, такія слова при мнѣ сказывать? Развѣ я могу обнищать и взалкать? Ахъ ты, кутейникъ! погоди жъ, я тебѣ покажу, какъ надо мной смѣяться! Если хоть разъ еще осмѣлишься выговорить такія рѣчи, то я такъ попотчую тебя на конюшнѣ, что до новыхъ вѣниковъ не забудешь! Подай чернилицу». Дьяконъ не живъ, не мертвъ, со всѣхъ ногъ пустился доставать чернилицу и перо; а попъ въ олтарѣ спрятался и тресется, бѣдненькой, словно въ лихорадкѣ. Принесъ дьяконъ чернилицу и перо. «Смотри, неучъ! говоритъ панъ: что замараю я, того никогда не читать ни при моей жизни, ни послѣ!» Вдругъ поднялась буря, молнія поминутно блещетъ,

громъ все сильнѣй и сильнѣе, а потомъ какъ ударитъ — Господи, твоя воля! — всѣ, кто только былъ въ церкви, такъ и повалились на̀ полъ. Только панъ съ панею стоятъ да хохочутъ. Прибѣжалъ староста: «Бѣда! говоритъ, господскій домъ горитъ!» Принялись тушить; да нѣтъ, съ Богомъ нельзя спорить. Все на̀чисто сгорѣло, будто и не было панскаго двора. Ну, это богачу какъ плюнуть: явились новые хоромы еще лучше прежнихъ. Только съ того самаго времени, какъ станетъ дьяконъ читать въ церкви и только дойдетъ до того мѣста, гдѣ написано, что богатые обнищаютъ и взалкаютъ, — всякой разъ, откуда что возьмется, загремитъ да и загремитъ на̀ небѣ.

Вотъ захотѣлось пану ѣхать на охоту. Собралось народу — человѣкъ съ двѣсти будетъ, да и собакъ столько же. Сѣли на коней, затрубили въ рога и поскакали въ лѣсъ; травили тамъ и зайцевъ, и лисицъ, и волковъ, и медвѣдей, какъ вдругъ бѣжитъ олень да такой красивой, что не наглядѣлся бъ на него! Панъ ударилъ въ слѣдъ за оленемъ: птицею летитъ на конѣ, а звѣрь еще быстрѣе.

Вотъ близко, вотъ нагонитъ, не тутъ-то было! Уже полдень прошелъ, уже и солнышко низко, вотъ и темнѣть стало — онъ все гонится за краснымъ звѣремъ. Настала чёрная ночь, въ лѣсу хоть глазъ выколи — ничего не видно! Тогда только остановилъ панъ своего коня. Что дѣлать? онъ затрубилъ въ рогъ, не откликнутся ль его охотники? Прислушался — ничего не слышно, только боръ шумитъ. Затрубилъ въ другой и въ третій разъ, никто не отзывается; одинъ далекой лѣсъ повторятъ: тру-тру-тру! Ѣдетъ панъ дальше; уже сдается ему, что село близко, что кони ржутъ и собаки лаютъ; а все не видать жилья, только небо да земля, да сосны кудрявыя шумятъ верхушками. Уже

и конь присталъ, чуть-чуть ноги двигаетъ, а самъ онъ едва на конѣ сидитъ. Вдругъ блеснулъ огонекъ. Панъ снова заигралъ въ трубу, чтобы вышли къ нему навстрѣчу, коли есть тутъ люди. Чего хотѣлъ, то и сдѣлалось. Выскочили изъ-за деревьевъ человѣкъ двѣнадцать и встрѣтили его, только не по-пански: одинъ такъ хватилъ его по затылку, что панъ какъ снопъ повалился на землю. Очнулся — совсѣмъ голой, какъ мать породила! Хотѣлъ было повернуться — куда! руки веревкою скручены. Осмотрѣлся: вокругъ огня сидятъ разбойники и съ ними атаманъ въ красномъ кафтанѣ. «Что жъ вы, сволочь, барина не прикроете!» закричалъ онъ на своихъ молодцовъ. Тотчасъ съ десятокъ хлопцовъ бросилось къ пану и давай потчевать его батогами. «Полно! снова заревѣлъ атаманъ: отведите его въ Волчью долину и привяжите тамъ къ дереву; намъ онъ больше не нуженъ, а волкамъ пригодится: лакомый будетъ кусокъ на завтракъ!» Подхватили пана за ноги, приволокли въ Волчью долину и плотно прикрутили веревкой къ соснѣ. Стоитъ панъ сутки, стоитъ и другіе — нѣтъ мочи терпѣть: внутри огнемъ палитъ, во рту пересохло, вотъ-вотъ душа съ тѣломъ разстанется. А онъ и не думаетъ покаяться; на умѣ одно держитъ: «какъ ворочусь домой, сейчасъ же соберу крестьянъ и пойду душить этихъ проклятыхъ лѣсовиковъ!»

Недалеко отъ Волчьей долины, на полянкѣ паслось стадо. Жарко стало въ полдень; вотъ пастухи и погнали сюда своихъ овецъ и коровъ, чтобъ усѣсться самимъ подъ сосною и плесть въ холодку лапти. Какъ же они удивились! стоитъ у сосны голой человѣкъ, по рукамъ и по ногамъ связанный. «Ахъ, Грицько! говоритъ одинъ настухъ: посмотри-ка: человѣкъ привязанъ въ чемъ мать родила, и весь-то избитой, весь-то въ крови!

Пойдемъ, отвяжемъ его; можетъ еще живъ!» — «Что жъ? отвяжемъ», говоритъ другой. Съ этимъ словомъ они подошли къ сосн'ѣ и распутали веревки. Панъ-то молчалъ, а какъ сняли съ него веревки, сейчасъ закричалъ: «Эй, ты, молодецъ! сними-ка свою сермягу да подай сюда. Хоть твой нарядъ и плохъ, а все лучше, чѣмъ голымъ быть. Да проводи меня въ барской домъ. Знайте, негодяи, съ к'ѣмъ вы д'ѣло имѣете: я вашъ баринъ!» — «Ого! видишь ли, Грицько, что это за птица! Нашъ баринъ!... Ха-ха-ха! Похожъ, нечего сказать, похожъ на барина: кафтанъ на тебѣ такой славной, весь расписанной! Нѣтъ, человѣче, Богъ тебя знаетъ, кто ты такой; я тебѣ скажу, что панъ нашъ въ высокихъ хоромахъ, въ золотой одеждѣ». — «Ахъ ты, хамское отродье! смѣешь ли ты грубить своему господину? . . . Вотъ я васъ! дайте до дому добраться». Расходился панъ, и ну тащить съ пастуха свитку. «Такъ вотъ оно что! сказалъ пастухъ: тебя съ привязи спустили, а ты и кусаться лѣзешь! Вотъ же тебѣ, бродяга! вотъ тебѣ, разбойникъ!» и началъ отжаривать пана пугою. Панъ отъ него, а пастухъ за нимъ; шлёпъ да шлёпъ, шлёпъ да шлёпъ. Какъ припустить панъ въ сторону, откуда ноги взялись. Долго бѣжалъ онъ, пока изъ силъ не выбился; выбился изъ силъ и растянулся на дорогѣ. На его счастье идуть старцы. Сжалился одинъ старецъ, далъ ему свою свитку; панъ одѣлся и пошелъ вмѣстѣ съ ними, питаясь милостиной. Дорогою онъ разсказалъ обо всемъ, что ему приключилось; говорилъ, какъ отплатитъ своимъ обидчикамъ и какъ наградитъ старцевъ — за то, что его прикрыли и съ собой взяли. Старцы уже новыя торбы стали готовить, чтобъ было куда положить панскіе гроши. Вотъ пришли въ село и прямо въ барскія хоромы лѣзутъ. «Куда вы!» закричали на нихъ слуги. «Прочь!

сказалъ панъ: развѣ не видите, хамы! что вашъ господинъ идетъ?» — «Какой господинъ? Былъ у насъ панъ, да пропалъ!» — «Врете, скоты! я — вашъ панъ!» — «Ну, братъ, погоди маленько!» Панъ полѣзъ было драться, да куда! схватили его за руки и повели къ пани. Какъ услыхала она, что такой срамной, обдерганной волочуга называется ея мужемъ, разгнѣвалась и приказала высѣчь его плетьми и зарыть живого въ землю. Что ни дѣлалъ панъ, какъ ни отбивался, а схоронили его заживо. Въ церкви опять стали читать вымаранныя слова: «богатые обнищаютъ и взалкаютъ», и при чтеньи дьякона уже не было слышно громовыхъ ударовъ.

25

Смерть праведнаго и грѣшнаго

Одинъ старецъ просилъ у Бога, чтобъ допустилъ его увидѣть, какъ умираютъ праведники. Вотъ явился къ нему ангелъ и говоритъ: «Ступай въ такое-то село и увидишь, какъ умираютъ праведники». Пошелъ старецъ; приходитъ въ село и просится въ одинъ домъ ночевать. Хозяева ему отвѣчаютъ: «Мы бы рады пустить тебя, старичокъ, да родитель у насъ боленъ, при смерти лежитъ». Больной услыхалъ эти рѣчи и приказалъ дѣтямъ впустить странника. Старецъ вошелъ въ избу и расположился на ночлегъ. А больной созвалъ своихъ сыновей и снохъ, сдѣлалъ имъ родительское наставленіе, далъ свое послѣднее навѣки нерушимое благословеніе и простился со всѣми. И въ ту же ночь пришла къ нему Смерть съ ангелами: вынули душу праведную, положили на золотую тарелку, запѣли: «Иже херувимы» и понесли въ рай. Никто того не могъ видѣть; видѣлъ только одинъ старецъ. Дождался онъ похоронъ праведника, отслужилъ панихиду и возвратился домой, благодаря Господа, что сподобилъ его видѣть святую кончину.

Послѣ того просилъ старецъ у Бога, чтобъ допустилъ его увидѣть, какъ умираютъ грѣшники; и былъ ему гласъ свыше: «Иди въ такое-то село и увидишь, какъ умираютъ грѣшники». Старецъ пошелъ въ то самое село и выпросился переночевать у трехъ братьевъ. Вотъ хозяева воротились съ молотьбы въ избу, и принялись всякъ за свое дѣло, начали пустое болтать да пѣсни пѣть; и невидимо имъ пришла Смерть съ молоткомъ въ рукахъ и ударила одного брата въ голову. «Ой голова, болитъ!... ой, смерть моя . . .» закричалъ онъ и тутъ же померъ. Старецъ дождался похоронъ грѣшника и воротился домой, благодаря Господа, что сподобилъ его видѣть смерть праведнаго и грѣшнаго.

Записана въ Саратовской губ. Изъ собранія В. И. Даля.

26
Ангелъ

Родила баба двойню. И посылаетъ Богъ ангела вынуть изъ нея душу. Ангелъ прилетѣлъ къ бабѣ; жалко ему стало двухъ малыхъ младенцевъ, не вынулъ онъ души изъ бабы и полетѣлъ назадъ къ Богу. «Что, вынулъ душу?» спрашиваетъ его Господь. — «Нѣтъ, Господи!» — «Что жъ такъ?» Ангелъ сказалъ: «У той бабы, Господи, есть два малыхъ младенца; чѣмъ же они станутъ питаться?» Богъ взялъ жезло, ударилъ въ камень и разбилъ его надвое. «Полѣзай туда!» сказалъ Богъ ангелу; ангелъ полѣзъ въ трещину. «Что видишь тамъ?» спросилъ Господь. «Вижу двухъ червячковъ». — «Кто питаетъ этихъ червячковъ, тотъ пропиталъ бы и двухъ малыхъ младенцевъ!» И отнялъ Богъ у ангела крылья, и пустилъ его на землю на три года.

Нанялся ангелъ въ батраки у попа. Живетъ у него годъ и другой; разъ послалъ его попъ куда-то за дѣломъ. Идетъ батракъ мимо церкви, остановился и давай бро-

сать въ нее каменья, а самъ норовитъ, какъ бы прямо въ крестъ попасть. Народу собралось много-много, и приня лись всѣ ругать его; чуть-чуть ни прибили! Пошелъ батракъ дальше, шелъ-шелъ, увидѣлъ кабакъ и давай на него Богу молиться. «Что за болванъ такой! говорятъ прохожіе: на церковь каменья швыряетъ, а на кабакъ молится! мало бьютъ эдакихъ дураковъ! . . .» А батракъ помолился и пошелъ дальше. Шелъ-шелъ, увидалъ нищаго, и ну его ругать попрошайкою. Услыхали то люди прохожіе и пошли къ попу съ жалобой: «такъ и такъ, говорятъ, ходитъ твой батракъ по улицамъ — только дуритъ, надъ святынею насмѣхается, надъ убогими ругается». Сталъ попъ его допрашивать: «Зачѣмъ де ты на церковь каменья бросалъ, на кабакъ Богу молился!» Говоритъ ему батракъ: «Не на церковь бросалъ я каменья, не на кабакъ Богу молился! Шелъ я мимо церкви и увидѣлъ, что нечистая сила за грѣхи наши такъ и кружится надъ храмомъ Божьимъ, такъ и лѣпится на крестъ; вотъ я и сталъ шибать въ нее каменьями. А мимо кабака идучи, увидѣлъ я много народу, пьютъ, гуляютъ, о смертномъ часѣ не думаютъ; и помолился тутъ я Богу, чтобъ не допускалъ православныхъ до пьянства и смёртной погибели». — «А за что облаялъ убогаго?» — «Какой то убогой! много есть у него денегъ, а все ходитъ по міру да сбираетъ милостину; только у прямыхъ нищихъ хлѣбъ отнимаетъ. За то и назвалъ его попрошайкою».

Отжилъ батракъ три года. Попъ даетъ ему деньги, а онъ говоритъ: «Нѣтъ, мнѣ деньги не нужны; а ты лучше проводи меня». Пошелъ попъ провожать его. Вотъ шли они, шли, долго шли. И далъ Господь снова ангелу крылья; поднялся онъ отъ земли и улетѣлъ на небо. Тутъ только узналъ попъ, кто служилъ у него цѣлыхъ три года.

Записана въ Воронежской губ., Бобровскомъ уѣздѣ.

27
Кумова кровать

Жили-были мужикъ, да баба, у нихъ былъ сынъ. И такъ обѣдняли они, хоть по міру иди. Мужикъ думалъ-думалъ, что дѣлать, какъ хлѣба добывать? — и надумался: сталъ учиться колдовству, учился-учился, и таки выучился съ чертями водиться. Вотъ пришло ему время женить сына. «Дай, говоритъ онъ: пойду да сосватаю у своихъ пріятелей-чертей». Пошелъ и сосваталъ за сына опившуюся дѣвку, что возитъ у чертей воду съ прочими опойцами. Дѣло сдѣлали, по рукамъ ударили, начали пиво варить. Нечистые завели свата и жениха въ богатые каменные хоромы свадьбу играть, и разослали позыватыхъ звать гостей на пиръ, на веселье. Со всѣхъ сторонъ наѣхало видимо-невидимо чертей; собрались и начали пить, ѣсть, веселиться. Сватъ съ самимъ сатаной въ передѣ[1] сидитъ. Вотъ начали молодые дары дарить. Сатана много на отдарье положилъ казны, и говоритъ свату: «Ну, сватушка! подарилъ я молодого деньгами, подарю и слугою. Вишь, одинъ мужикъ продалъ намъ своего сына и росписку на томъ далъ; коли хочешь, кумъ, — я тебѣ съ сыномъ подарю эту росписку?» Кумъ билъ ему челомъ, а сатана созвалъ всѣхъ чертей и спрашиваетъ: у кого росписка? Указали на одного чорта, а тотъ знай себѣ запирается, не хочетъ отдавать росписки. Сатана приказалъ его раздѣть и бить за утайку желѣзными прутьями. Какъ ни били, какъ ни колотили его — не могли ничего сдѣлать, стоитъ на своемъ да и только. Сатана и крикнулъ: «Тащите-ка его на кумову кровать!» Чортъ такъ напугался, что сейчасъ же досталъ росписку и отдалъ сатанѣ, а сатана куму. Вотъ сватъ и спрашиваетъ сатану: «Какая это у

[1]) Передъ — передній уголъ, почетное мѣсто въ избѣ.

васъ кумова кровать, что даже чортъ напугался?» — «Да такъ, кумъ, простая!» — «Какъ, кумъ, простая? нѣтъ, смотри, не простая!» — «Ну для тебя, пожалуй, скажу; только ты никому не сказывай! Кровать эта сдѣлана для насъ, чертей, и для нашихъ сродниковъ, сватовъ, кумовьевъ; она вся огненная, на колесахъ, и кругомъ вертится». Сватъ убоялся, вскочилъ съ мѣста и давай Богъ ноги. А сатана вслѣдъ ему говоритъ: «Куда, кумъ, торопишься? посиди, побесѣдуй съ нами. Да вѣдь не уйдешь отъ насъ; пожалуй, и притащутъ милаго!»

Записана въ Саратовской губ. Изъ собранія В. И. Даля.

28
Грѣхъ и покаяніе

(а) Жила-была старуха, у ней были одинъ сынъ и одна дочь. Жили они въ превеликой бѣдности. Вотъ разъ какъ-то пошелъ сынъ въ чистое поле посмотрѣть на озимые всходы; вышелъ и осмотрѣлся кругомъ: стоитъ недалеча высокая гора, а на той горѣ на самомъ верху клубится густой дымъ. «Что за диво такое! думаетъ онъ: ужъ давно стоитъ эта гора, никогда не видалъ на ней и малаго дыма, а теперича, вишь, какой густой поднялся! Дай пойду, посмотрю на гору». Вотъ полѣзъ на гору, а она была крутая-крутая! — насилу взобрался на самой верхъ. Смотритъ — а тамъ стоитъ большой котелъ полонъ золота. «Это Господь кладъ послалъ на нашу бѣдность!» подумалъ парень, подошелъ къ котлу, нагнулся и только хотѣлъ горсть набрать — какъ послышался голосъ: «Не смѣй брать этихъ денегъ, а то худо будетъ!» Оглянулся онъ назадъ — никого не видно, и думаетъ: вѣрно мнѣ почудилось! Опять нагнулся и только хотѣлъ набрать горсть изъ котла — какъ послышались тѣ

же самыя слова. «Что такое? говоритъ онъ самъ себѣ: никого нѣтъ, а голосъ слышу!» Думалъ-думалъ и рѣшился въ третій разъ подойти къ котлу. Опять нагнулся за золотомъ и опять раздался голосъ: «Тебѣ сказано — не смѣй трогать! а коли хочешь получить это золото, такъ ступай домой и сдѣлай напередъ грѣхъ съ родной матерью, сестрою и кумою. Тогда и приходи: все золото — твое будетъ!»

Воротился парень домой и крѣпко призадумался. Мать и спрашиваетъ: «Что съ тобой? ишь ты какой невеселой!» Пристала къ нему, и такъ и сякъ подговаривается: сынъ не выдержалъ и признался про все, что съ нимъ было. Старуха, какъ услыхала, что онъ нашелъ большой кладъ, съ того самаго часу и зачала въ мысляхъ держать, какъ бы ухитриться, смутить сына да на грѣхъ навести. И въ первой таки праздникъ позвала къ себѣ куму, перемолвила съ нею и съ дочерью, и придумали онѣ вмѣстѣ напоить малаго пьянымъ. Принесли вина и ну его потчевать; вотъ онъ выпилъ рюмку, выпилъ и другую, и третью, и напился до того, что совсѣмъ позабылся и сотворилъ грѣхъ со всѣми тремя: съ матерью, сестрою и кумою. Пьяному море по колѣна, а какъ проспался да вспомнилъ, какой грѣхъ-то сотворилъ, — такъ просто на свѣтъ не смотрѣлъ бы! «Ну, что же, сынокъ, говоритъ ему старуха: о чемъ тебѣ печалиться? ступай-ка на̀ гору да таскай деньги въ избу». Собрался парень, взошелъ на̀ гору, смотритъ: золото стоитъ въ котлѣ нетронуто, такъ и блеститъ! «Куды мнѣ дѣвать это золото? я бы теперь послѣднюю рубаху отдалъ, только бъ грѣха избыть». И послышался голосъ: «Ну, что еще думаешь? теперича не бойся, бери смѣло, все золото — твое!» Тяжело вздохнулъ парень, горько заплакалъ, нѣ взялъ ни одной копейки и пошелъ, куда глаза глядятъ.

Идетъ себѣ да идетъ дорогою, и кто ни встрѣтится — всякаго спрашиваетъ: не знаетъ ли, какъ замолить ему грѣхи тяжкіе? Нѣтъ, никто не можетъ ему сказать, какъ замолить грѣхи тяжкіе. И съ страшнаго горя пустился онъ въ разбой; всякаго, кто голько попадется навстрѣчу, онъ допрашиваетъ: какъ замолить ему передъ Богомъ свои грѣхи? и если не скажетъ — тотчасъ убиваетъ до смерти. Много загубилъ онъ душъ, загубилъ и мать, и сестру, и куму, и всего — девяносто девять душъ; а никто ему не сказалъ, какъ замолить грѣхи тяжкіе. И пошелъ онъ въ темный дремучій лѣсъ, ходилъ-ходилъ, и увидалъ избушку — такая малая, тѣсная, вся изъ дёрну складена; а въ этой избушкѣ спасался скитникъ. Вошелъ въ избушку; скитникъ и спрашиваетъ: «Откуда ты, доброй человѣкъ, и чего ищешь?» Разбойникъ разсказалъ ему. Скитникъ подумалъ и говоритъ: «Много за тобою грѣховъ, не могу наложить на тебя эпитимью!» — «Коли не наложишь на меня эпитимьи, такъ и тебѣ не миновать смерти; я загубилъ девяносто девять душъ, а съ тобой ровно будетъ сто». Убилъ скитника и пошелъ дальше. Шелъ-шелъ и добрался до такого мѣста, гдѣ спасался другой скитникъ, и разказалъ ему про все. «Хорошо, говоритъ скитникъ: я наложу на тебя эпитимью, только можешь ли ты снести?» — «Что знаешь, то и приказывай, хоть каменья грызть зубами — и то стану дѣлать!» — Взялъ скитникъ горѣлую головешку, повелъ разбойника на высокую гору, вырылъ тамъ яму и закопалъ въ ней головешку. «Видишь, спрашиваетъ онъ, озеро?» А озеро-то было внизу горы, съ полверсты здакъ. «Вижу», говоритъ разбойникъ. «Ну, ползай же къ энтому озеру на колѣнкахъ, носи оттудова ртомъ воду и поливай это самое мѣсто, гдѣ зарыта горѣлая головешка, и до тѣхъ таки поръ поливай, покудова не пуститъ она отростковъ

и не вырастетъ отъ неё яблоня. Вотъ когда вырастетъ отъ неё яблоня, зацвѣтетъ да принесетъ сто яблоковъ, а ты тряхнешь ее, и всѣ яблоки упадутъ съ дерева наземь: тогда знай, что Господь простилъ тебѣ всѣ твои грѣхи». Сказалъ скитникъ и пошелъ въ свою келью спасаться попрежнему. А разбойникъ сталъ на колѣна, поползъ къ озеру и набралъ въ ротъ воды, влѣзъ на̀ гору, полилъ головешку и опять поползъ за водою. Долго, долго эдакъ онъ потрудился; прошло цѣлыхъ тридцать лѣтъ — и пробилъ онъ колѣнками дорогу, по которой ползалъ, въ поясъ глубины, и дала головешка отростокъ. Прошло еще семь лѣтъ — и выросла яблоня, расцвѣла и принесла сто яблоковъ. Тогда пришелъ къ разбойнику скитникъ и увидѣлъ его худого да тощаго: однѣ кости! «Ну, братъ, тряси теперь яблоню». Тряхнулъ онъ дерево, и сразу осыпались всѣ до единаго яблоки; въ ту жъ минуту и самъ онъ померъ. Скитникъ вырылъ яму и предалъ его землѣ честно.

Изъ собранія В. И. Даля.

(b) Была вдова, у ней было двое дѣтей: сынъ и дочь. Жили они въ большой бѣдности. Вотъ мать и задумалась отдать своего сына въ пастухи. Въ одно время пасъ онъ скотину въ лѣсу. И привезъ туда колдунъ возъ денегъ, вырылъ яму, вывалилъ въ нее деньги, забросалъ землею, и сталъ заклинать: «Достаньтесь, мои деньги, тому, кто сотворитъ грѣхъ съ родной матерью, съ родной сестрою и съ кумою!» Заклялъ и уѣхалъ. Пастухъ все это слышалъ: пригналъ скотину на село и разсказалъ про этотъ кладъ своей матери. Крѣпко польстилась она на деньги; вотъ на утро нарядилась она такъ, что и признать ее нельзя, и пошла туда, гдѣ сынъ

ся пасъ скотину; пришла и давай съ нимъ играть. Играла-играла и навела его на грѣхъ . . . На другой день нарядила она свою дочь, послала въ поле и наказала, что дѣлать. И эта играла-играла съ пастухомъ, и навела его на грѣхъ . . . Воротился сынъ домой. Вдова и говоритъ ему: «Ступай, доставай кладъ!» — «Ахъ, матушка, вѣдь я тебѣ сказывалъ, какой это кладъ: мнѣ онъ не дастся!» — «Небось, дастся! вѣдь ты сотворилъ грѣхъ и со мною, и съ сестрою, а она тебѣ и сестра и кума вмѣстѣ; ты съ ней у сосѣда крестилъ». — «Ахъ, матушка, матушка! до чего ты меня довела! не хочу теперь съ вами жить, лучше пойду — куда глаза глядятъ!» И только вышелъ сынъ за ворота и сдѣлалъ шаговъ десять, какъ вдругъ поднялся вѣтеръ, изба вспыхнула и въ одну минуту сгорѣла вмѣстѣ съ его матерью и сестрою. Онъ еще пуще пріунылъ и подумалъ про себя: «Стало быть, я великой грѣшникъ передъ людьми и Богомъ!»

Шелъ онъ, шелъ, и попалъ въ большой дремучій лѣсъ; увидалъ тропинку, пустился по этой тропинкѣ и пришелъ къ кельѣ; началъ стучаться, пустынникъ его спрашиваетъ: «Кто тамъ?» — «Грѣшникъ, святый отче!» — «Подожди, молитву окончу». Окончилъ молитву, вышелъ изъ кельи и спрашиваетъ: «Куда Богъ несетъ? и что надобно?» Разсказалъ ему странникъ. «Это грѣхъ великой! не вѣдаю, можно ли отмолить его; ступай-ка ты по этой дорожкѣ, и дойдешь до другой кельи — тамъ живетъ пустынникъ старѣй меня вдвое; можетъ, онъ тебѣ и скажетъ» . . . Пошелъ странникъ дальше и дальше, приходитъ къ кельѣ и опять стучится. Пустынникъ стоялъ тогда на молитвѣ. «Кто тамъ?» спрашиваетъ онъ. — «Грѣшникъ, святый отче!» — «Подожди, молитву окончу». Окончилъ молитву, вышелъ и спрашиваетъ: «Что за грѣшникъ такой?» Странникъ разсказалъ про все. «Коли хочешь отмаливать свои грѣхи, сказалъ ему пу-

стынникъ: такъ пойдемъ со мною». Далъ ему топоръ и повелъ къ толстой березѣ: «Свали-ка эту березу и разруби ее на три части». Тотъ свалилъ березу съ корня и разрубилъ на три части. Пустынникъ зажегъ эти три бревна; вотъ они горѣли-горѣли, и остались только три малыя головешки. «Закопай ты эти головешки въ землю, и день и ночь поливай ихъ водою!» сказалъ пустынникъ и ушелъ. Грѣшникъ зарылъ три головешки въ землю и началъ поливать ихъ и день, и ночь; годъ поливалъ, и другой, и третій . . . долго-долго трудился: двѣ головешки ужъ пустили отростки, а третья нѣтъ какъ нѣтъ! Пришелъ къ нему пустынникъ, видитъ: выросло двѣ березки, и говоритъ: «Богъ простилъ тебѣ два грѣха — съ матерью и сестрою, а третьяго — съ кумою — ты еще не замолилъ у Господа. Вотъ тебѣ стадо черныхъ овецъ, паси его да молись Богу до тѣхъ поръ, пока ни станутъ всѣ овцы бѣлыми». Погналъ грѣшникъ овецъ, пасетъ годъ, и другой, и третій, много молится, много трудовъ несетъ — только овцы все остаются черными.

Вотъ сталъ мимо его по зарѣ ѣздить какой-то человѣкъ: ѣдетъ себѣ и всякой разъ распѣваетъ веселыя пѣсни. «Дай спрошу, думаетъ грѣшникъ: что это за человѣкъ ѣздитъ?» Вышелъ на дорогу, подождалъ немножко и видитъ: подъѣзжаетъ тотъ самой человѣкъ и поетъ пѣсню. Онъ сейчасъ схватилъ его лошадь за узду, остановилъ и спрашиваетъ: «Кто ты таковъ и зачѣмъ поешь эдакія пѣсни?» — «Я разбойникъ, ѣзжу по дорогамъ и убиваю людей; чѣмъ больше убью за ночь, тѣмъ веселѣе пѣсню пою!» Не утерпѣлъ пастухъ, размахнулся своей дубинкою и убилъ разбойника наповалъ. «Ахъ что же я надѣлалъ? говоритъ онъ: одного еще грѣха не отмолилъ, а ужъ другой грѣхъ нажилъ!» Воротился къ овцамъ, а онѣ всѣ бѣлыя: пригналъ овецъ къ

пустынникъ и разсказалъ все, что съ нимъ было. Пустынникъ и говоритъ: «Это за тебя міръ умолилъ Бога!»

Изъ собранія В. И. Даля.

29
Горькій пьяница

Жилъ-былъ старикъ, да такой горькой пьяница, что и сказать нельзя. Вотъ забрался онъ какъ-то въ кабакъ, упился зелена вина, и поплелся во хмелю домой, а путь-то лежалъ черезъ рѣку, подошелъ къ рѣкѣ, не сталъ долго думать, скинулъ съ себя сапоги, повѣсилъ на шею и побрелъ по водѣ; только дошелъ до средины — спотыкнулся о камень, упалъ въ воду, да и помнай какъ звали!

Остался у него сынъ Петруша. Видитъ Петруша, что отецъ пропалъ безъ вѣсти, потужилъ, поплакалъ, отслужилъ за упокой души панихиду и принялся хозяйничать. Разъ въ воскресный день пошелъ онъ въ церковь Богу помолиться. Идетъ себѣ по дорогѣ, а впереди его тащится баба: шла-шла, спотыкнулась о камышекъ и заругалась: «Кой чортъ тебя подъ ноги суетъ!» Петруша услыхалъ такія рѣчи и говоритъ: «Здорово, тетка! куды путь держишь?» — «Въ церковь, родимой, Богу молиться». — «Какъ же тебѣ не грѣшно: идешь въ церковь Богу молиться, а поминаешь нечистаго! сама спотыкнулась, да на чорта сваливаешь» . . . Ну, отслушалъ онъ обѣдню и пошелъ домой; шелъ-шелъ, и вдругъ откуда ни возьмись — сталъ передъ нимъ молодецъ, поклонился и говоритъ: «Спасибо тебѣ, Петруша, на добромъ словѣ!» — «Кто ты таковъ и за что благодарствуешь?» спрашиваетъ Петруша. «Я дьяволъ; а тебѣ благодарствую за то, что какъ спотыкнулась баба да облаяла меня понапрасну, такъ ты замолвилъ за меня доброе слово». И началъ просить: «Побывай де, Петруша, ко

мнѣ въ гости: я тебя вò-какъ награжу! и серебромъ и златомъ, всѣмъ надѣлю!» — «Хорошо, говоритъ Петруша: побываю». Дьяволъ разсказалъ ему про дорогу и пропалъ въ одну минуту, а Петруша воротился домой.

На другой день собрался Петруша въ гости къ дьяволу; шелъ-шелъ, цѣлыхъ три дня шелъ и пришелъ въ большой лѣсъ, дремучій да темный — и неба не видать! А въ томъ лѣсу стоялъ богатой дворецъ. Вотъ онъ вошелъ во дворецъ, и увидѣла его красная дѣвица — выкрадена была нечистыми изъ одного села; увидѣла его и спрашиваетъ: «Зачѣмъ пожаловалъ сюда, доброй мòлодецъ? здѣсь черти живутъ, они тебя въ клочки разорвутъ». Петруша разсказалъ ей, какъ и зачѣмъ попалъ въ этотъ дворецъ. «Ну, смотри же, говоритъ ему красная дѣвица: станетъ давать тебѣ дьяволъ золото и серебро — ты ничего не бери, а проси, чтобъ подарилъ тебѣ того самаго ледащаго коня, на которомъ нечистые дрова и воду возятъ. Этотъ конь — твой отецъ; какъ шелъ онъ изъ кабака пьяной да упалъ въ воду, черти тотчасъ подхватили его, сдѣлали своей лошадью, да возятъ теперь на немъ дрова и воду!» Тутъ пришелъ тотъ самой мòлодецъ, что звалъ Петрушу въ гости и принялся угощать его всякими напитками и наѣдками. Пришло время отправляться Петрушѣ домой. «Пойдемъ, сказалъ ему дьяволъ: я надѣлю тебя деньгами и славною лошадью, живо до дому доѣдешь». — «Ничего мнѣ не нужно, отвѣчалъ Петруша: и коли хочешь дарить — подари ту ледащую кляченку, на которой у васъ дрова и воду возятъ». — «Куда тебѣ эта кляча! скоро ли на ней дò дому доберешься, она, того и смотри, околѣетъ!» — «Все равно, подари; окромя ея, другой не возьму!» Отдалъ ему дьяволъ худую кляченку. Петруша взялъ и повелъ ее за узду. Только за ворота, а навстрѣчу ему красная дѣвица: «Что, досталъ лошадь?»

— «Досталъ». — «Ну, доброй молодецъ, какъ придешь подъ свою деревню — сними съ себя крестъ, очерти кругомъ этой лошади три раза и повѣсь ей крестъ на голову». Петруша поклонился и отправился въ путь; пришелъ подъ свою деревню — и сдѣлалъ все, что научила его эта дѣвица: снялъ съ себя мѣдный крестъ, очертилъ кругомъ лошади три раза и повѣсилъ ей крестъ на голову. И вдругъ лошади не стало, а на мѣсто ея стоялъ передъ Петрушою родной его отецъ. Посмотрѣлъ сынъ на отца, залился горючими слезами и повелъ его въ свою избу; старикъ-атъ три дня жилъ безъ говору, языкомъ не владалъ. Ну, послѣ стали они себѣ жить во всякомъ добрѣ и счастіи. Старикъ совсѣмъ позабылъ про пьянство, и до самаго послѣдняго дня ни капли вина не пилъ.

Изъ собранія В. И. Даля.

30
Крестный отецъ

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ бѣдной мужикъ съ женою; дѣтей у нихъ не было. Стали они просить Бога, чтобы далъ имъ дѣтище во младости на посмотрѣніе, подъ старость на утѣшеніе, а по смерти на поминъ души. Создалъ имъ Господь дѣтище. Обрадовался мужикъ, пошелъ къ сосѣду и началъ просить въ кумовья: «Пожалуй, говоритъ, приведи младенца въ крещеную вѣру». Сосѣдъ отказался затѣмъ, что мужикъ-то былъ оченно бѣденъ. Пошелъ онъ къ другому, и тотъ отказался. Всю деревню исходилъ, никто къ нему нейдетъ въ кумовья. Что дѣлать? пошелъ мужикъ въ иную деревню. Идетъ путемъ дорогою, и попадается ему навстрѣчу незнакомой старецъ. «Здорово, доброй человѣкъ! куда идешь, куда путь держишь?» — «Здорово, дѣдушка! далъ мнѣ Го-

сподь дѣтище во младости на посмотрѣніе, подъ старость на утѣшеніе, а по смерти на поминъ души, да вотъ приключилось какое горе: человѣкъ я бѣдной, никто нейдетъ ко мнѣ привести младенца въ крещеную вѣру». — «Возьми меня». — Мужикъ несказанно тому обрадовался и благодарствовалъ старику. «Ну, говоритъ старецъ: ступай теперь къ богатому купцу, проси дочь его въ крёсныя матери». — «Ахъ, нареченной кумъ! какъ мнѣ къ купцу идти, онъ мною побрезгаетъ». — «Не твоя печаль! ступай и проси. Да смотри, чтобъ къ завтраму, къ утру, все было готово». Бѣдной мужикъ воротился домой, запрёгъ лошадь и поѣхалъ въ городъ къ богатому купцу. «Что надыть?» спрашиваетъ купецъ. «Да вотъ, господинъ купецъ! далъ мнѣ Господь дѣтище во младости на посмотрѣніе, подъ старость на утѣшеніе, а по смерти на поминъ души. Пожалуй, отпусти свою дочь въ крёсныя». — «А когда у тебя кстины?» — «Завтра утромъ». — «Ну, хорошо; ступай съ Богомъ, она пріѣдетъ».

На другой день поутру пріѣхала кума, пришелъ и кумъ, и окстили младенца. Распрощались и пошли по своимъ мѣстамъ. Сталъ младенецъ возрастать, да такой умной да доброй, всѣмъ сосѣдямъ на зависть. Отдали его учиться грамотѣ; которые учатся лѣтъ по пяти, а онъ всю науку въ годъ окончалъ, всѣхъ перегналъ! Пришла Святая недѣля. Отслушалъ мальчикъ заутреню и раннюю обѣдню, сходилъ къ крёсной матери, похристосовался, воротился домой и спрашиваетъ: «Батюшка и матушка! гдѣ живетъ мой крёсной, я бы къ нему пошелъ, похристосовался?» — «Любезной сынъ, говорятъ они: мы и сами не знаемъ; какъ окрестилъ онъ тебя — съ той самой поры не видали, и ничего про него не слыхали». — «Ну, батюшка и матушка! прощайте: пойду искать своего крёснаго». И пошелъ онъ, куда глаза

глядятъ; шелъ-шелъ, вышелъ въ чистое поле и повстрѣчался ему старецъ. «Здравствуй! говоритъ старецъ: куда идешь, куда путь держишь?» — «Здорово, дѣдушка! иду искать крёснаго». — «Я твой крёсной, говоритъ старикъ: пойдемъ со мною». А старикъ-то былъ самъ Господь и повелъ онъ своего крестника въ царство небесное; привелъ и приказываетъ: «Смотри, крестникъ! по всѣмъ палатамъ гуляй, не входи только въ эту дверь». Сказалъ и ушелъ отъ него; остался мальчикъ одинъ. Вотъ онъ ходилъ-ходилъ по всѣмъ палатамъ и вздумалъ себѣ: «Отчего такъ не велѣлъ мнѣ крёсной входить въ эту комнату? дай пойду посмотрю — что тамъ такое?» Вошелъ и увидѣлъ тамъ разбойника, а передъ нимъ на колѣняхъ стоитъ человѣкъ; жалко ему стало того человѣка, ухватилъ онъ камень и убилъ разбойника. Вдругъ является Господь. «Не послушалъ, говоритъ, ты моего приказанія! Этотъ разбойникъ убилъ въ свою жизнь девять человѣкъ, а ты его грѣхи теперь на себя снялъ; ступай же на землю и трудись, пока грѣховъ своихъ не замолишь!» Указалъ ему Господь дорогу: «Иди вотъ по этой дорогѣ; будутъ тебѣ на пути два озера, по поясъ глубины отъ берега до берега; смотри же, не пей изъ нихъ воды, а коли напьешься — навѣкъ погибнешь».

Пошелъ мальчикъ путемъ-дорогою; шелъ-шелъ и пришелъ къ первому озеру. Сталъ переходить на другой берегъ, добрался ужъ до средины, и захотѣлось ему пить; такая жажда напала, что утерпѣть невмоготу. Началъ онъ молиться Богу, и вздумалъ помочить голову водою; помочилъ — и сдѣлалось ему легче. Вышелъ онъ на другую сторону, глянулъ въ воду и видитъ, что на головѣ у него во́лосы стали серебреные. Пустился дальше въ путь-дорогу, пришелъ къ другому озеру, сталъ перебираться на тотъ берегъ, добрался до средины,

и опять напала на него жажда: такъ бы вотъ и испилъ! Началъ онъ Богу молиться, и опять вздумалъ помочить голову водою; помочилъ — и сдѣлалось ему гораздо полегче. Вышелъ на берегъ, глянулъ въ воду и увидѣлъ на своей головѣ золотые волосы. Пустился дальше; шелъ-шелъ, пришелъ въ большой городъ, купилъ на рынкѣ воловій пузырь и надѣлъ его на голову; измарался весь грязью и замѣшался межъ поденщиками! Пришелъ на рынокъ царской садовникъ, забралъ всѣхъ поденщиковъ; одного его не беретъ на работу. «Что жъ ты меня не возьмешь?» — «Да ты кто?» — «Я — Иванъ Шолудивой, садовникъ». — «Ну, коли ты садовникъ, мнѣ такихъ и надо». И повелъ его прямо къ царю въ садъ. Раздалъ всѣмъ поденщикамъ работу; остался одинъ Иванъ Шолудивой. А у этого царя была любимая яблоня, и засохла тому лѣтъ уже десять; привелъ онъ его къ этой яблони и говоритъ: «Вотъ тебѣ работа, привей эту яблоню». Иванъ Шолудивой взялъ ножикъ и привилъ яблоню; она сейчасъ принялась, расцвѣла и принесла такія же славныя яблоки, какія и прежде давала. Какъ увидалъ то садовникъ — вздивовался; къ вечеру разсчиталъ онъ всѣхъ поденщиковъ, а Ивана Шолудиваго оставилъ при себѣ: «Живи, братъ, у меня; ты мнѣ нуженъ!» Живетъ Иванъ Шолудивой у царя въ саду, ни съ кѣмъ дружбы не сводитъ, не гулятъ, а все Богу молится. Разъ поутру всталъ онъ рано и пошелъ прямо къ колодезю, скинулъ съ головы воловій пузырь и давай умываться; умылся и началъ расчесывать свои золотыя кудри. Увидала его изъ окна меньшая царевна и такъ полюбила, что и во снѣ и наяву — все его видитъ.

Вотъ собрались царевны, пришли къ своему родителю и пали въ ноги: «Не прикажи, говорятъ, казнить; прикажи рѣчь говорить». — «Говорите, любезныя дочери!» — «Милосливой батюшка! мы уже въ совершенныхъ

лѣтахъ, пора намъ выходить замужъ». — «Ладно», говоритъ царь и разослалъ по всѣмъ царствамъ, по всѣмъ государствамъ, чтобы со всѣхъ сторонъ съѣзжались женихи: цари и царевичи, короли и королевичи, и могучіе богатыри. Съѣхались женихи, пошелъ пиръ на весь міръ. Вотъ царь всталъ и говоритъ своей большой дочери: «Ступай, дочь любезная! выбирай себѣ жениха». Выбрала большая царевна; послѣ того пошла середняя царевна — и та выбрала себѣ жениха. «Ну, выбирай ты!» говоритъ царь меньшой царевнѣ. Она взяла налила чарку водки и говоритъ: «Кто эту чарку выпьетъ, тотъ и женихъ мой будетъ!» Поднесла чарку прямо къ Ивану Шолудивому, поклонилась ему и потчуетъ: «Ну, нареченной супругъ, кушай на здравіе!» У царя ни пиво варить, ни вино курить, честнымъ пиркомъ да за свадебку. Повѣнчали царевенъ. Вотъ старшія сестры и смѣются надъ меньшою: «твой де мужъ какъ есть дуракъ!» — «Вамъ что за нужда? отвѣчаетъ царевна: вить не вамъ съ дуракомъ жить!»

Жили они долго ли, коротко ли; напалъ на то царство сильной непріятель. Собрались старшіе зятья и поѣхали сражаться. А Иванъ Шолудивой вышелъ въ чистое поле, свистнулъ-крикнулъ своимъ богатырскимъ голосомъ: «Эй ты, сивка бурка! стань передо мною, какъ листъ передъ травою!» Откуда нѣ взялся конь, сталъ передъ нимъ какъ вкопанной. Надѣлъ онъ на себя платье богатырское, сѣлъ на коня, ударилъ по крутымъ бедрамъ, и понесся на непріятеля, словно соколъ на гусей и лебедей, и сталъ побивать направо и налѣво. Только самого его ранили въ лѣвую руку; увидала то меньшая царевна, взяла платокъ и перевязала ему руку. Опять поѣхалъ Иванъ Шолудивой и перебилъ дочиста все войско непріятельское; воротился въ царскій садъ, легъ и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Увидала его царевна и

спознала, кто таковъ богатырь былъ; сказала царю — тотъ такъ обрадовался, что на радостяхъ отдалъ ему половину царства; и стали они себѣ жить-поживать, да добра наживать.

Изъ собранія Б. И. Даля.

30*

Повѣсть о сынѣ крестномъ, како Господь крестилъ младенца убогаго человѣка

Бысть въ нѣкоторой странѣ, въ городѣ Антоурѣ: живяше нѣкій убогій человѣкъ во всякомъ убожествѣ, и по времени жена его роди сына . . . Рече жена мужу своему: «Поди позови воспріемника, кто бъ крестилъ чадо наше». Онъ же поиде звати кума по всему граду своему, и никто же къ нему не идетъ; скудости ради гнушаются. Онъ же поиде въ домъ свой, горько плакася, и встрѣте его нѣкоторый мужъ лицемъ свѣтелъ и во свѣтлыхъ ризахъ, и виде убогаго плачуща и спроси́ша его: «Чадо, что зло плачущи? повѣждь ми; азъ печаль твою излѣчу и на радость приложу». Той же рече ему: «Како мнѣ не плакати! родился у меня сынъ, не изыщу къ себѣ, кто бы былъ воспріемникомъ и крестилъ его; никто не иде, и скудости моей ради гнушаются мною». Той же пресвѣтлый мужъ рече ему: «Гряди, чадо, въ церковь и вели священнику мало ждать; азъ воспріемникомъ гряду и окрещу твоего дѣтища». Убогій же поклонился ему до земли . . . Пріиде тотъ свѣтлый мужъ-нареченный кумъ, рече іерею: «Отче святый! азъ хощу воспріемникомъ быть и окрестить сего младенца». Пріемъ отъ іерея благословеніе, и окрести́ша младенца и даша священнику за крещеніе 4 златницы . . . Младенецъ той возроста и трехъ лѣтъ вопроси́ша родителя своего: «Есть ли у меня отецъ крестный?» Мать

его рече ему: «Чадо! отецъ твой тако безуменъ: сотворилъ твое крещеніе, а отца твоего крестнаго въ домъ къ себѣ не позвалъ и о имени его не повѣдалъ; и мы его по сіе время не имамъ знати». Младенецъ же, слышавъ то, зѣло бысть печаленъ. И пріиде праздникъ Воскресеніе Господа нашего; той младенецъ пріиде въ церковь и ста въ такомъ мѣстѣ, идѣже Спасителевъ образъ; зритъ на Господа нашего Іисуса Христа, моляся со слезами, и во умѣ своемъ помышляше: «Даждь ми, Господи! видѣти отца моего крестнаго; не съ кѣмъ мнѣ похристосоватися». Отпѣли утреню, и пріиде ко младенцу мужъ зѣло великъ и украшенъ лицемъ, акы солнце сіяюще, и надъ нимъ много свѣтлыхъ и пресвѣтлыхъ юношей во святыхъ ризахъ; и рече тотъ свѣтлый мужъ младенцу: «Сыне мой крестный, Христосъ воскресе!» И поцѣловалъ младенца и даша ему два яйца. Младенецъ же отвѣща: «Вопстинно воскресе!» Тако жъ мужъ вопроша младенца: «Знаеши ли ты отца твоего крестнаго?» Младенецъ рече ему: «Отъ рожденія своего не имамъ знати отца своего крестнаго». Рекъ ему свѣтлый изрядный мужъ; «Азъ есмь отецъ твой крестный» . . . Младенецъ же пріиде въ домъ свой и нача съ родителями своими христосоваться, даде имъ по яйцу; и они на тѣ два яйца смотря зѣло удивляхуся и между собою глаголаху: «Таковыхъ яицъ во свѣтѣ нѣтъ». И вопроша дѣтища своего: «Кто ихъ тебѣ даде?» Онъ же рече: «Отецъ мой крестный даде мнѣ». — «Како тебѣ отца крестнаго знати?» Младенецъ рече имъ съ клятвою: «Вопстинно далъ мнѣ отецъ крестный». Егда младенецъ поиде къ литургіи и вниде въ церковь, и ста въ томъ же мѣстѣ, зря на Спасителевъ образъ, со слезами и со всякимъ умиленіемъ моляшеся, глаголаше: «Господи царю, творецъ мой! даждь ми видѣти домъ отца моего крестнаго». Отпѣли литургію Божію, и виде младенецъ: церковное

небо растворилось и много грядущихъ свѣтлыхъ и пресвѣтлыхъ юношей во златыхъ ризахъ . . . И предстоящему народу никому не видимо взяша его на высоту и вознесоша даже до . . . девятаго неба. И младенецъ ужасохся, и шестокрылати юноши рекоша ему: «Чадо! не убойся, не опалимъ тя пламеніемъ; мы слуги отца твоего крестнаго». И введоша его въ палату, и узрѣ младенецъ, яко палата украшена, въ ней же бесѣдующе ангели и архангели, поюще пѣснь, пресвятую Троицу славяще. И введоша его во другую палату, и видѣ младенецъ, яко палата украшена лѣпотою паче первыя, въ ней же сѣдяще пророцы и младенцы, хвалу Богу воздая. И введоша въ третью палату, и та палата украшена паче всѣхъ седмерицею и содѣяно въ ней 12 престоловъ, украшены сребромъ и златомъ, и драгимъ каменіемъ и жемчугомъ, и посредѣ единъ престолъ превыше всѣхъ, преодѣянъ багряною червленною ризою, и передъ нимъ стояще херувимы и серафимы и множество ангеловъ, непрестанно славяща Господа и Спаса нашего Іисуса Христа. И видѣ на томъ престолѣ сидяща Господа нашего Іисуса Христа; на немъ порфира царская, въ рукѣ держитъ скипетръ, судитъ дѣла человѣческія. Возста Господь съ престола своего и рече: «Поди, сыне мой крестный! то есть домъ мой, еже ты желаешь видѣти; азъ здѣ пребываю.» И взя его за руку и посадилъ его на престолѣ; а самъ изволилъ изыдти въ иную палату. Младенецъ же одѣяйся во порфиру царскую, и возложи на себя вѣнецъ, и вземъ въ руцѣ скипетръ; и нача ему ангели и архангели служити. И видѣ младенецъ все: кто на землѣ творитъ добрыя дѣла и худыя, и рай и мѹку, и кто за какія дѣла мучится, и нача судить дѣла человѣческія:

1-й судъ

Видѣ младенецъ на землѣ: нѣкоторые разбойники и грабители подкопали подъ церковь, хотяще святую церковь ограбити, и рече: «Повели, Господи, церкви обрушитися и подавить грабителей». И того часу церковь подавила ихъ безъ покаянія.

2-й судъ

Той же младенецъ видѣ на землѣ: въ нѣкоторомъ морѣ плыша разбойницы, хотяще нѣкоторую обитель разбити, и рече: «Повели, Господи, разбойниковъ потопить, да не погубятъ святую обитель». Того часа корабль погрузишась въ море, и грабители безъ покаянія потонуша.

3-й судъ

Той же младенецъ видѣ на землѣ: у нѣкотораго купца, богатаго человѣка, во храминѣ жена его отъ мужа своего творяше блудъ съ прелюбодѣями, и рече: «Повели, Господи, сей храминѣ обрушитися и подавити прелюбодѣевъ». И того часа повалилась храмина, и съ ними много неповинныхъ безъ покаянія подавила.

4-й судъ

Той же младенецъ видѣ на землѣ: въ нѣкоторомъ градѣ люди творятъ много блуда и неправды безъ покаянія, и рече: «Повели, Господи, за беззаконіе ихъ сему граду провалитися сквозь землю». И того часа бысть такъ: погибоша множество неповинныхъ безъ покаянія.

Господь же умилосердися надъ народомъ, не хотя созданія своего безъ покаянія погубити, и внидоша во святую палату, и видѣ сына своего крестнаго сѣдяща на престолѣ: въ руцѣхъ держитъ скипетръ, на немъ порфира царская, судитъ дѣла человѣческія. Господь рече ему: «Сыне крестный! немилостиво судиши. Посидѣлъ ты на моемъ престолѣ четверть часа, и погубилъ

ты безъ покаянія народу на землѣ три тьмы тысячъ человѣкъ; аще бъ ты еще тако же время посидѣлъ на моемъ мѣстѣ, и ты бы всего народу не оставилъ; всѣхъ бы погубилъ до конца безъ покаянія. Азъ, Господь, творецъ всѣмъ человѣкомъ . . .. не хощу смерти грѣшника и ожидаю покаянія» . . . И взыде Господь на престолъ свой, и пріемъ отъ крестна сына порфиру царскую и вѣнецъ и возложи на себя, и пріемъ въ руцѣ скипетръ, и сяде на престолѣ своемъ и нача судити дѣла человѣческія. И повелѣ двумъ ангеломъ сына своего крестнаго снести съ высоты небесныя . . . Тогда ангели его приняша и понесоша въ домъ родителя его. Родители же вопроша его: «Гдѣ толикое время былъ еси послѣ обѣдни?» Онъ повѣдаше: «Азъ былъ въ домѣ отца моего крестнаго!» Они же не поняша ему вѣры: «Чадо! неправду глаголешь; како тебѣ быти у отца твоего крестнаго! и мы его не знаемъ; ты же како знаеши домъ его?» И рече имъ съ клятвою: «Воистинно я былъ у него!» . . .[1]

Выписана изъ рукописнаго сборника. Изъ собранія В. И. Даля.

31
Кузнецъ и чортъ

Жилъ-былъ кузнецъ, у него былъ сынъ лѣтъ шести, мальчикъ бойкой и разумной. Разъ пошелъ старикъ въ церковь, сталъ передъ образомъ страшнаго суда, и видитъ: нарисованъ чортъ, да такой страшной — чёрной, съ рогами и съ хвостомъ. «Ишь какой! подумалъ онъ: дай-ка я себѣ намалюю такого въ кузницѣ». Вотъ и нанялъ маляра, и велѣлъ ему нарисовать на дверяхъ кузницы чорта точь-въ-точь такого, какого видѣлъ въ

[1] Легенда оканчивается такъ: мальчикъ ради душевнаго спасенія покидаетъ родительскій домъ, удаляется въ непроходимые лѣса, и затворившись въ пещерѣ, день и ночь трудится Богу. По блаженной кончинѣ, мощи труженика были прославлены даромъ исцѣленія больныхъ, недужныхъ и скорбныхъ.

церкви. Нарисовалъ маляръ. Съ той поры старикъ, какъ войдетъ въ кузницу, всегда взглянетъ на чорта и скажетъ: «Здорово, землякъ!» А послѣ разведетъ въ горнѣ огонь и примется за работу. Жилъ эдакъ кузнецъ въ ладу съ чортомъ лѣтъ съ десятокъ; потомъ заболѣлъ и померъ. Сталъ сынъ его за хозяйка, принялся за кузнечное дѣло; только не захотѣлъ онъ почитать чорта, какъ почиталъ его старикъ. Прійдетъ ли поутру въ кузницу — съ нимъ никогда не поздоровается, а замѣсто ласковаго слова возьметъ самой что ни есть большой молотъ и огрѣетъ этимъ молотомъ чорта прямо въ лобъ раза три, да потомъ и за работу. А какъ настанетъ у Бога праздникъ — сходитъ онъ въ церковь, поставитъ святымъ по свѣчкѣ; а къ чорту прійдетъ и плюнетъ въ глаза. Прошли цѣлые три года, а онъ все угощаетъ нечистаго каждое утро то молотомъ, то плевками. Терпѣлъ-терпѣлъ чортъ, да и вышелъ изъ терпѣнія; невмоготу стало. «Полно, думаетъ, принимать мнѣ отъ него такое наругательство! дай ухитрюсь, да что-нибудь надъ нимъ сдѣлаю».

Вотъ обернулся чортъ парнемъ и приходитъ въ кузницу. «Здраствуй, дядя!» — «Здорово». — «А что, дядя, возьми меня къ себѣ въ ученье? буду тебѣ хоть уголья таскать да мѣха раздувать». Кузнецъ тому и радъ: «Отчего не взять! вдвоемъ все спорѣй . . .» Пошелъ чортъ въ науку; пожилъ мѣсяцъ и узналъ кузнечное дѣло лучше самого хозяина: чего хозяинъ не сможетъ, то онъ сдѣлаетъ. Любо-дорого посмотрѣть! Кузнецъ ужъ такъ его полюбилъ, ужъ такъ имъ доволенъ, что и сказать нельзя. Въ другой разъ самъ нейдетъ въ кузницу — надѣется на работника: онъ всѣмъ управитъ. Разъ какъ-то не было хозяина дома, а въ кузницѣ оставался одинъ работникъ. Видитъ онъ — ѣдетъ мимо старая барыня, высунулъ голову изъ дверей и давай кричать: «Эй, господа! вы пожалуйте сюда; здѣсь новая работа

открывается, старые въ молодыхъ передѣлываются». Барыня сейчасъ изъ коляски да въ кузницу. «Чѣмъ ты это похваляешься? да вправду ли? да сумѣешь ли?» спрашиваетъ парня. «Не учиться намъ стать! отвѣчаетъ нечистой: коли бъ не умѣлъ, такъ и не вызывался бы». — «А что стоитъ?» спрашиваетъ барыня. «Да всего пятьсотъ рублевъ». — «Ну, вотъ тебѣ деньги, сдѣлай изъ меня молодую». Нечистой взялъ деньги, посылаетъ кучера на деревню: «Ступай, говоритъ, притащи сюда два ушата молока»; а самоё барыню схватилъ клещами за̀ ноги, бросилъ въ горнъ и сжегъ всю дочиста; только однѣ косточки и остались. Какъ принесли два ушата съ молокомъ, онъ вылилъ ихъ въ кадушку, собралъ всѣ косточки и побросалъ въ молоко. Глядь — минуты черезъ три выходитъ изъ молока барыня: живая, да молодая, да красивая!

Сѣла она въ коляску и поѣхала домой; входитъ къ барину, а тотъ уставилъ на нее глаза и не узнаетъ своей жены. «Что глаза-то выпучилъ? говоритъ барыня. Видишь, я и молода, и статна; не хочу, чтобъ у меня мужъ былъ старой! Сейчасъ же поѣзжай въ кузницу, пускай и тебя перекуютъ въ молодого . . . а то и знать тебя не хочу!» Нечего дѣлать, поѣхалъ баринъ.

А тѣмъ временемъ кузнецъ воротился домой и пошелъ въ кузницу; смотритъ — нѣту работника; искалъ-искалъ его, спрашивалъ-спрашивалъ — нѣтъ какъ нѣтъ, и слѣдъ простылъ. Принялся одинъ за работу, только молотомъ постукиваетъ. Пріѣзжаетъ баринъ и прямо въ кузницу: «Сдѣлай, говоритъ, изъ меня молодого». — «Вѣ умѣ ли ты, баринъ? какъ сдѣлать изъ тебя молодого?» — «Ну, тамъ какъ знаешь!» — «Я ничего не знаю». — «Врешь, мошенникъ! коли передѣлали мою старуху, передѣлывайте и меня; а то мнѣ житья отъ нея не будетъ . . .» — «Да я твоей барыни и въ глаза-то не ви-

далъ». — «Все равно, твой работникъ видѣлъ. Если онъ сумѣлъ дѣло повершить, такъ ты, старой мастеръ, и подавну долженъ умѣть. Ну, живѣй поворачивайся; не то, быть худу: попробуешь у меня березовой бани». Принужденъ былъ кузнецъ передѣлывать барина. Разспросилъ потихоньку у кучера, какъ и что и сдѣлалъ работникъ его съ барыней, и думаетъ: куда не шло! стану то же дѣлать; попаду на ладъ — хорошо, не попаду — все равно пропадать! Тотчасъ раздѣлъ барина донага, схватилъ его клещами за ноги, сунулъ въ горнъ и давай подувать мѣхами: сжегъ всего въ пепелъ. Послѣ того вынулъ кости, покидалъ въ молоко, и ждетъ — скоро ли выскочитъ оттуда молодой баринъ. Ждетъ часъ, и другой — нѣтъ ничего; посмотрѣлъ въ кадушку — однѣ косточки плаваютъ, и тѣ обгорѣлыя . . . А барыня шлетъ пословъ въ кузницу: скоро ли будетъ готовъ баринъ? Отвѣчаетъ бѣдной кузнецъ, что баринъ приказалъ долго жить; поминайте, какъ звали! Какъ узнала барыня, что кузнецъ только сжегъ ея мужа, а молодымъ не сдѣлалъ, сильно разгнѣвалась, созвала своихъ вѣрныхъ слугъ и велѣла тащить кузнеца на висѣлицу. Сказано — сдѣлано. Побѣжали слуги въ кузницу, схватили его, связали и потащили на висѣлицу. Вдругъ нагоняетъ ихъ тотъ самой малой, что у кузнеца жилъ въ работникахъ, и спрашиваетъ: «Куда ведутъ тебя, хозяинъ?» — «Хотятъ повѣсить», отвѣчалъ кузнецъ, и разсказалъ все, что съ нимъ сталося. «Ну, дядя! молвилъ нечистой: поклянись, что никогда не будешь бить меня своимъ молотомъ, а станешь ко мнѣ такую же честь держать, какую твой отецъ держалъ, и баринъ сейчасъ будетъ и живъ и молодъ». Кузнецъ забожился, заклялся, что никогда не подыметъ на чорта молота, а будетъ отдавать ему всякую почесть. Тутъ работникъ побѣжалъ въ кузницу и наскоро воротился оттуда вмѣстѣ съ барином: «Стой,

кричитъ слугамъ: не вѣшайте! вотъ вашъ баринъ!» Они сейчасъ развязали веревки и отпустили кузнеца на всѣ на четыре стороны; съ тѣхъ поръ пересталъ кузнецъ плевать на чорта и бить его молотомъ, работникъ его скрылся и больше на глаза не показывался, а баринъ съ барыней стали жить да поживать да добра наживать. и теперь еще живутъ. коли не умерли.

Изъ собранія В. И. Даля.

32
Волкъ

Дѣло было въ старину, когда еще Христосъ ходилъ по землѣ вмѣстѣ съ апостолами. Разъ идутъ они дорогою, идутъ широкою; попадается навстрѣчу волкъ и говоритъ: «Господи! мнѣ ѣсть хочется!» — «Поди, сказалъ ему Христовъ: съѣшь кобылу». Волкъ побѣжалъ искать кобылу; увидѣлъ ее, подходитъ и говоритъ: «Кобыла! Господь велѣлъ тебя съѣсть». Она отвѣчаетъ: «Ну, нѣтъ! меня не съѣшь, не позволено; у меня на то есть видъ, только далеко забытъ». — «Ну покажи!» — «Подойди поближе къ заднимъ ногамъ». Волкъ подошелъ: она какъ треснетъ его по зубамъ задними копытами, аяно волкъ на три сажени назадъ отлетѣлъ! А кобыла убѣжала.

Пошелъ волкъ съ жалобой; приходитъ ко Христу и говоритъ: «Господи! кобыла чуть-чуть не убила меня до смерти!» —«Ступай, съѣшь барана». Волкъ побѣжалъ къ барану; прибѣжалъ и говоритъ: «Баранъ! я тебя съѣмъ. Господь приказалъ». — «Пожалуй, съѣшь! да ты стань подъ горою да разинь свою пасть, а я стану на горѣ, разбѣгусь, такъ прямо къ тебѣ въ ротъ и вскочу!» Волкъ сталъ подъ горою и разинулъ пасть; а баранъ какъ разбѣжится съ горы, да какъ ударитъ его своимъ бараньимъ лбомъ: бацъ! Сшибъ волка съ ногъ, да самъ и ушелъ.

Волкъ всталъ, глядитъ на всѣ стороны: нѣтъ барана.

Опять отправился съ жалобой; приходитъ ко Христу и говоритъ: «Господи, и баранъ меня обманулъ; чуть-чуть совсѣмъ не убилъ!» — «Поди, сказалъ Христосъ: съѣшь портного». Побѣжалъ волкъ; попадается ему навстрѣчу портной. «Портной! я тебя съѣмъ, Господь приказалъ». — «Погоди, дай хоть съ родными проститься». — «Нѣтъ, и съ родными не дамъ проститься». — «Ну, что дѣлать! такъ и быть, съѣшь. Дай только я тебя смѣряю: влѣзу ли еще въ тебя-то?» — «Смѣряй!» говоритъ волкъ. Портной зашелъ сзади, схватилъ волка за хвостъ, завилъ хвостъ за руку, и давай сѣраго утюжить. Волкъ бился-бился, рвался-рвался, оторвалъ хвостъ, да давай Богъ ноги. Бѣжитъ что есть силы, а навстрѣчу ему семь волковъ. «Постой! говорятъ: что ты, сѣрой, безъ хвоста?» — «Портной оторвалъ». — «Гдѣ портной?» — «Вонъ идетъ по дорогѣ». — «Давай нагонять его», и пустились за портнымъ. Портной услышалъ погоню, видитъ — что дѣло плохо, взобрался поскорѣй на дерево, на самой верхъ, и сидитъ. Вотъ волки прибѣжали и говорятъ: «Станемъ, братцы, доставать портного; ты, кургузой, ложись подъ исподъ, а мы на тебя, да другъ на дружку уставимся, авось достанемъ!» Кургузой легъ наземь, на него сталъ волкъ, на того другой, на другого третій, все выше и выше; ужъ послѣдній взлѣзаетъ. Видитъ портной бѣду неминучую: вотъ-вотъ достанутъ! и закричалъ сверху: «Ну, ужъ никому такъ не достанется, какъ кургузому!» Кургузой какъ выскочитъ изъ-подъ низу да бѣжать! Все семеро волковъ попадали наземь, да за нимъ въ догонку; нагнали и ну его рвать, только клочья летятъ. А портной слѣзъ съ дерева и пошелъ домой.

Изъ собранія В. И. Даля.

33

Пѣтухъ и жорновки

Жилъ да былъ себѣ старикъ со старухою, бѣдные-бѣдные! Хлѣба-то у нихъ не было; вотъ они поѣхали въ лѣсъ, набрали жолудей, привезли домой и начали ѣсть. Долго ли, коротко ли они ѣли, только старуха уронила одинъ жолудь въ подполье. Пустилъ жолудь ростокъ и въ небольшое время доросъ до полу. Старуха запримѣтила и говоритъ: «Старикъ! надобно полъ-та прорубить; пускай дубъ растетъ выше; какъ вырастетъ, не станемъ въ лѣсъ за жолудями ѣздить, станемъ въ избѣ рвать». Старикъ прорубилъ полъ; дерево росло-росло и выросло до потолка. Старикъ разобралъ и потолокъ, а послѣ и крышу снялъ; дерево все растетъ да растетъ, и доросло до самаго неба. Не стало у старика со старухой жолудей, взялъ онъ мѣшокъ и полѣзъ на дубъ. Лѣзъ-лѣзъ, и взобрался на небо. Ходилъ-ходилъ по небу, увидалъ: сидитъ кочетокъ-золотой гребенёкъ, маслена головка, и стоятъ жорновцы. Вотъ старикъ-атъ долго не думалъ, захватилъ съ собою и кочетка и жорновцы и спустился въ избу. Спустился и говоритъ: «Какъ намъ, старуха, быть, что намъ ѣсть?» — «Постой, молвила старуха: я попробую жорновцы». Взяла жорновцы и стала молоть: анъ блинъ да пирогъ, блинъ да пирогъ! что ни повернетъ — все блинъ да пирогъ! И накормила старика.

Ѣхалъ мимо какой-то баринъ, и заѣхалъ къ старику со старухой въ хату. «Нѣтъ ли, спрашиваетъ, чего-нибудь поѣсть?» Старуха говоритъ: «Чего тебѣ, родимой, дать поѣсть, развѣ блиновъ?» Взяла жорновцы и намолола: нападали блинки да пирожки. Проѣзжій поѣлъ и говоритъ: «Продай мнѣ, бабушка, твои жорновцы». — «Нѣтъ, говоритъ старушка: продать нельзя». Онъ взялъ да и укралъ у ней жорновцы. Какъ увѣ-

дали старикъ со старушкою, что украдены жорновцы, стали горе горевать. «Постой, говоритъ кочетокъ-золотой гребенёкъ: я полечу, догоню!» Прилетѣлъ онъ къ боярскимъ хоромамъ, сѣлъ на ворота и кричитъ: «Кукуреку! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые!» Какъ услыхалъ баринъ, сейчасъ приказываетъ: «Эй, малой! возьми брось его въ воду». Поймали кочетка, бросили въ колодезь; онъ и сталъ приговаривать: «Носикъ, носикъ! пей воду; ротикъ, ротикъ! пей воду» — и выпилъ всю воду. Выпилъ всю воду и полетѣлъ къ боярскимъ хоромамъ; усѣлся на балконъ и опять кричитъ: «Кукуреку! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые!» Баринъ велѣлъ повару бросить его въ горячую печь. Поймали кочетка, бросили въ горячую печь — прямо въ огонь; онъ и сталъ приговаривать: «Носикъ, носикъ! лей воду; ротикъ, ротикъ! лей воду» — и залилъ весь жаръ въ печи. Вспорхнулъ, влетѣлъ въ боярскую горницу и опять кричитъ: «Кукуреку! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые!» Гости услыхали это и побѣгли изъ дому, а хозяинъ побѣгъ догонять ихъ; кочетокъ-золотой гребенёкъ схватилъ жорновцы, да и улетѣлъ съ ними.

Записана въ Воронежскомъ у.

ПРИМѢЧАНІЯ

Списокъ трудовъ

наиболѣе часто упоминаемыхъ

Aarne: Aarne, Verzeichnis der Märchentypen. FF Communications No. 3, Helsinki 1910.

— *FFC 25:* Estnische Märchen- und Sagenvarianten. Verzeichnis der zu den Hurtschen Handschriftsammlungen gehörenden Aufzeichnungen . . . ausgearbeitet von Antti Aarne. Hamina 1918.

— *Vgl. Mf.:* Aarne, Vergleichende Märchenforschungen. Memoires de la société finno-ougrienne XXV, Helsingfors 1908.

AfslPh: Archiv für slavische Philologie, Bd. 31, Berlin 1910; Bd. 35, 1913.

Аѳ. Лег.: Народныя русскія легенды. собранныя Аѳанасьевымъ. Лондонъ 1859.

Benfey: Pantschatantra, übersetzt von Th. Benfey, I und II, Leipzig 1859.

Böhm: Lettische Schwänke, übersetzt von Prof. Max Böhm, Reval 1911.

Bolte-Polívka: Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm. Neu bearbeitet von Johannes Bolte und Georg Polívka. I., II., III. Bd. Leipzig 1913—1918.

Dähnhardt: Natursagen, hrsg. von Oskar Dähnhardt. Bd. I, Sagen zum Alten Testament, Leipzig und Berlin 1907. Bd. IV. Tiersagen, bearbeitet von O. Dähnhardt und A. v. Löwis of Menar, Leipzig-Berlin 1912.

Добровольскій: Смоленскій этнографическій сборникъ, составилъ В. Н. Добровольскій, ч. I. С.-Петербургъ 1891.

Драгоманов: Малорусскія народныя преданія и разсказы. Сводъ Михаила Драгоманова. Кіевъ 1876.

ЖМНПр: Журналъ министерства народнаго просвѣщенія. С.-Петербургъ 1834 и сл.

ЖСт: Живая Старина. Періодическое изданіе отдѣленія этнографіи Имп. Русск. Геогр. Общ. подъ ред. Ламанскаго. С.-Петербургъ 1890 и сл.

ИРЛ: Исторія русской литературы, подъ ред. Е. В. Аничкова. Томъ II. Народная словесность. Москва 1908.

KHM: Kinder- und Hausmärchen, gesammelt durch die Brüder Grimm. 32. Auflage, besorgt von Reinhold Steig. Stuttgart und Berlin 1906.

Köhler: Kleinere Schriften von Reinhold Köhler, hrsg. von J. Bolte. I—III, Weimar 1898 und Berlin 1900.

Колмачевскій: Животный эпосъ на западѣ и у славянъ. Л. Колмачевскаго. Казань 1882.

Kretschmer: Neugriechische Märchen, herausg. von P. Kretschmer, Jena 1917.

Kubín: J. Kubin, Povídky Kladské I, II. Praha 1908—1914 (съ прим. Ю. Поливки.)

Курскій сборникъ: Изданіе курскаго губернскаго статистическаго комитета, вып. IV. Матеріалы по этнографіи Курской губерніи. Часть третья. Приготовилъ къ печати В. И. Рѣзановъ. Курскъ 1903.

v. Löwis, FEVM: Finnische und Estnische Volksmärchen, herausgeg. von August v. Löwis of Menar. Jena 1912.

— *RVM.*: Russische Volksmärchen, übersetzt und eingeleitet von August von Löwis of Menar. Jena 1921.

Максимовъ: Нечистая, невѣдомая и крестная сила. Сочиненіе С. В. Максимова. С.-Петербургъ 1903.

Ончуковъ: Сѣверныя сказки. Сборникъ Н. Е. Ончукова. С.-Петербургъ 1909.

Panzer: Studien zur germanischen Sagengeschichte von Dr. Friedrich Panzer. II. Sigfrid. München 1912.

Polívka: Pohádkoslovné Studie. Napsal Jiří Polívka (Národop. sborn. českoslov. X). V Praze 1904.

Потанинъ, ВМ: Г. Н. Потанинъ, Восточные мотивы въ средневѣковомъ европейскомъ эпосѣ. Москва 1899.

Пыпинъ: Исторія русской литературы. Т. I—IV. А. Н. Пыпина. Изд. 3. С.-Пет. 1907.

Ровинскій: Русскія народныя картинки. Собралъ и описалъ Д. Ровинскій. Книги I—V, Санктпетербургъ 1881.

Савченко: Савченко, С. В., Русская народная сказка. Кіевъ 1914.

Садовниковъ: Сказки и преданія самарскаго края, собраны и записаны Д. Н. Садовниковымъ. С.-Петербургъ 1884.

Смирновъ 1, 2: А. М. Смирновъ, Систематическій указатель темъ и варіантовъ русскихъ народныхъ сказокъ. С.-Петербургъ 1912, 1913. (Оттиски изъ Изв. Отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. XVI, кн. 4 и т. XVII, кн. 3).

Stroebe: Nordische Volksmärchen. II. Teil. Norwegen. Übersetzt von Klara Stroebe. Jena 1915.

Сумцовъ: Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ, Разысканія въ области анекдотической литературы. Анекдоты о глупцахъ. Харьковъ 1898.

Federowski: Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. Materiały . . . zgromadzone . . . przez Michała Federowskiego. Tom II, cz. I. W Krakowie 1902.

Харузинъ: Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. Вып. II: Подъ ред. Николая Харузина. Москва 1890.

ZVfVK: Zeitschrift des Vereins für Volkskunde. Berlin 1891 и сл.

Чубинскій: Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край. Матеріалы и изслѣдованія, собранныя д.-чл. П. П. Чубинскимъ. Томъ второй. Петербургъ 1878.

ЭтнОб: Этнографическое Обозрѣніе. Період. изданіе Этногр. Отд. Имп. Общ. Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ. Подъ ред. Н. А. Янчука, Москва 1889 и сл.

Сказки

Въ настоящемъ изданіи *цифры* и *латинскія буквы* въ оглавленіяхъ соотвѣтствуютъ обозначенію сказокъ въ *третьемъ* (1897 г.) и въ *четвертомъ* (1914 г.) изданіи «Народныхъ русскихъ сказокъ А. Н. Аѳанасьева».

1. См. Смирновъ 1 No. 17, 18, 19, 34, 12, 5; Aarne No. 1, 2, 4; KHM. No. 73, 74; Bolte-Polívka 2, 201 къ No. 83; Колмачевскій 57, 68, 169. — Къ сказкамъ о животныхъ ср. сочиненіе Вл. Боброва, Русскія народныя сказки о животныхъ, Варшава 1909.
2. Смирновъ 1 No. 10, 11; Aarne No. 15; KHM. No. 2.
3. Смирновъ 1 No. 34; Aarne No. 43.

4b. Смирновъ 1 No. 5 (С. замѣчаетъ «церковно-книжную обработку» этой сказки); KHM. No. 86; Колмачевскій 93.

5. Начало: см. Аѳ., Лег. No. 33; Bolte-Polívka 2, 511 къ No. 112. Смирновъ 1 No. 9.
6. Смирновъ 1 No. 8; Aarne No. 37; Bolte-Polívka 1, 518 прим. (къ No. 58).
7. Смирновъ 1 No. 24—27; Aarne No. 9, 154; KHM. No. 189.
8. Смирновъ 1 No. 28; Aarne No. 155; Колмачевскій 135.
9. Смирновъ 1 No. 29; Колмачевскій 164.
10. Смирновъ 1 No. 31; Aarne No. 21.
11. Смирновъ 1 No. 2a.
12. Смирновъ 1 No. 3; Aarne No. 56a; KHM. No. 58.
13. Смирновъ 1 No. 1; Aarne No. 60.
14. Смирновъ 1 No. 26; Колмачевскій 163.
15. Смирновъ 1 No. 14; Aarne No. 275; KHM No. 187; Dähnhardt IV, Кар. 3.
16. Смирновъ 1 No. 20; Колмачевскій 163; Dähnhardt III, 272.
17. Смирновъ 1 No. 15; Колмачевскій 163.
18. Смирновъ 1 No. 22a; Aarne No. 103.

19. Смирновъ 1 No. 22б, 23; Aarne No. 125; КНМ No. 27.
20. Смирновъ 1 No. 13, 43; Aarne No. 152.
21. Смирновъ 1 No. 36; Колмачевскій 164; ЖСт 13, 408 (1903).
22. Смирновъ 1 No. 37; Колмачевскій 164.
23. Смирновъ 1 No. 45; Aarne No. 123; КНМ No. 5.
24. Смирновъ 1 No. 42; Aarne No. 122; Аѳ. Лег. No. 32.
25. Смирновъ 1 No. 35; Колмачевскій 164.
26. Начало: ср. No. 24. Смирновъ 1 No. 42, 5а; Aarne No. 101, 41; КНМ No. 48.
27a, b. Смирновъ 1 No. 47; Bolte-Polívka 2, 100 къ No. 72a. Такъ-называемая «кучевая» сказка (Häufungs- или Lawinenmärchen) по выраженію Колмачевскаго; ср. No. 34.
28. Ср. No. 3. Смирновъ 1 No. 34б; Колмачевскій 165; Bolte-Polívka 1, 346 къ No. 36.
29. Смирновъ 1 No. 34б; Aarne No. 130; КНМ No. 27; Bolte-Polívka 1, 348 прим. къ роли ежа.
30. Смирновъ 1 No. 23б; Aarne No. 130; КНМ No. 27.
31. Ср. No. 30. Смирновъ 1 No. 23б; КНМ No. 27.
32. Смирновъ 1 No. 42, 5б; Aarne No. 248; КМН No. 58.
33. Смирновъ 1 No. 49; КНМ No. 80.
34. Ср. No. 27. Смирновъ 1 No. 48; КНМ No. 80.
35. Смирновъ 1 No. 50; ср. КНМ No. 80.
36. Смирновъ 1 No. 52a; Колмачевскій 169.
37. Ср. Aarne No. 6, 57; Колмачевскій 168.
38. Смирновъ 1 No. 53; ср. Aarne No. 220.
39, 40. Смирновъ 2 No. 1; Aarne No. 555; КНМ No. 19.
41a, c. Колмачевскій 170; Ровинскій 4, 256—270; Шляпкинъ, ЖМНПр 1904, авг. 380. — Ср. Ончуковъ No. 1; ЖСт 13, 405—408 (1903).
42. Мѣстное преданіе, объясняющее, почему въ Шекснѣ «совсѣмъ мало стало мелкой рыбицы».
43. Ср. Federowski II, 1 No. 4.
44. Савченко 61.
45. КНМ No. 18.
46. Кучевая сказка.
48. Benfey 1, 376; Этн. Об. III, 3, 84 (Сумцовъ); Bolte-Polívka 1, 105 прим.
49. Ср. Aarne No. 552; Bolte-Polívka 3, 428 къ No. 197.
50. Вертодубъ, Вертогоръ см. AfslPh 35, 292 (Polívka). Преслѣдованіе: Aarne No. 313, 314; КНМ No. 79.
51. Мѣстное преданіе.
52b. Ончуковъ No. 108; AfslPh 31, 276 (Polívka).
53—55. Ср. No 52. — Всѣ эти сказки подходятъ подъ типъ

«Aschenbrödel», KHM No. 21; Aarne No. 510. — Къ NNo. 53, 54, ср. еще Bolte-Polívka 1, 221 къ No. 24.
56, 57. Aarne No. 510, 511; KHM No. 21, 130.
58a, b, 59. Aarne No. 480; KHM No. 24. — Къ No. 58 см. KHM No. 79; къ No. 59 ср. Bolte-Polívka 1, 377. — «Русскимъ духомъ пахнетъ»: Bolte-Polívka 1, 289.
60. Aarne No. 327 B; Bolte-Polívka 1, 124, 500; 2, 144.
61a, b—63. Aarne No. 327A; KHM No. 15. — Къ No. 61 a, b см. Смирновъ 1, No. 16, 2б.
64. Преслѣдованіе: Aarne No. 313, 314.
65. Aarne No. 510B; KHM No. 21, 65, 15; Ончуковъ No. 71.
66. Aarne No. 613; KHM No. 107; см. обстоятельное изслѣдованіе R. Th. Christiansen; The tale of the two travellers, FF Communications No. 24, Hamina 1916.
67. Aarne No. 531, 502; KHM No. 126, 136; ср. Bolte-Polívka 2, 284 прим. 1.
68. Aarne No. 502; KHM No. 136.
69. Aarne No. 502; KHM No. 136.
70. Ср. Aarne No. 533; KHM No. 89.
71. Aarne No. 301; KHM No. 91.
72. Конецъ: см. Aarne No. 1130.
73. Ср. No. 71. — Савченко 62.
74. Bolte-Polívka 3, 431 къ No. 197.
75. Ср. No. 76.
76. Безусловно наиболѣе героическая сказка всего сборника. — Ср. Panzer 143 сл., 174 сл.; v. Löwis, RVM стр. XX; Труды XV. Археол. Съѣзда, въ Новгородѣ Протоколы стр. 65, (Москва 1914) докладъ Б. М. Соколова къ темѣ женитьбѣ на могучей королевнѣ при помощи свата-помощника. — Ончуковъ No. 27.
77. Ср. 76. Aarne No. 513, 514; KHM No. 71.
78. 79. Ср. No. 76.
80. Aarne No. 301A; KHM No. 91.
81. Ср. No. 50. Aarne No. 301B; KHM No. 91.
82. Ср. Aarne No. 650 A; KHM No. 90.
83. Aarne No. 513B; KHM No. 71.
84a, c. Aarne No. 653; KHM No. 129; Bolte-Polívka 2, 75 къ No. 70.
85. Савченко 42, прим. 2; Потанинъ, ВМ 819 сл.
86. Aarne No. 1049; KHM No. 183.
87. Aarne No. 650; KHM No. 90, 195.
88. Aarne No. 1071, 1072, 1084, 1063, 1130; KHM No. 195.
89. Ср. No. 88; KHM No. 195.
90. 91. Aarne No. 326, 1160; KHM No. 4.
92. Aarne No. 303; его же Vgl. Mf. 145; KHM No. 60.

93c. Савченко 100; Aarne No. 506, 516; КНМ No. 6; Bolte-Polívka 3, 433, 504. «Русской коской пахнетъ»: см. Bolte-Polívka 1, 289.
94. Ср. Aarne No. 552; КНМ No. 197; Bolte-Polívka 3, 368 сл.; Савченко 62.
95. Ср. No. 94. Савченко 62, 100.
96. Сказка, пропитанная былинными мотивами. Ср. Чубинскій II No. 80.
97. Bolte-Polívka 3, 438 къ No. 197.
98. Смирновъ 2, No. 5, 2б; Aarne No. 545; Bolte-Polívka 1, 333 къ No. 33a.
99. Смирновъ 2, No. 5, 2а, б; Bolte-Polívka 1, 333 къ No. 33a.
100b. Смирновъ 2, No. 4, 2; Савченко 100, 102; Aarne No. 675; Bolte-Polívka 1, 488 къ No. 54a.
101. Basile, Pentamerone 1, 3; Смирновъ 2 No. 4, 3; ЖСт 12, 469 No. 10; Aarne No. 675; Bolte-Polívka 1, 488 къ No. 54a.
102. Смирновъ 2 No. 8, 1; Aarne No. 550; КНМ No. 57; Ончуковъ No. 88.
103. Смирновъ 2 No. 7, 13; Aarne No. 531; КНМ No. 126.
104. Aarne No. 551; КНМ No. 97.
105. Смирновъ 2 No. 7, 1; Савченко 102; ср. Bolte-Polívka 3, 112 пр. 1; Aarne No. 530.
106. Смирновъ 2 No. 7, 2; Bolte-Polívka 3, 112 пр. 1.
107. Смирновъ 2 No. 7, 7a; Bolte-Polívka 3, 36 къ No. 126; 2, 333 къ No. 92; Aarne No. 328.
108. 109. Aarne No. 563; КНМ No. 36; Ончуковъ No. 16.
110. = Аѳанасьевъ, Легенды No. 33; Bolte-Polívka 1, 258 къ No. 27. Чудесная мельница: Bolte-Polívka 2, 439 къ No. 103. — Ср. еще сказку No. 5.
111. Aarne No. 561; Bolte-Polívka 2, 549 къ No. 116.
112. Aarne No. 560; его же Vgl. Mf. 1—82; Bolte-Polívka 2, 457 къ No. 104a.
113. Смирновъ 2 No. 3,3; Aarne No. 566; его же Vgl. Mf. 83—142; Bolte-Polívka 1, 480 къ No. 54.
114a, b. Смирновъ 2 No. 3, 2; Bolte-Polívka 1, 543 къ No. 60; Aarne, Vgl. Mf. 143—200.
115. Смирновъ 2, No. 3, 3б; Aarne No. 566, 567; его же Vgl. Mf. 87, 147, 150; КНМ No. 122; Bolte-Polívka 2, 333 къ No. 92.
116a, b. Ср. No. 76. — a: Aarne No. 851; КНМ No. 22. b: конецъ ср. Aarne No. 592; КНМ No. 110. Безногой человѣкъ: Bolte-Polívka 1, 311 къ No. 31.
117. Смирновъ 2 No. 9, 3a; Bolte-Polívka 2, 144 къ No. 79.

118. Смирновъ 2 No. 9, 3б; Bolte-Polívka 3, 2 пр. 1 къ No. 121; Aarne No. 315.
119. Смирновъ 2 No. 9, 1а; Bolte-Polívka 1, 553 къ No. 60; Aarne No. 315.
120. Aarne No. 475; KHM No. 100.
121. Aarne No. 709; KHM No. 53.
122. Aarne No. 569; KHM No. 54; Ончуковъ No. 116.
123. Смирновъ 2 No. 6, 6а; Aarne No. 465, 1651; Bolte-Polívka 2, 75 къ No. 70; Ончуковъ No. 116.
124b. Смирновъ 2 No. 6, 6б; Aarne No. 1650; KHM No. 70.
125. Aarne No. 313c; KHM No. 71, 113; см. тоже Bolte-Polívka 2, 329 сл.
126. Bolte-Polívka 2, 28 къ No. 62.
127. Интересный варіантъ къ сказкѣ братьевъ Гриммовъ, KHM No. 93.
128. KHM No. 93.
129. Aarne No. 432; KHM No. 88.
130. Aarne No. 400; KHM No. 191, 193; Ончуковъ No. 2.
131. Aarne No.850; KHM No. 114; Драгомановъ 2, 132 пр. 2.
132. Aarne No. 851; KHM No. 22.
133. 134. Bolte-Polívka 1, 324 къ No. 33; Aarne No. 725, 671.
135. Ончуковъ No. 35.
136. Ср. Kretschmer No. 61 = Hahn, Griechische und albanesische Märchen No. 15, Leipzig 1864.
137. Aarne No. 780; KHM No. 28.
138. Aarne No. 671; KHM No. 33.
139. Aarne No. 670; онъ же FFC 15 «Der tiersprachenkundige Mann», Hamina 1914; Bolte-Polívka 1, 132 пр. 1 къ No. 17.
140. Смирновъ 2 No. 6, 4г; Aarne No. 325; KHM No. 68.
141. Ср. «Тысяча и одна ночь», исторія Сиди-Нуумана (изданіе Insel-Verlag 11, 245—258).
142. Aarne No. 571; KHM No. 64; Савченко 102.
143. KHM No. 76.
144. Aarne FFC 25 No. 831 (эстонскіе варіанты).
145. Ончуковъ No. 156; AfslPh 33, 599.
146. Aarne No. 450; KHM No. 11.
147. Aarne No. 403a; KHM No. 135.
148. Aarne No. 403b и 450; KHM No. 13.
149. Ср. No. 147. KHM No. 88 (Bolte-Polívka 2, 270).
150. Aarne No. 402; KHM No. 63.
151. Ср. прим. къ No. 152.
152. Aarne No. 400; KHM No. 92, 93.
153. Bolte-Polívka 2, 331 къ No. 92.
154. Ср. KHM No. 154.

155. Bolte-Polívka 2, 245 къ No. 88.
156. Bolte-Polívka 2, 239 къ No. 88.
157. Aarne No. 361; KHM No. 101.
158. Aarne No. 706; KHM No. 31.
159. 160. Aarne No. 707; KHM No. 96. Ср. еще Bolte-Polívka 1,488 сл. къ No. 54a.
161a, b. Aarne No. 510B; KHM No. 65.
162. 163. Aarne No. 510; KHM No. 21.
164. Aarne No. 510B; KHM No. 65, 21.
165. Aarne No. 314, 502; KHM No. 136.
166. Aarne No. 571; KHM No. 64.
167. Aarne No. 306; KHM No. 133.
168. Aarne No. 700; KHM No. 45.
169. KHM 41.
170. Смирновъ 2 No. 5, 3a; Aarne No. 1137; Bolte-Polívka 3, 378 къ No. 191a.
171. 172. Сонни, Горе и доля въ народной сказкѣ (Eranos. Сборникъ статей въ честь Дашкевича, Кіевъ 1906); Bolte-Polívka 2, 420 сл. къ No. 99.
173. Савченко 237, 458, 471; Aarne No. 461; онъ же въ FFC 23, Hamina 1916; KHM No. 29. Краковскій въ Сборникѣ въ честь Потанина стр. 1—12, С.-Петербургъ 1909.
174. 175. Ср. былины объ Ильѣ Муромцѣ.
176. 177. Ср. соотвѣтствующія былины.
178. 179. Ср. No. 125; Ончуковъ No. 116; Aarne No. 882.
180. Въ нѣкоторыхъ чертахъ сказка сходна съ текстомъ подъ No. 133. Кластъ примѣты, чтобъ узнать виновника: Bolte-Polívka 3, 145 прим. (къ No. 143); 3, 396 прим. 2 (къ No. 192). ЭтнОб. 22, 3—4, 161—166 (1910 г.) герой здѣсь Соломонъ.
181. KHM No. 67; Владиміровъ. Введеніе въ исторію русской словесности 230, Кіевъ 1896.
182. Ср. Пыпинъ I, 202, 217; С. Шамбинаго, Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ. Спб. 1906.
183. Ср. Пыпинъ I, 489 сл. 530.
184. Ср. ЖСт 1, 3, 183—185 (1891), библіографія, составленная С. Ольденбургомъ; Пыпинъ II, 489 сл.; Köhler 1, 578; ZVfVK 2, 299; v. Löwis, RVM No. 54.
185a, b. Aarne No. 851; KHM No. 22.
186b. Савченко 59 сл. (варіантъ XVII вѣка); Aarne No. 1960; Bolte-Polívka 3, 190 къ No. 146.
187. 188b. Aarne No. 875; KHM No. 94.
189. Ср. анекдоты подъ No. 249.
190. 191. Aarne No. 875, 922; KHM No. 94, 152: Савченко 60 (варіантъ XVII вѣка).

192. Принадлежитъ къ такъ-наз. «Ruodlieb»-сказкамъ; Aarne No. 910B; ZVfVK 6, 169; Köhler 2, 167, 285, 404; Добровольскій I, 533 No. 21, 540 No. 22; Ончуковъ No. 12, 155; Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъV, I, 3, 77; Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа IX, 2, 171 и 207; XVIII, 3, 104; Диваевъ въ ЭтнОб XV (1903), 1, 98.
193. Aarne No. 887.
194. Ср. Aarne No. 882, 883; Bolte-Polívka 3, 92 пр. 1.
195. Bolte-Polívka 3, 529.
196. Душа убитаго человѣка въ образѣ птицы: ср. KHM No. 47; Aarne No. 720. Преступная любовь отца: ср. выше No. 65; Aarne No. 510B.
197. Aarne No. 952; KHM No. 199.
198. Принадлежитъ къ кругу сказокъ Aarne No. 950—974.
199. 200. Aarne No. 955; KHM No. 40.
201. Aarne FFC 25 No. 954; Bolte-Polívka 3, 142 къ No. 142.
202. Тысяча и одна ночь, исторія Кваджа Гасанъ Алгаббала (11, 261—289, изд. Insel-Verlag).
203. Финскій варіантъ изъ Ингерманландіи въ архивѣ финскаго литературнаго общества въ Гельзингфорсѣ, собраніе Viktori Alava 1891 No. 942 = v. Löwis FEVM No. 16; Bolte-Polívka 2, 218 къ No. 87.
204. Aarne No. 326; KHM No. 4.
205a, b, f, g. Bolte-Polívka 3, 482 пр. 1.
205h: Къ мотиву «сто лѣтъ проходятъ какъ минута» см. Huber, Die Wunderlegende von den Siebenschläfern, Leipzig 1910 и рецензія Bolte въ ZVfVK 27, 175; Köhler 2, 239; Bolte-Polívka 3, 460 къ No. 202.
206. Ср. Aarne No. 710; KHM No. 3; Bolte-Polívka 2, 126 къ No. 76.
207. Aarne No. 307; Bolte-Polívka 3 къ No. 217, 219.
208a. О вѣдьмахъ ср. Максимовичъ 133—146; Ю. Поливка въ примѣч. къ Kubín II, 226 No. 69.
208b. Aarne No. 307; Bolte-Polívka 3, 536 къ No. 219.
208e. Federowski 2, 1, 143.
210. Построеніе моста: ср. выше No. 143.
212. Ср. Максимовъ 24 о соблазненіи женщинъ нечистымъ.
213. О лѣшихъ см. Максимовъ 68—77.
214a, b. Bolte-Polívka 3, 204 къ No. 149; Садовниковъ No. 25.
215. Ср. Максимовъ 117, 124.
216b, 217. Aarne No. 1641; KHM No. 98; Савченко 450.
218. Начало: ср. Aarne FFC 20, Hamina 1915.
219. Aarne No. 1525a; KHM No. 192.

220. Ср. No. 227; Aarne No. 1540; его же FFC 22; KHM No. 114, 34.
221. Сходная игра словъ см. выше No. 161b.
222. Сумцовъ 48 сл.; Böhm No. 40; ср. еще Köhler 3, 164; Frobenius, Der schwarze Dekameron 342, Berlin (1910). Aarne No. 1537; Kubín II, 247 No. 80.
223. Aarne No. 1535, 1539; KHM No. 61. Ср. Bolte-Polívka 1, 320 къ No. 32.
224. Bolte-Polívka 1, 525 къ No. 59; 2, 14 къ No. 61.
225. Смирновъ 2 No. 5, 3б; Aarne No. 1600, 1642, 1381; Курскій сборникъ 4, 93; Bolte-Polívka 1,60 къ No. 7.
226b. Aarne No. 1696; KHM No. 143.
227. Aarne No. 1450, 1384, 1210; KHM No. 34.
228. KHM No. 83.
229a, b. Ровинскій 1, 436.
230a, b. Aarne FFC 25 No. 2014 (эстонскіе варіанты); Stroebe 2 No. 52 (изъ Норвегіи).
231. Aarne No. 852; KHM No. 112; ZVfVK 28, 131.
232. Aarne No. 1930. Къ характерному заключенію, изъ котораго явствуетъ участіе скомороховъ въ сказываніи сказокъ, ср. Савченко 26.
234, 235. Aarne No. 1640; KHM No. 20.
236. Aarne No. 1164; Ончуковъ No. 95; Chauvin, Bibl. arabe VIII, 152 No. 154.
237a, c. Aarne No. 1365; J. de Vitry, Exempla No. 122.
238b. Aarne No. 1381; KHM No. 59.
240. KHM No. 95.
241. Bolte-Polívka 3, 126 къ No. 139.
242. Ср. No. 223. 224; Aarne No. 1535, 1539; KHM No. 61.
243. Варіантъ въ Извѣст. Отд. р. яз. и слов. Имп. Акад. наукъ XVII, 2, 163 (1912); Bolte-Polívka 2, 210 къ No. 86.
244. KHM No. 78.
245. Финскій варіантъ изъ Ингерманландіи въ архивѣ финскаго литературнаго общества, собраніе Fr. A. Saxbäck 1859 No. I, 10=v. Löwis FEVM No. 2.
247. Aarne FFC 25, No. 1645; ZVfVK 20, 325.
248a, l, n, t. — a: Bolte-Polívka 1, 66 къ No. 7.
249. Ср. Сумцовъ, Разысканія; Clouston, The book of noodles, London 1888. — Къ No. r: Aarne No. 1539; Bolte-Polívka 2, 8 къ No. 61; Köhler 1, 249 сл. — Къ No. s:Aarne, FFC 25, 89 къ No. 1529; Bolte-Polívka 3, 9 къ No. 122. — Къ No. x: Decamerone 7, 9. — Къ No. aa: Юбилейный сборникъ въ честь Миллера 163—168 (Поливка), Москва 1900; ZVfVK 26, 8—18, 370; 27, 135—141; Aarne No. 1940. Ср. No. www. —

Къ No. ww: ср. выше No. 186; Aarne No. 1960D; Bolte-Polívka 3, 190. — Къ No. yy: Bolte-Polívka 2, 361 прим. къ No. 94. — Къ No. fff: Bolte-Polívka 2, 210 къ No. 86. — Къ No. hhh: см. выше No. 87. — Къ No. iii: Bolte-Polívka 3,265 къ No. 164. — Къ No. rrr: Aarne No. 1383; Bolte-Polívka 1, 340 сл. къ No. 34. — Къ No. sss: Aarne No. 901; Köhler 1, 17; 3, 40—44. — Къ No. www: ср. выше aa.

250. Bolte-Polívka 2, 210 къ No 86.

Замѣтка о сказкѣ «Еруланъ Лазаревичъ». Ср. Владиміровъ, Введеніе въ исторію русской словесности 152; Пыпинъ II, 491.

Легенды

Цифры и *латинскія буквы* соотвѣтствуютъ обозначенію легендъ въ Лондонскомъ изданіи (1859 г.) «Народныхъ русскихъ легендъ, собранныхъ Аѳанасьевымъ», при чемъ параллельныя легенды, взятыя изъ *примѣчаній* Аѳанасьева, въ настоящемъ изданіи обозначены *звѣздочкой*.

1. Aarne No. 752; онъ же въ FFC 25 къ No. 752 (эстонскіе варіанты); Finnisch-Ugrische Forschungen XIII, 1913, p. 38 (варіантъ, записанный Потаниномъ у вотяковъ).
2. Чудесная молотьба ср. Bolte-Polívka 2, 439 къ No. 103.
3a, b. Ср. прим. къ сказкѣ No. 205e. Finnisch-Ugrische Forschungen, XIII, 38. — Наказанія въ загробной жизни: Köhler, 1, 52.
4, 5. Aarne No. 785; Bolte-Polívka 2, 149—163 къ No. 81; Харузинъ 215 No. 52.
6, 7. Ср. Bolte-Polívka 2, 210—229 къ No. 87.
8. Bolte-Polívka 3, 541 къ No. 221; 3, 460 къ No. 202.
9. Св. Георгій въ народныхъ преданіяхъ: Рыстенко, Легенда о св. Георгіи и драконѣ въ византійской и славянорусской литературахъ. Зап. Имп. Новоросс. университета, т. 112, Одесса 1909. — Св. Георгій часто является покровителемъ волковъ, см. Рыстенко 306—309; Dähnhardt, III, 299 и друг.; ИРЛ II, 128.
10, 11. ИРЛ II, 124—127. Къ No. 10 ср. Харузинъ 218 No. 55; Polívka 181 сл.; Finnisch-Ugrische Forschungen, XIII, 39 (легенда вотяковъ).
12. Bolte-Polívka 1, 67 къ No. 7.
13. Св. Пятница въ великорусскихъ вѣрованіяхъ: Максимовъ 510—518; въ украинскихъ вѣрованіяхъ: см. Булашевъ, Украинскій народъ въ своихъ легендахъ и религіозныхъ воззрѣніяхъ и вѣрованіяхъ 274—287, Кіевъ 1909.
14. Ср. Dähnhardt I, Кар. 1, 2, 5, 13; ИРЛ II, 119 сл.
15. Aarne FFC.25, 51 No. 804 (эстонскіе варіанты). Легенды о Соломонѣ: ср. ИРЛ II, 113—119.

16a, b, c. Aarne No. 330; Bolte-Polívka 2, 183 къ No. 82; ZVfVK 24, 312.
17a, b. Aarne FFC 25, 56 No. 840 (эстонскіе варіанты).
18, 19. Ср. ниже No. 20c; Bolte-Polívka 2, 414 сл. къ No. 99.
20 b. «Передѣлываніе на молодыхъ» ср. ниже No. 31.
21c. Bolte-Polívka 2, 417 къ No. 99.
21. Подобныя поѣздки по воздуху встрѣчаются въ легендахъ часто; см. Günter, Die christliche Legende des Abendlandes 103 сл., Heidelberg 1910.
22. Ср. Bolte-Polívka 3, 303 сл. къ No. 178.
23. Легенда, быть можетъ, сложилась подъ вліяніемъ исторіи о Варлаамѣ и Іосафатѣ, ср. E. Kuhn, Barlaam u. Joasaph, Abhandl. d. bayer. Akad., 20, Bd. 1, 74; Gesta romanorum, cap. 109. (Литература о Варлаамѣ см. Пыпинъ I, 513, 534).
24. Köhler 2, 207, 250, 584.
25. Aarne FFC 25, 51 No. 808.
26. Aarne FFC 25, 50 No. 795; Kubin II, 185 No. 54.
27. Ср. Драгомановъ, Малорусскія народныя преданія и разсказы 50 No. 17.
28a, b. ИРЛ II, 123; Bolte-Polívka 3, 465 сл. къ No. 206.
29. Люди превращенные чортомъ въ лошади встрѣчаются и въ другихъ преданіяхъ: ср. Aarne FFC 25, 118 No. 25.
30. Крестный отецъ, запрещеніе входить въ комнату: ср. Bolte-Polívka 1, 14 къ No. 3. Къ второй половинѣ легенды ср. сказки No. 67—69, 165.
30*. Ср. Bolte-Polívka 1, 342—346 къ No. 35.
31. КНМ No. 147; Dähnhardt, 2, 154 сл., 159 вар. с.
32. Волкъ и кобыла: Aarne No. 122; Dähnhardt 4, 238; Волкъ и баранъ: Aarne No. 122; Dähnhardt 4, 257; — Волкъ и портной: Dähnhardt 3, 43, 305, 495; Bolte-Polívka 2, 530 прим., 3 (къ No. 114).
33. Повтореніе этой легенды въ сказкахъ подъ No. 110.

Оглавленіе

СКАЗКИ

131. Гусли-самогуды 7
132. Царевна разрѣшающая загадки 9
133. Вѣщій сонъ 11
134. Вѣщій сонъ 20
135. Соль 24
136. Золотая гора 28
137. Чудесная дудка (a) 32
138. Птичій языкъ 34
139. Охотникъ и его жена 37
140. Хитрая наука (a) 39
141. Диво (a) 44
142. Диво-дивное, чудо-чудное 48
143. Счастливое дитя 50
144. Кладъ 53
145. Скорый гонецъ 56
146. Сестрица Аленушка, братецъ Иванушка (a) 63
147. Царевна-сѣра утица 67
148. Бѣлая уточка 70
149. Арысь-поле 74
150. Царевна-лягушка (a) 75
151. Царевна-змѣя 79
152. Заколдованная королевна (a) 83
153. Окаменѣлое царство (a) 94
154. Береза и три сокола 97
155. Заклятой царевичъ 99
156. Сопливый козелъ 101
157. Неумойка 104
158. Косоручка (a) 107
159. Но колѣна ноги въ золотѣ, по локоть въ серебрѣ (a) . 113
160. Поющее дерево и птица-говорунья (a) 117
161. Свиной чехолъ (a, b) 121
162. Золотой башмачокъ 128
163. Черпушка 130
164. Царевна въ подземномъ царствѣ 132
165. Незнайко (a) 134
166. Несмѣяна-царевна 142

167. Ночныя пляски 145
168. Мальчикъ-съ-пальчикъ 147
169. Верліока 150
170. Лихо одноглазое 155
171. Горе 157
172. Двѣ доли 162
173. Марко Богатый и Василій Безсчастный (a). 164
174. Исторія о славномъ и храбромъ богатырѣ Ильѣ-Муромцѣ и о Соловьѣ-разбойникѣ (a) 172
175. Илья-Муромецъ и змѣй 178
176. Василій Буславичъ 185
177. Алеша-Поповичъ 186
178. Данило Безсчастный. 190
179. Василій-царевичъ и Елена Прекрасная 196
180. Балдакъ Борисьевичъ 202
181. Василиса-поповна 210
182. Про Мамая-безбожнаго 213
183. Сказаніе объ Александрѣ Македонскомъ 224
184. Шемякинъ судъ (a) 225
185. Загадки (a, b) 227
186. Горшеня (b) 230
187. Мудрые отвѣты 233
188. Мудрая дѣва (b) 234
189. Поповъ работникъ 237
190. Царевичъ-найденышъ 238
191. Сосватанныя дѣти 239
192. Доброе слово (a). 242
193. Дочь пастуха. 244
194. Оклеветанная купеческая дочь (a) 247
195. Царица-гусляръ 251
196. Отецъ и дочь 253
197. Солдатъ и царь въ лѣсу. 255
198. Солдатъ и разбойникъ 260
199. Разбойники 261
200. Королевна и разбойники 266
201. Мудрая дѣвица и семь разбойниковъ. 269
202. Счастье и Несчастье. 277
203. Убогій 279
204. Безстрашный (a) 281
205. Разсказы о мертвецахъ (a, b, f, g, h) 284
206. Упырь 291
207. Иванъ-купеческій сынъ отчитываетъ царевну 296
208. Разсказы о вѣдьмахъ (a, b, e) 300
209. Смерть скупого 304
210. Скрипачъ въ аду 305
211. Горшечникъ 307

212. Вдова и бѣсъ 309
213. Лѣшій 310
214. Морока (a, b) 311
215. Дока на доку 315
216. Ворожея (b) 317
217. Знахарь 318
218. Слѣпцы 320
219. Воръ (a) 323
220. Вороватый мужикъ 327
221. Солдатская загадка 330
222. Мертвое тѣло (a) 331
223. Шутъ (a) 333
224. Иванушко-дурачокъ (a) 338
225. Дуракъ и береза 341
226. Набитый дуракъ (b) 344
227. Лутопюшка (a) 346
228. Мѣна (a) 347
229. Сказка про братьевъ Ѳому и Ерему (a, b) 350
230. Хорошо да худо (a, b) 351
231. Не любо — не слушай (a) 353
232. Байка про старину стародавнюю 356
233. Удалой батракъ 358
234. Иванъ-дуракъ 359
235. Ѳома Беренниковъ (a) 363
236. Сказка о злой женѣ (a) 367
237. Жена-спорщица (a, c) 369
238. Жена-доказчица (b) 371
239. Головиха 372
240. Мужъ да жена 373
241. Вѣщій дубъ 375
242. Дорогая кожа 377
243. Какъ мужъ отучилъ жену отъ сказокъ 380
244. Лубокъ 381
245. Крестъ-порука 382
246. Объ отцѣ Николаѣ 384
247. Скряга 386
248. Разсказы объ инородцахъ (a, l, n, t, y, cc, ff) 387
249. Народные анекдоты (a—z, aa—zz, aaa—yyy) 396
250. Докучныя сказки (a—d) 438
251. Прибаутки (a—w) 438
Замѣтка о сказкѣ «Еруслань Лазаревичъ» 446

ЛЕГЕНДЫ

1. Чудесная молотьба 459
2. Чудо на мельницѣ 461
3. Бѣдная вдова (a, b) 461
4. Исцѣленіе 471

5. Попъ-завидущіе глаза 475
6. Превращеніе 479
7. Пиво и хлѣбъ 481
8. Христовъ братецъ (*и* b*, c*) 486
9. Егорій Храбрый (*и* b*) 491
10. Илья-пророкъ Никола 500
11. Касьянъ и Нпола 503
12. Золотое стремя 504
13. Пятница 507
14. О Ноѣ Праведномъ 508
15. Соломонъ Премудрый 514
16. Солдатъ и Смерть (a, b, c) 514
17. Видѣніе (a, b) 530
18. Потанька 533
19. Поѣздка въ Іерусалимъ 534
20. Пустынникъ и дьяволъ (a, b, c) 534
21. Пустынникъ 538
22. Повѣсть о бражникѣ 540
23. Царевичъ Евстафій 541
24. Повѣсть о царѣ Аггеѣ и како пострада гордостію . . . 543
24*. Гордый богачъ 546
25. Смерть праведнаго и грѣшнаго 550
26. Ангелъ 551
27. Кумова кровать 553
28. Грѣхъ и покаяніе (a, b) 554
29. Горькій пьяница 560
30. Крестный отецъ 562
30*. Повѣсть о сынѣ крестномъ, како Господь крестилъ младенца убогаго человѣка 567
31. Кузнецъ и чортъ 571
32. Волкъ 575
33. Пѣтухъ и жорновки 577

Примѣчанія 579

PG
3115
A37
1922
t.2

Afanas'ev, Aleksandr Nikolaevich
Narodnyîà russkiîà skazki i legendy

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY